СОЗИДАТЕЛИ

**Очерки о людях,
вписавших свое имя
в историю Новосибирска**

Том 1

Новосибирск
2003

ББК 63.3(2)
С–54

Эта книга рассказывает о судьбах людей разных поколений и разных профессий, которых объединяет чувство долга и деятельная любовь к Новосибирску.

Составитель **Александров Н.А.**

Редактор **Городецкий Е.А.**

Авторский коллектив: **Александров Н.А., Антонов А.Н., Афанасьева Т.Б., Буторина Е.Б., Верин А.А., Городецкий Е.А., Дегтярев В.Н., Ибрагимова З.М., Иванова Т.И., Конькова Т.В., Косарева И.З., Косенков А.Ф., Костина Е.В., Марсаков В.К., Нотман Р.К., Падерин Г.Н., Плитченко Е.А., Сасса Г.А., Семенова Л.А., Синиченко Н.А., Соковикова Н.В., Сурнин А.В., Тучина Л.В., Фоняков И.О., Цыплаков И.Ф., Щукин М.Н.**

Благодарим за содействие Областную научную библиотеку, Государственный архив Новосибирской области, Краеведческий музей, Музей Западно-Сибирской железной дороги, музеи на предприятиях, Некоммерческое партнерство «Сибирская Горница», а также соратников, друзей и родственников героев очерков, которые предоставили материалы из личных архивов.

Созидатели. Книга очерков.— Новосибирск: «Клуб меценатов». — 2003.— 512 стр.

ISBN 5—88742—054—5

© Гиберт К.К., 2003

К.К. Гиберт

СТО ДЕСЯТЬ ИМЕН

Возможно, этой книги не было бы, если б не Николай Павлович Литвинов...*

Переехав в связи с новым назначением в Новосибирск, я захотел побольше узнать о городе. Что до этого мне было известно? Полтора миллиона жителей. Академгородок, Оперный театр. Крупный транспортный узел. Некоронованная столица Сибири. Так бы, наверное, и пополнялись мои знания в основном сведениями статистичес-

* О Н.П. Литвинове рассказывается в очерке «Романтический прагматик» (стр. 267).

М.А. Тарковский

кого и справочного характера, если бы… Если бы не здания начала прошлого века, окружающие каждого, кто, как я, живет и работает в кварталах, которые принято называть «историческим центром» Новосибирска. Они словно бы подчеркивали, что я еще практически ничего не знаю о городе.

Несколько раз в день я проходил или проезжал мимо солидного, явно еще новониколаевской постройки здания, где расположена сегодня областная научная библиотека. Оно не походило ни на торговые ряды, ни на купеческий особняк. Кто его построил? И для чего?

Я задумался над этими вопросами и, как часто бывает в жизни, различные обстоятельства, на первый взгляд случайные, стали выстраиваться в цепочку…

Приехал навестить меня мой старый приятель по красноярской жизни Михаил Тарковский — охотник-промысловик, писатель, организатор музея истории традиционных промыслов Сибири, очень интересный человек. Он продолжатель знаменитого рода Тарковских. Тот, кто читал книги Тарковского-младшего, может оценить степень его таланта, как это сделал в свое время Виктор Петрович Астафьев, поддержавший молодого писателя.

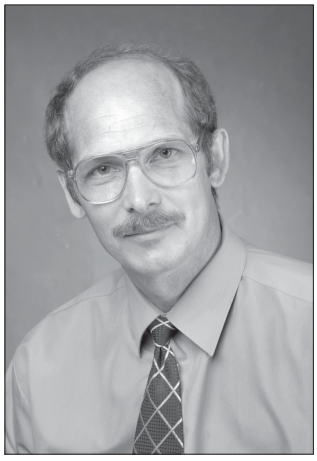
А приехал Михаил из Бахты — есть такой небольшой поселок на правом берегу Енисея в среднем его течении — и заглянул ко мне со своим другом, однокашником по Литературному институту, новосибирским писателем Николаем Александровым. После бурных воспоминаний о прошлой жизни в Красноярске, об азартной охоте на Сухой Бахте, разговор зашел о Новосибирске. Вот тут-то я и услышал целую историю, связанную с домом на улице Советской, где теперь областная библиотека. Николай Александров — неравнодушный к истории родного края человек и умелый рассказчик — поведал нам об истории постройки здания областной библиотеки, первоначальном его предназначении и, главное, о неординарной личности и судьбе Николая Павловича Литвинова.

В яркой биографии этого человека мне особенно запомнилось то, что именно он начал создавать летопись города еще в 1904 году. В 1913-ом, когда исполнялось всего лишь 20 лет с момента основания поселка и 10 лет Ново-Николаевску как городу, Литвинов издал фотоальбом с подробной исторической справкой. Уже одним этим поступком он оставил память о себе, хотя его цель была иной — увековечить облик молодого города. А сколько было их, людей разных профессий, которые просто честно трудились в меру отпущенных им сил и таланта — и в результате стали неотделимы от Новосибирска, вошли в его историческую ткань.

И я попросил подобрать для меня несколько книг об истории Новосибирска — хотелось узнать побольше о городе, куда приехал жить и где уже родилась моя дочь. Но все принесенные книги не устроили меня. Нет, они не были плохими, но в них мало рассказывалось о людях, создававших этот город в те, еще новониколаевские времена; советский период был представлен полнее, но и тут угадывалась какая-то недосказанность. Что же касается тех, кого можно назвать нашими современниками, то о них пока просто ничего не написано (если не считать, конечно, материалов справочно-рекламного характера).

В результате этих размышлений мне ясно представилась книга, которую я хотел бы прочитать. Конечно, понимал я, эта книга еще не написана, хотя и существует частично на страницах других книг, журналов, в архивных «делах», в экспонатах краеведческого музея, государственных и ведомственных музеев и музейчиков, в рабочих сценариях кинодокументалистов, наконец, просто в устных воспоминаниях новосибирцев «со стажем», которые, пока не поздно, следовало бы записать.

Таким образом и родилась идея создания очерковой книги, рассказывающей о городе через судьбы его созидателей и радетелей. Не претендуя на художественность, всеохватность и научность, повествуя о самых разных людях, можно тем не менее воссоздать емкий и многогранный образ, который способен запечатлеться в памяти лучше любой статистики.

Н.А. Александров

Привлечь к этому труду следовало новосибирских историков, писателей, журналистов, искусствоведов, но прежде должна была быть создана структура, способная принять на себя всю организационную нагрузку. Форма клуба-объединения, открытого для каждого, кто сходно с нами понимает его цели, наиболее соответствовала поставленной задаче. А то, что созданное нами «неформальное объединение меценатов-патриотов Сибири» возглавил я, говорит не о стремлении вышеназванного и нижеподписавшегося К.К. Гиберта растиражировать свою фамилию — для этого можно было найти много способов пошумней, — а лишь о том, что он первым отважился на финансирование этого проекта и обязался довести его до завершения. Организационные труды взял на себя опытный и энергичный Николай Александров, и скоро в его команде работало более сорока авторов.

Общим местом стало утверждение, что «культуре надо помогать». Но ведь культура — не старушка немощная, которой полный сил молодец «по идее» должен помочь перейти через улицу, если не очень спешит. Культура — это скорее пейзаж за окном, окружающая природа, за оскудеванием которой можно наблюдать равнодушным взглядом, но можно и задаться вопросом: хватит ли «кислорода» тебе и твоим детям. Исходя из этого и должны строиться отношения между деловыми людьми и работниками культуры — сферы не только не прибыльной, но даже не самоокупаемой. Они взаимно нужны друг другу, но это не значит, что между ними возможен своеобразный товарообмен: если бизнесмен рассчитывает на рекламный «выхлоп» или рост собственного политического капитала, то это мало что реально сулит культуре, хотя, наверное, и помогает поднять благосостояние отдельных ее деятелей. Настоящая поддержка культуры сравнима с посадкой деревьев, которые послужат, быть может, лишь следующему за нами поколению, — деревьев, а не редиски.

Книги по истории родного края всегда востребованы, не говоря уже о том, что они адресованы не только настоящему, но и будущему читателю. Однако понятно и то, что коммерческой пер-

спективы у таких книг в наше время нет никакой. Вот здесь и должен сказать свое слово меценат.

Мы не знаем, какова была деловая сторона вопроса в случае с новониколаевским альбомом Николая Павловича Литвинова, окупил ли он затраченные средства, но мы понимаем, что в любом случае этот человек пекся не о собственной выгоде, и мы должны продолжить начатое им.

Таков был для нас, задумавших эту книгу, первый, отправной посыл. Второй принцип, положенный в основу работы над нею, — интересен и значителен прежде всего человек-созидатель, независимо от того, строил ли он городские кварталы, писал картины или «просто» руководил предприятием, положение дел на котором определяло жизнь целых микрорайонов. В любые времена, при любой власти были люди, которые отдавали городу, его жителям больше, чем брали от него; вот они-то и есть — Новосибирск.

Сто десять человек — цифра, понятно, достаточно случайная, просто надо было остановиться на каком-то числе героев очерков, и мы выбрали то, которое «рифмуется» с юбилеем города. Полагаю, что замечательных людей в истории Новосибирска было значительно больше. В связи с этим хотелось бы попросить, чтоб наши сто десять имен не воспринимались как наградной лист или «рейтинг». Наверное, кто-то остался вне рамок нашего внимания, хотя того не заслуживает. Но это легко исправить. Мы будем рады, если наша книга подтолкнет кого-то к созданию аналогичного издания, если новые очерки о наших земляках появятся в средствах массовой информации, если люди начнут записывать свои воспоминания.

В добрый путь, читатель, книга перед тобой и уже открыта.

К.К. ГИБЕРТ

Али

На Вокзальной магистрали Новосибирска, на углу дома рядом с «Сибгипротрансом», установлена мемориальная доска с барельефом. На ней скромная надпись:

В этом доме с 1959 по 1992 годы
жил инженер-строитель
Лауреат Государственной премии СССР
Али Халилович Алиджанов

Просто — инженер-строитель. Но масштаб этой личности таков, что к очерку просился иной заголовок. Что-то вроде: «Горный орел» или «Русская душа»... И тот, и другой был бы в точку. Но такая выспренность не соответствовала бы характеру героя. Да и обобщенный образ тут не уместен. Потому что Али Халилович Алиджанов был личностью уникальной.

...Он был чемпионом Москвы в беге на 400 метров. Он вообще любил трудные дистанции и был настоящим спортивным бойцом. Он

ориентировался на цель, не сомневаясь в ее достижимости. Для него не существовало неразрешимых задач, были те, которые или не ставились, или — еще не дождались своего решения. И тогда Алиджанов увлекал единомышленников, и они настраивались на режим поиска.

Где бы ни работал Али, он умел, со своей кавказской напористостью, поддерживать огонь в горниле коллективной творческой мысли. Но не подставлял грудь под медали. Он вообще не признавал в работе личных местоимений. Он говорил — «мы». Думаем. Решили. Сделали... Случайно ли, что его любимым «жанром» в легкой атлетике была эстафета.

В последний раз он весело бежал по Садовому кольцу накануне государственных экзаменов в Московском институте инженеров транспорта в 1955 году. В день Победы, в честь великого праздника всего народа и, в частности, его семьи.

Это была традиционная для того времени интернациональная семья. Мама Вера — русских кровей, и вместе с бабушкой они немало потрудились над русской душой юного черноглазого создания отточенной красоты, в каждом движении которого угадывался лезгин. Тонкий, быстрый, с необычайно легкой и пружинистой походкой, он был горяч, как молодой конь, но сдержан. Азартен, но реалистичен. Он был не только «породист», но и прекрасно воспитан.

Впрочем, воспитание лишь отшлифовало задатки, определило кругозор, придало блеск изначально добротному «материалу». Не случайно Али чуть ли ни с пеленок считался лидером среди сверстников, комсомольским вожаком в студенческой среде, мастером на выдумку, заводилой и запевалой, непревзойденным тамадой, который умел в застолье заметить каждого и использовать момент, чтобы остроумно и ярко подчеркнуть достоинства того или иного. Так что даже на юбилеях обходились без «культа личности», и юбиляры легко и щедро делили торжество со всеми присутствовавшими. Но главное — он умел быть другом и не умел заводить недругов.

Диплом инженера-изыскателя, проектировщика железных дорог, искрометный темперамент, умение взять правильный старт, рассчитать силы, чтобы коснуться финишной ленточки и... не по возрасту зрелое чувство ответственности — вот тот багаж, с которым прибыл по добровольному распределению в наш город Али Халилович Алиджанов в составе четверки таких же романтиков.

В Москве они сели в поезд однокашниками-попутчиками, а стали друзьями навек. Саша Гавриленков был из Подмосковья, Эдик Приц, ныне — генеральный директор «Сибгипротранса», навсегда покинул родную Белоруссию, Витя Николаев подался за Урал из воронежского Черноземья.

В средине шестидесятых страна бурно набирала темпы развития. Сибирь, как и теперь, являлась донором всей экономики страны, ее топливным «реактором» и кладовой сырья, и вообще территорией надежд на прекрасное будущее. Но эти сокровища природа спрятала за семью замками, в непроходимых дебрях. А ведь «за морем телушка — полушка, да рубль — перевоз». Особенно по воде и воздуху. А старый Транссиб практически уже исчерпал свой потенциал...

И вот, в середине шестидесятых, был спущен долгосрочный госзаказ на создание разветвленной трансспортной инфраструктуры для ускоренного освоения сырьевых ресурсов Сибири.

Проектированием железных дорог в стране в то время занимались, в основном, проектно-изыскательские институты. Одним из ведущих считался новосибирский «Сибгипротранс». Огромный коллектив тысячи в полторы «штыков», перед которым стояла стратегическая задача — спроектировать для страны целую сеть стальных артерий на Алтае, в Кузбассе, в Красноярском крае.

Как же обрадовался начальник отдела изысканий и проектирования Павел Иванович Джорбенадзе, тоже выпускник МИИТа, но еще довоенной поры, когда 23 августа 1955 года в кабинете появились с направлениями на работу сразу четверо молодых специалистов. Это были первые в истории института «москвичи». Их ждали, заблаговременно сняли комнатку недалеко, на Омской, хозяйку настроили на гостеприимный лад...

— Добро пожаловать... — Джорбенадзе так и искрился каким-то родственным радушием, словно готов был каждого заключить в объятия. Но быстро перешел на деловой тон:

— Какие планы?

Али высказал согласованное намерение: Сибирь, изыскания.

— Хотим все вчетвером в одну партию...

— Так не пойдет. Нам нужны специалисты в каждую партию. Я на вас давить не буду — пока вы для меня все одинаковы, — но через десять минут вы должны мне сказать, кто поедет первым. Срочно, сегодня же вечером. Под Красноярск. (В то время как раз начались изыскательские работы для проектирования Красноярской ГЭС).

Коль так, любой готов был снова паковать чемоданы, но решили почестному. Вышли в коридор, написали четыре бумажки. Эдик снял свою шляпу. Ему и выпало снова собираться в дорогу.

В разное время и по разным маршрутам отправились и сотоварищи. Только изредка собирал их вместе общий «дом» — комнатенка на Омской. Это была семья, здесь готовили пельмени к приезду кого-то из друзей. И это был праздник. Али всю процедуру подготовки к встрече «запротоколировал» в юмористических рисунках. Вот это — Эдик, крутит мясорубку, а это Витя своими тонкими пальцами защипывает пельмени. А это Саня с засученными рукавами раскатывает тесто... Картинки Али словно излучали то тепло, которого так не хватало в бесконечных командировках.

Первым женился Али — на обаятельной Лидочке из архитектурно-строительного отдела. Потом привез Эллу, свою студенческую любовь, Николаев... Но пока там, на Омской, задержался хотя бы последний холостяк, все так же там обмывали командировки, встречали с полей горячими пельменями, обсуждали идеи новых инженерных решений.

Вскоре вместо одного общего дома стало целых четыре. Сдружились жены, сформировался образ жизни. Али был очень музыкален, а скоро и вся

четверка, помноженная на два, стала завсегдатаем консерватории и филармонии. Жены приобрели абонементы. Али боготворил маэстро Каца и гордился дружбой с ним. Он знал поэзию, читал все новинки сибирских литераторов и был заядлым театралом. И с тех пор как вошел в тесный круг сдружившихся театральных семей — Киры Орловой с Игорем Пощовым и Анны Яковлевны Покидченко с Семеном Семеновичем Иониди — не было, пожалуй, ни одной премьеры, на которой Али Халилович не поздравил бы творческий коллектив, не одарил актрис цветами...

Премьера спектакля «Гарольд и Мод» состоялась, кажется, за четыре дня до кончины Алиджанова. Героиню играла Анна Яковлевна Покидченко. Накануне ей позвонила жена Али Халиловича. Передала его приглашение зайти.

— *Али нас встретил улыбкой,* — вспоминает Анна Яковлевна. — *Он был в тренировочном костюме, тщательно выбрит, его прекрасные волосы блестели. Мы обнялись. Я поставила на столик тарелочку со слоеными пирожками. Али взглядом поблагодарил, расспросил про спектакль и реакцию публики. Он всех нас поздравил с премьерой и кивнул на огромный букет роз, стоящий перед ним на столике:*

— Эти розы для тебя, Аннушка....

Чувствовалось, что ему трудно говорить, но он шутил и улыбался:

— Как я люблю твои пирожки...

Мы поняли, что он прощается с нами.

С тех пор этот спектакль с неизменным успехом десятки раз шел на сцене и всякий раз, когда звучали прощальные аплодисменты, Покидченко с трудом сдерживала слезы. Перед глазами стояла та, последняя, улыбка Али Халиловича...

...Он был лучезарно светел и азартно увлечен всем процессом жизни. Работой. Самообразованием. Литературой, да и вообще всеми музами одновременно. В нем осязаемо шел процесс самореализации редкостного потенциала. Удивляло полное отсутствие даже намека на дилетантство. Много ли найдется вокруг нас таких универсальных «человеков», которые хотят участвовать во всем и только с отличным результатом?! Али Халилович всем и каждому из своих многочисленных «хобби» отдавался радостно и ответственно. За что бы он ни брался, не признавал откатов и пауз. Если уж отправлялся «в путь», то шел до конца. Даже когда казалось, что эту дорогу не одолеть.

— *Мне кажется, Алиджанов мог быть асом в любом деле. Он мог бы, к примеру, стать отличным руководителем любого театра. Или филармонии,* — пытается еще раз осмыслить личность незабвенного друга Виктор Алексеевич Николаев. — *Или возглавить спорт любого масштаба. А где вы видели, чтобы руководителями обществ книголюбов были не литераторы или журналисты, а городские «начальники»? Только в Новосибирске! Али еще в пору книжного голода пачками возил домой книги из командировок и в обществе книгочеев блистал знанием, вдумчивым, почти профессиональным, анализом новинок, имел свой взгляд на классику, ценил юмор и тонко чувствовал лирику.*

Кому-то он казался даже излишне «мягким» и «сентиментальным». Но только не в родном коллективе «Сибгипротранса», где его ценили за целеустремленность, жесткую напористость и высочайшую требовательность к уровню компетентности. Как своей, так и других.

...В биографии каждого человека есть первая зарубка, с которой начиналась персонификация личности. До этого ты — *был*, а отсюда — *стал*... Все то, что потом расскажут сотрудники об Али Халиловиче, отмечая его новаторский дух, постоянное накопление знаний, творческую дерзость, было обнаружено коллегами и товарищами в их первой большой самостоятельной работе.

В 1959 году молодому инженеру Алиджанову поручено руководство проектной группой на будущей трассе железной дороги Камень—Алтайская. Всего-то три человека, сам Али да два еще «необстрелянных» выпускника НИИЖТа, одним из которых был нынешний главный инженер института Виталий Дмитриевич Кононов. Вот что он рассказывает:

— О талантливом инженере мы уже были наслышаны и даже рады были походить в подмастерьях. Но первое же рабочее «совещание» нашей троицы было ошеломляющим. Можно было рассчитывать на что угодно, но не такое абсолютное доверие. Али Халилович поделил «нашу» двухсоткилометровую трассу пополам. Первую сотню километров закрепил за мной, вторую — за Анатолием Блохиным.

— Завтра — в путь! Знакомьтесь со строителями. Все вопросы решайте на месте. Чтобы ни одного звонка в Новосибирск не было! — Заметив наше удивление, разъяснил еще доступнее:

— В Барнауле вам тоже делать нечего. Ваше постоянное место работы и пребывания — на объекте. Вы должны знать, где что строится. В каком состоянии работы в каждый момент. И все оперативные вопросы решайте сами...

Такой самостоятельности нас в институте не учили, и, насколько было известно, обычно молодые специалисты начинают стажерами. А тут без «нянек»?

Но бывало, что Алиджанов брал на себя «родительские» заботы о молодых коллегах. В Барнауле им отвели комнатенку при тресте, домой они ездили лишь на выходные, а питались в соседней кафешке со стойками. Без горячего, так... перекус. Видно, Али заметил, что у парней животы подвело. И вот однажды он им пообещал сюрприз. Приходят на обед в «стоячку», а он им: «Пожалуйте за шторку...». А там, вместо опостылевшей стойки, гостеприимно накрытый стол, на котором парил, исходя ароматом, давно забытый домашний борщ.

Как удалось это устроить, ребята не спрашивали. Али был такой красавец, бездна обаяния... И кто мог ему отказать в пустяковом одолжении?

— Удивляла его тяга к самообразованию. Он изучил всю трестовскую, тем более — институтскую библиотеки. Мы тоже смотрели книги, которые интересовали его, чтобы выйти на его орбиту. У Алиджанова была своя манера общения с производственной литературой. Он не читал, не листал, он извле-

кал квинтэссенцию. На полях пестрели пометы его руки типа: «изучить»... «запросить из Новосибирска»... «обратиться к такому-то автору»... И если уж им овладевала какая-то идея, все прочее уходило на задний план, пока его не настигало озарение. Али с юности не признавал неразрешимых задач. «Если есть цель, должны существовать и средства ее достижения. Если есть задача, надо создать условия для ее решения».

Такую задачу с одними неизвестными он усмотрел уже тогда, на трассе Камень — Алтайская. Дорога должна была пройти по заболоченным участкам. Еще никто, нигде и никогда не сооружал железнодорожную насыпь по болотной жиже из местных грунтов. Не было не только необходимой нормативной базы, но и литературы на тему... Сыпать землю прямо в воду? Ясно, она тут же будет расползаться. А как?

— Ребята, давайте поизучаем этот вопрос, — однажды решительно предложил Али. «Ребята» только-только собрались за билетами, чтобы, как обычно, на выходные вырваться домой, а тут — стоп!

С тех пор были отменены выходные. В эти, предназначенные для семей, дни выезжали на линию Кулунда — Барнаул и снимали поперечные профили трассы. Вооружившись «мечтой геолога» — ручным буром, поочередно прощупывали насыпи, чтобы узнать, как на них ведут себя эти откосы, как расползаются... В архиве института есть снимок, где молодые проектировщики, больше похожие на рыбаков-подледников, зондируют грунты.

Результаты замеров записывались, анализировались и вносились в знаменитую тетрадку Алиджанова, больше похожую на амбарную книгу. Он всю жизнь вел деловые дневники, подробную летопись своего ДЕЛА с иллюстра-

На изысканиях

циями в виде цветных схемок и графиков. Будь то проектирование или, позже, — городское капитальное строительство. Эти записи отражали всю анатомию процесса, возникавшие проблемы, предлагаемые пути их решения с указанием ответственных, фамилий лиц, в компетенции которых «продвижение» тех или иных вопросов.

А проба собственных сил и способностей у Алиджанова состоялась в том 59-м, на алтайских плавунах. Впоследствии, когда Али Халилович уже был главным инженером проекта линии Тюмень — Сургут, результаты тех наблюдений пригодились. На новой трассе участки оказались еще более сложными, в смысле зыбкости почв, и Али использовал свой творческий «загашник».

— *Работа была захватывающей. Мы с Али просиживали в институте ночами,* — вспоминает Эдуард Антонович Приц. — *Хотя работа инженера-проектировщика лишена всякой романтики. Это ведь не изобретательство, а рутинный труд. Проект надо «высиживать», как наседка — цыплят. Считать, крутить... Искать нестандартные решения, так как в нестандартных обстоятельствах иных не могло быть.*

Специалисты знают, что земляное полотно — самое сложное инженерное сооружение. Потому что возводится из материалов, которые постоянно меняют свои физико-технические характеристики. Дождь пошел — все раскисло, высохло — иное состояние упругости, подморозило — полотно спрессовалось в камень. Словом, инженерные требования к грунтам, из которых насыпается земляное полотно, очень жесткие. Но на всем протяжении этой трассы необходимых грунтов не было. Их надо было завозить чуть ли не за тысячу километров, из-под Семипалатинска. Можно представить, каким «золотым» вышло бы такое полотно и как бы это отразилось на себестоимости грузоперевозок.

Институт взялся за поиск новаторского решения. Группа новосибирских инженеров, а также коллег из Москвы и Ленинграда в содружестве с геологами поставила перед собой дерзкую задачу по использованию местных грунтов. Для этого предстояло разработать совершенно новую конструкцию земляного полотна и технологию его возведения.

Следующий этап — серия динамических и статических испытаний, по результатам которых можно создавать нормативную базу.

Разработчиком этой базы и стал Али Халилович Алиджанов. Его заслугой коллеги считают не только этот новаторский документ, но и саму возможность реализации дерзкой затеи. Можно лишь предположить, чего стоило в то время «пробить» нестандартное решение и доказать на всех уровнях, что надо делать так и только так! И получить разрешение на экспериментальное строительство.

За разработку новых технологических решений группа соавторов, в том числе А. Алиджанов и А. Якубов, была удостоена Государственной премии СССР. А время и практика доказали эффективность нового инженерного решения.

В 1973 году Али Халилович назначен руководителем «Сибгипротранса». Семь лет он возглавлял этот прекрасный коллектив, и это счастливый пе-

риод в жизни и его, и коллег. То была пора бурного развития города: строилось жилье, промышленные предприятия, и существующая инфраструктура уже не могла их обслуживать. До 1973 года успели построить лишь водозаборные сооружения водопровода, но ни очистных, ни канализационных систем построено не было.

Проектирование этих и других сооружений, в частности, насосно-фильтровальных станций поручили «Сибгипротрансу». В то же время институту пришлось прийти на помощь «Новосибгражданпроекту» в проектировании ряда жилых комплексов. А еще продолжалась работа на БАМе, в Кузбассе. Осуществлялись другие транспортные проекты.

В коллективе царил дух творчества и дружбы. Али затеял проведение вечеров встреч с изыскателями, которые поздней осенью возвращались с полей в родные стены. В «конторе» их ждали, как родных. По отделам распределяли обязанности. Кто-то «достает» дефицитные продукты, кто-то готовит концерт, кто-то отвечает за стенгазету. Али Халилович с Виктором Николаевым, Юрием Глуховым и другими энтузиастами, как правило, готовили сценарий праздника. Один из них проходил на тему: «Если бы древние греки строили БАМ...»

Сейчас, вспоминая это, коллеги Алиджанова пеняют себе за то, что не все затеи «запротоколированы». Все было так искрометно, остроумно и адресно, что теперь составило бы яркую экспозицию для институтского музея.

В «греческом зале», то есть в красном уголке, обычно отмечались и дни рождения. Статус «именин» Али выходил за рамки: 13 августа нередко совпадало с Днем строителя (второе воскресенье августа) и Днем физкультурника. Алиджанов вполне вписывался в эти ипостаси, и какой это был повод для спичей и стихов! Виктор Николаев, по совместительству поэт, однажды разразился целой поэмой, в которой припомнил своему однокашнику-начальнику все, в том числе и чемпионские лавры.

Институт стал его вторым домом, из которого он, можно сказать, не уходил. Даже когда стал заместителем председателя горисполкома по капитальному строительству.

Его и потом так сильно тянуло «домой», что многие размышляли: почему же он ушел? По дороге в Дом Советов его всегда поджидал кто-то из сослуживцев, чтобы посоветоваться или — чего греха таить! — попросить содействия. Так сказать, по-родственному. Самой жгучей бытовой проблемой того времени была установка квартирного телефона. Али искал возможность сделать все, что «в пределах закона», а вот «по блату» и пальцем не шелохнул. Безукоризненная справедливость — первая отличительная черта этого человека.

И все же — почему он ушел от любимого дела на административное поприще?

А ушел он, похоже, потому, что на этом настаивали два очень уважаемых им человека: городской «голова» — Иван Павлович Севастьянов и его

А.Х. Алиджанов получает знак лауреата Государственной премии

заместитель Александр Павлович Филатов. Они не просто настаивали. Ведь было общеизвестно, что Али не признает вообще никаких «установок» и принимает решение только в том случае, если оно обосновано. Аргументов имелось предостаточно. Да и сам Али смутно чувствовал внутреннюю потребность в расширении масштабов своей деятельности. Это был крупномасштабный человек...

Кроме того Алиджанов умел любить. Друзей. Коллег. Земляков. И город, который стал ему родным. А любить для него значило — служить. Жить для... С поста директора проектного института он хорошо видел, что городу необходимо придать кругозор и направление развития. Нужно создать единый градостроительный комплекс, управляемый из одной точки. Городские чиновники безуспешно «воевали» с многочисленными подрядчиками, и строители умели выходить чистыми из воды, бессовестно затягивая сроки строительства и оставляя за собой «списки недоделок». Списки терялись, обязательства забывались, а недоделки оставались.

С приходом в горисполком Алиджанова схема взаимоотношений городского руководства, заказчиков, подрядчиков стала меняться на глазах. Изменился и стиль совещаний. Больше здесь не раздавали нагоняи, не искали виноватых. Анализировалось реальное положение дел для поиска оптимальных решений, «развязывающих» узлы на тех или иных строительных объектах.

Чтобы так руководить, надо самому детально разбираться в положении дел. И Али начинал день в своих экзотических галифе и высоких сапогах. Он ехал на объекты. На Кировскую котельную, например, или на отдаленный жилмассив. Он знал по именам-отчествам весь руководящий строительный персонал, вплоть до бригадиров. Знал, в каком состоянии бытовки и как кормят строителей. Знал, кто и где тащит или разбазаривает добро, кто дает «завиральные» обещания, а на кого можно положиться.

Поэтому совещались накоротке. Алиджанов не слушал демагогов. «Идите, подготовьтесь», — вежливо просил он. Но и сам тщательно готовился. Нередко звонил Эдуарду Антоновичу в институт: «Зайди, пожалуйста, посовету-

емся». Это если возникали какие-то вопросы по проектированию. У строителей в то время был отлаженный «ход»: «зашиваешься» на объекте — вали на проектировщиков. Плохо, мол, подготовлена проектно-сметная документация.

Городские начальники, как правило, не разбирались в таких тонкостях. И вместо того, чтобы разобраться и помочь, просто «закрывали вопрос». А дело как стояло, так и продолжало стоять.

Эту коварную практику Али Халилович низверг своей компетентностью. Они садились с Прицем и подробнейшим образом рассматривали те объекты, которые институт проектировал. С чертежами и схемами. Перед Алиджановым всегда лежала его тетрадка, куда он заносил необходимые расчеты, делал схемки, на полях завязывал для себя «узелки на память».

Потом, «на синклите», разговор уже был простой и конкретный. Там обсуждались лишь те вопросы, решение которых возможно именно на этом уровне. И строители скоро все поняли и оценили. Если ты заинтересован в деле, но тебе необходима поддержка — иди к Алиджанову. Если вздумал «крутить», лучше не попадайся ему на глаза. Но и не попадешься — не спрячешься. Он во всем разберется и заставит отвечать.

Ему удавалось состыковывать интересы города и строительного комплекса. При Алиджанове разработана и стала реализовываться большая программа культурно-спортивного строительства, началась реконструкция стадиона «Спартак». Он задумал и дал заказ на проектирование сказочного театра кукол, «пробил» реконструкцию театра оперы и балета. И МНТК «Хирургия глаза», и гостиница «Сибирь» — от выбора места, проектирования и до завершения строительства — все шло под его руководством и при непосредственном участии. Любимец города, цветомузыкальный фонтан, тоже обязан своим рождением Алиджанову. Вообще в городе так много «автографов» Али, что по ним можно бы составить туристский маршрут.

Его ценили и уважали все. Даже недруги, которые всегда находятся у принципиальных людей.

Алиджанова выбили из седла, можно сказать, на скаку. Шел 1991 год. Первая, организационная, сессия «демократически избранного» Совета превратилась в политический митинг. Клеймили «номенклатурщиков», зачитывали по бумажкам, кто сколько галстуков достал «по блату». Алиджанов не был замечен ни в «блатмейстерстве», ни в каких-либо иных номенклатурных прегрешениях, но и он сдал на вахту ключ от кабинета. Неожиданно оставшись без работы, Али не мог адаптироваться к состоянию невостребованности. Он «выпал» из жизни. Никуда не ходил, никому не звонил. Но институт вместе с ним переживал эту драму, и друзья не позволили потеряться такому человеку.

— Если бы это зависело от меня, — Эдуард Антонович, сменивший Алиджанова на посту директора института, едва уговорил друга встретиться и поговорить, — я бы сейчас собрал свой портфель и усадил тебя в твое же кресло. Но ты знаешь, что это не моя воля. Тебе надо искать новое дело...

— Какое? Идти в УКС «Сибакадемстроя», куда меня приглашают? В «Гражданпроект»? Не хочу. Я — инженер-транспортник.

Как-то Лида Алиджанова позвонила Галине, жене Прица. Спросила, где Эдик, и предложила, точнее, попросила махнуть к ним, на Береговую. Прямо сейчас.

Друзья долго ходили по лесу. Али хотелось снять с души какой-то груз.

— Понимаешь, я простил им всем. Так сложились обстоятельства...

— Я знаю твой принцип, Али. «Не суди, да не судим будешь». И думаю, ты прав. Так тебе будет легче.

Снова говорили о перспективах трудоустройства Али. Приц осторожно предложил поговорить с Константином Леонидовичем Комаровым, новым ректором НИИЖТа, с которым был на ту пору лишь «шапочно» знаком. Алиджанов оживился.

Эдуард Антонович поехал к Комарову. «Что я могу ему предложить?» — внимательно выслушав, спросил Константин Леонидович. «Да хоть должность профессора на кафедре проектирования». «Ладно, я подумаю. Пусть он мне позвонит дня через два...». «Он не позвонит!». «Хорошо, я позвоню сам».

Прошло два дня. Три, четыре... Звонка нет. К вечеру в трубке голос Алиджанова: «Эдька, срочно дай машину. Комаров позвонил...»

Оказалось, за эти четыре дня Константин Леонидович сделал почти невозможное. Он слетал в Москву, добился дополнительной ставки проректора («Не мог же я такому человеку предложить всего лишь профессорскую должность!») и даже согласовал кандидатуру.

Али оживился, с головой ушел в работу. Но друзья улавливали надлом. В августе девяносто первого Эдуард уговорил Али поехать с женами отдохнуть в подмосковный санаторий. Это была незабываемая поездка. Али вставал рано, делал зарядку, бегал. А потом тормошил честную компанию. Затевал туристские походы по округе, вылазки в театры. Казалось, он вновь полон сил.

Но это только казалось. Операция не дала результатов. Он угас за четыре месяца, так и не договорившись с болезнью.

Умер он в День победы, дождавшись последнего залпа салюта. Хоронили его «из дома» — из института; и когда Приц, Николаев вместе с Толоконским и Индинком выносили на плечах гроб с крыльца, они были потрясены. Вся Вокзальная магистраль была заполнена людьми. И такая стояла тишина...

Индинок на всем протяжении траурного пути плакал. Потом, над могилой, он нашел самые точные и искренние слова. Люди видели: это для него вторая, после гибели сына Алешки, непереносимая потеря. Если бы мы так ценили и любили живых...

Людмила СЕМЕНОВА

С энергией атома в душе

Зимой солнце порою так ослепительно ярко светит, до рези в глазах. Ветер уже не лижет лицо холодом, а как в хорошей парной — жжет, только с обратным знаком. Мощная машина рвет в клочья наст, разбивает в пыль снежную наледь бесконечного поля, ставшего на месте реки. Ослепительный фейерверк снежинок, разворот в вихре — и в оседающей алмазно-ледяной пыли улыбающееся лицо. Руки крепко сжимают руль. Еще разворот, на месте! Снова вихрь из-под гусениц. Вперед, перегнать ветер, перегнать своей волей саму стальную машину! Солнце так ослепительно ярко, так ярко! И в вихре виден только очерченный белый круг и белый свет. Белый снежный тихий свет…

Снова лед. Молодые ребята готовы к игре, крепко сжаты клюшки в руках. Но они серьезны, улыбается лишь один, на большой фотографии, так же, как тогда за рулем снегохода; смелое, открытое, честное лицо. Это хоккейный турнир памяти Александра Белосохова.

…Жизнь Александра Белосохова можно сравнить с траекторией звезды, которая прочертила свой сияющий, быстрый путь на сибирском небосклоне, оставив неповторимый и яркий след.

Александр Иванович Белосохов родился 21 августа 1955 года в Новосибирске, в семье рабочих. В 1979 году завершил учебу на машиностроительном факультете НЭТИ. С марта 1979 по октябрь 1988 года он прошел путь от рядового до главного инженера ПО НЗХК. С февраля 1992 по октябрь 1996 года А. И. Белосохов — Генеральный директор ПО НЗХК, а затем акционерного общества «Новосибирский завод химконцентратов». Тогда в сложное время благодаря ему расширился экспорт продукции завода в развитые капиталистические страны, и вскоре она получила международное признание на всех континентах.

Он с самых первых своих лет отличался целеустремленностью. В детстве увлекался многим: занимался спортом, ходил в кружок радиолюбителей, дома у каждого члена семьи имелись наушники и везде стояли разнообразные приемники и приемнички, собранные Сашей. С детства была в нем эта заметная на фотографиях аккуратность и подтянутость. Уже в школе пробовал реализовать себя как лидер — комсорг класса. У родителей на собраниях спрашивали: как вам удалось воспитать такого мальчика? Отец, Иван Ильич, в шутку отвечал: «Ну как… Если он что-то где-то напроказил — ремня дам и все». Но у Саши не было времени на шалости — он спешил узнать больше о мире, о людях, научиться всему, чему только возможно. Рисковым стал позже, когда занимался подводным плаванием, потом уже рассказывал близким, как от акул спасался…

В юношестве был Александр скромным, даже стеснительным. Со своей будущей женой Олей познакомился в институте. Цветы покупать и дарить стеснялся. Просил купить цветы маму, заворачивал в газету, так и дарил. Они поженились, когда Александру было 20 лет. Через год появилась на свет дочь Женечка.

На завод химконцентратов Александр пришел в 1979 году, продолжая семейную трудовую династию: отец его, Иван Ильич, работал слесарем, а мама, Лидия Ивановна, — в архиве завода. Первая должность Александра — технолог участка в цехе □ 8. Тогда на завод приходило много молодых специалистов, но Александр выгодно отличался от них своей дотошностью. Он вникал во все дела, проблемы и не боялся принимать решения. Вскоре он стал начальником участка, затем заместителем начальника цеха. Все отмечали его целеустремленность — он ставил себе задачу, решал ее и вновь ставил, уже более серьезную, — постоянно двигался дальше. При этом руководителем он был жестким, требовательным. Мог отчитать даже за минутное опоздание, не терпел работы «спустя рукава».

Будучи заместителем начальника цеха □8, Александр Иванович постоянно проявлял творческий подход к делу. Он был инициатором многих полез-

ных новшеств, которые поднимали производительность труда и улучшали микроклимат в коллективе… По его инициативе началось создание комплексных бригад. В бригаду входили не только узкие специалисты, а все, кто участвует в создании конечного изделия. Таким образом каждая бригада производила готовую продукцию — росла заинтересованность рабочих. Позже возникла идея, не без участия Белосохова, взять шефство над воспитанниками детского дома. Устраивали детям праздники, чаепития, покупали книжки — чтобы «заразить» ребят заводом, вызвать у них желание после обучения прийти сюда работать. После окончания школы из них набрали группу, обучили, и ребята пришли работать в цех.

Его талант организатора и общественника был замечен, и Белосохову предложили стать вторым секретарем парткома завода. Людям нравился энергичный второй секретарь, с ним легко было решать самые разные вопросы. Вскоре, однако, он попросил его освободить — «Не могу, когда не все от меня зависит, чтобы помочь людям» — и вернулся в «родной» цех. Именно при нем началось введение прогрессивных технологий — оснащение цеха специальным универсальным оборудованием, станками с программным управлением.

Александр Иванович был активным рационализатором и изобретателем: семь статей, два авторских свидетельства, девять заявок на изобретение, был соавтором в 65 научных отчетах на правах рукописи по результатам заводских опытно-конструкторских и научно-технических работ. В 1985 году награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР, в 1986 — удостоен ордена «Дружбы народов», в 1996 — ордена Почета.

Выдержка из решения технического совета АООТ НЗХК
от 25 января 1994 года:

… Большой личный вклад сделан при решении проблем конверсии и устойчивости работы предприятия в условиях переходного периода; только за последние годы в составе предприятия создан ряд новых технологий, предназначенных для выпуска гражданской продукции и товаров народного потребления.

По инициативе Белосохова А. И. получило развитие научно— техническое и целевое сотрудничество с зарубежными странами в области атомной энергетики, технологии ядерного топлива и редких металлов… Выдвинуть Белосохова А.И. кандидатом в члены-корреспонденты международной академии по специальности «Инженерные проблемы физико-химии.

В свободное время он любил активный отдых, был настоящим, преданным поклонником спорта: горные лыжи, настольный теннис, биатлон, подводное плавание. Его неуемной, воистину атомной энергии хватало на все. В нем постоянно шла сложная работа души, для многих он был источником развития их творческих начинаний, генератором идей, но его энергия находилась под жестким контролем самодисциплины, нравственности, чувства долга. Гореть душой, чтобы созидать — вот его девиз.

Белосохов принадлежал к поколению управленцев новой формации. И нет ничего удивительного в том, что молодой инженер так быстро поднимался по служебной лестнице и задолго до сорока стал у руля предприятия.

Традиции партийного руководства, под которым наша страна пребывала семь десятилетий, — не только номенклатурного, но и хозяйственного — сводятся к нескольким отличительным чертам: любая инициатива допустима только «сверху». Все действия на местах строго регламентированы вышестоящим начальством. Вполне очевидно, что при данной системе развитие производства в изменившихся к концу XX века экономических условиях было невозможно — это и привело к развалу огромного количества предприятий.

В первую очередь беда нависла над предприятиями «оборонки». Военное предназначение продукции определяло и военный режим работы с его четким функционированием звеньев: от поставщика сырья, комплектующих до заказчика. Уберите одно из звеньев — и вся цепочка неминуемо остановится. И это не одно или два предприятия, а по стране почти повсеместно! Именно здесь и проявился талант дальновидного и грамотного руководителя. Одним из первых среди управлявших предприятиями «оборонки» А. И. Белосохов произвел акционирование Новосибирского завода химконцентратов — с целью сделать его экономически независимым, дать ему возможность в интересах собственного развития и развития отрасли, а в конечном итоге и России, самостоятельно выходить на мировой рынок. Сделав таким образом более мобильным сам механизм принятия решений в отношении международного сотрудничества в области атомной энергетики. XX век явился колыбелью атомных технологий. Огромная энергия, сокрытая в радиоактивных веществах, стала основой для создания АЭС. По всему миру активно применяются атомные электростанции. А их работа базируется на действии атомного реактора. Завод химконцентратов освоил производство тепловыделяющих контуров, которые являются основой реактора. Эта продукция заинтересовала развивающиеся страны. Появились серьезные контракты, позволившие заводу встать на первое место среди подобных предприятий в мире. Но всему этому предшествовал тщательно и оперативно продуманный цикл действий профессионала-руководителя. Современная методика управления, которая была в основе деятельности А. И. Белосохова, представляет из себя цепочку, составленную из многих звеньев, где в первую очередь для нормального функционирования и развития предприятия важна личность менеджера — управляющего. Это руководитель-универсал, способный оценить экономическую обстановку на предприятии, создать план развития, понять, какими средствами данный план должен реализовываться, разработать систему контроля выполнения этого плана и осуществлять общее руководство. Именно интуицию руководителя и огромные профессиональные возможности органично сочетал в себе Белосохов.

За четыре года, самых, может быть, трудных в истории оборонного завода, тех четыре года, когда уникальные технологии, специалисты, трудовые

династии оказались неучтенными в новой жизни новой России — ему удалось многое. Он боролся за свои кадры, помогал пенсионерам. Вывел одно из важнейших предприятий сибирского региона на высочайший экономический уровень, создав ему международную известность.

В сталинский период было принято считать, что незаменимых людей нет. Это безусловно так: заменить можно любого, но на кого — вот вопрос? Заменить в станке стальную деталь на деревянную тоже можно, но это существенно скажется не только на сроке службы станка, но и на безопасности производства. Тезис о незаменимости родился внутри административно-командной системы управления, когда партийных начальников ставили во главе производств и, видя их беспомощность, не исключали из системы, а перекидывали с места на место, в том числе в любые другие отрасли и на любые объекты. Бесспорно, среди руководителей были и талантливейшие люди, но отрицание личной инициативы и реальных рыночных отношений не давало им раскрыться в полной мере. Наступивший с провозглашенной демократией рынок стал для многих свежим воздухом — для кого-то опьяняющим, кружащим голову, а для кого-то бодрящим и придающим сил. Именно так и воспринял Александр Иванович новые экономические условия работы — как новый плацдарм для реализации новых замыслов и задач. Проявив все свои лучшие качества для осуществления современного руководства, А.И. Белосохов занял место в ряду глав крупнейших и богатейших российских предприятий. И вот закономерный итог: Александр Иванович получает последнее, опережающее все официальные графики, назначение — Первый заместитель министра. Страна дала возможность проявить А.И. Белосохову свой опыт на более высоком уровне, что явилось доверием правительства, с одной стороны, а с другой — пониманием того, что именно такие люди — новые, инициативные, опытные, молодые — должны стоять на решающих постах государства.

… Такой стремительный взлет — и вдруг трагедия. Дурные вести разносятся быстро. Известие о том, что Александр Иванович попал в аварию и находится в больнице, пришло в цех рано утром, почти сразу вместе с пришедшими на работу людьми. Надеялись на лучшее, но надеждам не суждено было сбыться — 11 января 2000 года Александра Ивановича не стало.

Отпевали его в храме Иконы Божией Матери «Знамение — Абалацкая», в храме, который он опекал, который строился с его помощью. Похоронен Александр Иванович на Заельцовском кладбище Новосибирска.

Александр Иванович всегда с вниманием относился к памяти усопших, на Родительский день неизменно бывал на кладбище: могилы директоров, его предшественников, могилка школьной учительницы, могилы родных — никто не оставался без его внимания. Для каждого у него в руках были прекрасные белые розы. Незадолго до смерти он поставил памятники деду и бабушке. Он словно чувствовал приближение трагедии: за месяц до собственной смерти был в Иерусалиме, в святых для каждого православного местах.

На Заельцовском кладбище, несмотря на огромное количество прощавшихся, было тихо. Отец Андрей, настоятель храма, того храма, который для Александра Ивановича стал родным, читал разрешительную молитву, и в ту же минуту снежный буран пронесся над скованными горем людьми; снег падал на руки и лицо всеми любимого человека, но уже не таял.

Егор ПЛИТЧЕНКО

А завтра новые дела…

Во все времена в цивилизованных странах библиотеки были больше, чем просто книгохранилища. С ними связаны и величие государства, и вечность знаний, и даже тайны правителей… До сих пор воспевают одно из чудес света — Александрийскую библиотеку, до сих пор ищут библиотеку царя Ивана Грозного… А вот и совсем свежее событие: в Египет, на открытие Александрийской библиотеки, в память о древней, сожженной варварами, съехались главы многих государств — как на торжество мирового значения…

Трудно встретить человека, который хотя бы раз в жизни не побывал в библиотеке и не воспользовался ее сокровищами. Именно сокровищами, потому что библиотека в таежном селе не менее драгоценна для читателей, чем крупное книгохранилище в столице. Между тем знаем мы о библиотеках и о людях, которые там работают, не так уж много.

Как ни старалась, не смогла вспомнить ни одной книжки о директоре библиотеки. Дирек-

торов заводов, фабрик, совхозов, МТС, школ — это пожалуйста! Бывали героями и библиотекари — в основном девушки, не очень удачливые в любви. И ни одного директора! Так что с легким сердцем восполню этот пробел хоть в малой степени: расскажу о Нэлине Александровне Бредихиной, директоре Новосибирской государственной областной научной библиотеки, заслуженном работнике культуры, человеке известном и уважаемом.

Нэлина Александровна любит свою библиотеку. Конечно, *свою*, ведь отдала ей больше сорока лет жизни! Рядом коллеги, многие из них тоже прожили в областной научной десятилетие за десятилетием. Нельзя сказать, что именно в одних стенах — библиотеке за ее более чем 70 лет существования пришлось четыре раза менять адреса и всегда, как водится у нас, пребывать в тесноте, в неприспособленных помещениях. Можно пересчитать на пальцах, сколько в стране есть библиотек, для которых построены специальные здания. Так уж повелось, что если вся культура живет по остаточному принципу, то библиотекам перепадают крохи даже из этих скудных средств. И зарплаты у библиотекарей всегда самые низкие, и орденами их не награждают… Вот и трудятся здесь люди явно не за деньги, не за славу.

Ведь согласитесь — это особый мир. Здесь книга — и не товар, и не предмет, а смысл существования самой библиотеки. В книги столько вложено чувств, мыслей и труда их создателей… больше бывает вложено разве что только в иконы. И все это — самое сокровенное, умное, насущное — стоит на стеллажах, окружает тебя с утра до вечера, всю жизнь! Как же оторваться от этого мира, уйти, забыть, что он существует? И прикипают к нему люди, и им кажется, наверное, что их работа одна из самых одухотворенных.

Но это не только увлеченность и преданность на уровне чувств, это и сложная профессия. Выдать-принять книги, конечно, важно, но только часть дела. Найти книге — каждой — ее место среди тысяч других (не только на полке, там она может простоять всю жизнь невостребованной), вписать ее в тему, в структуру, открыть людям, приучить их читать не случайно попавшие под руку книги, а сознательно подобранные, дающие прочные систематизированные знания.

Потому что среди множества функций, возложенных человечеством на библиотеку, важнейшая — образовательная. Образование — это почти создание, если понимать слово буквально. Так что в создание интеллектуального и духовного человека библиотека вносит свою немалую лепту: тут и книги, журналы, газеты; тут и видеотека, фонотека; тут и лекции, клубы, общение с умными людьми… Теперь еще Интернет появился — мир совсем распахнулся, открыл, приблизил к рабочему столу все лучшее, что есть в сфере знаний, культуры…

Отдавая должное современному оснащению и возможностям библиотеки, Нэлина Александровна с восхищением вспоминает своих старших коллег, у которых училась работать: Николая Романовича Чернова, Якова Герцелевича Ханинсона, Александра Федоровича Бердникова. С горечью говорит об

утрате лучшего своего многолетнего друга — Каи Борисовны Овчинниковой, неизменного заместителя директора по науке, человека глубокого, цельного, нравственного; с ней не страшно было начинать любое дело, но и в обычных будничных хлопотах не было надежнее человека, чем Кая Борисовна.

Современная библиотека скорее похожа на университет, только лекции здесь читаются молча, так сказать, индивидуально каждому сидящему за столом в читальном зале.

За рубежом пошли еще дальше. Там библиотека — это комплексное культурное учреждение, самое открытое, самое доступное для населения, где можно найти любую информацию из любой области не только научных знаний, но и обыденной жизни. Зачем создавать, например, специальные структуры по занятости, плодить тем самым чиновников, если любой человек, зайдя в библиотеку, может найти здесь исчерпывающие сведения о рабочих местах, о порядке получения пособия… Теперь это хранилище именно информации, в любом виде, на любом носителе. Многогранная деятельность библиотек Европы ярче всего подтверждает, что человечество вступило в новый, информационный век!..

Повидав много библиотек и в нашей стране и за рубежом, Нэлина Александровна пришла к выводу, что областная библиотека — наиболее удачная форма для обслуживания читателей. В такой библиотеке достаточно обширные фонды, чтобы посетитель мог получить все необходимое для учебы и работы, но она и не усложнена чрезмерно в своей структуре, как крупнейшие библиотеки, она вполне доступна, демократична.

Затронув тему фондов, как будто приоткрываешь занавес действительно уж в особый мир — не каждодневный. Часто ли нам, читателям, приходится держать в руках журналы, отражающие жизнь Сибири столетней давности, или книги, которым не один век от роду? А в библиотеке, в отделе редкой книги, все это есть, в том числе и совсем уж уникальные издания с литерами «КВЗ», что значит Колывано-Воскресенские заводы, где библиотека появилась еще в середине восемнадцатого века — часть фондов этого старинного хранилища доставили в свое время в Новосибирск и передали в областную научную библиотеку.

Но фонды — это то, что должно пополняться постоянно, как постоянно выходят в свет книги и журналы. И если ценный фонд — гордость библиотеки, то нынешний фонд, новые поступления — сплошная головная боль, и прежде всего, директора. Нарушена старая система пополнения библиотек, с рассылкой издательствами обязательных экземпляров, с выделением министерством денег на закупку книг, на периодику. Теперь добывай, директор, деньги как хочешь и закупай на книжном рынке новинки на общих основаниях, по рыночной цене. Случались черные периоды в жизни библиотеки, когда не на что было купить ни единой книги. Эти прорехи в фондах будут сказываться еще долго. Как, например, составить качественный библиографический указатель литературы на ту или иную тему, если нет полной картины издания книг?

— *Сейчас потихоньку из этой нужды выкарабкиваемся,* — говорит Нэлина Александровна, — *не потому что разбогатели, нет, просто научились ориентироваться в нынешней системе книгоиздания, приспосабливаемся к условиям рынка. Даже возродили свое шефство над районными библиотеками, прежде всего, конечно, в вопросах методической работы. Но стараемся помочь им и пополнять книжные фонды, учим добывать деньги, ведь на местах с этим вообще положение катастрофическое.*

Куда уж катастрофичнее! Если даже в областном городе исчезли, перестали существовать знаменитые некогда заводские библиотеки с обширными книжными фондами, что говорить про село! Полное разорение…

И хоть Нэлина Александровна скромно оценивает свою помощь сельским библиотекам, на деле — многие из них, вероятно, только и выжили благодаря этой помощи и даже сохранили лицо, оставаясь порой единственными огоньками культуры в глубинке.

Никто не обязывает областную научную библиотеку и ее директора поддерживать коллег из районов. Да столько лет существовали эти добрые связи, как их оборвешь теперь, когда они еще нужнее? И вот снова областная научная бибилиотека собирает у себя сельских библиотекарей на семинары, на учебу, готовит для них культурную программу — раз уж выбрались в областной центр, пусть это будет для них праздник. И снова сотрудники областной научной выезжают в районы: то открывают там школу краеведческой библиографии, как в Искитиме, то создают творческую лабораторию, как при Сузунской центральной библиотеке… И опять отправляются в районы книги от областной научной… Вроде и взваливает на себя НГОНБ и ее директор дополнительные заботы, но это жизнь, работа, кто-то должен ее делать… А хлопотно — что считаться? В конце концов, можно и прагматично посмотреть на такое шефство. Делаем одно дело — воспитываем, растим читателя. Сегодняшние сельские девчонки и мальчишки завтра приедут в город, станут студентами, постоянными читателями областной научной… А в общем, в библиотеке так заведено: есть круг обязанностей, надо его выполнять, есть многолетние наработки, традиции — не стоит от них отказываться. Все дела — во благо, так пусть их будет больше.

Официально о Н. А. Бредихиной говорят так: «Ее трудовая биография — как доказательство верности раз и навсегда выбранному делу». Все абсолютно верно. В 21 год — окончила институт и пришла работать в областную научную, в 25 лет — поручили заведовать отделом, в 30 — заместитель директора, в 35 — директор НГОНБ.

Сама Нэлина Александровна признается:

— *Да ничего я так уж и не выбирала… В Новосибирске много было вузов, а мне на душу ни один не ложился. Я не хотела быть ни врачом, ни учительницей, ни железнодорожником… Книги любила с детства — мама много читала… Вот, может, поэтому я и видела свою жизнь, связанную только с книгами…*

Мама много читала… Наверное, так она спасалась от тоски-печали. Она стала вдовой в 28 лет: муж погиб под Москвой в самом начале войны. Нэлина Александровна хранит последнюю довоенную фотографию мая 41-го. Счастливая семья: отец с твердым взглядом военного комиссара, мама — красавица, донская казачка, и две девчушки — старшая сестра и она сама, двухлетняя. Трагедию маминой жизни дочки по-настоящему поняли лишь когда выросли и завели свои семьи, а в детстве, видя всегда читающую маму, и сами полюбили книги. Так что, окончив школу (знаменитую в Новосибирске тех лет — 50-ю, бывшую женскую), Нэлина Зеленецкая действительно долго не раздумывала: отправила документы в Ленинградский библиотечный и, не дождавшись даже вызова на вступительные экзамены, села в поезд и отправилась в неблизкий для семнадцатилетней девочки путь.

Маленькая сероглазая сибирячка не потерялась в знающем себе цену Ленинграде. Сдала вступительные, была принята, получила место в общежитии, сразу подружилась с однокурсницами — многие из них были постарше, пообразованнее, она училась жизни и у них. Сейчас, перебирая фотографии тех лет, студенческие, целинные, где вкалывали летом, в третий семестр, она называет всех по именам, пофамильно, всех помнит, знает, как сложились их судьбы потом. И в этом есть что-то особенно трогательное, подкупающе трогательное — в этой памяти о юности.

Вообще, в жизни Нэлины Александровны немало счастливых моментов, а в чувствах — романтического. Хотя бы история ее замужества. С Олегом Бредихиным они вместе учились в старших классах, а когда встретились уже после школы — тут и вспыхнула любовь! Да такая, что через год поженились. Нэлина Александровна легко вошла в новую семью, очень полюбила свою свекровь и считает, что многим ей обязана. Свекровь помогала растить любимого внука Максимку, давала возможность невестке творчески работать, учиться в аспирантуре, ездить в командировки. Стать директором и быть директором много лет — тут ведь природного ума, интуиции мало, надо учиться руководить, вести дело — многое надо в себе нарастить, воспитать, так что помощь свекрови оказалась, может быть, решающей для ее карьеры.

Вот написала это модное нынче слово и удивилась: как же оно не подходит к Нэлине Александровне. Не замечала я в ней руководящего неистовства, непререкаемости рвущегося к власти человека. В ее обиходе скорее слова осторожные, неспешные: «подумаем», «посмотрим»… И мягкая, чуть грустная улыбка.

Устала руководить, разочаровалась от постоянных трудностей, ответственности, напряжения, да еще в такие непредсказуемые времена?

— *Нет,* — отвечает, — *набралась мудрости, работая с людьми, руководя ими. Чувствую, что стала менее категорична, в душе — больше понимания чужих проблем, уважения к человеческой индивидуальности.*

И это не просто слова, в чем я убеждалась неоднократно. Открою секрет: рискну рассказать о наших с ней знакомствах — а их, как в доброй сказке, было три в разные годы, только Нэлина Александровна об этом не знает. В первый раз — когда она вступилась за мою первую книжку на тиражной комиссии (была когда-то и такая комиссия в нашей жизни, решавшая судьбы издательских планов, а заодно — и судьбы пишущих людей) и лишь благодаря этому книжка увидела свет. Во второй раз — когда она пригрела первое в Сибири украинское культурное общество: предоставила зал, посоветовала, в какие дни мы могли бы собираться, не взяла с нашей «Громады» ни копейки, хотя библиотека — не самое богатое учреждение… Потом уже мы узнали, что нашлось здесь место и испанскому клубу, и культурному немецкому центру, и объединению любителей-садоводов и еще многим-многим другим общественным организациям.

— *Да, тесно,* — соглашалась Нэлина *Александровна, — но в библиотеке всегда тесно, а людям надо же где-то собираться. Поместимся…*

В третий раз знакомство произошло, когда возникла идея создания в городе Цветаевского центра. К кому обратиться за помощью? Конечно, в областную научную, к Нэлине Александровне!

Случайно это или знак судьбы, но когда мы впервые встретились с Нэлиной Александровной, чтоб обсудить идею Цветаевского центра, она показала нам красочные листы ватмана — это был проект достройки четвертого этажа на солидном здании библиотеки.

— *Вот,* — сказала она, — *тоже энтузиасты… излазили чердак, вд□ перемерили, рассчитали… теперь принесли проект… Конечно, нам не помешают дополнительные помещения… И там может получиться очень интересный зал…*

Мы еще только барахтались в своих туманных мечтаниях, а в ее воображении уже, видимо, все сомкнулось: и Цветаевский центр, и этот с любовью выполненный эскиз романтического чердачного зала… Думаю, что это счастливая черта руководителя: уметь зажечься идеей и уметь ее воплотить на практике. Не побояться взяться за новое дело, зная, что путь к нему не прост и не легок. Взять хотя бы ту же достройку четвертого этажа… Это сейчас, когда мы входим в бело-золотой зал, садимся в удобные кресла и слушаем музыку или стихи, восхищаясь дивной его акустикой, нам не страшно вспоминать о недавней стройке: о разверзшейся крыше, о восхитительном ночном небе, куда после третьего этажа вела парадная лестница и откуда на посетителей сыпались снежинки… Для коллектива библиотеки, ни на день не прервавшего свою работу из-за стройки над головой, то было время настоящих мытарств с неяс-

ным финалом. Мало того, что грязь, грохот, неудобства — еще и непонятно, когда все это кончится, потому что библиотека, как и вся остальная страна, входила как раз в самую безденежную кризисную пору.

Но крыша не может быть раскрыта вечно, и не могут вечно сыпаться снежинки на головы библиотечной публики. Директор должна была найти выход — не один, так другой. Это легко говорится, да трудно делается, потому что выходы виделись ей или безнадежные, или уж совсем рискованные. Помощь предлагали разные фирмы — из тех, кому дай палец, они и руку отхватят. А что? И отхватили бы. Здание библиотеки — лакомый кусочек, самый центр города… А опыт капитализации страны демонстрирует и не такие «геройства» новоявленных буржуа.

Но тут выпала удача — редкий случай в жизни библиотеки, и Нэлина Александровна не оплошала. Московское представительство Института «Открытое общество» создавало как раз в Новосибирске свое отделение, и ему потребовался в аренду небольшой офис. Так на взаимовыгодных условиях и пришли к согласию: ИОО достраивает часть помещений на библиотечном разрушенном чердаке и арендует их, а для хозяев отделывает и сдает под ключ новый зал.

Теперь сюда не стыдно пригласить и самых дорогих гостей. Кстати, и Дом Цветаевой, созданный с легкой руки Нэлины Александровны и находящийся под ее постоянным патронажем, проводит в этом прекрасном зале творческие вечера, встречи и уже готовится отметить свое десятилетие.

А остальные недостроенные помещения на чердаке пришлось законсервировать, как ни велика в них нужда вырастающей из своих одежек областной библиотеки. Говорят, это хорошая примета, когда дела остаются и на завтра… Утешимся хотя бы этим.

Как все много и напряженно работающие люди Нэлина Александровна не очень замечает быстротекущего времени. Вот только втянулась в работу, освоилась с бесконечными обязанностями директора, а уже пролетели годы. Не все получается, как хотелось бы, как задумывалось и в делах, и в собственной судьбе. Окончила аспирантуру при родном своем институте, собралась

взяться за кандидатскую диссертацию, но приблизился новый переезд библиотеки. Отдали им в собственность знаменитое в городе здание «Советской Сибири» на Советской, 6, надо было его ремонтировать, перестраивать, там, считай, только и оставались, что стены да крыша… А как работают наши строители, ремонтники — всем известно. Приходилось быть на «объекте» неотлучно: и помогать, и контролировать, и ломать голову, как все лучше обустроить и оснастить… Тут уж пригодился не только директорский опыт, но и хозяйская смекалка, практичность и женский вкус к важным мелочам — ведь впервые библиотека въезжала *в свой дом*… А потом начались реформы в стране, и опять голову в руки и думай, думай, директор, уже над тем, как выжить! Теперь она отшучивается:

— *В любом деле надо немного авантюризма, тогда вроде как повезет… И конечно, надо знать, чего хочешь, начиная новое дело…*

Вообще-то, это были полезные, давно назревшие дела, и подходило к ним руководство НГОНБ с нормальным здравым смыслом, но тогда, на пороге рынка, все выглядело в самом деле, как авантюризм. Например, они первыми среди библиотек (а может, и первыми в городе) стали оказывать услуги по ксерокопированию текстов. Господи, это же так элементарно и так необходимо читателям! Но кто бы позволил подобное раньше?!

Потом они стали оказывать издательские услуги, и опять чего здесь больше — авантюры или здравого смысла? Об издательстве Нэлина Александровна мечтала давно, когда и мечтать-то об этом было бессмысленно. А рождался редакционно-издательский отдел среди сплошных трудностей и бедности.

В библиотечном деле очень много внутренней документации, всевозможных рабочих материалов, которые нуждаются в тиражировании, распространении по подшефным библиотекам — районные библиотеки издавна получали от областной научной все необходимое: от бланков до методической литературы. Все это приходилось печатать в чужих типографиях, кланяться в ножки, ждать-пождать, пока у монополистов-типографий дойдут руки до безденежной библиотеки… Так что, когда представилась возможность и Новосибирск посетил Василий Михайлович Стриганов, замминистра, курирующий библиотеки страны, Нэлина Александровна попросила его помочь наладить хоть маленькую типографию при библиотеке. И он помог, в библиотеке появилась первая печатная машина. Шаг за шагом налаживалось дело и с издательством. Уже к тому времени дали право свободно покупать лицензии на всевозможную коммерческую деятельность, в библиотеку пришли увлеченные люди: кто-то что-то умел делать, другие учились в процессе работы, осваивали новые профессии — печатника, оператора компьютерной верстки. Теперь издательство не только выпускает многочисленную печатную продукцию для внутреннего потребления, но и выполняет заказы читателей, зарабатывая деньги в общую копилку библиотеки. Случалось, что это были едва ли не единственные средства для существования всего коллектива!

Потом пришел в эти стены Интернет. Он тоже появился здесь раньше, чем в других очагах культуры нашего города. Кое-кто отговаривал директора: зачем, мол, еще и эти заботы! Мало проблем с зарплатой для сотрудников, с ремонтом крыши, с пополнением фондов?.. Но сколько бы проблем ни было, и все они, конечно, важные — важнее некуда! — время остановить нельзя, а оно выдвигает свои требования: развивайся, расти, будь современным!

К Интернету шли стремительными темпами, и сами такого не ожидали. Первый персональный компьютер приобрели в 1991 году, сразу же начали создавать электронный каталог новых поступлений, предполагая постепенную автоматизацию библиотечного обслуживания. Но уже через два года поняли, что однопользовательской системой не обойтись, нужно создавать свою локальную сеть рабочих мест. Докупили еще два компьютера, приобрели и освоили новую программу, автоматизировали запись читателей, справочное обслуживание, информационно-библиографическую работу, научились пользоваться электронной почтой… И уже в 1996 году открыли электронный читальный зал «Интернет для всех».

И пусть пока в нем только 12 рабочих мест, но они обеспечивают читателям свободный доступ к информационным ресурсам российской и глобальной сети. А главное, Интернет позволяет по-новому взглянуть на современные возможности библиотеки, начиная от вопросов комплектования, сохранности фондов, создания сводных каталогов, библиографических обзоров, указателей, ежегодников и заканчивая идеей виртуальной библиотеки, о которой сейчас так много говорят и пишут и которая, несомненно, будет более привлекательна для молодого поколения читателей, выросшего уже в компьютерном мире, насыщенном информацией.

…Октябрьское полнолуние в наших краях обычно бывает тихим и теплым. Уже полежал первый снег, безумствовали ветра, уже лес стоит чистый от листвы, приготовился к студеному полугодию, уже и душа настроилась на суровые времена, и вдруг откуда-то приходит это недолгое тепло предзимья — мягкая туманность дня и ясный свет ночи, и столбик ртути замирает на плюс двенадцать, а в заветном уголке любимого Первомайского сквера подает голос оживший кузнечик…

Как настоящая сибирячка, Нэлина Александровна всегда найдет чему порадоваться, взглянув в окно: куржак ли преобразит знакомые улицы, засверкают ли они весенним половодьем, расцветятся ли летними красками — все в радость. И это щемящее тепло октябрьского полнолуния кажется ей неожиданной благодатью.

Крохотный садовый участок среди живописного раздолья, где она с радостью бывает летом, в редкие свободные выходные (вот уж выйдет на пенсию, тогда разведет море роз!), поездки по районам области, открывающие красоту родных мест, талантливость сельской глубинки — все это наполняет ее сердце той любовью, о которой вроде и вслух не скажешь, но без которой жизнь была бы неполной и бесцветной.

Любит Нэлина Александровна и дальние путешествия, и тут ей повезло, особенно в последнее время. Крупные международные семинары по библиотечному делу, в которых ей довелось участвовать в эти годы перемен, подарили не только интересные встречи с коллегами, обмен профессиональными знаниями и опытом, но и возможность увидеть далекие края: Германию и Израиль, Китай и Турцию. Она и раньше ездила много по стране, бывала и за рубежом, да то ли мир похорошел, стал комфортнее, то ли мы изменились, ощутили себя свободнее, но сейчас поездки волнуют и запоминаются сильнее прежнего.

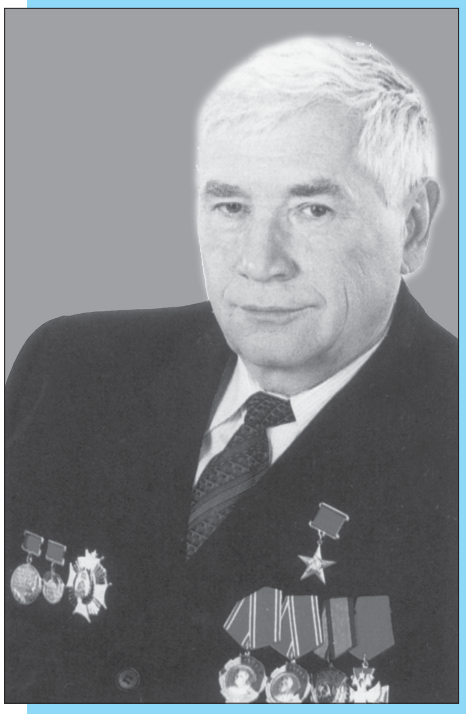
Домой возвращается всегда с новыми планами. Господи, какая пенсия?! Столько дел! «Не тоскуете о прежних временах? Все-таки было спокойнее…»

— Зато сейчас интереснее жить, работать. Да, не помешала бы и теперь гарантированная забота государства — библиотека все-таки государственная, а не чужого дяди… Но забота, а не абсолютный диктат — как раньше. Ведь все было под запретом, шагу нельзя было ступить без окрика сверху. Кто нас только не контролировал! И министерство, и облисполком, и обком. Доходило до нелепого. Например, уходя в плановый отпуск, я должна была согласовывать этот вопрос в обкоме партии… Опека связывала руки. Нет, свобода, самостоятельность — это интереснее… хотя и непросто…

Что ж, ей виднее. Без малого три десятка лет руководит коллективом. Застала в этой должности и поздний застой, и всю эпоху перестройки, хлебнула и рыночных передряг. Такой опыт помогает ориентироваться в круговерти жизни. Главное — знать, чего хочешь. Чтобы хлопотами и мечтами полнился каждый день. Чтобы завтра были новые дела. Это и есть, наверное, достойная, деятельная человеческая жизнь.

Надежда СИНИЧЕНКО

В отдельно взятом селе Верх-Ирмень

Бывает, налетит ураган на рощу, крепко ее потреплет. Одни деревья ломает, другие выворачивает с корнем, у третьих обрывает сучья, сносит вершинки. Но остаются и такие, которые выходят из бури практически неповрежденными, только с небольшими следами ущерба.

В тот год новое демократическое правительство, признавшее страну тяжело больной, решило лечить ее с помощью шоковой терапии. Горожане, жители райцентров, оставшись без гроша, не имели возможности покупать столько продуктов, сколько привыкли брать раньше. Холодильники маслозаводов были под завязку забиты продукцией. Переработчики сократили закуп молока. Оно оказалось никому не нужным. Руководители хозяйств мотались по области и другим ре-

гионам, искали потребителей на Севере, на Дальнем Востоке. Но положение везде было одинаковым. Ирменцы производили до тридцати тонн молока в день, отдавали его телятам, умоляли заводы взять на любых условиях, хоть даром, — не брали.

Вот тогда и пошатнуло Бугакова, уже давно закаленного, пережившего не одну реорганизацию. Иногда тяжелые мысли ночами напролет не давали сомкнуть глаз. Неужели гигантский труд коллектива и его лично потрачен впустую? Продавать животноводческую продукцию по ценам, которые не покрывают затраты на ее производство, — это значит разрушать отрасль и вообще все хозяйство. Экономическая ситуация в стране развивалась таким образом, что впереди не намечалось просвета. Так что же делать? Самолет в аварийной ситуации освобождает баки от горючего, чтобы не взорваться при посадке. С корабля, терпящего бедствие, сбрасывают за борт ценный груз, нужные, полезные вещи, спасая жизни людей... Так неужели с артельной палубы придется сбрасывать такое сокровище, как племенное животноводство, вдруг оказавшееся камнем на шее? И уже вырисовывался варварский, в духе времени, проект. Шесть тысяч голов элитного скота ликвидировать. Четыре тысячи гектаров пашни, занимаемой кормовыми культурами, присоединить к зерновому клину. Животноводческие помещения переоборудовать в хранилища зерна, которое пока оставалось рентабельным. Пока... А если и растениеводство поставят в такое же унизительное положение? Что тогда?! Некоторые хозяйственники так и сделали — резали животных, даже стельных, бросали скотные дворы, которые мгновенно, как на пожаре, растаскивались по бревнышку, по кирпичику...

В тот период мучительных раздумий Юрий Федорович сделал неожиданное открытие. Он явственно ощутил, что настроение руководителя неведомыми путями передается коллективу. Люди будто чувствуют его настрой, угадывают мысли. Правда, некоторые размышления прорывались и в конкретных реальных действиях, что позволяло наблюдательным крестьянам делать какие-то выводы. Например, в тот год впервые за много лет не стали выращивать кормовую свеклу для скота, которая необходима в рационе высокопродуктивных коров. Продали большую группу племенных телок, которых в нормальных условиях оставили бы на ремонт стада.

Свекла для ирменцев была далеко не рядовой культурой. Известно, что продуктивность породистого скота имеет предел, который не преодолеть, если не совершенствовать технологию. Здешние буренки достигли такого уровня. Для того, чтобы они стали щедрее на молоко, в их рацион надо было вводить свеклу, богатую сахаром. Но эта культура очень трудоемкая, так как не было хороших семян и современной техники. Всходы нуждались в ручной обработке, то есть люди должны были пройти, согнувшись, на коленях или ползком, эти длиннющие рядки на десятках гектаров, вырвать сорные травы, проредить ростки свеклы. Труд адский. И поэтому на собрании решили: каждому члену коллектива, независимо от должности, каждому члену семьи от самых малых до самых старых в нужное время прополоть по два рядка. В начале ряд-

ка устанавливались таблички с фамилиями. И кто бы ни приходил на плантацию, сразу видел, у кого всходы чистые. И обязательно, если даже для этого надо было сделать солидный крюк, проходили мимо рядков председателя и членов его семьи.

Хорошо подслащенный корм сказался на удоях, что, конечно же, очень важно. Но главное, как считает Бугаков, не в этом. На свекловичной плантации все были абсолютно равны. Более того, председатель, специалисты находились в подчинении бригадиров, которых выбирали селяне, и начальники нередко получали замечания от самых что ни на есть рядовых. И еще — каждый житель села имел основание считать себя причастным к подъему продуктивности фермы, к увеличению доходов от производства молока и мяса.

Так что некоторая растерянность, душевный дискомфорт председателя передались специалистам, бригадирам, животноводам. В тот год хозяйство, ранее получавшее по пять тысяч килограммов молока от коровы, надоило на шестьсот килограммов меньше.

Однако период тягостных исканий оказался недолгим. Вскоре ирменцы увидели своего руководителя прежним — твердым, решительным, энергичным. Значит, он нашел выход, и теперь ничто и никто не сможет сбить его с пути.

Юрий Федорович вспомнил историю одной своей инициативы, которую пытался реализовать лет пятнадцать назад. Тогда он в составе какой-то делегации побывал в Швеции. При посещении фирмы «Тетра Пак» потолковал с ее президентом и загорелся идеей установить в своем колхозе автоматическую линию по розливу молока в пакеты. С этой мыслью пришел в самые высокие руководящие инстанции в Москве. Там согласились — дело стоящее, но в деталях этот план надо обсудить на месте, в Новосибирске. И местные власти поддержали. Споткнулся председатель, казалось бы, на ровном месте. Он поставил вопрос о том, что колхоз должен продавать молоко по цене, несколько превышающей установленную в регионе закупочную цену. Это было разумное, вполне обоснованное требование. Ведь хозяйство, оказывая потребителям дополнительные услуги, увеличивало затраты. Но в комитете по ценообразованию услыхал категоричное «нет!», так как инструкция не позволяет этого делать.

В те годы хозяйства сдавали молоко на маслозаводы по 41 копейке за литр. В торговой сети оно продавалось по 26 копеек. Переработчики получали дотацию от государства. Во всем мире расфасовка и переработка составляет примерно пять процентов от стоимости продукции. Именно эти пять процентов и выпрашивал председатель. Но сил и доводов на то, чтобы побороть инструкцию, не хватило. Усилия Бугакова приобретали комический оттенок. Зачем хозяйству тратить 450 тысяч долларов на приобретение оборудования, держать людей на обслуживании линии, если оно не получит никакой выгоды? Конечно, забота государства о том, чтобы население имело дешевые продукты питания, — великое дело. Но стремление регламентировать все и вся сдержи-

вало развитие производства, связывало руки предприимчивых, инициативных хозяйственников.

И вот в трудный момент, когда висела на волоске судьба одной из лучших в стране ферм, Юрий Федорович вспомнил свою идею, понял, что сможет ее осуществить безо всяких согласований и увязок. Это означало, что животноводство будет спасено, более того, оно заработает средства на свое развитие.

Наконец шведская линия вступила в строй. Новосибирцы были приятно удивлены, увидев на прилавках магазинов сибирское молоко в ярких удобных упаковках. Это молоко, которое и раньше славилось высоким качеством, быстро завоевало рынок. Потом появились тетрапаки с кефиром, сметаной, сливками, йогуртом... Затем многие предприятия стали продавать молочные продукты в расфасованном виде, в более изящных тетрапаках, но поколебать ирменскую марку они уже не могли. Покупатели знают, что эта продукция экологически чистая. Здесь строго следят за тем, чтобы в молоко не попали химические добавки или их производные. На полях, где выращивают кормовые культуры, не используют гербициды, другие средства химической защиты растений от вредителей и болезней. Сорняки уничтожаются только механическим способом.

Несколько позднее тут создали цех по переработке мяса, который производит продукты более тридцати наименований — от суповых наборов до изысканных деликатесов. В других цехах делают растительное масло трех видов, кирпич, волокно из льна. Отходы мясного цеха идут на звероферму. Имеется пасека.

В областном центре десятки магазинов торгуют продуктами из Верх-Ирмени. В Ордынском, на бойком месте у автовокзала, целый этаж большого здания занимают продавцы из этого села. На Центральном рынке в Новосибирске действует крупный магазин «Ирмень». Торговые точки ежегодно приносят миллионы рублей прибыли.

Значительная часть средств идет на поддержку производственных цехов. Как много вложений требует, например, содержание животных на высоком современном уровне. В хозяйстве более двух тысяч коров, и каждая в год дает по семь тысяч килограммов молока. Такой продуктивности, пожалуй, во всей России не найдешь. И таких надоев невозможно добиться, если не дружить с наукой.

Юрий Федорович тепло, с большим уважением рассказывает о научном сотруднике института животноводства Сибирского отделения Россельхозакадемии Ирине Михайловне Лабузовой. Двадцать лет не расстается она с этой фермой. Вместе с ирменскими специалистами, особенно с селекционером Нелли Артуровной Шефер, работала над созданием новой породы. И в двухтысячном году Всероссийская комиссия по охране и испытанию селекционных достижений зарегистрировала новый тип черно-пестрой коровы, который получил название — ирменский. Вот этот тип и ставит рекорды. Конечно, при должном уходе и кормлении.

Лучшие мастера машинного доения Валентина Беглякова и Любовь Журавлева, в группах которых по семьдесят голов, от каждой коровы за год получают по восемь с половиной тысяч килограммов молока. Это очень высокий показатель. Но Бугаков не успокаивается. Ему хочется до конца определить потенциал новой породы, выяснить, какова экономическая эффективность дальнейшего повышения продуктивности. Опыты продолжаются. Увеличение содержания перевариемого протеина в рационе обеспечивает еще более высокие удои. Следовательно, животноводы Сибири имеют колоссальные резервы для увеличения производства молока. Дело только в том, чтобы обеспечить скот сбалансированными кормами высокого качества, иметь кадры, способные грамотно выполнять требования технологии содержания животных.

Юрий Бугаков начал свою трудовую деятельность в Ордынской районной газете. Мотался по колхозам и совхозам, писал о пахоте и уборке, влезал в острые ситуации... Наблюдения были меткими, суждения — взвешенными и объективными, предложения — конкретными, деловыми... И вскоре его «забрали» инструктором в райком партии. И здесь он показал умение работать с людьми, решать сложные задачи. Когда потребовался крепкий, перспективный работник на должность секретаря парткома колхоза «Большевик», одного из сильнейших хозяйств района, выдвинули Бугакова. Председателем работал Иван Яковлевич Овчаренко — грамотный, рачительный хозяйственник, склонный к исследовательской деятельности. Он ушел в науку, оставив неплохо налаженное производство и порекомендовав на должность председателя секретаря парткома, который успел вникнуть во все проблемы колхоза, узнать людей и понравиться им деловой хваткой, принципиальностью, уважительным отношением к артельным делам. В общем, селяне признали его своим. И нисколько не покачнулось хозяйство, наоборот — набирало обороты.

Предприятие уже давно — и тогда, когда было колхозом «Большевик», и потом, когда стало акционерным обществом «Племзавод «Ирмень», — «ходит» в передовиках, считается удачливым и преуспевающим. Некоторые руководители с завистью говорят: «А что Бугакову не жить! Что захотел, то и купил. У него и сейчас в гараже новенькие комбайны стоят про запас!».

Верно, стоят и комбайны, и тракторы, и другие машины. Но ошибаются, считая, что все Бугакову легко дается. Он очень бережлив и приучил к этому своих односельчан. Смолоду взял на вооружение хозрасчет, с той поры, когда стал вникать в азы экономической науки. Организовал арендные хозрасчетные бригады и звенья, целиком вверив им самим свою судьбу. Людям выгодно добиваться того, чтобы машины служили дольше, выгодно добросовестно работать, получать высокие урожаи, надои, привесы. И не выгодно гробить технику, пахать с огрехами, оставлять скот голодным... Юрий Федорович и сейчас не может спокойно говорить о проявлениях иждивенчества, о бесхозяйственности, о расточительстве:

— *Раньше машины для хозяйства, по существу, ничего не стоили. Главное состояло не в том, чтобы накопить деньги на приобретение какого-то*

агрегата, а просто в умении выбить фонды. Можно сказать, что технику не покупали, ее давали. Бывало, что на площадку металлолома тракторы из хозяйств приходили своим ходом... В то время, о котором мы частенько вспоминаем с сожалением, в хозяйствах области имелось четырнадцать тысяч комбайнов. К тому же в период жатвы из западных регионов, из Ставрополья, Подмосковья на восток эшелонами спешно доставляли сотни комбайнов. За тридевять земель ехали и механизаторы. Тысячи людей срывали со своих мест в Новосибирске, в райцентрах. Студенты, школьники садились не за парты, а ехали на уборку. И все-таки хлеба убирали слишком поздно и с большими потерями, иногда они вообще уходили под снег. Теперь комбайновый парк сократился наполовину. Из городов на помощь никто не едет. А с уборкой справляемся, во всяком случае, несжатых полос не остается. Почему? Люди узнали цену машины, поняли, что успех или провал зависит от их отношения к той же машине, к труду. Конечно, можно и надо говорить о несоответствии цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, о том, что комбайн или трактор из-за дороговизны купить невозможно, что техники катастрофически не хватает... Но надо признать, что половину трудностей мы порождаем сами...

Однажды мне довелось в Верх-Ирмени увидеть такую картину. На поляне в строгую линейку выстроены тракторы. Механизаторы волнуются: что скажет комиссия о состоянии их машин? Рабочие тут народ зажиточный, у каждого личный автомобиль, а то и два. Они также стоят неподалеку. Члены комиссии, в их числе и председатель, медленно проходят вдоль строя гусеничных и колесных тракторов, надолго задерживаются то у одного, то у другого. Вот осматривают один из «Беларусей» и остаются недовольными. Бугаков обращается к трактористу:

— Где твой «жигуль»?

— Вот он — желтый...

Подошли к сверкающей машине. Председатель заглянул в салон, попросил:

— Открой капот.

Мотор был в прекрасном состоянии. Все подтянуто, отрегулировано, нет ни потеков, ни грязи.

— Выходит, что «жигуленок» для тебя сын родной, а трактор пасынок, — с укоризной сказал Юрий Федорович. — Но поразмысли: не легковушка обеспечивает благополучие твоей семьи. Кормильцем является вот этот чумазый работяга. Именно он создает материальные богатства, в том числе и коттеджи, в одном из которых ты живешь, и машину, на которой ты ездишь за грибами да на рыбалку. И чем он надежнее, чем дольше будет служить, тем богаче будет наше общее хозяйство и твое личное подворье.

— Знаю... — буркнул побагровевший механизатор.

Такие смотры техники в «Ирмени» стали традиционными. По итогам проверки заботливые и бережливые поощряются, а нерадивые наказываются рублем. Жесткий спрос оправдан, потому что заявки механизаторов и брига-

диров на запчасти выполняются безоговорочно. Поэтому даже старички-колесники, которым по пятнадцать и более лет, выглядят как новые — они помыты, покрашены, тщательно отрегулированы.

Агрофирма, так «Ирмень» называют в обиходе, от нехватки техники, на самом деле, не страдает. Если бригаде требуется мощный тягач или комбайн, пожалуйста, давайте заявку, получайте, но тогда его стоимость сразу переносится на вашу продукцию. Звену, механизатору выгоднее использовать «бэу». Конечно, до известного предела, когда расходы на ремонт согласуются со здравым смыслом. То есть и тут «командует» хозрасчет.

— *У нас все специалисты, бригадиры, звеньевые, наиболее подготовленные механизаторы и животноводы научились считать,* — с удовлетворением заметил председатель. — *Вот, к примеру, мы неплохо выиграли на минеральных удобрениях. Было когда-то, что хозяйство использовало по две-три тысячи тонн туков в год. Теперь мы берем на круг по тридцать и более центнеров зерна, а удобрений в почву вносим всего тысячу тонн. Раньше удобрения разбрасывали по поверхности поля, эффективность их была невысокой. Равномерность внесения при этом трудно соблюсти, потому что на заводах туки готовили плохо. Иногда в период жатвы на полосах находили комья удобрений, все лето пролежавших без толку, и они даже мешали при косовице и обмолоте хлебов. Были случаи, не у нас, в других хозяйствах, когда в колках находили кучи суперфосфата или аммиачной селитры, — чтобы не возиться с ними, туки из кузовов вываливали прямо в траву. Сейчас удобрения вместе с семенами врезают в почву строго выверенными дозами. Они работают только на урожай и не кормят одновременно и сорняки. Эффективнее используются и химические средства защиты растений против вредителей и болезней.*

В Верх-Ирмени отдыхаешь душой. Здесь все вызывает интерес — и чистые, ухоженные поля, и выстроенные в ряд «Фрегаты», готовые в любую минуту начать полив посевов, и растущие улицы коттеджей, и разномастные автомобили, которые приткнулись почти к каждому палисаднику, и нарядно, «по-городскому», одетые женщины, дети. Другой мир... Это хозяйство всегда выделялось и выделяется — и при развитом социализме, и при недоразвитом капитализме...

…Тут давно привыкли к многочисленным делегациям из хозяйств и районов области, из других регионов страны. И на сей раз никто не проявил интереса к чужому автобусу с незнакомыми людьми. Впрочем, на улицах праздных зевак не видно. В страдную пору все при деле. Только высокий старик с палкой безучастно стоял поодаль да веселая группа мальчишек и девчонок, устроившись на перевернутых разноцветных ведрах, ожидала транспорт для поездки на школьный огород, где предстояло копать картошку. Но одного из приехавших знают, пожалуй, все жители села. Заведующий кафедрой Новосибирского агроуниверситета доктор сельскохозяйственных наук Кайрулла Габбасович Алимов здесь работает более пятнадцати лет. Он и организовал поездку коллег — ведущих ученых и педагогов вуза на свой опытный участок.

Для Бугакова приезд гостей — это незапланированные дополнительные хлопоты, потеря нескольких часов времени, которого всегда не хватает. Он постоянный депутат Советов разного уровня, а в последние годы — председатель совета по сельскому хозяйству при областной администрации. И все-таки уже много лет радушно встречает руководителей, специалистов, у которых появляется желание воспользоваться его опытом. Правда, с некоторых пор такие встречи стали вызывать раздражение. Причины понять нетрудно. Приезжают, например, агрономы, инженеры, смотрят на новые машины в действии, изучают новые технологии, новые агроприемы, удивляются, восхищаются, что-то записывают в блокнотах, уточняют детали, их глаза горят... Ну, кажется, дело сдвинется с мертвой точки! Ан нет... Проходят месяцы и даже годы, но не поступают вести о внедрении новых разработок, почти никто не приобретает элитные семена, высокопородных животных. И снова организуется семинар, и на ирменских полях и в цехах появляются те же люди, радуются, делают какие-то пометки... Приятно, конечно, что все-таки потихоньку «пошла» по области рожденная здесь технология выращивания телят холодным методом. Но коэффициент полезного действия данной школы чрезвычайно низок. Бугаков понимает, что в хозяйствах много забот, проблем и мало возможностей, однако что-то делать надо...

Юрий Федорович как всегда приветливо встретил ученых, кратко рассказал им о хозяйстве, о достижениях, которые были бы невозможны без содействия научно-исследовательских институтов.

Кайрулла Алимов заложил первые опыты вскоре после окончания сельхозинститута, будучи лаборантом. Опробовал, привязывал к здешним условиям, почвам элементы интенсивной технологии выращивания зерновых культур. Ему здорово повезло — председатель ни в чем не отказывал, предоставлял средства, материалы, технику. Наработки все шире применялись в производстве. В 1986 году на каждом гектаре опытного поля вырастили по пятьдесят центнеров пшеницы.

— *Это был шок!* — вспоминает Бугаков. — *Ведь бывало, получали по двенадцать центнеров и хлопали в ладоши. А тут пятьдесят! В достоверность результата никто не верил. Перво-наперво мы показали этот участок всем нашим механизаторам, руководителям среднего звена, специалистам. Приезжали большие начальники, сведущие люди со стороны. Изучали, считали... И убеждались. Но не все. Оставались скептики, которые долго подозревали нас в каких-то подтасовках. А урожайность в целом по колхозу росла с каждым годом. Наконец через шесть лет на всей площади — девять тысяч гектаров — собрали по 46 центнеров! Это для Сибири — рекорд! Было доказано, что при сбалансированном питании растений и надежной защите их от сорняков, болезней и вредителей и в наших сибирских условиях можно получать устойчивые высокие урожаи.*

В 2002 году на опытном участке, который занимал более семидесяти гектаров, получено по 76 центнеров зерна.

Ученые, побывавшие на этом поле, спросили:

— Юрий Федорович, а зачем вам все это нужно? Например, это поле с рекордным урожаем? Вы же отдаете себе отчет в том, что подобного сбора зерна на большой площади в обозримом будущем не получить — слишком слаба экономика страны, в том числе и агропромышленного комплекса.

— *Да, организация опыта даже на нескольких десятках гектаров требует больших средств. Да, сейчас денег на то, чтобы вдоволь накормить растения нужными питательными веществами на крупных массивах и уберечь их от всякой нечисти, ни у кого нет. Что ж теперь — сидеть сложа руки и ничего не делать для будущего? Я уверен, что если не мы, то наши дети, внуки будут выращивать такие урожаи и что наш опыт пригодится. А сейчас важно даже то, что люди знают, какой щедрой может быть наша сибирская земля, если приложить руки. Кроме того, многие элементы разработанной здесь технологии мы применяем и сейчас, будем применять и в дальнейшем, и урожайность будет расти. Давно ли о таких удоях, которых добились наши животноводы, мы и не мечтали? А сейчас семь тонн молока от коровы в год — реальность. И мы уверены, что это не предел.*

В те кризисные годы, когда содрогалась экономика страны, когда миллионы гектаров пашни зарастали дикими травами, бурьяном и молодыми деревцами, когда пускали под нож племенной скот и села стирались с карты, Бугаков серьезно заболел. Врачи сказали: надо менять кровь, нужно много крови. Но и кровь в больной стране — дефицит. Односельчане узнали об этом. И тогда верх-ирменский автобус часто появлялся у больницы. Каждый хотел помочь председателю, дать ему свою кровь. Приезжали и на своих автомобилях. Как-то Юрий Федорович увидел механизатора, которого не так давно крепко наказал. От неожиданности, смутившись, промолвил:

— И ты тут...

— Что ж, я хуже других, что ли! — рассмеялся тракторист. — Жить будем! Выходит, что мы братья по крови...

Да, у Бугакова много кровных братьев и сестер.

Геннадий САССА

Мост в будущее

Продолжительное время некоторые давние страницы истории Новосибирска либо замалчивались, либо подавались тенденциозно. Практически ничего мы не знали о первых деятелях города, принадлежавших к сословиям дворян, купцов, мещан и т. д. Не табуировано было лишь имя одного, по меткому слову Горького, «неистощимо бодрого человека» — писателя-демократа, инженера-путейца Н. Г. Гарина-Михайловского, внесшего действительно большой вклад в основание нашего города. Вместе с тем упорно навязывалась мысль о том, что город на Оби основал народ, т. е. разнорабочие, приехавшие со всех концов страны на строительство железнодорожного моста. В этом утверждении была только часть правды, ибо, как говорил герой Андрея Платонова, «без меня народ неполный». Так же неполной, читай — недостаточно правдивой, была историческая картина основания города без

целой плеяды инженеров-путейцев, священнослужителей, учителей, врачей, купцов и т. д.

О роли и вкладе первой интеллигенции в становление города из конъюнктурных соображений было не принято говорить. Постепенно, стараниями некоторых неравнодушных историков, краеведов-любителей, где-то в конце 70-х — начале 80-х начали появляться в литературе и периодике новые имена зачинателей города: ученого-мостостроителя Н. А. Белелюбского, инженеров Н. П. Меженинова, Г. М. Будагова, Н. М. Тихомирова, В. А. Линка, В. И. Роецкого, священника В. А. Посельского, врача М. П. Востокова и других. Хочется, в частности, сказать слова особой благодарности новосибирскому историку, уже ушедшей от нас Светлане Владимировне Семеновой, долгие годы подвижнически занимавшейся поиском редких документов, подлинных свидетельств жизни и деятельности представителей первой интеллигенции города на Оби. Вот что она говорила в интервью газете «Вечерний Новосибирск»:

— Всем нам, я думаю, стоит хоть на минуту задуматься, что первопроходцы сделали для нас. Они действительно служили Отечеству! Если рабочий мог подойти и сказать: «Барин, давай расчет! Далеко от дома ушли, возвращаемся!» и, как говорится, податься восвояси, то инженер — ни один! — не имел права уйти... Жизнь в Сибири была очень тяжелой, и если рабочие тысячами приезжали, но тысячами и уезжали, то из восьмидесяти пяти инженеров-путейцев одна треть не выдержала нагрузки: многие сошли с ума, все потеряли здоровье. По полгода зимой жили в вагончиках, а ведь почти все они прибыли, что называется, из светских салонов, везли с собой книги, пианино. Приехав, первым делом бережно перенесли из полосы отчуждения церковь... Инженеры-строители были людьми высокой культуры.

В 2002 году исполнилось 150 лет со дня рождения одного из основателей нашего города **Григория Моисеевича Будагова**. Он родился в 1852 году в городе на Неве. Окончил с серебряной медалью гимназию, потом поступил в Санкт-Петербургский институт путей сообщения. Деятельность его как инженера началась при изысканиях железнодорожной линии на участке Сызрань-Самара. Был инспектором на постройке моста через Волгу, помощником начальника работ на строительстве моста через Днестр, начальником участка на строительстве железной дороги Уфа-Златоуст. Здесь он сдружился с Н. Г. Гариным-Михайловским. Затем в течение четырех лет Г. М. Будагов — производитель работ на постройке моста через Обь у села Кривощеково. В 1896—1899 гг. он являлся помощником начальника строительства Средне-Сибирской железной дороги.

Нас, конечно же, особенно интересует тот этап в биографии Будагова, который непосредственно связан с нашим городом. В 1892 году государственная комиссия окончательно утвердила направление Западно-Сибирской железнодорожной магистрали — от Челябинска на Омск, с последующим переходом Оби у села Кривощеково. В этом же году приступили к постройке данного участка. По проекту известного инженера-проектировщика профессора

Н. А. Белелюбского здесь предстояло соорудить грандиозный железнодорожный мост через Обь. Все его каменные опоры закладывались на природном гранитном основании, впервые в мировой практике мостостроения было применено литое железо. Как один из первых в России консольных мостов, мост через Обь отличался оригинальностью, возводился по самым передовым технологиям того времени: не вдаваясь в специальные подробности, отметим, что «быки» — опоры моста — поддерживали фермы не в крайних точках, как это было принято, а в наиболее уязвимых, нагруженных. Пролеты моста перекрывались металлическими конструкциями консольно-балочного типа. Сколь смелым оказалось это конструктивное решение, можно понять, учитывая, что в то время сварка еще не применялась, и весь крепеж осуществлялся заклепками. И все же забегая вперед, скажем — мост с честью выдержал испытание временем.

30 апреля 1893 года конный поезд инженера Г. М. Будагова прибыл из Колывани. Почти в это же время, после ледохода, на паромах «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» приехали на строительство моста из Самары инженеры-строители Зенкевич и Линк, подрядчик генерал Березин, рабочие, техники. Ответственные задачи сооружения важного объекта сразу же потребовали от инженера Будагова концентрации всех сил. Общественные постройки и дома в поселке Кривощеково были «оккупированы» для нужд строительства, переоборудованы или приспособлены под конторы и временные жилища прибывающих на строительство работников. Не теряя времени, Будагов строил жилье и на правом берегу Оби, и за Каменкой, куда переносил большие дома, купленные в окрестных деревнях. Нанимая рабочих, создавал участки управления строительством подъездных дорог, пристаней, карьерного хозяйства, складских площадок и построек. Одновременно начались работы по подготовке территории для устоев моста, хотя на тот момент рабочие чертежи еще были не готовы и стоимость работ не определена. Ускоренно велись вскрышные работы и забойка уступов карьеров в Каменке и Буграх, сооружалась насыпь для рельсовой «конки», от карьера в Буграх до мостового устоя.

20 июня 1894 года были срочно затребованы чертежи каменных опор моста. И вскоре состоялась торжественная закладка: это поистине историческое событие происходило при большом стечении народа, в присутствии рабочих-строителей и жителей Кривощековского поселка. Начальник работ Средне-Сибирского участка инженер Н. И. Меженинов, руководитель строительства Г. М. Будагов, томский губернатор, представители Министерства путей сообщения и Комитета по строительству Сибирской железной дороги положили первые камни в опору моста.

К концу 1894 года на Западно-Сибирском участке железной дороги от Омска до ст. Кривощеково (ныне Новосибирск-Западный) было закончено земляное полотно, началась балластировка пути и укладка рельсов. А к январю 1895 года завершены изыскания и уточнен проект отдельных участков магистральной линии от Омска до Оби и от Оби до Красноярска. Сообщалось: «... для моста через Обь заготовлен весь потребный для кладки устоев и быков

бутовый и облицовочный камень... приступлено к опусканию одного быка». Собирались кессоны и для следующих быков. Надо отметить, что на возведении моста работали 110 каменотесов и каменщиков, 40 плотников, 12 кузнецов и молотобойцев, 120 мастеровых и 50 их помощников. Всего здесь трудилось более четырех с половиной тысяч человек. Известно, в частности, что на заготовке, фигурной обработке и кладке облицовок устоев были даже заняты итальянские (!) рабочие и мастера-каменотесы.

В это самое время сибирские газеты писали: «Берега реки заняты раскинувшимися на большое пространство железнодорожными постройками, перед которыми ступевывается самое Кривощеково». На левом берегу земляного полотна еще не было, в то время как на правом «... в нескольких саженях от быков виднеется почти готовое полотно железной дороги, общее впечатление работ по постройке моста — впечатление чего-то грандиозного».

Поселок на правом берегу быстро рос, появлялись все новые избушки строителей. Особенно активное и подчас хаотичное строительство жилья велось в двух новых поселках — у будущего вокзала и речки Каменки. Здесь Управление строительства не успевало следить за порядком застройки. За год «слепили» до 500 бараков, халуп, полуземлянок, так называемых «балагашек». По указанию инженера, для закрепления прибывающих рабочих в Закаменском районе ускоренными темпами строили общежития и усадебные дома с хозяйственными постройками. В 1896 году здесь уже возникло более 20 кварталов.

Приезжали торговые люди, устраивали лавки, магазины. Быстро развивалась торговля водкой, поглощавшая почти все деньги, заработанные рабочими, начались кражи и убийства. Наблюдая нежелательную картину пьяного разгула, инженер Будагов задался целью организовать культурно-просветительскую работу среди рабочих строителей. В первую очередь он считал — необходимо открыть школу. Но ни железнодорожная администрация, ни управление Алтайского горного округа, на земле которого строился поселок, не принимали мер к открытию школы. Весь груз забот и ответственности инженер Будагов вместе с единомышленниками взял на себя. В это время по его поручению дочь местного священника А. Посельская провела учет детей школьного возраста. Будагову выделили один из бараков на берегу Оби для школы, в которую было набрано более 100 учащихся. Учительница первой школы Степанида Павловна Козлова рассказывала: «По приглашению Г. М. Будагова мы с мужем Н. В. Козловым прибыли в поселок для занятий в школе. Будагов предложил посмотреть барак, предназначенный для школы. Мужа моего назначили заведующим, а меня — вторым учителем».

На содержание школы были собраны средства среди рабочих и служащих, охотно откликнувшихся на призыв инженера, значительную же часть их дал из своих сбережений сам Григорий Моисеевич. Впоследствии некоторые средства школа получала от самодеятельного драмкружка, ставившего в поселке спектакли и концерты. Руководителем кружка стал Николай Васильевич Козлов, прекрасный музыкант — он хорошо играл на скрипке, гармони, пиа-

нино, был танцором, певцом и незаурядным артистом. Из воспоминаний первых учителей известно, что они не только учили грамоте, но и вели культурно-просветительскую работу. Для подростков и взрослых проводили воскресные чтения, сопровождая их «туманными картинами». Организовали хор, в драмкружке ставили пьесы Островского, Гоголя. Декорации им рисовали инженеры и техники. Спектакли пользовались огромным успехом. «Помещались они сначала в казенном доме, — писал журнал «Нива», — теперь для этой школы выстроено специальное здание с приспособлениями для театра... Школа во всех отношениях обставлена прекрасно: имеется «волшебный фонарь», фисгармония, масса учебных пособий...»

...Имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство, если признаете возможным, дать распоряжение, чтобы в устроенной мною в поселке Новониколаевском школе были произведены штатным смотрителем весною текущего года установленные экзамены, — писал Будагов попечителю учебного округа. В очередной информации к попечителю уточнялось, что школа помещается в здании бесплатной народной библиотеки-читальни, устроенной на средства, собранные по подписке.

А первая школа по-прежнему находилась около речки Каменки, в самом начале нынешней Большевистской улицы, старожилы ее так и называли Будаговской. Днем в школе обучались ребятишки, а вечером — взрослые. Инженер являлся попечителем обеих школ и заботился о них все время, пока не окончилось строительство и его не перевели на новый участок работы. По примеру Будагова в 1896 году на ст. Обь на частные средства также открыли школу.

31 мая 1897 года после испытаний с нагрузкой в четыре паровоза мост через Обь торжественно открыли.

После Октябрьской революции 1917 года Г. М. Будагов продолжил свою профессиональную деятельность, его богатый опыт и знания оказались востребованы. Кстати, Георгий Моисеевич, уже будучи действительным статским советником, в 1911 году вновь посетил Новониколаевск, когда ему поручили возглавить строительство Алтайской железной дороги. Позднее он работал в техническом комитете Народного комиссариата путей сообщения, был членом ВСНХ. Скончался известный инженер-просветитель в Петрограде в 1921 году. По стопам отца, став мостовиком-строителем, пошел сын Григорий Григорьевич Будагов. Однако судьба и карьера его сложились не так успешно, наступили суровые времена, Г. Г. Будагов был дважды репрессирован и... сослан в Сибирь. Так что город на Оби и красавец-мост, построенный отцом, довелось ему увидеть сквозь решетку тюремного вагона. Позднее Григорий Григорьевич, в переписке и при личных встречах с сибирскими историками, поделился своими воспоминаниями об отце, передал фотографии и копии документов, относящиеся ко времени пребывания Г. М. Будагова в наших краях...

Талантливый инженер, ведавший огромным по тем временам строительством, Григорий Моисеевич Будагов был популярнейшей личностью в поселке. Незаметно, без официальных решений, улица Трактовая стала име-

новаться Будаговской, так как располагалась она возле моста, который он строил, здесь же находилась организованная инженером школа. Тщетно сегодня искать такую улицу на карте города. Прошло время, и мы, «благодарные потомки», переименовали Будаговскую в Большевистскую. Переименовали много улиц. Никто не спорит, что надо было сменить название Кабинетской на Советскую, Дворцовой на улицу Революции. Соответственно времени звучит и Большевистская... Но справедливо ли это по отношению к памяти человека, столь много сделавшего для города?..

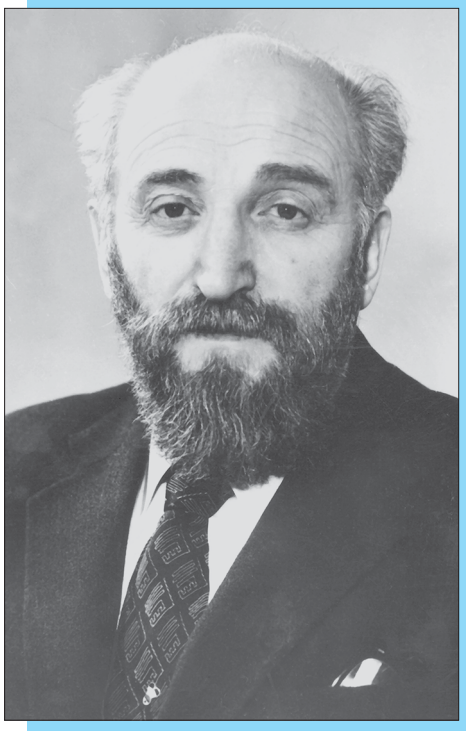
Григорий Моисеевич Будагов построил надежный и красивый мост, положил начало системе школьного образования в городе на Оби. Он думал о нас. Наверно, это черта характера всех первооткрывателей, смысл их жизни... Когда-то, впервые увидев бескрайние просторы Сибири, Н. Г. Гарин-Михайловский написал: «Что-то общее, единое для всей России — жизнь устроена не так, как нужно народу. Но Сибирь, богатая, неизведанная, — это страна, которая ближе всех подходит к мечтам о том, что когда-то будет...» Удивительно, но и сегодня, по прошествии ста десяти лет, эти слова все еще актуальны... до последней точки в многоточии. Будем верить, что мечтам о счастливой и богатой жизни когда-нибудь суждено сбыться, а пока вспомним благодарным словом всех тех, кто стоял у истоков возникновения нашего города. А может быть, не только вспомним, но и начнем постепенно отдавать долги, восстановим историческую справедливость — вернем улицам, площадям и скверам прекрасные имена первопроходцев. А еще создадим в их честь музей под открытым небом, тем более что уже много лет существует замечательный проект, авторами которого являются заслуженные деятели науки и техники РСФСР, доктора технических наук, профессора НИИЖТа Г. Власов, А. Дюнин, К. Коржавин:

Мост, хотя бы в какой-то его части, должен быть сохранен. Он — первый на Оби, начало нашего города, единственное крупное инженерное сооружение, доставшееся в наследство Новосибирску от прошлого (уже позапрошлого — **авт.**) *века. Одно из подвесных сооружений длиной 87 метров установить у берега на специальных опорах. Установка пролетного строения с инженерной точки зрения особой сложности не представляет. Наиболее подходящее место — вблизи пристани Октябрьская. Конечно, сооружение должно быть архитектурно и художественно оформлено, как исторический памятник. Он представляет собой образец русского инженерного искусства.*

Действительно, во всех цивилизованных странах фермы старых мостов никогда не пускают в переплавку, так почему хотя бы одному пролету нашего моста-трудяги не дать вторую жизнь. Здесь можно оборудовать не только смотровую площадку, с которой посетители смогут увидеть захватывающую панораму набережной и всех обских мостов, но и создать музей первостроителей города. Думается, в экспозиции этого музея среди других замечательных имен имя Григория Моисеевича Будагова будет достойно представлено.

Ирина КОСАРЕВА

«Необычное должно вызывать интерес...»

Андрей Михайлович (Герш Ицкович) Будкер прожил мало — фронтовики не живут долго. А на фронт будущий академик ушел сразу после заключительного государственного экзамена в университете. И там, на фронте, в полевой зенитной части он сделал свое первое изобретение — усовершенствовал систему управления зенитным огнем. Наверняка не только потому, что этого требовала боевая обстановка. Ему еще и было интересно. «Необычное, — считал великий физик, — должно вызывать интерес». Так он и жил — со жгучим интересом ко всему необычному, к фантастическим и как будто бы нереальным задачам, а он их решал, к недоступным, казалось, женщинам, а он их покорял, к рисковым поступкам, которые потом, как правило, признавались оправданными. При всей его фанатической

преданности физике Андрей Михайлович, сам это слышал, говорил, что его поколение запомнится не атомной бомбой, а тем, что оно переломило хребет фашизму. «А мы в этом, — с удовольствием, даже со страстью уточнял он, — принимали участие». И такие радость и гордость были в его словах, что он тоже фронтовик.

Но это — поколение, а сам Будкер остался, конечно, в истории науки как выдающийся физик. В том числе и потому, что необычное он делал обычным и привычным. Ему столько раз не верили, что вполне можно было отчаяться. Абсолютно безнадежной и даже авантюристской считалась, например, идея о встречных пучках. Еще более характерный пример «безумности» Будкера — электронное охлаждение. Это метод, позволяющий получать плотные («холодные») пучки тяжелых заряженных частиц — протонов, антипротонов, ионов. Как уточняется в книге очерков и воспоминаний о Будкере, «пока этот метод не был продемонстрирован в ИЯФе, ни одна лаборатория мира не рискнула взяться за такую, хотя и весьма многообещающую, но казавшуюся безнадежно сложной проблему». То есть неверие было тотальным, но Будкер преодолевал и его. И не думаю, что только с помощью эрудиции, исключительной воли и целеустремленности. Я раз пять был на встречах с Будкером, и меня поражало совсем другое — огромное обаяние этого человека.

Помню, как приехал в ИЯФ вместе с группой иностранных журналистов. Ровно через две минуты беседы все были под гипнозом обаяния Будкера. Особенно одна немецкая журналистка, которая тараторила, как восторженная птичка. Будкер смотрел на нее так, словно все, о чем она спрашивала с пулеметной скоростью, было ему понятно. Хотя, как это ни странно, Андрей Михайлович не знал ни одного иностранного языка. Среди физиков случай почти исключительный. Сейчас буквально все они знают, по крайней мере, английский язык. Но вот Будкер не знал, однако ничто в нем это незнание не выявляло. Правда, почти при всех встречах он приводил один и тот же пример, когда рассказывал о «точности полета» частиц. Он вспоминал про Вильгельма Телля, который пускал свою стрелу в яблоко на голове человека. Это сравнение, безусловно, весьма условное, ему явно нравилось, и он его эксплуатировал постоянно. Но каждый раз приводил его с такими живыми и новыми деталями, что пример никогда не наскучивал.

Кроме того, физики часто говорят, а то и пишут лучше, чем литераторы. В Будкере это проявлялось особенно. Он любил театр, литературу, встречался с артистами и послами и влюблял в себя без всякого напряжения почти любую аудиторию. Эти особенности натуры делали его нестареющим. Появившаяся седина и заметная полнота под свитерами, которые он любил носить, ничего не значили. Характерно, что когда Будкер умер, то все его многочисленные друзья и ученики вспоминали о нем, как о человеке, который молод и... рядом. Это влияние светлого таланта.

Да и работа его, по сути, вся была связана со светом, излучением. Недаром такое слово, как «светимость», физики произносят как самое обыкновен-

ное. Кстати, это тоже Будкер первым предложил использовать уникальные свойства синхротронного излучения, которое поначалу казалось зряшным, ненужным. А теперь это излучение используется для проведения экспериментов чуть ли не во всех отраслях знания, а не только, положим, в химии и биологии. В ИЯФе работает центр синхротронного излучения, который «освоили» для своих целей ученые многих стран мира. В книге воспоминаний возможности давнего предложения Будкера подтверждаются экспериментами по изучению динамики структурных перестроек молекул живой мышцы лягушки в процессе ее сокращения. За цикл этого сокращения, длящегося всего около десятой доли секунды, удается получить шестьдесят (!) последовательных рентгенограмм. Но идут годы, институт Будкера продолжает работать, светимость синхротронного излучения увеличена на многие порядки, и сейчас можно приводить примеры, по сравнению с которыми тот что в книге кажется скромным. Будкер так организовал ИЯФ, что непрекращающееся при любых условиях развитие стало для него не то что нормой, а как бы генетическим признаком.

Сам Андрей Михайлович принцип управления институтом формулировал шутливо, но весьма точно:

— Если я окружу себя аппаратом, то аппарат, естественно, повернется лицом к директору и окажется, скажем так, спиной к членам ученого совета. А если я окружу себя членами ученого совета, то аппарат, находясь снаружи первого круга, все равно повернется ко мне лицом, но теперь он невольно будет повернут лицом и к членам совета.

За этой шуткой Будкера стояла настороженность к аппарату, склонному к диктату и бюрократии. Андрей Михайлович кадры подбирал с таким

С академиком М.А. Лаврентьевым

тщанием, с каким подбирают в разведку. При всем своем добродушии и юморе он умел иных людей и на место поставить. Об этом интересно вспоминает академик Эдуард Павлович Кругляков, нынешний заместитель директора ИЯФа. Будкер пригласил его на собеседование в числе восьми самоуверенных студентов знаменитого Московского физтеха и устроил этой студенческой команде полный разгром. Им было доказано, что физику они не знают и о себе слишком мнят. В ИЯФ был зачислен один Кругляков и по причинам, которые и сегодня остаются для него загадкой. А среди семерых отвергнутых Будкером и его сотрудниками потом было три доктора наук и два лауреата Государственной премии. Но это потом, а тогда они Будкера не заинтересовали. Как слабые.

Правда, Будкер, как-то отвечая на вопрос, заданный ему на одной пресс-конференции, говорил:

— Нам неважно, какой физик приходит в институт работать. Раз он пришел в ИЯФ, мы его физике обучим. Нам важно, какой это человек — хороший или плохой. Опасно пропустить плохого в институт. Он может нарушить наше единство.

Я, как говорится, «купился», на это немного лукавое заявление Будкера и всячески его пропагандировал в редакционных кругах. Но потом те же ияфовцы меня разуверили: «Поверьте, если бы физик был плохой, а человек хороший, то Будкер бы его тоже вряд ли потерпел. Хороший человек — это не профессия. Андрей Михайлович был сам высочайшего класса профессионал и очень любил и ценил профессионализм, часто повторяя: «Свое предлагайте, свое, необычное должно вызывать интерес. Если оно пугает вас или наводит на вас скуку, значит, вы не ученый». Нет, рядом с ним плохих физиков не было...». Так же, как их нет и сейчас, когда директорствует в ИЯФе уже много лет академик Александр Николаевич Скринский. Традиции сохраняются и при подборе кадров, и при постановке задач, и по отношению к необычному.

Сейчас, нередко бывая в ИЯФе, читая и слушая о Будкере, хочу понять, с каких поступков, идей и дум «начинаются» в России интеллигенты. И пришел к выводу, что одна особенность характерна почти для всех, кто отмечен талантом и самобытностью. Это стремление к свободе, к независимости суждений. Будкер родился в 1918 году, он был пронизан идеями революции о свободе и братстве. А когда свобода обернулась диктатом, то у таких людей, как Будкер, это стремление могло только усилиться. Да еще в свободолюбивой среде физиков, которых почти не задели репрессии. Да еще во фронтовике, который вышел из войны с никогда не затихающим чувством победителя.

Будкер, озорной атеист с атакующими способностями, еще в детстве решил перевоспитать священника.

— Бог всемогущ? — спросил у него красивый мальчик.

— Да, конечно, — торопливо согласился служитель церкви.

— Тогда сможет ли он выиграть в карты, если у меня будут все тузы?

Вот тут священник задумался, а потом воскликнул с негодованием:

— Так он тебе дураку и позволит, чтобы у тебя были все тузы.

Андрею Михайловичу очень нравилось это воспоминание. Потому, наверное, что он всегда хотел иметь «все тузы», а российская действительность этого никак не дозволяла. Он, конечно, никогда не забывал, что в свое время его, фронтовика и уже блестяще зарекомендовавшего себя ученого, отстраняли от закрытой термоядерной тематики; что его идеи резко критиковал академик В. И. Векслер и между ним и Будкером был скандал; что он, ненавидя и презирая бюрократизм, перегибал палку и ссорился, вплоть до разрыва, даже с любимыми учениками и коллегами. Но отступать он не умел и не хотел, если считал, что прав.

— Он всю жизнь стремился к независимости, — подчеркивали и академик Кругляков, и член-корреспондент РАН Кулипанов, да и чуть ли не все, с кем довелось беседовать. К независимости в суждениях, в работе, в финансах, в подборе учеников, в чувствах — во всем. Из Москвы, из курчатовского института Андрей Михайлович уехал потому, что там ему и его таланту было тесновато — столичные рамки и традиции обуздывали. Ему хотелось создать не такой физический институт — иначе организованный, с другими задачами, чем курчатовский, в котором его далеко не все устраивало. Это уже была некая дерзость по тем временам. Однако он добился своего в Сибири, где независимости было больше, и создал институт, свой любимый ИЯФ, которому, в сущности, в стране прототипа нет. ИЯФ даже в Сибирском отделении, которое задумано было отцами-основателями — академиками М. А. Лаврентьевым, С. Л. Соболевым и С. А. Христиановичем — с редкостной прозорливостью и умением, как-то всегда «выламывался» из общего строя. Выламывался масштабом, грандиозностью решаемых задач, умением продавать свою продукцию и зарабатывать средства, позволяющие независимость и оберегать, и поддерживать. Будкер в последние годы жизни, еще задолго до нынешнего ущербного состояния науки, серьезно подумывал о выходе ИЯФа из состава Сибирского отделения, чтобы обрести полную самостоятельность. Атеисту Будкеру словно кто-то свыше подсказывал, как надо организовать институт, чтобы его не сломило никакое лихолетье.

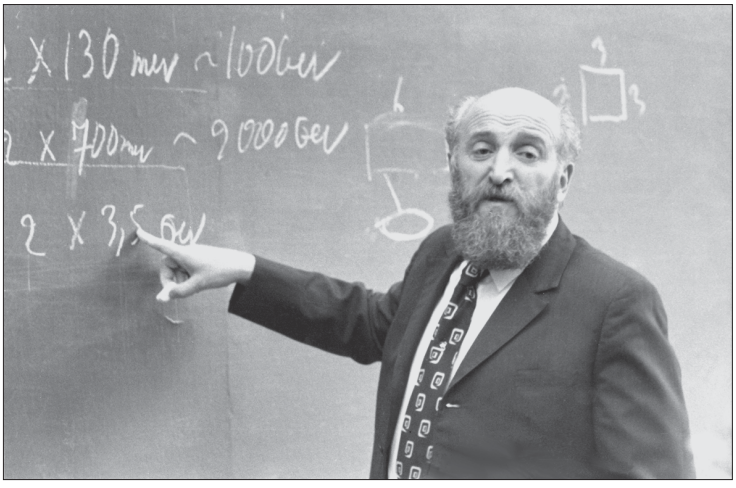
Ему ни в чем не изменили чутье и опыт. Чувствуя свой уход из жизни, он, беспокоясь за институт, безошибочно определил кандидатуру следующего за ним директора ИЯФа — академика Скринского. Задолго до нынешних реформ он добился постановления, разрешающего ИЯФу самому назначать цены на свою продукцию, не согласуя их ни с кем. В том числе и с Госкомитетом по ценам. Случай исключительный, если не уникальный по тем временам, когда свыше планировалось даже производство гвоздей. Будкер редко «играл» по правилам для всех. Но быть «как все» его чаще всего и не устраивало. У ИЯФа, например, деньги в конце года не списывались, как повсюду, а оставались на счету института и использовались для его дальнейшего развития. Удивительное дело: институт до сих пор работает, как при социализме, сохраняя все коллективистские начала, а в рынок вписался раньше и лучше всех. И в этом тоже огромная заслуга Будкера, его принципа «необычное должно вызывать инте-

рес». Выйдя из курчатовского гнезда, располагаясь там поначалу в старом корпусе, в бывшей поликлинике, ИЯФ с первых же шагов отличался повышенной самостоятельностью и независимостью, жил «не по правилам». Птенец «не так» искал пищу и «не так летал». Скорее всего, в Москве его бы «заклевали». А в Сибири он так высоко взлетел, что его разглядел и признал весь мир.

Будкер в институте все подчинил физике. В ее рамках разрешался практически любой «полет». Нередки бывали полеты пустые — без червяка в клюве. Но их с большим плюсом компенсировало то, что добывалось. Будкер, любитель анекдотов, розыгрышей и шуток, мог между делом заметить, увидев в лаборатории большой аквариум с красивыми рыбками: «Какая замечательная вещь! Вы можете изучать топологию полей прямо в аквариуме. Если поставить электроды, «устроить» разность потенциалов, то как будут себя вести рыбки? Уверяю вас: они будут ориентироваться строго поперек электрического поля, чтобы их меньше било».

Экспериментатор в Андрее Михайловиче побеждал все остальное. Это хорошо знали. Молодые физики, воодушевленные директором, тут же решили все устроить и посмотреть, как рыбки будут перегруппировываться. Они действительно под током перегруппировались молниеносно, правда, часть из них при этом сдохла. Этот анекдотический случай очень характерен для Будкера и всего ИЯФа. Андрей Михайлович ускорители больше ценил не как продукцию, которая прославила ИЯФ по всему миру. Ему было важнее, что ускорители «производят» мысль, знания. И снова был прав. Сейчас за идеи, за знания платят больше всего. Будкер учил и знал не только физику. Он хорошо учился у самой жизни. Например, с благодарностью вспоминал своих армейских командиров — строгих и абсолютно справедливых. В уставе, говорил он, не сказано, какое принимать решение — оптимальное или правильное. Но

отсутствие всякого решения, пассивность и растерянность в критической ситуации — еще хуже. Самого его чаще всего устраивали только кардинальные решения, выводящие физику на новые рубежи. Таким решением оказались встречные пучки.

Впрочем, фонтанировал он идеями не в одной физике. Его научная серьезность хорошо сочеталась с озорным юмором. Как-то французскому писателю он предложил ответить в романе на вопрос: может ли жизнь развиться из... консервов? Будкер, воодушевленный собственной идеей, стал говорить цветисто и образно, требуя от переводчицы дословного перевода. Но все равно фантаст идею не поддержал — роман такой не появился. А жаль. Мне, например, понравилась идея Будкера. Тем более что сегодняшняя жизнь нередко напоминает нечто консервированное, если судить по тому, как скучно и одинаково многие люди сейчас мыслят, одеваются, едят и даже... поют.

Свой институт Будкер «сколачивал» из индивидуальностей, но объединенных общими идеями в физике. Это была основа для саморазвития.

Андрей Михайлович видел, что жизнь в стране ухудшается и у физиков тоже будут пределы. Поэтому он принял меры против возможного распада. Будкер позаботился, чтобы ИЯФ всегда был коллективом, который бы не распадался на группы ни в какие времена. Это, может быть, история зачтет ему прежде всего. В ИЯФе по сию пору все лаборатории, несмотря на разность тематик, очень тесно связаны друг с другом, особенно при решении новых задач. Это определяется масштабами самих задач. Практически ни одну из них в рамках одной лаборатории не решить. Это еще и потому, что Андрей Михайлович проявил в свое время здоровый эгоизм: всю тематику института он «придумал» под свои научные интересы. На решение их он и мобилизовал институт. К счастью, его научные интересы были настолько широки и оригинальны, что физике еще долго хватит задач для решения.

Конечно, рынок заставляет институт привыкать к задачам и других направлений. Но у ИЯФа есть уже давний опыт привыкания к разным задачам. И знаний достаточно, чтобы их решать. Знания эти давно оценены тем же рынком. Но вместе с ним пришло и некое противоречие. Сейчас в ходу гранты, которые зарабатываются и выдаются индивидуально, а не коллективно. Система грантов финансирует личность, лабораторию, она «недолюбливает» коллективы претендентов. А институту прежде всего важны и нужны коллективные усилия. Он более половины средств зарабатывает сейчас на жизнь международными контрактами, выполняя в основном работы для ведущих научных центров мира. Пять лет ИЯФ поставлял Европейскому ядерному центру для огромного коллайдера — установки со встречными пучками — сотни шестиметровых магнитов. Без Будкера такой заказ не потянул бы даже огромный ИЯФ. Спрашивается: а причем тут Будкер? Он же давно умер.

Но именно Будкер в свое время сделал все, чтобы в институте было создано великолепное экспериментальное производство. Больше того, ИЯФ даже строиться начал именно с корпуса экспериментального производства. В нем по-

началу сидели все, что, кстати, тоже способствовало сплочению. Тот корпус ныне уже на задворках института. С тех еще пор Будкером заведено не делить по степени важности фундаментальные и прикладные работы. Кстати сказать, прикладные работы сейчас вышли явно на первый план. Еще в советское время ИЯФ поставил в разные страны более ста ускорителей. До сих пор с их помощью очищают зерно и промышленный дым, выпускают трубы, производят различные материалы и т. д. А сейчас с помощью сибирского ускорителя в США даже реализована идея борьбы со спорами сибирской язвы. В принципе лучевой технологии все равно что обеззараживать — зерно или белый порошок в конвертах.

Позволю себе два воспоминания... Когда строился двенадцатый или тринадцатый корпус ИЯФа, точно уж не помню, я спросил у Будкера: «А вы когда-нибудь перестанете строиться?». Андрей Михайлович ответил: «Надеюсь, что никогда».

Ответил так, как будто перед ним была «расстелена» безграничность физики и ее возможностей вместе с безграничностью финансов.

И второе отступление. В молодости я работал редактором многотиражки на большом станкостроительном заводе, где были первоклассные токари и расточники. Они иногда зарабатывали больше директора завода. С ними считались, их почитали. И вот один из таких асов вдруг собрался в ИЯФ. Его уговаривали, просили остаться, обещали еще более весомый заработок — ни в какую. Я его спросил:

— Ты чего уперся? На заводе ты свой, профессор, можно сказать, на станке, а в институте своих профессоров полно...

— Нет, — не соглашался заводской ас, — все равно уволюсь. Меня сам Будкер принимал... Я ему вроде как понравился...

Так и ушел.

Ну а теперь другая заводская история. В Воронеже после войны находился завод по производству искусственного каучука. Там использовалось вещество, называемое никалем, очень опасное для здоровья. ПДК (предельно допустимые концентрации) на никаль очень малы. Но длительное время надежных способов уничтожения его не было. Биологические методы не помогли — микробы от этого вещества дохли. И тревога в городе стала перерастать в беду. Никаль в производстве применять перестали, но от этого он никуда не делся. Его закачали в глину, устроив подземную линзу — резервуар. Но шло время, никаль никуда не исчезал и мало-помалу проникал в водные пространства Воронежа. Пришлось делать водозабор: сначала в десяти километрах от города, а потом аж в ста километрах. Но никаль словно гнался за всеми, не желая отступать. И тогда, восемнадцать лет назад, воронежцы решили поставить промышленный ускоритель и всю откаченную с никалем воду пропустить тонким слоем по желобу и облучить. И только после этого молекулы никаля стали разрушаться, а биологическая очистка расправлялась с ним окончательно. А потом, уже безвредную, воду закачали туда, где она и была.

Зараженной воды было столько, что сначала непрерывно, день и ночь, работали два, а потом и три ускорителя ИЯФа. И если раньше диаметр зараженного озера был порядка пятнадцати километров, то сейчас это небольшое озерко на территории завода. Это была настоящая экологическая победа физики — миллионный город был защищен от опасного заражения. С таким же успехом ускорители ведут и очистку дыма от окислов серы и азота. Но в Японии, на мусороперерабатывающей фабрике... К сожалению, не у нас, не в родном Новосибирске, где неподалеку от ИЯФа уже какой год строится да никак не выстроится мусороперерабатывающий завод. Тем временем в Японии после пуска ускорителя концентрация окислов азота и серы уменьшилась в 40—50 раз. Да еще сера при этом превращается в порошок, то есть в готовый продукт. Все почти так же, даже лучше, замыслено и в Новосибирске, но пока лишь замыслено. Отечественный рынок ныне покупать ускорители не в состоянии. Как бы этому огорчился Андрей Михайлович Будкер... Еще бы! Китай каждый год покупает ускорители целыми сериями. Их покупают Япония, Южная Корея, Германия и многие другие страны. А Россия не покупает, она бедна, хотя имеет первоклассную продукцию и замечательные кадры научной школы Будкера и Скринского. Правда, уже рассыпанные в значительной степени по всему белому свету. Замечу для характеристики высокого класса этой школы, что один бывший ияфовец — директор Института теоретической физики в США, другой — директор института в Сиднее, бывший заместитель директора ИЯФа академик Рютов работает в знаменитой Ливерморской лаборатории, а в Аргонской лаборатории целая футбольная команда — одиннадцать человек — из ИЯФа. Надо сказать, что большинство из них свой родной институт не забывают и всячески ему помогают.

Можно, вроде бы, опечалиться приведенными фактами. Но я не забыл юбилей в честь 40-летия института и в память о его основателе — Андрее Михайловиче Будкере. Это был пир, но не гастрономический, а радости, юмора и веселья. На каждом корпусе института висели чеканные по своей афористичности лозунги. Например, такой: «Там вам не здесь». Эта лаконичная формулировка демонстрировала и иронию, и гордость, и независимость.

А потом, после юбилея, я читал очередной годовой отчет о работе института и сбился со счета, отмечая слова «открытие», «изобретение» и «пионерские работы». В отчете попадались сообщения, которые звучали, как научная фантастика. Например, такое, не очень внятное для гуманитария, но загадочное и интригующее, как океанская глубина: «Обсуждается геометрия «кротовой норы», то есть когда искривление пространства — времени таково, что имеется «горловина», соединяющая два мира, которую наблюдатель может пройти в обоих направлениях». Нет, школа Будкера ничуть не устарела и не ослабела, если она уже какой-то горловиной соединяет два мира. И впрямь — там вам не здесь!

Справка: Г.И. Будкер родился 1 мая 1918 г. в городке Мурафа Винницкой области. Умер 4 июня 1977 г. Похоронен на Южном кладбище в Академгородке.

Ролен НОТМАН

Из поколения героев

Они уходят, оставляя нас один на один с новым веком. Вместе с ними безвозвратно уходит в прошлое их время, когда высшей доблестью считалось благо народа, и выполнение плана на заводе становилось праздником всего коллектива; пенсионеры выходили к станкам в конце месяца, чтобы помочь родному предприятию, а запуск нового самолета был заботой и головной болью каждого — от заклепщика до директора завода.

Время героев и романтиков, потому что мечтали они о великом счастье всех народов и искренне верили, что своими ежедневными лишениями, самоотверженностью, трудом на грани изнеможения они, вопреки всем законам экономики и истории, приблизят это счастье.

Время чудес, потому что они многого достигли.

Это время ушло, кануло в Лету. И лишь немногие памятники — вроде той мемориальной доски в честь Героя Социалистического труда Глеба Ванага, которая сегодня висит на здании заводоуправления, — напоминают о нем.

Время ушло, но остались люди, которые еще помнят завод «времен Ванага». Осталась по сей день слава предприятия, которое поддерживало высокую марку советского качества — самолетами мы еще долго будем гордиться...

Глеб Алексеевич Ванаг — из поколения героев. Для него понятие «служить народу своему» — были не просто высокие слова, не только лозунг, но жизненный принцип. Естественное состояние души, если хотите. Он был полон стремления изменить мир к лучшему. Для него никогда не было разделения «дом — работа». Да и не существовало для него понятия «работа», которую можно забыть, выходя за проходную. У него было Дело, которому он служил преданно и беззаветно. Не считаясь ни со временем, ни со здоровьем...

Он родился в Ташкенте 26 апреля 1922 года. Затем родители переехали в Бийск, оттуда — в Новосибирск. В 1940 году, окончив школу, Глеб поступил в Казанский авиационный институт.

— Во времена моего детства, — рассказывал Глеб Алексеевич, — вся детвора бредила авиацией. И я в авиамодельном кружке занимался чуть ли не с четвертого класса. Поэтому пошел в авиационный институт. Даже то, что не пришлось его тогда окончить, на мой взгляд, не повредило: во время войны все своими руками прочувствовал. И уж потом вопроса о выборе профессии не стояло.

Война не дала нормально учиться. После окончания первого курса Глеб вернулся домой, пошел работать на завод. Сначала — слесарем-сборщиком, потом механиком... К 1945 году вырос до начальника цеха. Головокружительная карьера, даже для суровых военных времен.

Но голову Глебу Ванагу вскружить было трудно. И сразу после окончания войны он возвращается к учебе.

Студенческая группа, в которую он попал, состояла большей частью из фронтовиков. Ровесников Глеба. Но за их плечами были кровь и боль войны, и хотя они старались забыть ее, быстрее перейти к нормальной мирной жизни, получалось не всегда. Нередко случались конфликты. Особенно с теми, кого вчерашние фронтовики считали «тыловыми крысами». Но именно они, фронтовики, избрали Глеба своим вожаком, поверив его уравновешенности, приняв его объективность и чувство справедливости. Убедившись в настойчивости и умении добиваться своего.

А этой настойчивости Ванагу было не занимать. Его знаменитое упорство и жизненный принцип — «уверен в своей правоте — не отступай» вошли в легенду, стали своего рода визитной карточкой Глеба Алексеевича. Причем, не только в делах производственных.

Высокий белокурый красавец Глеб никогда не испытывал дефицита женского внимания. Но встреча на волейбольной площадке с юной выпускницей медицинского института Анной мгновенно отодвинула на второй план все учебные проблемы.

— Я уже закончила институт, была врачом, — вспоминает Анна Константиновна, — за мной ухаживали взрослые мужчины — инженеры, врачи. На этом фоне Глеб чувствовал себя неуверенно. Но увидеть это можно было только хорошо зная его. Он всегда производил впечатление человека крайне сурового, хотя на самом деле был очень внимательным и романтичным. Он провожал меня до квартиры и порой сидел на перилах до утра, мои родные даже ругались — неудобно, дескать, что за молодой человек ночует у нас в подъезде... Конечно, я не могла устоять против такой «осады», и когда Глеб предложил стать его женой, согласилась.

В Новосибирск мы приехали в 1950-м. Когда мама собирала меня, все старалась вручить подушки, постельное белье, какие-то вещи... А я вслед за Глебом повторяла — ничего не надо, все у нас есть... Но когда мы сошли с поезда, свекор удивленно оглядел наши чемоданы и спросил: «А где же вещи?». Он заказал грузовую машину, поскольку сын с женой возвращались домой. И ехала эта грузовая машина за нами на улицу Кирова пустая...

Это потом уже я поняла, что на самом деле Глеб равнодушен к быту. Он уже был директором крупного завода, к его слову прислушивались в городе, он пользовался заслуженным авторитетом, но когда вставал вопрос о какой-то покупке, начинал нервничать. Не денег жалел — этого за ним никогда не водилось. Ему не нравилась сама ситуация, что надо куда-то идти, просить... У него были совсем другие приоритеты.

В одной из пожелтевших от времени газет есть отчет о встрече Глеба Алексеевича, к тому времени уже бывшего директора, с работниками завода. Отвечая на вопрос: «Какими качествами, по-вашему, должен обладать руководитель?», Ванаг сказал:

— Я начал работать самым молодым директором в стране, а закончил самым старым. Не по возрасту, имеется в виду, по стажу работы. Очень рано понял самое главное — надо быть честным и настырным в хорошем смысле, ни в коем случае не болтуном. Ничего для себя лично. Не канючить, что не успел чего-то, что нет сил, возможностей. Не жалеть времени — работе отдавать столько, сколько необходимо. Даже выражение лица у руководителя должно вселять в остальных уверенность...

И всем этим принципам он действительно следовал до конца.

Когда вернулся после окончания института в родной город, заново пришлось проходить все этапы профессиональной карьеры — старший механик, начальник линейки, заместитель, а потом и начальник летно-испытательной станции завода.

Он приходил домой поздно, порой даже не успевал пожелать детям спокойной ночи. Но это было нормально. А вот если возвращался рано — жена начинала волноваться.

— Однажды Глеб вернулся рано, — вспоминает Анна Константиновна. — Мы еще жили с его родителями. Увел меня в нашу комнату и спрашивает: «Аня, а что будет, если жидкость из огнетушителя попадет на человека?» Я удив-

ленно отвечаю: «Одежда испортится. А что случилось?» — «Да я пеной из огнетушителя все брюки облил...»

Оказывается, после посадки загорелся самолет. А внутри — вся документация, все материалы облета. Летчики выскочили, Глеб велел всем отойти на безопасное расстояние, а сам облился пеной и влез в машину за документами...

Героизм? Безусловно, но только с нашей точки зрения, на взгляд постороннего. Для Глеба Ванага движение это было естественным и нормальным. Он — руководитель, он отвечает за проведение испытания, значит, он и должен действовать...

Помните знаменитые романы Юрия Германа о Владимире Устьянцеве «Дело, которому ты служишь», «Я отвечаю за все»... Писатель, обладая особым художественным видением, за характером отдельного героя сумел различить черты поколения. И рассказывая о Ванаге, невольно обращаешься к каноническим заголовкам Германа. Потому что «Я отвечаю за все» — действительно принцип жизни Глеба Алексеевича. Да и сам он не раз подтверждал это. А для обоснования правильности своей позиции нередко вспоминал историю, случившуюся на казанском заводе, где начинал работать в годы войны.

Пришел приказ — увеличить производство двигателей втрое, за три месяца его надо выполнить. Специалисты подсчитали — такое решение выполнить невозможно, и отправили Сталину обоснованное письмо, под которым подписались около 90 лучших техников и инженеров завода. Очень скоро все были сосланы в штрафной батальон. А задание было выполнено через четыре месяца.

— Жалко людей? Конечно, — комментировал свой рассказ Глеб Алексеевич. — А почему бы директору одному не подписать то письмо? Нет, он спрятался за спинами этих людей! «Коллективное решение». Решение — да, а ответственность за него должна быть персональная.

И этому принципу персональной ответственности Ванаг следовал всю жизнь.

Из министерства пришла установка — передать заводские фабрики-кухни общественному питанию. Днем пусть там питаются рабочие, а вечерами открыть двери для всех желающих. Ванаг внимательно наблюдал за теми предприятиями, которые поспешили выполнить «установку центра». Увиденное не обрадовало. В штатах столовых нет наладчиков, чтобы исправить неполадку, надо вызывать мастера со стороны, ждать, пока придет очередь ремонта. Запчастей нигде нет, откажет электрооборудование — закрывай столовую. В штатах завода такие проблемы решаются моментально... Словом, не выполнил Ванаг установку. Только время показало, насколько правильно поступил. Мы сегодня, тридцать лет спустя, можем воочию наблюдать, к чему приводит передача ведомственной собственности в муниципальную. Он предвидел. И рабочих своих на милость общественного питания не отдал. Звонили, пугали неприятностями. Но Ванаг никогда не боялся неприятностей.

Помните его принцип — «уверен в своей правоте — не отступай». Он и не отступал.

А история с кирпичным заводом? На Чкаловском всегда велось строительство жилья, имелось свое подсобное хозяйство. Очередной приказ «от Хрущева» требовал реформирования подсобного хозяйства и закрытия кирпичного завода. Хрущев, как известно, был сторонником железобетона и считал кирпич материалом вчерашнего дня. Ванаг противился сколько мог. А когда совсем уже дожали, завод продал. И... прикупил такой же, но в другой стороне.

Коллеги-директора пугали: смотри, таких не любят, вылетишь с завода. А он выпускал кирпич и строил дома для людей. И когда заместитель министра в очередной раз, посмеиваясь, спросил: «Сколько жилья контрабандой построил?», Ванаг с прямотой обреченного ответил: «Ничего, зато люди довольны».

Вскоре нагрянула министерская комиссия, а с ней целая делегация руководителей со всего Союза. Приехали учиться, как надо жить.

Он никогда не боялся ни работы, ни ответственности. Не искал легких путей и вольных хлебов. Должность секретаря парткома предусматривала дальнейшее продвижение по карьерной лестнице. С нее начали «самостоятельное плавание» руководители многих предприятий Новосибирска. Предложили новую должность и Глебу Алексеевичу. В 1963 году его перевели начальником управления агрегатостроения Новосибирского совнархоза. Казалось бы — радоваться надо. Большой кабинет, крупная должность. А он маялся, не находя себе места, тоскуя по заводской суете, по работе с людьми. Впервые в жизни серьезно заболел — Анна Константиновна даже не знала, выживет ли. Почти месяц не отходила от его кровати в реанимации...

Наверное, не только физиологическими причинами можно объяснить болезнь. Ведь после, вернувшись на завод, снова держал практически любые нагрузки, потому что точно знал — он необходим заводу, людям. Организм дал себе возможность передохнуть. Словно предчувствуя, как нескоро снова представится такая возможность.

В мае 1964 года Глеба Ванага назначили директором Новосибирского авиационного завода имени Чкалова.

Как нарочно, все складывалось так, что план выполнить казалось просто невозможным... Подводили поставщики, а когда все было готово, для сборки времени практически не осталось. Это означало, что на следующий год уменьшатся фонды, люди не получат премий, доплат. Глеб Алексеевич понимал, что в одиночку вывести завод из прорыва не удастся. Собирал руководителей подразделений, требовал организовать работу... Но сам понимал — план «горит». Решение напрямую поговорить с коллективом пришло спонтанно. Шел по цехам, увидел клубы дыма из курилки, понял, что немало времени проводят здесь рабочие... Дальше — проще. Собрал кадровых рабочих, объяснил ситуацию, пояснил, что план — это не просто показатели для директора. Это — слава всего завода, материальное положение каждого рабочего.

В министерстве все знали, что план у Ванага горит. А люди сутками не выходили их цехов, на рабочие места вернулись пенсионеры, становились к станкам инженеры, технологи...

Это потом в характеристике напишут:

Творческий подход к работе, стремление к поиску, целеустремленность и настойчивость в достижении поставленной цели, организаторский талант позволили Ванагу Г.А. внести существенный вклад в развитие техники и технологии нашего предприятия. Снизить трудовые и материальные затраты на производство авиационной техники...

А на первых порах важно было создать тот ритм, который позволял бы работать без срывов. Запустить двигатель. Это ежедневная трудная работа, требующая настойчивости и мастерства. Упорства и умения стратегически решать задачи. Видеть перспективы, работать над их осуществлением. А этих качеств Ванагу было не занимать.

Поражала его способность влиять на людей. Все, кто работал с Глебом Алексеевичем, вспоминают его удивительное умение слушать собеседника, вычленять главное и не разменяться на мелочи. Да, он был суров, умел заставить нервничать. Цепкий пронизывающий взгляд, жесткость суждений, резкость фраз... Мягким спокойным человеком Глеб Ванаг никогда не был. Но жесткость и жестокость — понятия разные. Директор был суров, но справедлив. Он никогда не прощал разгильдяйства, но умел ценить профессионализм. Он требовал полной отдачи, но сам показывал пример отношения к делу. Он всегда в первую очередь заботился о деле, о людях, которые зависели от правильности принятых им решений, и никогда — о своем благополучии, о своем месте, о своем реноме...

Научно-технический прогресс прочно входил в сознание страны. В самолетостроении внедрение новых технологий было не просто веянием времени, но актуальнейшим требованием самого производства. Директор пре-

А.А. Леонов и Г.А. Ванаг

красно понимал, что внедрение новых технологий во многом зависит от уровня подготовки всех звеньев. На заводе был разработан план повышения научно-технического уровня, общего и специального образования рабочих. Ванаг требовал от специалистов хорошо развитого чувства нового, сам активно участвовал в научной работе. Он являлся научным и техническим руководителем работ по созданию комплексной системы ускоренной подготовки производства на основе автоматизации процессов, создания источников информации, подготовки технологической оснастки и применения метода объемной увязки. Разработанные им методы отработки новых машин позволили существенно сэкономить сроки серийного освоения и обеспечить высокое качество и надежность.

Глеб Алексеевич руководил работами по внедрению технологии штамповки взрывом. Внимательно следил за постройкой и оснащением лаборатории, курировал все работы по строительству промышленного корпуса взрывной штамповки.

Он активно ратовал за сотрудничество с академическими институтами, благодаря его умению видеть перспективы на предприятии были открыты и успешно работали около двадцати научно-исследовательских лабораторий.

Большой творческий вклад внес Глеб Алексеевич в освоение новых изделий. Под его руководством был осуществлен запуск в производство нового самолета СУ-24.

Успехи предприятия не оставались без внимания государства. Завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской революции. Высоко ценили и директора завода Глеба Алексеевича Ванага. Еще в 1957 году он стал кавалером ордена «Знак почета». Первым орденом Ленина его наградили в 1966 году. Второй вручили в 1971-м, вместе с присвоением звания Героя Социалистического Труда и медалью «Серп и молот». В 1976-м он стал лауреатом Государственной премии СССР, а в 1981-м был награжден орденом Октябрьской Революции.

Но главную оценку ставило небо, когда новый самолет взмывал в воздух и делал «круг приветствия». Это был праздник и для работников завода, и для жителей Новосибирска, и для директора.

Летно-испытательная станция всегда оставалась в центре внимания Ванага. И не только потому, что именно отсюда начинал он свою карьеру руководителя. Именно здесь подводились итоги работы коллектива. Оценка всех усилий была однозначной — идет в небо машина или нет. И хотя время испытаний всегда держалось в строгом секрете, мало ли что может произойти, информация словно распространялась в воздухе. И к моменту взлета все «зрительские места», заборы и крыши, оказывались занятыми людьми. И порой казалось, что забарахлившая машина удерживается в небе силой устремившихся на нее глаз, силой их надежды.

Но испытание самолетов — это больше чем риск. Не всегда за взлетом следовала посадка. Каждый летчик-испытатель знает, на что идет. Каждый ра-

ботник завода знает, что плата за недоработку — чужая жизнь. Авария — общее горе. Можно лишь догадываться, чего стоили неудачи Глебу Ванагу с его обостренным чувством ответственности.

...К испытанию была подготовлена целая группа машин. Тот сентябрьский день выдался хмурым, дождливым. Наконец выглянуло солнце, и хотя на горизонте виднелись хмурые тяжелые тучи, настроение у всех было приподнятое — дождались команды на взлет.

Испытания прошли нормально, но когда стали возвращаться к аэродрому — не нашли знакомой площадки. Низкие грозовые тучи перекрыли все небо. Запросили Толмачево — та же картина. Приборы показывают — бензин на критической отметке, надо срочно принимать решение... Наконец нашли подходящую площадку возле Бердска, там туч словно и не было, погода летная...

Ванагу казалось, что часы в его кабинете остановились. Чуть ниже горла сжималась пружина, не давая вздохнуть полной грудью. Когда наконец прозвучал желанный звонок: «Сели, Глеб Алексеевич, все живы, машины целы», напряжение все не отпускало. Через минуту Ванаг уже мчался к месту событий. Крохотный заброшенный какой-то домик на маленьком аэродроме. Вдалеке грязные, словно усталые самолеты...

Вся компания пребывала в состоянии «невесомости». Глаза горят, каждый пытается рассказать свое, причем тихо говорить просто невозможно, а каждая мелочь кажется судьбоносной... Напряжение выходило нервным хохотом. С появлением директора веселье вспыхнуло с новой силой, ликование переполняло, но та пружина чуть ниже горла никак не отпускала, словно еще что-то может случиться в такой день...

Приехал домой — жена сразу заметила: что-то не так. Он еще отшутился — нормально все, даже хорошо. Но не успел сделать несколько шагов — хлынула горлом кровь. Распрямилась, наконец, пружина...

Анна Константиновна до сих пор вспоминает тот день с содроганием: «Хорошо, детей дома не было».

А через неделю он уже снова был на работе. Ждали дела, болеть некогда...

Новосибирский авиационный завод имени Чкалова считался гордостью города. Сюда приезжали бесконечные делегации, он встречал всех — космонавтов и зарубежных гостей, ученых и артистов, Фиделя Кастро и Леонида Брежнева...

Он строил завод — промышленная площадка увеличилась вдвое. Сносил бараки и строил дома, достраивал Дворец Культуры, который и сегодня остается одним из самых представительных зданий города. Чтобы подарить его Новосибирску, пришлось ехать просить разрешения у Брежнева. Как раз начиналась очередная кампания экономии, и согласно постановлению об излишествах стройку на много лет заморозили...

Он был депутатом Верховного Совета, делегатом съездов партии, к нему бесконечно шли люди с просьбами, и он старался помочь им. Нагрузки постоянно возрастали, и пришло время, когда выдерживать их стало тяжело. Проводы на пенсию — событие грустное в жизни каждого человека. Для Глеба Ванага оно было трагичным. Жить для себя он не умел, не мог представить себя без работы.

Однажды на встрече с общественностью, когда разговор коснулся личного, его спросили: «Ваше представление о счастье?». Он ответил: «Люблю работать». И он действительно больше всего любил свое Дело. Уже выйдя на пенсию, не мог представить себя без родного завода, пытался работать просто инженером. Но вот этого уже не получилось, потому что решать мелкие задачи было неинтересно, а стратегические решения принимал уже другой человек, и даже если он делал ошибки, то это были его ошибки и его личная ответственность...

И снова навалились болезни, словно только и ждали момента, когда Дело не будет призывать его.

Глеб Алексеевич Ванаг умер после тяжелой болезни 13 ноября 1991 года. Он навсегда остался во времени, когда понятия Долг, Честь и Дело писались с большой буквы и значили куда больше, нежели деньги и акции. И не случайно в 2000 году на здании заводоуправления была открыта мемориальная доска в его честь. Прошли годы, забылись мелкие обиды и претензии, появилась возможность оценить реальные масштабы личности. И сегодня уже нет сомневающихся: Глеб Алексеевич Ванаг — легенда сибирского самолетостроения. Теперь уже — только легенда.

Евгения БУТОРИНА

Товарищ генерал

Писать о друге, как оказалось, неимоверно сложно.

В компьютерной базе данных о жителях области, составленной программистами ОблУВД, указан не только год рождения Андрея Павловича Ведерникова, но и день — 10 января 1957 года. Это, видимо, чтобы в горячке милицейской жизни не забыть поздравить коллегу и шефа. Маленькая деталь, а за ней уважительное отношение коллег к Ведерникову — генералу, выносившему свой жезл в ранце рядового опера.

И тут можно вспомнить высказывание одного из философов о Моцарте: «Если бы он не стал великим музыкантом, он мог бы стать великим преступником». То есть, сложись у талантливого человека тяжелые жизненные обстоятельства, он мог бы направить свой талант на злое дело. Так вот, мой герой начисто опровергает эту теорию…

Андрей родился вторым из четырех братьев. Мать — фельдшер Болотнинской узловой железнодорожной больницы. Отец... Вспоминая о

нем, всегда улыбчивый Андрей Павлович Ведерников хмурится, не желая ворошить прошлое. Но (в силу того, что привык всегда говорить правду) собирается с духом и поясняет: «Не заладилось у мамы с отцом. Через два года, после рождения третьего брата Женьки, она забрала нас и увезла на Алтай, в город Алейск. Там в 1968 году встретила офицера внутренних войск, вышла за него замуж. Но старшего братишку Диму мучила астма, и мать повезла нас в Казахстан, в поселок Калканам под Павлодаром. Отчим остался дослуживать, но перед самой демобилизацией пришла телеграмма о его смерти. И мама осталась с нами, малолетками, одна. Василий родился в 1969–ом, через месяц после того, как отчима не стало...

А теперь представьте, каково пришлось женщине — без мужа, при зарплате в 80 рублей с тремя, а затем и с четырьмя пацанами. Чтобы накормить, одеть и обуть их (а мальчишки-то от рождения были рослыми), ей приходилось работать на полторы, а то и две ставки, оставляя их дома одних. Дима на правах старшего рубил дрова, занимался домом, Андрею достались хлопоты на кухне, стирка, закупка продуктов. Ну, а малышам — все остальное. Подсобного хозяйства не держали, сил хватало только на огород. Он-то и определял в основном разнообразие и калорийность питания большой семьи.

Андрей мастерски научился печь пресные лепешки и «быстрые» драники. Люди послевоенных поколений технологию их приготовления знают: очищенная картошка режется на тонкие круглые дольки, щедро посыпается солью и раскладывается на протертую тряпочкой раскаленную чугунную плиту русской печи. Получаются не совсем драники, а что-то похожее на современные чипсы. Вкуснятина! Экзотический этот рецепт молодым читателям мы с Андреем Павловичем предлагаем проверить на опыте.

Когда родился Василий, Андрею выпала еще одна обязанность. Мать уже через месяц после родов вынуждена была выйти на работу, ходила по вызовам участковым фельдшером. И строго по расписанию, каждые четыре часа Андрей брал на руки Васятку и шел по этим адресам, чтобы мама покормила малыша грудью.

Летом на каникулы старшие уезжали к деду с бабкой в Болотное. И помочь, и подкормиться. Дед на железной дороге получил травму, стал хромать, вышел на инвалидность, но был крепким в работе. Бабушку Бог тоже здоровьем не обидел. Прожили они, между прочим, большую жизнь. Дед до девяноста лет, а бабушка, родившаяся в начале 20-го века, умерла в столетнем возрасте.

Дед еще в годы войны стал ездить на корове — и на покос, и за дровами, и по грибы-ягоды. Двадцать лет подряд в летнюю пору запрягал он свою необычную тягловую животину и отправлялся в путь. Еще учась в четвертом классе, Андрей научился косить траву. Покосов частникам не давали, вся земля — колхозная, вот и искали они себе урочища у черта на рогах. Дед приглядел для себя болотину у деревни Степанихи, вот на ней и взял внук дедову литовку в руки. Литовка была в рост мальчишке, дед лишь ручку под Андрея поставил. И сам покос не из легких — зыбь, сквозь густую траву-осоку то и дело бочажки-

колодцы проглядывают. Тут не столько о косьбе думаешь, сколько о том, как бы в болотине не утонуть. Намашется Андрюшка косой, а вместо передышки — путешествие по зыби с охапками травы до сухого берега болота, где траву раскладывали и сушили.

Наверное, читатель, который моложе меня и даже Андрея, может изумиться: «Неужели вы так жили! Ведь Отечественная война давно была закончена, Сталин мертв, и культ его развенчан, СССР штурмовал космос, кормил и вооружал Кубу, Вьетнам, другие страны Азии, Африки и Латинской Америки, вставшие на «социалистический путь развития», а вы жили в такой бедности!»

Жили, дорогой читатель, жили. И самое интересное, что жили весело, азартно, веря, что коммунизм — светлое будущее всего человечества — вот-вот наступит. Надо только себя не пожалеть во имя Родины и родной Коммунистической партии. А много ли нам, пацанам, тогда для радости требовалось! Немного хлебушка, картохи и — волюшки! А труд на природе давал нам ее с лихвой!

Болотное не зря так назвали. Почвы здесь не ахти, мало хороших почв. И хотя с 1943 года болотнинцы считались горожанами (статус городов тогда присвоили многим нашим станционным селам), образ жизни они вели своеобразный — полупролетарский, полукрестьянский.

Так же по-партизански, как сенокосная, решалась картофельная проблема. Дед с бабкой и внуками отправлялись на своей рогатой «ласточке» куда-нибудь к леску, выбирали полянку и начинали «освоение целинных земель». Агротехника была проста, проверена за двести лет приехавшими в Сибирь за волюшкой и землей русскими людьми: вырезается пласт земли с дерниной, проволочным крючком переворачивается, рубится на мелкие части. Осенью операция повторяется. А следующей весной на таком клочке можно уже и картошку выращивать — второй хлеб наш. Так что на такой работе Андрей не мог не накачать силенок, не раздаться в плечах.

И все же Андрей и братья видели не только Алейск, Калканам да Болотное. Бывало, что от голодухи и однообразия жизни сбегали они из дома в путешествие на проходящих поездах. Но в те годы железнодорожные кондуктора были внимательнее и строже, «зайцев» быстро вылавливали и сдавали милиции, которая после пребывания в детской комнате отправляла их к родным. Дома, конечно, от матери доставалось крепко. И однажды она пошла на авантюрный, отчаянный поступок. Воспользовавшись своим правом бесплатного проезда по железной дороге, получив мизерные отпускные, она сгребла мальчишек и повезла их на юг, к морю, в Сочи. Друзья провожали с просьбами привезти черепашек, ракушек. Господи, какие черепашки, когда денег хватало только на хлеб и молоко! Но маленьким «дикарям» этого достало вполне, потому что сыты они были и впечатлениями, и радостью, что купаются в море, плавают на настоящем морском корабле. И эту радость не омрачало безденежье, хотя последние два дня перед возвращением домой они ели один хлеб,

запивая его водой из крана. Вот эта-то поездка и озарила радугой их детство, затмив на всю жизнь и печальное, и обидное!

В 1973 году в Калканаме разморозили школу. Часть преподавателей уволилась, занятия прекратились. И мать вновь приняла отчаянное решение: «Езжай, Андрей, доучиваться в Болотное!»

Чтобы не стеснять стариков, повзрослевший внук устроился в интернат при средней школе N 2. К деду и бабке ходил только в случае крайней нужды. Учился до изнеможения, имея в журнале почти одни пятерки. На выходные интернатовские разъезжались по домам, Андрей же, выходя на крыльцо вместе с ними, делал круг и через окно незаметно возвращался в свою комнату. И снова брался за книги, не включая света, чтобы, не приведи Господи, не заметил сторож и не выгнал. Из еды на эти двое суток был все тот же заранее припасенный хлеб.

В десятом классе юношей вызвали на приписную комиссию. И вот здесь вмешался его величество Случай в лице замполита районного отдела внутренних дел, который пришел сагитировать кого-нибудь из выпускников в Омскую высшую школу милиции. Рослый, спокойный, обстоятельный Андрей Ведерников, любитель детективных романов, мечтавший о подвигах, погонях, схватках с бандитами, внимательно слушал его рассказ об этом вузе. Помимо милицейской романтики Омская школа прельщала тем, что давала основательное юридическое образование и лейтенантские погоны. Важно было и то, что курсанты находились на полном государственном обеспечении.

Из Новосибирска, после прохождения соответствующих комиссий и собеседований, в Омск отправились тридцать ребят. Зачислены из них были девять. Диплом ОВШМ высоко котировался в юридическом мире, а сама школа, хоть и считалась вузом специфическим, мало чем отличалась от других институтов. Омск — город старинный, с устоявшейся культурой, традициями, чистый, интеллигентный, внешне провинциально спокойный. Но студенческая жизнь в нем кипела. Молодежь постоянно встречалась на спортивных площадках, на ежегодных фестивалях самодеятельного искусства «Студенческая весна», на совместных вечерах, дружа институтами. «Бабаи», так почему-то омичи прозвали слушателей милицейской школы, пользовались у них уважением за то, что, будучи людьми служивыми, ничем не отличались от остальной гильдии веселых студентов, кроме как дисциплиной и выдержанностью.

Остаться в стороне от этого кипения новой жизни Андрей — по натуре жизнелюб — просто не мог. Умного, трудолюбивого и ответственного курсанта заметили, назначили командиром взвода, выбрали комсоргом. Учился он на одни «пятерки» и на четвертом курсе стал получать Ленинскую стипендию — сто рублей, что вдвое превышало стипендию обычную. Его же — единственного из потока — приняли накануне госэкзаменов в ряды КПСС, куда, как известно, не то что студентов, но и просто работников «непролетарских» профессий принимали мало и строго по очереди. Но главный сюрприз ждал впереди.

Вызывает как-то курсанта Ведерникова начальник курса Анатолий Николаевич Титов. Так, мол, и так, персонально для тебя, обладателя «красного» диплома, выделено место в адъюнктуре Академии МВД, в Москву поедешь!

А Ведерников стал отказываться. Он мечтал о практической работе сыскаря, преподавательской жилки в себе не чувствовал. Титов на него напустился: «Дурак! Что ты делаешь? Ты же судьбу свою коверкаешь! Года через два-три эта самая «практическая работа» тебе обрыднет. «Практиков» в выпуске много, а тебе подобного шанса, может, больше не выдастся. Представляешь, защитишь кандидатскую, докторскую, человеком станешь!» Но Андрей стоял на своем: «Пошлите вместо меня Сидорчука, у него новаторские способности». Начальник строго посмотрел на гордость школы. Москвич Саша Сидорчук из взвода Ведерникова действительно обладал новаторскими способностями, был переполнен идеями, которые не боялся высказывать преподавателям, спорил с ними, отстаивая свою точку зрения. За что, естественно, и получал от них четверки, а то и тройки.

«Никаких Сидорчуков. Или посылаем тебя, или никого!» — на том разговор и закончился. На комиссии по распределению Ведерникову все-таки сделали последнюю льготу, предоставив право самому выбирать место службы от Урала до Дальнего Востока. Варианты были заманчивые: Норильск, Находка, Владивосток. Там и зарплата с высоким коэффициентом, и льготы разные. Но в Новосибирске его ждала невеста — Нина, комсорг их класса и школы. Тогда, в 9-10 классах никаких горячих чувств к ней Андрей не испытывал, бегал и влюблялся в других девчонок, с которыми потом переписывался. Писала письма и Нина. И постепенно все остальные «заочницы» перестали его интересовать, Нина заняла в сердце главное место. Теперь она училась в Новосибирском мединституте, они уже наметили день свадьбы. К тому же представитель Новосибирского управления горячо уговаривал: «Поехали домой! Мы тебя ждем!»

Но в Новосибирске молодого офицера огорошили: «Поедете, Андрей Павлович, в Болотное. Вас же оттуда на учебу направляли? Там у вас и родня живет...»

Андрей опешил: «Какая родня? Кроме деда с бабушкой там у меня никого нет. А здесь невеста, ей еще три года учиться. Как мы с ней жить будем — опять «заочно»?»

И тогда он услышал сакраментальное: «Ведерников! Вы коммунист. Кому, кроме вас, туда ехать? Вас посылает партия! Если откажетесь, мы накажем вас по партийной линии!»

Вакантных должностей в Болотном оказалось много. Новоиспеченного лейтенанта назначили старшим инспектором уголовного розыска по делам несовершеннолетних. Расследовать, однако, приходилось дела отнюдь не детские: кражи, разбойные нападения, убийства, совершенные не только подростками. Хотя в те времена криминальная ситуация была поспокойнее, тем не менее дома Андрей бывал практически несколько часов, чтобы отоспаться. Мотался

по району на казенном мотоцикле «Минск», что, учитывая габариты ездока и транспортного средства, не могло не вызывать у законопослушных граждан улыбки (один кулачок у нового опера размером больше мотоциклетной фары!). И как обидно было слышать Андрею от своих новосибирских коллег, когда они спрашивали: «Да чем вы там, в Болотном, занимаетесь? Рыбу ловите да на охоту ездите?» Он был загружен работой не меньше их, и не реже их стоял на грани жизни и смерти при выполнении задания. Но говорить об этом он не любил даже в кругу друзей, принимая риск как неотъемлемую часть своей профессии.

Андрею повезло с наставниками. Начальником угро был назначен из Куйбышева Юрий Александрович Лигачев, замом по оперативной работе был Николай Дмитриевич Чуфистов. Они учили новичка искусству оперативника, умению общаться с людьми, «колоть» преступников.

Еще в Новосибирске Ведерников знал: Болотное отличается по части массовых драк. И в самом деле, старинная русская кулачная забава, когда слобода выходила на слободу помериться силами, стала нешуточной угрозой в станционном городишке. Особенно отличалась его залинейная часть (находившаяся на противоположной стороне от железнодорожной станции), состоящая преимущественно из домов частного сектора, где жили малообеспеченные, и где была плохо развита социальная инфраструктура. Здесь что ни улица — то подростковая банда со своими вожаками. И каждый перед другими хотел выглядеть «авторитетнее», «круче». Порой в драках на танцах участвовали более сотни бойцов. В ход шел не только штакетник, но и ножи, кастеты, обрезы, самодельное оружие. Доходило до того, что в драку вступали «ковбои» на угнанных конях, давили ими «противника».

Через год после появления нового опера в городке сделалось тихо, по вечерним улицам стало возможным ходить без опаски быть избитым, ограбленным, а то и убитым. Как справился Ведерников с этой нелегкой задачей? Говорит, что просто вышел на главарей, проводил с ними воспитательные беседы, порою и с демонстрацией силы, благо пригодились занятия боксом и борьбой в Высшей школе милиции. На районных соревнованиях Андрей показывал, как может обращаться с полуторапудовыми гирями. Все-таки чемпион Омской области по гиревому спорту. И правой, и левой рукой поднимал гири по 65 раз, а потом две обеими руками еще по 40. «Атаманы» на соревнования, конечно, не ходили, но рассказы о могучем «менте», взявшем их в ежовые рукавицы, от своих подручных слышали и выводы необходимые сделали. Уже тогда Ведерников убедился: власть должна быть сильной, власть должны бояться. Бояться не животным страхом, а, что называется, Божьим — знать, что наказание неизбежно, бояться выглядеть в глазах людей безнравственным, аморальным, быть ими презираемым за совершенное зло.

Занимаясь судьбой чужих детей, Андрей почти не видел детства своих. Это, в общем-то, беда всех работников милиции. Их с Ниной Васильевной медовый месяц растянулся аж на три года. Доучиваясь в мединституте, она могла

вырываться к мужу только на субботу-воскресенье и то не всегда. А порой приедет, но мужа нет — выехал на происшествие. В 1982 году родился сын Димка, и Нине пришлось особенно трудно — как раз вышла на диплом. Ее возвращение домой начальство Андрея отметило оригинально, назначив его в 1983 году начальником уголовного розыска. Теперь личного времени стало еще меньше, поскольку прибавилось и обязанностей, и ответственности, а Ведерников не из тех людей, кто перекладывает их на плечи подчиненных. Наоборот, в его характере брать на себя и чужие проблемы, и отвечать за судьбы вверенных ему людей, и даже решать их бытовые проблемы. Поэтому, когда Николай Дмитриевич Чуфистов был назначен начальником Болотнинского районного отдела, у него не было сомнения, кого поставить себе заместителем по оперативной работе.

Тогда, в 1985 году, мы и познакомились с семейством Ведерниковых. Знакомство началось с грустного обстоятельства. При нашем переезде в Болотное, куда я был переведен с телевидения редактором районной газеты, простудился и тяжело заболел наш трехмесячный сын Сережка. Лечение его вела Нина Васильевна, ставшая для моей Татьяны Васильевны первой подругой на новом месте. А вскоре и я, встречаясь с районными работниками, убеждая их, что газета тогда будет людям интересной, когда они сами, а не штатные журналисты, станут ее основными авторами, познакомился с молодым замначальника милиции. Ведерников понимал значимость прессы, он тоже был заинтересован, чтобы газета освещала работу и его коллектива. Он сразу же понравился мне своей открытостью и добросердечностью. Чувствовалось, что он знает не только свое дело, но и настроения людей, что эти люди ему близки и дороги. Андрей сразу же стал предлагать свои идеи по сотрудничеству.

В 1986 году у Ведерниковых родился второй сын. По определившейся традиции они назвали его Андреем. Интересно было наблюдать за этими крепышами. К тому времени старший Димка уже выглядел этаким деловитым мужичком с крупной головой, озабоченным самочув-

ствием братишки, состоянием его штанов. Андрюшка был также молчалив и деловит, не пищал по поводу и без повода — точная копия своих серьезных родителей. Как давно это было! Андрей-младший теперь заканчивает школу и уже свысока поглядывает на брата, хотя и того Бог росточком и широтой плеч не обидел. Дима пошел по стопам отца: учится в той же Омской школе милиции, которая теперь называется Академией. Занимается карате и старается, чтобы никто не показал ему с упреком на мраморную доску, где золотом написана фамилия его отца. Думает на следующий год отправиться в Омск и Андрюшка. Так что не всегда постоянная отцовская опека формирует характер сыновей, но образцом для них он должен быть всегда.

Да, видимо, опекунство над маленьким братишкой Васей наложило свой отпечаток на характер Андрея Павловича. Он, став начальником над людьми, поставил во главу угла заботу о них. Вспоминаю, как накануне одного Нового года в РОВД организовали КВН. Команда сыскарей встречалась со сборной остальных отделов. Возглавить жюри Ведерников и Мильчевский пригласили меня. Андрей перед игрой попросил: «Ты уж не суди их чересчур строго, сам понимаешь, времени у них готовиться мало...» А игра получилась захватывающая! Команды были одинаково интересны и равны по силам, по азарту.

Во время короткой паузы, связанной с переодеванием актеров, мы с Андреем заскочили в его крохотный кабинет перекурить. Видно было, что переживает он больше за оперов, но и не хотел, чтобы кто-то их возможную победу отнес на его счет. Я его успокоил, сказав, что жюри наверняка определит ничью. Так оно и получилось. В результате игроки каждой команды сочли, что жюри их засудило, хотя виду, конечно, не подавали. А замначальника, улыбаясь, как школьник, получивший пятерку, поздравлял их, по ходу дела устраивая «разбор полетов», отмечая удачи и промахи. В итоге очевидность того, что «победила дружба», уже ни у кого не вызывала сомнения. И вскоре игроки обеих команд перетасовались за праздничным столом, угощая друг друга уже кулинарными домашними заготовками.

Я часто вспоминаю этот вечер. Майор Ведерников, у которого от переживания за подчиненных разыгрался зверский аппетит и загорелись глаза. Замполит Мильчевский, взявший в руки свой любимый баян. Женщины, сменившие мундиры на вечерние платья и ставшие вдруг по-особому привлекательными. Игроки, не знающие, куда пристроить завоеванные чайные сервизы в тесном красном уголке, и норовящие нагрузить ими супруг, чтобы самим выскочить на минутку в чей-нибудь кабинет и тяпнуть рюмочку, пока жены не видят, а ужин еще не начался...

Как-то весной 1989 года меня вызвали на заседание бюро райкома партии. Первым секретарем Болотнинского райкома был тогда Николай Демьянович Бурдыко — натура волевая, деятельная, несколько артистичная, любящая поиграть с подчиненными в этакого «рубаху-парня». Он, несомненно, многое сделал для района, но со временем ему стали свойственны чрезмерное самолюбование, нетерпимость к чужому мнению.

Я уже знал, зачем собирают внеочередное бюро, — Андрей сам позвонил и сообщил новость: его направляют на курсы в Москву, приказ министра уже подписан, но формально надо получить согласие членов бюро райкома. Рассудить здраво, кому это было нужно? Даже если бы члены бюро разошлись во мнении и не приняли решения направить Ведерникова на учебу (допустим такой бред), что бы случилось? Партия, конечно, оставалась «нашим рулевым», но «руль» у министра МВД всегда был посильнее райкомовского. Вот об этой глупости мы и рассуждали с Андреем, идя на бюро. Но люди в самом райкоме к происходящему относились вполне серьезно (во всяком случае, маски на лицах у них были деловыми и значимыми). Как положено, зачитали просьбу начальника ОблУВД рассмотреть вопрос положительно и направить коммуниста майора Ведерникова на шестимесячную учебу. Члены бюро давали свои оценки личности Андрея Павловича, говорили о его перспективах. Благолепие испортил Бурдыко.

«Вот закончишь ты, Андрей Павлович, курсы, станешь начальником РОВД, может быть, даже в Болотном. Чьи распоряжения ты будешь выполнять — райкома партии или...» Видимо, старый лис перед бюро уже имел с Ведерниковым беседу, поэтому майор, не дослушав фразу, сказал спокойно, но твердо: «Я буду исполнять Закон». Добродушная улыбка слетела с лица Николая Демьяновича. Но теперь он был бессилен. Он бросил на стол авторучку, откинулся в кресле и со смесью злости и обиды произнес: «Ни черта ты не понял! Ладно, езжай, учись!» И подписал заготовленный бланк решения бюро.

В этом моменте весь Ведерников. Что стоило ему поиграть, потешить самолюбие партийного владыки? А вдруг от Бурдыки в будущем зависело бы, где работать Андрею Павловичу начальником милиции, вдруг бы встал вопрос о Болотном? Но Ведерников и в этот ответственный для себя момент не пожелал слукавить.

Москва, в которую он мог попасть давным-давно, оказалась совсем не такой, какой он ее представлял по фильмам, телевидению, какую показывали всей стране. Это был грязный, кипящий политическими страстями город, узнавший, наконец, что такое советский дефицит, магазинные очереди. Андрею приходилось вместе с другими слушателями выходить на патрулирование. Власть проявляла беспомощность и перед набирающим силу криминалом, и перед стихией толпы. Недовольство москвичей, умело подогреваемое кем-то, возрастало. На Новый год Андрею с трудом удалось, словно это происходило не в столице, а в Новосибирске, купить сыновьям апельсины. Морально угнетала и травля силовиков в прессе, представлявшей советские КГБ и МВД только в черном свете, как будто в них работали одни взяточники, изуверы и преследователи диссидентов. Звонок из Новосибирска принес облегчение: «Выезжай. Тебя назначили начальником РОВД Мошковского района».

19 августа 1991 года я поехал в командировку. И на объездной дороге у Мошкова полетел ремень вентилятора. Кое-как дополз наш УАЗик до райотде-

ла милиции. К счастью, подполковник Ведерников, как доложил с почтением дежурный, оказался на месте. Андрей позвонил завгару, попросил выручить нас, а пока тот искал дефицитный ремень, мы позволили себе поговорить. Не успели выкурить и по половинке сигареты, как в кабинет заглянула грустная посетительница. Подполковник встал ей навстречу, я удалился. В коридоре вдруг обратил внимание, что женщины-милиционеры в одном из кабинетов побледнели и прибавили громкость радио. Передавали заявление ГКЧП. Вышел Андрей, позвал: «Машина твоя готова, ремень поставили». А я ему в ответ такую вот ошеломляющую новость. Ведерников стал серьезным, но, проанализировав ситуацию, заявил: «Милицию против народа они не пошлют. Будем сохранять порядок и спокойствие».

Смена режима всегда сопровождается развалом силовых государственных структур. И не только потому, что «революционерам» нужно захватить в них ключевые посты, но и потому, что в условиях беспорядка легче воровать, чтобы прорваться наверх, к власти. Полная книга о «Великой криминальной революции» в России еще не написана, а если и будет написана, то у нас ее вряд ли издадут, поскольку живы и весьма процветают ее главные герои. Но эпилог к ней можно написать уже сегодня. Вот такой:

Несмотря на психологический террор, нищенскую зарплату, которую к тому же им не выплачивали месяцами, на отсутствие технических средств и просто бензина, на предательское поведение коррумпированных чиновников и судей, несмотря на массовые случаи убийств бандитами их товарищей и на возросший в связи с этими факторами уход многих профессионалов в коммерческие структуры, российским милиционерам удалось предотвратить главную опасность, стоявшую в те годы перед Россией, — развал самой федеративной республики.

Ведерников — один из тех, кто выстоял в самые страшные годы беспредела. Хотя многие, действительно, запаниковали. Николай Дмитриевич Чуфистов, с которым Андрей Павлович не раз ходил под пули бандитов, горько сказал однажды: «Сегодня лозунг один: спасайся, кто как может!»

В 1992 году начальник ОблУВД Анатолий Александрович Кашутин и его заместитель Николай Михайлович Мамонтов предложили молодому подполковнику Ведерникову должность начальника уголовного розыска области. Андрей Павлович отговаривался: «Не люблю я город — вечный смог, суета». Хотя и лестно было занять должность, которую до него занимали такие асы сыска, как, например, Геннадий Иванович Егоров. К тому же подрастали сыны, их нужно было учить. Кашутин надавил на амбиции: «Тебе 36 лет. Успеешь из города вернуться в деревню». И Ведерников согласился: «Хорошо. Попробую».

А тут вскоре второй путч, октября 1993 года. Советскую власть добили из танков прямой наводкой. Началась «прихватизация» — откровенное присвоение бывшей общенародной собственности. Криминал, казалось, полностью взял ситуацию под свой контроль. А власть, озабоченная своими пробле-

мами, совсем забыла про милицию. Из органов начался настоящий исход профессионалов. Милиционеры гибли десятками сотен в год. Изменилась направленность и характер преступлений, сами преступники были оснащены гораздо лучше и современнее защитников правопорядка. Ведерников не опускал рук, а только злее становился в работе. Ведь кто-то же должен остаться, убеждал он тех, кто начинал давать слабину.

В этот критический момент областное управление внутренних дел возглавил новый начальник — генерал А.Н. Соинов. Александр Николаевич оценил ситуацию и во всем поддерживал руководителя оперативников. И эта поддержка, и постоянное взаимодействие, и взаимная поддержка других служб — того же РУБОПа — вот что сберегло Новосибирск от большой крови в то страшное время. И мужество милиционеров. И — отдадим должное — профессионализм молодого руководителя областного угрозыска. Как в начале службы, когда пришлось укрощать болотнинских хулиганов и бандитов, он смог найти правильный стиль работы, который позволил милиционерам не допустить криминального беспредела. А потому через полтора года Александр Николаевич Соинов предложил Ведерникову стать начальником криминальной милиции и своим первым заместителем. На этот раз Андрея Павловича охватили не просто сомнения. Он не ожидал такого скачка в карьере, не был к нему готов психологически, боялся, что не справится. Соинов его успокаивал: «Работа тебе знакома. Да и я буду помогать».

Столь быстрый взлет по служебной лестнице не испортил молодого полковника. Для бывших сослуживцев и для друзей он остался таким же добрым и внимательным, каким был в начале карьеры. И когда при встрече они говорят ему добрые слова, Андрей Павлович понимает, что идут они от чистого сердца.

Как-то проезжая на студийной машине по улице Кирова, я заметил, как по крыше едущей впереди милицейской «Волги» с номером 002 нетерпеливо постукивает кулачок знакомых размеров. «Обгони и тормозни», — говорю шоферу. Тот подрастерялся, но исполнил маневр в точности. Водитель «Волги», видимо опешил от наглости УАЗика, а Андрей уже выходил из нее, радостно улыбаясь, раскрыв свои безразмерные объятия — вот так, воочию, мы не встречались с ним с того августовского дня 91-го года.

А через несколько месяцев после этой встречи узнаю в далеком селе от тамошних милиционеров, что Ведерникова все-таки направили на учебу в Академию. В ту самую, от которой он отказался в Омской школе, предпочтя спокойной преподавательской работе трудную романтику боевого опера. «Будешь через два года локти кусать», — говорил тогда ему начальник курса. А он отрубил по полной программе 21 год и ни разу не пожалел о сделанном выборе. На этот раз отказываться не было смысла. Новое руководство МВД всерьез взялось за кадровую проблему. Распоряжением министра на должность начальника областного управления назначались только офицеры с академическим образованием. Ведерников уже состоял в резерве на эту должность. Но в Ака-

демию принимали слушателей не старше 42 лет. Так что Андрей Павлович садился в «последний вагон». Он чувствовал, что необходимо пополнить запас знаний, изучить тонкости новых юридических документов, появившихся за последние годы, познакомиться с опытом коллег. И просто ему самому нужна была передышка — сказывалось напряжение от работы, хотя здоровьем его Бог не обидел. Появилась, наконец, и возможность по-человечески пожить с семьей, походить с женой и выросшими мальчишками по театрам, показать им Москву, которая стала и впрямь хорошеть год от года и теперь вовсе не походит на тот замызганный город, который он увидел в 1989 году.

Уже после первого года учебы на сибиряка «положили глаз», лестные предложения стали поступать из многих областей. Но вскоре после создания Федеральных округов на Андрея Павловича вышел его старый сослуживец Владимир Владимирович Гончаров, ставший одним из заместителей Полномочного представителя Президента по Сибирскому округу, до этого работавший начальником налоговой полиции. Он и предложил Ведерникову занять после Академии его место.

Весной 2002 года начальнику налоговой полиции Новосибирской области, первому заместителю начальника Главного управления федеральной службы налоговой полиции России по Сибирскому федеральному округу Андрею Павловичу Ведерникову приказом Министра МВД России было присвоено очередное звание — генерал-майор. Такой вот подарок к 45-летию.

— А как же оперативная работа? — спрашиваю его.

— *Направленность и характер преступлений в последнее время изменились,* — отвечает товарищ генерал. — *Бандита, грабителя сразу видно — вот он, вот следы его преступления, подчас явные, подчас малозаметные. А преступления в сфере экономики — их совершают люди умные, образованные, и следы, как правило, они заметают тщательно. Порой надо перелопатить тонны документов, чтобы найти ниточку, за которой весь клубок тянется.*

— У простого обывателя сформировали образ налогового полицейского — люди в масках врываются в офис: «Руки за голову! Морду на стол!» — и пошли «шмонать» документы и сейфы. Как вам такой образ?

Ведерников, против ожидания, не улыбнулся:

— Нет, у нас работа интеллигентная. При проверке налоговых документов наши сотрудники должны понимать, что речь идет не только о судьбе руководителя предприятия, фирмы, но и о судьбе самого производства, работающих на нем людей, их семей даже. Тут любая поспешность чревата печальными последствиями. У нас нет, как у оперативников, тревожной команды: «Группа, на выезд!» Работы тоже много, но нет спешки. Мы имеем возможность все тщательно проверить, проанализировать, получить консультации у специалистов, если потребуется. Да и свои люди имеют высочайшую квалификацию, эрудированные, отлично владеющие компьютером. Многие пришли к нам из милиции. И приходят. Но бывает, что приходится отказывать прекрасному оперативному работнику. Специфика налоговой полиции, характер службы иные, поэтому и требования тоже иные. Даже к умению вести разговор с людьми.

Себя я не считаю человеком, который знает все премудрости налогового дела, сразу говорю. Хотя и учился, и продолжаю самообразование. Есть у нас люди грамотнее меня, и я не стыжусь в этом признаться, а горжусь этим. Ведь и будучи заместителем начальника областного УВД, я уже не бегал за преступниками лично. У руководителя, начальника, иная работа: он должен увидеть проблему, продумать пути ее решения, подобрать команду, организовать ее действия, а затем проконтролировать исполнение и дать оценку. Чтобы эти умные люди направили свои усилия в нужное русло, с минимальными затратами энергии, но максимальной отдачей. В конечном счете, если говорить о налоговой службе, — чтобы аккуратно и вовремя собирались налоги, пополнялся бюджет, чтобы люди получали зарплату, пенсии, то есть чтобы нормально жили город, область, страна. Я всегда нацеливаю сотрудников очень тщательно все взвешивать, смотреть, по какой причине на предприятии возникли проблемы с налогами. Ведь одно дело, когда руководитель преследует свои шкурные интересы, имеет целью собственную наживу, и совсем другое, когда он заботится о развитии производства. И подходить к разрешению возникшей проблемы, я считаю, нужно по-разному. Закон дает нам возможность применять меры различной степени жесткости. Я — патриот России, но прежде всего патриот своей области, и меня не может не волновать судьба новосибирцев, ее экономики. Это и определяет нашу позицию: мы не каратели, мы скорее созидатели, как это кому-то не покажется странным.

— Нина Васильевна довольна новым назначением? Дома-то чаще стал бывать?

— Работы и здесь много, но она более предсказуемая, более планируемая. Теперь меньше боюсь, что сорвется какая-нибудь назначенная встреча. А то ведь, бывало, пообещаешь быть у друга на дне рождения, даже подарок купишь, но в последний момент все летит кувырком, надо мчаться на преступление.

В кабинете генерала на подаренном к юбилею налоговой полиции музыкальном центре сидела белая сова. Из-за стола на нее пристально смотрела рысь. Друзья сделали эти отличные чучела из старых трофеев.

— Ты любишь охоту за трофеи или за отдых?

— Прежде всего, за общение — с друзьями, с природой. Оружие, запах пороха, даже если и не подстрелишь дичь, — это же адреналин, азарт, чисто мужское!

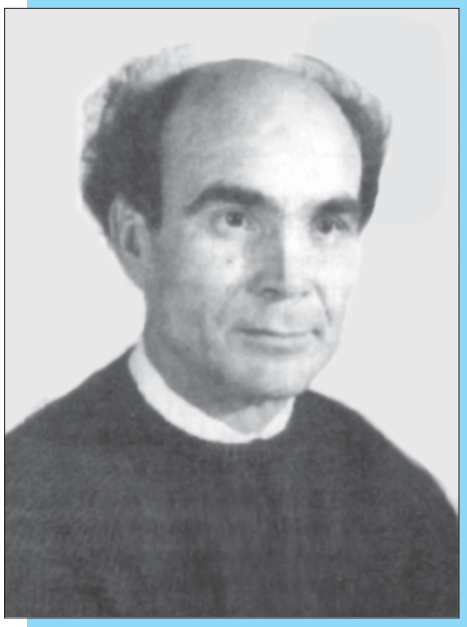
Как профессионал ты не боишься, что постперестроечное поколение мальчишек, растущее в условиях нынешнего криминала, тем более, когда по телевизору показывают сплошь убийства, грабежи, кровь, когда на каждом углу крутят кассеты с уркаганскими песнями, — не вырастут ли они поколением волков?

— В Риме нашли древнюю книгу с таким примерно текстом: «Все в Риме хорошо, кроме молодежи!» Вечная тема отцов и детей. Но сравни теперешнюю дискотеку и наши танцплощадки, в том же Болотном — с поножовщиной, со смертями. А сколько раньше милиция подбирала на улицах пьяниц! Да и блатной фольклор в России никогда не умирал, со времен «Бежал бродяга с Сахалина» и даже Стеньки Разина. А нынешняя молодежь — она более самостоятельная, чем наше поколение, более независимая, свободная. Она растет образованнее нашего поколения, больше информирована через компьютер, увеличившееся число изданий. Не думаю, что наши дети будут хуже нас. По своим вижу: Дима почти без отцовского надзора вырос, а скоро заканчивает академию, хорошо заканчивает. А что времена трудные... В России не было легких времен!

Вот на этом и можно закончить рассказ о судьбе человека, который вопреки житейским обстоятельствам, но благодаря своей воле, трудолюбию и жизнелюбию стал в 45 лет генералом. И пусть его жизнь поможет другим обрести веру в собственные силы и в свою счастливую звезду! В России не было легких времен. Но она всегда в них выживала, потому что были в ней, есть и будут сильные, честные и добрые люди!

Александр ВЕРИН

Архитектура — не профессия, а состояние духа

В деревне Григорьевка Красноярского края мальчишки-ровесники дразнили Толю Воловика за большую лобастую голову, любовь к книжкам да интерес к наукам. А любимая учительница Любовь Петровна, которой он носил свои рисунки, бережно хранила их да нахваливала: «Помяни мое слово, Толя, будешь ты человеком везучим и станешь академиком!»

Слышать такие слова было приятно, но сам он в это не очень верил. Уж слишком далеки были эти предсказания от всей окружающей его действительности. Нищая деревенская изба, семеро братишек и сестренок, которым он был и воспитателем, и нянькой. Перегруженная крестьянским трудом мачеха не сильно-то жалела оставшегося в три года сиротой пасынка и заваливала его работой. Конечно, обидно вытирать носы, менять пеленки да кормить кашей всякую мелюзгу, когда друзья радостно визжат и плещутся в реке. И когда уж сильно становилось невмоготу, когда детство брало свое, он стреноживал, словно же-

ребят, своих несмышленышей, привязывал к березке и — айда к реке! Малышня громко ревела и вечером жаловалась родителям; за эти «безобразия» влетало ему по первое число... Зимой соблазнов меньше, но надо помогать еще и отцу по сапожному делу — в семье-то десять ртов, попробуй прокорми! И он, старший, и валенки подшивал, и подметки приколачивал, и заплатки ставил. С пятого класса добросовестно сапожничал с отцом.

Закончена семилетка, а вместе с нею кончилось и короткое, трудное, но все-таки радостное детство. Собрался ехать в Алма-Ату, к старшему брату; весь багаж — кое-какие пожитки да сапожная лапа — авось пригодится. А главный предмет гордости — свидетельство об образовании без единой четверочки!

Успешно сдал приемные экзамены в художественном училище, но учиться там не смог — ни общежития, ни стипендии в те времена не давали, а помощи ждать было неоткуда.

Пришлось поступать в строительный техникум на архитектурный факультет, где ему повезло встретить блестящего преподавателя, эвакуированного в годы войны из Ленинграда. Михаил Борисович Левинсон поддержал паренька в трудную минуту, он-то и раскрыл ему новый, пока неведомый мир архитектуры. Он и пестовал его все годы учебы в техникуме. А когда учеба закончилась, он сказал, напутствуя получившего диплом с отличием молодого выпускника:

— Оставайся таким же трудолюбивым и станешь гроссмейстером в архитектуре!

Воловик и не умел быть иным, он просто не понимал, что может быть другая, праздная, ленивая, медленная жизнь — у него такой никогда не было. Поступив в Сибстрин на архитектурный факультет, он жадно учился и работал лаборантом на кафедре, чтобы кормить и себя, и молодую семью, которой обзавелся на третьем курсе. Каждая минута была на учете: карандаш не выпускал из рук, а если не рисовал, то сидел в библиотеке. И опять его заметили, оценили. И опять он получил «красный» диплом и был оставлен на кафедре преподавать. Казалось, чего лучше?

Но для него лучше было работать: проектировать, строить, созидать, т. е. делать реальное дело.

— *А в институт я еще вернусь,* — уверял он коллег. — *Вот наберусь опыта, что-то сделаю, тогда и вернусь. Пока мне нечего отдавать студентам.*

И Анатолий Воловик ушел в небольшой проектный институт. И как же он радовался своей первой работе! Как носился с ней! Как горел!

— *Ты представляешь*, — говорил он жене — верному другу и коллеге-архитектору, — *по моему проекту скоро воздвигнут сооружение, и оно будет приносить пользу! Какое счастье, что я могу сделать что-то конкретное!*

Проектировал он... «туалет типа сортир» для зэков, под открытым небом. Нарисовал великолепный антураж — сосны, ели, небо в облаках. И среди этой красоты кирпичный нужник, согласно всем строительным нормам и правилам.

Вы будете смеяться, но этот туалет и оказался стартовой площадкой его блестящей карьеры. Руководитель проекта не удержалась, показала красивую работу главному архитектору Новосибгражданпроекта Кузнецову. И тот, когда увидел этот ватман, загорелся: «Отдай мне этого парня!» Ну разве не права была первая учительница, когда говорила, что будет ему по жизни везти?

Это было фантастическое, потрясающее везение.

Можно только гадать сегодня, что с чуткостью провидца увидел в этом скромном пареньке маститый архитектор, если так безоговорочно в него поверил: буквально с ходу поручил масштабную для города работу — проектирование научно-технической библиотеки, уникального общественного сооружения! Ему, вчерашнему выпускнику, который еще ничего не успел создать, который даже не узнал, почем фунт лиха на архитектурном поприще? А может, потому главный архитектор и назначил его ведущим ответственнейшей работы, что хотел, чтобы за дело взялся человек со свежими идеями и взглядами, незашоренный, не боящийся в силу своей «небитости» пока ни черта, ни дьявола? Но факт остается фактом — ГПНТБ проектировал, придумывал, строил абсолютно начинающий архитектор.

Конец пятидесятых-начало шестидесятых — самое благословенное время в истории нашего города. В эти годы Новосибирск стал самым знаменитым, самым значимым после столицы. Здесь создавался новый научный центр, сюда съезжались ведущие ученые страны, здесь находился форпост отечественной науки. Все новое, передовое, прогрессивное подтягивалось в Новосибирск. Ни один киносеанс не обходился без сюжета о строящемся Академгородке, газеты, журналы пестрели статьями о Новосибирске, о физиках-ядерщиках, о математиках, о биологах. Авторитет города взметнулся на небывалую высоту, Академгородок стал задавать тон по свободомыслию, неординарности, дерзновениям. То была знаменитая эпоха хрущевской оттепели, эпоха шестидесятников, к которой и принадлежал наш герой.

Осененный этим благословенным теплым ветром, и Анатолий Воловик внес свою лепту в новую эпоху, стал ее частью, в ней творил и дерзал...

С коллективом единомышленников они теряли счет времени, спорили до хрипоты, засиживались по ночам, выдавая все новые и новые варианты, новые решения.

Не хватало опыта — они учились у своих зарубежных коллег, выискивая по крупицам драгоценные зерна идей, пока наконец не был нащупан поворот к новому творческому направлению, сочетающему единство архитектурного решения здания и его конструкций с индустриальными методами строительства. Дерзкой и новаторской стала идея спрятать книжное хранилище, рассчитанное на восемь миллионов томов, под землю, разместив его на четырех подземных этажах. Несмотря на все сложности, сопряженные с хранением книг под землей, они обеспечили тем самым наивысшую надежность сохранения книжного фонда. Невзирая на необходимость использования типовых железобетонных конструкций, автору удалось сделать привлекательными интерье-

ры помещений, не говоря уже о решении фасада здания, которое замыкает перспективу улицы Восход.

Ветер перемен, начавшийся в стране, потребовал поиска новых путей в архитектуре, и Воловик, опираясь на достижения архитектуры прошлых лет, ищет новые, созвучные времени образы, опирающиеся на достижения строительной науки.

К неизбежным трудностям в работе примешивались и новые, порожденные партийным администрированием. Секретарь обкома партии Ф. С. Горячев, который, надо отдать ему должное, настоял на том, чтобы библиотека строилась в Новосибирске, а не в городке, вдруг потребовал, чтобы на фронтоне красовалась надпись «Слава КПСС». Требование было нелепым: во-первых, оно никак не увязывалось с общим архитектурным решением, а во-вторых, чисто идеологически увековечивать КПСС на фронтоне библиотечного здания было бы странно. Здесь уж скорее подошел бы лозунг «Слава науке»...

Человек мягкий и неспособный на резкое «нет», Воловик тем не менее не собирался выполнять указание и раздумывал, как от него уклониться. Решил тянуть до последнего, а потом поставить перед фактом: «Забыли, мол, тысяча извинений! Ошибочку исправим: поставим огромные буквы прямо перед входом, осветим их софитами — будет любо-дорого!» Так и сделали. Через год, после таянья снега, ставшие неопрятными буквы убрали, и о них все благополучно забыли.

Примерно та же ситуация вышла и в Госстрое, в Москве. Уже во всю шли работы нулевого цикла, когда ему заявили, что нет денег на выполнение работ в полном объеме. «Бери чертежи, садись и прямо тут что-то убирай, что-то сокращай. Объект должен стать на 15 процентов дешевле!» Это был болезненный удар, тем более ощутимый, что уже начались строительные работы. Что можно убрать? Верхний этаж? Тогда гармоничное красивое здание потеряет свои пропорции, станет уродцем. Сделать более узким — то же самое! Опять летят к черту все замыслы, все тщательно продуманные и найденные в мучительных поисках творческие решения. Доказывать абсурдность требования, стучать кулаком по столу — бесполезно. Лучше найти выход из тупика.

И он нашел. Убрал здание, стоящее на задах у библиотеки — подсобную, техническую часть, предназначенную для ремонта книг, подшивки и т. д., но сохранил при этом все ведущие к нему коммуникации. Это была уловка, чтобы сохранить свое детище. Потом обязательно хватятся, поймут, что без этого здания не может функционировать библиотека, и оно будет построено. Благо, что в Госстрое об этом «коварном замысле» не ведают. Так и вышло. Через несколько лет ему же и пришлось водворять на заранее отведенное место столь необходимый корпус — деньги нашлись.

Вот так — и врагов не нажил, и по-своему сделал.

Вообще Анатолий Афанасьевич не был бойцом. Когда его сделали главным архитектором Гражданпроекта, коллеги думали, что он начнет вступать в схватки с начальством ради интересов института, будет, что называется, гор-

лом брать. Но Воловику претили конфликты, и он никогда не шел на открытые столкновения, на припирание оппонента к стенке; ему не доставляло удовольствия публично осадить человека, оскорбить его и выйти победителем из столкновения.

Человек мягкий и наделенный врожденной интеллигентностью, он предпочитал отступать, если на него напирали, не выносил, когда спор превращался в крик, в ругань. Кое-кого, кто ценил сиюминутный успех, это раздражало. Но годы шли, и все увидели, что «бесхарактерный» Воловик, оказывается, способен пробить такие вопросы, какие не удается решить людям с твердой и решительной натурой.

Всегда доброжелательный, неизменно деликатный Анатолий Афанасьевич, интересный собеседник и очень теплый человек, притягивал к себе людей. У него повсюду были друзья и почти не было врагов. То, что у других не получалось с оружием в руках, получалось у Воловика благодаря выстроенным дружеским отношениям. Эта позиция — чтобы там не обиделись и чтобы тут не сердились, — как ни странно покажется, приносила большие и лучшие результаты в созидательной деятельности.

Впрочем, вернемся к библиотеке. Проектирование и строительство, которое шло под его надзором, закончено в 1966 году.

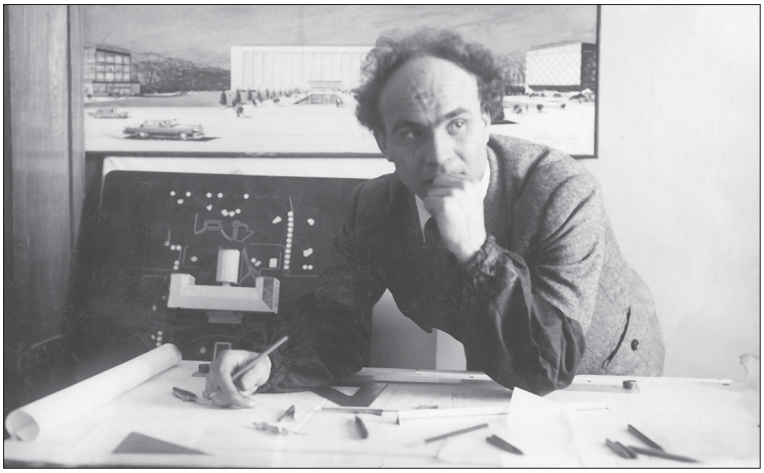
Потом в его жизни было много работ, не менее значимых и интересных — и аэропорт «Толмачево», и гостиница на 600 мест, и планировка жилого микрорайона «Челюскинский», и детальная планировка Центральной части Новосибирска, и победа во многих всесоюзных и международных конкурсах. Но библиотека, его первенец, его блестящий дебют, была самым любимым детищем. И навсегда, до последних дней, носил он в себе яркие воспоминания о тех незабываемых минутах, когда он с супругой Людмилой Владимировной смотрел с левого берега на высвеченное софитами, белое в вечернем небе, словно источающее свет здание — элегантное и красивое.

— *А ты знаешь,* — шептал он тогда, — *мне нравится эта игрушка!*

ГПНТБ и последующие работы выдвинули Анатолия Афанасьевича в число ведущих архитекторов не только нашего города, но и, пожалуй, Сибири. Он занимает ответственные посты, становится заметной фигурой в истэблишменте Новосибирска.

Возглавляя творческие мастерские, он сплачивал вокруг себя наиболее одаренных людей, создавал атмосферу горения, энтузиазма, поиска. Это всегда было содружество талантов, в котором никогда и никто не ущемлялся, не оттирался на задний план. Плодотворные идеи, высказанные новичком, принимались с таким же уважением, как и от признанного мэтра. С Воловиком людям всегда хорошо работалось, здесь не было ни администрирования, ни казенщины, столь еще свойственной той эпохе, в которой он начинал творить. Бесспорный талант организатора гармонично сочетался в нем с талантом коммуникабельности, умением общаться с людьми любого ранга. Везде, где бы ни появлялся этот изящно сложенный человек с огромным лбом, с головой в оре-

оле вдохновенно взметающихся волос, он неизменно привлекал к себе внимание окружающих. Сила обаяния этой личности была настолько велика, что притягивала к себе множество людей из самых различных кругов. Ученики, коллеги, чиновники и власть имущие — все с удовольствием общались с Анатолием Афанасьевичем, любили его послушать, вместе посмеяться, пошутить, вместе обсуждать дела.

Ему часто удавалось то, что не удавалось другим. Люди, работавшие под его началом, не только трудились в атмосфере комфорта, но и были защищены перед вышестоящими инстанциями.

...Прошли годы, и Анатолий Афанасьевич возвратился, как и обещал когда-то, в Сибстрин, в НИСИ, и стал сначала завкафедрой архитектуры гражданских зданий, а потом и деканом крупнейшего за Уралом архитектурного факультета.

Понимая, что переход на новые архитектурные формы (от сталинского ампира к современному классицизму) уже совершен на практике, но не имеет пока подтверждения в теории, он ищет пути обучения студентов новой архитектурной пластике, с тем чтобы молодежь владела не только технической стороной современной архитектуры, но и училась пространственным архитектурным композициям, конструированию. Он ввел новую дисциплину — беспредметную композицию и привлек к ее преподаванию выдающихся художников и архитекторов. В период его руководства повышается качественный уровень выпускников, дипломированные специалисты НИСИ становятся желанными сотрудниками в проектных организациях страны.

Кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Академии художеств СССР, заслуженный архитектор РСФСР — все эти почетные звания получены им по праву за фантастическое трудолюбие, за талант, за выдающиеся работы, за сотни и сотни учеников, за огромную общественную работу,

которую он не отделял от основной трудовой деятельности и почитал одним из главных дел жизни. В течение многих лет он избирался председателем Новосибирской организации Союза архитекторов. И сколько им сделано на этом поприще! Выездные заседания правления прямо на строящихся объектах, организация выставок и дней архитектуры, прием и пестование молодых членов Союза, участие в работе градостроительного совета, с тем чтобы закрыть доступ пошлости, безвкусице, отсебятине — все то, что не всегда удается сделать сейчас, и мы это видим на каждом шагу в сооружениях «новоделов» современного города, — удавалось сделать при Воловике: слово архитекторов нередко было решающим.

Счастливо сложившаяся творческая судьба, удачная карьера, прочный авторитет и, попутно замечу, счастливая семья все-таки не давали этому человеку полной удовлетворенности из-за сознания того, что он и его коллеги могли бы делать гораздо больше для своей страны, для своего города.

На всех уровнях он заявлял, что даже талантливый архитектор в сложившейся системе, где господствует бесправие зодчего, практически бессилен. Что СССР — единственная страна, где отсутствуют градостроительные законы, где законодательно не оформлен статус архитектора, где права зодчего никак не защищены. Что десятилетиями архитекторы пробивают в жизнь свои лучшие замыслы, — но им разрешено лишь «привязывать» к местности единственный тип жилого дома, невыразительного внешне и неудобного по планировке.

Анатолий Афанасьевич всегда сознавал огромную ответственность перед современниками и будущими поколениями жителей Новосибирска за облик улиц города. Он считал, что архитектура во многом формирует и воспитывает человека. Он рисковал утверждать, что архитектура влияет даже на уро-

вень... преступности, что в грязной, однотипной, замусоренной среде, где нет простора взору, нет зелени, человек способен осатанеть, озлобиться. И наоборот, простор, яркая цветовая палитра улиц и площадей формирует людей с искрой Божьей в душе, способных поклоняться красоте и созидать ее.

Предметом его постоянной душевной боли был Новосибирск и положение в нем архитектора.

Зажатые инструкциями, предписаниями, всяческими ограничениями, архитекторы растрачивают лучшие годы и талант, не оставляя в памяти современников и потомков следов, потому что им не разрешают творить, самовыражаться, делать то, что они считают необходимым для развития мегаполиса. С их мнением, с их идеями очень часто не считаются. Результат? Новосибирск проигрывает в эстетическом, архитектурном аспекте перед многими городами.

— *Взгляните,* — говорит Воловик, — *какое уныние вас встречает при въезде в город! Скучные, лишенные индивидуальности серые жилые массивы, однообразные, однотонные. Новосибирск, расположенный по берегам великой реки, с его холмами и низинами, мог бы обрести совсем иной архитектурный облик, если бы и Москва, и местные власти больше считались с нашим профессиональным мнением — тогда город не был бы застроен преимущественно серыми зданиями. Серый цвет — наш городской лейтмотив. А растянутость города? Его огромный масштаб не предмет для гордости — это предмет для сожалений, это наша беда. Здесь нет уютных и укромных уголков для отдыха, чтобы и глаз наслаждался, и душа покой обретала. Наоборот, он весь вздыбленный, отчужденный от человека, технократический. Из года в год сокращается количество зелени, а без сквера, аллеи, парка любая архитектура будет смотреться бездушной, казенной. Ведь мало построить красивый дом. Надо создать вокруг него красивую среду. А ее создает архитектор, именно он организует пространство. Только тщательно проработанные архитектором уголки городского ландшафта способны украсить город, микрорайон, улицу.*

А дома и квартиры? Дом нужен человеку не только для того, чтобы выспаться и укрыться от непогоды. А мы многие годы строим не жилье — тару для человека, настолько тесны и неудобны типовые городские квартиры. Почему кроме архитекторов, вынужденных привязывать железобетонные коробки к местности, никто не говорит о том, что в этих клетках людям плохо жить? Что они просто вредны? Чем объяснить, что не реализуются лучшие проекты по застройке и реконструкции главных улиц города, не возводятся памятники, проекты которых стали победителями в региональных конкурсах?..

Совместно с коллегами и друзьями Анатолий Афанасьевич энергично работает на то, чтобы архитектура в городе получила более весомые права, чтобы росла квалификация архитекторов. Его многолетние усилия получают реальное воплощение: в 1987 году вышло постановление Совета Министров СССР о создании в нашем городе архитектурного института. И никто не станет отрицать, что вклад А. А. Воловика в его открытие, в создание его материальной базы, в выделении для него прекрасного здания — неоценим.

Целиком и полностью заслуге Воловика принадлежит и открытие в 1994 году Сибирского отделения Российской Академии архитектуры и строительных наук. Анатолий Афанасьевич и стал первым председателем нового научного центра, получив при этом звание академика архитектуры — так сбылось пророчество деревенской учительницы.

Когда открытие состоялось, Анатолий Афанасьевич, этот неисправимый романтик, радовался и проводил исторические параллели: созданная в XVIII веке Академия художеств сыграла огромную роль в развитии русского искусства и архитектуры. И тот факт, что в нынешнее сложное время в Сибири создано отделение Академии, имеет огромное значение. Это остров культуры. А если культура не умирает, значит будет расти и хорошеть и наш город!

Последним детищем Анатолия Афанасьевича стал созданный при СО Академии архитектуры новый институт «Сибакадемпроект» и целый ряд творческих мастерских. Он мечтал, чтобы архитекторы стали избранными членами общества, интеллектуальной и духовной элитой, людьми с богатейшим внутренним миром, чтобы, обладая всесторонними запросами и широким кругозором, они не замыкались в своей кастовой скорлупе. Он всегда говорил, что архитектура — это не профессия, а состояние духа. Он очень много сделал для того, чтобы будущие поколения архитекторов соответствовали этой мечте.

Его увлеченность профессией, влюбленность в нее подвигнули многих попробовать себя на этом поприще. Не стали исключением и собственные дети. Две его дочки, зять а теперь еще и внук тоже стали архитекторами. Человек добрейшей души, он был любящим мужем, нежным и заботливым отцом. В любую свободную минуту он с упоением занимался своими детьми, рисовал для них, придумывал веселые истории. Карандаш сам прыгал к нему в руки и он постоянно делал наброски, рисовал. Очень любил акварель и наши сибирские пейзажи. И еще цветы. Летними утрами на даче просыпался раньше всех и... опустошал ромашковые поляны, принося домой охапки цветов. Таким был до последних дней.

Его не стало в 1999 году. Он ушел на 70-м году жизни, полный замыслов и надежд. Ушел человек, которого любили и ценили. В памяти друзей и коллег он останется вечным тружеником, для которого творчество было потребностью. После него остались дома и жилые микрорайоны, сотни учеников, которые несут по жизни частички его души. Остался архитектурный институт и Сибирское отделение Российской Академии архитектуры, многочисленные мастерские и добрая благодарная память друзей, коллег, горожан.

Не так уж мало для одной жизни.

Татьяна ИВАНОВА

Любовь Гершунова, любовь…

Имя народной артистки РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР им. Глинки, лауреата Международного конкурса артистов балета в Варне, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Любови Васильевны Гершуновой знакомо каждому новосибирцу. Прима-балерина нашего Государственного академического театра оперы и балета, танцовщица с уникальными данными, актриса лирико-драматического амплуа, она за двадцать лет своей сценической деятельности стяжала действительно всемирную славу сибирскому балету. Зрители более пятидесяти стран на четырех континентах восхищались ее высочайшим искусством, а своему родному городу она подарила неповторимые по глубине образы Жизели, Джульетты, Сильфиды и Франчески. В любой из этих ролей создаваемый ею бесплотный образ был еле уловим, он растворялся, как мечта, и постоянно манил к себе зрителей своей физической и душевной красотой, и неизбежной краткостью сценической жизни. В апофеозах зал забывал дышать.

И дальше присутствие Гершуновой, уже сошедшей с «пальцев», уже не в «образе», за кулисами, сопровождалось вс□ тем же всеобщим безоговорочным обожанием помрежей, одевальщиц, монтировщиков и осветителей.

С первого появления ее в 1958-м в хореографическом училище, все вокруг поняли: это феномен. Поняли и педагоги, возглавляемые тогда замечательным директором, основателем школы, а теперь профессором Московской славянской академии Эмилией Ивановной Шумиловой, поняли и ученики. Это был только второй набор, история творилась прямо на глазах, и каждая девочка или мальчик могли участвовать в ней. В те годы училище не мыслилось без театра, дети постоянно участвовали в спектаклях, и ей, ученице первого класса, сразу же доверили партию маленького пажа в ставящейся опере композитора Ф. Эркеля «Банк Бан». А в третьем классе она танцевала па-де-труа из «Щелкунчика» П. И. Чайковского, специально поставленное для детей балетмейстером В. И. Вайноненом. Педагоги трепетали перед ее талантом, а когда она в выпускном классе сломала ногу, это было трагедией всей школы.

Я знаю Любовь Васильевну с первого класса нашей совместной учебы в хореографическом училище. И помню забавную историю про то, как маленькая Люба записалась в школу с уверенностью, что раз в названии есть корень «хор», значит здесь ее будут учить петь. Танцевать она вовсе и не собиралась, но с удовольствием занималась на уроках фортепиано, музицировала и через любовь к музыке ощутила любовь к балету. Постепенно она обрела свой солирующий голос в этой зримо прекрасной симфонии жизни под названием балет. Вообще, это видимо как-то взаимосвязано, что она пришла учиться именно в тот класс, который подарил балетному зрителю двух народных артистов, шестерых заслуженных, трех балетмейстеров и двух педагогов. И это не случайно, потому что с этим классом работали настоящие мастера — В. Вайнонен, О. Виноградов, Ю. Григорович, П. Гусев, Н. Серебреников. Такого «звездного» набора в училище больше никогда не было. Наверное, именно столь плотное собрание ярких, потенциально сильных личностей тоже послужило раскрытию ее врожденного дарования. Мы всегда гордимся тем, что были ее одноклассниками. Потом, когда после ГИТИСа я вернулась в Новосибирск в качестве балетмейстера-постановщика, все мои самые счастливые постановки на академической сцене были также связаны с ее участием в спектакле — как исполнителя или репетитора. Имя Гершуновой означало успех.

Несколько дней назад у восьмого класса Новосибирского хореографического училища проходил экзамен по специальности… Среди выпускниц особенно выделялась Любовь Гершунова. Ее танец отличался хорошей техникой, одухотворенностью, лирикой. Экзаменаторы единодушно оценили ее работу на «отлично» («Вечерний Новосибирск», 17 мая 1967 г.).

Закончила она с опозданием на год и на выпускном концерте станцевала одну из трех сильфид в балете «Романтические грезы» («Шопениана») постановки М. Фокина. Зачисленная в кордебалет, она недолго простояла в «линии». В 1968 году на гастролях в Новокузнецке она вошла в двойку виллис в

«Жизели» и па-де-труа в «Лебедином озере». Первой главной ролью Гершуновой стала партия Сиюмбике в балете Ф. Ярулина «Сиюмбике — птица счастья» в постановке молодого в то время балетмейстера Игоря Есаулова. Это стало открытием. А затем уже были и Одетта, и Одиллия, и Жизель…

Секрет «феномена Гершуновой» невозможно объяснить, разбирая на составные части и анализируя только явные, физические качества мастера: ее природные возможности, технику, артистизм — ведь в это же время театр обладал целым созвездием блестящих балерин высочайшего класса. Но если у таких солисток, как Л. Матюхина и Т. Капустина, специалисты, прежде всего, отмечали абсолютное академическое владение своим «аппаратом», то в Гершуновой было нечто, что не достигается ни школой, ни напряженным трудом по совершенствованию своего мастерства, ни даже жизненной умудренностью. Секрет этот, скорее всего мистический — тайна единения тысяч зрительских душ, замирающих в темноте огромного зала, когда за рампой в жестких лучах прожекторов кружит и летит хрупкая фигурка балерины. Как ей удавалось коснуться каждого сердца, раскрыть и аккумулировать все хлынувшие из этих растревоженных, проснувшихся сердец тонкие разрозненные токи энергий в единый пламенно ослепляющий факел трагической любви своих героинь. Как она — в неразделенности чистоты и глубины душевных порывов, в обреченной обнаженности чувств, в невозможности уберечь себя от беды — заставляет всех нас, таких разных, несовместимых и разделенных друг от друга, неожиданно слиться в едином сопереживании восторга и нежности?

Счастливо сложившаяся в балетной труппе жизнь примы позволила Любови Васильевне самой формировать свой репертуар. Роли, не свойственные ее амплуа, она оставляла вскоре после премьер другим солисткам, но те, что оставались с ней, поражали своей правдой, столь трудно достигаемой в одном из самых условных видов искусства. Эта правда исходила не столько от полной продуманности, но, главное, из потрясающей прочувствованности буквально каждого жеста балерины. И не случайно даже столь жесткий в своих требованиях строгого выполнения поставленных им задач Юрий Николаевич Григорович позволял ей самостоятельно прорабатывать отдельные эпизоды Фригии в своем «Спартаке».

Правдивость и убедительность работы мастера на сцене, как нигде, объясняются постоянной обостренностью его интуитивной жизни. Любовь Васильевна никогда не скрывала своей религиозности, даже на юбилейных партийных концертах не снимала маленького крестика. От того-то советским профессионалам-критикам было трудно писать о ней, трудно разбирать и разъяснять, как в ее танце сложнейшая хореографическая задача разрешалась неожиданно просто, а самое «школьное» движение оказывалось столь наполненным и богатым. Такой развернутый спектр внутренней наполненности она явила в моем коротком фильме-балете «Осенняя симфония» на музыку нашего земляка, композитора Аскольда Федоровича Мурова. Фильм предъявляет театральному артисту совершенно иные, чем сцена, требования. Ограничен-

ность пространства студии, крупные планы — здесь невозможно «спрятаться» за только физическую динамику, здесь многое решается именно внутренней энергоемкостью танцора. К тому же съемки идут по фрагментам, с дублями, что каждый раз выводит актеров из образа, затрудняет пребывание в нужной эмоциональной тональности, так как каждая новая эмоция требует предварительного переживания предыдущей. Но в работе с Любовью Васильевной этих сложностей как бы и не существовало. За пятнадцать минут на экране Гершунова прожила целую жизнь, полную, многозначную и цельную. Забавно, но этот фильм полюбили в странах Южной Америки, где он предварял на местном телевидении гастроли советской труппы. И лирическое, и взрывное звучание оркестра русских народных инструментов под руководством дирижера В. П. Гусева действительно получало новое прочтение, совмещаясь с неизъяснимой трепетностью танца Гершуновой. Она на глазах менялась вместе с музыкой: вот она девочка-лепесток в конце лета, вот она красавица-осень, и, наконец, властная, отрешенная зима…

О Жизели-Гершуновой написано много страниц, как и о ее Джульетте в бессмертном прокофьевском балете, и о Маше из «Шелкунчика». Когда она в 1972 году завоевала лауреатство в Варне, болгарское телевидение, заснявшее дуэт Джульетты и Ромео со второго тура, потом в течение десяти лет показало этот номер более сорока раз! А когда в том же году она станцевала Жизель на сцене Большого театра СССР, газета «Советская культура» очень характерно выразила столичное удивление сибирской балериной:

В Гершуновой в этом спектакле, прежде всего, подкупает яркая индивидуальность, умение жить в танце, полное проникновение в духовный мир своей героини… чрезвычайно своеобразная трактовка, найденная актрисой, скорее всего непроизвольно, интуитивно вытекает из самого существа ее дарования!

И сейчас можно лишь добавить о ее истинно религиозном, глубоко христианском переживании чувства самопожертвования — главной составляющей, объединяющей все ее роли.

На мой взгляд, в творчестве Гершуновой не могло быть непроизвольного, хотя действительно, ее врожденная музыкальность позволяла ей постоянно пребывать в музыке. Она мыслила и чувствовала музыкальными образами круглые сутки, не только те два-три часа в балетном зале на репетиции, а во всем периоде подготовки к спектаклю. Любовь Васильевна просто никогда не выходила из внутреннего пребывания в предстоящей роли. Это тщательно скрывалось от чужих глаз: она могла готовить на кухне, говорить по телефону, даже принимать гостей, и — в то же самое время — проживать какую-то сцену будущего балета, только иногда выдавая себя в неожиданных паузах или непроизвольных жестах прямо посреди разговора. Наверно, она не выходила из этого состояния продумывания, прочувствования и проживания даже во сне. Композитор Овчинников как-то пошутил: «балерина — не женщина, балерина — инструмент». И эта шутка в какой-то мере и не шутка, если иметь ввиду

не только мышечно-связочный аппарат, но и душу артистки: Гершунову всегда хотелось сравнить со скрипкой. Сердечность ее звучания ощущается всеми, кто хоть на минуту оказывается рядом с ней. Поэтому ее танец на сцене всегда был не на музыку, а в музыке. Даже статичные, на первый взгляд, позы заключали в себе отзвук той мелодии, которую она непрестанно несла в себе: она сама звучала в оркестре.

Ее танцевальная карьера сложилась в самый счастливый период советского балета, и она работала практически со всеми великими современниками — балетмейстерами двадцатого столетия от Виноградова и Григоровича до Касаткиной, Васильева, Рыженко. А, как известно, только живое сотрудничество постановщика и исполнителя может порождать на сцене то, что называется шедевром. Только живые балетмейстеры могут рождать и зажигать звезды. Гершунова это понимала, в этом еще одна тайна ее успеха. Тайна «звезды», которая могла гореть только живым огнем сотворчества. Она никогда не брала материал из вторых рук — от репетиторов или других артистов, тем более, «через телевизор». Любовь Гершунова никогда не позволяла себе бессмысленного копирования движений, она не принимала ни одного «пустого» жеста, «просто» взгляда, поворота головы «ради ракурса». К ней на репетицию нужно было приходить, заранее зная все до мельчайших подробностей о том образе, над которым работали. И так же требовательно она относилась к своему постоянному партнеру Анатолию Бердышеву. Впрочем, требовательность эта была взаимной.

Сама Любовь Васильевна благодарит судьбу за встречу в 1979 году с легендарным французским балетмейстером Пьером Лакоттом. В танце Гершуновой между звуковым и зрительным рядами нет ни малейшего зазора, словно ее тело не реагирует на музыку, а само порождает мелодию. Поэтому Лакотт, возродивший неохристианский дух Тальони в романтической лирике швейцарского композитора Шнейцгоффера, нашел завершение творческой триады композитор-балетмейстер-артист в лирическом естестве сибирской балерины. (Когда в 2000 году мы встретились с Лакоттом на конкурсе в Париже, он первым делом просил передать свою не угасшую любовь «Любочке».)

Не побоюсь сказать, что после Майи Михайловны Плисецкой «Умирающий лебедь» в двадцатом веке не исполнялся никем столь же блистательно, как Гершуновой. Майя Михайловна умела ценить ее талант и часто включала сибирскую балерину в свои заграничные турне. А в 1978 году в Буэнос-Айресе, когда из-за неумелого укола местного врача Плисецкую временно парализовало, именно Гершуновой она доверила исполнение всего своего репертуара!

Последней большой премьерной ролью Гершуновой на академической сцене, в которой максимально раскрылось ее феноменальное лирико-драматическое дарование, стала Франческа да Римини в 1988 году. Это была также совместная работа над одноактным балетом на одноименную музыкальную симфоническую картину П. И. Чайковского. Балет ставился к творческому ве-

черу народного артиста России, дипломанта международного конкурса, лауреата премии ЦК ВЛКСМ Анатолия Васильевича Бердышева.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление: Анатолий Васильевич является не только постоянным партнером по сцене, но и супругом Любови Васильевны. И в их счастливом браке вырос сегодняшний солист балета Анатолий Бердышев-младший. А в прошлом году родился внук, Бердышев-совсем младший, и теперь можно надеяться на продолжение семейной династии на многие годы и в наступившем веке. Семья Бердышева и Гершуновой достойна восхищения. Дружба у них началась еще в школе и с возрастом переросла в большую любовь на всю жизнь, которая дала обоим силы и счастье станцевать вместе, в полном взаимопонимании и единочувствии, практически весь репертуар нашего театра за те самые великие двадцать лет сибирского балета. Исключение, пожалуй, составил только мой балет «Конек-горбунок», где я их «разлучила» — очень уж героический образ Бердышева не подходил к роли Ивана-дурака!

Наверно, на этих страницах уместно будет вспомнить о школьных годах, о нашей детской дружбе с Толиком в интернате (я всегда предпочитала дружить с мальчишками — прыгать в снег с крыш, играть в волейбол или чехарду и, в прямом смысле, протирать до дыр обувь, твистуя всю ночь в балетном зале, когда спали нянечки), о том, как я носила от него любовные записки Любе, которая, как раз наоборот, во всем предпочитала девичью компанию. Забавно, что у Бердышева были не ахти какие успехи по классике, возможно, это связывалось с частой сменой педагогов: Степанов, Гафт, Янсон, Догушин, Совков, Тагунов. Только в последних двух классах он учился у Сергея Гавриловича Иванова, который и сделал из Анищенко (его настоящая фамилия) Бердышева. Но даже при плохих оценках Толя как-то изначально знал, что его ждет судьба незаурядного танцовщика. И когда однажды во время игры я ему нагадала, что он будет танцевать Солора, он очень даже самонадеянно заявил:

«А я и так, без твоего гадания, знаю, что буду танцевать Солора». Эта партия из балета «Баядерка» и стала в 1967-м его первой ведущей партией в театре.

И потом его действительно ждала блестящая артистическая карьера на сценах самых прославленных театров мира. Бердышев танцевал с Татьяной Зиминой, Любовью Кунаковой, Бернарой Кариевой, Ириной Колпаковой; к его великой чести стал многолетним партнером Майи Плисецкой. Его новосибирскую школу «выправляли» такие великие педагоги, как Уланова, Семенова, Месеррер, Озарий Плисецкий, Семенова и Варламов. А как актер он раскрылся в непосредственной работе с балетмейстерами Виноградовым и Лакотом, Вайноненом и Григоровичем, Чебукиани и Алонсо, Рыженко и Бежаром, Лукановым и Елизарьевым. Ведь именно «живой» режиссер-балетмейстер в совместном сотворчестве над партией дает артисту понимание того, что отличает искусство от спорта. К сожалению, современная танцующая молодежь, вводимая в «нафталиновый» балет под видом «классического репертуара», об этом и не догадывается. Не догадывается, что любое название из девятнадцатого века, дожившее до двадцать первого, только потому и является классическим наследием, что его периодически творчески переосмысливают в постоянно меняющейся этике и эстетике все новые и новые хореографы, применяющие и новые технические наработки балетной школы, и личные особенности танцоров для сохранения именно сути, а не только формы спектакля. Если кто-то увидел сегодня «Лебединое озеро» времен Петипа, без проработок Иванова, Горского, Немировича-Данченко, Гусева и Григоровича, то решил бы, что это очередная пародия на то, чем мы так искренне восхищаемся.

Когда Люба и Толя поженились, это стало праздником для всего новосибирского балета, впрочем, совершенно ожидаемым: ибо на следующий же день после сдачи Любой последнего госэкзамена они пошли регистрироваться. А как могло быть иначе? То великое счастье, какое дает нераздельность творчества и быта, профессионального партнерства и супружеской любви, от их совершенного союза озаряло всех, кто оказывался рядом с ними все годы. Такой равноценный (может быть, с излишне практичной точки зрения профессии, но реально существующей уже веками) союз, пожалуй, был в нашем театре еще только у Крупениной и Гревцова. Остальные балетные пары чаще всего были вынуждены жертвовать для артистической карьеры либо семьей, либо ролями.

В отличие от современности, в конце шестидесятых — начале семидесятых наш город нуждался в кумирах и собственных звездах. Газеты, журналы, радио и кино — все новосибирцы знали их в лицо. Молодая пара Гершунова-Бердышев счастливо попала в ту искреннюю жажду всеобщей любви и повального почитания своих сибирских талантов, что во многом позволило раньше и полнее раскрыться их дарованиям. Им не нужно было продираться сквозь дебри закулисных интриг и завалы завистливой серости, что так часто мешает многим в начале карьеры. Им оставалось только работать, работать и работать, чтобы не обмануть ожидания своих многочисленных поклонников. И они

в полную силу отдавались искусству и труду балета. Именно труду, так как между танцором-любителем и человеком, получившим профессиональное образование, навсегда пролегает непреодолимая граница. Между артистом кордебалета и солистом так же почти нет плоскости соприкосновения. А между солистом и премьером… И каждый раз качественное изменение в статусе обуславливается не одним только врожденным талантом, но и, а в балете особенно, действительно каторжным трудом. Изо дня в день, из года в год, без малейшего перерыва.

«Франческа да Римини» достаточно часто исполняется музыкантами и имеет множество сценических воплощений. Однако можно сказать, что наша версия не имела аналогов. Впервые хореографический сюжет полностью соответствовал авторской характеристике Чайковского, указывавшего на камерность изображаемых музыкой чувств. Обычно балетмейстеры шли не за композитором, а за литературным первоисточником — цитатой из «Божественной комедии» Данте. На сцену выходят множество исполнителей, изображающих то сад, то ад, что зачастую неадекватно звучащим мелодиям. Мы же, вслед за Петром Ильичом, решили показать душевные переживания только трех главных героев: Франчески — Гершуновой, Джанчотто — Бердышева и Паоло — Балабанова. Три героя — три народных артиста. Если учесть, что и репетитором мы пригласили народную артистку СССР Л. И. Крупенину, то этот спектакль стал самым «звездным» в истории Новосибирска. И в этом балете Любовь Васильевна, уже опытная танцовщица и, казалось бы, немолодая актриса, опять совершила чудо: ее героиня была так юна, так прекрасна и беззащитна, что зал плакал, любил и ненавидел, воспринимая все события спектакля только через нее. И как же божественны были ее руки…

В первом дуэте (с Джанчотто) Гершунова-Франческа танцует, почти не сопротивляясь, будто со связанными руками. Но вот она осталась одна, начался монолог, и впервые появились руки. Одна, а затем другая тянутся вверх, к небу, и от этих прекрасных, удлиненных, выразительных рук оторвать глаза невозможно уже до конца спектакля. («Советская Сибирь», 7 октября 1988г.)

Фотограф Геннадий Седов запечатлел момент, когда Бердышев, полностью перевоплотившись в Джанчотто, в ревнивом порыве (впервые за двадцать лет совместной артистической деятельности его Гершунова по ходу спектакля «изменяла» ему, да не с кем-либо, а с Балабановым, его главным соперником в труппе!) так прижал к себе Франческу-Гершунову, что сломал ей два ребра. Любовь Васильевна, также абсолютно отданная музыке Чайковского и погруженная в переживания своей героини, даже не ощутила травмы и потрясающе эмоционально дотанцевала премьеру. И только на следующий день обратилась к врачу.

Но наступала эпоха тяжелых испытаний для театра, которая не закончилась и сегодня. Начало перестройки особо болезненно сказалось на культуре и искусстве. Новосибирский балет в те годы потерял половину своей труппы, на многие годы стало невозможно показывать главные спектакли репертуара — такие, как «Спартак», «Легенду о любви» и «Ромео и Джульетту». Встала необходимость искать новые, камерные формы. Но вместо этого тогдашнее руководство балета и новая дирекция театра, не желая признаваться в собственной несостоятельности, обвиняло во всем тех, кто говорил о кризисе. Первыми, кто пострадал от этой несправедливости, стали Н. Жеребчиков, С. Колесник, затем Гершунова и Бердышев. Потом начались гонения на Т. Капустину, А. Балабанова, Л. Попилину — народных и заслуженных артистов, принесших Новосибирску всемирную славу; под любыми предлогами изгоняли из родного театра, не оставляя даже на репетиторских должностях.

Вот и сегодня в нашем театре, при всех сменах руководителей, балет остается в полумертвом состоянии: спектакли уже не сочиняются, а переносятся чужие, танцоры не играют роли, а исполняют движения, декорации конфликтуют с музыкой. Бесчувственный танец стал похож на спорт. И это невозможно объяснить новым, даже самым талантливым, приходящим ребятам: с «изгнанием» звезд произошел разрыв поколений, и из новосибирской труппы словно ушла живая душа, отлетел дух творчества.

Как сейчас молодым артистам было бы необходимо просто даже само присутствие в театре Гершуновой, не говоря о том, какой опыт она могла бы передать начинающим балеринам… Гершунова нужна театру и балетной школе как эталон профессионализма, как образец самоотрешенности и фанатизма, без которого не может быть достигнуто ничего высокого в искусстве. Звезда никогда не угасает, она просто переходит в новое состояние, и даже сошедшая со сцены прима не может не влиять на то искусство, в котором заключается вся ее жизнь. Отстраненная необъяснимой несправедливостью, для всех ценителей и знатоков Гершунова и сейчас является совестью новосибирского балета. Как совестью Большого театра была Галина Уланова и сейчас остается Марина Семенова, в присутствии которых никто не посмел бы заявить: «я — балерина». Это звание выдавали только они.

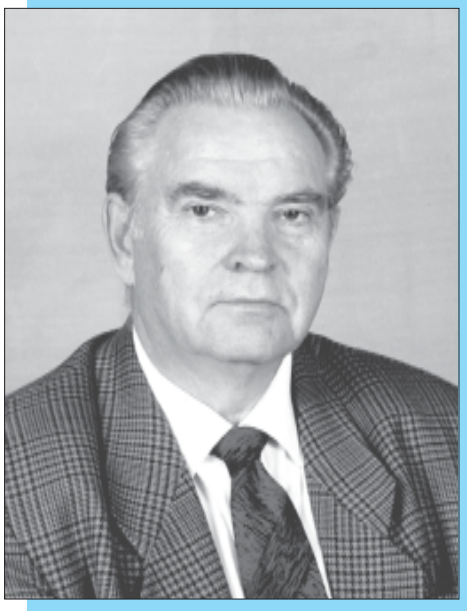
Художник оценивает свою жизнь с точки зрения задуманного. И поэтому мучается от недореализованности. Зритель же судит только по случив-

шемуся. Отсюда становится грустно и забавно, когда слышишь, как кто-то искренне восхищается: «Ты вот сделал и то, и это», в то время, когда сам тихо ноешь: «А мог и должен был вот то и то»… Судьба есть судьба. Для Гершуновой и Бердышева она оказалась неотделима от судьбы страны и Новосибирска. Перестройка, кризис… Невостребованность высокого искусства… Эмигрировать? Я никогда не слышала от них даже мимолетного размышления на эту тему. Они патриоты без всякой декларативности.

Заканчивать ли на такой минорной ноте? Нет, жизнь продолжается, несмотря ни на что она продолжается, и каждый день Любовь Васильевна вместе со своим супругом Анатолием Васильевичем занимается с маленькими девочками в муниципальной школе искусств. До слез трогательно видеть, как эти тоненькие головастики в одинаковых купальниках на дрожащих ножках старательно делают плие, выводят ручки во вторую позицию. И каким восхищением горят детские глазенки, даже когда они слышат строгое замечание, так как это замечание им делает «сама Гершунова»! И верится, что это восхищение и через годы поможет им в осознании необходимости полной самоотдачи избранному творчеству. Вот только вопрос: выбранному самим человеком или выбранному для него?.. Я-то лично, глядя на Любовь Васильевну Гершунову, всегда уверена: выбранного ей Богом.

Наталья СОКОВИКОВА

Без права на поражение

Что-то неуловимо изменилось в нем самом. Словно день и ночь внутри часовой механизм со взрывателем тикает… Э т о начало происходить в начале девяностых, когда десятками лет работавшие бок о бок с ним люди — инженеры, конструкторы, высококвалифицированные рабочие, месяцами не получавшие зарплаты, — стали уходить с завода в никуда. Перетекать в «рынок» — в самом прямом смысле слова. Протягиваешь в окно ларька деньги за сигареты, и что-то заставляет посмотреть на продавщицу. А она, подтолкнув пачку, демонстративно уткнется в газету. Пойдешь с женой на базар — «Не узнаете, Алексей Николаевич? Спасибо, дорогой, в торговку превратили…». Еще труднее было встречаться с мужиками, родными до боли людьми, которые когда-то с доверием шли за ним, гордились успехами своего завода. Первым гостем он был зван почти на все заводские новоселья. Каждое новое изделие, за которое ему пожимали руки в министерстве, было выпестовано их руками. А вот те-

перь, оказавшись за воротами родного завода, многие молодые мужики оказались слабее женщин. Менее эластичные. Не каждый мог взять в руки большой клетчатый баул «челнока». Кто-то от растерянности запил, кто-то пошел по скользкой дорожке и, как ни странно, скоро преуспел. Обзавелись турецкими кожанами, иномарками и «офисами». Такие при встречах держались раскованно: «Привет, Алексей Николаевич, как там наш заводишко? Еще не загнулся?» Но труднее всего было встречаться с патриотами завода. Их обзывали «зацикленными». Была на советских предприятиях такая категория работников, которые вполне искренне считали свое предприятие поистине — своим. В духе Маяковского: «Улица — моя! Дома — мои!». Они, кто одновременно с Алексеем Николаевичем, кто на год-другой раньше или позже, пришли на этот завод и создали уникальное производство. И эта работа была не просто источником средств существования, а смыслом жизни, надежной основой личного успеха. «При заводе» женились, под аплодисменты товарищей получали свидетельства о рождении детей. А потом вместе «обмывали» их дипломы. Даже дачные участки брали в одном месте и сообща обустраивали. И получилось так, что и отдыхали, и вкалывали всегда как бы коллективно.

«Где работаешь?» «На «Севере»… «О!..» — такие диалоги при коротких встречах на улицах со старыми знакомыми говорили о многом. Но в начале девяностых в таких случаях «О!..» уже не говорили. Сочувственно осведомлялись: «Все не работаешь? А чего ждешь?» И вот эти упорные, «повернутые» на своем заводе, удивляли ответом: «Жду, когда снова позовут на «Север». Не может же эта ерунда продолжаться вечно!».

Вот с такими оптимистами директору встречаться было тяжелее всего. В отличие от многих, он представлял, как долго э т о может продолжаться. И понимал, что былое не вернется никогда.

Кто не мог устоять — ломался. Паниковал. Как-то попросился для важного разговора один из заводских руководителей. Пряча глаза, то ли спросил, то ли подсказал: «Вы свой партбилет уничтожили или нет?». Горб даже растерялся от неожиданности. Ведь сколько лет работали вместе, этот зам ну просто плавился от почтительности, а оказалось — даже не уважал… Но тот ничего не понял и в замешательстве директора усмотрел нерешительность. Поэтому доверительно посоветовал: «Сегодня же вечером сожгите…».

На заводе проходили стихийные собрания. Кто-то требовал немедленной приватизации — «САМИ БУДЕМ ХОЗЯЕВАМИ…» Кто-то на чем свет стоит поносил руководство, которое, де, намерено все рассовать по своим карманам, а коллектив оставить ни с чем…. Но были и такие, кто уговаривал не суетиться, подождать, пока все снова образуется.

Алексей Горб ездил в Москву, пытался «вытрясти» хоть какой-то госзаказ, хотя уже понимал, что «сверху» спущены неумолимые команды и заводу предстоит операция в духе пересадки сердца. Что будет «вживлять» конверсия — неизвестно. Самим искать себя в новом качестве — не на что.

Была ли растерянность? Если честно, то были такие минуты… Хотелось ли все бросить и попытаться выплыть в одиночку? Нет такого греха на душе. Воспитание не то: он был и остается коллективистом, и чувство ответственности — тоже советский «атавизм», и совсем уж понятное каждому ощущение: ты корнями врос в свое дело, уже не оторвать…

Предприятие, которое работало почти на «автомате», под надежным крылом государства, на его приоритетный и полностью обеспеченный ресурсами заказ, вдруг как щепку выбрасывают за борт, в мутную волну дикого рынка. Что было делать? Приспосабливаться к обстоятельствам, чтобы найти в них для себя точку опоры? В духе девиза нового времени: «Хочешь жить — умей вертеться». Либо — разделиться и разбежаться?

Но такого права — отступить, тем более — пустить по ветру то, что тысячи людей возводили десятилетиями, такого права он за собой не признавал. Надо прорываться сквозь обстоятельства и сохранить все, что возможно…. Но где искать опору? Государство умыло руки. Надеяться на «цивилизованный Запад»? На этот счет Горб не обольщался. Хотя… Кто тогда был не рад обманываться?

На заре организованного отказа от социализма, в открытые ворота доселе закрытого Советского Союза устремились деловые люди предприимчивого Запада с естественным желанием расширения рынка сбыта своей продукции или использования дешевой рабочей силы. А у нас рассчитывали на инвестиции. На бескорыстное желание правителей свободного мира помочь опомнившейся России скорее войти на равных в мировое капиталистическое сообщество.

Особый интерес для новых друзей представляла устрашающая советская «оборонка». Ее нужно было срочно демонтировать. Лозунгом дня стала глобальная конверсия. Идеологическую базу под этот процесс удалось подвести быстро. Народ приветствовал прекращение гонки вооружений, надеясь дешево и быстро справиться с «пугалом» внешней угрозы и получить желанный ширпотреб. Вчерашних потенциальных «врагов» оборзевшая от «свободы» пресса легко и непринужденно превратила в белых голубей мира, друзей и благодетелей.

Вот только один вопрос портил картину безмятежной радости по поводу смены политического курса и экономических приоритетов: а что же делать с супер-отраслью нашей экономики, в которой был аккумулирован весь научно-технический прогресс? Тем более что многие области, особенно за Уралом, нашпигованы «ящиками», которые и держали на своих плечах почти всю экономику и социальную сферу сырьевых регионов Сибири.

«Ящичники» являлись привилегированным слоем индустриального сектора экономики. На предприятие Горба в лучшие времена можно было устроиться лишь по великому блату. Средняя зарплата — самая высокая в городе. Постоянно, кварталами и микрорайонами, строилось жилье и так называемый соцкультбыт. Воспитание детей здесь считали поистине государственной

политикой и включали в единую систему подготовки молодых кадров для перспективного развития научно-производственного комплекса.

В Калининском районе появились никому не ведомые ранее документы: социально-психологические паспорта на детей «северян». Около двух с половиной тысяч малышей воспитывались в те «золотые годы» в 12 детских садах и комбинатах предприятия, и в основном — за его счет. Тут изучали и формировали личность ребенка, оказывая помощь в развитии. Затем, по лесенке, в процесс образования и воспитания подключались школа, профтехучилища и вузы. На выходе — готовый специалист, чуть ли ни на генетическом уровне связанный с предприятием. Высший пилотаж кадровой работы, которую Алексей Николаевич Горб изначально считал основой развития предприятия.

Значение квалифицированных кадров и «человеческого фактора» он оценил, как говорится, на «собственной шкуре». Сорок четыре года назад, после окончания знаменитого Киевского политехнического института по специальности «технология машиностроения, станки и инструменты», он прибыл на работу в Новосибирск. На это «номерное» предприятие по производству определенных узлов оборудования для атомной промышленности почти одновременно прибыло еще 13 молодых «спецов» с разных концов СССР. Были среди них выпускники и вузов, и техникумов, и ПТУ, так как новое предприятие нуждалось в специализированной рабочей силе. «Дом» начинался с общежития, будущий завод-гигант — с одного корпуса. А коллектив собирался вот так — с бору по сосенке.

Оценивая задним числом необычайно быстрый, прямо-таки реактивный карьерный взлет молодого специалиста, при всем желании ничему иному, как врожденному таланту руководителя-организатора, его не припишешь. Интересно было узнать, что Алексея Горба еще в студенчестве товарищи звали «директором», хотя тяги «повелевать» в нем не отмечалось. Напротив, тихий голос, концентрация внимания на собеседнике, доброжелательность и скромность, казалось бы, никак не соответствовали необходимому набору качеств руководителя в условиях административно-командной системы. Но ведь люди интуитивно расставляют оценки и выбирают лидеров. Особенно в молодости. Его ум был приспособлен переплавлять знания в дело, перепроверять существующие решения. Как фокусник, он словно из воздуха постоянно извлекал технические идеи.

Молодой завод в пору прибытия Горба был всего трех лет от роду и на молодых специалистов «молился». Подготовка инженеров для работы на предприятиях нового профиля здесь, в Сибири, еще не была поставлена на поток, и многие приезжие в отдаленной провинции только «отрабатывали» свои дипломы. Некоторых задерживала женитьба. А потом уж как судьба повернет. Алексея Горба она решила укоренить.

Первая запись в его трудовой книжке появилась в середине августа 1958 года: принят на должность мастера механического цеха п/я □ 32, позднее ставшего заводом «Химаппарат». Впрочем, эту же первую запись можно считать и

последней, потому что уже 44 года Алексей Николаевич трудится на этом же предприятии, которое потом только один раз сменило название, став производственным объединением «Север».

Правда, это была не просто смена вывесок. Предприятие росло и видоизменялось, и на всех этапах его возмужания в этом процессе заметно участвовал Горб. Уже через год молодой мастер становится — старшим, еще через год его назначают заместителем начальника цеха. И это был настоящий «университет» будущего руководителя уникального предприятия.

Можно считать, что этим завершился адаптационный период молодого специалиста. Алексей Горб с головою влез в технологию, при этом совершенно естественным образом выбрав самый верный путь к успеху дела. Он овладел наукой правильно строить взаимоотношения в коллективе и вс□-вс□! — планировать. Чтобы ни одной минуты не ушло в никуда. Тогда он убедился и убедил других, что самый дорогой производственный ресурс — это рабочее время. И когда в штамповочном цехе явно обозначился внутрипроизводственный кризис, руководство завода на укрепление «бросило» Горба. В качестве основного «инструмента» захромавшего дела Алексей взял на вооружение системный подход к любой ситуации. «Лечение» начиналось с «диагностики». На «консилиуме» со специалистами устанавливали, в чем недоработка? А потом уж дело за «мелочью» — определяли, какими средствами и за счет каких источников финансирования обеспечить реализацию принятого решения.

И вот, в 1962 году «За высокие производственные показатели по выполнению заданий Правительства» Алексей Николаевич удостоен первой в своей жизни государственной награды — ордена «Знак Почета». Кавалеру было всего 27 лет. Потом пришлось протыкать новые дырочки на парадном пиджаке, когда за первым орденом последовал второй, медали, и, прежде всего, «За доблестный труд», избрание депутатом районного и городского Совета — все это было высокой оценкой творческого стиля руководства молодого «командира производства».

Вскоре на заводе организовался новый цех — по изготовлению уникальных пластмасс на основе алкидных смол. Из этого материала производились большие корпусные детали для атомных аппаратов.

С этого начался второй этап развития производственного объединения. Из министерства получили техническое задание на реконструкцию завода. Дело было сверхсекретное. В тылах завода, за лесом быстро велось строительство приземистых, одноэтажных корпусов, незаметных с воздуха. Это завод подключился к реализации хрущевской программы наращивания атомных вооружений. Объемы производства увеличивались «в разы». Это тогда списочный состав предприятия исчислялся почти девятью тысячами работающих. Минус две тысячи — социальная сфера. Надо было осваивать совершенно новые, уникальные изделия, требующие высокой квалификации работников на всем конвейере. Для коллектива организовали производственную учебу, руководящий костяк налег на самообразование. Ведь безукоризненное

соблюдение технологии в этом секторе производства — единственное и достаточное условие, гарантировавшее безопасность.

К тому времени сформировался широкий инженерный кругозор перспективного руководителя. Алексея Горба назначили главным технологом.

Освоение новых изделий на базе самых революционных технологий и необходимость улучшения условий труда и культуры производства требовали новой идеологии развития предприятия.

— Принципиальная особенность того периода — кратчайшие сроки освоения новых изделий. Объемы выпуска — огромные, — вспоминает Алексей Николаевич. *— Работали в три смены. При высочайшем качестве. Одновременно происходил процесс параллельного освоения.*

Что это значит? Традиционный способ производства новых изделий — сначала разработка, а потом запуск на освоение. У нас времени на такой цикл не было, мы сразу подключались к разработчикам, так что на выходе были сразу два продукта — и техническая документация, и готовое изделие.

В то время главным инженером завода был талантливый человек — Юрий Игоревич Тычков, во многом определявший стратегию развития предприятия. Он настойчиво продвигал идею строительства специализированного, оснащенного по последнему слову техники, сборочного производства. Ее поддерживал круг молодых, талантливых инженеров, который сформировался вокруг энергичного руководителя. Особое взаимопонимание установилось у главного с Алексеем Горбом. В молодом инженере он видел не только классного специалиста, но и задатки лидера, особо отмечал его напористую целеустремленность. Умеет добиваться задуманного, если даже для этого надо «прошибить стену».

В мозговом «штабе» главного технолога отрабатывались принципы специализации будущих цехов нового производства, которое должно стать комплексно-механизированным. Тогда это явилось новым словом в индустриальной практике. В 1977 году знаковое событие состоялось: был сдан в эксплуатацию первый в отрасли комплексно-механизированный цех компаундного производства.

В 1972-73 годах Алексей Николаевич возглавлял производственно-диспетчерский отдел, а затем и производство в целом. Наверное, будет справедливым связать с его именем начало нового этапа развития уникального предприятия, от коллектива которого в эти годы требовалось одно: не просто идти в ногу с техническим прогрессом, но обгонять его, первым получая в руки «горяченькую» продукцию технического интеллекта ученых, чтобы в кратчайшие сроки «вмонтировать» ее в производство. Наибольшую актуальность обретали автоматические системы управления.

«Север» чутко улавливал интеллектуальную конъюнктуру. Алексей Николаевич Горб с группой инженеров активно работали над созданием и внедрением систем оперативно-календарного планирования производства с использованием ЭВМ на внутрицеховых и межцеховых уровнях.

Так перспективного специалиста «провели» по всей производственной структуре, с головой «окунув» в производство, с одной стороны, и включив в механизм стратегического планирования завтрашнего дня предприятия — с другой. Впрочем, таков был тогда основной принцип подготовки руководящих кадров в сфере экономики.

К тому времени, когда в 1979 году вышел приказ о переводе А. Н. Горба на должность главного инженера-главного технолога, тридцатитрехлетний специалист как свои пять пальцев знал все многопрофильное производство. На новом поприще он последовательно продвигал автоматизацию всех звеньев. Осваивается новое направление в производстве изделий точной механики. Работая в содружестве с наукой, завод создает свое СКТБ, включает в работу программу «Сигма», внедрение которой дало возможность уйти от рутинных форм производства и «играть на опережение».

Так, на основе научной организации труда и технического перевооружения производства, формировалось новое качество коллектива. Спокойно, но целенаправленно шло освоение конверсионной программы. В начале 80-х выпуск товаров народного потребления в объеме производства продукции достиг 25 процентов от общего объема.

Предприятие готовилось к «сбору урожая»: пришла пора пожинать плоды тщательно спрограммированного производственного взлета. И фанфары победы зазвучали. Алексей Николаевич Горб, уже ставший в конце восьмидесятых директором предприятия, за успехи, достигнутые коллективом и личный вклад в эти успехи, награждается орденом Трудового Красного Знамени.

Кризис, который сотрясал экономику в конце восьмидесятых, не парализовал воли руководства предприятия во главе с генеральным директором. Минатом, знающий цену своим производственным базам, пытался поддержать ПО «Север» при переводе предприятия с выпуска оборонной продукции на гражданскую. Но госзаказа уже не было, постоянно менялась кредитно-финансовая политика, и конверсионный кредит заводу пришлось возвращать из собственного кармана. Единственное, в чем еще чувствовалась управляющая рука центра, так это в сохранении кое-каких элементов директивного планирования. Собственные маркетинговые службы на федеральных предприятиях едва зарождались, и новый ассортимент товаров по конверсионной программе по-прежнему спускала Москва.

*— Нам поставили на освоение систему управления станками с ЧПУ (числовым программным управлением — **Л. С.**), которую мы быстро и качественно освоили. Но и этот заказ был спущен без глубокой маркетинговой проработки. Как раз в это время в Россию хлынула зарубежная электроника нового класса. И тут выяснилось, что мы запустили в производство вчерашний день…*

Потом новая осечка — заводы, на которые мы успешно поставляли станки, в частности, в Иваново, Одессу, рухнули, и мы остались с неликвидами. И кредит, который был получен под новое производство, камнем повис на шее. Коллектив снова остался без денег.

Что ж, мы учились быстро выходить из ступора, быстро перестраивать базовые технологии на выпуск актуальной продукции. В данном случае сделали заказ энергетики на выпуск современных конденсаторов, трансформаторов и т. д. Конечно, это уже «мелочевка» в сравнении с системами ЧПУ, но она давала возможность занять рабочие руки и рассчитаться с теми же энергетиками. К тому же отрицательный опыт заставил резко изменить принцип конверсии и от директивного перейти к технологическому. Мы стали работать на предприятия радио- и электротехнической промышленности.

Но и эту ступень «выползания» из кризиса Алексей Николаевич считает лишь переходной к третьей волне конверсии, которая и стала стартовой площадкой сегодняшнего дня родного предприятия:

— Мы самостоятельно вырулили на выпуск новой продукции — для приоритетных на сегодняшний день отраслей отечественной продукции. Сейчас это автомобилестроение и электротехника. Сконцентрировали силы и средства, чтобы утвердиться здесь. Конкуренция серьезная: Московский, Чебоксарский, Тюменский заводы, но показатели надежности нашей продукции в четыре раза выше, чем у коллег. Тем и берем. Естественно, строго соблюдаем и другие требования тендера — обязательность, сроки поставки, цена. И вот уже третий год пока удерживаем заказчика.

— Помнится, в вашем спорткомплексе была развернута совместно с немцами большеформатная выставка, на которой демонстрировалась готовность «Севера» к выпуску выгодных товаров народнохозяйственного спроса. Что-то предлагалось для нефтяников и газовиков…

— Верно, мы были готовы поставить на поток выпуск насосов для нефтегазового комплекса и этой выставкой надеялись заинтересовать тюменских нефтяных «королей». И они заинтересовались. Но этим стендом заинтересовались и наши немецкие партнеры. Увидев большой интерес и готовность чуть ли ни немедленно оформить заказ, немцы перехватили инициативу. Пока, мол, они, то есть мы, организуют производство, мы уже доставим вам такую продукцию. То ли дело подписать контракт с Германией, съездить на смотрины… Словом, съели наш заказ и не поперхнулись.

И это была не первая и не последняя осечка. С зарубежными друзьями по-русски, на доверии и взаимопомощи отношения не складывались. Это и естественно — разные позиции и устремления.

Правда, были отдельные смельчаки-первопроходцы, дерзнувшие «освоить Сибирь» для себя, пойти на создание совместных предприятий. Это было на пике моды и подпадало под режим наибольшего благоприятствования. Но где теперь эти партнеры по бизнесу?

Побывав на «Севере» в ту пору, предприятием заинтересовалась одна небольшая американская фирма. Она предложила чертежи и технологию будущего совместного предприятия по производству сухого картофеля. С расчетом на федерального потребителя — в армии, на флоте и для «северов». Больших выгод небольшое предприятие не сулило, но директор был уверен, что

игра все же стоит свеч. Партнеры внесли в общий «кошелек» технологию, чертежи, с финансированием строительства и организации производства решили помочь в родном отечестве, и руководство предприятия горячо взялось за дело, надеясь не столько укрепить экономику, сколько поднять моральный дух коллектива. Открыть новые перспективы рыночного существования.

Но в условиях шока, бешеного скачка цен на все и вся, иллюзии американских партнеров по поводу удачного бизнеса в России скоро рассеялись, и они предложили выкупить их пакет акций. Отказаться от этого было бы глупо, пришлось «изыскивать» средства. Хотя было ясно, что ввод нового производства отодвигается на далекую перспективу. Энергетики совсем разорили завод, имеющий энергоемкое производство. Даже выпуск новой продукции, адресованной энергетическому комплексу, не спасал дело. Оборудование для новосибирской энергетики уходило в порядке взаимозачетов, не оставляя заводу ни копейки прибыли.

О пуске нового завода нечего было и думать, тем более, на дополнительного потребителя у ТЭЦ-4 просто не хватало мощностей.

И тогда управляющая компания ПО «Север» принимает решение строить свою котельную, покрывающую технологические потребности предприятия в энергетической продукции. К осени 2002 года котельная была запущена. Наконец, назначили и день госприемки нового производства на НПО «Север» — сухого картофеля. Маркетинговая служба объединения уже давно отработала карту и схемы поставок этой специфически северной продукции, спрогнозировав необходимую мощность — переработка семи тысяч тонн картофеля. Плюс определенный резерв на развитие: планируется также производство другой картофельной продукции, в том числе, — чипсов с применением мелкой фасовки.

Сырье заблаговременно закуплено, хотя и с непредвиденными трудностями. Оказалось, например, что в урожайный для картофеля год новосибирский производитель «второго хлеба» чуть ли не на корню уже продал свой урожай за пределы области, а частник при такой благоприятной конъюнктуре взвинтил цены. Так что пришлось картошку завозить с Алтая. И теперь генеральный директор объединения Алексей Николаевич Горб прокручивает со специалистами идеи, как подстраховаться на будущее. Может, и выращивание картофеля для производственных нужд взять на себя? Чтобы новое производство стало не просто рентабельным, но принесло заметную прибыль, придется, наверное, обзаводиться собственной землей, создавать специализированное хозяйство, которое войдет в структуру научно-производственного объединения.

Довольно странное, конечно, сочетание: некогда флагманское предприятие по производству сверхтехнологичных, наукоемких изделий для ядерной промышленности и … агропромышленная ячейка. Но как посмотреть? Если с «высоты» финиша конца восьмидесятых, то — дикость! А с платформы первого «перестроечного» десятилетия — смелая коммерческая инициатива. На

самом деле, ни то и ни это. Суровая необходимость. Впрочем, к этому времени завод уже сформировал свое новое лицо — многопрофильного, высокотехнологичного предприятия, выпускающего конкурентоспособную продукцию для предприятий отраслей, которые еще держатся на плаву и даже — развиваются.

ПО «Север» удалось выйти на производство востребованной на рынке продукции и потеснить на нем конкурентов. Генеральный директор разговоров о своих личных заслугах в этом избегает, подчеркивая лишь одно, весьма важное, основополагающее обстоятельство:

— У меня хватило духу, а возможно и — мудрости не поддаться искусу акционирования. Более того, я выдержал невообразимый силовой натиск, когда наше предприятие внесли в роковой список подлежащих срочной приватизации. Наряду с «Экраном», «Промстальконструкцией» и другими «лакомыми кусочками» индустриального «пирога». Где теперь «Экран»? Чем занимается? Делает колбасу …

А когда из Москвы приехали акционировать завод «Химконцентрат», мне, можно сказать, прямо руки выкручивали. Я понимаю, «Химконцентрат» уникальное предприятие, которое никогда без работы не останется, и никакому лихому хозяину не позволят его разорить. Но предприятий, подобных «Северу», даже на российском пространстве несколько. И то, что мы его сохранили для государства, заслуга не столько моя, сколько наша — командиров производства да и всего коллектива.

Подвигов мы не совершали, но даже самый маленький шанс использовали до конца. Ведь даже несмотря на экстремальность ситуации тех роковых для нашей страны лет наше предприятие имело определенный запас остойчивости, как говорят моряки. Нас за сорокалетнюю историю не раз качало «на волнах» то одной реконструкции с внедрением новой продукции, то другой. И я не без оснований верил, что нас все равно не потопить. Мы найдем решения и выплывем. Теперь можно смело сказать, что нам это удалось.

Коллектив почувствовал почву под ногами. Заработная плата на предприятии выросла в полтора раза. Снова начинаем потихоньку строить жилье. Мы сохранили базу отдыха, и летом наши дети по-прежнему отдыхают в лагерях.

Может, кому-то не верилось, но мы прорвались. Выстояли! И снова говорим о развитии. Не выживании — развитии. Перед нами четкие рубежи развития. Правда, к сожалению, это — не поступательное развитие, а «спираль». Мы осуществляем сейчас программы развития объединения с ориентировочными объемами выпуска продукции к 2005 году на уровне 1991 года. Но это не дорога вспять, а выход на прежние рубежи, с которых начиналось отступление. Теперь же мы пойдем вперед, догоняя самих себя.

И как тут обойтись без банальности, не вспомнить мудрую пословицу: «Нельзя дважды войти в одну реку». Ведь финиш завода в 2005 году вовсе не будет равен старту 91-го года. Объемы-то те же, но будут достигнуты трудом

примерно трети бывшей численности коллектива. Почти втрое возрастет на предприятии эффективность труда. Потому что теперь это уже совсем другое производство, производительные силы которого выведены на мировой уровень развития. И не важно, какую продукцию выпускает то или иное производственное звено: детали для автомобильной промышленности, приборы и оборудование для электротехнической отрасли или сухой картофель, — все это делается «классно», как привыкли работать в «оборонке».

В конце 2002 года истек по контракту срок пребывания А.Н. Горба на посту генерального директора НП «Север». К этому рубежу он исподволь подготовил управленческую команду, видя в своем первом заместителе А.Ю. Храмове достойного преемника. В середине декабря Горб подал заявление на увольнение, но удовлетворено оно было лишь отчасти. Алексей Николаевич остался на предприятии в должности заместителя гендиректора по науке…

Людмила СОКОЛОВА

Тайна пшеничного зернышка

Серега — лидер, руководитель от Бога, — говорит о своем друге — Сергее Грибовском, генеральном директоре Новосибирского мелькомбината N 1, Андрей Ведерников, начальник налоговой службы области. — *Он — двигатель. В любом коллективе двигателей один-два, остальные — шестеренки. Это не обидно, без шестеренок двигатель — ничто, он будет вращаться вхолостую. Лишь передавая шестеренкам свою энергию, двигатель заставляет работать весь механизм. Он из зажигателей, организаторов… Человек, который постоянно порождает новые идеи, подтягивает шестеренки под свой формат...*

Серега — нормальный мужик. Умеет работать в команде. Умеет быть незаменимым. Нет его недели две-три — друзьям уже становится скучно. Хотя мы все предприимчивые, энергичные люди, каждый знает себе цену. Но без Сереги все не то…

Оба они — Сергей Грибовский и Андрей Ведерников — из Болотного. Оба многого достигли в жизни, оба — оптимисты и жизнелюбы. Они даже внешне похожи — оба под метр девяносто… О детстве в Болотном генерал Ведерников вспоминает, что он тогда был *архискромным учеником, а Серега — заводилой*. И добавляет: *Симпатичный был парень, и девчонки за ним бегали…*

ПОСТРОИТЬ ДОМ, РОДИТЬ СЫНА…

Говорят, человеку, чтобы состоятся, надо построить дом, посадить дерево и родить сына.

Сыновей у Сергея Грибовского — двое. Старший заканчивает институт МВД, младшему — три года. Дочь замужем. И домов за свою жизнь он построил много…

Первый дом был в раннем детстве. Как переехали семьей в Болотное из деревни Елбак, признанной неперспективной, так и началось строительство. Сколько себя помнит, родители строились постоянно. Его тоже с малолетства привлекли к общему делу. Начал с подсобника, а став постарше, научился и топором махать, и кладку делать. В шесть утра — подъем, час работы на домашней стройке, потом бегом в школу, после школы — за уроки и снова на стройку...

С тех пор Сергей Аркадьевич постоянно строит, перестраивает и совершенствует. И это в любом его деле. По-другому он просто не умеет. И строит всегда основательно и капитально, по-хозяйски. И свой семейный родовой дом, и свой мелькомбинат…

ОТ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ИНЖЕНЕРА ПО ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДО ГЕНДИРЕКТОРА

На мелькомбинат Сергей Грибовский пришел в начале 90-х, самое сложное для всей промышленности время. Рухнула прежняя фондовая система, сломались все вертикали и горизонтали, надо было самим находить поставщиков и покупателей…На этом фоне и произошел его стремительный взлет — с должности заместителя главного инженера по технике безопасности в 1992-м, до заместителя генерального директора по производственным вопросам в 1994-м и гендиректора в 1997-м.

Из института народного хозяйства, в котором учился заочно, срочно перевелся в аграрный университет, чтобы быть «ближе к теме». Хотя постигать науку приходилось больше на практике. Никакие учебники не поспевали за «особенностями развития» отечественной экономики, «новейшая история» мукомольного дела писалась на глазах. Был в самом эпицентре — самому приходилось ориентироваться, принимать решения, пробовать, рисковать.

— *Принимать решения,*— говорят о нем,— *умеет. Точно просчитывает все ходы и все возможные последствия этих ходов. Не авантюрист по натуре,— но в нем есть та необходимая доля авантюризма, которая позволяет ему быть предприимчивым и мобильным…*

Процесс становления и дележа зернового рынка был не прост и часто криминализирован. О криминале он говорит скупо, как о деле прошлом: *Это мы сразу отсекли…* Случалось, конечно, «наезжали», требовали делиться, угрожали: «пожалеешь»… Обычным делом были вымогательства на дорогах, остановки поставщиков на всех маршрутах следования грузовиков с зерном. Приходилось бороться и с хищениями на самом комбинате… Очень пригодилась его служба после армии в одном из подразделений МВД России, которое занималось охраной особо важных объектов и ликвидацией последствий катастроф. К охране комбината привлек сотрудников милиции. Постепенно навели порядок.

В том что первую мельницу — крупнейшее и мощнейшее предприятие города, ныне одно из ведущих мукомольных предприятий России — удалось отстоять во время экономического беспредела и сохранить для города, безусловно, большая личная заслуга Грибовского. Попади мелькомбинат в нечистые руки,— а желающих было немало,— его бы просто разграбили. Чтобы удержать на плаву эту «мукомольную махину», необходим был мощный экономист и сильный менеджер. Одним словом, был нужен хозяин.

В 1994-м новосибирские товаропроизводители и сотрудники правоохранительных служб создали фонд в помощь борьбе с преступностью — «Антипрес», где Сергей Аркадьевич уже много лет возглавляет консультативный совета.

А начиналась его деятельность как гендиректора с самого элементарного:

— *С уборки мусора и расчистки производственной площадки…*

Когда освободили территорию от завалов, под многолетними залежами с удивлением обнаружили асфальт. Отмыли, отчистили, разбили клумбы, посеяли цветы.

Потом началась борьба с «зеленым змием» — извечным бичем комбината. Лечили в обязательном порядке и за счет предприятия.

— *Можно было, конечно, пойти другим путем,* — говорит гендиректор, — *пьяниц гнать в шею. Но русский народ на это дело так слаб…*

Разрабатывали гибкую систему премиальных…

Модернизировали производство…

Выходили на выпуск новых видов продуктов — манки, гречневой, кукурузной, перловой, ячневой круп, овсяных хлопьев…

Улучшали качество жизни… Построили бытовой корпус с удобными раздевалками, душевой, сауной и здравпунктом. Соединили его с производствен-

ными помещениями теплым переходом. В переходе — не пропадать же площадям — создали оздоровительный комплекс с массажным, процедурным и стоматологическим кабинетами, физиокабинетом и соляной пещерой. Каждый цех имеет там свой законный день. Идея-то, говорит гендиректор, была самая простая: *чтобы на работу было ходить приятно.*

Место под солнцем теперь завоевано прочно. Мелькомбинат не раз отмечался российскими дипломами и медалями. Лауреат областного конкурса «За успешное развитие бизнеса в России», обладатель сертификата «Наша марка», последние пять лет продукция полностью соответствует требованиям ГОСТ. Если на мешках маркировка Первой новосибирской мельницы, сертификата качества часто и не требуют. Имя производителя говорит само за себя. В понятие *качество* Грибовский начал вкладывать многие составляющие еще тогда, когда на зерновом рынке царила полная неразбериха, и муку, которая была в дефиците, хватали любую. Было в этой ставке на качество и уважение к партнерам и потребителю, и умение видеть перспективу — рынок будущего, и его обычная установка: *если делать дело — то делать его хорошо*. Теперь торгуют не только с Россией, но и близким и дальним зарубежьем. Среди иностранных партнеров — Монголия, Узбекистан, Афганистан… — *Партнеров будет много больше,*— говорит Сергей Аркадьевич,— *когда решатся вопросы с таможней и возвратом НДС.*

В холдинг вместе с перерабатывающими предприятиями входят и те, что выращивают зерно. Выбрали наиболее благоприятный по погодным условиям район (Кочковский), ежегодно финансируют его, контролируют весь процесс от посевной до уборочной... «Свой район» — ноу-хау Грибовского, и один из параграфов его будущей докторской диссертации. За право адресного финансирования бились не один год.

— *Наверное, пока это звучит дико: «комбинат выбирает себе наиболее благоприятный по погодным условиям район», но это единственно разумный подход. Со временем, думаю, все предприятия к этому придут.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОНДОМИНИУМА

По своему складу и мироощущению он так и остался человеком негородским. Неуютно ему в «каменных джунглях» — суета, говорит, беготня и воздух не тот. И когда десять лет назад представилась возможность сменить свою городскую двухкомнатную на частный дом, не задумываясь переехал за город. Теперь это место известно, как поселок Лесной авиации — обустроенный кондоминиум на 70 домов с хорошо развитой инфраструктурой… А начиналось все с дома Грибовского на краю соснового бора, который он занимал пополам с лесником. И никаких подъездных путей и дорог. Жена изумлялась — куда он меня в лес завез?

Грибовский был одним из главных инициаторов, чтобы на этих землях, где сначала был пустырь, а потом городская свалка, разрешили частное строительство. Среди тех, кто получил наделы, было много его друзей и единомышленников. Строиться решили капитально и сообща — возводить «родовые гнезда», а не дачные домики. Создали Фонд развития инфраструктуры поселка Лесной авиации — на деньги инвесторов провели дороги, электричество, газ, водопровод, канализацию… Грибовский — бессменный председатель кондоминиума и инициатор большинства идей. Построили лыжную базу, теннисный корт, зоны отдыха для жен и детей, площадки для игры в «городки»…

«Городки» для Сергея Грибовского — из детства. До сих пор вспоминает болотнинскую команду «Локомотив», которая была в области не из последних. Да и сама идея поселка Лесной авиации — «деревни городского типа» — тоже родом из детства, из привычного с ранних лет общинного уклада деревенской жизни, прочно вошедшего в плоть и кровь, — где все друг друга знают, дружат семьями, собираются вечером за большим столом и все вопросы решаются сообща. Кстати, до недавнего времени, пока не умерла мама Сергея Аркадьевича, обе мамы, его и жены, жили вместе с ними. Наверное, это особый дар и особый талант — уметь обустроить свою жизнь. А может, и не надо тут особого таланта. Для Грибовского это нормально. Так жил его дед, его отец:

— Это нормально, когда в доме порядок...

«НА ОХОТУ? НЕТ ПРОБЛЕМ…»

Жизнь руководителя холдинга, в подчинении которого 3600 человек, чрезвычайно насыщена. Даже имея нагрузку на порядок меньше можно увязнуть в бесконечном множестве забот и проблем.

— Серега всегда находит возможность дать себе «окошко», — говорят друзья.*— И работу наладить умеет, и отдохнуть от души. Собраться и махнуть, например, на рыбалку или на охоту… Звонишь ему: «едем?». Три-пять минут и он готов. За 20 км — хорошо, за 200 — тоже хорошо, вопросов нет... Охотник очень увлеченный. Даже если охота с утренней зорьки, а приехали вечером и засиделись за мужской беседой допоздна, в четыре-пять утра он уже на ногах. На охоту всегда среди первых.*

Охота это святое. Это своя «мужская территория», давно сложившаяся компания... Это азарт, эмоции на пределе, тонус, адреналин, ощущение полноты жизни...

— В жизни человечества это занятие — одно из первых. Изначально был первородный инстинкт добытчика, уже потом охота переродилась в спортивную охоту, — объясняет свое пристрастие Сергей Аркадьевич.

Азартный ли он человек?

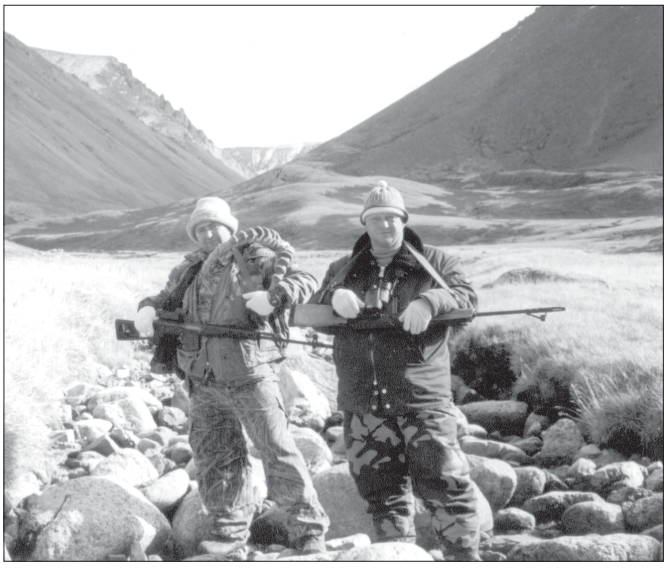
— *Естественно! На охоте с тобой что-то непонятное происходит! Когда видишь зверя — медведь, волк, лось — такое начинается... Человек дрожит, трясется… Выброс адреналина колоссальный. Это, наверное, как лазить по скалам. Я не понимаю азарта лазить по скалам, а тот, кто не ходил на охоту не поймет, что такое «азарт охоты».*

Больше всего любит охоту утиную: — *Осень. Погода замечательная. Спать еще можно прямо на земле…*

Все трофеи — обязательно домой. Сам все разделает, приготовит и в гости на следующий день пригласит. У него ничто не пропадает, говорят не раз бывавшие на тех домашних обедах друзья-охотники. Все идет в дело, все похозяйски. Это в нем и отличает деревенской окраски мужика, основательного. Если рыба, то поджарить или засушить, завялить. Он умеет делать все, что должен уметь делать мужик. И все делает с удовольствием. Умеет жить с ощущением вкуса к жизни.

Для семейного отдыха — горные лыжи. Белокуриха, Горная Шория, Красная поляна... Красная поляна особенно хороша весной — когда внизу уже цветут магнолии и температура плюс двадцать, а в горах не тает снег. На Новый год обычно собираются несколько семей и едут на Чемган. Скоро уже будет ставить на лыжи своего младшего — Костю.

— *Наверное, я счастливый человек,* — говорит Грибовский. — *Я с большим удовольствием просыпаюсь утром, крепко сплю — танком не разбудишь. С большим удовольствием иду на работу, с радостью возвращаюсь домой…*

На охоте

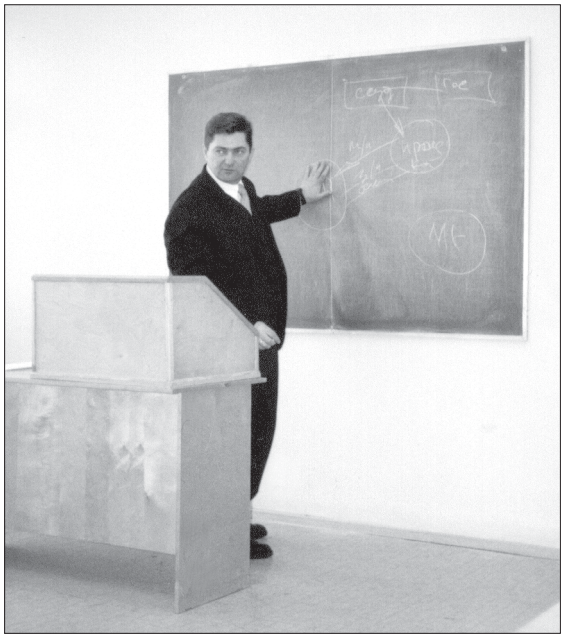
«ЭЛИКСИР ГРИБОВСКОГО»

Что заставляет его, человека состоявшегося и благополучного, получать второе высшее, защищать кандидатскую, работать над докторской, или, например, биться над извлечением масла из зародышей пшеницы?..

— *Смысл жизни,* — говорит он, — *в постоянном развитии. День прожить и ничего не сделать — это не нормально. Нормально — постоянно что-то придумывать, менять, исследовать, развивать...*

Диссертацию кандидата экономических наук Сергей Грибовский защитил на тему «Повышение эффективности производства на мукомольных предприятиях АПК». После сельхозакадемии поступил в Сибирскую академию государственных служащих — его третье по счету учебное заведение — в прошлом году закончил. Три года как работает над докторской… Отец его еще с детства наставлял: *Век учись, человеком станешь.* Он и учится. И на его комбинате тоже все учатся. Если есть желание и для пользы дела, считает гендиректор, то почему бы и нет?..

А масло из зародышей пшеницы, которое изготовляют на комбинате по уникальной технологии, не имеющей аналогов в мире — история отдельная. Началось все, вспоминает Сергей Аркадьевич, с нескольких мешков с красным порошком, которые он нашел на территории своего комбината. Стал расспрашивать что да как, оказалось «витамины для народа». Зачем, удивился, в муку добавлять витамины? «В структуре зерна все есть! Только, как говорится, посолить осталось». Оказалось, при изготовлении муки из зерна убирается зародыш, самое ценное, содержащее уникальный запас витаминов, минералов и микроэлементов. А оставь зародыш — мука получится маслянистой, и срок ее хранения сократится в несколько раз.

— *Логика подсказала, что если вещество маслянистое, из него можно делать масло. Пробовали давить на обычном оборудовании для подсолнечника, ничего не получилось, температура слишком высока, все полезное выгорает…*

Но Грибовского уже было не остановить, он «попал под идею»; уже проснулся в Сергее Аркадьевиче его известный спортивный азарт — тот самый «здоровый, мужской…». Поехал в Москву, в институт взрывов… Профинансировали работу лаборатории и получили уникальный пресс холодного давления. «Масло Грибовского» получило высокую оценку ученых-специалистов, сертификат биологически активной пищевой добавки, а мелькомбинат — лицензию на его выпуск. Тайны хлеба, считает кандидат экономических наук, написавший не одну монографию о развитии мукомольных предприятий, далеко не все разгаданы:

— Маленькое пшеничное зернышко, а сколько в нем всего заключено, сколько еще предстоит узнать. Пройдут еще десятилетия — и все равно не все его удивительные свойства будут раскрыты!..

Теперь уникальное масло можно купить в магазинах и аптеках города. Поставляют «эликсир здоровья» и за рубеж — в Германию и Австралию. Европа, кстати, ценность пшеничного зародыша открыла для себя давно, но технологии получения чистейшего, беспримесного продукта там нет. Кому ж в голову придет обратиться с этим вопросом в… институт взрывов. Может, «подсказку» открытию надо искать в юности Грибовского, когда он, учась в пожарно-техническом училище, проходил противовзрывное дело? И это только на первый взгляд, это был момент в жизни Сергея Аркадьевича случайный и к «мукомольной теме» отношения не имеющий…

«В ЖИЗНИ НИЧЕГО СЛУЧАЙНОГО НЕТ…»

В детстве он мечтал стать летчиком. Даже поступал в летное училище и сдал все экзамены на «отлично». Не взяли из-за отсутствия практики работы на аэродроме. Несправедливо, до сих пор сетует он. Пришлось идти со своими «пятерками» в авиационный техникум. Потом была армия, куда его забрали с последнего курса, служба в Германии, а когда вернулся и снова сел за парту, признается: *почувствовал себя таким старым!* За два его армейских года жизнь так круто изменилась: *Уходил в велюре и дедероне, вернулся — все в джинсе и ботинках на платформе.* Пошел охранником на закрытое предприятие. Откуда его как молодого коммуниста отправили в училище МВД, уже через год по итогам учебы получил офицерское звание. Работал замполитом. Потом — сокращение армии, МВД, ликвидация КПСС, распад института замполитов… Приглашение на работу на предприятие «Хлебопродукт»…

Был ли его приход на мелькомбинат случайностью? Друзья считают, что он бы нигде не пропал, везде бы поднялся и был на первых ролях. Сам Грибовский в случайность судьбы не верит:

— По жизни нас все равно кто-то ведет. Человек я не религиозный, но считаю, что жизнь расписана по Божественным законам. И был момент пре-

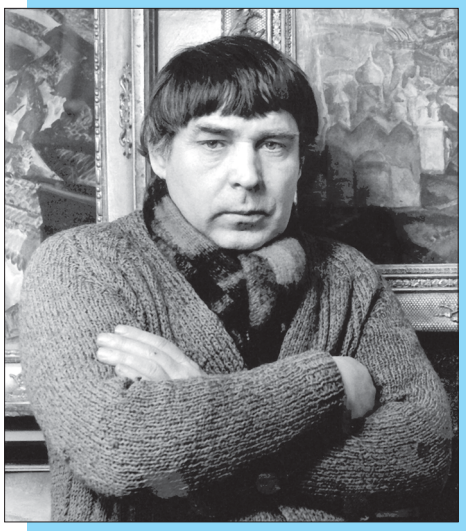
допределенности и в моей судьбе, который привел меня к тому, к чему я и должен был придти — к моему укладу жизни, к моему делу, которое мне интересно, которое я умею делать, которое я знаю и которое люблю…

О своей давней детской мечте стать строителем он не жалеет. Вообще, говорит, жить надо не прошлым, а будущим.

Кстати, к выражению, с которого мы начали, про «построить дом, посадить дерево, родить сына», люди ироничные еще добавляют: «и описать все это в мемуарах». К мемуарам, надо полагать, деятельный человек Сергей Грибовский обратится еще очень не скоро, если вообще обратится. Хотя вспомнить ему, определенно, есть что…

Татьяна КОНЬЯКОВА

Притяжение мастера

28 мая 2001 года на «стоквартирке» в центре Новосибирска появилась новая мемориальная доска. В этот день четверть века назад ушел из жизни художник Николай Демьянович Грицюк. А жил он в доме □ 16 по Красному проспекту с 58-го по 76-й годы. О чем и извещает новый памятный знак на каменной стене много чего повидавшего дома.

По мнению тех, кто знал и любил Николая Демьяновича, доска должна была бы появиться значительно раньше. Припозднились. Но такова уж, наверно, магия самого этого имени — формальное признание всегда неохотно следовало за его убедительным утверждением в искусстве.

Тем более знаменательна долгожданная памятная «прописка» художника в городе его творческой молодости и расцвета таланта, одарившего город живописными открытиями событийного масштаба. Четверть века — достаточный срок для забвения. И достаточный вдвойне — в условиях крутых перемен и перетрясок, переживаемых страной.

А Грицюк — одолевает и время, и «перестроечные» ошеломления. Не дает себя забыть. Его работы есть в Третьяковке, в Русском музее, в Берлинской

национальной галерее, в К□льне, в неисчислимых частных коллекциях — на родине и за рубежом. Изданы великолепные альбомы в Лейпциге и Париже. И проходят выставки — в Австрии, Германии, на Украине… И упоенная западом столица России еще и еще раз представляет московским зрителям «восточного» живописца. И, конечно, Новосибирск. Кроме постоянно действующей экспозиции, в нашей картинной галерее регулярно выставляются работы Грицюка, принадлежащие его семье.

Выставка в феврале 2002 года была приурочена к 80-летию художника. Показывались работы 1974 года — они мало знакомы даже давним поклонникам творчества Грицюка. Что до новичков… Вернисаж собрал много молодых людей. «Грицюк — культовое имя для Новосибирска» — несомненный факт для журналистики из поколения грицюковских внуков.

А для нас, его друзей и современников, он был культовой личностью. Как это образуется?

Николай Демьянович Грицюк родился 10 февраля 1922 года на Дальнем Востоке, в селе Преображенка.

Далековато от Украины, откуда Грицюки родом. Но это история. И не только семьи, а и самого государства российского, не однажды переплавлявшего судьбы миллионов своих подданых в неукротимом пламени преобразований.

С утверждением владычества в Сибири, то есть с конца 16-го века, московское правительство переселяло на восток русских и нерусских людей разными способами, из которых более известен самый печальный — неволя. Именно к концу 16-го века относится начало ссылки в Сибирь.

Однако одновременно с невольниками обживали восточную безбрежность и вольные переселенцы. У этого стихийного народного движения — свои спады и подъемы, но его максимальная организованность связана с именем П. А. Столыпина, возлагавшего на переселение огромные надежды по «увеличению народного богатства». Согласно закону 1906 года, переселенцам бесплатно передавались в наследственное пользование казенные земли, новоселы получали налоговые льготы, государство брало на себя часть забот о хозяйственном устройстве крестьян, рискнувших осваивать малолюдные края.

На 1906—1910 годы приходится едва ли не пик переселения добровольцев из России европейской в Россию азиатскую. Архивная статистика сообщает: за это время с запада на восток перебралось 2607780 человек.

Среди них — и деды, и родители будущего художника.

Огромные патриархальные семьи «с домашним скарбом, инвентарем, семенами, поощряемые казной» двинулись на восток.

Кирилл Грицюк и шесть его сыновей (была еще и дочка) и заложили, по преданию, в бесконечно далеком от отчей Украины Приморье новое село Преображенку. (Минуло почти столетье, а в нынешней Преображенке есть и Грицюкова сопка, и Грицюково озеро. Топонимическая память о первожителях,

изрядно потрудившихся для процветания села, о чем теперешние старожилы слышали от своих дедов).

И мать Николая Демьяновича, Варвара Ивановна Пыжик, тоже происходила из большого семейства украинских переселенцев, заложивших в Приморье другое село — Гайворон. Окончив здесь церковную школу, приехала юная Варя учительствовать в Преображенку. И вышла в 21-м году замуж за Демьяна Кирилловича Грицюка.

Так в селе Преображенка, что рядом с Китаем, и получили жизнь близнецы Лида и Коля Грицюки, наследники пахарей, не теплых для себя местечек искавших, а именно — пашни.

Внукам во владение пашни не досталось — пошли раскулаченные деды в ГУЛАГ, на Колыму, и обездоленных родителей погнало лихолетье по российскому свету в поисках безопасного пристанища. С Дальнего Востока — в Одессу, из Одессы — в Кемерово, из Кемерова — в сельскую глубинку под Новосибирском. Не добровольное переселение, поощряемое правительством во благо Отечества, а сиротские метания по государству, безжалостно строившему народное счастье на несчастьях самого народа, не понимавшего державных задач.

Сибирская станция Посевная оказалась, видно, для спасения семьи пригоднее других «остановок». (Уж не в самом ли названии поселка — для крестьянина — надежда на одолимость неразумности стихий…).

В Посевной, что километрах в ста от Новосибирска, Николай Грицюк окончил среднюю школу. Отсюда — в сороковом — ушел по призыву в армию. На тот же Дальний Восток, в военное училище связи.

А дальше — общая доля. Мальчики, рожденные в 22-м, исторической судьбой назначались в солдаты. Час Войны не дал им отсрочки на юношеские метания, выбор пути, ошибки взросления. Путь был один — в защитники Родины. Как ушел Николай на войну в первый же ее черный год, так и провоевал до Победы. В 42-м попал под Сталинград. Уцелел. Для того, чтобы потом освобождать и родную Украину, и чужую Европу: Венгрию, Румынию, Чехословакию, Австрию…

А в пристанционном сибирском поселке ждали сына и брата родители и сестра. Вернулся. Повезло лейтенанту связи — сберегла его жестокая война, для любви, учебы, творчества. Вернулся с орденом Красной Звезды (медали — само собой). И впечатлениями, которых хватило, наверное, на всю последующую жизнь.

Вспоминать о войне не хотел. Не мог. Только и признался как-то жене, что «ничего страшнее войны нет на свете». А фильмы о войне смотрел. Выделял «Белорусский вокзал». Про войну, но без войны. Про его сверстников, про Их шкалу доброты и нравственных ценностей, про Их отношения с мирным миром, в которых так часто ощущал он себя не победителем — растерянным ребенком.

И песня из фильма «Белорусский вокзал» звучала, звучала в его Мастерской. Потом. Свою Мастерскую в Новосибирске предстояло еще заработать.

Демобилизовался в 46-м. С неутоленной жаждой образования. Какого именно? Тут, кажется, смуты не было. Дар обнаружил себя рано.

Дмитрий Пыжик оставил бесхитростные воспоминания, где, в частности, есть такое свидетельство:

Главное, что помнится о Николае, — он рисовал. Всегда, везде, ему ничто и никогда не мешало рисовать. Что он рисовал? Портреты, лица людей. Бесконечно, сотни, тысячи, лица, лица… И ни одно не похоже на другое… Нас тоже выслали с Дальнего Востока. Семьей в 17 человек. Плюс их четверо — мы их приняли сердечнейше. Коля особо любил мою бабушку. Все взрослые на работе. Дома бабушка и дети. Бабушка часами с ухватом перед печкой. «Вертится», в основном, согнувшись. И Коле надо уловить моменты, когда бабушка подавала в печь чугун (не «чугунок» — так не говорилось, а именно «чугун»). И Коля уловил динамику. Добился того, что бабушка на его рисунках (десятках) двигалась! Работала!.. Рисовал потрясающе много. Бесчисленные его блокноты под карандаш где-то пропали…

Детские рисунки пропали, но страсть — осталась.

Защитил Родину. Освободил Европу. Можно учиться. Чему — ясно. Но где именно? Фронтовику-орденоносцу все вузы открыты.

Стал студентом… Текстильного. Озадачил близких. Несерьезный какой-то институт, девичий, тряпичный. Мужицкое ли это занятие — бантики-цветочки… Почему не пошел в Художественный институт им. В. В. Сурикова?

Перед домашними оправдался — струсил, дескать. Боялся не сдать вступительных экзаменов на «настоящего художника».

Вполне убедительно. Никакой подготовки. Только неодолимая тяга к холсту и краскам. И трепет перед Живописью. А в характере — ни нахальства, ни пронырливости.

Но много лет спустя дотошные биографы не поверят объяснению лейтенанта, найдут для «текстильного» выбора основания повесомее.

В суриковском «учили живописи на уровне того понимания ее, которого достигла российская художественная жизнь 40-х годов. Выше этой живописи другой в стране не было… В этом институте учили писать сюжетно-тематическую картину, и шли в него те, кто хотел этому научиться».

Искусствовед П. Муратов, любовно исследующий творчество Грицюка, приводит такую биографическую деталь:

Он увидел акварельные натюрморты текстильщиков, и душа его повеселела: это ему близкое и родное. Когда же он стал учиться (поступал на художественный факультет по оформлению текстильных изделий — на отделение по набивке тканей), открылось и другое — художественные традиции института.

Да, в тридцатых здесь работал А. В. Куприн — живая история творческих исканий в русском изобразительном искусстве. Член-учредитель знаменитого дореволюционного «Бубнового валета». Школа «построения формы

цветом». Кончаловский, Лентулов, Машков, Фальк… Куприн принес в Текстильный свою методику преподавания художественных дисциплин — и философия «пластики, ритма, гармонии» негромко, но стойко сопротивлялась диктату идеологии под скромной вывеской «отраслевого» вуза. Не так-то прост оказался лейтенант Грицюк. Не по наивности, а по наитию выбрал он для себя школу, одной из азбучных истин которой было убеждение Куприна, что «художник должен ставить себе эстетические задачи».

Непосредственным учителем Грицюка стал Василий Васильевич Почиталов. Преподавая текстильщикам живопись, исповедывал купринскую религию художнического поиска. Открывал студентам живописную культуру «забытых» (на время) предшественников. Не ломал, а пестовал индивидуальность.

В хорошие руки попал хороший природный материал. Интуиция или понимание ситуации, но выбрал себе Грицюк ту самую «альма-мастер», где и учили тому, чему он хотел учиться. Обретению своего пути в искусстве — через сладкую каторгу поисков.

А характер пахаря выделяет Грицюка уже в студенческой среде. Он нарабатывал за лето столько, сколько вся группа в целом. Жена Николая Демьяновича Валентина Эдуардовна — познакомились и поженились они в институте в 49-м — вспоминает:

— Какой он был тогда внешне? Я бы сказала, никакой, ничего особенного, привлекательного в нем не было. После тех красавцев, в которых я влюблялась, он решительно не мог произвести впечатления. Но Коля позвал меня посмотреть его работы (он жил в том же общежитии, этажом ниже). Это были акварели, их было очень много. Я спросила, когда же он успел столько сделать. Коля ответил, что все свободное время проводит на этюдах… Показ работ не сопровождался многословием. Коля как-то весь подобрался, губы, только что растянутые в широчайшую улыбку, поджались. Работали только руки, меняя лист за листом. Внимательно смотрели чуть прищуренные глаза. И вдруг я увидела, что он… просто-напросто красив.

После третьего курса он устроил персональную выставку — вернулся с Украины, где провел у дяди студенческие каникулы, с ворохом пейзажей. Хатки, сады… Отдал дань родине своих дедов.

Начинается биография художника.

Получил высшее образование в 29 лет. Пришлось еще отрабатывать «текстильный» диплом. Сначала в Ленинграде — в Доме моделей и журнале мод. Потом — то же самое — в Новосибирске, где молодой семье пообещали квартиру.

Появились Грицюки в Новосибирске осенью 1952-го.

Кто бы мог тогда подумать, что в новом художнике Дома моделей, отвечающем за выпуск двух журналов в год, город приобретает своего живописного «поэта», творца «поющих пейзажей». Своего изумительного интерпретатора. Создателя портрета, завораживающего и красотой, и загадкой…

Город притягивал его к себе — неуклюжий, контрастный, огромный, динамичный… Деревянно-каменный, разбросанный, с овражными «нахаловками» и архитектурной штучностью конструктивистов 20-30-х годов, проплешинами пустырей и плотностью заводских «островов», доживающей свой век частной хибарой и панельным жилмассивом-новостройкой…

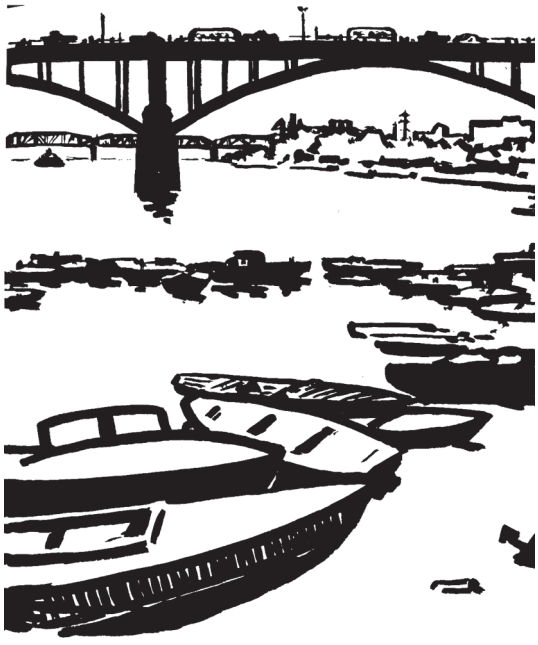
Уже через год Грицюк участвует в выставке произведений художников России в Москве. Представляет, конечно, не картинки из журнала мод — акварели с видами Новосибирска.

Близкие помнят, как вставал он в шесть утра и отправлялся на этюды. А уж передвижная его «мастерская», так называемая грицюковская «будочка», вошла в городскую мифологию.

Валентина Эдуардовна рассказывает:

В то время ему пришла идея — построить домик на лыжах, чтобы можно было работать зимой на улицах. Сначала он нарисовал на полу примерную площадь домика, потом расставил «мебель» — предполагаемую печурку, этюдник, стульчик. Свел площадь до минимума и сделал чертеж. Домик был из четырех щитов, с тремя окнами и дверью, в которой тоже было окно. Все это сооружение стояло на лыжах и легко передвигалось. Коля работал как проклятый и не уставал…

А московский друг Грицюка, доктор химических наук и писатель Александр Русов нарисовал такую картинку:

…Шел человек по зимнему, морозному, заснеженному Красному проспекту и вез за собой на лыжах домик с тремя оконцами. Все его имущество помещалось в домике и состояло из небольшой печки и каких-то мелочей. Печка нужна была человеку для того, чтобы не замерзала вода в железной банке, чтобы можно было разводить краски и работать над зимними пейзажами Новосибирска.

В тулупе и валенках, в низко надвинутой на лоб шапке человек походил на рыбака-подледника. Сходство с рыбаком усиливалось, когда он, сгорбившись, зябко застывал с удочкой в руке. Так могло показаться издали. На самом деле то была не удочка — кисть.

Человек работал, ему было жарко…

Эта легендарная будочка была предметом и иронии, и удивления, и пересудов… Предметом подражания, кажется, не стала — энтузиастов живописать на морозе не нашлось.

Так начиналась серия «Новосибирск».

День за днем. Ни дня — впустую. Торопился наверстать упущенное? Не мог иначе? Прорывался к самому себе, еще не раскрывшемуся, но уже осознаваемому?

В 55-м, отправляясь в столичную командировку, прихватил с собой папку с работами. Показал их на секции графики в Союзе художников СССР. Его рекомендовали в члены Союза.

И — приняли, пренебрегши отсутствием кандидатского стажа.

Не обошлось без кривотолков. Жена вспоминает, как кому-то из коллег «показалось это странным — какой-то «модный» художник и принят сразу… Кто-то сказал, что у Грицюка — «рука» в Москве. А «рук» у него было всегда только две — свои».

Только свои неутомимые руки. Только свое восприимчивое сердце. Только своя неизбывная тяга к работе. Только свой неутолимый спрос с себя, дерзнувшего посвятить жизнь искусству.

И в 57-м навсегда расстался с Домом моделей. Выплатил долг «текстильному» образованию — и в тридцать пять стал-таки «свободным художником».

Работа, работа, работа. Работы, работы, работы…

Год 61-й. Первая (если не считать студенческой) персональная выставка — «Новосибирск сегодня». В Москве. В зале МОСХа, на Беговой.

Событие в жизни провинциального художника.

И событие чрезвычайное, потому что — успех. Да еще какой! Его восторженно приветствуют столичные коллеги и зрители.

Наконец-то в Советском Союзе появился Художник!

Никогда мы не видели таких замечательных работ. Это так здорово, что не хочется никуда уходить, а только смотреть и смотреть. (Это, между прочим, ученики Московской художественной школы).

Как будто у художника много глаз, острых и разнообразно видящих. Какая радость, что кроме всяких копиистов есть у нас настоящие художники, такие, как Сарьян, как Грицюк.

На той выставке студент-химик Русов и познакомился с Грицюком, влюбившись сначала в его работы. «Зимний город». «Сугробы». «Голубой город». «Красный кран». «На Красном проспекте»… Студент почувствовал, что с ним произошло что-то необыкновенное, чудесное, роковое. И нет ничего труднее, чем передать это состояние.

Но искусствоведы пытались формулировать:

В творчество пейзажиста вошло само переживание, а не утомительный рассказ о нем.

Страна переживала «оттепель», и хотя та зима выдалась в Москве холодной, столица устроила Грицюку теплейший прием. Ответил, видимо, общественному спросу на *протест против натурализма, который нас душит.*

Однако уже на этой, без преувеличения — триумфальной — выставке услышал Николай Грицюк не одни восторги. Заявляет о себе и зритель, оценивающий живопись по суровой прикидке «похоже — не похоже». Зритель злой и надменный, слепой и грубый. Все, что «не похоже», для него мазня.

Тогда, кажется, эта «мазня» и прозвучала впервые.

В первый, но — увы — не в последний раз.

А он — он упорно идет своей дорогой постижения художнической истины.

Жизни ему отпускалось еще пятнадцать лет. И за эти годы — более тридцати персональных выставок. В Москве, Ленинграде, Новосибирске, Омске, Новокузнецке, Риге, Кемерове, Воронеже, Рязани, Таллине… И — за границей, в Югославии, Польше, Германии…

Он еще успеет прочесть монографию, ему посвященную: В. Манин. «Николай Грицюк». Издательство «Советский художник». М., 1973-й. Высокая честь для «периферийщика».

Честь — или воздаяние за колоссальный труд?

Он еще многое узнает о себе от искусствоведов, исследующих — от работы к работе, от года к году — феномен его развития.

Специалисты еще растолкуют ему, что с ним происходит, какого масштаба сделанные им открытия.

Например:

Он открыл для себя мир поэзии (речь — о работе «Закат. Новосибирск», 1959 г. Ее считают переломной в творчестве Грицюка. — З. И.), *почувствовал способность овладеть скрытыми средствами выразительности — возможность мыслить живописью… обрел свободу смелого колоритного письма, при которой главное — не размеренный строгий рисунок, а* ***высвобождение цвета****…* (Подчеркнуто мною. — **З. И.**).

Но успеет он прочесть и десятки безапелляционных приговоров «мазня» в книгах отзывов, доверчиво предлагавшихся им зрителю на каждой выс-

тавке. Ему еще напишут недрогнувшей рукой «это искусство враждебно народу» и далее, в таком же духе.

А он… Он работает.

Серия за серией. «Крымская сюита». «Кузбасс». «Моя Москва». «Переславль Залесский». «Ленинград». «Фантазии». «Сказочные мотивы»…

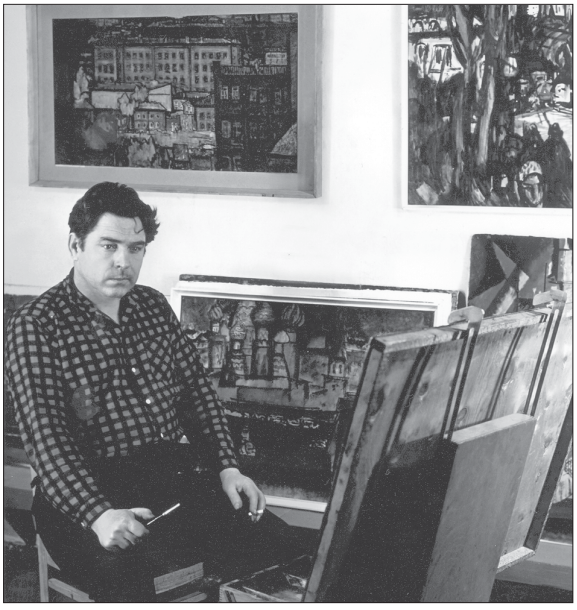
И каждая, по оценке знатоков живописи, художественно событийна.

В серии «Кузбасс» Грицюк приблизился к решению другой пластической проблемы: синтеза цветовых и ритмических закономерностей…

В листах, посвященных Москве, рельефнее выступает сгусток нервной напряженности… В пейзажах Москвы Грицюк заинтересовался одной несвойственной живописи задачей: представить озвученный образ города.

В переславльской серии художник шире и многостороннее, чем в других своих работах, выразил национальный характер мировосприятия, будь то наивное воссоздание светозарной природы, умиротворение провинциального бытия или фантазирование образами русской старины. (После Переславля мечтал «освоить» Золотое Кольцо. Не успел…)

И — так далее. Серии нарабатываются годами. Бесстрашно выставляются. Зрительское отношение поляризуется — чем восторженнее поклонники, тем яростнее хулители. Что он мог им сказать? «Я пишу настроения», как признался однажды? Разве таким признанием умиротворишь воинствующее невежество…

Он не очень покупался на похвалы, но, видимо, очень страдал от непонимания, не зная, что делать со слепотой зрячих, поносивших его за «не копировальную» живопись. За его вдохновенную внутреннюю потребность доверять листу движения души, настроения ума, игру воображения.

В 69-м — первый инфаркт. Депрессия. Не без труда возвращается в рабочее состояние. Пополняются прежние серии, рождаются новые.

Работал в любых ситуациях, при любых общественных погодах и переменах социального климата.

Осенью 75-го поехал в Крым — отдохнуть, подправить опять пошатнувшееся здоровье. Привез из Крыма новые работы. Больше семидесяти. Цветы, цветы…

Цветы — последнее, что рисовал «певец городского пейзажа», «мастер городских ритмов», «убежденный урбанист»…

Цветы — его прощание с живописью. С жизнью. С нами.

Такие нежные, такие грустные, такие беззащитные цветы…

Мы были детьми, когда Грицюк воевал.

В шестидесятых, когда мы стали его зрителями (часто — первыми), он казался нам ребенком. Неистощимость доброты и доверчивости. Упоенная самоотдача в творчестве. Праздник импровизации — для всех и для себя.

Ребенок, в котором взрослые находят опору.

Наша молодежная компания, сбившаяся вокруг Художника, и представить себе не могла ни своей жизни без Грицюка, ни окружающей среды без Его мастерской, где — отдышаться, отогреться, воспарить…

Нежность и умиление не мешали нам нагружать «ребенка» собственными переживаниями. Тень смерти еще не ходила за нами напоминанием о скоротечности земных сроков, и мы несли в Мастерскую тревоги сумбура и боль ожогов, а Художник заваривал отменный чай, слушал, вздыхал и — показывал, показывал…

Новые работы. Новые серии.

Не раздражался. Не поучал. Никого — и ничего — не бранил. Не жаловался. Ни о чем не просил. Слушал, поглядывал на нас с любовью и печалью и принимался молча «отчитываться» за пролетевшие дни картинами, которые и сам, отходя, рассматривал долго, то ли оценивая, то ли удивляясь.

А мы глазели, ошеломлялись, что-то бормотали и уходили другими — явленный масштаб бытия и нас укрупнял, одухотворял, просветлял.

Талант художника, а к нему впридачу — еще один уникальный дар. Дар редкой открытости и — априорно — душевого расположения ко всякому, шагнувшему ему навстречу. Дар притяжения, центром которого он так естественно стал для смешанной среды физиков и лириков в годы «оттепельной» жажды общения.

Людям было светло в его полутемной тогда мастерской. Его доброты, его лучистой энергии хватало на всех. И, конечно, работал он как никто. Когда бы ни заглянул, у него — новые работы. Мастер, завораживающий музыкой цвета.

Не удержусь в заключение от еще одной цитаты — из очерка Николая Самохина о Грицюке, другом которого (как и моим тоже) он был.

… Грицюк свой город увековечил. Пробиваясь к городам-фантазиям, он написал такой многоликий портрет Новосибирска, который под силу создать, пожалуй, лишь коллективу художников.

И город его отблагодарил. Не знаю, может, подспудно мною движет «квасной» патриотизм, но, когда я гляжу на его работы из циклов «Моя Москва», «Кузбасс», «Ленинград», «Переславль-Залесский», словом, когда смотрю на иные грицюковские города — реальные и условно-сказочные, праздничные и тревожно-грозящие, — мне кажется, что подпирает их молодыми энергичными плечами Новосибирск. Да так оно, наверное, и есть: ведь именно здесь отыскал художник первые крупицы своего «вещества»…

… А к фронтовым наградам у Грицюка «мирных» не добавилось.

Тем знаменательнее припозднившееся появление мемориальной доски. Не герой, не лауреат — просто Художник. Который не дает забыть о себе.

Замира ИБРАГИМОВА

Артиллерист-электронщик

Бывший директор Новосибирского завода радиодеталей относится к тем людям, про которых говорят «их сделала война». Великая Отечественная действительно настолько крепко скроила и сформировала этого человека, что благодаря ее закалке Евгений Деряжный смог реализовать свои возможности полноценно во всех жизненных ситуациях. И не только на производстве, но и в семье, в отношениях с близкими людьми. Несколько раз судьба буквально ставила его перед выбором: по какой дороге идти дальше от очередной развилки. И всякий раз ему удавалось сделать правильный выбор. Так думает сегодня его единственная на всю жизнь супруга Евдокия Серафимовна Деряжная, так считает и он сам.

Евгений Федорович Деряжный родился 26 августа 1923 года на Украине, в местечке Новые-Санжары Полтавской области. Очень рано

остался без отца и жил вместе с сестрой и матерью. Окончание 10 классов школы как раз совпало с началом Великой Отечественной войны. Семья Деряжных среди сотен тысяч других эвакуированных отправилась в далекую Сибирь. Мать с сестрой в Новосибирск, а Евгений — в Томское артиллерийское училище. С июля 1941 по май 1942. В условиях жесточайших боев на западе страны новые командные кадры в тылу готовили впопыхах, успевая вложить в курсантов только азы артиллерийского искусства. Остальному должен был научить фронт. Летом 1942 года Томское артиллерийское училище отправило в Борисоглебск под Москву два вагона новоиспеченных командиров, год назад еще сидевших за школьными партами. Среди молодых младших лейтенантов находился и Евгений Деряжный.

Новые воинские соединения формировались тогда довольно распространенным способом. Когда фронт перемалывал очередную дивизию, выкосив практически подчистую личный состав, под номер и знамя дивизии набирались новые люди. По такому же принципу была сформирована и 32-я стрелковая дивизия, куда попал Евгений. Молодой артиллерист был назначен командиром взвода 133 артполка. В дальнейшем военные перипетии бросали 32-ю дивизию на Западный, Калининский, 1-й и 2-й Белорусские, Прибалтийский фронта, но главное событие войны ожидало лейтенанта Деряжного в 1943 году, в Великих Луках. По части ранений Евгению, можно сказать, везло: «Бог хранил», однако на войне никто не миновал медсанбата.

Зимой сорок третьего взводный попадает в полковой медсанбат с диагнозом переохлаждение и обострение ревматизма. Случай, каких на фронте миллионы, если бы не причины. Оказалось, что один из солдат лишился валенок и командир отдал ему свои — офицерские. Шли бои, и добывать рядовому другую обувь было некогда, поэтому самому Евгению пришлось воевать в мороз в сапогах. Потом про эти валенки семья Деряжных еще не раз вспомнит. Именно в медсанбате Евгений обратил внимание на молоденькую медсестру Евдокию. Девчонку, как оказалось даже более примечательной судьбы, чем у него самого. С войной Евдокия встретилась в Смоленске, где училась в медицинском училище. Так и не сдав экзаменов, недоучившись один год, она получила мобилизационную карточку и поехала по предписанию в Косплянский район. Повсеместное наступление немцев не позволило ей добраться до места назначения. Попав в окружение, она, тем не менее, находит связь с партизанами и уходит к ним. Именно партизаны впоследствии помогли ей добраться до регулярных войск в 32-ю стрелковую дивизию, где Евдокия стала старшей операционной сестрой медсанбата. Встречи влюбленных были мимолетными — по 5, 10 минут. Именно столько давал своим подчиненным на «перекуры» военврач полка, и возможно поэтому вплоть до окончания войны отношения молодых людей оставались чисто дружескими. Впрочем, оба понимали, что у них просто может не быть будущего, поскольку погибнуть один из них мог в любой момент. Как ни странно, Деряжным и сегодня памятна речь фельдмаршала Паулюса, обращенная к солдатам и офицерам немецкой армии, окружен-

ным в Прибалтике советскими войсками. Группировка противника была огромна, и окружившие ее войска Красной армии не превосходили ее по численности, а по мощи, возможно, даже уступали ей. Наши дивизии, в том числе и 32-я стрелковая, были измотаны недавними боями в Белоруссии, в то время как немцы хорошо укрепились. Если бы Паулюс не убедил группировку вермахта сдаться ради будущего своей страны, взаимное уничтожение друг друга противостоящими войсками было бы неизбежно. Выжили бы очень немногие.

Война закончилась. Евгений Деряжный был назначен командиром батареи в Войска Московского военного округа, а Евдокия подала рапорт на увольнение из армии, для дальнейшего прохождения учебы в Смоленском медицинском институте. Казалось, что пути Евгения и Евдокии разошлись окончательно. У Евгения Федоровича были блестящие перспективы карьерного роста, причем, как по военной, так и по партийной линии (в партию он вступил еще в мае 1943, а партийные кадры фронтового призыва пользовались особым спросом). Евдокия в это время усиленно готовилась к экзаменам у родственников в деревне Купелищи. В тесном институтском общежитии ни о какой подготовке не могло быть и речи. Все случилось, как в хорошем романе: сидя у окна, будущая студентка увидела идущего по дороге военного, и только когда тот подошел ближе, с удивлением узнала в нем своего фронтового друга — Женю Деряжного. Оказывается, капитан Деряжный как боевой офицер взял инициативу на себя и все уже решил за двоих. Он только что уволился из армии, и в кармане его гимнастерки лежали два билета до Новосибирска.

Только в Новосибирске молодые стали жить, как муж и жена. И жизнь пришлось начинать практически с нуля. Медового месяца у молодоженов не было. Да и о каком медовом месяце можно было говорить сразу после приезда. Для церемонии бракосочетания вчерашние фронтовики не имели ни костюма, ни платья. В ЗАГС пришли в том, что носили ежедневно — в военной форме. В общежитии, в небольшой комнате, Евгений Деряжный жил с молодой женой, матерью и сестрой. Вскоре за сестрой приехал муж — военный, а чуть позже сестра забрала к себе и мать. Теперь на жилплощади остался только он с женой, однако еще два года молодожены не позволяли себе завести детей. Общая неустроенность, необходимость закрепиться на работе диктовали свои условия.

С этого времени уже можно начинать отсчет трудовой биографии Евгения Деряжного в сибирском городе. Евгений Деряжный пошел работать на Новосибирский электровакуумный завод начальником мастерской. После двух с половиной лет работы он становится заместителем начальника цеха, а спустя еще год, в 1949-м, начальником металлургического цеха.

В этой должности Евгений Федорович Деряжный проработал 13 лет. Понимая, что военное образование и помогло ему в свое время, он видит необходимость учиться дальше. Поскольку молодой руководитель был уже женат, а в 1948 году родился первенец, Евгений Деряжный в 1956 году поступает

во Всесоюзный заочный финансово-экономический институт на экономический факультет. В 1961 году он получает диплом, а в 1962 году его избирают секретарем партийной организации предприятия.

Учитывая реалии советской жизни, фактически «вторым директором» электровакуумного завода. Кроме того, секретари парткомов на предприятиях были в то время своеобразным резервом руководящих кадров промышленности. Партком выполнял не только идеологические функции, но и активно участвовал в производственном процессе, поэтому людей на эту должность старались выбирать политически подкованных и экономически грамотных. Не всегда так получалось, но с избранием Евгения Деряжного попали в самую точку.

Будучи экономистом, он был застрахован от откровенных ляпов в хозяйственной деятельности, а талант организатора вызывал искреннее уважение трудового коллектива. Над ним не подтрунивали, как это зачастую случалось с секретарями парткомов, совершенно не разбирающимися в производственных процессах и продвинутыми исключительно по партийной линии. Перспективного руководителя не могли не заметить.

Здесь начинается наиболее продуктивный период жизни Евгения Федоровича Деряжного, благодаря которому его можно с полным основанием называть одним из строителей Новосибирска, человеком, оставившим заметный след в истории города. 17 июля 1968 года Деряжного Евгения Федоровича назначают директором Новосибирского завода радиодеталей. Его руководство заводом, а впоследствии объединением «Оксид», оказалось самым продолжительным в плеяде директоров этого предприятия — 16 лет. Десятилетие с 1966 по 1976 год по темпам развития производства стало наиболее продуктивным. Была завершена специализация завода, созданы профильные цехи по выпуску алюминиевых электролитических, танталовых жидкостных и оксидно-полупроводниковых конденсаторов, разработанных заводским конструкторским бюро, цех по изготовлению товаров народного потребления. Практически во всех цехах основного производства были внедрены поточные, поточно-механизированные и автоматизированные линии, проведена большая работа по совершенствованию организации труда. В эти годы крепнут и развиваются экономические связи с зарубежными странами. Завод постоянно выполнял заказы на экспортные поставки в Чехословакию, Венгрию, Кубу, Болгарию, Вьетнам, Сирию, Афганистан, Ливию, Югославию и другие страны. За досрочное выполнение заданий девятой пятилетки в 1976 году завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Многие годы подряд завод выходил победителем в социалистическом соревновании среди предприятий Министерства электронной промышленности СССР. Поэтому Переходящее знамя министерства предприятию заслуженно было вручено навечно.

Не забывали о развитии социальной базы завода. Его работники, а это в основном жители Октябрьского района, отдыхали в своем профилактории,

на заводских летних дачах, для детей имелось несколько детских садов, пионерский лагерь им. Вали Котика. Рядом с предприятием открылась современная поликлиника, постоянно улучшались жилищные условия. Хорошел завод, хорошел и центр Октябрьского района Новосибирска.

Вопреки расхожему представлению о восьмидесятых годах, как о годах застойных, завод радиодеталей не стоял на месте. Во многом это было обусловлено тем, что Советский Союз продолжал активно осваивать космос, и новосибирское предприятие было одним из флагманов страны, обеспечивающих электронную поддержку космических программ.

В 1975 году принимается решение о начале серьезной реконструкции завода радиодеталей с вводом 21 тыс. кв. метров дополнительных площадей. Численность работников завода перевалила за 5,5 тысяч человек. Растут темпы жилищного строительства. Как вспоминает сегодня супруга Евгения Федоровича Евдокия Серафимовна Деряжная, именно в этот период стабильной работы завода его директору поступало много лестных предложений о перемене места работы. Руководители предприятий в советский период традиционно являлись членами советов различного уровня, горкома или обкома КПСС, поэтому многие директора делали партийную карьеру. Однако Евгений Деряжный не польстился даже на московские варианты. С одной стороны, наверное, к предприятию «прикипел», а с другой — не в его, Евгения Деряжного, привычке было перескакивать с места на место. Эту обстоятельность в поступках иллюстрирует вся его биография. В конечном счете, борьба за кресло в министерстве, в Москве — это своеобразная охота. Приходится участвовать в интригах и убирать потенциальных соперников. Этого в характере Деряжного не было.

Небольшой нюанс. Общеизвестна страсть руководителей различного ранга к охоте. Дескать, настоящее мужское занятие! У Евгения Федоровича была совсем другая страсть — рыбалка. Конечно, и на охоте бывал пару раз в молодости, но такое времяпрепровождение настолько не понравилось, что после он об охоте и не вспоминал. Удочки и речка на даче в Первомайском районе были гораздо ближе. А еще, когда позволяло здоровье, любил «за кий подержаться». Бильярд ведь тоже — игра спокойных и осмотрительных людей. Впоследствии эта осмотрительность во многом помогла родному заводу. К началу перестройки завод радиодеталей, ставший теперь производственным объединением «Оксид», превратился в современное, хорошо оснащенное техникой предприятие. Начатая в «семидесятых» модернизация принесла свои плоды. И хотя производство и пришлось сжимать до предела, удалось сохранить костяк высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников.

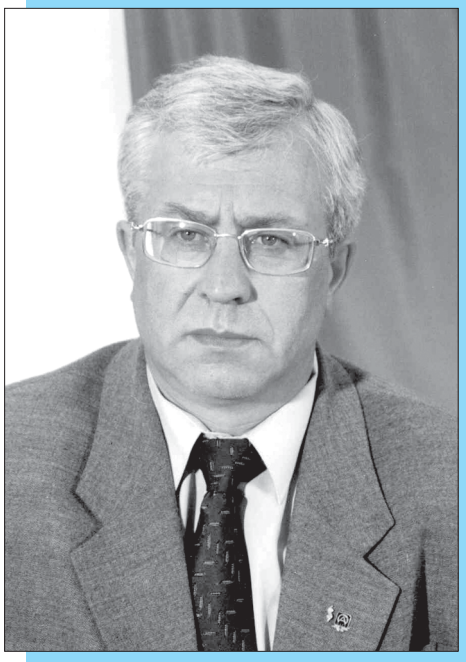
Живо интересуясь политикой, Евгений Федорович в свое время давал небольшие характеристики руководителям страны, в частности Хрущева считал вздорным человеком, не способным руководить огромным государством, к Брежневу, напротив, относился довольно лояльно с одним лишь замечанием: «Надо было уходить вовремя!» Сам Евгений Деряжный, как он считает,

ушел вовремя: в 1984 году, с нормальной формулировкой: «В связи с уходом на пенсию». Список его государственных наград к тому времени занимал целый лист бумаги. Среди них ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Трудового Красного Знамени, орден Ленина. Казалось бы, с таким багажом вполне можно и отдохнуть. Но Евгений Федорович делает то, что иные директоры никогда не сделали бы. Чувствуя, что сил еще достаточно, он устраивается на родной завод старшим инженером отдела технического обеспечения и продолжает работать. Ему по-прежнему интересно видеть жизнь предприятия изнутри, он как никто чувствует те изменения, которые происходят после объявления в стране курса перестройки. Со своей перестройкой завод радиодеталей, скорее всего, обогнал свое время. Последний период на заводе он проработал с 1988 по 1989 год инженером по переподготовке кадров, после чего решил окончательно уйти на пенсию.

Сегодня Евгений Федорович Деряжный живет буквально в 100 метрах от производственного объединения «Оксид». Однако, после недавнего инсульта, уже не может, как прежде, прийти на предприятие в качестве гостя. Дома его навещают сыновья Олег Евгеньевич и Игорь Евгеньевич, звонят периодически с завода, но постоянно рядом с ним один человек — жена Евдокия Серафимовна Деряжная. Она и ходок по магазинам, и, в случае необходимости, медсестра, и главный источник информации. По сей день супруги активно интересуются жизнью в стране, работой руководства. Газеты на столе, как и в те времена, когда оба работали, свежие. Изменилось лишь восприятие действительности. Оно стало более ироничным. Когда жена Евгения Деряжного рассказывает о своих с мужем нынешних потерях и приобретениях, то не скрывает улыбки. Борис Ельцин, придя к власти, в числе многих лишил Евгения Деряжного персональной пенсии. Зато теперь Владимир Путин «компенсировал» эту потерю. Недавно младшему лейтенанту Евдокии Деряжной присвоено звание лейтенанта, а капитану Деряжному — майора…

Татьяна АФАНАСЬЕВА

Дороги, которые мы выбираем…

И снова пытаюсь разгадать вечную загадку — что определяет судьбу: то ли дороги, которые мы выбираем, то ли мы сами в тот момент, когда выбираем свои дороги…

Считается, что мужчина состоялся, если посадил дерево, вырастил сына, построил дом. Наверное, кому-то этого достаточно.

Алексей Борисович Елезов первый дом начинал строить еще в юности, с отцом. Потом — уже сам. Как хозяин. Третий — капитальную дачу — строит своими руками сейчас. Не торопясь, вдумчиво, для удовольствия.

Деревья начинали сажать еще в школе на субботниках. За сорок лет вымахали березы и клены — в небо упираются.

Сын Алексей еще на первом курсе института увлекся бизнесом, сегодня — удачливый предприниматель, совладелец престижной фирмы. На выходные изредка родителям двоих внуков подкидывает, вот кого воспитывать надо…

Казалось бы, выполнил предназначение судьбы — и успокойся… А если успокаиваться не хочется?

Алексей Елезов с детства знал, что пойдет работать на завод имени Чкалова. Да и как могло быть иначе — на Чкаловском работал отец, все соседи и знакомые. В соцгородке именно завод был градообразующим предприятием, центром жизни, о его проблемах спорили взрослые, собираясь за столом, о его руководителях судачили женщины в магазине. И хотя завод был достаточно закрытым, каждый в соцгородке знал, что за продукцию изготавливает Чкаловский, и люди привыкли гордиться своей принадлежностью к заводу и его успехам.

Это было время, когда все мальчишки мечтали о небе, когда на вопрос: «Кем ты хочешь быть?» большинство безоговорочно утверждало: «Космонавтом», а остальные стремились создавать ракеты и самолеты. Время, когда самой престижной и почитаемой среди выпускников школ специальностью была инженерная, и конкурс на поступление в технические вузы превышал десять человек на место. Позади осталась Великая Отечественная война, эвакуация, восстановление. А впереди людей ждало светлое будущее, и словосочетание «научно-технический прогресс» воспринималось как его гарантия.

Когда пришло время заканчивать школу, Алексей ни минуты не колебался — подал документы в НЭТИ, на самолетостроение. Но оказалось, что одного желания для поступления в вуз маловато. Елезов недобрал балла, и вместо дневного его зачислили на вечернее отделение.

И в сентябре 1963 года Алексей Елезов впервые миновал проходную Чкаловского завода. Тогда — в качестве ученика сборщика.

Потом ему, уже инженеру и мастеру, не раз пригодились навыки, приобретенные в качестве сборщика. Он не просто хорошо знал производство, но мог сам встать на рабочее место, показать необходимые приемы, заметить ошибки и указать на них. Да и просто заменить рабочего; когда в конце месяца «горел» план, приходилось работать в две-три смены, и каждая пара рук была на счету.

В качестве сборщика Алексей проработал недолго. Учиться в институте ему было интересно, куда интереснее, чем в школе. Особенно, когда пошли спецпредметы, и студенты изучали расчет самолета на прочность, сопротивление материалов — то, что действительно будет нужно в его работе. Интересное Елезов всегда усваивал быстро, у него и в школе если появлялись проблемы, то обычно с теми предметами, которые не нравились. Сессии он сдавал легко и вскоре перевелся на дневное отделение вуза.

Во второй и последний раз устраиваться на Чкаловский Алексей пришел в качестве молодого специалиста, инженера. И хотя отец, Борис Афанасьевич, много лет проработал на заводе начальником цеха и мог замолвить слово за сына, Алексей не хотел пользоваться чужими заслугами. Он всегда искренне считал, что мужчина должен добиваться успеха сам, строить судьбу своими руками. И в отдел кадров завода пришел как молодой специалист, готовый к любой работе. Его направили мастером в цех агрегатной сборки.

— Это был год запуска СУ-24, — вспоминает Алексей Борисович. *— Мы делали оперение, закрылки. Работа сложная, график напряженный. Главное — выполнить план. План — это святое. А я всегда был человеком ответственным и в силу своего характера очень серьезно отношусь к порученному делу, мне просто в голову не приходило, что можно план не выполнить. Если надо, сам вставал к станку, объяснял рабочим, как можно ускорить процесс. Словом, план мы выполняли. И через полтора года стало мне неинтересно работать мастером, захотелось новых объемов работы, новых задач. Поэтому, когда предложили перейти технологом, я согласился. Но достаточно быстро понял, что составление технологических карт, бумажная текучка — это не мое. И вернулся в цех.*

Его назначили старшим мастером в цех, где из отдельных деталей собиралось изделие. Цикл сборки занимал семь дней, и это было семь дней аврала. Когда через год Елезов уходил на повышение, цикл сборки занимал три дня.

— В моей жизни вообще получилось так, что я никогда не просил себе работы, никогда не требовал повышения, — рассказывает Елезов. *— Я просто работал на своем участке в полную силу, делал дело.* А *на вышестоящие должности меня выдвигали другие. Я помню, шел по коридору в корпус «94» за деталями, смотрю — стоят начальник производства и его заместитель по агрегатной сборке. Подзывают меня и говорят: «Мы тут подумали — хватит тебе в мастерах ходить. Иди заместителем начальника цеха по производству».*

И я пошел. Правда, потом долго жалел — мне было двадцать шесть лет, и отвечать за коллектив в 500 человек поначалу было тяжело. В десять раз выросли объемы, задачи… Потом как-то потихоньку стало легче, легче… Через три года меня назначили начальником цеха, и это было достаточно предсказуемо, я уже вошел в курс дела, мы выполняли план, я знал своих людей и умел решать задачи быстро, без излишней суеты…

Производственное совещание

А потом наступил день, когда стало скучно. Мне всегда было интересно решать новые задачи, а здесь все шло по уже накатанной схеме. Ничего нового.

Семь лет он был начальником цеха, великолепно знал технологию производства и никак не думал, что может сменить профессию. Но судьба, словно проверяя на прочность, предложила выбор, открыв новую дорогу. Как впоследствии оказалось — это и была та развилка, тот выбор, который определяет дальнейшую жизнь.

Молодому начальнику цеха предложили перейти на работу в партком завода. В качестве заместителя секретаря по идеологии. И Елезов, который со школьных времен предпочитал точные науки гуманитарным и еще в вузе искренне считал сопромат более интересным предметом, нежели философию, неожиданно согласился.

— *Задачи, которые мне предстояло решать в новой должности, во многом совпадали с привычными обязанностями,* — вспоминает Алексей Борисович. — *Главным и определяющим по-прежнему оставался план, и мы должны были обеспечить его выполнение. Но если в прежней должности я занимался этим с точки зрения технологических ресурсов и конструктивных улучшений, то в качестве заместителя секретаря парткома основной работой стала организационная составляющая. Появилась возможность видеть ситуацию в целом и влиять на ход решения общезаводских проблем. Это был первый опыт менеджмента.*

Сегодня, вооружившись новыми знаниями и новыми терминами, мы, оглядываясь назад, понимаем, что партийные и комсомольские кадры по сути были наиболее подготовленными менеджерами, управляющим звеном времен социализма. Они изучали и задействовали рычаги управления, осваивали работу с кадрами, азы экономики. Елезов проработал на заводе более 20 лет, хорошо знал людей, прекрасно ориентировался в производственных процессах. Работа в парткоме помогла ему выйти на иной уровень, когда создаешь уже не продукт, но систему, позволяющую производить любой продукт. Взглянуть на производство чуть шире, с точки зрения организатора. Познакомиться с руководителями других предприятий, увидеть их опыт работы, научиться решать проблемы на уровне руководителей.

Сегодня этому учат в вузах на факультетах, которые готовят менеджеров. В советские времена единственной школой руководства была партийная организация. Причем Елезов до сего дня уверен: многие наработки той системы настолько продуманы, что и сегодня остаются актуальными для руководителя одного из крупнейших в городе предприятий легкой промышленности.

— *У меня был огромный участок работы,* — вспоминает Алексей Борисович, — *приходилось заниматься и развитием подшефных школ, и созданием наглядной агитации, и организацией и оснащением учебно-производственных комбинатов.*

Мы как раз тогда начинали внедрять лозунг: «Научно-техническому прогрессу — идеологическую поддержку», и только уже став руководителем предприятия, я понял, насколько важна и своевременна была та работа.

Когда в 1994 году я на СИНАРе начал заниматься внедрением инновационных технологий, вплотную столкнулся с тем, что самое трудное в этом внедрении — преодолеть психологический барьер, научить людей пользоваться новым оборудованием, доверять ему. Когда поставили на складе материалов компьютер, сотрудники склада достаточно долго ему не доверяли, вели параллельно ручной учет. Мне пришлось приказом запрещать пользование счетами и арифмометром…

Изменить привычное, внедрить новое — это всегда было самым трудным. И в середине восьмидесятых мы в парткоме пытались заниматься именно этим. Если вы помните, это вообще было время стремительных изменений. Первое Всесоюзное совещание по научно-техническому прогрессу прошло еще в июне 1985 года. И новым был не только сам обсуждаемый вопрос. Впервые Генеральный секретарь читал доклад без бумажки, и это было для нас своего рода откровением…

Менялся мир вокруг, и судьба Елезова тоже менялась стремительно. В 1986 году ему предложили возглавить швейное объединение…

— Когда секретарь обкома Анатолий Васильевич Маслов, с которым мы прежде вместе работали на Чкаловском, сказал, что мне предлагают возглавить объединение имени ЦК Союза швейников, я своим ушам не поверил. «Я инженер-механик, самолетчик, а ты меня на какие-то тряпки толкаешь» — высказал так свое мнение и ушел, хлопнув дверью. Но директора в объединении не было около полугода, и через неделю меня вызвали в обком снова.

Елезову было сорок, время творческой зрелости. Роль заместителя секретаря парткома к тому времени перестала удовлетворять, хотелось большего, нежели четко выполнять руководящие указания. Елезов никогда не был ведомым, его лидерские качества знало и руководство. Нужно было либо уступать дорогу, либо переводить потенциального соперника на повышение. Когда разгоряченный очередным спором в обкоме Елезов вернулся на завод, ему мягко посоветовали: «А ты попробуй. Дело вообще новое, должно быть интересно». И решение он принял.

— Конечно, привыкал я к новому производству довольно долго, — вспоминает Алексей Борисович. — *Еще года два была у меня ностальгия,*

когда каждое упоминание Чкаловского отдавалось болью в сердце. Не потому, что был на кого-то обижен. Просто столько лет жизни прошло под знаком этого предприятия, оно было действительно родным. Впрочем, и сегодня я переживаю за него и радуюсь успехам. Но родным теперь стал СИНАР.

На должность руководителя предприятия Елезова назначили 10 октября 1986 года. И первой задачей, которая требовала немедленного решения, было выполнение ноябрьского плана.

— *Когда соглашался на эту должность,* — рассказывает Алексей Борисович, — *был уверен, что если столько лет успешно отработал на таком заводе как Чкаловский, если постиг технологию машиностроения, то уж проблемы швейного производства осилю без труда. Свою ошибку я понял уже в первые дни работы. Представляете ситуацию — прошло утверждение, меня представили коллективу, а затем в зале заседаний остались ведущие специалисты предприятия и стали обсуждать текущие вопросы. И я увидел план на ноябрь — миллионы цифр, сотни незнакомых терминов…*

Поначалу работать приходилось сутками. Часов до восьми вечера в кабинете, на практике изучал организацию и технологию швейного производства, а потом еще и дома до полуночи читал специализированные журналы, учебники по экономике, по швейному делу. Есть такой двухтомник — «Справочник директора», он более года был моей настольной книгой.

Первые месяца два вел я свою «секретную тетрадочку» — записывал возникающие вопросы и свои предложения по их решению. Потом забросил. Года через два нашел я эту тетрадочку, сам над собой посмеялся и выбросил.

Учиться пришлось многому, но с первых дней работы на фабрике Елезов четко выполнял две свои главные, как он определил на текущий момент, задачи — собирал профессиональную команду и выстраивал систему работы, организации производства.

На предприятии годами не выполнялся план. Для него, прошедшего школу оборонной промышленности, такая ситуация оказалась неприемлемой, поэтому с первых дней Елезов жестко стал требовать выполнения плана, сменил ряд руководителей, начал менять структуру производства. Через месяц фабрика впервые выполнила план и люди получили первую премию. Так начался 1987 год, год великих перемен СИНАРа.

— *Надо было менять ситуацию, отношение к работе, ассортимент изделий,* — вспоминает Алексей Борисович. — *Мы перешли на пошив новинок, стали вместе с Домом моделей заниматься разработкой дизайна, искать новые ткани, ввели ряд дополнительных операций, увеличили норму на тепловую обработку… В объемах мы не упали, уменьшилось количество штук выпускаемых изделий, зато улучшилось их качество.*

По-моему, проблема качества — прежде всего нравственная и психологическая проблема. Она касается даже не товара, а отношения человека к своему делу, к себе самому, к окружающим людям. Я не могу и не хочу работать плохо, потому что привык уважать себя и гордиться результатами своего труда. И в

первую очередь старался привить в коллективе вот это сознание корпоративности, уважения к торговой марке, к своему предприятию. А для этого приходилось задействовать все рычаги — и моральные, и материальные.

Я добивался, чтобы объединение получало выполнимые планы — это закон производства: планы должны быть трудными, но выполнимыми, иначе люди расхолаживаются, перестают верить в свой труд. Когда люди впервые получили премию, это было знаковым событием. Первым шагом.

Основной задачей руководителя в то время было решение вопросов в Министерстве, создание команды профессионалов. Я приглашал специалистов из института легкой промышленности, Дома моделей, с других предприятий. Бережно работал с молодыми специалистами, которые начинали свой путь у нас на фабрике. Выстраивая новую систему производственных отношений, я старался опираться на тех людей, которых хорошо знал, с которыми успешно работал прежде. Приглашал людей с Чкаловского.

Примерно через год он полностью вошел в курс дела, освоился. И тут стали меняться экономические условия, сама система производства.

В обиход активно входили прежде нереальные для социалистической распределительной системы понятия хозрасчета и самоокупаемости. С 1 января 1988 года предприятие перешло на аренду, впервые руководство получило возможность самостоятельно распоряжаться заработанными деньгами, направлять их на развитие производства, на строительство новых помещений, закупку оборудования. Тогда-то фабрика им. ЦК Союза швейников и сменила название, стала СИНАРом (СИбирский НАРяд).

В начале девяностых в стране начался период акционирования. Мало кто понимал, что такое эмиссия, пакет акций. Около года Елезов и привлеченные им специалисты разрабатывали будущую структуру предприятия, в результате не отдали «в никуда» ни единой акции, разделив их между работниками предприятия.

Пришло время, когда руководитель предприятия вынужден был стать организатором, менеджером. Время принятия стратегических решений, от которых зависела судьба производства и коллектива.

Во времена тотального дефицита, когда любая продукция легкой промышленности мгновенно сметалась с прилавков, проблемы инвестирования и развития предприятия казались надуманными. Однако уже в 1993 году, когда российский рынок оказался внезапно заполнен дешевым товаром, привозимым «челноками», крупные оптовые базы прекратили свое существование, а фирменная торговля существовала в зачаточном состоянии, на первый план выдвинулись проблемы качества товара и его реализации.

Все трудности легкой промышленности, которая всегда была падчерицей у государства, а в начале девяностых оказалась и вовсе позабыта правительством, в полной мере коснулись СИНАРа. Надо было закупать сырье, меха и ткани, фурнитуру, но для этого необходимы деньги, которые могла дать только торговля. А чтобы развивать торговлю, необходимы были не только деньги,

но и качественный товар, который невозможно создать без качественного сырья и фурнитуры, не меняя технологию…

Начинали с того, что создали свой экспериментальный цех на базе того экспериментально-технологического участка, который занимался доработкой лекал, представляемых Домом моделей. Внедрили три очереди системы автоматического проектирования, создали свой меховой участок. Это резко снизило себестоимость изделия. Начали активно создавать свою фирменную торговлю, осваивать новые виды изделий, изучать рынок и своего покупателя. Сложно было найти деньги на создание и развитие фирменной торговой сети, еще сложнее — инвестировать средства в техническое перевооружение предприятия.

Но в самые тяжелые времена главной своей задачей генеральный директор считал развитие предприятия. Не просто выжить, а стать лидером на рынке, выработать перспективы устойчивого развития. Над этой задачей Елезов работал десять лет.

— *Самым трудным было понять, что возврата к прошлому нет, и если мы не сумеем войти в рынок, то предприятие придется закрывать*, — вспоминает Алексей Борисович. — *Я знаю многих руководителей, которые до сих пор сидят и ждут, что придет добрый дядя из правительства и даст денег и другие ресурсы. Не будет этого, никому мы не нужны, и наши проблемы за нас никто не решит. Единственный путь — создавать сильную команду единомышленников и одновременно решать задачи сегодняшнего дня и перспективного планирования. В 1994 году, когда было очень тяжело, я начал строить новый цех готовых изделий. Не все поняли, зачем в такой сложной ситуации тратить деньги на строительство. Но иначе мы бы просто не смогли продать свой товар сегодня, когда объемы производства выросли. А в прошлом году мы, изучив перспективы развития СИНАРа, начали строить еще один склад.*

Российская традиция — учиться на собственных ошибках. Елезов предпочел опираться на опыт тех, кто эти ошибки уже преодолел. СИНАР активно привлекает к работе иностранных консультантов. Через Американское общество добровольных экспертов пригласили к сотрудничеству экономистов и финансистов. Десять лет на СИНАРе работают иностранные консультанты из крупнейших западных фирм.

— *Конечно, это очень затратно,* — говорит Елезов, — *но мы всегда думали не только о сегодняшней прибыли, но и о перспективах развития нашего предприятия. Уже в 1994 году СИНАР начал работать с зарубежными партнерами, мы открыли представительства германских фирм. Наша продукция завоевала международное признание.*

В 1995 году я однозначно понял, — продолжает Елезов, — *что мы переломили негативную ситуацию. Избавились от лишнего балласта, загрузили свои мощности. Мы с самого начала развития выставочного движения были постоянными участниками промышленных выставок, активно внедряли все то новое, что могло помочь развитию производства.*

Затраченные усилия не пропали зря. За успешное экономическое выживание и развитие СИНАР в 1995 году награжден престижной международной премией «Факел Бирмингема», последующие три года участвовал во всероссийском конкурсе и входил в число «Лидеров российской экономики». В 1996 году Алексей Елезов награжден орденом Дружбы, а в 1999-м ему присуждена общественная премия Петра Великого, он признан одним из ста лучших менеджеров России.

Впрочем, к этому времени в Новосибирске да и в сибирском регионе имя Елезова было известно не только в связи с СИНАРом. В самое трудное для российской экономики время, в 1989 году, он стал президентом самой, наверно, авторитетной общественной организации Новосибирской области — Межрегиональной ассоциации руководителей предприятий (МАРП). Ее влияние на экономическое развитие региона сложно переоценить, 350 членов ассоциации — значительная сила, способная воздействовать и на формирование муниципального и регионального заказов, регулирование отношений между различными федеральными структурами, создание условий поддержки территориальных органов промышленности и многие другие актуальные проблемы.

И все эти тринадцать лет ее бессменный руководитель — Алексей Елезов.

— 1988 год — время необузданных инициатив, свободы слова и инноваций, — вспоминает Алесей Борисович. *— С одной стороны, начинался явный распад привычных структур, а мы все были воспитаны в духе коллективизма, и, честно говоря, не хотелось оставаться один на один с незнакомыми проблемами. С другой, — изменение системы требовало умения быстро принимать решения, а для этого необходимо обладать достаточно широкой информацией, которая доступна немногим. Без общения, без обмена информацией невозможно развивать производство, разрабатывать какие-то стратегические планы. И созданная в те годы Международная ассоциация молодых руководителей предприятий, идеологом которой был Иосиф Орджоникидзе, позволяла решать обе задачи.*

Сначала мы стали составной частью московской ассоциации. Затем, спустя какое-то время, мы поняли, что москвичи в основном нацелены на решение собственных проблем, и отделились, организовав собственную межрегиональную ассоциацию. Когда в апреле 1989-го мы впервые собрались в Бурмистрово на учредительную конференцию, были предложены две кандидатуры на должность президента. Избрали меня.

Наша Ассоциация — межотраслевой союз руководителей, которые в новых экономических условиях готовы меняться сами и менять мир вокруг. Первые годы в комнате гостиницы «Центральной», где был офис Ассоциации, мы могли до девяти, десяти вечера общаться, делиться опытом, вырабатывать свои решения, высказывать мнения по актуальным вопросам. Со временем нам удалось сформировать четкую и самодостаточную систему, способную оказывать реальную помощь предприятиям, влиять на решение актуальных проблем

промышленности на уровне законодательной и исполнительной власти, лоббировать интересы местной промышленности на всех уровнях.

Кроме того, работа в Ассоциации помогла нам реально объединиться не только на уровне гражданской позиции, но и личностно. Мы — друзья, товарищи, способные оказывать помощь и поддержку друг другу. И я говорю даже не о каких-то личных проблемах, которые касаются одного конкретного человека. Но — о решении производственных задач, которые влияют на судьбы больших коллективов.

О деятельности МАРП можно написать отдельную книгу, потому что сегодня, спустя тринадцать лет со дня основания Ассоциации, практически все экономические вопросы развития региона решаются при ее участии. Члены МАРП активно работают в экономическом совете мэрии и администрации Новосибирской области, в экспертном совете РЕК и т. д.

Главный акцент в работе МАРП — это поддержка местных производителей товаров и услуг, консолидация усилий производственников для успешного решения возникающих перед ними проблем как тактического, так и стратегического масштаба.

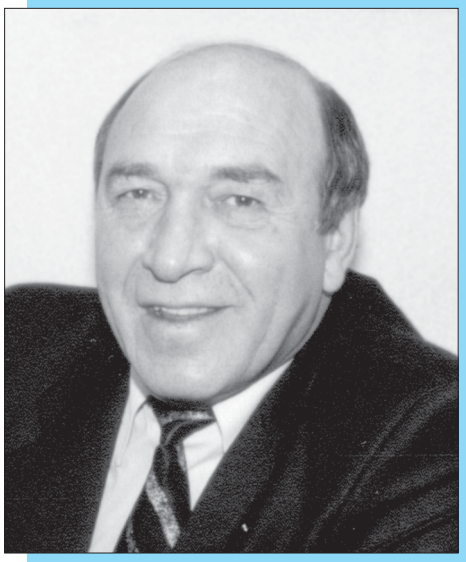
Елезов снова выбирает трудную дорогу — теперь он вместе с руководителями предприятий региона поднимает экономику Сибири. Не потому, что на СИНАРе создана система, которая достаточно успешно работает, и участие генерального директора можно свести к минимуму. Совсем нет. Внимания и сил родное предприятие требует не меньше, чем во времена кардинальных изменений. Но, с одной стороны, уже создана работоспособная команда профессионалов, которой по силам воплощать в действительность его идеи. А с другой, Елезов прекрасно понимает, что решать стратегические задачи развития рынка на одном отдельно взятом предприятии сложно. Если уж говорить о развитии экономики, то хотя бы на уровне региона.

Это достаточно новое и не совсем точное определение — государственник, но если оно подразумевает человека, который свой интерес и выгоду видит в развитии и процветании России, то оно в полной мере относится к Алексею Елезову. Потому что главной целью своей считает он содействие возрождению экономики Сибири, становлению и развитию российского бизнеса. Уж если ставить перед собой задачи, то достойные того труда, который предстоит затратить на их решение.

Расхожая фраза о мужской судьбе — построить дом, посадить дерево, вырастить сына… А если дома построены, из деревьев давно выросла роща, а сын стал удачливым бизнесменом? Неужели останавливаться на середине пути? Алексей Елезов свою судьбу выстраивает сам. Уж если строить — так экономические отношения в регионе. Если воспитывать — так сотни руководителей предприятий. Если выращивать — так идеи, благодаря которым плоды наших трудов собирать будут дети, внуки, дети внуков… Тогда — интересно. А то, что ему интересно, у Елезова обычно получается…

Елена БОГАЧ

Разговор с сыном

Иногда мне кажется, что смысл жизни есть сама жизнь во всех е□ проявлениях: в боли и в радости, во взлетах и падениях.

Володя Женов. Из школьного сочинения.

Что из того, что этот разговор никогда не происходил в действительности. Он десятки, сотни раз состоялся в душе, в воспоминаниях, в размышлениях каждого из собеседников. Они вели его всю жизнь. И продолжают вести, хотя со дня гибели младшего прошло уже больше полугода. Но он продолжает жить и будет жить, пока длится этот разговор.

Собеседники:

ОТЕЦ — Владимир Гаврилович Женов, 54 года. Генеральный директор Новосибирского муниципального банка.

СЫН — Владимир Женов, 23 года. Погиб 7 мая 2002 г. в авиакатастрофе в горах Алтая.

СЫН. Здравствуй, отец.

ОТЕЦ. Здравствуй, сын.

СЫН. Неважно выглядишь. Догадываюсь — восемнадцать часов из двадцати четырех работа, пять часов сон, час… Мне всегда было интересно, что ты делаешь наедине с этим часом? Думаешь о работе?

ОТЕЦ. Думаю обо всем. Вспоминаю.

СЫН. Я как-то прочитал у Кастанеды, что воспоминания — один из самых трудных экзаменов воина. Тогда я так и не понял — что трудного может быть в воспоминаниях? Вспоминай себе и вспоминай. Сейчас, кажется, начинаю понимать.

ОТЕЦ. Оценка прожитой жизни.

СЫН. Не только. Воин не просто оценивает. Он принимает решение, как жить дальше. А ты — воин, лидер.

ОТЕЦ. Странно.

СЫН. Что?

ОТЕЦ. Совсем недавно мне задали вопрос: — Владимир Гаврилович, все называют вас прирожденным лидером. Как вы сами понимаете свое лидерство?

СЫН. Что ты ответил?

ОТЕЦ. Я ответил, что быть лидером — это больше чем принимать решения. Нужно еще нести ответственность за их принятие. Принимать решения не так уж трудно. Лидер — это не человек принимающий решения. Лидер — это человек, который несет ответственность за последствия принятия своего решения до самого конца.

СЫН. Сколько себя помню, ты всегда был на несколько шагов впереди каждой моей догадки о смысле жизни.

ОТЕЦ. Не каждой. Иногда ты с гениальной легкостью забегал так далеко вперед, что я ловил себя на мысли, что не понимаю тебя. Это меня радовало и пугало.

СЫН. Почему пугало?

ОТЕЦ. Как там в Библии? «Во многой мудрости много печали». Ты так спешил жить и знать… Словно чувствовал…

СЫН. Я действительно чувствовал. Не то, что произойдет, нет. Просто я как-то сразу понял, что если жизнь не пить радостно и взахлеб, а потреблять, тянуть маленькими, осторожными, безвкусными глотками, она из счастья может превратиться в обыденность. Я хотел жить с ощущением счастья. И мне это удавалось. Благодаря тебе.

ОТЕЦ. Я ни при чем. К пониманию смысла жизни каждый приходит самостоятельно. Должен приходить.

СЫН. Как ты?

ОТЕЦ. Я шел очень долго. Всю жизнь.

СЫН. Расскажи. Я очень мало знаю о том, что было до меня. Даже не до меня, а до того времени, когда отчетливо понял: ты — мой отец. Понимаешь?

ОТЕЦ. Мне очень важно знать, что ты вкладывал в это понятие — отец.

СЫН. Все. Доверие, любовь, забота, сила, мужество, пример. Даже когда я по-мальчишески начинал сопротивляться твоему авторитету, напору, энергетике, знаниям, в глубине души я прекрасно понимал, что сопротивляюсь самому себе. Потому что ты — это был я, а я — это ты. Как сейчас.

ОТЕЦ. Я всегда боялся, что когда-нибудь перестану понимать тебя. Потому что ты лучше, чем я. Намного лучше. То, что ты схватывал на лету, без малейших усилий, мне давалось годами тяжелейшей работы над собой. В твоем возрасте я был совсем другим.

СЫН. Расскажи. Я ведь почти ничего не знаю, каким ты был. Просто иногда мне казалось, что ты жил в какой-то другой жизни, другом измерении.

ОТЕЦ. Это действительно была другая жизнь. Совсем другая.

СЫН. Нам всегда не хватало времени поговорить об этом. Расскажи.

ОТЕЦ. Зачем это тебе?

СЫН. Кто знает. Ведь этот разговор не только для меня, но и для тебя тоже. Не забывай, ты — воин. Теперь я понимаю это лучше чем когда-либо.

ОТЕЦ. Не знаю, что ты имеешь в виду… Хорошо. Попробую «расставить все по полочкам памяти». Это выражение я давно вычитал в какой-то книге. Тогда оно меня насмешило — жизнь, расставленная по полочкам. Как в магазине. Не хватает только ценников. Кто их должен расставить? Ты сам? Или другие? С возрастом начал понимать, что это не так уж и смешно. Скорее грустно.

СЫН. Лев Толстой считал, что за свою жизнь человек проживает несколько жизней. И в каждой новой жизни он не очень похож на себя прежнего.

ОТЕЦ. Ко мне это относится в полной мере. Боюсь, что если бы я встретил себя двадцатилетнего, мне стало бы не по себе. Такая каша была тогда в голове, такие коротенькие неинтересные мысли. Когда я сравниваю тебя с собой в этом же возрасте, буквально физически ощущаю громадную дистанцию. Поневоле станешь философом. Это дистанция между прошлым и будущим. Я не оговорился — не настоящим, а будущим.

СЫН. Скорее, между прошлым и прошлым.

ОТЕЦ. Не смей так думать! Ты — будущее. И всегда им будешь. Пока живу я, пока живет твоя мама, пока живут люди, которые знали и любили тебя.

СЫН. Хорошо, не будем спорить, как всегда. Но если тебе не трудно, начни с начала. Когда ты впервые ощутил диссонанс жизни, которой жил, понял, что в ней что-то не так, кто-то что-то напутал?

ОТЕЦ. Ну, подобных «диссонансов» в моей и окружающей жизни было множество. После одних начинало что-то меняться вокруг, другие оставляли шрамы на моей собственной шкуре, третьи… С ними сложнее. Это когда что-то ломается и переделывается в тебе самом. Иногда это было мучительно больно, иногда страшно, а иногда воспринималось, как заслуженное и долгожданное счастье.

СЫН. Расскажи. Мне интересно.

ОТЕЦ. Тогда начну, как ты просил, с самого начала. Мы жили в Закаменке, на краю тогдашней городской свалки. Отец, когда вернулся с войны, вместе со своим братом построили там засыпушку. В одной ее половине жила наша семья, в другой со своей семьей — дядька. Нашей жилплощадью была комнатка в 16 метров и маленькая кухня, где кроме печки стоял еще сундук, на котором спала бабушка. В комнатке жили отец, мать, сестра и я. Помню, каким счастьем было для меня появление собственной тумбочки. Я сразу почувствовал себя самостоятельным человеком.

СЫН. Хороший повод для сравнения. Я в этом возрасте мечтал о персональном компьютере высшего класса, а ты о тумбочке.

ОТЕЦ. Ты получил компьютер, я — тумбочку. Дело не в этом. Мы тогда не чувствовали своей ущербности, обделенности в чем-то. Так жили все вокруг, так жили миллионы. Свалка была моей первой экономической школой. Мальчишками мы собирали там тряпки, макулатуру. Это были первые самостоятельно заработанные копейки. Уже тогда я начал понимать их цену и место в классической марксистской формуле: товар — деньги — товар. Свалка преподнесла мне и первый достаточно внушительный политический урок.

СЫН. Говорят, политика была тогда опасным делом.

ОТЕЦ. И, как всегда, отвратительно грязным. И страшным. Это было буквально на другой день после XX съезда партии, на котором разоблачили культ личности Сталина.

СЫН. Я что-то читал об этом, но так толком и не разобрался. Одни до сих пор кричат, что Сталин гений, другие проклинают его.

ОТЕЦ. Еще одно доказательство, что в политике все зависит от субъективных оценок людей, а не от объективных обстоятельств, как нам все время пытались внушить. Кстати, в экономике то же самое. Но это уже мое собственное открытие.

СЫН. Очень интересно. Обязательно расскажи. Тебе ведь хочется мне об этом рассказать.

ОТЕЦ. Расскажу. Это действительно гораздо интереснее, чем политика. Но начнем все-таки с того дня, когда я ранним солнечным утром бежал в школу. Мне не было дела ни до Сталина, ни до политики, и уж, тем более, до каких-то судьбоносных исторических переломов, подземные толчки которых уже докатились и до нашей Закаменки. Проблема нового футбольного мяча была для меня тогда важнее глобальных мировых проблем. По привычке я завернул к свалке, чтобы поглядеть, не выкинули ли из соседнего института дефицитную

стеклотару, и остановился в полном недоумении. Вся ближайшая к нам территория свалки была завалена сотнями Сталиных. Портреты, плакаты, бюсты. А сверху — огромная гипсовая статуя, которая раньше стояла там, где стоит сейчас и стояла еще раньше, до Сталина, часовня Николая Чудотворца. Ничего не понимая, я примчался с этой потрясающей новостью в школу, но когда после уроков мы прибежали на свалку, все изображения Сталина, имя которого до сих пор мы произносили с благоговением, исчезли под новым слоем мусора и грязи.

СЫН. Впечатляет.

ОТЕЦ. Сейчас я думаю, а не тогда ли зародилось во мне первое, неосознанное еще недоверие к политикам всех видов и рангов, которые затем, в продолжение всей моей последующей жизни с завидным постоянством проходили один и тот же путь — от возвеличивания до низвержения, от славословий до обливания дерьмом. Эта многократно случавшаяся в нашей стране за последние десятилетия переоценка личностей и политических ценностей многому меня научила. Я перестал придавать значение политическим обещаниям и долгосрочным политическим прогнозам.

СЫН. А я им вообще никогда не придавал значения. Мне это было неинтересно. Нельзя ставить свою жизнь в зависимость от той или иной политической догмы. Это глупо и неперспективно.

ОТЕЦ. К сожалению, в твои годы я думал еще совершенно иначе. Вернее, совсем не думал об этом. К этому времени я уже стал лидером.

СЫН. Ты имеешь в виду спорт?

ОТЕЦ. Да, все началось со спорта.

СЫН. Помнится, ты говорил, что из спорта надо уметь вовремя уйти, чтобы остаться нормальным мыслящим человеком.

ОТЕЦ. Не из спорта, а из профессионального спорта. Если обычный спорт помощник и оберегатель жизни, то профессиональный — вечная борьба за выживание, вечный страх оказаться за бортом. Он ломает, калечит, выжимает тебя, как губку. Он превращает жизнь в гонку за химерой победы и, в конечном счете, оставляет в неизбежном проигрыше.

СЫН. Согласен. Спорт должен быть бескорыстным. Он должен быть проверкой твоих сил и возможностей, попыткой как можно полноценнее и ярче ощутить радость жизни. Ты прав, погоня за победой над кем-то бессмысленна. Завтра кто-то другой обязательно победит тебя. А вот победа над самим собой — над апатией, слабостью, страхом, неуверенностью — это уже что-то. Это делает меня сильнее.

ОТЕЦ. Все правильно. И, тем не менее, именно спорт сделал из меня лидера. Я почувствовал вкус победы. Я понял, что если хочешь чего-то добиться, то надо добиваться, а не ждать. Я понял, что слава приятна и порой неплохо оплачивается. Но она же непостоянна и недолговечна. Слава Богу, что понял я это достаточно быстро.

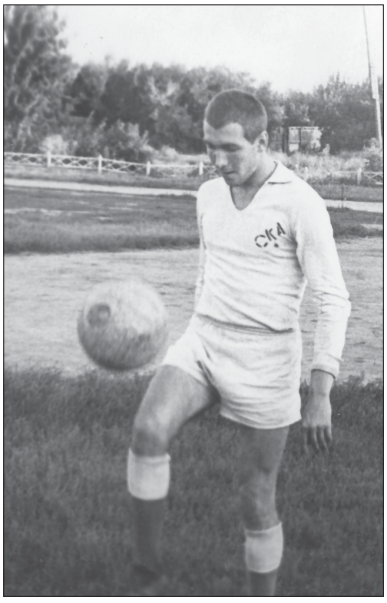
СЫН. Все началось с хоккея?

ОТЕЦ. Все началось с хоккея. Детская хоккейная команда «Марс» из одного из самых бандитских районов города стала победителем всех остальных детских хоккейных команд Новосибирска. Я был капитаном этой команды. Я впервые услышал по радио свой голос — у меня брали интервью. Девчонки из соседних классов прибегали посмотреть на меня. Мальчишки, которые не играли в хоккей, завидовали. До этого я неплохо учился. Но как только начался спорт — хоккей, потом футбол, учеба превратилась для меня в неприятную обязанность. Мне стало скучно учиться. А спорт казался интересной игрой, о конце которой я, конечно, не задумывался. Куча новых впечатлений, поездки, ощущение своей силы, желание быть сильнее и удачливее других. Я увлекался боксом, хоккеем, потом футболом. Футболом я буквально бредил. Стал капитаном команды, которая выиграла кубок Сибири среди юношей.

СЫН. Но при этом ты все-таки учился.

ОТЕЦ. Это мама. Только благодаря ей учебу я не бросил. Мудрая женщина, она прекрасно понимала, что спорт — это не то, с чем надо связывать жизнь, несмотря на успехи и славу. Поэтому после восьмого класса я поступил в техникум. Мне было совершенно все равно, в какой. Поступил в энергетический, только потому, что он был ближе к дому. Благодаря маме я даже закончил его — не мог и не хотел ее огорчать. Моя первая специальность — техник-теплотехник силовых парокотельных установок. Если честно — я почти не учился. Играл и в футбольной, и в хоккейной командах. Поездки, перелеты, новые города, куча впечатлений. Иногда просыпаешься и минут пять не можешь сообразить, в каком ты городе. Сегодня в Ашхабаде, завтра во Владике. Болельщики тебя узнают, скандируют твое имя. Я упивался славой и собственными возможностями. Мне казалось, что так будет продолжаться всегда. Если говорить о приобретении каких-то знаний, то эти годы можно было бы считать полностью потерянными, если бы не производственная практика. Десять месяцев заводской практики. Это осталось и запомнилось на всю последующую жизнь. Настоящая практика. Это было очень серьезно, потому что это была оборонка. Первая запись в моей трудовой — двести второй почтовый ящик. Потом он стал называться заводом им. Чкалова. Я горжусь этой записью.

СЫН. Чем тут можно гордиться, папа?

ОТЕЦ. Тебе, наверное, это трудно понять — чувствовать себя частью огромного коллектива, огромного единого организма.

Видеть, как труд тысяч людей воплощается в нечто реальное и очень необходимое, как мы тогда все считали, для страны. Я честно там работал. Выходил в ночные смены. Опоздание на две минуты считалось чуть ли не преступлением. Несмотря на мою неплохую физическую форму, было тяжело. Угнетало, что в таком огромном коллективе я не мог быть в уже привычной для меня роли лидера. Меня там просто не замечали.

СЫН. И ты считаешь это хорошим жизненным уроком?

ОТЕЦ. Несомненно. Я понял разницу между «должен» и «хочу». Я понял, что есть обстоятельства, которые не зависят от твоей воли, втягивают тебя в свою орбиту и заставляют поступать так, как надо кому-то, а не тебе. Многим это нравилось и нравится. Некоторые люди просто не в состоянии самостоятельно строить свой жизненный путь и решать свои жизненные проблемы. Они счастливы, когда это за них делает кто-то другой, что все катится по проложенной кем-то колее. Не потому ли так много сейчас ностальгических воспоминаний о том времени, когда все решали за них. А им оставалось только «честно выполнять свой долг».

СЫН. Тогда объясни, в чем разница между командной игрой и командной, коллективной работой?

ОТЕЦ. Интересный вопрос. В игре всегда есть элемент состязательности, непредсказуемости результата. Это намного интереснее, чем повседневная рутинная работа, где результат, как правило, ясен заранее. В игре, если у тебя есть талант, хорошие физические данные, голова на плечах, ты более заметен, тебе легче добиться успеха, чем в огромном коллективе, где талант и инициатива приветствуются далеко не всегда. Но и в командной игре, и в рабочем коллективе ты должен быть всецело подчинен чужим установкам, должен смирять себя во имя общего результата. Совершенно явный обман со стороны идеологов строящегося и уж тем более «развитого» социализма, что только в коллективе ты полностью раскрываешься как личность. Коллектив должен состоять из управляемых, а не из независимых личностей.

СЫН. Так было всегда?

ОТЕЦ. Так было почти всегда. И почти всегда в обществе появлялись личности, которые хотели быть независимыми и становились ими.

СЫН. Не противоречишь ли ты сам себе? Ты же не раз цитировал своих любимых классиков, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

ОТЕЦ. Если помнишь, я еще цитировал, что «свобода есть осознанная необходимость». И чем больше ты познаешь, тем шире у тебя свобода выбора и, значит, тем больше ты свободен.

После заводской практики я полностью связал себя со спортом. Играл в профессиональной футбольной команде «Пахтарал». Зарабатывал по тем временам приличные деньги. Мог позволить себе слетать из Ташкента в Новосибирск на свидание к любимой девушке, чтобы только поцеловать ее, вручить цветы и в тот же день вернуться. Мой огромный портрет висел на Аллее

славы крупнейшего в стране хлопководческого совхоза «Пахтарал». Мы играли с командами высшей лиги. Все было очень серьезно. Но через полтора года я вдруг почувствовал, что становлюсь дураком.

СЫН. Так вот, вдруг?

ОТЕЦ. Конечно, не вдруг. Что-то в меня уже было заложено всей предшествующей жизнью, родителями, педагогами, какими-то неприметными на первый взгляд обстоятельствами, которые потом вдруг становились определяющими. Кроме того, меня начали преследовать серьезные травмы. Все нагляднее становилась оборотная, неприглядная сторона профессионального спорта, которую на первых порах, увлеченные азартом погони за победой и высокими заработками, мы не замечали. Я мог бы многое рассказать тебе об этом периоде моей жизни, но лучше пока не буду. Я ушел из спорта. Не сразу, правда, но ушел.

СЫН. Потом, помнится, был нархоз?

ОТЕЦ. Да, я поступил в нархоз. И вот этот шаг был действительно судьбоносным. Хотя, на первый взгляд, совершенно случайным.

СЫН. Помнишь, ты любил повторять слова Юлиана Семенова, с которым был хорошо знаком: «Кажущиеся случайности — один из потаенных законов человеческого бытия». То, что ты поступил в нархоз, стал в конце концов известным банкиром, тоже проявление этих скрытых закономерностей?

ОТЕЦ. Теперь я почти уверен, что так оно и есть. Я бы назвал это законом самореализации личности, которая была готова и стремилась к этой самореализации. Мне почему-то всегда было тесно в тех рамках, которые кто-то пытался мне навязать. Я мог бы поступить в НИИЖТ, НИСИ — с моей спортивной славой меня бы приняли на любой факультет без экзаменов. Мало того, на третьем году учебы в нархозе я мог бы перевестись в Московский университет. Меня, по сути, уже приняли туда, но я забрал документы. Я ничего не знал о нархозе, и когда спросил приятеля, на какой факультет мне лучше поступить, он сказал: — На МТС. Почему на МТС? Что это такое? Оказалось, что МТС — это материально-техническое снабжение. Те, кто там учится, должны обладать хорошей памятью. Как ни странно, это стало для меня решающим аргументом. Тебе, наверное, смешно сейчас все это слышать?

СЫН. Я помню тебя всегда твердо знающим, что ты хочешь делать. Никогда не видел тебя растерянным и сомневающимся. Учился у тебя формулировать точные цели и уметь их добиваться.

ОТЕЦ. Это пришло потом. После множества непростых жизненных уроков. Жизнь учит очень жестоко, но результат этой учебы будет налицо только в том случае, если ты хочешь учиться. Могу сказать о себе, что я всегда хотел и умел учиться. Учусь до сих пор. Но настоящее увлечение учебой, своеобразный азарт приобретения знаний я почувствовал на втором курсе. Мне вдруг стало интересно учиться. И это новое для меня чувство показалось намного увлекательнее и результативнее прежнего увлечения игрой. В институте было тогда много отличных преподавателей, благодаря которым неведомая прежде и казавшаяся очень скучной экономическая наука раскрывала перед нами та-

кие глубины, грани и возможности, что нам захотелось не учиться, а познавать, заниматься экономикой всерьез и навсегда. Как, например, не сказать самые добрые слова о нашем преподавателе политэкономии Александре Львовне Войталовской. На всю жизнь она привила мне понятия экономических категорий. До сих пор храню ее конспекты. Она сумела убедить нас, что политэкономия везде политэкономия. Нет политэкономии капитализма, социализма, Китая или Германии. Говорить тогда такое было незаурядной смелостью. С той поры и до сих пор я совершенно убежден и готов профессионально доказать это, что в экономике мы по-прежнему живем по Марксу. Потому что существуют вечные и незыблемые основы. Люблю повторять, что «дважды два — везде четыре. В Нью-Йорке, на Тайване, в Новосибирске». Недавно в экономическом споре с весьма сильным политэкономом Виктором Александровичем Толоконским сумел доказать, что прибыль может быть отрицательной. И завершил это доказательство гениальной фразой, правда, не своей: «Прибыль — это мнение, наличка — это факт».

СЫН. Я видел своими глазами, как многие ломались в новых условиях. Значит, все-таки не всегда экономика одинакова?

ОТЕЦ. Давай расставим все точки над i. Условия хозяйствования — это еще не экономика. А то, что происходило у нас в начале 90-х, тем более не было экономикой. Это только некоторые политики, зарабатывая себе популярность, вещали о возврате к капитализму. На самом деле то, что творилось, не было ни капитализмом, ни рынком, и уж тем более не имело ни малейшего отношения к классической экономике. Это был развал, дикий базар, разворовывание всего и вся. Можно подыскать еще десятки сравнений. Это был период нашего идеологического и экономического поражения, период переоценки ценностей, после которого мы должны были сначала задуматься, потом одуматься, все понять и начать жить по-новому.

СЫН. И на какой стадии мы находимся сейчас?

ОТЕЦ. А ты как считаешь?

СЫН. Считаю, что кое-кто уже одумался, кто-то еще думает, а кто-то даже пытается начать. Только получается пока по-разному.

ОТЕЦ. Чаще не получается. И так будет продолжаться до тех пор, пока нам на смену не придете вы. Не отягощенные грузом прошлых ошибок, свободные от каменной тяжести политических авторитетов, мыслящие абсолютно реальными категориями и думающие не о том, как бы выжить, а о том, как жить лучше и достойнее.

СЫН. В отличие от многих ты, по-моему, достаточно быстро нашел свое место в новых условиях.

ОТЕЦ. Далеко не сразу. И до сих пор не уверен, что нашел именно то, что хотел. Но в одном ты прав — мне было намного легче других понять то, что происходит, и отыскивать в царящей неразберихе места, которые меня до поры до времени устраивали.

СЫН. Чем ты это объясняешь?

ОТЕЦ. Загибай пальцы. Школа свалки, школа спорта, хотя и небольшая, но все-таки тоже школа заводской практики. «Крутой», как сейчас говорят, институт, отличные преподаватели, аспирантура, школа Плехановки, большая преподавательская практика, собственная неуемность — мне всегда хотелось узнать и сделать больше, чем полагалось, как тогда говорили, «по штату». Кроме того, великолепная школа студенческих строительных отрядов.

СЫН. Слово «стройотряд» было одним из первых в моей жизни. Но я так и не мог сложить более-менее цельной картины того, чем ты тогда занимался. Хорошо помню ваши с мамой рассказы, в которых звучали названия: Сахалин, Курилы, Чукотка, Дальний Восток, Колыма. Даже, кажется, Командоры. Жутко завидовал вам и даже поклялся, что обязательно побываю в этих местах.

ОТЕЦ. А ведь ты уже побывал с нами на Шикотане. Правда, совсем маленьким. Это был большой и очень значительный кусок нашей жизни. Я там учился науке управления, снабжения, общения, взаимопонимания. Я прошел через все этапы стройотрядовской жизни — от высокого звания «боец стройотряда» до командира всех путинных отрядов Сахалинской области. Мы давали стране валюту — икру, крабов и прочие бесценные дары океана. У меня в подчинении было 12 тысяч человек. Оперативно я подчинялся только первому секретарю обкома. До сих пор горжусь, что знаю Сахалин лучше, чем любой сахалинец, Чукотку — лучше любого чукотчанина, Курилы — лучше, чем любой курильчанин, Камчатку — лучше любого камчадала. Наши стройотряды были везде. Работали в сложнейших условиях. Питание — сухая картошка и сайра во всех видах. На икру не хотелось даже смотреть. На сон — два-три часа в сутки, а то и меньше. Из того времени — мои первые две язвы и уверенность, что силой воли можно справиться с любой болезнью. Из того времени крепнущая уверенность в своих возможностях и очень важный управленческий опыт.

СЫН. Ты говорил мне, что в жизни каждого человека бывают экстремальные ситуации, которые проверяют человека на прочность. Вернее, ты тогда сказал: «На вшивость». Потом, когда я познакомился с экзистенциализмом, прочитал пьесы и статьи Сартра, я понял, что человек не должен избегать подобных ситуаций. Наоборот, он должен стремиться к ним, потому что это отличный способ проверки своей истинной сути. Может быть, отсюда мое увлечение экстремальными видами спорта? «Кто ты — тварь дрожащая или человек?»

ОТЕЦ. Федор Михайлович имел в виду нечто другое. Но в принципе я с тобой согласен. Если ты уверен в себе, экстремальных ситуаций бояться не надо. Они помогают выдавливать из себя раба.

СЫН. Я знаю, в твоей жизни бывали такие ситуации.

ОТЕЦ. Не раз.

СЫН. Расскажи хотя бы об одной.

ОТЕЦ. Вспоминаю о них не только потому, что смог что-то преодолеть, справиться с труднейшими, иногда чуть ли не безвыходными обстоятель-

ствами, но и потому, что в самую трудную минуту рядом всегда оказывались настоящие люди.

Взять хотя бы случай, когда меня исключали из партии. Партия всегда значила для меня очень много. А, кроме того, в то время исключение означало не только потерю работы, но потерю надежды вообще чего-либо добиться в жизни как управленцу, экономисту или преподавателю. Чтобы этого не случилось, от меня требовалось лишь одно — сдать человека, который очень мешал кому-то из власть имущих. Я хорошо знал и уважал этого человека. Сдать отказался. Тогда секретарю парткома нархоза Светлане Прокопьевне Михайловой приказали готовить мое исключение. А она отказалась. *Женов,* — сказала она, — *один из немногих людей, на которых держится институт.*

Это была очень трудная для меня ситуация. Именно тогда я дал себе слово, что окончательно и навсегда вытравлю из себя раба.

Хочу еще напомнить тебе, что все трудные ситуации, которые случались со мной, мы проживали втроем — я, мама и ты. И это тоже придавало мне силы.

СЫН. Хорошо помню, какой ценой далась тебе победа в одной из таких экстремальных ситуаций. О ней говорил весь город, а ты лежал дома без сил, и тебя рвало кровью. Впервые в жизни я по-настоящему испугался. Так, наверное, пугаются люди, когда вокруг них начинает рушиться то, что раньше казалось незыблемым.

ОТЕЦ. Я не рухнул. Совсем наоборот. Я сделал еще один важнейший для себя вывод. Я понял, что больше никогда в жизни никому не поддамся, ни перед кем не согнусь и не сломаюсь. Что сломать меня после всего этого просто невозможно.

СЫН. Я гордился тобой. Когда меня начинали доставать, мол, твой отец банкир, — я отвечал: *Да, банкир, но честный банкир!*

ОТЕЦ. Для меня это самая высокая и дорогая оценка. А недавно меня порадовал результат анонимного тестирования среди сотрудников нашего Муниципального банка. Там было много номинаций, много вопросов. Это были как бы наши внутренние соревнования — полушуточные, полусерьезные. И вот после опроса мне присвоили звание *самого большого новатора и самого большого консерватора в банке.* Согласен с такой оценкой?

СЫН. Надо подумать. Для меня это еще одно подтверждение твоей незаурядности.

Однажды я попытался оценить, вернее, переосмыслить свои детские впечатления о том времени, когда все вокруг стало рушиться. Прежний устойчивый мир вдруг потерял свои четкие очертания, начали появляться какие-то новые термины, неожиданные словосочетания, лозунги, люди вокруг сделались суетливыми, взбудораженными. Сначала ясно ощущалось радостное ожидание, затем разочарование, потом озлобленность, раздражение. Катастрофы, митинги, огромные очереди у магазинов, неуверенность, растерянность. Я был еще ребенком и пытался понять происходящее через маму, через тебя, через

близких людей — как вы ведете себя, как оцениваете, что говорите? Конечно, многого я тогда не понимал. Но хорошо помню твое постоянное возбуждение, активность, невероятную занятость, постоянные разъезды и отъезды, встречи, споры. Все время что-то затевалось, организовывалось, внедрялось, начиналось заново.

ОТЕЦ. Это действительно сконцентрированные впечатления. Все было далеко не так стремительно, не так ярко и далеко не всегда удачно.

СЫН. Помню, сколько было разговоров про твои «деловые игры». А потом как отрезало.

ОТЕЦ. Я стал заниматься ими, кажется, в 88-м году. Всем уже было совершенно очевидно, что экономика страны зашла в тупик. Многие экономисты пытались найти хоть какой-то выход из создавшегося положения. Придумывали то «экономную экономику», то «интенсификацию», то «модернизацию», то «борьбу с алкоголизмом». Я увлекся деловыми играми. На примере смоделированных конкретных хозяйственных ситуаций мы пытались учить самые разные предприятия, организации и даже министерства — экономике. Проводя эти игры, я объехал всю страну, но где-то на 30-ой игре понял, что наши усилия совсем не панацея. Скорее, «мертвому припарки». Все болезни нашей экономики хронически одинаковы, и лечение требуется самое кардинальное.

Действительно, чем я только ни занимался в последующие годы. Организовал один из первых в Новосибирске экономико-консультативный кооператив «Посредник» (по-моему, он до сих пор здравствует). Стал первым исполнительным директором Сибирского отделения ассоциации молодых руководителей СССР — всем известной сегодня МАРП. Был одним из основателей Сибирской товарной биржи.

Если говорить о МАРПе, то я до сих пор горжусь тем, что мне удалось создать некую его основу — деловое и человеческое поле общения.

Впервые в жизни — если иметь в виду работу и реализацию своих возможностей — мне было очень хорошо. Я бы даже сказал, комфортно. Это был я, это было то, о чем я мечтал. Я понял, что могу зарабатывать большие деньги. Но мне не это было важно. Главное — я был сам себе хозяин. Я мог говорить и делать, что хотел. Я ощутил полную меру своих возможностей и способностей.

СЫН. Знаешь, когда я почувствовал, что ты можешь все?

ОТЕЦ. Если бы я мог все, я бы спас тебя.

СЫН. Не будем об этом. Помнишь, когда ты взял меня с собой в Сочи?

ОТЕЦ. Ты тогда здорово меня подловил. Помню все до мелочей. Солнечное июльское утро. В качестве сопредседателя Российского биржевого союза я вылетаю на конгресс в Сочи. Билет в кармане, машина у подъезда. Ты бежишь за мной: «Папа, можно я тебя провожу до аэропорта?» Ничего не подозреваю: «Конечно, садись». Мальчик забирается в машину. Приезжаем в аэропорт. 15 минут до конца регистрации. И тут мальчик мне говорит: «Папа, а слабо взять меня в Сочи?» А я всегда учил этого мальчика, что «слабо» мужику не должно быть ничего.

СЫН. Билетов нет, самолет перегружен, трап уже отъезжает. До сих пор для меня загадка, как тебе это удалось. Много лет я хранил авиабилет, на котором стояла дата — 32 июля. Как тебе его выписали — не понимаю. Как ты уговаривал командира — тоже не помню. Полет, как в тумане. До того момента, пока не увидел море. Оно меня ослепило. Это было такое счастье! Я понял — ты можешь все.

ОТЕЦ. Помню твой радостный крик маме по телефону: «Мама, мама, там море!» Догадался, что этот подарок останется с тобой на всю жизнь. И еще понял, какое это счастье делать такие подарки.

СЫН. Ты меня спрашивал, что ты значил в моей жизни. А что значили в твоей жизни мы — я и мама?

ОТЕЦ. Вы неотделимы от моей жизни. Каждый из нас это не только он, а мы все — ты, мама, я. Не знаю, понятно ли я выразил свою мысль? Ведь это скорее не слова, а чувство, ощущение. Можно назвать это любовью, но, наверное, это больше чем любовь. Это одна общая жизнь. Мы с мамой уже тридцать лет рядом. От первой встречи, от первой крохотной комнатки в старой сырой развалюхе с прогнившим углом, которую мы вместе приводили в порядок, и — через все последующие годы. Совместная учеба, студенческие строительные отряды, работа. Потом появился ты — твой первый крик, твои первые шаги, первые слова. Это было такое счастье! А твои пронзительные провидческие мысли о смысле жизни, твои чудесные мудрые стихи! Хочу верить, что когда ты их писал, ты тоже думал о нас. Феноменальная, почти болезненная честность твоей мамы всегда была и для меня, и для тебя критерием самой безукоризненной оценки каждого нашего поступка. И если мы в чем-то сомневались, мы шли к ней, и наши сомнения всегда разрешались единственно правильным и честным выбором. Даже сейчас, когда мы наедине с тобой, она рядом. Я знаю, что она слышит каждое мое и твое слово. Мы снова вместе.

СЫН. Расскажи про ночной звонок.

ОТЕЦ. Какой звонок?

СЫН. Недавний. Когда меня уже не было.

ОТЕЦ. Ты будешь всегда. Это был звонок тебе. Звонивший был твоим знакомым. Вернее даже, знакомым твоей девушки. Он позвонил мне, потому что был ты. Меня он никогда даже в глаза не видел.

СЫН. Ты взял трубку…

ОТЕЦ. Срывающийся голос. В голосе отчаянье, крик: «Только вы можете помочь, только вы, только вы…»

Я говорю: «Подожди, парень, сейчас четыре часа утра. Чем я тебе могу помочь? Что я должен сделать?» — «Только вы, только вы. У меня жена умирает в роддоме. Володя ее знает». — «В каком роддоме?» — «Во втором».

Старый маленький роддом за ГПНТБ. Я тоже там родился. Говорю ему: «Клади трубку, я тебе перезвоню».

Позвонил в роддом. Там все подтвердили. Родила девочку, вес 4100, рост 51 см. С девочкой все в порядке, а мать умирает. У нее сепсис, необходимо лекар-

ство. Врач говорит: «Мы ничего не можем сделать — у нас ни лекарства, ни денег». Спрашиваю: «Сколько нужно?» Отвечает: «Грамм стоит две тысячи».

Я думал, долларов. Четыре часа утра. Говорю: «У меня с собой таких денег нет, но если подождете…»

Она поняла, говорит: «Две тысячи рублей».

Тьфу! Бросил трубку, звоню парню: «Немедленно приезжай». Приехал. Дали ему деньги на такси, на лекарство. Спрашиваем: «Есть оно в аптеках?» — «Есть».

В общем, спасли человека. На другой день приехал, благодарит.

Твоя мама потом говорит: «Это наш Володя ее спас».

СЫН. Спасибо вам.

ОТЕЦ. Это мы должны благодарить тебя. Помнишь свое школьное сочинение? Ты написал: *Беззаветная помощь друзей — это то, что зачастую спасает людей в, кажется, совсем уже безвыходных ситуациях.* Именно благодаря тебе я понял, что действенная активная помощь ближнему может принести огромную радость. Даже счастье. И, прежде всего, дарящему эту помощь. Ты был добрым и щедрым человеком. Всегда стремился кому-то помочь. Это тоже твои слова: *Творить добро.*

Мы организовали фонд твоего имени — фонд *Памяти Володи Женова.*

СЫН. Я знаю.

ОТЕЦ. Помогаем тем, кому сейчас особенно трудно и одиноко. Особенно детям. После этого мне стало легче. Боль не ушла, но она стала светлой. Я учусь радоваться тому, что могло быть радостью для тебя. Пошел снег — пушистый, густой, чистый. Я радуюсь ему, потому что снег всегда был радостью для тебя. Ты так ждал его. Повторяю про себя твои слова: *Еще никогда в своей короткой, но долгой жизни я не ждал так зимы…* Я смотрю на падающий снег и ясно вижу твою радостную улыбку.

СЫН. Мне бы очень хотелось, чтобы ты научился радоваться этим кажущимся мелочам, научился их видеть. Они так много значат в нашей жизни. Нельзя жить одной работой, как живешь ты.

ОТЕЦ. К сожалению, меня уже не переделать. Я законченный трудоголик. Дикий, неисправимый трудоголик. Согласен, это глупо. Я сам тебе не раз говорил: *Так работать и жить нельзя. Это преступно. Преступно по отношению к себе, к семье, к обществу. Надо жить ради себя, ради близких, а не ради того, что ты работаешь.* Но этот образ жизни уже вошел в плоть, в мозг, в душу. Рядом со мной много таких, как я. Мы живем этим. Мы хотели бы отдохнуть, хотели бы пожить ради себя. Не получается. Когда меня попросили определить цель своей жизни, я, не задумываясь, сказал: *Работа.* Спрашивают дальше: *Чего бы вы еще хотели добиться в жизни?* Отвечаю: *Ничего. Вот то, что я делаю, это и есть моя жизнь.* Как ты написал: *Смысл жизни — это сама жизнь.* Пока я живу, я буду делать то, что делаю, работать так, как работаю. Подругому я не умею.

СЫН. Папа, ты всегда говорил, что в любой работе важен результат. Ты его видишь?

ОТЕЦ. Начинаю видеть. А в чем-то он уже настолько реален, что я даже начинаю им гордиться. Взять хотя бы наш банк…

СЫН. Как он?

ОТЕЦ. Жив курилка. И еще как жив. Сейчас уже многие говорят о том, что это единственный во всей России реальный муниципальный банк, который полностью обслуживает бюджет своего города. От небольшой аптеки или художественной школы с бюджетом 100 тысяч рублей на пять лет, до основных счетов управления финансов. Через нас каждый день проходят все платежи бюджета Новосибирска. Это накладывает на нас потрясающую социальную ответственность, которая совершенно несопоставима с ответственностью, например, коммерческих банков по исполнению обеспечения требований клиентов. А поскольку мы обслуживаем городской бюджет, у нас свой, совершенно специфический круг клиентов. Мы обслуживаем средний и мелкий бизнес, которым никто не хочет заниматься. Мы — занимаемся. У нас шесть тысяч вкладчиков пенсионеров, вклады которых мы буквально спасли в 98-м году. Они верят нам безоговорочно. Нам доверяет руководство города и области, а мы доверяем им. Работаем рука об руку, душа в душу.

СЫН. В начале нашего разговора ты обещал рассказать о каком-то своем открытии в области экономики.

ОТЕЦ. Я действительно давно его для себя сделал, осознал, использовал на практике и старался донести до других, но никак не мог отчетливо сформулировать. И вот недавно от одного известного американского бизнесмена услышал фразу, которая очень кратко суммировала все мои размышления. Вот

она: *В экономике нет вообще никакой экономики. Есть 50% психологии, 40% надежды и 10% обычных бухгалтерских проводок.* Все точно. Остальное — полная ерунда. Нет экономики как науки. Есть люди, которые хотят жить лучше. В этом вся экономика. Остальное — инструментарий. Это как бы постановка вопроса — чем срубить дерево? Можно электропилой, можно топором, можно острым камнем, можно зубами. Все это технология, микроэкономика. Можно назвать ее по-другому — *инструмент хозяйственных решений*. А науки «экономика» как таковой нет.

СЫН. Продолжая твою мысль, можно сказать, что экономика — это общечеловеческая психология.

ОТЕЦ. Совершенно верно.

СЫН. Ты веришь, что в России люди когда-нибудь будут жить лучше?

ОТЕЦ. Ни малейших сомнений. Я горжусь Россией. Считаю, что наш потенциал намного больше, чем у кого бы то ни было. Условия для национального российского менеджмента у нас сейчас просто сказочные. Нужно только одно — определиться окончательно с правилами игры. И эта возможность появилась наконец-то. Дай Бог, чтобы Путин продержался подольше. Я не делаю из него кумира, в стране еще полно зияющих провалов. Но уже постепенно наступает некоторая ясность, некоторое спокойствие, стабильность. Стали появляться первые правила игры. А то ведь мы часто играем в футбол по правилам гандбола или баскетбола. Так нельзя, так не бывает. Всем сейчас нужно одно — ясность и стабильность. А мы сделаем все возможное, чтобы жить становилось лучше и лучше.

СЫН. Не стал бы говорить за всех, но в тебе я уверен.

ОТЕЦ. Спасибо.

СЫН. Ты всегда выполнял свои обещания, которые давал мне. Выполни еще одно.

ОТЕЦ. Какое?

СЫН. Сделай то, о чем мечтал я. И не успел.

ОТЕЦ. Кажется, догадываюсь.

СЫН. Хочу, чтобы этим летом вы с мамой поехали на Кубу.

ОТЕЦ. Поедем. И зайдем в дом Хемингуэя. Я знаю, что ты очень хотел там побывать. Мечтал заняться журналистикой, писать…

СЫН. Мы еще поговорим об этом. Ведь этот разговор не последний.

ОТЕЦ. Не последний.

Александр КОСЕНКОВ

Город его мечты

С высоты птичьего полета этот светлый, не отягощенный монументальными высотными зданиями город открывается сразу, вдруг, посреди бескрайней зелени соснового бора, разреженной белизной березовых колков и золотом рябиновых рукотворных опушек.

Внизу, на земле, город также появляется внезапно — стоит лишь свернуть с трассы, прорезающей сосновый частокол, и поднырнуть под железнодорожный виадук.

Начинается город с проспекта Строителей. Почему? Объяснять, очевидно, не стоит. Как и то, что есть в городе проспект Науки, потому что это известный всему миру Академгородок. Есть здесь и улица Иванова. В честь человека, благодаря та-

ланту и энергии которого появился на сибирской земле этот удивительный, неповторимый город.

...В один из февральских дней 1960 года генерала Н. М. Иванова срочно вызвали из Челябинска в Москву. В принципе подобные поездки в столицу были привычны. Но этот вызов удивил необычностью, какой-то непередаваемой, но четко ощущаемой «секретностью».

Самолет легко оторвался от «бетонки», набрал высоту. Пассажиры внимательно слушали заботливую стюардессу, старательно «докладывающую» информацию о полете. Иванов слушал ее вполуха, вглядываясь через иллюминатор в молочную пелену облаков, пронзаемых стремительным ТУ-104, стараясь разгадать причину столь неожиданного вызова в Москву. Так и не остановившись ни на одном из предположений, он откинул спинку кресла, устроился поудобнее, чтобы как следует отдохнуть за два с небольшим часа полета.

Нечасто выпадало ему свободное время, когда бы он мог вот так, вдруг, отрешиться от массы неотложных дел и побыть наедине с самим собой. Впрочем, он ни на секунду не забывал, что летит в столицу, а туда его никогда просто так не приглашали.

В приемной министра среднего машиностроения Е.П. Славского, которому было персонально поручено курировать строительство Новосибирского Академгородка, его уже ждали. Секретарша непроницаемым голосом произнесла:

— Товарищ министр вас ждет.

Иванов кивнул и открыл тяжелую дверь. Министр, встав навстречу посетителю, протянул руку для рукопожатия, жестом предложил садиться. Поинтересовавшись дорогой, погодой, самочувствием, справившись о делах на стройке, вдруг круто сменил тему разговора, придав голосу официальную строгость и даже торжественность:

— Николай Маркелович, вы, конечно, знаете о Постановлении партии и правительства о дальнейшем развитии науки и строительстве на востоке страны, в частности, под Новосибирском, мощного научного центра. Это должен быть настоящий город науки. И он уже строится. Стройка объявлена Всесоюзной ударной комсомольской. Но темпы нас не устраивают. Как вы смотрите на предложение возглавить стройку? Скажу сразу — задачу предстоит решить наисложнейшую, но дело не только грандиозное, но и захватывающе-интересное…

Министр, рассказывая о чудо-стройке, которая пока поражала лишь громадьем планов и замыслов, испытующе смотрел в спокойные и в то же время жестко-колючие глаза Иванова. Предложение не застало врасплох генерала. Он был не просто строителем и военным, но прежде всего — человеком долга. Качество во все времена — штучное. Подобные предложения он воспринимал как приказ, который, не обсуждая, надо просто выполнять. Его часто направляли туда, где складывалась, казалось бы, безвыходная ситуация, где требовались решительные и неординарные действия, колоссальные организа-

торские способности и, откровенно говоря, нечеловеческая работоспособность…

Много лет спустя, когда уже можно было хотя бы упоминать о некоторых стройках, которые вел генерал Иванов, тем более рассказывать о строительстве Академгородка, кто-то из восторженных журналистов сравнил его с маршалом Жуковым, сокрушавшим врага там, где другие полководцы ломались под натиском противника. Николай Маркелович, человек немногословный, внешне суровый, но щепетильно скромный, прочитав такое, досадливо поморщился и произнес:

—Негоже всуе поминать великих.

Впрочем, по большому счету, журналист был прав. Два этих истинно русских человека были похожи.

Николай Маркелович привык к переездам и был легок на подъем. А семья? Что ж, семья понимала: такая у него работа. Со своей будущей женой Сашей Николай познакомился в Саратовском автодорожном институте. Закончив его, молодые специалисты и молодожены получили направление в Оренбург. Строили мосты, дороги. Собственно, это сугубо мирное дело было для Иванова главным и в военное время.

После войны он продолжал строить, а жена воспитывала детей. Семья жила стройкой, и неудивительно, что сын и дочь тоже стали строителями. Томск и Днепродзержинск, Златоуст и Боготол, Касли и Челябинск… В этих городах Н. М. Иванов работал, а дети росли, переводились из школы в школу…

Давно уже Академгородок живет самостоятельной жизнью. В городе науки сосредоточены десятки институтов и учреждений; здесь, в общем-то адаптировавшись к крутым рыночным реформам, трудятся сотни ученых, и ныне составляющих гордость отечественной науки, постигают тайны неизведанного тысячи их учеников, сюда по-прежнему приезжают ученые на всемирные и всероссийские конференции и симпозиумы…

Конечно, Н. М. Иванов прибыл в Сибирь не на пустое место. После того, как на опушке леса, недалеко от просеки, появился в 1958 году первый бревенчатый домик, хозяином которого стал академик М. А. Лаврентьев, вокруг него выросли с десяток щитовых домов и несколько небольших кирпичных зданий. Однако вот как описал ход строительства институтов и городка Сибирского отделения Академии наук СССР в своей книге «Записки строителя» Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, доктор технических наук профессор А. Н. Комаровский, он же заместитель министра по строительству, побывавший в сентябре 1958 года на строительстве Академгородка:

Знакомство оказалось не очень впечатляющим: работы шли только на одном научном объекте — Институте гидродинамики… Строительство крупного научного комплекса находилось в самом зачаточном состоянии…

Было ясно: нужно решительно и безоговорочно ломать сложившуюся привычную практику работ — ни шатко, ни валко. Но как?

Для быстрого разворота работ широким фронтом мы решили, — пишет далее А. Н. Комаровский, — *поручить возведение отдельных институтов и кварталов нашим крупным строительным организациям, расположенным в восточной части страны. Привлекли к этому почетному делу пять строительных управлений, возложив на них комплексную ответственность за проведение всех видов работ по соответствующим объектам до сдачи их в эксплуатацию. Разработали детальные организационно-технические мероприятия по каждому стройуправлению, составили графики работ, организовали социалистическое соревнование между управлениями с оценкой итогов и соответствующими формами стимулирования через министерство.*

Для координации действий этих управлений мы сохранили общее управление строительства — «Сибакадемстрой». Своим весьма небольшим штатом оно должно было обеспечивать строителей проектной документацией, решать вопросы привязки сооружений и коммуникаций на месте, организовывать снабжение местными строительными материалами и т. д.

Этот крупномасштабный опыт работы на одной большой строительной площадке ряда самостоятельных управлений, опирающихся на свои мощные производственные базы, с централизованной координацией их деятельности дал ощутимый эффект.

Да, эффект был. Но появился он не по мановению волшебной палочки. Иванов знал, какое наследство получал. Можно было, конечно, отказаться от такого «подарка» и начать все, как говорится, с чистого листа. И это было бы справедливо: зачем чужой грех на душу брать? Можно, конечно, и принять, поломавшись для вида, а при случае, если что-то не заладится, тыл прикрыт надежно…

Иванов над такой «философией» голову не ломал. Не теряя времени, он уже через несколько дней завершил дела в Челябинске и прибыл в новый коллектив — хоть еще и не сложившийся, но уже объединенный большой общей целью. Разумеется, на грандиозную сибирскую стройку люди стекались разные: кто карьеру сделать, кто длинный рубль ухватить. Но большинство,

как настоящие романтики и патриоты, гордились тем, что предстояло им возводить небывалый Город науки и были намерены навсегда связать с ним свою судьбу. Это касалось не только «простых» людей, но и ученых с мировыми именами.

Главным инженером строительства назначили к тому времени Абрама Моисеевича Вексмана, опытного профессионала с богатой практикой и поистине энциклопедическими знаниями. На его счету были стройки, каждая из которых является яркой страницей в летописи Новосибирска: «Сибсельмаш», Оловокомбинат, «Тяжстанкогидропресс», жилые дома индустриальной Кировки. Был он главным инженером 43-го треста, Управления строительства и промстройматериалов Новосибирского совнархоза. И, наконец, — главный инженер «Сибакадемстроя».

Вексман по праву считал себя ветераном-строителем. За долгие годы работы на стройках у него сложились свои взгляды, привычки, убеждения. И характер в уже не юношеском возрасте если и меняется, то с великим трудом. Многих руководителей повидал, со многими удавалось ладить. С последним отношения не складывались — тот пытался все вопросы решать сам, не доверял подчиненным. Но одной рукой два арбуза не удержать, и стройку лихорадило.

«Кого же нам послала Москва?» — с этой тревожной мыслью ехал встречать Абрам Моисеевич в марте 1960 года нового начальника, о котором слышал только, что крут и упрям человек.

И вот они встретились. Один плотный, по-крестьянски кряжистый, с типичным русским лицом и нахмуренными бровями, из-под которых внимательно и строго, изучая, смотрели колючие серые глаза. Другой интеллигентный, сухощавый, в модном демисезонном пальто, поправив очки, выдержал тяжелый взгляд.

— Будем знакомиться: Иванов Николай Маркелович. Расскажите о стройке. О людях — не надо. Придет время, сам познакомлюсь.

Необычная манера общения и сжатая, без излишеств и эмоций, речь прибывшего невольно заставили подтянуться, собраться с мыслями. Первое впечатление от встречи было противоречивым и даже тревожным. Главному инженеру в общем-то понравилась сдержанность нового начальника, говорившая о сильной, незаурядной личности. Правда, удивила реплика насчет персонала — неужели неинтересно, с кем предстоит работать? Однако, поразмыслив, пришел к выводу, что, пожалуй, прав новый начальник, не захотевший принимать готовую характеристику. Значит, не любит поспешности и опасается предвзятости в оценке окружающих. Это пришлось по душе Вексману, человеку деликатному и щепетильному в общении.

Иногда некоторые говорили, что он был слишком строг, даже груб,— писал потом в своих воспоминаниях о Н. М. Иванове Вексман. — *Это совершенно неверное, поверхностное суждение. Могу твердо сказать: он был требователен и принципиален, но в то же время исключительно ценил и берег людей. Н. М. Иванов, безусловно, — выдающийся начальник строительства.*

Первое, чем поразил новый руководитель, — тем, что он, несмотря на шаткое финансовое состояние стройки, сконцентрировал все силы подразделений не на штурм плана, ликвидацию задолженности, а на… устройство дорог. Это и ныне действующая прекрасная бетонка, соединяющая Новосибирск с Академгородком, и, главное, — внутриобъектные дороги.

— Без них мы не сдвинемся с места, — любил повторять на совещаниях и планерках Н. М. Иванов.

А началось приобщение, точнее — приучение прежде всего командного звена к чистоте и порядку на стройке настолько неординарным способом, что среди ветеранов-сибакадемстроевцев и сейчас об этом ходят легенды.

В один из весенних слякотных дней начальник строительства, после очередного такого разговора, встал из-за стола, накинул на плечи шинель и пригласил собравшихся пройтись по объектам. Надо было видеть эту картину: подтянутый, сосредоточенный генерал широко шагал по стройке, не обращая внимания на грязь, разлетавшуюся из-под его до блеска начищенных сапог. За ним, перескакивая через лужи, тщетно стараясь не замочить штиблеты, семенило менее высокое начальство.

Урок оказался настолько наглядным, что из него пришлось безотлагательно делать выводы.

Вообще прокладке дорог, коммуникаций, подготовке объекта к строительным работам Иванов придавал исключительно важное значение. Стройплощадку, где трудятся сибакадемстроевцы, по сей день отличает порядок и высокая культура производства работ.

Познакомившись с местоположением будущего Академгородка, Николай Маркелович, страстный любитель природы, горячо поддержал идею сохранить максимально больше леса, хотя прекрасно понимал, какие дополнительные трудности возникнут у строителей. Не случайно он всегда тщательно и придирчиво изучал каждый проект организации работ на объекте.

Чтобы не вырубать лишних деревьев при строительстве жилых домов и институтских корпусов, предусматривалась только «одноколейная» дорога, а для разворота машин отводилась специальная площадка. Более того, чтобы ненароком не покалечить бортом машины или стрелой крана какое-либо дерево, его тщательно обвязывали специальной «шубой».

Начальник строительства сразу и бесповоротно потребовал прокладку коммуникаций не откладывать на потом, а начинать строительство любого объекта именно с этой важной работы.

С высоты теории строительного дела — это азбука. Но и сейчас нередка такая картина на стройках города: дом готов к сдаче, новоселы готовятся к въезду в новую квартиру, а, оказывается, еще вода не подведена. И роет экскаватор траншеи, месят колесами грязь грузовики, доставляя на стройку трубы и материалы.

В «Сибакадемстрое» с этой порочной практикой повели решительную борьбу. И, как часто бывает в подобных случаях, стали рождаться светлые идеи,

заманчивые предложения. Специалисты, руководители подразделений все больше убеждались — любая ценная инициатива находит поддержку у начальника строительства.

Все в тех же целях сохранения чудесного соснового бора решили коммуникации прокладывать посреди котлованов будущих домов, соединяя их по наикратчайшей прямой. Стремительной черной стрелой на месте бывшей просеки пролег Морской проспект, который, продолжая проспект Науки, выходит через Бердское шоссе к Обскому морю. И не каждый житель Академгородка догадывается, что под его ногами в железобетонных тоннелях проложены трубы, провода, кабели — в любой момент те, кто следит за их состоянием, могут быстро устранить любую неполадку. И не надо перерывать землю, портить тротуары и дороги. Это тоже заслуга Н. М. Иванова.

Когда-то много говорили о бригадном методе труда, бригадном подряде, хозяйственном расчете. И это было закономерно, потому что возраставшие требования к результатам труда заставляли искать наиболее рациональные формы и методы работы. Начальник «Сибакадемстроя», приняв убыточную стройку, вплотную занялся экономической стороной дела. Он любил дисциплину и порядок и требовал этого от других. Н. М. Иванов воспитывал в своих подчиненных — руководителях подразделений — самостоятельность, инициативу. Под его началом по-военному решительно и настойчиво во всех звеньях строительного производства внедрялся хозрасчет. Строительно-монтажные управления переводились на самостоятельный баланс, у каждого из них открыты свои счета в банке, что давало возможность гибко регулировать взаимоотношения с заказчиками. Переведены на внутренний хозрасчет большинство бригад…

Сегодня об этом приходится говорить с удивлением и сожалением: если бы так работали по всей стране, то не потребовалась бы «нашенская» перестройка, приведшая к шоковой рыночной «революции», от которой мы все еще не можем прийти в себя. Впрочем, у истории нет сослагательного наклонения.

Уже через год после прихода к руководству Н. М. Иванова стройка уверенно становится на ноги. «Сибакадемстрой» один из первых в министерстве перешел на новые условия планирования и экономического стимулирования. Сибакадемстроевцы из года в год успешно справлялись с планом.

Разумеется, заслуга в этом была прежде всего большого коллектива строителей, Иванов же всегда скромно оценивал свою роль.

— Просто люди поверили в свои силы, — так считал он.

Однако начальник строительства понимал и другое: чтобы развить успех, строить так, как того требовало время, необходимо было иметь и постоянно развивать промышленную базу. И сибакадемовцы построили мощный домостроительный комбинат, базы строймеханизации, автомобильного транспорта, лесопилку, опытный ремонтно-механический завод, заводы железобетонных изделий…

Когда пришло время возводить еще один город науки — Сибирское отделение Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук — «Сибакадемстрой» имел за плечами огромный опыт, мощную базу стройиндустрии, и потому любые трудности — а их было хоть отбавляй (уникальные здания по индивидуальным проектам, сложный комплекс жилых домов, административных помещений), — преодолевались без суеты и спешки. И вновь на первое место выдвигалось строительство коммуникаций, дорог…

— *Н. М. Иванов ценил и берег людей,* — вспоминает главный инженер, первый заместитель начальника строительства, его соратник и друг.

Ни он, никто из руководителей подразделений не помнили случая, когда бы Н. М. Иванов, облеченный «верховной» властью, отменял их приказы, вмешивался в их действия. И даже если находилось лучшее решение проблемы, начальник строительства стремился сделать так, чтобы оно исходило от самого подчиненного.

Талантливый инженер, Н. М. Иванов питал особую симпатию к людям творческого склада характера, пытливого, ищущего ума. Во многом именно поэтому начальника строительства и главного инженера связывали тесные дружеские отношения. В министерстве часто шутили: «Это наша лучшая пара». Совместно они провели в жизнь немало новых рациональных конструктивных решений и эффективных методов работы.

Стало уже привычным, что самые сложные и уникальные здания в городе поручалось возводить «Сибакадемстрою». Кинотеатры «Аврора» и имени Маяковского, научно-техническая библиотека и Дом политпросвещения, комплексы зданий СО ВАСХНИЛ и отделения Академии медицинских наук, типография «Советская Сибирь», областная клиническая больница, кварталы жилых домов украшают Новосибирск.

А как порой доставались объекты «Сибакадемстрою», можно судить, к примеру, по такому случаю. В бытность совнархозов промышленным обкомом партии руководил Н. С. Сергеев, человек решительный и волевой. Но обстоятельства складывались так, что как раз промышленности-то в Новосибирске дальше развиваться стало практически невозможно — заводам и фабрикам попросту не хватало воды на технологические нужды. Для горожан мощностей изрядно износившегося старого водозабора еще хватало с грехом пополам, а промпредприятия страдали от «жажды». Так что строительство нового мощного водозабора рассматривалось, ни больше ни меньше, как вопрос жизни или смерти для огромного города. Во всяком случае, о важности столь неотложного и очень сложного объекта можно судить хотя бы по такому весьма типичному для того времени примеру.

Первоначально, как водится, стройка шла ни шатко, ни валко. Судя по всему, Сергеева тоже вызывала «на ковер» Москва. Вернувшись оттуда как следует «заряженный» в сопровождении замминистра Комаровского, а это означало, что теперь за ответственнейшее дело должен взяться «Сибакадемстрой», секретарь промышленного обкома партии, собрав совещание руководителей

подразделений Управления, заявил жестко: «Мне надоело мелькание строителей перед глазами. Теперь каждый, согласно своей должности, будет отвечать за ход стройки персонально».

— *Строительство такого водозабора, по сути — огромного завода по производству чистой воды, до миллиона кубометров в сутки, в сжатые сроки, было серьезным профессиональным экзаменом для многих из нас,* — вспоминает нынешний помощник начальника «Сибакадемстроя» Геннадий Петрович Шнитов, тогда совсем еще молодой строитель, назначенный начальником участка.— *Я помню, как секретарь обкома промышленности, указав на меня пальцем, заявил: «От этого человека я приму ключи от объекта.*

Скоропалительными подобные «кадровые» решения казались лишь на первый взгляд. Тот же Шнитов должен был вообще-то ехать строить одну из ракетных баз как представитель «Сибакадемстроя» и, конечно же, министерства так называемого среднего машиностроения, отвечающего, в частности, и за строительство объектов оборонного комплекса. И каждый работник здесь «процеживался» через многослойные фильтры многократно. Шнитов как раз ждал завершения работы соответствующих органов с его документами. Выходит, дождался — доверили не менее важную стройку, назначили начальником участка. Начальником СМУ, отвечающего за строительство водозабора, стал Г. Д. Лыков, верный и лучший ученик Н. М. Иванова, принявший потом от него бразды правления «Сибакадемстроем», руководивший работами по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, за что тоже удостоен высшей награды Родины — звания Героя Социалистического Труда. Сегодня Геннадий Петрович Шнитов продолжает работать у Дмитрия Геннадьевича Лыкова, сына и продолжателя дел Геннадия Дмитриевича Лыкова, не только заслуженного строителя Российской Федерации, но и Почетного гражданина Новосибирска.

Но вернемся к строительству водозабора. Тогда это был один из важнейших объектов города, о чем большинство новосибирцев даже не догадывалось. Но легко сказать — построить водозабор! Это был целый комплекс сложных сооружений, к проектированию которого был привлечен лучший в то время институт «Сибгипротранс», ставший затем и генеральным проектировщиком мощнейших городских очистных сооружений.

Самым капризным объектом водозабора стали резервуары для чистой воды. Каждый из них на 10 тысяч кубометров. Проектировщики заложили решение: сделать их из монолитного железобетона. Главный инженер прекрасно понимал, насколько технически трудновыполнима задача. А что если применить сборный железобетон? Из блоков собрать конструкцию, а стыки замонолитить так называемым напрягаемым бетоном? А. М. Вексман поделился мыслями с начальником строительства. Н. М. Иванов быстро взвесил все «за» и «против».

— Отличная идея, будем делать именно так.

Подключив к работе ученых, сибакадемстроевцы сумели решить проблему. Уже первую емкость приняли с первого предъявления…

Водозабор работает и по сей день, подавая в город чистую питьевую воду.

А вот как вспоминают ветераны «Сибакадемстроя» историю сооружения и поныне крупнейшего предприятия своей отрасли — Чикской птицефабрики. Это было время, когда по решению партии и правительства вокруг крупных городов, в том числе и Новосибирска, силами местных строителей следовало возводить предприятия, упрощенно говоря, продовольственного направления, чтобы обеспечивать горожан продуктами питания. В частности, рядом с Новосибирском предусматривалось строительство ряда птицекомбинатов и фабрик. Одним из таких стратегически важных объектов должна была стать и Чикская птицефабрика.

Но стройка находилась далековато от обкома партии, а потому все никак не могла приподняться над еще только закладываемыми фундаментами административных зданий. И на заседаниях обкома незадачливых руководителей сверхважного объекта песочили со всем партийным жаром. Иванов, присутствовавший на таких «проработках» и жалеющий о бездарно растрачиваемом времени, как-то не выдержал и бросил «реплику из зала»:

— Да сколько же можно и себя, и людей мучить! Если бы мы так строили, то уже давно бы от стыда и позора сквозь землю провалились!

Тогдашний первый секретарь Новосибирского обкома партии Ф. С. Горячев, друг и соратник «дарагова Леонида Ильича», прозванный в народе за своеобразную манеру общения и любовь говорить «по-простому» дедом Федором, живо прореагировал на горячий монолог начальника «Сибакадемстроя»:

— А что, товарищи коммунисты, поступило предложение — поручить строительство Чикской птицефабрики «Сибакадемстрою». Я думаю, надо поддержать это предложение.

Иванов только крякнул от такого поворота дел, но отступать он не умел.

И через два года, в 1970-м, была введена в строй первая очередь Чикской птицефабрики на 100 тысяч кур-несушек. А всего мощность ее планировалась на миллион голов, и сибакадемстроевцы наращивали темпы работ здесь год от года. В 1972 году фабрика уже перешагнула 400 тысячный рубеж…

Но, конечно, главной стройкой по-прежнему оставался Академгородок. Построить научное учреждение — дело исключительно сложное. Математикам нужно свое здание, у биологов другие требования, физикам подойдет только то, химикам — только это…

Когда возводили Институт ядерной физики, перед строителями поставили задачу: стены и перекрытия корпуса реакторов должны быть не менее полутораметровой толщины из монолитного бетона. Но как такое перекрытие изготовить? Не проще ли собрать его из сборных, предварительно напряженных балок? С таким предложением пришел к начальнику строительства инженер А. Е. Требесов. И вновь выход на науку, быстро и четко организовано производство. Смелая идея помогла сэкономить немало государственных средств и, главное, сократить время строительства института.

Н. М. Иванов с отеческой заботой относился к молодым специалистам. Как никто другой он умел заметить в них ценные качества и старался их развить. Под его строгим, но заботливым вниманием выросли из мастеров, прорабов, начальников СМУ его ученики: прежде всего — упоминавшийся уже начальник строительства Г. Д. Лыков, главный инженер «Сибакадемстроя» В. И. Абраменко, заместитель начальника И. П. Зеленский. Бывший начальник СМУ-2 Г. М. Середа — в дальнейшем начальник строительства атомной электростанции в Литве. На Ленинградской АЭС работал главным инженером Б. П. Сухалов… Список можно продолжать и продолжать.

Суров и груб. Что ж, кое-кто помнит Н. М. Иванова и таким. Он терпеть не мог двуличия, обмана. Стройка есть стройка. Здесь плотно, в клубок, связаны интересы десятков, сотен людей. И не всегда их взаимоотношения идеальны. Не хватает то одного, то другого, кто-то кого-то подводит. Недобросовестному, нераспорядительному руководителю в этой ситуации легко найти оправдание. У Н. М. Иванова такое, как правило, «не проходило». У него была привычка — рано утром, обычно в субботу, приезжать на стройку. В будничной одежде, в которой ходил всегда, подтянутый и строгий, он широко и твердо шагал, не обращая внимания на осеннюю слякоть или весеннюю распутицу, морозный пронзительный ветер. Поздоровавшись с бригадиром, коротко спросив о делах, начальник строительства один обходил весь объект — до самого верхнего этажа.

Тот, кто не знал об этих его «чудачествах» и пытался на планерках и совещаниях выкручиваться, изобличался на месте. Наказание следовало незамедлительно.

Подбору и расстановке кадров Н. М. Иванов уделял всегда особое внимание. И так уж повелось, что «Сибакадемстрой» стал кузницей кадров не только для своих строек. С особым старанием и любовью, под личным контролем самого начальника строительства возводился прекрасный комплекс ГПТУ-55 на 600 учащихся. Здесь готовили будущих строителей самого широкого профиля, которых рады были принять любые строительные подразделения города и области, но они связывали свою судьбу прежде всего с «Сибакадемстроем». Воспитание коллектива — тонкий процесс. И в этом важнейшем деле начальник строительства постоянно опирался на партийную организацию. Не любитель громких речей, он, тем не менее, считал своим долгом выступить на партийных и общих собраниях по важнейшим, принципиальным вопросам.

Умение выбрать главное, сосредоточить внимание на узловых проблемах — этой непростой науке, открывающейся с годами, Иванов учил своих подчиненных. Большое внимание уделял подготовке партийных собраний.

— Помню, Николай Маркелович попросил у меня доклад, — рассказывал секретарь парткома Б. С. Кочетов. — Мне, вчерашнему комсоргу, связанному и по возрасту, и по интересам с молодежью, умеющему находить с молодыми строителями общий язык, потому что сам вырос из их среды, не имею-

щему опыта партийной работы, было очень важно мнение ветерана партии, руководителя коллектива.

На следующий день вечером Н. М. Иванов пригласил к себе нового секретаря парткома.

—Доклад мне понравился, — неторопливо сказал начальник строительства, — есть и задор, и энергия. Но вот критикуешь ты рядовых. А руководство обидеть боишься? Запомни: бой не солдаты проигрывают, а командиры. Так что с них спрос особый.

Этот разговор запомнился Б. С. Кочетову навсегда. А собрание получилось. Горячее, деловое, принципиальное. После этого парторг частенько заходил к начальнику строительства.

Суровость и строгость Н. М. Иванова — это лишь внешняя оболочка, за которой открывалась добрая и широкая натура, порой удивительно нежная, чуткая. Он очень любил детей. После ранения на фронте, получив отпуск, прибыл из Белоруссии домой, по дороге подобрав у разрушенного дома куклу, пробитую осколком. «Подлечив», он вручил драгоценный подарок своей трехлетней Людмилке. Через много-много лет эта фронтовая кукла перейдет в наследство Анютке — внучке Н. М. Иванова.

Всего себя отдавая работе, часто забывая об отдыхе, Н. М. Иванов особенно ценил редкие поездки на Обское море, на зимнюю рыбалку. Обычно его сопровождал А. М. Вексман. Их лунки всегда находились рядом. Порой тот замечал, что у напарника отложена в сторону удочка и он сидит, мечтательно вглядываясь вдаль.

—Ты посмотри, Абрам Моисеевич, красота-то кругом какая!

В такие минуты он вспоминал свое детство, войну. С юмором рассказывал, как однажды с саперами пошел на реку ловить рыбу и оказался под сильнейшим обстрелом, и как, чудом оставшись целыми и невредимыми, они сварили-таки уху. И какой же сладкой и ароматной она им тогда показалась!

А вообще-то о войне Н. М. Иванов рассказывать не любил. На фронт ушел в 1941 году, в саперных войсках прошел всю войну. За боевые заслуги Н. М. Иванова наградили тремя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Родился Н. М. Иванов в рабочей семье. Отец его, Маркел Васильевич, был столяром-краснодеревщиком. Мать, Марфа Тимофеевна, вела домашнее

хозяйство. Вместе с отцом они били врага на фронтах Великой Отечественной. В 1942 году сына тяжело ранили, отец — погиб. Судьба — как у многих — суровая и честная…

Мне рисуется учреждение, которое я назвал бы «Городом науки», — это ряд храмов, где каждый ученый является жрецом… Это ряд прекрасно обставленных технических лабораторий, клиник, библиотек и музеев, где изо дня в день зоркие бесстрашные глаза ученого заглядывают во тьму грозных тайн, окружающих нашу планету. Это — кузницы и мастерские, где люди точного знания… куют, гранят весь опыт мира, превращая его в рабочие гипотезы, в орудия для дальнейших поисков истины.

И такой Город науки есть. Город, слава о котором разнеслась по всему миру. Возглавил его строительство Николай Маркелович Иванов, удостоенный за это звания Героя Социалистического Труда и высшей награды Родины — ордена Ленина.

Когда вдруг перестало биться сердце этого неутомимого человека, в последний путь его вышел проводить весь Академгородок. И самую светлую улицу городка назвали в честь него — главного строителя — улицей Иванова.

Аркадий АНТОНОВ

Директор на новые времена

Об ЭЛСИБе идет добрая слава. Дескать, удалось заводу, стоявшему, как и все другие предприятия в переходный период, на распутье, выбрать верное направление, преодолеть кризис, начать работать по-новому. И что все дело в генеральном директоре, Николае Алексеевиче Канискине: нашелся человек, который рискнул пойти на кардинальные изменения порядков на заводе, взяв за основу качество продукции, а не пресловутые валовые показатели, перестроив всю систему управления предприятием, — и вот теперь и люди трудятся в человеческих условиях, и зарплату не задерживают…

И все это правда. И можно еще многое добавить к этому. Например, что каждый третий киловатт энергии в России и странах СНГ вырабатывается генераторами, изготовленными на ЭЛСИБе, что его продукцию знают более чем в 50 странах мира и что продукция эта — в основном новых серий и по своему качеству соответствует требованиям международных стандартов, о чем

свидетельствуют полученные сертификаты. Можно еще добавить, что и в экономии энергоресурсов на ЭЛСИБе достигли мировых стандартов, а в цехах, между тем, сделали полы с подогревом и рабочие теперь меньше болеют; что удалось сохранить для завода профилакторий и базы отдыха в Боровом и Завьялове и наладить помощь заводским ветеранам; что возрождается наука и произошло объединение с научно-исследовательским электротехническим институтом; что построен инженерно-лабораторный корпус по последнему слову техники, где работают сотни компьютеров, обеспечивая информацией систему управления. И все это — в кризисных условиях…

Даже о праздниках здесь не забыли, отметили свое 50-летие (основан завод в 1950 году — тоже нелегком для страны, и в министерском приказе назывался заводом турбогенераторов и крупных машин, а народом сразу окрещен «Турбинкой»), теперь готовятся отметить 50-летие выпуска первой электрической машины… А если не забывают о своих истоках, значит и дальнейшая жизнь обещает быть полнокровной…

Так вот, готовясь к полувековому юбилею, собрали интересный материал о десяти директорах, которые руководили предприятием в разные периоды. Каждый из них оставил на заводе добрый след: кто строил цеха, кто налаживал производство, кто ставил на ноги заводскую науку… Каждый был на своем месте *в свое время*. Николай Алексеевич Канискин тоже человек своего времени — *нового времени*. По-современному образованный — кроме диплома родного НЭТИ, получил диплом Боннского института менеджмента, прошел обучение в США, Финляндии, Швеции. Энергичный, деятельный — его хватает, помимо заводских проблем, на общественные дела: в международном клубе директоров, в межрегиональной ассоциации руководителей предприятий, в экономических советах различного уровня. Прагматичный — сто раз отмерит, любую свою идею просчитает, выверит, подкрепит новейшими научными разработками, которых, слава Богу, хватает — Академгородок рядом. Недавно с помощью ученых на заводе внедрили лазерную установку для резки металла — производительность такая, что окупятся все затраты. Теперь загорелся директор ветряными электростанциями (насмотрелся на них в Европе, где они популярны благодаря своей дешевизне и экологичности) — завод вполне мог бы делать для них генераторы малой мощности… Николай Алексеевич и сам занимается наукой: скоро выйдет в свет его монография об управлении крупным предприятием в кризисных условиях. Он написал ее вместе с учеными-экономистами К. Т. Джурабаевым и М. В. Лычагиным, стремясь поделиться своим опытом, чтобы сегодняшним управленцам, директорам, организаторам производства было хоть немного легче, чтоб они не набивали шишки там, где набивал он в начале своего пути… Он — лидер, привык быть впереди хоть на шаг. Как сказали бы раньше, человек новой формации.

Из русской классической литературы нам известны энергичные прагматики-герои, пытавшиеся поставить ленивую барскую да темную крестьянс-

кую страну на рельсы индустрии. Но получалось у них только вишневый сад вырубить или народ к революции толкнуть… Может, потому что пришлые они были или затевали дела *не в свое время.*

А Николай Алексеевич вырос на этом заводе, среди этих людей, ему ли не знать их чаяния? Да для него здесь и стены живые! Поэтому и не позволил себе остаться в стороне, когда наступили нелегкие времена…

Впрочем, у него тоже свой «вишневый сад» был — тополиная аллея.

Вернулся как-то на завод после очередной поездки в чистенькую, ухоженную Германию, глянул: что ж такое?! Ветки обломаны, мусор, пыль под старыми деревьями, пух от них летит, люди чихают, глаза слезятся… Короче, подвел вс□ под цели благоустройства заводской территории, и тополя спилили. Многие роптали тогда, и у него не раз и не два сердце дрогнуло — он любит все живое, природное. Но не отступил. Эти запущенные деревья были как символ уходящих старых порядков. Хотелось, чтобы вместо захламленности, затененности, неухоженности люди увидели простор и солнце, едва ступив после проходной на территорию завода. Так здесь и стало: распахнутость улицы, зеленые лужайки, многоцветье клумб. Залитый солнцем и теплом мир рождает радость: у людей появляется бодрость, расправляются плечи… «А ведь так веселей», — говорят теперь многие из тех, кто недавно осуждал вырубку.

Он родился в 45-м, уже после войны, вырос в центре, за Оперным, — старожилы Новосибирска знают, что это была Каменка — район бедности и неблагополучия, отгороженный от парадного Красного проспекта махиной только что открывшегося чудо-театра. Но Николай Алексеевич считает, что по сравнению со сверстниками у него благополучное детство: отец, мать, старшая сестра… А сколько вокруг было послевоенного сиротства! Как и многие горожане в те годы, семья Канискиных умудрялась вести какое-то подсобное хозяйство, даже держали кабанчика. Но жили в чужом доме, своего родители так и не нажили, — может, отсюда и давняя мечта Николая Алексеевича: построить дом своими руками — и наконец она сбылась, только теперь!

Истоки нынешнего своего лидерства он тоже различает еще в том детстве: был вроде не буйным, но за себя постоять мог, и хоть ростом уступал многим, а всегда верховодил в компании пацанов (вытянулся вверх уже позже и, наверное, по той же причине: чтобы быть первым, а не предпоследним в строю). Да что там мальчишеские дела! Он и потом в любом деле добивался первенства! И сам не помнит точно, сколько раз побеждал в соцсоревновании, на конкурсах молодых станочников — заводских, районных, городских, зональных, всесоюзных, пока не завоевал звания «Лучший токарь зоны Урала и Сибири»! Через тридцать лет он получит диплом «Лучший менеджер России»…

Рано проявилась и другая, очень важная, черта характера: умение принимать самостоятельные решения. Сама жизнь подталкивала к этому. Ему было пятнадцать, когда умер отец, мать уехала в деревню, а он остался на попечении старшей сестры, у которой уже была своя семья. Вот тогда он и решил, что

нахлебничать не станет, пойдет работать, а школа… ну, школу можно ведь и вечернюю закончить…

У Николая Алексеевича Канискина классический путь роста на родном заводе: от токаря до генерального директора. Но «Турбинка» была чуть позже, а сначала взяли его учеником токаря в ремонтно-механический цех ЗЖБИ, благо, токарное дело он мало-мальски знал: изучал в школе, на уроках по производственному обучению. Вот удивительно! Тысячи и тысячи школьников проходили это самое производственное обучение, да мало кому от него польза. А вот Николаю Канискину оно не только пригодилось, но и решило судьбу, вывело в люди.

Это и неплохо, что он сразу попал в ремонтный цех. Ему не приходилось изо дня в день точить «на потоке» одну и ту же деталь, здесь работа была разнообразная, а он был ученик толковый, шустрый, глазастый, «с руками». Через несколько лет Николая Канискина будут величать в прессе: «Мастер — золотые руки». А пока поощрением было то, что из учеников перевели в токари, присвоили разряд…

Через четыре года токарем четвертого разряда Николай Канискин начал свою карьеру на «Сибэлектротяжмаше» (так тогда называли сегодняшний ЭЛСИБ). Попал на опытное производство, считал уже себя мастером, а тут вышел конфуз с первым же рабочим заданием. Ему выдали на обработку деталь из нержавейки — с этим материалом молодой токарь дела еще не имел и потому деталь обрабатывал долго. «Э-э, — сказал мастер, — так не пойдет. Какой же это четвертый разряд, если вовремя не справился?». Другой бы сдрейфил, смолчал, а Николай Канискин, когда обида схлынула, сумел объяснить, почему все так получилось. Разряд оставили. А потом только повышали. А потом только поощряли… А как же! Парень завоевал всесоюзную славу!

Когда эта слава пришла, то есть дальше профессионально расти стало уже некуда: один из лучших станочников страны! — Николай Канискин задумался: куда теперь дальше? Не топтаться же на одном месте! Да, было в его жизни тогда еще одно дело, связанное с борьбой, состязанием, победами: мотоспорт. Кто в Новосибирске не знает эти крутые обрывы на берегу Оби, где отчаянные ребята носятся вниз-вверх в клубах газа и пыли на таких же, как и сами, отчаянных мотоциклах?! Николай Канискин — среди них. Риск любил, сильную, послушную машину любил, уважал тренера, крепил дух и мышцы… Но и этого было мало. И он пошел в вечернюю школу.

Сейчас, когда со своей командой задумал и осуществил благоустройство цехов с подогревом полов (чтоб люди не мерзли на рабочих местах) и другие мероприятия обширной программы «Человек», не говорят ли в нем воспоминания о не таких уж и далеких 60-х годах? От Башни, где жил тогда у сестры, добираться на завод приходилось на крыше трамвая под дугой или на «колбасе»… Это в сибирскую-то стужу, на Левобережье, с его ветрами! А со второй смены домой и вовсе пробивался не один километр по сугробам — все дороги перемело. Когда завел семью и поступил в НЭТИ на вечернее отделе-

ние, маршруты утроились: утром ребенка в садик на другой конец района, потом на завод, потом на лекции в институт — снова путь не близкий, и уж совсем к ночи, на перекладных, попутках и как Бог даст — домой, на только что построенный и еще не обжитый микрорайон. «Мне везло грязь месить на новостройках: сначала на Башне, когда сестре дали квартиру и мы все у нее поселились. Потом я приобрел первую свою отдельную квартиру на Затулинке — и опять: ни дорог, ни транспорта… только непролазная грязь, а зимой — снега…» Так строили, так сдавали жилье. Но люди вс□ выдерживали, потому что это было обычное дело, *по-другому не жили.*

Энергоемкая жизнь продолжается и теперь, да проблемы другие. Нынче эти проблемы поездкой на трамвайной «колбасе» не решишь. Нынче директору надо облететь порой полмира, чтоб найти инвестора, заказчика и значит гарантировать заводу жизнь, а людям — работу и достаток.

Может, потому что до многого в управленческих делах доходил своим умом (эх, была бы информация в те годы на должном уровне, не открывал бы америк! — ведь в других странах то, над чем он тут мозги ломал, давно известно), Николай Алексеевич умеет растолковать суть вещей другим. У него прямо дар пропагандиста и популяризатора передовых знаний. Сколько раз бывало: убеждают специалисты на собраниях аудиторию — нет, не доходят слова до людей, непонятно, о чем спецы толкуют. А Канискин встанет, расскажет — убежденно, точно, наглядно, да еще с графиками, диаграммами — это он особенно любит — как тут не понять!

Постепенно вызревала философия управления людьми, производством, приходила мудрость; теперь, глядя, как спешат, суетятся управленцы, он и свои ошибки вспоминает. — *Раньше и мне казалось: поскорее бы решать, действовать, что ж так медленно разворачиваемся… Нет, вс□ в свой черед. Надо посеять идею, люди должны принять ее, чтоб она вызрела в их головах, стала своей. Тогда и дело пойдет…* Верят ему не только его подчиненные, но и коллеги — директора других заводов, партнеры по бизнесу. А это труднее — завоевать их доверие. Что тут скажешь, лидер — он и есть лидер!

Но прежде всего — хозяин. В минуту откровения, вдруг загоревшись, находит особые слова о своем заводе: — *Я его чувствую, весь, целиком… Мне не обязательно даже по цехам ходить… Я знаю, что в эту минуту делает каждый человек на своем рабочем месте, прямо физически ощущаю усилия каждого… как эта энергия с разных концов завода идет в нужных направлениях, сливается в потоки, усиливается… Это осмысленное, выверенное действие людей — и в конце концов оно приводит к нужному результату…*

Нужный результат — это могучие турбогенераторы для всех видов электростанций России и зарубежья, это крупные электродвигатели для угольщиков, химиков, нефтяников — совсем новые модели. Нужный результат — это и электромашины, которым возвращена жизнь: на заводе их не только отремонтируют, но и модернизируют, увеличат их мощность… И что бы ни делали в этих цехах, в конструкторских отделах — это всегда высокого качества, высо-

чайшего. Отсюда выходят только добротные, надежные, экономичные машины да к тому же — недорогие, по меркам мировых цен. Иначе нельзя, иначе на рынке не удержишься, никто не станет покупать плохо скроенное, наспех слепленное… А надо не просто удержаться на рынке, надо расширять его, ведь электрогенераторы покупаются не каждый день, они служат в хороших руках четверть века, значит покупателей этой продукции не так уж и много в мире, и надо пробиваться туда, где еще вчера об ЭЛСИБе даже не слышали…

Кто сказал, что торговля дело легкое? А конкуренция, а риск?.. Когда начинали, не было никакого опыта, ни у одного человека на заводе… Маркетинг… Да такого слова вообще не знали десять лет назад, а кто и слышал — отторгал, как многие понятия из того «дикого, алчного капиталистического мира», где все эти слова рождаются, неся порок и загнивание: бизнес, сервис, маркетинг, менеджер… Как было раньше? Госплан спускал цифры плана выпуска продукции, снабжал фондами… И, надрывая пупы, на заводе этот план выполняли. А надо ли столько генераторов народному хозяйству и куда они потом деваются, кому распределяются, кто покупает их за границей — ни рабочих, ни руководителей это не интересовало. «Турбинка» жила одной заботой: любой ценой осилить государственное задание. Только недавно узнали: последний генератор со складов посредников ушел потребителю через десять лет после его выпуска. Морально устаревшая машина приступила наконец к работе, а ее уже списывать пора. Кто считал эти издержки, которые из года в год, изо дня в день несло государство, а выходит, и каждый из нас? Впрочем, подсчитала сама жизнь, подсчитала и выдала счет. Платить надо сполна, хватит, видно, и внукам…

Какие завалы готовой продукции были на общенародных складах, этого заводчане видеть не могли, а что творилось в собственных цехах, так страшно вспомнить. Разлад в стране сказался и на настрое людей, и на их отношении к делу. Кажется, не было ни одной вещи, лежащей на своем месте, любой пустяк приходилось искать среди всякого хлама (впрочем, этот «хлам» в виде неликвидных и неучтенных материалов, разобранный и использованный по назначению в производстве дал в трудные годы безденежья ощутимую экономию средств). Грязно, холодно, сквозняки в цехах… Заводу шел пятый десяток, уже требовалось кое-где и стены подновить, и крышу подлатать… Не верится, что все это было так недавно! Благоустройством занялись сразу, как только стало ясно, что, держась за старые порядки, в новых условиях не выжить. Уже стоял перед глазами пример многих заводов. Где нашли деньги на благоустройство, если и зарплату платить в те годы было нечем?

Вот тут и начинается философия бизнеса, о которой сейчас генеральный директор пишет научные труды, а тогда ее основы закладывались бессонными ночами, тяжелыми раздумьями и простыми расчетами, почти арифметическими: в основном вычитание, а умножения почти не было… Расчеты показывали: надо сократить вдвое коллектив завода, надо сократить производственные площади, надо сократить энергетические потери, составлявшие в

отдельные годы до 20 процентов от себестоимости продукции, непозволительное расточительство! Так родился план возрождения завода, его выживания в новых экономических условиях — сначала выживание, а потом и процветание! Это были не мечты, а дотошные исследования, Николай Алексеевич подошел к ним серьезно и прагматично, слишком велика ответственность, слишком жестко било время.

Этот план он вынес на суд заводского коллектива, когда впервые в истории предприятия люди выбирали себе директора. Нашлись и другие претенденты, но избрали Канискина, хотя, повторю, в его плане было очень много вычитания и очень мало умножения. Но люди поняли, что иначе нельзя, иначе не выжить. Шел 1988 год.

В 90-м коллектив взял завод в аренду. Придумали себе новое звучное имя, чтоб легко произносилось и запоминалось, даже иностранцами… это очень важно для успеха на рынке… Уже тогда думали о рынке и верили в успех.

Заказов не было, Госплан, еще требуя готовую продукцию, поспешил снять с себя снабженческие функции, производство оказалось «в свободном плавании», а кризис в стране углублялся и хаос нарастал… Реорганизовали команду управления, занялись предпринимательской деятельностью, сдали в аренду часть заводских площадей, на добытые средства приобретали новое оборудование, технически перевооружали производство. Через два года стало ясно окончательно, что аренда не спасет, надо акционировать завод.

Вот как об этом рассказывает заводская летопись:

Создание акционерного общества стало новой эпохой существования завода, особой страницей его биографии. Предприятие не только сменило статус и вывеску над проходной, но и встало на путь новых эффективных решений как самостоятельный субъект на свободном рынке. Благодаря своей известности, ему удалось удержать круг постоянных партнеров, сохранить квалифицированные кадры, технологию создания традиционной продукции, расширить номенклатуру изделий и услуг, стабилизироваться на внешнем рынке… Только гибкая политика управления держала его «на плаву». В самых невыгодных для завода условиях умелое руководство помогало найти тот главный рычаг, который позволял из любой кризисной ситуации выходить с наименьшими потерями.

Труднее всего оказалось сокращать людей. Из пяти тысяч осталось две с половиной. Увольняли самых нерадивых, пьяниц, прогульщиков, развращенных самой системой: вс□ им было «по фиг», они могли без дела слоняться по заводу, зная, что за несколько дней до конца месяца, года или за праздничные дни смогут «штурмовщиной» заработать больше, чем за месяц добросовестного труда.

Но уходили и настоящие рабочие и инженеры, на которых держался завод. Кто-то не поверил до конца, кого-то вынуждали это сделать жизненные обстоятельства. Николай Алексеевич с горечью вспоминает:

— Решать судьбу людей, с которыми столько лет проработали вместе, невыносимо тяжело. Но иначе не выжили бы, иначе потонули бы все. Надо сказать, что ушедшим тогда было легче найти себя в другом месте. Еще не было повальной безработицы, кто-то начинал (и вполне успешно) свое дело, кто-то уходил в кооператив… Уйди эти люди сейчас, им было бы гораздо труднее устроиться в жизни…

Но и те, кто остался, не жировали. Зарплату, правда, на заводе старались платить всегда, пусть и небольшую, иногда даже натуральными продуктами и вещами, ведь и в расчетах между предприятиями тогда процветал бартер. Работали много, отчаянно много. Но не на вчерашний день, когда любой ценой «добивали» госплан, не сделанный в течение года. Нет, теперь работали на будущее, терпя сегодняшние невзгоды, напряжение, риск. Николай Алексеевич говорит об этом как инженер-механик и как бывший мотогонщик:

— Завод работал как единый механизм… это напоминало усилие мышц: сократились, сжались, напряглись… и выдержали нагрузку… работа сделана… Мы выстояли.

Легче стало, когда нашелся в 1993 году богатый инвестор. Искали за рубежом, в России платежеспособных заказчиков не было, а нужны были «живые деньги»: закупать новое оборудование, восстанавливать связи с поставщиками сырья и комплектующих, платить налоги. Присматривались, выбирали самого надежного инвестора — были бедны, а потому особенно осмотрительны. Рисковали всем. Ошибись они тогда, подведи их инвестор, задержи платежи — и завод рухнул бы. Их тоже выбирали — они ведь не одни делают генераторы. Есть «Электросила» в Питере, есть в Харькове крупный завод, выпускающий оборудование для электростанций. Не говоря уж о мировых гигантах, вроде «Дженерал электрик»! Вот кто был их конкурентом на мировом рынке, куда ЭЛСИБ пробивался.

Инвестор нашелся в Гонконге, фирма «Ингловай», реконструировавшая электростанции в Китае. Условия были жесткие: кроме серийных турбогенераторов надо поставить шесть генераторов ТВМ-160 совершенно новой конструкции, им и аналогов нет в мире. Первая поставка — через год и девять месяцев после заключения контракта! Решающий момент в биографии не только директора завода, но и всего коллектива. Взяться и не выполнить — крах! А

как выполнить, если на разработку такой машины по самым строгим старым нормам требовалось не менее десяти лет.

И опять общезаводские собрания, и опять сомнения, убеждения, расчеты, графики, диаграммы… Перепроверяли каждую цифру, каждое технологическое звено… Расчеты показывали, что при неимоверном напряжении сил, при строжайшем выполнении графиков на всех этапах работы можно все-таки уложиться в сроки. Пан или пропал…

Помогло, наверное, и то, что у людей был уже иной настрой, не такой как в конце 80-х, когда сидели, как у разбитого корыта, и впереди виделась лишь безысходность… Теперь, когда завод стал акционерным обществом и каждый работающий выкупил часть акций, отчисляя деньги из скудных заработков, люди почувствовали себя немного увереннее, забрезжила надежда на завтрашний день… И еще одна важная вещь, назовем ее перестройкой сознания. Люди постепенно переставали ждать судьбоносных решений сверху, учились брать ответственность на свои плечи, идти на риск… Каждый должен был тогда решить для себя: сумеет ли, выдержит ли? Потому что от каждого не на словах, а на деле зависела судьба этого заказа. Это был момент истины для завода, его рабочих, его руководителей.

Заказ выполнили в срок, и это помогло ЭЛСИБу встать на ноги. Завод получил сертификат «Лидер российской экономики». А генеральный директор, ставший кавалером Ордена Почета? Почивает на лаврах? Ходит в героях? Не те времена! Единственно, что он позволил себе, это отказаться от тактических решений, переключившись в основном на важнейшие стратегические вопросы: как развивать производство, в каком направлении идти, с кем торговать завтра, кого брать в партнеры… А тактические вопросы решает крепко сколоченная команда: корпус директоров (по производству, по науке, по экономике), молодые толковые менеджеры. После перестройки всей системы управления, сокращения многих традиционных управленческих звеньев, вроде начальников цехов, начальников отделов, быстрее доходят распоряжения сверху вниз, оперативнее идет наверх информация о положении дел… Связи устанавливаются теперь мгновенно, при полной-то компьютеризации: руководителю не надо бегать по цехам, складам, отделам… Взглянул на экран — вся картина завода налицо, любой производственный уголок, любая технологическая операция, любой жизненный цикл продукции. Вот и облегчение, вот и экономия времени, вот и контроль…

До полного благополучия далеко, а успокоенности не будет никогда: рынок этого не допустит. Всегда будет болеть голова у генерального директора о качестве продукции, ее обновлении, об этой так трудно достижимой конкурентоспособности, от которой на рынке никуда не деться и которая есть благо, потому что заставляет думать, искать, делать, заставляет заглянуть в будущее…

Замечает ли генеральный директор, что у рабочих завода хорошие лица? В них нет угрюмости, загнанности, агрессии, что нередко увидишь на

лицах новосибирцев. Да, на ЭЛСИБе много и напряженно работают, да, зарплаты, несмотря на все повышающие коэффициенты (разработана целая система поощрений, добавок за качество продукции, за предпринимательскую инициативу, за рацпредложения), все-таки ниже, чем хотелось бы. Да, много риска, неопределенности с будущими заказами, но люди чувствуют себя благополучнее, сплоченнее, вот откуда на их лицах дружелюбие, достоинство, свет. Думаю, такой директор замечает все. И это придает ему силы, иначе откуда бы взяться столько энергии, чтобы все успеть.

— Уже легче, уже могу завод на своих директоров оставить. Нынче даже в отпуске побывал. Свозил дочку в Европу, проехались на машине по старинным городкам Германии, Бельгии… До чего же красота!.. Жизнь в другом измерении… ничего, у нас тоже когда-то наладится…

У старых корпусов из красного кирпича красуются кусты золотого шара, подвязанные в снопы, чтоб не разметало от непогоды. Лето кончается, раз цветет золотой шар. А на главной заводской улице, залитой солнцем, широкой, просторной и как-то не по-нашенски чистой, зеленеют свежескошенные газоны, пестреют клумбы — здесь как будто задержалось лето. И хорошо. И подержись еще, благостное тепло, и свети людям, солнце! Они того заслужили, преодолевая невзгоды, учась жить, работать, думать по-новому.

Надежда СИНИЧЕНКО

Красный директор

Биография Виктора Васильевича Козлова необычна с самого начала. Отец его Василий Козлов — русский военнопленный, попавший в работники к богатому немецкому бюргеру, мать — немка, гувернантка детей бюргера. В начале был, как водится, трогательный роман, потом родился ребеночек. Произошло это в Веймарской Германии в 1919 году.

Дальнейшую судьбу молодой семьи определила свершившаяся в ту пору германская революция. Русские военнопленные двинулись колонной в порт, чтобы загрузиться на корабль для отправки в Россию. В праздничном шествии репатриантов, распевавших революционные песни, не хватало нужного символа — красного флага. В лавках тоже не оказалось красной материи. А младой отпрыск семьи Козловых, которому едва исполнился год, был одет в костюмчик красного

цвета. И вот мальчика из рук в руки передали в голову колонны, и он до самого порта и погрузки на пароход исполнял роль красного флага для истосковавшихся по Родине людей. Символическое начало!..

После возвращения в Советскую Россию Василий Козлов работал в охране Минфина, оттуда его направили в органы ВЧК-ОГПУ, где он занимался строительными работами. Под его руководством построено много примечательных зданий в Новосибирске, Омске, Воронеже. Семья часто переезжала из города в город, пока, наконец, не обосновалась в Новосибирске в 1939 году.

Что касается Виктора, то он закончил десятилетку в Омске и собирался поступать в политехнический институт, но обком комсомола направил его как активного комсомольца и хорошего спортсмена в Московское авиационное училище. Позже Виктор Васильевич с гордостью вспоминал, что за годы учебы как правофланговый участвовал в четырех военных и одном физкультурном парадах, неоднократно видел на трибуне Мавзолея Сталина и других членов Политбюро, стоял в почетном карауле у гроба Полины Осипенко…

В 1939 году он закончил училище и в качестве штурмана получил назначение в 51-й авиаполк авиации дальнего действия (АДД), базирующейся в Курске. Там его и застала Великая Отечественная.

Несмотря на первые потери, полк производил запланированные вылеты, бомбил танковые колонны гитлеровцев на автостраде Минск — Москва. А осенью Виктора Козлова вызвали в штаб и вручили предписание о командировке в глубокий тыл — в штаб Приволжского военного округа, который находился в городе Куйбышеве (ныне — Самара). Кто-то из начальства посчитал, что человек, родившийся в Германии и имеющий мать-немку, не может участвовать в боевых действиях против гитлеровской Германии…

Из Куйбышева Козлова направили в Ульяновск, в строительную колонну, состоявшую из таких же, как он, «неблагонадежных». Копали противотанковый ров на подступах к городу. Козлова назначили командиром взвода. Он должен был следить за дисциплиной и выполнением нормы выработки и принимать жесткие меры к нарушителям. Виктор Васильевич очень не любит вспоминать об этом периоде своей жизни.

Он писал Сталину, затем Маленкову с просьбой направить его на фронт. Через три месяца Козлова перевели для прохождения службы на авиабазе в городе Энгельсе. Но упрямый штурман продолжал забрасывать ЦК

ВКП (б) просьбами откомандировать его на фронт. Он недоумевал — почему ему, коммунисту, не доверяют воевать?

В конце концов настойчивость Козлова возымела действие: его направили в дальнеразведывательный авиаполк на должность заместителя штурмана полка. Командир полка, боевой летчик, имеющий несколько орденов, полковник Шеретюк сказал: «Не важно, где ты родился, где крестился, и что мать у тебя немка. Главное — служи хорошо, обеспечивай боевую работу полка…»

И Козлов служил, обеспечивал, иногда и сам летал под Варшаву, Кенигсберг, Бреслау. Получил звание капитана, был награжден орденом Отечественной войны, представлялся к другим наградам и званию майора, но неизменно в штабе армии или фронта находились бдительные служаки и вычеркивали его из списков все по той же причине — «не там родился».

В начале 1945 года капитана Козлова направили на преподавательскую работу в Ташкентское летное училище — готовить штурманов. Однако в конце года многие училища расформировали в связи с сокращением вооруженных сил. Среди офицеров проводили аттестацию на предмет зачисления в резерв. Капитан Козлов аттестован как высокопрофессиональный офицер, никаких недостатков не отмечалось, но в конце аттестации содержалась приписка: «По происхождению подлежит увольнению из армии».

Козлов попросил перевода в Сибирский военный округ, желательно в Новосибирск, где находились его родители. Его назначили штурманом в Толмачевский учебный полк, в резерв. Он рад был и этому, но в марте 1946 года вышло окончательное решение — уволить капитана Козлова на общих основаниях по сокращению армии.

Жаловаться было уже некуда. Военная карьера, которой он отдал десять лет жизни, закончилась. Так Виктор Козлов оказался на гражданке.

Окончательно судьба его определилась в декабре 1950 года, когда его приняли на работу в итээровской должности на Новосибирский электровакуумный завод (НЭВЗ). О специфике работы он имел самое общее представление, о карьере на этом поприще не думал и вообще был лишен амбиций. Поэтому если бы ему сказали, что через 13 лет он станет директором этого предприятия, он покрутил бы пальцем у виска — дескать, ври, да не завирайся.

Приметив организаторские способности бывшего штурмана, его назначили начальником производства ОКБМ — особого конструкторского бюро машиностроения, где разрабатывались различные установки, станки, измерительные приборы и многое другое оборудование, в том числе для производства электропромышленных приборов, изготовления тугоплавких металлов, керамики, особого сверхпрочного стекла, идущего для изготовления электровакуумных приборов.

Козлову поручили курировать работу двух цехов — радиотехнического и машиностроительного. Кроме основной работы, приходилось еще осваивать нюансы заводской жизни.

С большой теплотой и искренней благодарностью В. В. Козлов вспоминает совместную работу с главным инженером ОКБМ В. Е. Клейзером, который еще до войны трудился на прославленном ленинградском заводе «Светлана», досконально знал технологию производства и конструктивные особенности не только самих приборов, но и всего оборудования. Клейзер многому научил Козлова, передал знания и опыт. Именно ему Козлов обязан своим становлением на заводе как инженер и руководитель-общественник.

Вскоре Козлова избирают секретарем партийной организации ОКБМ, затем председателем завкома, выдвигают в члены ЦК профсоюза работников радиоэлектронной промышленности СССР. В этой должности Виктор Васильевич проработал три года, затем вернулся к производственной деятельности — возглавил самый большой и ответственный заготовительно-сборочный цех □ 2 по производству сверхвысокочастотных приборов (СВЧ). Цех работал исключительно на «оборонку», руководство им забирало массу энергии и времени. В это же время В. В. Козлов, чувствуя необходимость пополнить свой экономический багаж, поступает на заочно-вечернее отделение Московского финансово-экономического института.

В сорок один год Виктор Васильевич с отличием заканчивает институт и получает диплом экономиста промышленного профиля. Вскоре его назначают начальником ОКБМ.

В марте 1963 года — неожиданный вызов в обком партии и предложение занять должность директора завода радиодеталей («п/я 66»). Прежнего директора и ряд других руководителей сняли с работы за развал предприятия — завод систематически не выполнял план, работники не получали премий, все это вызывало недовольство коллектива.

Оказавшись в роли первого руководителя, новый директор энергично взялся за устранение недостатков. Прежде всего, необходимо было как можно быстрее выйти на выполнение плана, навести порядок в финансовых делах завода. Но конкретную свою деятельность на заводе Козлов начал с наведения элементарного порядка в цехах, с внедрения вакуумной гигиены. Рабочие и ИТР скоро поняли справедливость требований директора и стали поддерживать его начинания. А сам Виктор Васильевич дневал и ночевал в цехах, благо квартиру получил рядом с заводом (он и поныне там живет). Коллектив завода довольно быстро определил для себя основные черты своего руководителя. На лету схватывает все новое, прогрессивное и не жалеет сил, чтобы воплотить это поскорей в жизнь. Не терпит равнодушия, халатности, безответственности. Но при всей своей занятости человек доступный, внимательный к людским нуждам, заботливый. Выработал собственный стиль работы: приезжает на завод в семь-восемь утра, уезжает после девяти вечера. Запрещает всякие совещания до обеда, вообще против частых совещаний, считает, что все вопросы нужно решать в рабочем порядке. Да, с таким можно работать…

На заводе изготавливались постоянные и переменные резисторы, причем постоянные резисторы были уникальны — они производились для под-

водных морских кабелей, срок службы которых должен составлять не менее 20 лет. Изготавливались электролитические конденсаторы различной емкости, танталовые конденсаторы в серебряном корпусе.

В 1965 году министерство закупило в Японии для завода технологическую линию стоимостью два миллиона долларов. Линия предназначалась для производства танталовых миниатюрных полупроводниковых конденсаторов. В точно положенный срок линия пришла на завод в морских контейнерах на десятке вагонов. А устанавливать ее — негде! Пришлось в срочном порядке строить новый корпус. Корпус быстро спроектировали, его строительство велось с помощью коллектива. Нужное помещение построили качественно и быстро, в течение девяти месяцев. Так быстро тогда никто не строил. Получился необычный цех. Когда он был запущен, на завод потянулись экскурсанты с других предприятий. И все говорили, что такого цеха в Новосибирске больше нет…

Благодаря поддержке коллектива на заводе начала внедряться научная организация труда (НОТ), новинка по тем временам. Продолжала развиваться социальная инфраструктура — построили для заводчан два жилых дома, два детских комбината, летний профилакторий, расширили пионерский лагерь.

Словом, коллектив завода сумел ликвидировать производственные недостатки и крепко стоял на ногах. С невыполнением плана было покончено, по итогам первого и второго кварталов 1968 года коллектив завода занял первое место в Союзе среди предприятий электронной промышленности и получил переходящее красное знамя. За несколько лет энергичный, предприимчивый директор доказал, что может руководить. За отличную работу на заводе радиодеталей В. В. Козлов награжден орденом Ленина.

Как говорят, жить бы и радоваться, и закреплять достигнутые успехи, но впереди его ждал новый крутой поворот. Уходил на пенсию директор электровакуумного завода, и Козлову предложили возглавить это предприятие… Было над чем поразмыслить. Производственный ранг НЭВЗ значительно выше, должность директора — престижнее, и электровакуумный, как-никак, родной коллектив, еще помнит его… Но «66-й» за эти годы тоже стал родным, сколько энергии и душевных сил в него вложено, и теперь бросать все и начинать сначала, хоть и на прежнем месте? Нет и еще раз нет!

Первый секретарь обкома Ф. С. Горячев вначале поддержал эту идею, но через некоторое время, возвратившись с очередного пленума ЦК КПСС, признался Козлову, что больше защищать его не может и вынужден уступить министру, который все это время настаивал на переводе Козлова директором НЭВЗа.

Пришлось согласиться. Снова процедура вызова в ЦК, снова утверждение на бюро обкома партии. И Виктор Васильевич вновь оказался на своем родном заводе. Начальник главка представил коллективу нового директора, а секретарь обкома по промышленности Н. К. Дыбенко сказал, усмехнувшись:

— Ну вот, блудный сын возвратился в родные пенаты…

Так Новосибирский электровакуумный, с которого началась беспокойная жизнь бывшего штурмана на гражданке, окончательно стал его судьбой. Это было трудное время для предприятия. Прежнее руководство давно уже находилось не на высоте, весь 1967 год и первое полугодие 1968 года завод не выполнял план по ряду важнейших изделий, снизились проценты выходов, уменьшились заделы, запланированные задания брались штурмом, в основном в последнюю декаду каждого месяца. И что самое неприятное — не было единства в управлении этим огромным коллективом. Каждый специалист делал свое дело и, казалось, делал неплохо, руководили службами в основном опытные люди, а в целом завод работал с большим перенапряжением. В те дни новый директор особенно явственно понял, что для того чтобы успешно руководить, одного знания производства недостаточно. Необходимо в совершенстве овладеть «технологией» управления людьми. Прежде всего, нужно сосредоточить руководство в одних руках, найти смелых и способных единомышленников, умеющих трезво оценивать обстановку и рушить старые представления о невозможности добиться нужного результата, потому что такова, якобы, специфика производства. Надо с помощью единомышленников прорвать паутину неверия людей в свои силы и сделать невозможное — возможным.

Как всегда, когда рушится старое, привычное и создается новое, у части коллектива появилось недовольство, пошли пересуды. От разговоров переходили к немому сопротивлению или безвольной, тусклой покорности. И тогда директору приходилось принимать крутые меры, вплоть до увольнения отдельных руководителей. А как иначе? Прошла пара месяцев, и люди почувствовали: свежая струя сначала сдвинула что-то огромное, застоявшееся на заводе, потом их понесло вперед все быстрее и быстрее. Предприятие стало выполнять план, а за пять месяцев до конца года ликвидировало отставание.

Преодолев один рубеж, коллектив нацелился на следующий, начал наращивать темпы производства. Уже в 1969 году новый директор совместно с ИТР и рабочими вплотную подошел к решению основной задачи по разработке, внедрению и резкому увеличению производства новых изделий.

Необходимо отметить, что НЭВЗ — предприятие многопрофильное, со сложными и разнообразными технологиями, разветвленной энергетикой, со многими заготовительными и сборочными цехами, с двумя научными подразделениями — ОКБ и ОКБМ. В 1968 году на предприятии изготавливали 112 наименований приборов, в том числе приемно-усилительные радиотехнические лампы, обычные и пальчиковые, генераторные лампы малой и средней мощности. А до этого было еще производство мощных генераторных ламп, ртутных выпрямительных колб, рентгеновских трубок. С 1950 года начался выпуск металлокерамических приборов. Для своих нужд имелась на заводе своя котельная. Потом ее заменила теплотрасса, проведенная к заводу от ТЭЦ-4, построенная на заводские деньги. От нее, кстати, получал тепло весь Заельцовский район.

В 1970 году, через два года после назначения В. В. Козлова директором, завод впервые за многие годы работы заработал ритмично, строго по декадному графику, и стал выполнять производственный план по всей номенклатуре.

В середине семидесятых, когда в стране заговорили о решении продовольственной проблемы, многие заводы начали организовывать подсобные хозяйства. НЭВЗ и здесь не отстал от передовых предприятий. В Тогучинском районе на базе двух заброшенных колхозов в селе Налетиха, где проживали в основном пенсионеры, заводчане и решили организовать свое подсобное хозяйство.

В один из дней приехал туда Козлов вместе с секретарем парткома Ташкановым, привез хлеб, мясо, колбасу, макароны, масло и другие продукты (в деревне не было даже магазина). Собрал народ, произнес речь о решении «Продовольственной программы», раздал продукты, проголосовал за организацию подсобного хозяйства и уехал. А через некоторое время привез туда начальников цехов, дал каждому особое задание. Договорился с проектным институтом о проектировании хорошего совхоза с посевными угодьями на 12000 га. Из них 4,5 тысячи га — пахотные земли. Население будущего совхоза должно быть не менее нескольких сот человек. На следующий год произвели первый сев. Министерство выделило необходимое количество тракторов, комбайнов и других сельхозмеханизмов. Институт за зиму выдал проект совхоза.

Началось строительство, а там и сельхозработы. Через год-полтора заводчане уже имели по твердой цене свинину, говядину, сливочное масло, мед…

Для выхода на новые уровни производства требовалась дополнительная рабочая сила. При поддержке партийных организаций быстро отстрои-

Встреча с ветеранами

лись и заработали филиалы НЭВЗ — один в Карасуке, другой в Зыряновске Восточно-Казахстанской области. Это решило и проблему занятости местного населения — в каждом филиале работало по 1000 — 1200 человек.

По решению партии и правительства каждое оборонное предприятие должно было освоить выпуск товаров народного потребления и поставлять их непосредственно в торговую сеть. НЭВЗ начал производство хрустальной посуды, торшеров, пластмассовых игрушек, значков и многого другого. Всего же завод довел производство этой продукции до общей суммы 20 млн. рублей в год.

Большое место в жизни Виктора Васильевича занимала общественная работа. Коммунисты избирали его делегатом на XXII съезд партии. Трудящиеся Заельцовского и Дзержинского районов выдвинули Козлова в Верховный Совет РСФСР, где он и работал в комиссии по составлению Государственного плана республики.

Заслуги его перед государством были высоко оценены. В 1986 году В. В. Козлов удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ему медали «Серп и Молот» и третьего ордена Ленина. Кроме того, Виктор Васильевич в разное время награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, многими медалями и почетными знаками.

Уйдя с завода, В. В. Козлов еще десять лет работал в проектном институте электронной промышленности. Он до сих пор принимает деятельное участие в ветеранском движении, является членом президиума областного совета ветеранов войны, вооруженных сил и правоохранительных органов, награжден знаком «Почетный ветеран»…

Когда-то академик Трапезников вывел формулу настоящего руководителя: «знает — хочет — может — успевает». В полной мере она относится к бывшему генеральному директору производственного объединения «НЭВЗ-Союз» Виктору Васильевичу Козлову.

Владимир ДЕГТЯРЕВ

Своими руками, или Бег с препятствиями

Надо признать, что все-таки комфортнее стало в городе за последние годы — чище, уютнее. Многочисленные летние кафе манят подтентовой прохладой. Мы сидим в одном из таких оазисов и потягиваем пиво. Разговор с моим визави не то чтобы не клеится, а течет как-то сам по себе — вопреки моим попыткам втиснуть его в прокрустово ложе либо жестко-делового общения, либо романтически-ностальгического настроения. И диалог наш — как бы ни о чем. Просто какие-то обрывки рассуждений о жизни, о детях. О том, как важно «помнить имя свое», знать, от кого ты, что за корни у тебя.

А я смотрю на этого человека и думаю: какой он на самом деле? Что в нем — правда? Вальяжность гармонично уживается в нем с юношеской порывистостью, мягкость взгляда — с твердыми, даже, может быть, жесткими суждениями о событиях и явлениях российской жизни. Друзья в один голос утверждают, что Сан Саныч — заводила и балагур. А передо мной — серьезный, неторопливый собеседник. Кажется, вот грянет гром или земля треснет под ногами, а он и не вздрогнет. Лишь невозмутимо поведет плечами — вот, мол, незадача. И только руки — большие, сильные, спокойные руки — рассказывают о своем «владельце» красноречивее всяких слов. Они умеют и любят РАБОТАТЬ. Вообще же Колесниченко знает свое производство, как говорится, «от и до». Если есть необходимость, может и к станку встать. «Генеральный» — из той редкой породы руководителей, для которых технологический процесс — не тайна за семью печатями, а выстраданное дело. Он хорошо знает, где, когда и зачем должен работать данный винтик данного механизма.

«Акор» — предприятие высокотехнологичное, развернувшее на своих площадях сразу три направления производства. Кистещеточное — основа основ. С него и начинался в свое время «Акор». Точнее, со 147 кистей, изготовленных по изученной в Харькове технологии. А до этого случались с Колесниченко перипетии самого разного характера. Помните глубокомысленное изречение из «Бриллиантовой руки»: «…Каждый человек способен на многое. Но, к сожалению, не каждый знает, на что он способен». Шутки шутками, но если разобраться… Колесниченко — это как раз тот самый человек. Разве мог предположить паренек, окончивший когда-то ростовский техникум (хоть и с «красным» дипломом), отслуживший в армии и приехавший в Новосибирск, что станет он руководителем предприятия, производящего продукцию мирового уровня? Да, думается, не до таких грандиозных планов было молодому конструктору, когда, работая на заводе им. Коминтерна в отделе главного механика и получая зарплату в 145 рэ, планировать приходилось совсем другое… С появлением на свет маленького Русланчика у новоявленного папы появились и новые заботы. В том числе — как прокормить семью. «Я бы в грузчики пошел» — это тоже о нем, о Колесниченко. Да, и эта работа, не требующая особого интеллекта и мастерства, но дающая все же хоть какие-то дополнительные доходы, за плечами Сан Саныча. Однако «бег на месте общепримиряющий» для Александра, как и для любимого им автора этих строк, был просто неприемлем. И все-таки его жизнь можно, пожалуй, сравнить с бегом. Только бегом с препятствиями.

ПРЕПЯТСТВИЕ ПЕРВОЕ. СОТВОРЕННОЕ

Профессия жестянщика, которую Колесниченко освоил после вечерних «забегов» с грузом на плечах, приносила доход гораздо больший, нежели та зарплата, которую он получал на заводе по ремонту трамваев и троллейбусов, куда устроился в 1984 году, как раз накануне перестройки. Действительно, две тысячи рублей в месяц — это в то время было — ого-го! При таких-то деньгах дру-

гой человек жил бы себе припеваючи. И чего ему не хватало?! Копил бы на машину с дачей, жене на шубу. Ну, бросил бы Колесниченко свою конструкторскую работу с нищенской зарплатой и, при его упорстве и целеустремленности, стал бы знатным жестянщиком. Ан нет. Не только жизнь, но и сам Александр Александрович обладает удивительной способностью сооружать на своем пути препятствия разной конфигурации и высоты.

Помните середину восьмидесятых? Этот восторг всеобщий, этот подъем, всколыхнувший в нас самые лучшие чувства, стремления, непреодолимую тягу любого мыслящего человека к совершенствованию себя в мире и мира вообще? Вы можете себе представить, чтобы в это самое время Александр Колесниченко сидел на печи и радовался вяло текущей жизни? Я — нет. Пьянящий воздух свободы, ощущение «я все могу!», конечно же, вскружили голову и Александру. К тому же, в его судьбе сыграли роль и объективные причины, которые к тому времени достигли своей «точки кипения». Работа основная и дополнительная, занятия спортом — все это требовало постоянного напряжения — изо дня в день. Кроме того, и семье, в конце концов, тоже необходимы были его внимание и забота. Требовалось сделать выбор. И он сделал. В пользу кооператива по разработке и изготовлению нестандартного оборудования. Дальше — больше. Научно-производственный кооператив «Циклон» — так называлось частное предприятие, которое на голом энтузиазме создали зараженные идеей новой жизни пятеро молодых людей. Планы были сногсшибательные — наука, конструкторские разработки, деревопереработка и… производство кистей. Но… одного энтузиазма оказалось маловато, к тому же «ихний» капитализм упорно сопротивлялся своей проекции на российскую почву. И реалии конца 80-х ударили потенциальных и талантливых, но не состоявшихся бизнесменов «фэйсом об тэйбл». Было больно. Но не смертельно. Главное, что предприниматели сумели отдать долги по зарплате коллективу кооператива. Правда, ценой страховки за сгоревшую колесниченковскую дачу…

Спортсмены знают: когда уже силы на исходе, появляется «второе дыхание». Александр Колесниченко — спортсмен. Поэтому и появились-таки на свет божий те самые кисточки в количестве 147 штук, которые благополучно… сгорели в жарочном шкафу в то самое блаженное время, когда Колесниченко вдвоем со своим напарником Афанасием Назаровым уже подсчитывали выручку от их предстоящей продажи. Но это так, эпизод из жизни, еще одно препятствие…

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. «РОД — НЕ ТОЛЬКО ТВОИ ПРЕДКИ, НО И ТВОИ ДЕТИ»

…Родился Александр Колесниченко в селе с большевистско-воинственным названием Красная Заря Боковского района Ростовской области, недалеко от знаменитой станицы Вешенской. Деревенское детство — это совсем не то, что городское. Здесь дети вольнее и одновременно ответственнее. Городс-

кой маме, запуганной «страшилками» о маньяках и «нехороших компаниях», и в страшном сне не привидится, что ее ребенок может без бдительного ока в речке купаться, рыбу сетями ловить вместе с такими же пострелятами да по грибы и по ягоды ходить в лес, где на каждом шагу — звери бродят. Что уж говорить о «ночном»! В деревне нет места безделью. Здесь у каждого свое дело. Может, именно потому сельские дети часто более приспособлены к жизни, что жизнь эту видят не в камуфляже, а такой, какая она есть на самом деле. И не ждут от нее бесплатных подарков.

В селе в ту пору была школа-четырехлетка. В классе — по два-четыре ученика. Занятия первого и третьего классов проходят в первую смену, а второго и четвертого — соответственно во вторую. Помещение — одно на всех. Поэтому учитель сначала первоклашкам задание дает. А пока они усердно пыхтят над тетрадками, занимается с третьим классом. К третьему году обучения, когда семья Колесниченко перебралась в райцентр, смышленый Санька, выполнявший в свое время «первоклассные» задания раньше положенного и невольно слушавший учителя, «вещавшего» в другом углу класса, понял, что ему уже все известно из программы.

Родионово-Несветайское зародилось задолго до приезда туда Саши Колесниченко. Кто его основал — неизвестно. Известно лишь, что лет двести назад деревня принадлежала генералу-отставнику Родионову. Вторая же половина названия — поэтическая — от реки Несветай. Вот здесь, в красивейшем краю со степными просторами, околками и чистыми прудами и прошло детство Саньки, неожиданно, как это всегда и бывает, переросшее в юность — с первой любовью и нерушимой мужской дружбой. Здесь формировался характер. Тогда, в советскую эпоху, никто из родных ни словом не заикнулся о том, что пришлось пережить семье в зловещие 30-е годы.

— *Историю о том, как раскулачивали моих деда и прадеда по отцовской линии, как дядька Василий, будучи и сам еще малолеткой, остался на целый долгий год один на один со своей бедой да с ребятней на руках мал мала меньше — моим отцом и своей сестренкой — я услышал лишь десять лет назад…* — Взгляд моего собеседника становится задумчиво-отрешенным — будто сам он окунулся в то далекое прошлое. — *Говорят, возвращению дедов на родину поспособствовал знаменитый земляк — Михаил Шолохов. А вот другой родне — по линии матери — повезло меньше. Раскулаченные семьи вернулись в родные края только после войны…*

Знать корни свои — это для Александра Колесниченко не пустые слова и не дань моде, а потребность, без которой невозможно движение вперед. К счастью, дядя Сан Саныча (тот самый, который в 30-е выдюжил, не согнулся под тяжестью навалившейся беды) составил родословную Колесниченко.

— *Мои дети,* — говорит Александр Александрович, — *это уже представители седьмого колена, и они это знают. Были у нас и долгожители. Например, бабушка совсем немного не дожила до векового юбилея, а один из прапрадедов, которого звали Максим, успел отметить 120 лет жизни…*

ПРЕПЯТСТВИЕ ВТОРОЕ. НЕОЖИДАННОЕ

Второе и третье направления деятельности ОАО «Акор» — как та любовь, которая «нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь». Кистещеточное производство к 1992 году уже стало приносить достаточно стабильный доход, и Александру Александровичу можно было перевести дух и расслабиться. Однако, наделав кистей на весь летний период и отпустив рабочий коллектив «Циклона» в отпуск, Колесниченко к сентябрю понял, что реализация продукции затянется аж до весны будущего года. Что он тогда почувствовал? Досаду? Смятение? Страх перед будущим, которое вновь стало неясным? Нет на свете такого человека, который бы, оценив подобную ситуацию, не растерялся в первый момент. Главное — не это. Главное — что человек предпримет в момент второй. Так вот, во второй (продуктивный) момент Колесниченко решил — надо запускать новое производство. То, что это будет именно макаронное производство, решилось почти само собой. Помог случай: в «Циклоне» оказались две установки по производству макарон — «Итилицы». Вскоре после экстренного за один вечер запуска линии по производству макаронных изделий «Циклон» был переименован в ОАО «Акор». «Дитя», как в сказке, росло не по дням, а по часам. Александр Колесниченко смог создать удивительный по своему интеллектуальному потенциалу коллектив единомышленников. Прежнее «короткометражное» предприятие, насчитывающее в своих рядах 28 человек, разрослось до «широкоформатного» — в 800 сотрудников. Да, Колесниченко не скрывает, что переманивал специалистов у других руководителей. А кто мешал тем крепче держаться за ценные кадры? Результаты умелого управления персоналом не замедлили сказаться образованием еще одного производства — машиностроительного. Теперь приезжающие на предприятие итальянцы, эти признанные во всем мире «законодатели мод» в макаронной промышленности, только руками разводили, глядя на новейшие разработки акоровцев, их станки и линии, пользующиеся спросом на мировом рынке. А что касается кистещеточной промышленности, то «Акор» — лидер на российском рынке.

В настоящее время, когда предприятие — не колосс на глиняных ногах, а скорее мощный атлант, мало кто верит, что все это можно было сотворить без какого-либо кредитования, без мохнатой «лапы» где-нибудь в недрах Госдумы, без базы. Вообще — без толкача, без шальных денег, с нуля. Только своими руками. Используя только свои собственные нервы, силы, мозги, наконец.

ПРЕПЯТСТВИЯ: ТРЕТЬЕ ЕТ СЕТЕRA. БЛАГОПРИОБРЕТЕННЫЕ

— Ну, давай же, давай! — кричали во всю мощь легких «акоровцы» на очередном «междусобойчике» фирмы, побуждая одного из сотрудников побить прежний рекорд в корпоративном виде спорта. Очень, надо признать, своеобразном виде, изобретенном генеральным директором. По метанию кистей.

Вот, например, проходит в Новосибирске симпозиум Межгосударственной ассоциации щетинно-щеточных предприятий стран СНГ, президентом коей является гендиректор «Акора». Солидное мероприятие, на которое собираются солидные люди. Кто еще, кроме Колесниченко, умудрится провести его на… стрелковом стенде? Нет, разумеется, сначала все — как полагается. Согласно протоколу. А потом — футбол, волейбол и т. д. И это — не только отдушина. «Бизнес строится и во время отдыха», — считает Сан Саныч. Вот уже четыре года новосибирский предприниматель является также и членом совета директоров Европейской ассоциации щетинно-щеточных предприятий.

«Успевает всюду тот, кто никуда не торопится», — говаривал булгаковский профессор Преображенский. Не знаю, торопится ли Колесниченко жить или нет, но то, что он — трудоголик конченый — факт, не требующий доказательств. Но при всем своем «трудоголизме» успевает и с друзьями пообщаться, и мальчишкам своим время уделить. Правда, частенько совмещает и то, и другое. Друзья смеются: Сан Саныч, говорят, просто из природной своей «вредности характера» спортом занимается, чтобы не только «форму держать», но и потягаться суметь со старшим сыном. Руслан — мастер спорта по греко-римской борьбе, два раза был в числе призеров на первенстве России. А это дорогого стоит. Папа же — не из тех, кто привык отставать. Вообще Колесниченко-старшего при всей азартности его натуры «подвигнуть» на какую-нибудь «авантюру» достаточно сложно. Но уж если возьмется за дело… «Будет «землю грызть», но своего добьется, — говорит о Сан Саныче один из его друзей. То, что Колесниченко — человек редкой надежности, известно и на предприятии, которым он руководит, и в среде коллег-директоров: «чтобы дал слово и не сдержал его — такого просто не бывает. Если сомневается в своих возможностях, то и обещаний раздавать не станет».

— *У меня немного друзей, и с годами их не становится больше,* — голос генерального директора Межрегиональной ассоциации руководителей предприятий Юрия Бернадского по-особому теплеет, когда он начинает говорить о Колесниченко. — *Наверное, поэтому я так дорожу тем, что могу назвать Александра своим другом. Знаете,* — оживляется он, — *это необыкновенный человек. Многогранная личность. Он не боится браться за что-то новое, рискуя при этом. Да иначе, без риска, и нельзя было бы поднять такое многопрофильное производство, как «Акор». Многие свое неумение работать прикрывают происками конкурентов, невезением, «потусторонними силами». А Саше везет, потому что он сам — ВЕЗЕТ. Редкий человек — и по душевным качествам, и по природному умению подбирать команду — на работе, в бизнесе, на охоте. Саша — человек не злопамятный, но, как бы это сказать, памятливый. Людям свойственно ошибаться. Он умеет прощать ошибки, но предателей из жизни вычеркивает. Мы два-три раза в неделю непременно звоним друг другу. И тут, понимаете, даже не важны слова, которые произносятся. Главное — в другом: понять, поддержать.*

К трем своим сыновьям у Колесниченко отношение такое же, как у всех нормальных пап, — любовно-поучительно-приятельское. Разница лишь в том,

что часто современные папы, света белого не видя от работы, не находят возможности (или не хотят?) пообщаться со своими чадами. Колесниченко же, несмотря на потрясающую занятость, умеет находить время для своих мальчишек. Более того — «ведет» их по жизни, не ограждая от жизненных реалий и одновременно бережно опекая. Старший-то, Руслан, уже окончил НГУ и работает на «Акоре». Александр — тоже выпускник «универа». А младшего, 12-летнего Алексея, Колесниченко-папа таскает за собой везде, куда только можно, — на рыбалку ли едет с друзьями, или на горных лыжах кататься: именно ему сейчас больше всего папино внимание требуется. Но и Алеша уже достаточно самостоятельный парень. Такая вот у Колесниченко сложилась самодостаточная мужская компания в семье.

Единственное мероприятие, на посещении которого пока, до поры до времени, лежит печать запрета для Алеши, это охота. Все-таки охота — занятие для взрослых мужчин. Сотни метров по колено в грязи или в снегу, многочасовая засада, рюкзак с патронами — сколько можешь унести. Именно здесь высвечиваются как на рентгене все человеческие червоточинки, и характер проявляется во всей своей неприглядности. Здесь надо понимать друг друга с полуслова, с полузнака, когда «каждый солдат знает свой маневр». — *Ни разу не было случая, чтобы Колесниченко кого-то подвел,* — вспоминает Юрий Бернадский. — *Правда, это уже не только про охоту. Как-то зимой на зайца охотились. Так джип наш сорок с лишним раз за ночь приходилось из снега выкапывать. Спросите, зачем такие лишения? Да чтобы агрессию, которая разрастается, как снежный ком, выплеснуть не на своих близких и не на ни в чем не повинных подчиненных. И вернуться домой свободным от этих жестоких моральных перегрузок, растущих у руководителей в геометрической прогрессии. Я, между прочим, ни разу не видел, чтобы Александр топал ногами, размахивал кулаками и кричал на своих сотрудников. И это при его-то азартном, даже крутом нраве!*

Охотничьи трудности «перекрываются» еще и гораздо более важным — ощущением причастности к особому охотничьему братству, когда ты чувствуешь плечо друга и можешь на него опереться без опаски. Во всяком случае, в «плече» Сан Саныча уверены все его товарищи. И это — тоже не только об охоте.

— *Чопорность меня тяготит,* — обмолвился как-то в разговоре Александр Александрович. Действительно, он нисколько не напоминает законсервированного чинушу: прост, приятен в общении и отнюдь не склонен приписывать все свои успехи собственной гениальности. Когда у человека, достигшего определенного положения в обществе, не закостенела память в отношении тех людей, которые помогли ему встать на ноги, — это вызывает уважение. Колесниченко с благодарностью называет в числе таких людей начальника отдела на заводе им. Коминтерна Юрия Ивановича Сгоника, под началом которого работал.— *Это он, профессионал высокого класса в своем деле, помог мне стать специалистом, конструктором. После его смерти работа отдела полностью изменилась. И, как вы понимаете, не в лучшую сторону.*

У гендиректора «Акора» стиль руководства — особый. Комбинированный. *Он у нас и не коллегиальный, и не авторитарный. А централизованный. Главное — взять на себя ответственность, а когда решение уже принято, оно должно быть выполнено. Или должно быть доказано, что оно объективно невыполнимо. Между прочим, на нашем предприятии штрафуют за курение в неположенном месте в неположенное время, за опоздание. За пьянство и воровство просто увольняют. И штрафы — совсем не самоцель. Это было бы глупо. Цель — создать общественное мнение, что определенные поступки — неудобны и неприличны. А штраф — только средство.*

Однако подобная бескомпромиссность Александра Колесниченко — лишь кажущаяся, «надводная» часть его характера. Как и все люди, он подвержен сомнениям и переменам.

— *В 12 лет я считал, что все знаю и во всем прав. В этом отношении сейчас я — более мальчишка, чем тогда.* В детстве Саша Колесниченко больше всего ценил дружбу и свободу (в смысле — как бы убежать от родителей, чтобы не заставили что-нибудь делать или просто не загнали домой), в юности — спорт и опять же дружбу. Сейчас, в зрелости, приоритеты переместились в сторону семьи, работы, путешествий. Одно осталось неизменным — способность дружить и потребность в друзьях. И это нормально. Меняются взгляды, меняются отношения. Но что-то должно оставаться неизменным, вечным, надежным…

…А на «Акоре» Колесниченко и его сотрудники уже вновь строят планы и разрабатывают схемы дальнейшего развития своего любимца. Готовятся к запуску еще четыре автоматических линии по производству кистей. Удивительно изобретательный все же русский народ! Неисчерпаем в выдумке и силен в решении сверхзадач. Вероятно, и эта задумка удастся Александру Колесниченко. И поедут в автофургонах и поездах по городам и весям российского и иного «гражданства» новые веселые коробки со штампом, на котором написано: *Сан Саныч плохого не посоветует!*

Лариса ТУЧИНА

Дар вести за собой

Двадцатый век стал для России веком и глобальных потрясений, и удивительных возможностей. Мир вокруг стремительно менялся, страна активно входила в мировое сообщество, научно-технический прогресс развивался немыслимыми доселе темпами. За один век, пережив две войны и две революции, Россия из патриархальной державы стремительно становилась страной новых технологий. Наука и новые технологии пришли и в Сибирь. Новосибирск, встречающий сто десятую годовщину со дня своего основания, является сегодня одним из крупнейших мировых центров науки и внедрения новых технологий. И в стремительном развитии наукоемких технологий в нашем городе есть немалая заслуга Георгия Емельяновича Колонды.

Он родился 2 мая 1923 в небольшом селе Гонохово на Алтае, в многодетной семье крестьяни-

на-середняка. С детства родители приучали детей не отступать перед трудностями, верить в свои силы, стремиться к профессиональным высотам. Все они выбрали себе дело по душе. Старший сын Федор, студент московского института философии и литературы, с первых дней Великой Отечественной войны пошел в народное ополчение и геройски погиб в битве под Москвой, дочери выбрали медицину и педагогику, а младший сын Георгий, окончив семь классов в 1938 году, поступил в авиационный техникум.

20 мая 1941 года Георгий Колонда вместе со своими сокурсниками пришел на преддипломную практику на Новосибирский авиационный завод имени В. П. Чкалова. Но здесь в учебный процесс вмешалась война.

Чкаловский завод — одно из крупнейших оборонных предприятий Новосибирска — с первых дней войны переведен на режим круглосуточной работы. О возвращении к учебе не было и речи, вчерашние студенты работали наравне с кадровыми рабочими. Георгия назначили на должность контролера, отвечающего за прием готовой продукции. В условиях военного времени эта работа являлась ответственнейшим участком на предприятии. Лозунг о том, что победа ковалась в тылу, ребята познавали на своем опыте.

Огромные нагрузки, тяжелый напряженный труд, безрадостные сводки с фронта… Если бы не рабочий коллектив, который принял и поддержал молодых ребят в самые трудные первые месяцы, неизвестно, насколько удачно сложились бы их дальнейшие судьбы. Георгий Колонда с первых дней своей трудовой биографии научился ценить мнение коллектива и всю последующую жизнь старался создавать команду единомышленников и опираться на нее в решении поставленных задач.

За три военных года он освоил профессию, и молодого перспективного работника назначили старшим мастером. Теперь он отвечал за качество продукции на линии. А продукция эта была жизненно необходима фронту. Георгий Емельянович интересы дела всегда ставил выше личных. Но вместе с тем считал своим долгом заботиться о подчиненных, о тех людях, за которых нес ответственность. И как бы ни хотелось пареньку защищать свою Родину с оружием в руках, он понимал, что его боевой пост — здесь.

В 1943 году учащимся техникума разрешили без отрыва от производства защитить диплом. Преподаватели, хорошо помнившие активного жизнелюбивого паренька, который уходил на преддипломную практику, отмечали, насколько повзрослел за эти годы Георгий. Защитив диплом, он вернулся на завод и вновь окунулся в ставшую уже необходимой интенсивность рабочих будней.

Энергичный, инициативный, он обладал той особой харизмой лидера, которая позволяла увлекать людей за собой. Совсем еще юный паренек пользовался уважением заводских «стариков» — опытных кадровых рабочих, которые видели, что старший контрольный мастер старается не ради карьеры, но ради общего дела. В рабочем коллективе, где каждый на виду, где истинная цена слов всегда поверялась делом, Георгия Колонду выбрали комсомольским вожаком. Он прошел все этапы профессиональной карьеры. Старший мастер,

начальник смены, начальник потока, начальник цеха… И всюду, на любой должности, он умел добиться успеха, сплотить людей для достижения цели.

Он всегда стремился постигать новое, и единственное, о чем серьезно жалел все годы, это о возможности учиться, которой лишила его война. И в конце сороковых годов, несмотря на то, что на заводе работы хватало, дома подрастали маленькие дети, и выкроить свободную минутку казалось невозможным, поступил учиться в новосибирский педагогический институт, который в 1957 году окончил дипломированным историком.

Конечно, менять профессию Георгий Емельянович не собирался, но гуманитарный факультет дал многое — понимание исторических процессов, общий кругозор, умение вести диспуты и дискуссии. И еще — осознание необходимости глобальных экономических знаний. В 1958 году он поступил во Всесоюзный заочный финансово-экономический институт.

Тогда же, в 1958 году, жизнь Георгия Колонды круто изменилась. Его избрали сначала председателем завкома профсоюза, а затем секретарем парткома завода имени Чкалова. Новая должность позволила понять тенденции производства в целом, выйти на иной уровень решения производственных проблем, установить тесные деловые связи с руководителями крупнейших предприятий района, районной и городской администрацией, райкомом и обкомом партии. Умение взаимодействовать с властью в решении важнейших производственных и организационных вопросов пригодилось ему в дальнейшей карьере.

В ноябре 1959 года Колонду назначили директором завода «Экран» — нового, стремительно развивающегося предприятия. Именно под его руководством начато становление оснащенного передовой техникой предприятия, созданы крупнейшие в городе энергетическое и стекольное производства, обеспечивающие развитие электровакуумного приборостроения.

С первых дней работы на заводе Георгий Емельянович проявил свои лучшие лидерские качества, показал себя энергичным, грамотным, опытным и инициативным руководителем. Он мог одновременно быть жестким и требовательным организатором и чутким, мягким товарищем. Он неукоснительно требовал выполнения плана, невзирая на многие, порой вполне объективные препятствия, и искренне заботился о социальном обеспечении, условиях труда своих сотрудников. Справедливо рассудив, что успех любого дела напрямую зависит от правильной расстановки кадров и организации труда, Георгий Колонда особое внимание обратил на подбор команды профессионалов. Он внимательно изучал творческий и профессиональный потенциал сотрудников, постоянно бывал в цехах, общался с инженерами, рабочими, технологами. На месте разбирался с ходом производства и принимал конкретные действенные решения по устранению недостатков, совершенствованию рабочего процесса.

Он не терпел грязи, мог крепко наказать за беспорядок на рабочих местах, но, проходя по цехам, здоровался с рабочими за руку, и на смущенное: «Георгий Емельянович, я же работаю, у меня руки грязные» весело отвечал: «Это ничего, лишь бы душа была чистая…».

Высокий, светловолосый, словно былинный богатырь, он верил в людей и старался помогать им в профессиональном росте. Все его заместители, большинство ведущих сотрудников пришли на завод вскоре после окончания вузов и стали профессионалами под его руководством…

В самом начале своей деятельности на должности директора завода Георгий Емельянович старался вникать во все подробности технологического процесса. Со временем, поняв специфику производства, он поручил технологические тонкости команде профессионалов под руководством главного инженера, а сам сосредоточился на управленческой работе. На заводе было разработано и внедрено положение «По организации охраны труда и здоровья трудящихся завода». Он постоянно совершенствовал свои знания, закончил аспирантуру при институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию; теоретические знания он успешно внедрял в практику на родном заводе.

На посту руководителя предприятия особенно ярко проявился его талант организатора, умеющего прогнозировать перспективы развития производства, грамотно строить политику технического перевооружения завода. За время его работы на должности директора Новосибирский завод электронной техники вырос в крупное предприятие многоотраслевого направления. За 27 лет под руководством Колонды объем производства возрос в 16 раз, при этом ежегодный прирост объемов составлял около 10 %. Из убыточного предприятия завод превратился в прибыльное производство, причем прибыль за годы работы Георгия Емельяновича увеличилась в 10,5 раз.

Продукция завода всегда оказывалась в центре внимания властей. Георгий Емельянович вспоминал:

— Поначалу мне было очень трудно вникнуть в специфику производства — я же гуманитарий, финансист. Когда предложили принять завод, а он тогда

был, честно скажу, в плачевном состоянии, и провели по цехам, я решил, что с этим делом справлюсь. Мы самолеты делали, такие громадины. А здесь посмотрел номенклатуру — стекляшки крохотные. Да неужели же не осилю.

Но я глубоко ошибался. Не в размерах изделия вовсе дело. Наша продукция для страны была не менее важной, чем самолеты. И ошибку свою понял, когда не пошел у нас электронно-оптический преобразователь, и министр А. И. Шокин специально собирал в Москве коллегию министерства, и там разбирали наши неуспехи. Это произошло буквально через полгода после моего назначения, и вот тогда, выходя после «разбора полетов», я понял, что электроника требует совсем другого подхода, если хочешь — иного интеллекта. И я стал перестраиваться. Создал команду грамотных, опытных специалистов, хорошо разбирающихся в специфике, способных качественно улучшить технологии, найти новые более экономичные пути развития производства. А себе поставил задачу генерировать идеи и помогать в их конкретной реализации.

И он умел подобрать людей, наметить стратегические линии развития, нацелить на достижение новых высот. Сегодня стиль руководства Георгия Колонды назвали бы корпоративным — он мог объединить людей вокруг решения конкретной проблемы, разглядеть в молодом специалисте задатки будущего руководителя, внимательно следил за ротацией кадров. Он любил коллективные праздники и совместные выходы на лыжах, во время первомайской и ноябрьской демонстраций обходил колонны, за руку здороваясь с рабочими и инженерами, охотно шел в общей колонне, любил пошутить и посмеяться, помнил дни рождения и проблемы сотрудников. Он уважительно относился к людям, учитывал их запросы и потребности, внимательно выслушивал объяснения и предложения от всех категорий сотрудников. Но мог быть жестким и суровым, потому что пуще всех недостатков не терпел в людях нео-

Встреча с ветеранами Великой Отечественной

бязательности и разгильдяйства, но поддерживал тех, кто работает. Помогал исправлять ошибки, учиться, профессионально расти.

Строительство и развитие завода стало для него главным делом жизни. При его активном участии построены и введены в эксплуатацию крупные энергетические объекты, новые цеха. Большой личный вклад внес Колонда в освоение выпуска новых электровакуумных приборов, фотоэлектронных умножителей, электронно-лучевых трубок, электронно-оптических преобразователей, в том числе и впервые разработанных в стране приборов для нужд спецтехники.

Он был инициатором перехода на интенсивный путь развития. Под его руководством завод приступил к использованию поточно-конвейерных линий, роботов и различных автоматических, перегрузочных устройств.

Большое значение имело создание на заводе особого конструкторского подразделения, которое обеспечивало разработку новых изделий по направлениям специальной техники, и Георгий Емельянович внимательно и бережно относился к специалистам, способным внести новый вклад в развитие оборонной промышленности.

Те, кто знал Колонду, вспоминают, что у него был особый дар вести людей за собой, та убежденность, которая заставляла людей безоговорочно верить его словам. Он умел так просто и доходчиво рассказать о перспективах развития, о новых планах завода, что каждый сотрудник предприятия проникался его идеями. Развитие завода становилось личным делом каждого.

Государство высоко оценило трудовой вклад Георгия Емельяновича Колонды. Он — кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак почета», «Дружбы народов» и шести медалей СССР.

Георгия Емельяновича уважали. И сотрудники, которые составляли его команду и проработали вместе десятки лет. И люди, столкнувшиеся с Колондой при решении тех или иных производственных либо хозяйственных вопросов. И жители окружающего микрорайона, которые 18 лет подряд избирали Колонду своим депутатом в городской Совет, и те, кто до сих пор вспоминает времена его директорства как лучшие. Он строил детские сады и столовые, бытовые комбинаты, общежития и пионерские лагеря, базу отдыха и поликлинику. Одним из первых он начал развивать подсобное сельское хозяйство — свинарник, коровник, зерносклады… Когда на завод обратились с просьбой построить водопровод протяженностью 18 км, Колонда изыскал средства и возможности. Даже в благополучные советские времена на такие затраты шел далеко не каждый руководитель предприятия.

Он был прирожденным хозяйственником. Ему было интересно участвовать в развитии города, и он, уже депутат и директор, постоянный председатель комиссии по бытовому и коммунальному обслуживанию Новосибирского горсовета, активно выступает в печати, ведет работу по внедрению новой системы планирования и экономического стимулирования…

Еще в 1971-м он защитил кандидатскую диссертацию и работал по совместительству на кафедре экономики труда в Новосибирском институте на-

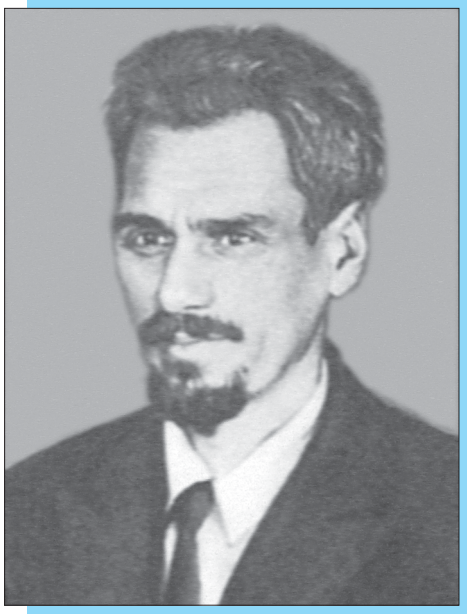
родного хозяйства. А когда пришло время уходить на пенсию, не мог оставаться без дела и перешел на преподавательскую работу. Последние пять лет был доцентом в институте народного хозяйства, передавал свой богатый опыт студентам.

В 1993 году ему исполнилось семьдесят, второго мая в гостеприимном доме на площади Калинина собрались друзья, бывшие коллеги Георгия Емельяновича, близкие. Он много смеялся, вспоминал трудные военные годы. С интересом расспрашивал о заводе, обещал прийти в гости после летнего отпуска. Но этого обещания, пожалуй, впервые на памяти тех, кто хорошо знал его, не выполнил. 24 августа 1993 года Георгий Емельянович Колонда скоропостижно скончался.

Десять лет прошло, изменился и сам завод, и отношение к нему властей, и выпускаемая продукция. Неизменно только уважение сотрудников к памяти Г. Е. Колонды. Его помнят и до сих пор называют между собой: «наш директор».

Евгения БУТОРИНА

В погоне за Луною

Что прежде всего приходит в голову, когда речь идет об отечественной космонавтике? Мы первыми запустили спутник. Первый космонавт в истории человечества — наш. Раньше остальных мы вышли в открытый космос. Имена, которые мгновенно всплывают в сознании при слове «космос», — Гагарин, Королев, Циолковский. Безусловно, это величайшие люди своего времени, о них написаны книги, сняты кинофильмы — они знакомы нам еще со школьной скамьи.

А что мы знаем о Кондратюке? Ну, был такой инженер-конструктор, тоже что-то изобретал… вот, пожалуй, и все. А между тем это был не просто гениальный ученый, но и удивительнейший человек очень сложной, даже трагической судьбы, которая сыграла с ним злую шутку. Гений-самоучка, печальный рыцарь, влюбленный в Небо, но вынужденный жить под чужим именем и заниматься чуждым ему делом, так и не осуществивший свою заветную мечту. Неудивительно,

что о Кондратюке мы знаем так мало: на долгие годы его имя вообще оказалось вычеркнуто из истории. Потом Кондратюка, к счастью, все же вспомнили — но в его биографии еще долго оставались «белые пятна». И самой главной тайной была загадка имени.

Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

21 июня 1897 года в Полтаве в семье студента и учительницы городской гимназии родился мальчик. «Александр Игнатьевич Шаргей», — вывел чиновник в свидетельстве о рождении.

Детство Сапи едва ли можно назвать счастливым: вскоре после родов его мать тяжело заболела и была отправлена в колонию для душевнобольных, откуда больше не возвращалась. Отец, «вечный студент», так и не доучившись, скончался в 1910 году от внезапной и страшной болезни. Воспитанием осиротевшего мальчишки пришлось заняться бабушке с дедушкой.

Интерес к разного рода механизмам, их устройству, равно как и способность к беглому чтению и быстрому счету, заметили в нем очень рано. Любимым Сашиным занятием было чтение. Выпросив «что-нибудь про технику», он прятался в саду и изучал довольно непростые учебники и книги, после чего на свет появлялись жестяные мельнички, пароходы и паровозы…

«Можно ли заменить чем-нибудь пружину, чтобы завод не кончался?» — подумал он однажды, разглядывая дедушкин граммофон. Все, что он изобретет много позже, будет начинаться с подобного же вопроса: «Как сделать так, чтобы было лучше, рациональнее, эффективнее?»

Но это произойдет потом. А пока что 19-летний гимназист оканчивает классы с серебряной медалью — надо ли говорить, что особых успехов он добился в физике и математике, проштудировав по этим предметам гору книг. К концу шестого года обучения, помимо изобретенных водяной и паровой турбин, гусеничного автомобиля и часов с длительным заводом, у Александра уже имелась и первая собственная рукопись о космических полетах — четыре ученические тетрадки, сшитые вместе и исписанные карандашом.

А.И. Шаргей — гимназист

С 16-летнего возраста, — напишет он через несколько лет Циолковскому, — *с тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли, — достижение этого стало целью моей жизни.*

Трудно сказать, что в свое время послужило причиной тому, что мальчик устремил взор единственно в небо, в бескрайние космические просторы. Но на земле ему оказалось тесно. Еще в детстве

обозначив своей целью достижение других планет, он остался верен ей до конца и шел к этой цели с невероятным упорством. Трудно даже представить себе, какой стремительнейший взлет ожидал этого человека, если бы не война и не революция.

Едва Александр Шаргей, теперь уже студент механического отделения Петроградского политехнического института, приступил к учебе, как его призвали на фронт. Шла первая мировая. И вот наступил 1917 год, ставший для миллионов людей поворотным, в корне изменившим их жизни.

Куда только ни бросала судьба Александра, но в 1918-м он оказался у деникинцев. Документы у него, естественно, забрали. Но воевать за «белое дело» он не желал и однажды, когда эшелон двинулся в Одессу, просто «отстал» от него. Ценой за побег стало его собственное имя. Между тем в стране, где шла жестокая гражданская война, находиться в таком нелегальном положении было крайне опасно. Некоторое время Александр жил у разных своих родственников и знакомых, но долго так продолжаться не могло. Нужно было что-то делать.

Удобный случай представился в 1921 году. Мачеха Александра раздобыла у одной из своих знакомых документы недавно умершего… Юрия Васильевича Кондратюка. С этого самого дня Шаргей стал Кондратюком. Причем взял не только имя, но также год и место рождения покойного (1900 год, г. Луцк), «помолодев», таким образом, на три года. О настоящем Юрии Кондратюке мы знаем только, что это был студент одного из университетов, скончавшийся в 21 год от чахотки.

Итак, прошлое оказалось перечеркнуто. Началась совсем другая жизнь — под чужим именем. Юрий Васильевич — станем теперь называть его так — весьма тяготился вынужденным своим «нелегальным» положением. Страх разоблачения стал с тех пор постоянным его спутником, ведь если бы всплыло его белогвардейское прошлое, трудно даже представить, какие последствия это могло бы иметь. Клеймо белогвардейца равнялось фактически клейму смертника.

Несмотря на такой поворот судьбы, жизнь продолжалась. Естественно, о том, чтобы учиться дальше, не могло быть и речи. И талантливейший исследователь космических полетов вынужден был не только взять чужое имя, но и заняться не тем, о чем мечтал. Кем только ни довелось ему работать в первые годы Советской республики — от смазчика и сцепщика вагонов до механика элеваторов. Последнее, собственно, и стало основной его профессией на долгие годы. Но вынужденные тяготы и передряги не сломили этого человека. Все свободное от работы время он проводил за чтением книг и главным трудом своей жизни — теоретическим исследованием космических полетов.

В 1925 году Кондратюк едет в Москву в надежде опубликовать свой труд и получить признание. В Госиздате его приняли достаточно прохладно и направили в Главнауку. «Хорошо, мы покажем вашу работу специалистам, — пообещали там Кондратюку. — Если все одобрят ее, тогда…»

В следующем году Кондратюк получил отзыв инженера-механика Владимира Петровича Ветчинкина. Тот писал, что блестящую работу следует немедленно опубликовать, а самого Юрия Васильевича перевести на службу в столицу, создав все условия для работы. Однако, несмотря на такой отзыв, издавать рукопись не торопились. Началась долгая волокита. Прошел год, другой. Ничего за это время так и не сдвинулось с мертвой точки, интерес к Кондратюку в Москве скоро потеряли. Все, кроме Ветчинкина.

А безвестный гений-самоучка так и оставался обычным инженером. Впрочем, нет, конечно же, не обычным. Он никогда ничего не делал спустя рукава. Все, к чему он прикасался, становилось удивительно слаженным, чудесным, хитроумным. Все его старания служили одному — принести людям пользу. И это прекрасно у него получалось.

В разное время Ю.В. Кондратюк работал на Украине, Кубани, Северном Кавказе. И вот в 1927 году он уезжает в далекий Новосибирск.

Новосибирский период жизни Кондратюка тесно связан с семейством Горчаковых. Перед тем как приехать в наш город, Кондратюк работал старшим механиком на Эльхотовском элеваторе в Северной Осетии. На эту должность пригласил его в свое время Петр Кириллович Горчаков — один из руководителей объединения «Хлебопродукт». Они прекрасно сработались, хорошо узнали друг друга, и вот, когда строительство элеватора было окончено и Горчакова перевели в Сибирскую краевую контору «Хлебопродукта», он предложил своему товарищу и коллеге отправиться вместе с ним. Так Кондратюк оказался в нашем городе.

Но перед тем как прибыть сюда, он заехал-таки в Москву, где, увы, все еще не торопились издать его труд. В столице он впервые встретился с будущим профессором В.П. Ветчинкиным. Нетрудно догадаться, о чем они беседовали несколько часов подряд, — конечно же, о межзвездных полетах. Ветчинкин обещал отредактировать рукопись Кондратюка и написать предисловие.

И, конечно же, Юрий Васильевич не мог не пробежаться по книжным магазинам столицы. В одном из них он купил новенький «Инженерный справочник», который увез с собой в Новосибирск и который стал его настольной книгой. Именно эта потрепанная книжка с массой пометок ученого хранится сейчас в нашем краеведческом музее.

В Сибири Кондратюк продолжает ставшую уже привычной работу — строительство и механизацию элеваторов. Новые сооружения приходилось возводить по всей области и даже за ее пределами; где он только ни побывал! Не было в те времена, наверное, ни одного крупного элеватора, который не был бы «знаком» с Юрием Васильевичем. Работа шла хорошо — как-никак, опыта Кондратюку-инженеру было не занимать. Вот только времени на межпланетные пространства оставалось слишком мало. Собственно, в самом Новосибирске Кондратюк проводил очень немного времени: работа его состояла из сплошных командировок. Но ему это не было в тягость, он никому и никог-

да не жаловался — наверное, даже самому себе. Он даже слово «отдых» не любил, недоумевая: как это можно просто *отдыхать*, ничего не делая? Да, кто бы из тогдашних рабочих мог представить себе, что этот неприметный с виду человек в неизменной брезентовой робе, с руками работяги, перепачканными машинным маслом, выводит ночами сложнейшие формулы и уносится мыслью в неизведанные глубины космоса…

Но вернемся к Горчакову. Он, его жена Ольга Николаевна и дочь Люся стали, пожалуй, единственными близкими ему людьми в чужом городе. «Кондратюк был нашим другом, — вспоминает Ольга Николаевна. Юрич, Юрисик, Юрочка — так звали мы его. Мы любили и ценили Юрия Васильевича. С годами он стал не только другом, но и членом нашей семьи».

И, несмотря на то, что работа — как «хлебная», так и «космическая» — отнимала у Кондратюка основное время, он все же умудрялся найти иногда часок-другой, чтобы отвести душу в кругу близких людей, чем доставлял большую радость не только им, но и себе.

Нет, он не был затворником, которого не интересовало ничего кроме математических расчетов. Каждый раз, когда ему удавалось зайти к Горчаковым, это был маленький праздник. Все — и гость в том числе — принимались шутить, веселиться, подтрунивать друг над другом. Особенно любили разнообразные интеллектуальные игры, одна из которых, выдуманная ими самими, состояла в том, что о каждом из присутствующих кто-нибудь слагал стихи, остальным же следовало угадать, о ком идет речь. Вот одно из этих стихотворений-описаний:

Пугает и тревожит
Твой одичалый вид.
Оброс ты и не брит,
Что сердце твое гложет?

Витаешь где-то ты
В погоне за Луною…
Брось детские мечты,
Займись жизнью земною…

Нетрудно догадаться, о ком идет речь в этом экспромте. Те, кто сочинил его, хорошо знали Юрия Николаевича, знали и любили. И — может быть, сами того не осознавая — где-то в глубине души все же верили, что придет время, когда его «мечтания» воплотятся в жизнь. Жаль, что самого Кондратюка тогда уже не будет на этом свете…

Каким же запомнили новосибирцы этого человека? Вот один из самых типичных его портретов: *Он был высокий, худощавый, имел большие, черные, живые глаза, волнистую шевелюру и небольшую бородку клинышком. Это был очень скромный, доброжелательный, тактичный и сдержанный человек. Он никогда не позволял себе грубого тона. Одевался Юрий Васильевич очень просто.* Таким запомнила его чертежница из группы Горчакова.

Разговаривать с Юрием Васильевичем было сущим удовольствием, — пишет в своих воспоминаниях один из коллег Кондратюка. — *Он был богато наделен чувством юмора. Мысли его были острыми, быстрыми и блестящими.*

В глазах сослуживцев, соседей и знакомых он выглядел этаким Дон Кихотом. Такой же странноватый, порой одетый несколько нелепо. Рыцарь печального образа, выбравший «дамой сердца» Луну — свою Дульцинею. Но все его любили, ласково называли кто «наш Юрич», кто — «милый человек». Часто ранним утром его можно было застать спящим за рабочим столом — «задачкой увлекся», засиделся.

Рассеянность и странноватость — качества ученых, давно уже ставшие притчей во языцех. Не был исключением и Юрий Васильевич. Он мог, например, машинально съесть тарелку печенья, выставленного на стол для всех, мог кушать суп вприкуску с сахаром или еще чем-нибудь сладким. А однажды уселся прямо на горячий пирог, только что вынутый из печи. Соседи жаловались, что, отправляясь утром на службу и проходя мимо их дома, Юрий в задумчивости то и дело ударялся головой о ставни, которые от этого закрывались. «Исправлюсь», — обещал он каждый раз. Но на следующий день все повторялось.

Причина такой рассеянности — постоянная погруженность в собственные мысли. Ведь ученый живет не столько в реальном мире, сколько в мире своих дум. И все, что от них отвлекает, — неправильно. Доподлинно известно, что Юрий Васильевич не курил папирос и никогда не пил спиртного — даже пива. «Глупости все это…» — говорил он. Алкогольных напитков он не признавал по той причине, что от них «голова хуже работает». Действительно, голова ученого должна всегда быть ясной. Зато сладости Юрий Васильевич любил: еще в детстве он где-то вычитал, что сахар улучшает работу мозга… Карманы его пиджака всегда были набиты карамельками.

Как и подобает истинному служителю науки, Кондратюк вел аскетический образ жизни, довольствуясь только самым необходимым. Когда в свои права вступала суровая сибирская зима, неизменным спутником Кондратюка становился старый овчинный тулуп без пуговиц с высоким воротником. «Моя универсальная ротонда» — так называл его инженер. Тулуп этот действительно был универсальным: в разное время суток выполняя функции то одежды, то матраца или одеяла. Очень удивил он жителей Камня-на-Оби: одна нога была обута в ботинок, другая — в обрезанный сапог. Летом же Кондратюк ходил обычно в брезентовой робе и внешне ничем не отличался от простого рабочего, а в жаркую пору мог прийти на работу в сандалиях на босу ногу.

Получая достаточно большую по тем временам зарплату, на себя Юрий Васильевич практически не тратился — имеющуюся наличность он в основном рассылал родственникам да знакомым, которые, как он считал, нуждались в деньгах гораздо больше его. Многие брали у него в долг, некоторые не отдавали… Впрочем, Кондратюка это мало заботило.

Сослуживцы его любили и считали хорошим товарищем, на которого можно положиться во всем. Особенно он любил молодежь — всегда был готов

помочь, объяснить, научить. А вот ругать подчиненных совершенно не умел — даже если они этого заслуживали. Горчаков часто делал ему замечание, что тот распустил своих сотрудников. Кондратюка эти замечания приводили в замешательство. Он даже специально репетировал, как строгим голосом будет распекать провинившихся, но, увидев перед собой живого человека, не мог повторить заученного урока.

К женщинам Кондратюк не проявлял особого интереса, но при этом был джентльменом до мозга костей. Известен такой случай. Однажды в его присутствии кто-то из мужчин позволил себе прочесть непристойный стишок. И хотя никто из женщин ничего не понял (латыни женский пол не разумел), Юрий Васильевич не замедлил подойти к шутнику и, сверкнув глазами, произнес:

— За то, что вы осмелились сейчас сказать в присутствии женщин, бьют по физиономии. Убирайтесь отсюда немедленно!

Запомнили этот случай именно потому, что все считали Кондратюка кротким и совершенно безобидным. А тут нате вам — «по физиономии»… Пожалуй, действительно, если бы при нем оскорбили женщину, наглецу досталось бы по первое число!

Юрия Васильевича, кстати, не раз пробовали «поженить» товарищи и коллеги. Кондратюк, улыбаясь, выгребал из кармана конфеты и угощал даму. На этом, собственно, все и заканчивалось…

Между тем работа над завоеванием межзвездных пространств продолжалась, а времени на нее было по-прежнему мало. Но в начале лета 1928 года Горчаков отправляет Кондратюка в далекую глухую деревушку Ингаш — прорабом. Собственно, смысл этого перевода состоял в том, что прорабом Кондратюк там только числился, благодаря чему все свое время смог посвятить научным изысканиям. Но была и другая причина «исчезновения»: в то время в Москве начался процесс по «шахтинскому делу», и по всей стране стали искать «инженеров-вредителей».

И вот книга почти готова. Осенью того же года Юрий Васильевич вернулся в Новосибирск, чтобы наконец-то издать ее… за свой счет: на Москву он уже не надеялся. Пришлось помучиться с типографией: тамошние работники, ничего не смысля в формулах, постоянно ляпали кучу ошибок. Наконец чудо свершилось. Книга «Завоевание межпланетных пространств» увидела свет. Это произошло в 1929 году.

Она была небольшая — меньше 100 страниц, — а тираж ее составлял всего 2000 экземпляров. **Ю. Кондратюк.** ***Завоевание межпланетных пространств***. Под редакцией и с предисловием проф. В.П.Ветчинкина, — значилось на обложке, которую украшал лаконичный рисунок автора — черный круг Земли, опоясанный стрелкой — траектория полета ракеты. На титульном листе можно было прочесть: ***ИЗДАНИЕ АВТОРА***. Новосибирск, ул. Державина, 7. Именно по этому адресу проживал Юрий Васильевич Кондратюк в то время, когда его книга увидела свет.

После стольких лет напряженнейшей работы ученый смог взять в руки первый экземпляр своей книги. *Рад иметь, наконец, возможность преподнести Вам свою книжку,* — пишет он Ветчинкину. — *Издал ее с большими мучениями и дьявольски дорого. Местные наборщики никак не могли справиться с формулами, а я был непрерывно в разъездах.*

Один экземпляр он вручил, конечно же, Горчаковым. Ольга Николаевна спросила:

— Неужели вы действительно верите в осуществимость своей детской мечты?

Юрий Васильевич ответил:

— Верю, верю, милая Ольга Николаевна. Да вы и сами верите, не правда ли?

Выпуск книги отмечали с Горчаковыми. Все пили вино, а Юрий Васильевич — чай. Про него пели веселую песенку:

Женщин я не признаю,
С детства я Луну люблю.
О свиданьи с ней мечтаю,
Экипаж изобретаю.

Событие это Кондратюк считал главным в своей жизни. Он был уверен, что теперь-то его узнают, признают «своим», и его ракета вот-вот будет создана. Увы, он ошибался. Никто не бросился к нему с распростертыми объятиями. Даже коллеги, друзья, от всей души поздравлявшие Юрия Васильевича с этим событием, продолжали считать его мечтателем и фантазером.

Кондратюк рассчитывал, что ему вскоре предоставят все возможности для практического воплощения своих исследований, то есть для создания ракеты и осуществления первого полета. Но единственным положительным результатом стало то, что он завязал переписку с видными учеными того времени, в частности, с Циолковским.

И вот судьба преподносит ему очередной сюрприз. Честнейшего работника, столько сделавшего на благо своей Родины, обвинили… во вредительстве. Что ж, как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Местное руководство пришло к выводу, что «Мастодонт» Кондратюка (зернохранилище в Камне-на-Оби), построенный без чертежей и без единого гвоздя, не выдержит и развалится, похоронив под грудой бревен несколько тысяч тонн зерна. «Вредительство», — однозначно заявили чиновники. Что ж, такое было тогда поветрие — поиски предателей, шпионов и вредителей, когда пострадали миллионы ни в чем не повинных людей.

Арестовали не только Кондратюка, но и Горчакова и еще нескольких человек из «Хлебстроя». Шел 1930 год. После продолжительного следствия Кондратюку выносят приговор — три года лагерей. Такой оказалась «благодарность» государства за неоценимый вклад в развитие отечественной науки и техники. К счастью (если это слово здесь вообще уместно), не прошло

и полгода, как приговор был заменен высылкой для работы все в том же «Хлебстрое».

Но надежды на воплощение своей мечты уже рухнули. Печально известная 58-я статья — «Антисоветская деятельность» — отмечала тогда несмываемым клеймом всю оставшуюся жизнь.

«Завоевание межпланетных пространств» стало первой и последней книгой Кондратюка. Воплотить в жизнь то, о чем в ней говорилось, оказалось невозможным, по крайней мере, — в обозримом будущем. А ведь он верил, что ракету можно построить уже в 20-е годы. Верил, что первым совершит космический полет…

Окончательно Горчакова и Кондратюка вызволила из плена…ветряная мельница. Дело в том, что в начале 30-х объявили конкурс на лучший проект ветряной электростанции (ВЭС) в Крыму — идею подал сам Орджоникидзе. Сначала Кондратюк занимался этим проектом без особого энтузиазма, но постепенно втянулся в работу. Идея увлекала его все больше и больше. По запросу Наркомтяжпрома в феврале 1933 года Кондратюку и Горчакову выдали разрешение на выезд в Москву. Потом разрешение дважды продлевали, а вскоре, видимо по ходатайству того же Орджоникидзе, досрочно освободили. Проект ВЭС Кондратюка признали лучшим. Казалось бы, снова стали открываться большие перспективы; ученый живет теперь в столице, ему предлагают работу в недавно созданной группе изучения реактивного движения (ГИРД), которую возглавляет сам Сергей Павлович Королев — о чем еще мечтать? Но Кондратюк отказывается от этого предложения. Почему? Скорее всего, он опасался разоблачения при проверке биографических данных, необходимой для устройства в столь серьезную организацию.

Профессор Ветчинкин выдвигал Кондратюка на ученую степень доктора технических наук — предложение это отклонили. Слишком многие не любили в Москве этого гения-самоучку.

Проект мощнейшей в мире ВЭС постигла, увы, та же участь, что и проект космического полета. Продолжавшаяся не один год волокита, бесконечные экспертизы и оценки «видных деятелей» окончились тем, что ВЭС признали нерентабельной, причем тогда, когда фундамент уже построили.

Нетрудно догадаться, какие чувства переполняли Юрия Васильевича. Но что он мог сделать — самоучка с белогвардейским прошлым и клеймом вредителя? Пожалуй, 30-е — годы после выхода его книги, оказались для Кондратюка самыми горькими. И самыми тревожными — в любой момент его могли арестовать: репрессии были в самом разгаре.

Началась Великая Отечественная. Юрий Васильевич долго не раздумывал и 6 июля 1941 года отправился добровольцем на фронт. Последнее его письмо с фронта пришло зимой 42-го.

Где и при каких обстоятельствах он погиб — до сих пор неизвестно. Были и другие версии его исчезновения. Некоторые полагали, что Кондратюк остался жив и, вторично сменив имя, покинул Россию, однако это мало похоже

Дом–музей Ю.В. Кондратюка

на правду. Тем не менее, ни места, ни точного времени гибели Кондратюка мы не знаем.

Он исчез, но сколько полезного, нужного людям осталось после него! Это и элеваторный ковш — «ковш Кондратюка», который еще в предвоенные годы распространился по всей стране, и знаменитый «Мастодонт» — крупнейшее в мире деревянное зернохранилище, построенное без единого гвоздя, и подвесной мост в Новокузнецке, и проект мощнейшей ВЭС… Не говоря уже о достижениях в области исследования космических полетов.

Кондратюку принадлежит множество ценнейших идей; большинство из них рано или поздно нашли себе применение в жизни. Пожалуй, самая известная из них — это идея предварительного вывода корабля на орбиту Луны и использование небольшого взлетно-посадочного аппарата для высадки человека на ее поверхность. Именно по этой схеме в 1969 году осуществлен полет на Луну; «трасса Кондратюка» — так назвали ее впоследствии.

Разработок Ю.В. Кондратюка было очень много — в основном, конечно, в области ракетной техники. Это и использование кислородно-водородного топлива в ракетных двигателях, и турбонасосный агрегат для подачи топлива, и различные механизмы управления и ориентации ракеты — в частности, использование для космических маневров гравитации небесных тел. Некоторые из них, как оказалось, осуществили еще до Кондратюка — ведь работал он практически в полной изоляции и долго не имел возможности познакомиться с научными трудами ученых того времени.

Задолго до того, как полет в космос стал реально осуществим, Кондратюк тщательно прорабатывал все его детали. Он придумывал костюмы для космонавтов, специальные кресла для них, моделировал выход в открытый космос. Космические базы для заправки кораблей на орбите Земли и других планет — тоже его идея, не говоря уже о многоступенчатой ракете.

Мемориальная доска на доме–музее Ю.В. Кондратюка

Впоследствии все эти идеи легли в основу современной космонавтики, но произошло это, к сожалению, уже после смерти ученого — настолько он опередил свое время.

Кондратюк смог бы сделать гораздо больше, если бы не жестокое время. Если бы не «век-волкодав». Господи, как же чудовищно несправедливо обошлась с ним его Родина!

Вспомнили о Кондратюке после смерти Сталина, в эпоху хрущевской оттепели. В 1970-м официально реабилитировали, признав невиновным в том, в чем его обвинили сорок лет назад, — во вредительстве. Еще через десять лет на экраны вышел фильм о Юрии Васильевиче Кондратюке, он назывался «Хлеб и Луна». Правда о Кондратюке возвращалась к нам по крупицам, шаг за шагом. Подлинное его имя стало известно многим лишь совсем недавно.

Имя этого человека — пусть и не то, настоящее, — все же вернулось к нам. Вернулось навсегда. Именем Кондратюка названа одна из площадей в Новосибирске, улицы российских городов, малая планета □ 3084, лунный кратер. Созданы научно-мемориальные центры Кондратюка в Красноярском крае, Татарстане, Новосибирске. Любому новосибирцу хорошо знаком небольшой двухэтажный домик по улице Советской, 24, где жил когда-то ученый. Именно сюда принес он первые экземпляры своей книги. Здесь засыпал, просидев до глубокой ночи над чертежами. Теперь это его музей.

Нашего ученого помнят не только в России. Наверное, мало кто знает, что в домике на Советской, 24 побывал американский космонавт Нейл Армстронг, первым ступивший на Луну. Он нарочно приехал в наш город, чтобы посетить места, где жил и работал Кондратюк. И вот трогательный факт: Армстронг увез с собой в далекую Америку горсть земли с улицы Советской. Такое почтение к Кондратюку не случайно, ведь именно его схемой полета на Луну воспользовался американский ученый Джон Хуболт. Ровно через 40 лет после издания «Завоевания межпланетных пространств» в Новосибирске НАСА осуществила полет американских астронавтов на Луну на космическом корабле «Аполлон-11».

Что-то еще будет впереди? До каких планет сумеет добраться человек?.. Об этом можно только догадываться. Но пока с нашей грешной Земли стартуют космические корабли, имя Юрия Васильевича Кондратюка не будет забыто.

Антон СУРНИН

Вехи на трассе

Мы долго гонялись за ним по проселочным дорогам. В совхозной конторе сказали: был, утром, ранёнько… На бригадном стане: только что уехал… Наконец, на дорожке, разделяющей поля, увидели «газик» с распахнутыми дверцами. Рядом, на полосе, копался в земле мужчина. Среднего роста, коренастый, в кирзовых сапогах, в сером коротком плаще, в кепке, надвинутой почти на брови и прикрывающей от солнца глаза, он склонился над бороздой, разгребал руками землю и прутиком измерял глубину пахоты. Блеснув толстыми стеклами очков, широко, по-детски улыбнулся:

— Молодцы! Плуги отрегулированы что надо!

Так мы познакомились с Коробейниковым. Помнится, после короткой беседы, перед

тем, как сесть в машины, он посмотрел в даль и с улыбкой, которая казалась застенчивой, произнес:

— Хорошо…

И на самом деле, кулундинская степь, уходящая в белесую дымку над горизонтом, с редкими перелесками, с деловитыми грачами на пашне, со звенящими жаворонками, с подснежниками в колках, очаровывала скромной, неброской красотой.

Потом мы с ним встречались много-много раз. И он всегда, в самых разных ситуациях, был одинаков — спокоен, неторопли в, приветлив. Не выставлял напоказ переживания, сложную и напряженную работу души.

Одна из встреч особенно запомнилась. В 1977 году первому секретарю Краснозерского райкома КПСС Василию Ивановичу Коробейникову присвоили звание Героя Социалистического Труда. Надо было срочно делать очерк в газету.

Атмосфера тех дней властно настраивала на торжественный праздничный лад. Корреспонденты… Днем и ночью — телефонные звонки… Почти четыреста телеграмм — от самых высоких лиц в стране, от людей, с которыми когда-то свела судьба, и даже от незнакомых… Все эти листки одинакового формата с «зпт» и «тчк» были дороги Коробейникову. Но он ждал одну весточку, может быть, самую значительную для него: почему нет отклика от Федора Терентьевича Земляникина, старого большевика, первого учителя, большого друга? Заболел? Газета с указом под руку не попала, радио прослушал?

В этой обстановке надо было приложить немалые усилия, чтобы не выбиться из привычного рабочего ритма. Как всегда, на лыжах прошел по еще спящему поселку, по речке Карасук, «выполнил норму». В райкоме «сел» на телефон:

— Вчера был у вас на ферме. Душ работает с перебоями. В столовой нет мяса. Почему? Уже все поправили? Хорошо. Не забывайте — это не мелочи…

С головой ушел в будничные дела: проблемы, посетители, звонки…

Вошла секретарша:

— Василий Иванович, к вам товарищ из Новосибирска. Пожилой, седой, высокий…

Коробейников просиял: это он, Федор Терентьевич!

Обнялись, не стесняясь блеснувших на ресницах слезинок.

— Как вы добрались, Федор Терентьевич? Почему не предупредили?

Коробейникова с первой минуты встречи мучил этот вопрос. Самолет еще не прилетел. А вот автобус от станции, до которой тридцать километров, приходит как раз в это время…

— На автобусе, на автобусе, — смеялся Земляникин. — А предупредить… Что ты, Вася! У тебя же дела, район! Знаю я вас, районщиков, забот выше головы. Зачем тебя отвлекать? А мое дело стариковское. Ночью в поезде

выспался. В автобусе в тесноте, да не в обиде. В пути разговоры всякие слушал. Хороший у вас народ в Краснозерке. Кстати, и о тебе мужики говорили…

— Поругивали, поди?

— Нет. Хорошо говорили. Это же великое счастье, когда и простые люди, и правительство одинаково оценивают твою деятельность.

Сели.

— Едем, значит. Темень, метель. В трех шагах ничего не видать. И вдруг замечаю, что свет от фар из темноты вешки выхватывает. Спрашиваю у соседа: что это, особо опасный участок? «Нет, — отвечает, — самый обыкновенный. У нас на всех дорогах, даже на проселочных, такие вешки установлены, чтобы, значит, люди в метельной степи не сбились. У нас ведь всякое бывало, даже замерзали в пургу. Это наш Василий Иванович придумал». «Так это же не одна тысяча вешек! — вырвалось у меня. — Колоссальная работа!». Сосед посмотрел на меня этак свысока: «Жизнь человека дороже всего». И сказал это, Вася, с твоей интонацией.

— Нашли мужики чем хвалиться… Вешками…

— Не скажи… задумчиво возразил Земляникин. — Мне эти вешки-прутики о многом сказали… Может быть, больше, чем твой доклад на отчетной конференции.

… Жили Коробейниковы на железнодорожной станции Каргат. Страшные двадцатые годы навсегда врезались в память. Особенно картина: приходит поезд, товарные вагоны набиты людьми — живыми, полуживыми и мертвыми. Работники станции, жители поселка выносили из вагонов трупы людей, пораженных тифом. Родители Василия вместе с другими укладывали эти трупы штабелями неподалеку от станции. Сначала, заразившись сыпняком, умерла мама, женщина с добрыми и усталыми глазами, а вскоре ушел и отец.

Оборванный голодный паренек сообразил, что надо пробираться на Алтай, где, по слухам, много хлеба и куда не доехали эти несчастные, завершившие свой жизненный путь в Каргате. Добрался до родни. Это была многочисленная семья, такая же, как и он, голодная. Пошел в батраки к кулаку. За кусок хлеба и несколько картофелин работал день и ночь. А когда хозяин ни за что ни про что зверски избил мальчугана, Василий ушел из села куда глаза глядят.

Уходил по зеленому скату,
Знал, вернусь не скоро, не скоро.
И поля, и саманную хату
Променял я на шумный город...

Так он напишет через несколько лет. А пока — жизнь беспризорника, железнодорожного «зайца».

Молодая, беспощадная к врагам советская власть производила самые гуманные в истории аресты. Чекисты, соратники «железного» Феликса, забра-

сывали частый бредень на вокзалах, в ночлежках, притонах, вылавливали бездомных мальчишек и девчонок, устраивали их в колониях, приобщали к труду. Бестолковые пацаны и девчонки орали, царапались, кусались при задержании, не понимая, что их ждет настоящая, полнокровная, сытая жизнь. Пятнадцатилетний Вася Коробейников сам стремился попасть в сети ЧК.

Так он оказался в производственно-учебных мастерских при Запсибдеткомиссии, которую возглавлял Земляникин и где воспитателями работали бывшие беспризорники, прошедшие через колонии самобытного и ныне забытого педагога Антона Семеновича Макаренко. Об этих мастерских с восхищением отзывался нарком просвещения Луначарский. Как-то побывал здесь знаменитый в то время Демьян Бедный. Увидел в стенгазете стихи, обратился к Земляникину:

— Покажите-ка мне этого помощника мастера по выделке кожи Васю Коробейникова.

И спустя несколько минут смущенный колонист, заикаясь от волнения, прочел только что сочиненные стихи.

… Труд всегда по силе мне. И легко
Стены класть кирпичные высоко.
Стены поднимаются в небеса…
Хорошо мне, весело на лесах!

— Хочешь быть поэтом, Василек?

Василек хотел быть и поэтом, и художником, и агрономом, но сказал:

— Хочу.

— Поедешь учиться в Москву, в литвуз, по моей путевке, — решил Демьян Бедный.

Но жизнь сложилась иначе.

В 1934 году Коробейникова как лучшего рабочего направили учиться в Томский индустриальный институт. Неожиданно подкралась и крепко скрутила болезнь. Пришлось отлеживаться в одном из сел. Секретарь райкома комсомола словно отрубил:

— Как тебе, такому тощему, учиться! Поработай у нас годик-другой, наберись силенок. А потом мы отправим тебя в столицу. С музыкой! А нам, сам знаешь, как нужна боевая, грамотная братва…

— Знаю, — ответил Василий, глядя в покрасневшие, воспаленные от недосыпания глаза худющего секретаря.

Поработал «годик» заместителем редактора районной газеты, потом «другой» — редактором. Душой сросся с делами и заботами района. И в Москву поехал не в литвуз, а в институт журналистики. Вернулся в Баган и более десяти лет редактировал районку.

Как-то незаметно его целиком захватила партийная работа. Шесть лет был первым секретарем райкома в Северном районе, семь лет — в Чистоозерном и более десяти — в Краснозерском, крупнейшем в области районе по про-

изводству зерна. Притом, высококачественного, «красного» зерна. Отсюда и название поселка.

… — Ну, что ж, Вася, рассказывай, каких ты тут дел натворил, за что тебе Героя дали? — спросил Федор Терентьевич. И почувствовал себя неловко. Ему-то хорошо известно, что в двух словах о деятельности райкома не расскажешь. Да и вся жизнь Коробейникова у Земляникина — словно на ладони. Он постоянно и с пристрастием следил за делами своего ученика. Знал, что и в Багане, и в Северном, и в Чистоозерном, и в Краснозерском районе Василий оставил о себе добрую память — такие вехи, которые помогают людям жить лучше. Читал Земляникин и небольшие книжки Коробейникова, члена Союза журналистов СССР, вышедшие в Новосибирске и в издательстве «Советская Россия». Каждая из них подытоживала какой-то период жизни автора.

Северный район… Край света… Всего пять лет спустя после окончания изнурительной, разрушительной войны… И вдруг призыв: сделаем район районом сплошной электрификации. Конечно, многим он казался нереальным.

Коробейников в своей брошюре писал об организаторской работе, об энтузиазме, охватившем всех крестьян. Не писал об одном — о том, что инициатором, душой всего дела был он сам. Василий Иванович побывал во всех колхозах, в селах и деревеньках, беседовал с людьми в бригадах и на фермах, в клубах и сельпо…

Сделали невозможное — через полгода деревни озарились светом электроламп. Они горели в избах, на улицах, на животноводческих фермах, где женщины большую часть года обычно доили коров вслепую. Теперь люди могли выкроить время для того, чтобы почитать газеты, книги. Ребятня ликовала. Казалось, что солнце продлило свой рабочий день над артелью имени шестого съезда Советов. И тогда люди дали своему колхозу другое имя — «Заря коммунизма».

Северный район первым в области стал полностью электрифицированным.

Когда в Чистоозерном районе прошла молва о том, что сюда направляют на работу Коробейникова, говорили:

— К нам электрический секретарь едет.

И здесь на одном из первых пленумов райкома был поднят вопрос о необходимости электрификации. И здесь, в степном краю, где лес добывать труднее, чем на севере, намеченную программу выполнили в срок.

Те, кто видели в Коробейникове только застенчивого добряка или этакого бесхребетного интеллигента и думали сыграть на некоторых чертах его характера, вскоре поняли, что крепко ошиблись. Добрые прищуренные глаза за массивными стеклами очков становились стальными и колючими, а голос резким и требовательным, если он встречался с проявлениями неискренности, нечистоплотности, фальши, лености. Не уважал тех, кто первыми и выше

других поднимал руки при голосовании за какие-то проекты, но не очень-то утруждали себя при их осуществлении. К пьяницам относился с брезгливостью, все делал для того, чтобы не допустить их на руководящие посты, считая, что доверять таким нельзя. Сам, если случались застолья, пил только воду, а потом, когда завели кобылью ферму, — кумыс.

Василий Иванович понимал, что электричество — это база не только для подъема производства, но и для формирования грамотного, культурного человека. После трудного послевоенного периода, когда подлечили раны, страна стала крепче и богаче. В деревню двинулась техника. Чтобы умело управлять машинами, сполна использовать потенциал каждого гектара угодий, человек должен духовно расти, обогащаться знаниями, уметь видеть и создавать прекрасное.

И вот в селе Журавка, где располагалась центральная усадьба колхоза имени Мичурина, появляется картинная галерея. Первым на призыв чистоозерного секретаря откликнулся известный художник И. Титков, подаривший сельхозартели тридцать картин. Свои произведения привезли новосибирцы И. Тютиков, М. Мочалов, А. Пятков, А. Лучников, скульптор М. Меньшиков, многие другие, а затем откликнулись мастера кисти других регионов, в том числе и москвичи. Весть о создании картинной галереи в сибирском селе облетела всю страну. Вскоре появились и последователи.

Фруктовые сады, конкурсы цветоводов, пионерские лагеря, пляж, клубы, музыкальные школы, лектории, дискуссии, соревнование по благоустройству поселков — везде успевал секретарь райкома.

… В первые годы работы в Краснозерском. Ехал он как-то из деревни в поле, а навстречу, громыхая, поднимая клубы пыли, двигался трактор. Василий Иванович сделал знак, и механизатор остановил машину. Познакомились.

— Куда едете?

— Домой.

— Случилось что-нибудь?

— Случилось! — с вызовом ответил тракторист. — Жрать хочется…

— Почему же на тракторе?

— А на чем же? — стрельнул взглядом на райкомовский «газик». — Легковушка по штату не положена. Такси не ходит. Пешком — далековато… — механизатор повернулся к трактору, намереваясь забраться в кабину.

— Никогда, ни в какие времена сибирский крестьянин не уходил с поля, пока солнце не село…

— Так это как было! Владел мужик клочком земли. Все лето на этом клочке и суетилась вся семья. Тут ему баба завтрак, обед, ужин готовила. Сейчас жену с собой не привезешь, она тоже работает. Моя, например, дояркой. Забот у нее не меньше, чем у меня. Вот и вникай, Василий Иванович…

А Василий Иванович чертил прутиком на пыльном откосе дороги какую-то карту.

— Смотри, а если вот так сделать, — сказал он. — Вот ваши поля. Здесь, в середине, колок хороший, к речке прислонился. И вот в этом лесочке представь полевой стан. Не какую-нибудь развалюху перетащить, не дырявый вагончик, а добротный дом — спальни с хорошими кроватями и постелями, занавесочки. Рядом — кухня, столовая. А вот здесь, у речушки, — баня с душем. Обязательно — баня! Ну и, конечно, — красный уголок, радио, электричество. А вокруг — цветы в клумбах! Общественный огород — картошка там, капустка, лучок, морковка… Чтоб еда дешевая была… Будут на таком стане жить механизаторы?

— Да еще — волейбол! — усмехнулся тракторист.

— Конечно! — загорелся секретарь. — Волейбол это здорово!

— Жить будут, — согласился собеседник, глядя на чертеж. — Но я-то тут при чем? Моим сверстникам этого рая не дождаться…

— Вот те на! — возмутился Коробейников. — Тогда зачем огород городить! Через десять-пятнадцать лет мы будем решать другие проблемы… Нет, дорогой товарищ, полевые станы надо сделать к будущей весне!

Еще на полях «добивали» последние гектары, вывозили зерно на элеватор, ставили скот в стойла, пахали зябь, нянчились с семенами, выискивали запчасти для ремонта машин, то есть еще страда не завершена, а первый секретарь райкома призвал повсеместно строить полевые станы. И не времянки, в которых пересидеть непогоду, а добротные комплексы — миниатюрные бригадные дома отдыха. Эта идея нашла отклик в селах. Полевые станы с комнатами отдыха, столовыми, красными уголками, душевыми и банями, огородами и спортплощадками стали расти как грибы. И не только в Краснозерском районе.

Когда мы в последний раз беседовали с Земляникиным, он сказал:

— Много светлых вех останется на земле от Василия Ивановича… Ты же знаешь…

Как не знать! В Северном районе — электростанцию и теплицу, в которой были выращены, наверное, первые в Сибири лимоны. В Чистоозерном — первую сельскую картинную галерею и сады. В Краснозерском — стадион, школу искусств, дома культуры… И повсюду — сады, лесополосы, цветы… Отсюда пошла облепиха — останови машину, набирай на обочине ведро солнечных ягод и кати дальше…

Последний раз мы встретились в девяносто седьмом году, в канун его 85-летия. Очки помогали плохо, Василий Иванович читал медленно, поднося листы близко к лицу. Ослаб и слух. Но «добывал» информации достаточно для того, чтобы иметь представление о современной жизни. Глухо говорил:

— В Северном радио порушили… У людей уже электричество отключают… Ребятишек все меньше, детских садиков… Беременных женщин не видно…

Его частенько называли человеком с чудинкой. Василий Иванович и не скрывал, что ему по душе не сухие исполнители, а натуры творческие, беспо-

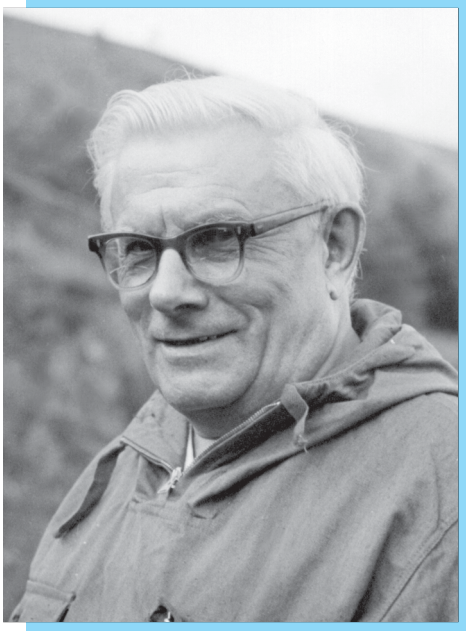

койные, горячие. Он считал, что в характере каждого человека есть или должна быть чудинка, только надо ее заметить, открыть. Вот ты — агроном, хорошо знаешь землю, растения, удобрения, в общем — хороший специалист. Но что-то у тебя еще должно быть! Или ты через самодельный телескоп открываешь новую звезду, или как мальчишка спозаранку бежишь с удочкой на озеро, или изобретаешь вечный двигатель, поешь в клубной опере… Что-то должно быть! Иначе ты не полнокровный человек. Зоотехник, тракторист, поэт… кто угодно, но не полнокровный.

Этот человек с чудинкой оставил вехи не только на дорогах, на полях, в селах и подворьях, но и в судьбах людей, с которыми общался, в судьбах их детей, внуков…

Справка: В.И. Коробейников родился 12 декабря 1912 года в Каргате, умер 25 февраля 1999 года в Новосибирске, похоронен на Заельцовском кладбище.

Геннадий САССА

Знаток лесов и трав

Первая профессия знаменитого лесовода и ботаника ни к лесу, ни к травам никакого отношения не имела. Кем, как ни летчиком, в двадцатые годы мог стать молодой Крылов с его темпераментом, складом характера и отношением к жизни! После семилетки он поступил на частные летные курсы, окончил их и стал одним из первых в Сибири авиаторов. К этому времени очень молодому человеку уже довелось пережить много.

Родился Георгий Васильевич в 1912 году в Нарыме. В эти края Крыловы попали не по доброй воле. В 1905 году за участие в Горийском восстании отец был выслан на десять лет в Нарымский край. Мать, Пелагея Георгиевна, последовала за мужем в ссылку с двумя маленькими детьми. Она была прекрасно образованной женщиной — окончила Киевский университет и докторантуру в Берне (Швейцария). Отец же, оставшись сиро-

той в десять лет (деда, начальника крепости Грозный, убили чеченцы), достиг всего в жизни за счет природных талантов и живости ума. Он прошел путь от «мальчика на побегушках» у грозненских купцов до старшего садовника в Батумском ботаническом саду у профессора Краснова. А в 1889 году, уже будучи главным виноделом фирмы «Абрау-Дюрсо», награжден на Парижской выставке за «Русское шампанское» и получил премию в пять тысяч червонцев.

В Нарыме в крестьянской избе с Крыловыми соседствовал другой ссыльный, тоже родом из Гори, — Иосиф Джугашвили. Его раскатистый храп за стеной запечатлелся в памяти маленького Юры. Запомнилось и то, что отец принимал участие в организации побега будущего диктатора, ведь они были знакомы еще на родине.

После ссылки семья перебралась в Новониколаевск. А потом отец был направлен в село Богородское Томской губернии сначала секретарем, а потом назначен председателем волисполкома. Называлось село так потому, что именно здесь, по рассказам жителей, было явление Богородицы одному попу. На этом месте построили церковь и село. Здесь Георгий окончил четыре класса сельской школы.

Его любознательность и богатейшая память проявились с малых лет. Тогда гонения на религию еще не начались, и сын председателя волисполкома вполне спокойно мог посещать местную церковь. Был в ней одно время даже послушником. Он проштудировал всю богословскую литературу, знал наизусть все молитвы, которые подсказывал порой во время службы дьякам. После того, как сын окончил сельскую школу, Крыловы решили переехать в Томск. В памяти остался крестный ход, которым с иконой Божьей Матери они и шли до Томска. Верующим Георгий остался на всю жизнь.

Все сущее на земле хорошо ко времени. Даже (как это ни чудовищно) уход из жизни. Но как рано пришли в эту семью невосполнимые утраты! Насколько труднее их было пережить совсем еще юному (почти ребенку) человеку. Родители умерли в один год, когда Георгию не исполнилось и семнадцати…

Самостоятельная жизнь начиналась с беспросветной нужды. Время было тяжелое. Сестра к тому времени была уже замужем. Она работала секретарем областного суда и сутками находилась на службе. На ее помощь не приходилось надеяться. Один из старших братьев отца, узнав о трагедии, хотел взять племянника к себе в Петербург. Но молодой человек отказался от этого предложения, потому что перед смертью отец сказал ему: «Юрочка, на всю жизнь запомни мои слова. Надейся только на себя. Никогда не жадничай. Все отдавай людям. И путешествуй. Ты это любишь. Занимайся любимым делом». Наказу отца он остался верен на всю жизнь.

Чтобы прокормиться, юноша готов был выполнять самую черную работу, но выручила профессия авиатора. Молодому Крылову поручили возить врача в самые отдаленные села. Там, где совершить посадку было нельзя, продукты и медикаменты доставлялись на «сброс».

Машину свою Георгий сам привез в Томск из Москвы. Это был трофейный, разборный «фарман-6», который уместился… в трех ящиках! Назвали его весьма символично — «Томский крестьянин». На нем и летал Крылов три года. Этот «Крестьянин», кроме всего прочего, занимался еще и выявлением лесных пожаров. На одном таком пожаре возле Юрги молодой авиатор едва не лишился жизни. По неопытности не учел, что над горящим лесом возникают воронки, вследствие поглощения огнем кислорода. В такую воронку и затянуло его аэроплан.

Выбрался он из горящего самолета неудачно. Упал на березу, в ветвях которой запутались стропила парашюта. К счастью, неподалеку люди косили сено. Они прибежали к месту падения летчика и нашли его с разбитой головой в бессознательном состоянии. На дрезине безжизненное тело отправили в Юргу, а потом на тендере товарняка — в Томск.

В больнице выяснилось, что череп летчика с правой стороны разбит на множество осколков. Их скрепили особым раствором, скобами. И три долгих года Георгию пришлось пролежать в госпитале Томского мединститута.

Однажды к нему в больницу пришли студенты первого Сибирского политехникума имени Тимирязева.

— Поступайте к нам учиться, — предложили они.

Он с радостью согласился. Комсомольцы взяли над ним шефство и помогли подготовиться к экзаменам. Перед приемной комиссией Георгий предстал в бинтах. И потом, уже студентом, еще год ходил в госпиталь на перевязки.

Учился он без труда, отлично знал систематику растений — одну из самых трудных дисциплин. Надо заметить, что юноша был еще и очень требователен к себе. Георгий избегал всего, что мешало учебе, которую приходилось совмещать с работой в клубе «Красный строитель». А к летчикам тогда отношение было особое, девчонки с него глаз не сводили. И чтобы спастись от ненужной популярности, он объявил себя женатым человеком...

Прежняя профессия летчика многое дала в жизни (авиацию, кстати, он не оставил после аварии, налетал за жизнь несколько тысяч часов, поднимал в воздух не только самолеты, но и дирижабли во время войны). Благодаря первой профессии, Георгий Васильевич стал великолепным картографом — ведь он видел землю сверху. Представлял, как петляет по равнине русло реки, как выглядят лесные массивы, тянутся горные хребты. Составить карту ему не представляло труда. И самая замечательная работа Крылова — карта лесов Западной Сибири, составленная им при написании докторской диссертации. Сейчас она хранится в Томском институте леса. Это документ исторической ценности. Леса — подвижная стихия. Вырубки, пожары меняют лицо земли неузнаваемо каждые тридцать лет. И лишь по картам мы можем узнать ее утраченные, неповторимые черты.

Еще студентом Крылову довелось выполнить очень ответственную работу. За полтора года до окончания техникума он возглавил полевую партию

на реке Чулым по отысканию высококачественной древесины сосны, кедра, ели и березы для экспорта и судостроения. Всего за две недели его подготовили к руководству партией, и экспедиция успешно справилась с заданием. Техникум закончил уже экстерном.

Говорят, что характером Георгий Васильевич уродился в своего дядю Алексея Ивановича — того самого, что служил при дворе Александра III. Он тоже был человеком дела и занимался судостроением. Однажды он даже спас государственный флот. Его отправили за границу с деньгами на покупку судов. Но там возникли какие-то проволочки, и Алексею Ивановичу полгода пришлось в чужой стране ждать решения вопроса. И все это время, не имея средств к существованию, он жил впроголодь, выращивал на пропитание шампиньоны в подвале, но ни рубля не взял из государственной казны. Этому-то человеку позже было поручено возведение очистных сооружений для царского двора. Бюрократия и в те времена процветала не хуже нашего. Чиновники никак не отпускали средств на строительство. Тогда Алексей Иванович пошел на отчаянный поступок: написал государю письмо, в котором изложил, что необходимо предпринять. «Иначе, — заметил он, — низшие чины будут опорожняться в реку, которая несет воду высшим чинам». Строительство было мгновенно профинансировано.

Много лет спустя нечто подобное произошло и с Крыловым. Воинствующие атеисты вознамерились взорвать знаменитый Воскресенский собор в Томске. Узнав об этом, Георгий Васильевич посылает письмо Калинину, в котором убеждает председателя ЦИК, что храм ценен не только сам по себе, но и как триангуляционный пункт привязки всех объектов в городе. И собор, созданный в восемнадцатом веке по чертежам самого Растрелли, остался сиять куполами…

Война застала Крылова в управлении треста «Томлес». Здесь он работал сначала начальником отдела лесного хозяйства, потом главным инженером. К этому времени с женой (бывшей сокурсницей) Ниной Салатовой он успел поработать в самом глухом сибирском леспромхозе Тайдонский, Новосибирском краевом управлении лесов, вместе занимались в Сталинграде устройством казачьих «левад», затем снова по собственному желанию уехали в Сибирь — село Молчаново (Кривошеенский леспромхоз). Георгию Васильевичу пришлось руководить строительством новых механизированных лесопунктов, разрабатывать технические условия по отборке сосны, которая шла для постройки самолетов и других спецсортиментов.

Металла стране не хватало, поэтому перед специалистами лесного хозяйства встала задача — отыскать ему замену. И такой материал был найден: обыкновенная березовая древесина! Но такую древесину давал только один вид березы — тот самый, открытый дальним родственником Порфирием Никитичем Крыловым, создателем Томского ботанического сада. Береза Крылова — настоящая сибирячка, высокая, прямая. Ее особо прочная и легкая древесина, обработанная особым образом, становилась крепче брони. Самолет, изго-

товленный из такого материала, был вполне пуленепробиваемым. Кроме того, из этой березы делались приклады для ружей и ложе для автоматов, а еще челноки для текстильных машин. Это изобретение Крыловым было запатентовано.

А потом Георгий Васильевич получил задание: отыскать в тайге открытые им спецсортименты и заготовить их в большом количестве за очень короткий срок. Его назначают уполномоченным Главного управления Комитета обороны (ГУКО), обеспечивают прямую связь со Сталиным. Крылов в любую минуту без промедления мог обговорить с Верховным главнокомандующим любой вопрос, связанный с заготовкой стратегического сырья.

По нынешним понятиям это задание невозможно было выполнить. Техники — никакой. Крылов организовывает триста подвод. Сани и непроходимые леса — таковы условия труда. По сугробам и буреломам приходилось протаптывать дорогу. Падали лошади. Неимоверные лишения терпели люди. Чтобы ускорить работу, Крылов объявил, что учитываться будут не ходки, а количество привезенной древесины. Повысил нормы. Но одновременно увеличил и оплату труда. Он работал, как и все, порой бессменно по трое суток. И военный заказ был выполнен.

Конец этой эпопеи оказался самым неожиданным. В НКВД поступил донос, что Крылов работает на иностранную разведку, что на заготовке и вывозке леса он завысил оплату с единственной целью: разорить государство.

Крылова арестовали и после трех месяцев одиночки приговорили к расстрелу. В камере, набитой осужденными так, что невозможно было даже сесть, смертники более суток ждали исполнения приговора. Это было настолько тяжело, что люди молили о скорейшем конце, только бы не мучиться в удушливой, жуткой атмосфере. Но ждали проверяющего: он еще раз должен был просмотреть черный список…

Проверяющим оказался бывший начальник управления треста «Томлес» В.М. Коровин, с которым Георгий Васильевич недолго работал до войны. Коровин своей властью освободил бывшего подчиненного.

По его ходатайству Крылов сам становится уполномоченным по освобождению незаконно осужденных. С таким мандатом он возвращается в Томск. По роду занятий приходилось много ездить по лагерям. Невыносимо больно было видеть происходящее там, особо гнетущее впечатление оставляли женские колонии. Но без таких посещений невозможно выполнять свои обязанности, и сколько преданных родине людей спас он от несправедливого поругания!

Тягостные эти впечатления подорвали здоровье Георгия Васильевича. С тяжелейшим нервным расстройством он попадает в больницу. Однако лечить такое заболевание врачам оказалось нечем, не было медикаментов. Единственное, что они могли сделать, это несколько раз в сутки оборачивать больного мокрыми простынями — есть такой прием в физиотерапии. Выписали Георгия Васильевича через полгода, но до конца так и не вылечили: до сих пор если кто-то подходит к нему во сне, он сразу просыпается…

Тем не менее, лагерные страдания сотен и сотен тысяч людей Крылов никогда не связывал с именем Сталина. Он относился к «вождю и учителю» с пиететом и все нарушения социалистической законности в те годы относил за счет влияния на него ближнего окружения.

После войны Георгий Васильевич вместе с женой заочно заканчивает лесохозяйственный факультет Сибирского лесотехнического института. К этому времени они перебираются в Новосибирск и работают в Главзапсиблесе Наркомлеса СССР. Диплом по теме «Проблемы озеленения Новосибирска» он защитил на «отлично». Именно по этому проекту многие улицы нашего города расцветали садами и парками. Позднее по его же проекту планировалась лесопарковая зона Советского района. Это был уникальный проект, который мог создать только лесник. И своим неповторимым обликом Академгородок обязан Г.В. Крылову.

Вся последующая жизнь Георгия Васильевича посвящена науке. Огромный практический опыт стал основой исследовательской работы. Двадцать восемь лет трудится он на разных должностях в Медико-биологическом институте и Ботаническом саду (который входил в состав института) Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР.

В это время приходилось много ездить. Из разных уголков страны он и его коллеги привозили для ботсада семена и саженцы. Мечтали, что здесь будут собраны все экзотические растения, которые только могут у нас прижиться. И в этом ботсаду приживались даже теплолюбивые виды. Есть там, например, дуб. Сейчас он сильный и развесистый. А более пятидесяти лет назад крохотный, хрупкий росток Георгий Васильевич бережно вез из командировки

откуда-то из европейской части страны. Вообще-то дубы сибирского климата не выносят — гибнут. Более семнадцати лет работники сада бережно ухаживали за этим росточком, укрывали его от морозов, пока набравший силу великан не научился противостоять холодам и ветрам Сибири. Вот так создавался этот зеленый рай, где каждое деревце, каждый кустик хранит память о теплых и заботливых руках человека.

В Медико-биологическом институте Крылов проделал большую часть научной работы. Здесь он получает звание доктора биологических наук, становится профессором. За свою жизнь Георгий Васильевич издал более 350 научных работ, в их числе более 85 книг и монографий. В них изложены новые принципы ведения лесного хозяйства на зонально-типологической основе в Сибири и на Дальнем Востоке, указаны районы максимальной продуктивности деревьев, районы плантационного разведения новых лесов из лиственницы, кедра, сосны, составлены проекты для возведения лесополос в Кулунде, Прииртышье, Хакасии, подсчитаны ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Это богатейшее наследие не потеряло с годами своей ценности.

О растительности Сибири Крылов знает решительно все. Его мама (которая умела очень хорошо распознавать травы и применяла их в лечении) привила сыну беззаветную любовь к родной природе. Он научился распознавать чудодейственные силы растений и свои знания стремился передать последующим поколениям. В конце шестидесятых годов им издана замечательная книга «Травы жизни и их искатели», которая имела огромную популярность. Почти в каждой сибирской семье можно и сейчас встретить ее. Но лес стал для Крылова не только объектом исследований. Это была его стихия — и родной дом, и творческая мастерская. Именно здесь он ощущал всегда всю полноту и красоту жизни.

До сих пор Крыловы ездят летом в экспедиции на Алтай. В последние года два Георгий Васильевич уже не собирает травы. Но его вторая жена, Нина Федоровна Козакова, старается обязательно организовать эти поездки, без которых жизнь для обоих теряет свой главный смысл. Георгий Васильевич прекрасно переносит дорогу и совсем не болеет на алтайском приволье. Как всегда, с ними работает кто-нибудь из учеников Георгия Васильевича. За время научной деятельности он подготовил тридцать шесть кандидатов наук и был

консультантом более двадцати докторских диссертаций, которые успешно защищены.

Обе жены Георгия Васильевича были такими же, как и он, увлеченными исследователями родной природы. С Ниной Григорьевной Салатовой Крылов пережил трудности и лишения военных и послевоенных лет, вместе они вырастили прекрасных детей — троих родных и двоих приемных.

Романтично и сложно складывались отношения с Ниной Федоровной. Он был на двадцать восемь лет старше и женат, она — одна из его аспиранток. Преданная и любящая, готовая идти за ним на край света, Нина Федоровна стала для него верным товарищем по науке, соавтором многих трудов. Когда семья Крыловых переезжала в Воронеж (там Георгий Васильевич восемь лет работал в центральном Научно-исследовательском институте лесной генетики и селекции), она полгода без отрыва от работы переписывала его огромную библиотеку, приводила в порядок и систематизировала архив. Работать с архивом Нина Федоровна продолжает и сейчас.

Вместе они издали более пятнадцати работ. Большая часть их вышла за узко научные рамки, стала интересной и полезной широкому кругу читателей, выдержав много изданий. Одна из самых знаменитых и основательных совместных работ — серия «Леса мира» (это мировые сводки о «Кедре», «Пихте»). Правда, одну из книг этой серии, «Ель», издать не удалось. Кроме того, они написали очень много книг о природе Сибири, посвященных травам и здоровью человека.

Через двадцать с лишним лет, после смерти Нины Григорьевны Салатовой, Георгий Васильевич оформил свой брак с Ниной Федоровной — в загсе и в церкви.

Первая экспедиция запомнилась Нине Федоровне не только потому, что она была первой, но и еще по одной причине. Вот как она сама рассказывает об этой памятной поездке:

— Мы приехали на юг Алтая в самое отдаленное селение Усть-Коксинского района — деревню Кайтанак. Здесь занимались разведением маралов. Приехали вечером очень уставшие. А Георгий Васильевич, он же неутомимый был. «Поедемте,— говорит,— я покажу вам левзею сафраловидную (маралий корень) и пион уклоняющийся (марьин корень). Они сейчас в самом цвету». Съездили. Накопали корней. И положили их в кузове машины, где и сами устроились спать в спальниках. А наутро я вся отекла. Глаза, как у алтайки, стали. К вечеру потеряла сознание. Деревня глухая, в медпункте кроме анальгина и пирамидона ничего нет. Медики абсолютно неквалифицированные. Не могли даже сказать, что со мной. Георгий Васильевич принялся меня спасать. Быстренько накопали мешок золотого корня и стали меня отпаивать им. Когда состояние улучшилось, они оставили меня на попечение одной местной семье, а экспедиция поехала дальше. Отваром золотого корня меня вылечили, можно сказать, на всю жизнь. С тех пор я вообще не знаю никакой аллергии, хотя работаю постоянно с травами.

Благодаря этой истории, считает Нина Федоровна, она и стала травницей.

Начались ежегодные экспедиции. Аспирантка работала над темой «Княжек сибирский и его использование в народной медицине». Это были годы ученичества. Какие разговоры велись у костра в экспедициях! С какими людьми ей посчастливилось тогда познакомиться! Было трудно привыкать к новому образу жизни. Но более всего огорчало то, что она ничего не знала о лесе. Ни трав, ни пород деревьев, ни много другого. И во время разговоров у костра не могла вставить ни слова.

— Не переживай. Главное, молчи больше, сойдешь за умную, — шутил Георгий Васильевич. — Слушай и запоминай, а говорить вовсе не обязательно.

Очень скоро выяснилось, что у учителя и ученицы много общего. На одну и ту же ситуацию они мгновенно одинаково реагировали. Совпадали их взгляды на жизнь, оценки людей.

Они хорошо дополняли друг друга. Нина Федоровна легко улаживала разного рода житейские проблемы, тогда как он, увлеченный выполнением задания, не видел быта. Георгий Васильевич стал доверять в экспедиции своей ученице многое.

Он и потом всегда прислушивался к ее советам. Они умели прощать друг другу слабости, считались с какими-то особенностями характера. Георгий Васильевич, например, не любит ремонтов и побелок. Нина Федоровна всегда занималась этим, когда он бывал в командировке. Зато встреча гостей — это его святая обязанность. Георгий Васильевич буквально до недавнего времени прекрасно готовил. Венгерская, польская, французская кухни — в этом он спец. И за столом балагурил, развлекал гостей. У Крыловых есть книга почетных посетителей. В ней сотни людей простых и знаменитых оставили пару фраз и свои автографы. Эта книга в некотором роде тоже исторический документ, потому что она ведется с пятидесятых годов!

Ко дню восьмидесятилетия мужа Нина Федоровна написала стихотворение. Доброе, искреннее, очень личное. «Счастлив мой век с тобой, мой друг!» Такова первая строчка… У Крыловых есть свой, возможно, не вполне научный взгляд на истоки долголетия. Долго живет тот, кого любят, считают они. И кто сам умеет, конечно, любить...

Нина ЕГОРОВА

Бесценный дар потомкам

Если вам когда-нибудь доводилось бывать в уютном сквере известного всему Новосибирску стоквартирного дома, что в начале Красного проспекта, то, наверно, и вас посещала мысль о том, что лучшего места для памятника талантливому сибирскому зодчему и искать не надо. Потому как, если бы довелось составлять для города своеобразную историческую «табель о рангах», имея в виду архитекторов и градостроителей, то в числе первых непременно надо было бы назвать имя **Андрея Дмитриевича Крячкова**, выдающегося ученого, педагога, профессора архитектуры, доктора технических наук, одного из организаторов архитектурного образования в Сибири. В истории Новосибирска трудно подобрать более характерный и яркий пример, когда судьба конкретной личности так была бы слита с судьбою, становлением города.

24 ноября 1876 года в деревне Вахарево Ярославской губернии Ростовского уезда в семье крестьянина Дмитрия Иосифовича Крячкова родился сын Андрей. Жить ему пришлось в семье деда, поскольку отец умер, когда мальчику исполнилось шесть лет. Места эти издавна славились искусными каменщиками и строителями, которые вербовались отсюда во все края обширного государства Российского, и впоследствии Андрей Дмитриевич не раз вспоминал красоты близлежащих городов, куда его изредка, по праздникам, возил дед, — узорчатые храмы Ярославля, их своды, покрытые ковром искусных фресок, трехсотлетний Ростовский кремль, отражавшийся башнями в тихих водах озера… Возможно, именно тогда он полюбил живопись и архитектуру.

В 1888 году Андрей Крячков окончил трехклассную школу в селе Ильинском на Белыни, и родные отправили его в Выборг под надзор дяди, на табачную фабрику, где Андрея сразу определили «мальчиком» в контору. Благодаря способностям к рисованию и языкам, он в августе 1890 года попал в реальное училище для подготовки к «конторской работе» и изучению языков — шведского и финского. В сентябре 1896 года юноша получил аттестат реального училища, а уже в следующем, 1897-м, поступил в Петербургский институт гражданских инженеров, давший стране в свое время таких замечательных архитекторов, как В. А. и А. А. Веснины, А. И. Дмитриев, А. С. Никольский, Н. П. Северов и др. В эти годы в институте работали академик архитектуры И. С. Китнер, профессора Э. И. Жибер, В. А. Шретер, гражданские инженеры В. А. Косяков и Н. А. Белелюбский, которые в дальнейшем не раз оценивали его работы и принимали участие в его профессиональной карьере. Исключительно деятельный, Андрей Дмитриевич совмещал учебу с работой чертежника, а затем техника-проектировщика в конторах петербургских архитекторов и инженеров.

После третьего курса, в 1899 году, А. Д. Крячков проходил практику на Волге, начало же сезона отдал выполнению задания городской думы — съемке планов Петербурга. Летом следующего года он ездил в Закавказье для прохождения практических занятий. В его характеристике потом было написано: *…при безукоризненном поведении исполнял все возложенные обязанности старательно и вполне толково*. Позднее, работая на старших курсах помощником по проектированию у архитекторов А. Д. Харламова и А. И. Дмитриева, А. Д. Крячков побывал в Новороссийске, Ялте, Севастополе, Одессе, что, несомненно, расширило его кругозор и обогатило чисто техническими знаниями.

Отсутствие общего художественного направления в архитектуре того времени сказалось на симпатиях А. Д. Крячкова — он увлекается модерном, но в то же время и стилизаторством, и подражаниями европейскому «ренессансу». Художественные идеалы его пока расплывчаты, но в чисто техническом плане подготовка уже достаточно высока. Обязанный отслужить три года после окончания учебы в одном из провинциальных строительных отделений губернского управления, Крячков в 1902 году по рекомендации своего институ-

та едет в Томск, где как раз организовался новый для Сибири технологический институт…

Что мог знать молодой архитектор, отправляясь в неизвестную и неизведанную страну — Сибирь? Отзывы о ней в литературе того времени страдали односторонностью. А. П. Чехов, Н. Г. Гарин-Михайловский, Г. И. Успенский, К. М. Станюкович рисовали мрачные картины неблагоустроенных городов, их низкую культуру, примитивную жизнь.

«Если пейзажи в дороге для Вас не последнее дело, то, едучи из России в Сибирь, Вы проскучаете от Урала вплоть до Енисея. Холодная равнина, кривые березки, лужицы, кое-где озера, снег в мае, да пустынные, унылые берега притоков Оби — вот и все, что удается памяти сохранить от первых двух тысяч верст…» — писал А. П. Чехов. «Народ здесь в Сибири темный, бесталанный… живется им скучно. Спрос на художества большой, но бог не дает художников… Девять месяцев не снимает сибирский крестьянин рукавиц и не распрямляет пальцев: то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило; а придет короткое лето — спина болит от работы и тянутся жилы. Когда уж тут рисовать? Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец…»

В Томске, куда держал путь А. Д. Крячков, имелись университет, технологический институт, в других городах, хотя и немногочисленные, учебные заведения — гимназии, реальные училища, семинарии… По приезде он встретил довольно широкий круг культурных сибиряков. И природа не произвела на него гнетущего впечатления. Напротив, она напомнила ему русские северные леса, он сразу проникся ее своеобразием и грандиозностью, многообразием форм и красок, нетронутостью и бесконечностью. Новые впечатления будят в нем жажду творчества, желание действовать. Технических специалистов тут явно не хватало, и перед Крячковым открывались самые широкие перспективы.

Приехавший в Томск поздней осенью 1902 года А. Д. Крячков начинает работать младшим инженером строительного отделения Томского губернского управления, летом 1903 года избирается по конкурсу штатным преподавателем технологического института по архитектурному проектированию и рисованию. С первых дней А. Д. Крячков попадает в сравнительно благоприятную научную и инженерно-техническую среду. Кроме того, здесь А. Д. Крячков близко сходится с архитектором-художником, местным уроженцем, преподавателем института В. Ф. Оржешко. Они то соперничали на конкурсах, то выступали совместно (военно-исторический музей в Петербурге, театр в Ярославле). Даже построенные в Томске собственные их дома выполнены в одной

стилевой манере — мотивы модерна в деревянной архитектуре… Оба здания, к счастью, сохранились и представляют собой интереснейшие и уникальнейшие примеры профессиональной деревянной архитектуры начала XX века.

Участвуя в Томске в строительстве двух крупнейших комплексов — зданий университета и технологического института, А. Д. Крячков приобрел серьезные инженерно-архитектурные познания, опыт организатора, изучил специфику строительства в суровых природно-климатических условиях Сибири.

В это же самое время Андрей Дмитриевич Крячков искренне полюбил педагогическую работу, живое общение с молодежью. Преподавая на факультете рисование и архитектурное проектирование, он скоро пришел к мысли о необходимости организации в институте профильного архитектурного образования. И по возвращении из заграничной поездки (летом 1907 года он был командирован Ученым советом Томского технологического института на шесть месяцев в Италию, Германию и Францию для повышения научной квалификации и изучения памятников архитектуры и выдающихся современных сооружений), А. Д. Крячков добивается открытия в институте кафедры архитектуры, позднее становится ее профессором. Историческая веха: с этого времени в Сибири впервые стали готовить кадры архитекторов.

Андрей Дмитриевич был весьма чуток к запросам времени, и на его творчество отложили отпечаток многие архитектурные веяния, смена стилей. Поочередно им отдана дань декоративности, русскому классицизму, эклектике модерна, конструктивизму. От одного он отказывался, другое страстно защищал. Но было в нем главное, что определяет художника, это — талант и трудолюбие. Потому что архитектор не только проектировщик, но и строитель. Это А. Д. Крячков доказал своей работой, этому же всегда учил студентов.

В архитектурной среде того времени существовало мнение, что знание рисунка необходимо только для того, чтобы «красиво оформлять» проект. Был в технологическом институте профессор — большой поклонник кирпичной кладки вообще и кирпичного украшательства в частности. Он требовал, чтобы студенты в проектных работах тщательно выписывали все кирпичики, даже, говорят, не ленился их пересчитывать. Такой формализм был чужд А. Д. Крячкову.

— *Каждый архитектор должен владеть рисунком,* — не уставал повторять он студентам. — *Знание техники акварели и масла необходимо не для раскрашивания проектов. Рисунок для архитектора — это прежде всего средство, как для художника, точно выразить свою мысль.*

Это были не только слова. А. Д. Крячков — член-учредитель «Томского общества любителей художеств», организатор выставок произведений художников из народа, страстный пропагандист архитектурного образования. Архитектор, считал Крячков, должен хорошо разбираться в цветовых композициях. Много дает в этом смысле посещение музеев, знакомство с мировой живописью. Но как же быть томским студентам? Томск хоть и университетс-

кий город, но все-таки глухомань. А может быть, поискать по частным гостиным да кабинетам? И Андрей Дмитриевич обходит особняки местных купцов, чиновников, профессоров. Скептики, говорившие о бесперспективности этой затеи, посрамлены. Этюд головы кисти Рубенса, ряд прекрасных оригиналов неизвестных мастеров голландской школы, старинные копии картин Иорданса, Теньера, старые французские гравюры, копии Брюллова — все эти и многие другие произведения живописцев России и Западной Европы оказались в частных коллекциях томичей. Выставка была организована, более того — стала событием в жизни города.

В эти же годы А. Д. Крячков неустанно ездит по городам России. Он побывал в Петербурге, Ростове, Одессе, в городах Поволжья и Южного Урала, в Омске, Новониколаевске, Барнауле, Тобольске, Иркутске. Круг его интересов очень широк. Он изучает опыт строительства элеваторов, бальнеологических сооружений, учебных и жилых зданий, знакомится с новыми материалами — железобетоном, металлом, стеклом, наблюдает реализацию на практике новейших строительных достижений.

На различных фотографиях того времени Андрей Дмитриевич выглядит молодым, энергичным. Он всегда подтянут, деловит, подвижен. Купался и плавал до поздней осени, гулял по лесу, бегал на коньках. Любил одеваться просто и строго, надолго сохранив пристрастие к форменной одежде инженера. И чем старше становился, тем более его очаровывала суровая и вместе с тем щедрая сибирская природа.

К 1908 году относятся первые работы А. Д. Крячкова в Новониколаевске. Городе, с которым в дальнейшем он связал свою творческую деятельность, строительству которого отдал все силы и знания и который на его глазах за полвека из пристанционного поселка вырос в полумиллионный промышленный и культурный центр Западной Сибири.

В самом начале об условиях работы в Новониколаевске он писал так:

Несмотря на значительное, по сравнению с другими сибирскими городами, строительство, в Новониколаевске не было в то время не только архитектора, но даже техника-строителя. Проектировали сооружения землемеры, техники путей, агрономы. Архитектор городом приглашался в исключительных случаях для исправления запутанного проекта, обвалившегося при постройке или испорченного здания. Первый городской архитектор Ф. Ф. Рамман был приглашен городом только в 1911 году. Городом управляли некультурные люди из купцов, мещан и дельцов-спекулянтов, которым архитектура была далека и казалась ненужной и дорогой затеей…

Все здания, которые удалось построить А. Д. Крячкову в Новониколаевске за семь предреволюционных лет, возводились в труднейших условиях, наездами, в свободное от основной работы время, иногда с помощью студентов-практикантов инженерного факультета Томского технологического института.

Что же представлял собой Новониколаевск в то далекое время? Жизнь и облик города определялись его торгово-транспортным значением. Здесь

быстро строились купеческие магазины и лавки, открывались транспортные конторы, агентства иностранных фирм. Купеческие особняки за редким исключением не украшали город. Что же касается жилья простого люда, то это вовсе ветхие, жалкие, наспех сколоченные постройки. В 1909 году для обеспечения нового строительства в городе А. Д. Крячков вместе с М. Н. Кошурниковым участвует в сооружении первого в Новониколаевске кирпичного завода с гофмановской печью, а затем по соглашению с местной управой строит 12 каменных школ и здание реального училища.

В 1910 году по проекту Крячкова сооружается торговый корпус. На пожелтевшей от времени фотографии — Новониколаевск кануна первой мировой войны. Съемка производилась с достаточно большой высоты (наверно, с аэроплана или воздушного шара), и потому объектив сумел охватить почти весь город. Ориентирами, по которым в сплошной серой массе деревянных домишек можно сегодня определить точку съемки и прообразы будущих улиц, служат лишь собор да торговый корпус на бывшей Базарной площади. Торговый корпус по тем временам был самым крупным зданием в городе. «И как его земля держит!» — дивились крестьяне, приезжавшие из окрестных сел на базар.

Ничего похожего не было в Новониколаевске и по внешним формам. Красные кирпичные стены и белые штукатурные детали «английской готики» сочетались со стилизованной под киргизские юрты кровлей. К другим крупным постройкам, осуществленным по проектам А. Д. Крячкова в дореволюционном Новониколаевске, следует отнести здания почтамта и коммерческого клуба (ныне театр «Красный факел»). Коммерческий клуб в Новониколаевске, построенный в модернистских формах русского классицизма, был лучшим зданием дореволюционного города на Оби, его даже называли эталоном совершенства.

Почти полвека творческой жизни А. Д. Крячкова связано с Сибирью. Несомненно, что талантливый архитектор нашел бы себя и проявил свои способности в любом другом месте России, но то, что он выбрал Сибирь, говорит не только о его гражданском мужестве, но и о большой прозорливости. Край будущего, с которым он связал всю свою жизнь, стал для него тем местом, где наиболее полно раскрылись его творческие силы. Немало зданий по проектам Крячкова построено в Томске, Тобольске, Чите, Омске, Свердловске, Барнауле, Ишиме и других городах. Но, пожалуй, самый заметный вклад внес Андрей Дмитриевич в формирование архитектурного облика нашего города.

Со второй половины 20-х годов Новосибирск развивается особенно бурно. Достаточно сказать, что за 13 лет (1926-1939 годы) население города возросло со 120 до 405 тысяч человек. А. Д. Крячков, полный замыслов на будущее, решает еще теснее связать с ним свою жизнь. Такая возможность представилась в 1930 году, когда в городе создан Сибирский строительный институт. Со дня основания института — он его профессор, а позднее, в течение 45 лет, заведующий кафедрой архитектуры. Но А. Д. Крячков верен себе: он не

может быть только педагогом, только академическим ученым. Он — прежде всего архитектор. Продолжая творчески работать сам, он зажигает огонь творчества в своих учениках.

В Новосибирске, центре обширного края, начинается интенсивное строительство. Проектирование общественных зданий поручают Крячкову. Он проектирует и строит здания Планового института и Госторга (теперь здание консерватории). За семь зимних месяцев возводится монументальное здание крайкома партии. Здания Госбанка, Облпотребсоюза, крайкома партии и сегодня выглядят современными. Это при том, что возводились они в очень трудных условиях: почти не было квалифицированных кадров, не хватало механизмов.

Настоящий архитектор до тонкости должен знать строительное дело, быть организатором. Этими качествами в полной мере обладал и А. Д. Крячков. Он всегда прислушивался к мнению рабочих и потому пользовался их большим уважением. Организаторский талант архитектора-строителя проявился и позднее, когда А. Д. Крячков руководил строительными отделами Кузнецкого металлургического комбината, угольных копей Кузбасса, принимал участие в работе правительственных комиссий на стройках Западной Сибири, возглавлял Сибирское отделение Союза советских архитекторов.

В 1937 году в Париже проходила международная выставка под девизом: «Искусство и техника в современной жизни». В экспозиции советского павильона был представлен проект сибирского зодчего — 100-квартирный жилой дом. Проект был отмечен высшей наградой «Гран-при» и золотой медалью. В этом же году на первом учредительном съезде Союза советских архитекторов А. Д. Крячков избирается кандидатом в члены правления Союза.

По-прежнему много сил Андрей Дмитриевич уделял любимой педагогике. За время работы в Новосибирском инженерно-строительном институте под его руководством подготовлено и выпущено свыше 500 квалифицированных специалистов. Н. С. Кузьмин, Д. Д. Борицкий, Е. А. Ащепков, В. С. Масленников, Н. И. Болотин, А. Н. Попов, М. Казаковцев, В. К. Самарина — вот лишь несколько фамилий его учеников, которые в будущем станут известными архитекторами. И все свяжут свою жизнь с Сибирью.

Возглавляя кафедру архитектуры в НИСИ, А. Д. Крячков считал принципиально важным участие студентов в проектной и производственной работе. Он убеждал учащихся, что в наши дни нельзя решение архитектурных задач рассматривать в отрыве от инженерных вопросов, от новой техники и технологии. Чтобы приучить студентов к практической работе, Крячков выступил с конкретным предложением: каждый студент второго курса получал реальное задание. К четвертому курсу многие уже имели на «лицевом счету» одно-два построенных здания. Правда, это интересное начинание было прервано войной.

Решая в те годы жизненно важные вопросы, А. Д. Крячков выступал инициатором проведения внутригородских конкурсов на проект малоквартирных домов из местных материалов. К участию в конкурсе он широко привлекал студентов, направляя их внимание на рациональное использование каждого метра площади, на экономичность решений. Но это не мешало Андрею Дмитриевичу в то же время знакомить своих учеников с итальянскими альбомами из личной библиотеки и собственными рисунками, заставляя их забывать неустроенность бытия, увлекая в мир образов Мелоццо Форли, научая видеть глубочайшую синеву фресок Ростова Великого. В нем самым удивительным образом уживались трезвая практичность и страстная влюбленность в красоту во всех ее проявлениях — в природе, в искусстве. Он мог, вдруг прервав деловой разговор, обратить внимание на запах травы, на красоту цветка, на акварельность тонов в лице проходящей мимо женщины…

Он был человеком, у которого слово не расходилось с делом. Работал с большим размахом и неуклонным стремлением к росту. Основой его педагогической методики являлся принцип личного контакта со студентами. Его квартира была постоянным местом работы как его соавторов, так и технических исполнителей. Любовь Владимировна, жена архитектора, привыкла, что за большой обеденный стол, помимо членов семьи, садились всегда несколько помощников Андрея Дмитриевича…

В эти же годы А. Д. Крячков публикует ряд работ, в том числе капитальный научный труд «Влияние климата и природы на строительство и архитектуру в Сибири», обобщающий его многолетний опыт строительства в городах Сибири. Им спроектировано и построено свыше тридцати общественных зданий. Двадцать две работы, исключительные по красоте и архитектурному исполнению, премированы на всесоюзных и международных конкурсах. В 1944 году Андрею Дмитриевичу присваивается почетное звание заслуженного деятеля науки и техники. В 1946 году Новосибирск торжественно отметил 70-летие А. Д. Крячкова — ученого, архитектора, педагога, первостроителя Новосибирска, города, который вырос у него на глазах в культурный центр Сибири. За выдающиеся заслуги в области архитектуры и строительства ему присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, Указом Президиума Верховного Совета СССР А. Д. Крячков награжден орденом Трудового Красного Знамени.

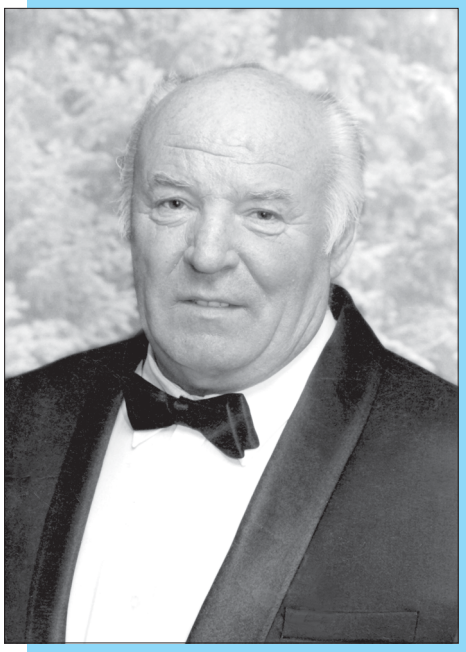
Последние годы Андрей Дмитриевич Крячков прожил в Сочи, где скончался на исходе лета 1950 года, там же находится его могила.

Новосибирск сегодня мощно застраивается, появляются современные интересные здания… И все же изюминку, «лица не общее выражение» города на Оби по-прежнему составляют дома, возведенные по проекту А. Д. Крячкова. Они, выражаясь научным языком, остаются градоформирующими архитектурными доминантами, и застройка центра сегодня невозможна без учета этого важного, ставшего культурно-историческим фактора.

Конечно, и грустно, и стыдно оттого, что нет пока в Новосибирске памятника знаменитому сибирскому архитектору, ни одна улица или площадь не носит его имени, долгие годы вопрос этот обсуждается в кабинетах чиновников всех рангов… И это при том, что человек оставил всем нам поистине бесценный дар — прекрасный город для жизни, работы, творчества. Андрей Дмитриевич Крячков был наделен неистощимо щедрым талантом, и мы, жители города, украшенного великолепными зданиями, возведенными по его проектам, в большом долгу перед своим зодчим.

Ирина КОСАРЕВА

Свежесть родниковая

Мне представляется, что эта ночь для Людмилы Зыкиной была неспокойной. Может быть, во сне звучала новая для нее мелодия, которую напевал красивый могутный кудрявый сибиряк…. А, может, ей вообще было не до сна: собрала по тревоге свою музыкальную группу, положила на стол листки с нотами и сказала: «Давайте поработаем».

В 1964 году певица «Москонцерта», еще не народная, еще не лауреат, но уже знаменитая и любимая, приехала в Новосибирск. В течение нескольких дней большой зал театра оперы и балета был заполнен до отказа, и, казалось, люстры вздрагивали от грома оваций. Однажды в ее гостиничном номере раздался телефонный звонок. Приятный баритон из местной филармонии напрашивался на встречу, чтобы показать сочиненную им песню. О, сколько графоманов и непризнанных гениев стремятся попасть на глаза великим, протолкнуть с их помощью свои опусы, вирши, а потом при случае в ком-

пании бросить будничным голосом: вот когда мы беседовали с таким-то или такой-то… Артистка почувствовала, что баритон не из таких.

Когда гость, высокий, ладно скроенный, с шапкой черных кудрей, попытался передать листки с нотами, она попросила:

— Ты лучше спой.

Потом послушала песню еще один раз, сказала:

— Оставь.

На следующий день в филармонии шла обычная работа. Готовился к выступлению и Николай Кудрин. Ему сообщили, что из вечерней программы его номер снимают.

— Почему?

— Тебя приглашает на концерт Людмила Зыкина. Лично!

С удовольствием слушал уникальный, богатый оттенками, чарующий голос, который и в антракте звенел в его душе. Начало второго отделения было оглушительным. Певица открыла его песней «Перепелка», притом сообщила, что это произведение автор только вчера подарил ей и что он находится в зале. Пригласила Кудрина на сцену. Он шел по залу, его сопровождали аплодисменты, которые набирали силу. Когда артистка поцеловала композитора, они перешли в бурную овацию, которая долго не смолкала. Уже объявили следующий номер, а зал все не мог успокоиться.

Сибирякам «Перепелка» уже была известна. Ее проникновенно, задевая самые глубокие, сокровенные струны сердец, исполняла солистка Сибирского народного хора Галина Меркулова. Волшебный голос приезжей примадонны выманил «Перепелку» из гнезда, поднял ее высоко над громадной страной, и она зазвенела в каждом городе, селе.

Залетела она и в безвестное село Вассино, что в Тогучинском районе. Здесь находится родовое гнездо Кудриных. Здесь кудрявый мальчишка вместе с оравой сверстников целыми днями пропадал за околицей, разыскивая у березовых колков лук-слизун, саранки, щавель, собирая черемуху или калину. Или просто лежал часами в духмяной траве, прислушиваясь к ее шелесту, к стрекоту кузнечиков, пению жаворонков, и ждал той вечерней сказочной минуты, когда перепелка сонным голосом оповестит, что спать пора. Или с черемуховым удилищем и леской из конского волоса ловил пескарей то в Изылах, то в Курундусе. Эти две речки, протекающие параллельно друг дружке, придавали особую прелесть селению, их поросшие кустарником берега живописно окаймляли деревенские улицы.

— А зимой в ясные дни ребятня любила взбираться на Мурлыткину гору, — вспоминает Лидия Степановна Куприянова, которая детство провела в Вассино, а затем всю жизнь работала учительницей в Новосибирске, — не только самим покататься, а больше затем, чтобы посмотреть, как веселятся взрослые. Мужики и женщины уже в годах, даже престарелые и, конечно, парни и девчата затаскивали наверх конские сани, устраивали на них кучу малу и мчались к речке. Хохотали, радостно визжали, словно дети. Ребятишек с со-

бой не брали, видимо, боялись поранить. Так что мы спускались с горы кто как может — на какой-нибудь доске, на льдинке, а то просто на собственных ягодицах.

Как-то семилетнему Коле крупно повезло. Родители взяли его на ярмарку в Тогучин. Там он впервые увидел гармонь. Вернее, сначала услышал.

Пьяненький мужичок, почему-то сердито нахмурясь, выделывал самые разные диковинные штуки. То заставлял меха изгибаться, то вскидывал гармошку над головой, то растягивал, казалось, до предела — на сколько хватало его рук. А она одинаково деловито и четко выдавала то скороговорку, то плавную мелодию, приглашая к соучастию собравшихся людей. Они смеялись, подпевали, притоптывали… Чудесный инструмент ошеломил, околдовал мальчонку. Надо было собираться в обратный путь, но родители не могли уговорить его идти к месту сбора сельчан, где их ждали лошади. Он твердил: «Хочу такую же гармошку! Купите гармошку!». Ему объясняли: дорого, нету таких денег. И только после того, как пообещали накопить нужную сумму, мальчик успокоился. Думали, что поблажит и забудет. Не тут-то было. Пришлось отдать за тальянку полмешка муки. С той поры Коля стал реже бывать на улице. Изучал клавиши, звуки, подбирал мелодии знакомых песен, плясовые наигрыши. Получалось так ловко, что его стали звать с гармошкой на семейные торжества. О нотах не имел представления, так как в деревне не было учителя музыки, не было и специальной литературы. И только в десять лет, когда семья переехала в Новосибирск, он стал изучать музыкальную грамоту в школе народного творчества, полюбил баян. Полностью отдавшись музыке, после окончания семилетки он находил время только для посещения подготовительных курсов воинов-десантников, прыгал с парашютом.

Война ворвалась в быт, перечеркнула все семейные планы. Отец ушел на фронт. Но воевать ему пришлось недолго. После двух ранений и контузии в сорок втором он был демобилизован. Шестнадцатилетний Николай, устроившись учеником киномеханика, показывал фильмы в кинотеатре «Пионер». Профессия нравилась: во-первых, кино и музыка неотделимы друг от друга, во-вторых, он смотрел все документальные ленты о войне, о героизме советских воинов, о зверствах фашистов. Вместе с бывшими соклассниками осаждал военкомат, требовал отправки на фронт. Им отвечали:

— Эх, ребятки, не спешите, ваше время придет…

Оно пришло очень быстро. Еще не исполнилось семнадцати, как принесли повестку.

— Поедешь во Владивосток, на торговый флот.

— Почему на торговый!? — возмутился юноша. — Я хочу на боевой корабль!

— Ты еще молод. Осмотришься, привыкнешь к морю, к флотской жизни. А там, глядишь, и восемнадцать стукнет. Тебя, богатырь, с большим удовольствием возьмут на крейсер…

— Не хотим на торговый! — протестовали ребята.

— Прекратить разговоры! — приказал офицер с забинтованной головой. — Вам тут не базар. Вы представляете, что такое торговый флот в годы войны? Что он перевозит? Он доставляет для наших воинов боевую технику, боеприпасы, одежду, продовольствие… Для фронта! И кроме того — неужели вы не понимаете, что для немецких и японских подводных лодок и самолетов, для фашистских торпед и бомб все равно, какое перед ними судно — боевое или торговое! Считайте, что едете на фронт.

Долгая и неуютная дорога в теплушках. Краткие курсы, распределение. Сибиряка зачислили в команду океанского корабля «Сухона». Добродушный, сильный, он сразу пришелся ребятам по душе. Конечно, имело значение и то, что он замечательно играл на баяне. Поэтому где Кудрин — там песни, пляски, хорошее настроение. С нетерпением ожидали выхода в море. Последний контроль таможенников — и поднять якоря! Корабль ушел, на берегу из команды остался один матрос — Николай Кудрин. Оказывается, писаря в списки внесли не Кудрина, а Курдина…. Сделать исправление уже не было времени.

Николай Дедов, тоже юнга военных лет, на «гражданке» — журналист, один из самых близких друзей композитора, вспоминал:

— Коля от обиды плакал…. А через некоторое время в Дальневосточное морское пароходство пришла черная весть. «Сухона» благополучно добралась до Америки, загрузилась канадской пшеницей и уже направлялось домой северным морским путем. Там ее перехватила немецкая подлодка…. Вся команда погибла…

Так распорядилась судьба…

На теплоход «КИМ» Николай Кудрин пришел другим человеком. Повзрослел, стал угрюмым, замкнутым. Душевная боль долго не отпускала. Он не мог играть веселые мелодии. Задумчивый баян грустил. Новые товарищи, зная о его беде, не тревожили, старались делом отвлечь моряка от мрачных мыслей. Через много-много лет знаменитый композитор Николай Кудрин и председатель Сибирского регионального совета юнг — участников огненных рейсов Николай Дедов создадут песню о тех суровых днях.

Плывут в океане рассветы, закаты,
А юнга на вахте стоит у руля…
И волны, вздымаясь, все катят и катят,
Далеко осталась родная земля.
Нас море крестило соленой волною.
Со штормом суровым мы стали дружить.
Дороги тех рейсов военных конвоев,
Тех огненных лет нам вовек не забыть…

На «КИМе» рулевой Кудрин ходил до конца войны. Теплоход несколько раз пересек Тихий океан, доставил из Портленда тысячи тонн необходимых для страны грузов. У берегов Америки команда праздновала День Победы. Вот уж когда развеселился баян, вот где счастьем сияли глаза моряков.

Радовался и баянист, но время от времени краснели веки и на ресницах сверкали слезинки.

И еще три года служил сибиряк на этом корабле. Мог бы остаться надолго, может быть, навсегда. А что еще надо? Работа нравится, полюбил море, ребята тут сильные, верные, отважные. Регулярные выезды в заморские края. Побывал в США, Канаде, Корее. Заработок приличный. Музыкой занимайся, сколько угодно. О такой жизни многие мечтают. И все-таки он остаться не мог. Отец так и не оправился от ран, очень плох. Маму парализовало. Так что прощай, Тихий океан! Прощай, флот! Курс — в родную гавань.

В Новосибирске увидел объявление: Сибирскому русскому народному хору требуются музыканты. Художественный руководитель Андрей Порфирьевич Новиков, талантливый артист и педагог, послушал игру моряка и сказал, что не боги горшки обжигают, что было бы желание, а мастерство придет. Много пота пролил, шлифуя технику. С хором и концертными бригадами проехал область вдоль и поперек, побывал в десятках районов и сотнях сел и понял: только здесь, в родном краю — в кулундинских степях и солонцовой Барабе, на просторах Приобья и салаирских предгорьях, где все реки и речушки наполнены родниковой водой, — он может дышать полной грудью. Именно тут, у березовых и осиновых колков, в сосновых борах и на пшеничных полях, в душе рождается песня. Видно, правду говорят в народе: где родился, там и пригодился. Он возмужал как профессионал-музыкант, окреп духовно. В пятьдесят первом году при филармонии создал группу «Встреча с песней» и стал ее художественным руководителем. Тогда Николаю Кудрину исполнилось всего лишь двадцать четыре года, а ему казалось, что прожил долгую жизнь. И кое-что упустил. Заочно учился и окончил Московский институт культуры, получив специальность дирижера самодеятельного оркестра народных инструментов.

А музыка уже рождалась в его душе, просилась наружу, прорезался его, кудринский песенный голос. Он писал тайком, не показывая произведения даже близким друзьям. Наконец, когда был объявлен областной конкурс, он под девизом направил песню «Лучше молодца в деревне не сыскать». Работы рассматривались анонимно. Его «Молодец» оказался в числе лучших. А следующая песня на очередном конкурсе стала лауреатом. Затем выпорхнула счастливая «Перепелка», и Кудрин стал знаменитым.

Песня не могла не залететь в далекое село Ульянино, что в Краснозерском районе, в избу, где жила девочка Нина. Семья была певучая, сильные красивые голоса имели дедушка, бабушка, родители. Песни не умолкали — дома, на пашне, в огороде. Переселенцы с берегов Днепра спивали, в основном, украинские песни. Но в их репертуар все чаще входили и русские. Однажды Нина готовилась к занятиям в школе. Радио передавало концерт. Одна из песен ошеломила, защемило сердце. Выскочила на подворье, крикнула:

— Мама! Какая песня!

— Какая же? Чья? О чем? — спросила Лукерья Моисеевна, копавшаяся в огороде.

— Не знаю, начало не слышала…

— Но ведь что-то слышала. Что-то тебя поразило.

— Запомнила две строчки…

Спела:

Спой мне песню свою, перепелка,

Только спать ты меня не зови…

— Да, мабуть, хороша писня. Ты не хвылюйся. Гарну писню ще не раз передадут.

Договорились ждать следующего раза. Подготовились, на столе положили бумагу и два карандаша. И вскоре на самом деле поймали ожидаемую мелодию. Записывали в две руки: Нина — первую строчку, мама — вторую… И так до конца. Тут же и запели. Вечером к ним присоединилась вся семья.

После окончания школы Нина поехала в Новосибирск поступать в музыкально-педагогическое училище. Члены приемной комиссии доброжелательно слушали девушку из «глубинки», которая на вопросы выпавшего билета отвечала с сильным украинским акцентом.

В заключение попросили что-нибудь спеть. Нина исполнила «Перепелку». Члены комиссии удивились — при пении влияния украинского языка совсем не ощущалось.

— А ты знаешь, кто автор этой мелодии?

Нина не знала. Ей объяснили, успокоили:

— Ничего, ты еще много не знаешь. Потому-то и учиться идешь. А Кудрина, может быть, даже увидешь… Может, судьба сведет…

Судьба свела. После окончания училища, после долгих бытовых мытарств Нина Павлова попала в Сибирский хор и, конечно, встретилась со своим кумиром. Они подружились, понимали друг друга с полуслова, с полуноты. Ездили вместе с концертами, солистка с неизменным успехом исполняла около двадцати кудринских произведений. Пришла беда — Николай Михайлович похоронил супругу Людмилу, тоже талантливую артистку. И через много лет его женой стала Нина Степановна.

— Хороша ты, лапушка, — говорил Кудрин, — да больно маленькая и молодая.

— Ничего, маэстро, — в тон ему отвечала Нина, — этот недостаток со временем устраняется. А в чем-то я и сейчас старше и опытнее тебя…

Намекала на то, что в житейских делах Кудрин оставался несмышленым ребенком.

А слава сибирского самородка росла.

Концертная бригада не признавала усталости и преград. Районные ответработники иногда сетовали:

— Куда же вы торопитесь! Мороз трещит! Кабы не было беды…

Или — «пурга поднялась — в трех метрах ничего не видно», «дороги развезло — недолго и перевернуться»…

Артисты отвечали:

— Вьюгу перепоем, морозюку перепляшем!

И — вперед!

Иногда в переполненном клубе сквозь пар и туман невозможно было рассмотреть лица зрителей, укутанных в шубы и тулупы. А каково артистам, легко одетым, которым «по должности» надо сверкать жизнерадостными улыбками, быть озорными, беспечными, веселыми! Случалось, что программа завершена, артисты валятся с ног от усталости и мечтают прижаться к теплой печке, но в зале слышались призывы:

— Спойте еще! Поиграйте! Просим!

И снова звучит баян. Молодки сбрасывают шубы и тулупы, выбегают на сцену, пускаются в пляс. Звенят частушки. И, кажется, всем становится теплее.

В Кыштовке, на краю света, в самом северном районе области, за которым ничего нет, кроме болот Васюганья, Николаю Михайловичу попала на глаза местная газета. В ней — несколько четверостиший и подпись: Владимир Гундорев. Композитор встрепенулся, загорелся. Неизвестный поэт бесхитростно и откровенно выражал чувства, которые жили в его, кудринской, душе в виде музыкальных заготовок, рвущихся на свет. И появилась «Деревенька моя». Перед публикацией текста и нот в «Советской Сибири» я, будучи ответственным секретарем газеты, позвонил Кудрину:

— Николай Михайлович, одна строка мне кажется не очень точной. Может быть, заменим?

— Какая?

Я сказал, что это строчка, в которой лирический герой песни стоит, «прикрывшись рукой», так как рукой прикрывают разные места. Кудрин помолчал. Сказал жестковато:

— Пусть будет так, как у автора. Гундорев где-то в Казахстане затерялся. Песня пошла… Люди поют. И никому дела нет до того, что там он прикрывает рукой. Пусть будет так!

Ольга Воронец, тогдашняя всесоюзная звезда эстрады, выглядела не очень решительной и довольной, принимая песню, считая текст несколько «провинциальным», в котором нет и капли оптимизма. Через некоторое время, проверив «номер» на публике, она прислала телеграмму, в которой выражала сердечную благодарность за прекрасное произведение.

Да, он был требовательным и неуступчивым, когда работал над песней. Поэт Владимир Балачан, когда мы беседовали на встрече Барабинского землячества в Новосибирске, сказал:

— Николай Михайлович прекрасный человек и талантливый композитор, но работать с ним трудно. Ох, как трудно…

Бывало, что тексты шлифовались, дорабатывались месяцами, а то и годами. Композитор внимательно прислушивался к замечаниям коллег. Особенно дорожил мнением сына Владимира, с которым много раз выступал на сцене.

Николай Кудрин и Владимир Балачан создали песню «Хлеб — всему голова». Это, по-существу, гимн землепашцев России, что и подтверждено в октябре 2002 года при проведении торжеств по случаю Дня работников сельского хозяйства. Концерт в Кремлевском дворце, в котором приняли участие самые именитые, по нынешней градации, исполнители, открыл сводный хор многих творческих коллективов России именно этой песней.

Невольно возникает вопрос: почему самые значительные эстрадные произведения, посвященные русскому крестьянству и принятые всеми народами России, родились в Сибири, в одной из ее областей? Николай Кудрин, Геннадий Заволокин, Владимир Балачан… Может быть, потому, что в наших краях, отнесенных учеными к зоне рискованного земледелия, хлеб достается большим трудом? Или потому, что эти талантливые люди вышли из «глубинки», с малых лет знают цену пашни и убеждены, что мощь России подпитывается из такого вечного родника как деревня?

Песни Кудрина звучали и звучат по всей стране — в городах, селах, кишлаках, аулах, в каждой семье. Видимо, трудно найти человека, который бы не знал «Перепелку» или «Деревеньку». Его творения перешагнули границы. Нина Пантелеева его огневой песней «Сапожки русские» открывала и закрывала в Японии советскую торгово-промышленную выставку, и жители страны восходящего солнца восторженно приветствовали певицу. Директор Дома народного творчества Людмила Жиганова, сопровождавшая самодеятельный Ордынский народный хор на фестиваль в Пиренеях, рассказывала, как она волновалась: воспримут ли, поймут ли французы бесхитростную, сугубо русскую «Перепелку»? Поняли. Почувствовали. Слушали, затаив дыхание. В едином порыве встали и долго, горячо аплодировали.

Ленинградцы, родители которых пережили (а очень многие не пережили) фашистскую блокаду, получая тогда по двести граммов эрзац-хлеба, стоя, со слезами на глазах слушали песню «Хлеб — всему голова» в исполнении сибиряков. Плакали и артисты…

Слава и любовь окружали творца. Его песни, а создано их более ста, звучали повсеместно и каждый день. Ему присвоено звание заслуженного работника культуры СССР, звание заслуженного деятеля искусств России. Он награжден орденом Дружбы народов, а ранее — орденом Отечественной войны и медалью «За освоение целинных земель». А генералы от искусства все ломали головы: Кудрин — это кто, самодеятельный или профессиональный? И государство, и народ признали Кудрина талантливым, выдающимся композитором. А вот академики и профессора робели — как бы не переоценить? Похоже на историю с Владимиром Высоцким. Поэты, поставившие себе памятники при жизни, пили-ели с бардом, похлопывали по плечу, но как только дело доходило до приема в Союз писателей, морщились: тут что-то с рифмой не того… А когда умер, они выползли и разродились воспоминаниями о большой дружбе с «Володей». Где они теперь? Что-то не слышно. А хрипловатый голос Высоцкого до сих пор звучит.

На склоне лет Кудрину довелось работать для детей, чему он был очень рад.

Еще в годы войны две старые актрисы-ленинградки, эвакуированные в Новосибирск, подарили маленькому Вите Кукошу несколько страничек с текстом Самуила Маршака. Это было либретто музыкального спектакля по русской сказке «Гуси — лебеди». Мальчик вырос, стал художественным руководителем театра «Куклы смеются», заслуженным артистом Российской Федерации. Виктор Кукош решил создать русскую кукольную оперу, предложил композитору написать музыку. Николай Михайлович с воодушевлением взялся за дело, для каждого персонажа придумал музыкальную тему, сочинил песенки. Первое в России произведение такого рода было готово. Оставалась единственная проблема — запись фонограммы оркестра. Сделать это оказалось невозможно — не было денег. Друзья композитора все-таки поставили спектакль, но автор его уже не увидел, не услышал.

Всем, кто общался с Кудриным во время работы, он казался человеком отменного здоровья, жизнерадостным, с юношеским задором. И только самые близкие знали, что у него пошаливают сердце и почки. В середине августа 1997 года подлечился в госпитале для участников войны. Вышел бодрым, сказал Нине Степановне:

— Лет пять еще поживу. А там видно будет…

Позвонила Лидия Куприянова, призналась, что всю жизнь пишет стихи, но не решалась ему показать.

— Нехорошо ведешь себя, землячка. Немедленно приноси свою заветную тетрадку.

Почитала стихи о родном селе, о разрухе, которая пришла в деревню в последние годы. Поговорили о телевидении, которое с малых лет разлагает души детей, молодых людей.

Прощаясь, Николай Михайлович сказал:

— Оставь стихи, Лидия Степановна. Буду делать песню.

Через несколько дней, 28 августа, он умер. За рабочим столом, на котором лежали страницы с нотами.

Четыре месяца он не дожил до своего семидесятилетия. Но 19 декабря земляки широко, торжественно отметили юбилей народного композитора. В зале собрались представители интеллигенции, заводов, сел, молодежь. Звучали его песни. Комбинат имени Якушева, где впервые исполнялась песня «Хлеб — всему голова», выпустил новое изделие — хлеб «Кудринский», который полюбился новосибирцам.

Впоследствии одной из улиц города присвоили имя композитора. Кудрин назван Гражданином XX века Новосибирской области.

А в тот юбилейный вечер присутствующие в зале услыхали голос своего кумира. Организаторы торжества включили одну из кассет, на которой записано интервью с Кудриным.

— Николай Михайлович, вы чувствовали себя когда-нибудь счастливым?

— Конечно. Как только взял в руки гармонь.

Г. КАЙГОРОДОВ

Сибириада академика Лаврентьева

Михаил Алексеевич Лаврентьев — наше, сибирское достояние, хотя никакие региональные рамки в этом случае неуместны. Выдающийся математик и механик, блестящий организатор науки и образования, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Государственных премий, золотой медали им. Ломоносова, член восьми зарубежных Академий, вице-президент Академии наук СССР… Куда уж тут сиротской Сибири пристраиваться в свойственники…

Но он сам присоединил Сибирь к собственной судьбе. Славно — и нерасторжимо. Восемнадцать лет, с 1957 по 1975, Михаил Алексеевич Лаврентьев возглавлял Сибирское отделение Академии наук СССР. Замысел, воплощение, успех сибирского академического проекта неотделимы от имени Лаврентьева.

В лета весьма преклонные взялся он за дело исторического смысла и масштаба. И блестяще осуществил по-юношески дерзкое и романтическое предприятие.

Год его рождения — 1900-й. Год рождения СО АН СССР — 1957-й.

Возможно ли было бы второе рождение без первого? Прошлое не имеет вариантов. И теперь уж навсегда Сибирь обязана Лаврентьеву беспримерной академизацией. А Новосибирск — мировой, без преувеличения, известностью в научном сообществе.

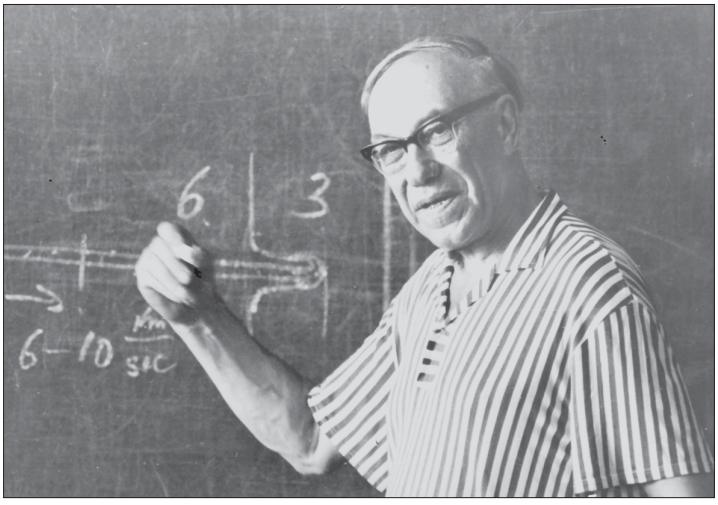
Постижение Личности в академической истории с сибирской географией не оставляет сомнений: время безошибочно выбрало лидера для беспрецедентного деяния.

Или он беспроигрышно выбрал время для осуществления вполне идеалистического проекта?

Из воспоминаний Михаила Алексеевича Лаврентьева:

Чем больше я размышлял и рассуждал с коллегами о Сибири, тем заманчивей представлялась идея именно там создать высокую концентрацию научных сил… В Сибири их к этому времени было негусто. Достаточно сказать, что к востоку от Урала, где создавалось около 10% промышленной продукции страны, находилось едва ли 1-2% научного потенциала. В то же время было ясно, что создание научной базы на востоке страны не может быть решено только путем эволюционного развития филиалов Академии — необходимо перевести туда крупные, хорошо зарекомендовавшие себя научные коллективы из Москвы и Ленинграда.

Идея явилась не вдруг, не озарением — она вызревала в головах людей, способных не только хорошо думать, но и неравнодушных к судьбе своей страны.

Академик Сергей Львович Соболев лет этак тридцать тому назад живописал мне одну из начальных стадий зарождения идеи:

1956 год. Трое молодых в кавычках людей, одному из которых 56 лет, а двум другим — по 48, в дачном поселке Мозжинка встречаются на дачах то у одного, то у другого и говорят о том, как надо бы поднимать научный и технический потенциал Родины. Что необходимо сделать, чтобы превратить ее после окончания войны — а уже пошло второе мирное десятилетие — в могучую державу, которая будет расти-расц-ветать достойно ее возможностям. Путь к этому процветанию мы видели в том, чтобы по всей нашей необъятной Родине расположились мощные научные центры, чтобы научные институты приблизились к местной промышленности, к местным ресурсам. Нам казалось, что именно мы должны заняться этим делом. Чувствовали мы себя удивительно молодо, хотя считали себя людьми довольно зрелыми, и на самом деле какой-то опыт у всех был. (Эти трое были академики: Михаил Алексеевич Лаврентьев, Сергей Алексеевич Христианович и ваш покорный слуга). Решили мы обратиться в правительство…

Математик Соболев стал академиком в тридцать один год. Почти за двадцать лет до переезда в Сибирь. Автор фундаментальных работ по теории дифференциальных уравнений, теории упругости, теории нелинейных уравнений с частными производными, функциональному анализу и вычислительной математике. Автор результатов, которые называют классическими.

Механик Христианович избран действительным членом Академии в тридцать пять. Известность ему принесли теоретические исследования и прикладные задачи в механике жидкостей и газов, в гидравлике, в аэродинамике. Методы его решений и расчетов вошли в учебники.

Математик и механик Лаврентьев покорил академический Олимп не так рано — в сорок шесть. Вероятно, по причине очень широкого круга научных интересов. Дифференциальные уравнения. Теория функций и вариационных исчислений. Теория нелинейных волн. Явления кумуляции… Чистый математик никогда не отмахивался от инженерных задач, наоборот — считал, что именно они подстегивают теоретическую мысль. И доказывал это собственной успешностью. Степени доктора технических наук и годом позже — физико-математических — присвоены ему без защиты диссертаций. За выполненные исследования и решенные задачи.

Блестящие мозги. Безупречные репутации. Отменные карьеры. Каждый — создатель научной школы. У каждого — немалый опыт организаторской, административной, преподавательской работы.

И что этим звездным людям нужно в Сибири с ее печальной участью исправительницы отечественных нравов?

Их добровольный переезд в Сибирь вызывал (и вызывает) немало кривотолков: сослали… наказали… рассеяли опасное столичное скопление вольнодумцев… Туда их, подальше от Кремля, в те самые неуютные широты,

что издавна охлаждают реформаторский пыл удрученных Родиной сынов. А так как на дворе послесталинская «оттепель», то не под конвоем изгоняют из столицы, а под красивым предлогом общественно значимого подвижничества…

Но нет, нет документальных подтверждений подобным толкованиям. Ни в признаниях Лаврентьева (а он писал воспоминания в конце жизни, когда и бояться ему было нечего, и угождать переоценщикам прошлого — никакой нужды) и его сподвижников. Ни в хронике рождения и становления Сибирской Академии — без государственной поддержки невозможны были бы темпы и размах строительства научных городков, не огороженных секретностью адреса, тематики, результатов. Ни в самой атмосфере первых лет творения архипелага СО АН —атмосфере праздничного подъема и неподдельного энтузиазма участников созидания новой сибирской реальности.

Свидетельств тому более чем достаточно, но скептики и циники упорствуют в своем недоверии к высокой мотивации добровольного переезда в Сибирь целой плеяды выдающихся ученых. И скепсис этот, наверное, объясним. Во-первых, ничего такого в истории не обнаруживается (война не в счет, не говоря уж о каторге и ссылке). Во-вторых…

Из воспоминаний Михаила Алексеевича Лаврентьева: (конец 1956-го).

По возвращении в Москву я зашел к А. Н. Несмеянову (тогда — президент АН СССР — **З. И.***) и рассказал ему о сибирских планах. Несмеянов: «Никто не поедет». Я назвал четырех, когда назвал пятого, Несмеянов сказал: «Что вы говорите, а я считал его умным человеком…*

Вот и еще одна оценка будущих сибирских новоселов: если не невольники, то «дураки». Какой же умный по своей охоте помчится из столицы в провинцию, против могучего центростремительного движения?

Психологические задачки при формировании достойной команды первого набора принадлежали, по-видимому, к числу не самых легких — Лаврентьев не раз останавливается на этом моменте. Но он с этими задачками справился великолепно — собрал в «основоположники» людей ярких, талантливых, известных.

Как? Только ли призывами бескорыстно послужить благу отечества? Только ли патриотическими доводами в пользу интеллектуального покорения Сибири? Эмоциональной верой в праведность затеваемого дела?

Из воспоминаний Михаила Алексеевича Лаврентьева:

Чтобы перспективный ученый согласился уехать из Москвы в Сибирь? Многим эта затея казалась совершенно сумасбродной. Конечно, для этого требовалась определенная психологическая ломка. Но я был глубоко убежден, что найду единомышленников. Ведь в Москве накопилось много ученых, получивших прекрасные научные результаты, но не имевших условий для дальнейшего развития своих идей. В Сибири же они могли рассчитывать на большую самостоятельность, получить людей, помещения, средства — все необходимое для реализации своего потенциала.

Вот она, искомая корысть. Вырываешься из столичной тесноты и толкучки — и даешь волю фантазии, гипотезам, догадкам… (В Сибирь за волей? Такое в истории бывало, но не с ученым, а, скорее, с не очень ученым народом. И недостаток людей образованных звучит в сибирской публицистике позапрошлого века нескончаемой грустной нотой).

Лаврентьев знал, чем соблазнять себе подобных. Сам испытывал чувство неудовлетворенности, которое «росло» по мере появления новых задач, упиравшихся в ограниченные возможности. Научная мысль опережала развитие сложившихся научных центров. Многим руководителям исследовательских направлений не хватало прав, самостоятельности, условий роста для учеников.

И все это обещало Сибирское отделение, которое предстояло создавать с нуля.

Из воспоминаний Михаила Алексеевича Лаврентьева:

Мы исходили из того, что в каждом институте должен быть авторитетный научный лидер, который и определит (по крайней мере, на первые годы) лицо института. Короче, мы придерживались принципа — создавать институт «под директора», а не искать директора для задуманного (пусть даже и хорошо) института.

Мудрейший ход. Созвездие академических имен обеспечило новосибирскому Академгородку мировое внимание уже на начальных стадиях строительства.

Чтобы из фантастического прожекта стать реальным проектом, идея должна была быть материально обеспечена. То есть — иметь верховное покровительство, выйти на уровень директивы, гарантирующей необходимые ресурсы.

Лаврентьев всегда был сдержан в описании своих хождений по высочайшим кабинетам. Можно только догадываться, чего ему стоила «обработка» мозгов, деформированных всевластием. Или довольствоваться свидетельствами сподвижников. Академик Андрей Алексеевич Трофимук, например, оценивая роль Лаврентьева в создании СО АН, констатировал:

Преодолевал и сопротивление, и скепсис, и равнодушие. Все преграды были одолены благодаря его исключительной настойчивости, его вере в идею, в справедливость начатого.

Итогом этой переговорной (уговорной?) деятельности Лаврентьева и явилось постановление Совета Министров СССР, принятое 18 мая 1957 года. В нем, в частности, записано:

организовать Сибирское отделение Академии наук СССР и построить для него научный городок близ города Новосибирска… Счастливая случайность или закономерная предопределенность? И то, и другое. Не обошлось без субъективных впечатлений.

За год до этого постановления, в декабре 1956-го Лаврентьев побывал в Новосибирске и Иркутске.

Из воспоминаний Михаила Алексеевича:

В Новосибирске председатель Западно-Сибирского филиала АН СССР Т.Ф. Горбачев принял меня очень дружественно, показал свой филиал и дал совет посмотреть наиболее интересные места для расположения нового Академгородка в 20-30 километрах от города —почти девственные сосновые и березовые массивы на берегу Оби и будущего Обского «моря». Из Новосибирска я проехал в Иркутск, побывал на Байкале. В отличие от Новосибирска, председатель Восточно-Сибирского филиала встретил меня неприветливо. Кроме того, и председатель филиала, и ректор университета, и местные власти считали, что строить надо только в самом городе. Таким образом, чаша весов начала склоняться в пользу Новосибирска.

(О чем жалеют дети и внуки тех неприветливых хозяев Иркутска. Вот ведь как — даже близость уникального озера не перетянула будущее на свою сторону. Хмурая настороженность встречавших оказалась сильнее).

Настроение Лаврентьева значило, разумеется, многое, но не только им руководствовалась специальная комиссия, вылетевшая в 1957-м в Сибирь выбирать территории для академического строительства.

Из воспоминаний Михаила Алексеевича:

В Новосибирске площадка под будущий Академгородок была выбрана единодушно. Здесь нас устраивало все: близость крупного промышленного и культурного центра — и все же достаточное от него расстояние (чтобы городок науки не растворился в большом городе, сохранил внутреннее единство); наличие самого крупного в Сибири филиала Академии и его дружественное отношение к проекту нового научного центра; удобства транспорта (узел на Транссибирской магистрали, аэропорт с прямыми рейсами на Москву; наконец, наличие шоссе почти до места строительства). Не последнюю роль сыграли прекрасные природные условия: мягкий рельеф, березовые рощи и полоса соснового бора вдоль Оби…

Словом, и объективно Новосибирск имел основания для оказанного ему предпочтения. Темпы роста исключительные. Краеведы-патриоты любят одно выразительное сопоставление. Киев шел к своему миллионному жителю 900 лет, Москва — более 700, Нью-Йорк — 250, Новосибирск — около 70. И от чего шел?

Из воспоминаний Михаила Алексеевича:

Мне сегодня (в конце 70-х — **З. И.**) *интересно вспомнить Новосибирск, каким он был в 1925 году. Это была большая деревня. Строительство городских домов только начиналось. Мы взяли парусную лодку и по низовому ветру, по волнам проплыли до Бердска. Обратно, хотя и по течению, пришлось идти на веслах — еле успели к поезду.*

Утром приехали в Бийск. Город расположен в котловине, и весной, а часто и летом, улицу затопляли талые воды. Первую большую лужу встретили на вокзальной площади — лошадь шла по брюхо, мы и вещи на телеге сильно подмокли. Состоялся диалог с возницей.

— Сильно грязно у вас в городе.

— *Однако, сейчас ничего, а месяц назад на главной улице лошадь утопла.*
— *Надо улицу мостить.*
— *Пробовали, однако мостовая утопла…*

Смешно? Не очень. «Как грустна наша Россия!». Но Лаврентьев (родившийся, между прочим, в один день с Ломоносовым, только с разницей в 189 лет) видел в такой действительности необозримое поле приложения сил — для ее улучшения.

Новосибирск выиграл смотр-конкурс на роль генштаба Сибирской Академии. Какой ей быть?

2 ноября 1957 года на Общем собрании Академии наук Лаврентьев представил высоколобому сообществу «сибирский чертеж». Идеология построения академической Сибири уложена в четкие формулировки базовых принципов:

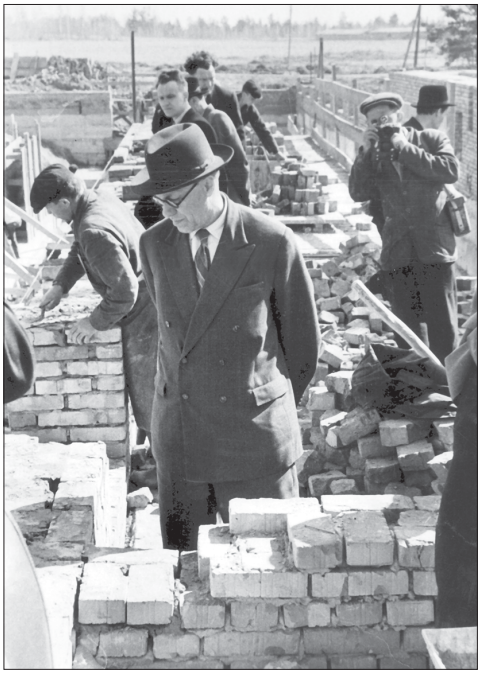
комплексность («если раньше было много достаточно замкнутых областей, то сейчас все перемешалось — особую роль приобрела математика, но вместе с тем сами математики уже не могут обходиться без радиотехники, без физики твердого тела…»);

фундаментальность исследований («новые институты должны быть созданы для разработки главнейших направлений науки и техники»);

внимание к молодежи («нельзя работать без постоянного притока живых новых сил…»);

связь с практикой («всякое научное достижение удесятеряет свою ценность при быстром внедрении в народное хозяйство»);

информационная база («нельзя работать без хорошей библиотеки. Надо быстро издавать выходящие работы, а для этого нужны хорошие издательства, типография…»).

Перечислил первые двенадцать институтов, которые будут построены в 1958-1960 годах.

Остановился на непроизводственном строительстве — подробность, резко отличающая академический проект от многих производственных. Карьер, трубопровод, ГЭС, завод строили в Сибири «ударно», но потом мыкали будничную беспросветную беду — негде жить, негде рожать, лечиться, отдыхать, негде все, что нужно для нормального бытования. Ака-

демия не приемлет практику барачно-палаточного освоения Сибири. Лаврентьев говорит о капитальном жилье как о «совершенно естественном», заявляет, что в городах «должно быть все — Дом ученых, гостиница, кино, школы, ясли…»

Он уложился с основополагающим докладом в сорок пять минут — сказался, видимо, многолетний преподавательский опыт! — и закончил всегда оживлявшим аудиторию чисто лаврентьевским пассажем:

— … проживши 25-30 лет в Москве, уезжать из Москвы жалко, конечно. (Смех в зале). Москва растет, Москва украшается, Москва центром была и будет, и, конечно, самые главные институты будут в Москве, и без этих главных институтов в Сибири нельзя будет работать. Но… Надо прямо сказать, что все-таки ехать надо! Дело большое, крупное, и нам надо ехать. Мы и ошибались много, и опыт у нас кое-какой есть. И молодежь, сколь бы она талантлива ни была, в нас нуждается. Если мы не поедем, все сильно затянется. Для того, чтобы все сработало быстрее, нам надо поехать. И мы поедем, и жены наши поедут за нами в Сибирь… (Смех, аплодисменты).

Сам и перебрался решительно и со всем семейством, и с группой молодежи из Москвы в новосибирский Волчий Лог, мгновенно переименованный жизнерадостными новоселами в Золотую Долину.

Поступок, без которого, вполне вероятно, новосибирский Академгородок стал бы типовым для страны долгостроем.

Один из первых строителей Городка, инженер-архитектор А. С. Ладинский вспоминал:

— Новосибирцы встретили «академиков» любезно. Дали в центре города большое здание, квартиры в многоэтажных домах. Но Лаврентьев и тут

остался верен себе. Он сразу переехал в лес, в Золотую Долину, где, кроме одной сторожки лесника и трех продуваемых бараков, ничего не было. Организовал здесь и свою жизнь, и жизнь своих учеников, и это, конечно, очень ускорило создание Академгородка. А как он поступил со своим институтом? (Речь об Институте гидродинамики. — **З. И.**). *Ждал его с нетерпением, а когда здание было готово, он разделил его ровно на шесть частей, взял себе одну, а пять шестых отдал другим. Его примеру последовали и геологи, вторыми получившими собственное здание. И уже через полтора года у нас двенадцать институтов «жили» на площадке Городка. Это дало нам колоссальное преимущество. Мы могли больше построить школ, детских садов, ясель, квартир. А институты, хоть и в тесноте, уже вовсю работали.*

На одной из встреч старшеклассники, уже ровесники Городка (а детям во встречах президент архипелага СО АН никогда не отказывал), спросили Михаила Алексеевича:

— А как вы жили в первые годы? Летали ночевать в Москву или ездили в Новосибирск? Ведь в Городке еще ничего не было построено…

Лаврентьеву вопрос понравился. Отвечал не без удовольствия:

— Да, у нас были споры, когда переезжать в Сибирь — подождать, когда все будет построено, или переезжать сразу, жить как удастся, но зато самим следить за ходом строительства и, в случае чего, всем надоедать — и местным властям, и москвичам. Переедем сразу — можно будет жаловаться: вот мы переехали, а жить негде, мерзнем, воды нет, стройте скорей… В Москву, конечно, ночевать не летал, да и в Новосибирск скоро перестал ездить. Жил в деревянном доме, как другие.

Останься он в Москве — ждать «Городка под ключ» — прекрасный замысел, возможно, был бы обречен на тихую бесславную кончину. Но на сей раз история не промахнулась в выборе Личности. А Личность — не упустила исторического шанса дать высоким идеалам служения Родине реальное воплощение.

В классическом «что делать?» Лаврентьев обходился без тревожного и растерянного знака вопроса. Его докладные записки власть имущим напоминают учебное пособие: параграф за параграфом — от констатации «наших недостатков» до конструктивных положений в разделе «Что делать». В науке, образовании, сближении Академии с производством.

Он знал, что делать, и сделал все, что мог, для блага своей страны.

«Героем не нашего времени» (с грустным вздохом) назвала Михаила Алексеевича студентка отделения журналистики НГУ, побывав в Доме ученых на фотовыставке, посвященной 100-летию Лаврентьева. И тут — увы! — не поспоришь. Но университет, о котором так пекся Лаврентьев, благополучно отметил сорокалетие и помирать (тьфу-тьфу!), кажется, не собирается. Выходит, от героя нашего времени досталось доброе наследство и детям постлаврентьевской Сибири.

И Городок, отметив сорокапятилетие, завершает свои первые полвека в рабочем состоянии. Вопреки сокрушительным для науки переменам. Сибирское созидание Лаврентьева и его замечательных сподвижников сопротивляется уничтожительным выветриваниям. Добротны основы постройки. Есть чему поучиться и людям третьего тысячелетия.

В конце воспоминаний Михаила Алексеевича есть такое признание:

Я — оптимист, иначе не взялся бы в свое время за организацию новосибирского Академгородка и Сибирского отделения Академии наук.

Я верю, что Сибирь будет краем гармонии и цивилизации, синонимом процветания и индустриальной мощи.

Счастье Родины — в таких деятельных оптимистах. Они перевелись? Не может быть. Подрастают где-нибудь на просторах России, переживающей не лучшие времена. И вернуть Родине достоинство великой страны им поможет интеллектуально-нравственное наследство Лаврентьева со товарищи.

Замира ИБРАГИМОВА

Романтический прагматик

В летопись Новосибирска вписано немало биографий замечательных людей. Особое место занимают первостроители: они, зачинатели многих дел, и определили характер нашего города. Один из выдающихся деятелей новониколаевской эпохи — Николай Павлович Литвинов, удивительно энергичный, деятельный, предприимчивый человек. Судите сами:

— приехав с первым обозом строителей железнодорожного моста из Колывани 30 апреля 1893 года, Литвинов-фельдшер организовал первую больницу для строителей-железнодорожников! Уже один этот факт достоин быть в летописи Новосибирска;

— организовал первый читальный зал на станции Обь (теперь станция Новосибирск-Главный);

— организовал информационное агентство для местных купцов и проезжающих, где всякий любопытствующий за умеренную плату мог узнать цены на тот или иной товар;

— активно участвовал в градообразующих мероприятиях. В частности, будучи в депутации из трех представителей жителей Ново-Николаевска, был в Санкт-Петербурге и добился выделения земель из Кабинета Его Величества на нужды города;

— открыл первый книжный магазин, который торговал и канцтоварами, и детскими игрушками — и все это впервые!

Затем были:

— первая типография;

— первая газета «Народная летопись»;

— выпуск первого фотоальбома с видами Ново-Николаевска, посвященного 10-й годовщине города;

— еще два альбома к 20-ти и 30-летию города! Именно благодаря Литвинову мы можем сегодня в и д е т ь, как рос и развивался наш город.

— Литвинов был избран в 1907 году городским старостой, но губернатор не утвердил его кандидатуру из-за того, что Литвинов первым установил по собственной воле, а не по требованию рабочих, 7,5-часовой рабочий день и ввел договорные отношения, где оговаривались как обязательства рабочего, так и работодателя.

Он построил первый курорт «Лебяжий» около Рубцовска на озере «Горькое», который в самом начале назывался «Сибирские Ессентуки», потому что лечебные свойства сибирского курорта ничем не уступали всемирно известным «Ессентукам».

Я приостановлюсь перечислять добрые дела, которые совершил этот человек для нашего города, для Родины, для нас с вами. Знаю, что убедил, — и не только в том, что он десять раз достоин быть в этой книге, но достоин и мемориальной доски (которой до сих пор мы, «благодарные» горожане, не установили) на фасаде Областной научной библиотеки, которую, кстати, он, Литвинов, построил на свои средства.

Николай Павлович активно участвует в общественной жизни города:

— он помогает в организации общества содействия развитию образования;

— ему доверяют возглавить новониколаевский отдел Петербургского общества по изучению истории Сибири и улучшению ее быта;

— его избирают председателем комиссии по оценке недвижимости для определения первых участников в выборах руководства города.

Как общественный деятель Литвинов был непременным участником всех важнейших событий жизни города. Он входит в состав различных делегаций и комиссий, являясь членом многих обществ и советов. Вот как характеризует Литвинова исправник Попов в рапорте Томскому губернатору:

Желательно назначение председателем комиссии Литвинова как лица хорошо осведомленного с нуждами вновь образуемого города и постоянно ходатайствующего за жителей Ново-Николаевска в качестве их поверенного…

Он начинает первым и добивается значительных успехов в различных сферах деловой и общественной жизни молодого города; его популярность и авторитет среди простых людей и в деловых кругах поразителен; его без преувеличения можно назвать любимцем города! Он и внешне был привлекателен: высок, статен, с пышной шевелюрой, благородное мужественное лицо, умные, чуть грустные глаза. Ему просто невозможно было остаться незамеченным.

Где бы Литвинов ни появлялся, он сразу оказывался в центре внимания собравшихся — таковы были свойства не только его незаурядной внешности, но и деятельной натуры. Но вот странность: ко всем своим вышеперечисленным начинаниям и предприятиям, едва они претворялись в жизнь, он скоро остывал, оставляя их без сожаления или передавая другим. Складывалось впечатление, что ему достаточно просто удовлетворить собственное любопытство. Другие продолжают начатое им и преуспевают, живут безбедно. Для Литвинова деньги не являются целью жизни или стимулом к действию, хотя они всегда у него были. Как-то уж очень легко все у него получалось, чуть ли не по принципу: пришел, увидел, победил. Но это только первое впечатление.

Недавно наш известный историк Иван Федорович Цыплаков выяснил, где Литвинов мог заработать средства, которые позволили ему построить здание и купить очень дорогое во все времена типографское оборудование. Это случилось, когда Литвинов заведовал речным пароходством.

Но Литвинов только на первый взгляд романтик, удовлетворяющий свое любопытство к деловой жизни. Он покупает оборудование и строит типографию, деньги тратит все подчистую, берет кредит и при всем безденежье страхует свою типографию на большую сумму. То есть на занятые деньги покупает страховой полис! Деловые друзья Литвинова удивлялись ему, но когда через три года, в 1909-м, деревянный Ново-Николаевск сгорел… Пожар начался на улице Каинской, а она расположена не так далеко от типографии Литвинова, которая размещалась в самом начале улицы Кабинетской (теперь эта улица Советская), Литвинов получил огромную страховку и тут же построил новую типографию, но не деревянную, а двухэтажную каменную! Вот так в нем удивительным образом сочетались, казалось бы, несочетаемые качества — эмоциональная увлеченность и холодный расчет.

Город рос и обустраивался быстро, буквально на глазах, потому что этому способствовали в основном приезжие — люди предприимчивые и честолюбивые, та поросль, которой трудно было пробиться к солнцу среди крепко сидевших на своих исконных местах томских, колыванских и барнаульских купцов, которые и поделили меж собой, выражаясь современным языком, все экономические ниши на тех промышленных площадях.

Эти люди — молодые, дерзкие, полные сил и энергии предприниматели — не боялись оставить обжитые, но истощенные и полуголодные земли российского нечерноземья и по призыву П.А. Столыпина приехали осваивать неведомую, но сказочно богатую Сибирь, прибыли в несуществующий пока

город, чтобы построить его. И строительство велось удивительными темпами: на одной улице в соседях оказывались землянка, деревянный дом и кирпичная новостройка. В городе еще не было дорог, но уже тревожили тишину клаксоны автомобилей, и в первом десятилетии существования города в нем уже проводились международные состязания по борьбе.

Николай Павлович горел работой, но не сгорал, а всегда помнил о прибыли. Романтик Литвинов не печатает в своей типографии ни одной «романтической» книжки, его деловой полиграфический интерес — это бланки бухотчетности, он тиражирует годовые отчеты и прочую мелочевку, которая не требует особых затрат. Но сколь выгодна эта «мелочевка»! И сегодня любой полиграфист мечтает о крупном и стабильном заказе бланков, например, для Западно-Сибирской железной дороги. В таком заказе и стабильный объем работы, и плановые взаиморасчеты, и предсказуемая и регулируемая прибыль! Но главное — объем! При котором себестоимость неустанно падает, а доходы все растут и растут! Ай да Литвинов! Он первый осуществил мечту новосибирских коммерсантов — быть монополистом!

Но вот что интересно: при столь ярко выраженных способностях видеть рынок, обладая незаурядными качествами делового человека, он вдруг позволяет себе такую прихоть, как укороченный рабочий день, как трудовой договор с рабочими. Он что, не догадывался, что этот «дурной пример» не понравится его друзьям, новониколаевским буржуа? Он что, не думал, что эти новации будут раздражать власти?

Литвинов ступил на этот путь сознательно. Он не был революционером, но остро чувствовал социальную несправедливость. Вот строки из его письма Г. И. Жерновкову, датированного 12 октября 1918 года, которые напрочь отметают какие-либо попытки сделать из Литвинова революционера:

Издательство для меня не было пустым делом, это было дело огромной важности, как известно, я охотно шел об руку с Новицким, Бахметьевым и другими, пока они шли, «не стрелял в портрет». Революция выбила нас из колеи, народ шел к гибели, сдержать его не в наших было силах, надо было посторониться, чтобы обрушившаяся лава миновала нас, — мы посторонились…

Литвинов даже в критических ситуациях совершал точно просчитанные поступки. Но вот примечательная строка в приведенном абзаце: «сдержать его не в наших было силах». Откуда вдруг такой поэтический слог? Думаю, потому что он говорит от души, а душа у него добрая, вчитайтесь в следующие строки того же письма:

Но без дела нельзя было сидеть, жизнь коротка, любовь к Родине сильна, если это не фраза, а потому надо было применить где-то свое знание, свой опыт.

В этих словах и гражданская позиция Литвинова, и патриотизм, и человеколюбие, и смысл его жизни! В этих словах — основа, стержень, суть нашего героя, и не только его, но и многих-многих наших земляков-созидателей.

В подтверждение своих слов приведу случай, который не связан с Литвиновым. Но чем объяснить такой «романтический» жест А.О. Когана (това-

рищ Николая Павловича, многие городские дела они начали и совершали вместе), бежавшего из Ново-Николаевска после революции в Манжурию. Когда начался в тридцатых годах голод в Сибири, Коган купил паровоз, вагоны, засыпал их отборной пшеницей и отправил в Ново-Николаевск, написав на бортах вагонов: «Ново-Николаевцам от Когана»!

Вот тебе и «хлебный магнат» — так определяла его в свое время новониколаевская пресса. Романтик? Да, с любовью к землякам и родному городу. Никакого прагматизма. Прагматизм был у большевиков, потому что они закрасили надписи на бортах вагонов и отправили этот состав с пшеницей в Москву, отчитались перед вышестоящими товарищами. Тоже творческий подход, ничего не скажешь.

И таких патриотов было много, людей не с показушной любовью (из конъюнктурных соображений) к родному краю, а действительно радетелей и строителей будущего.

Литвинов — продукт удивительной романтической эпохи. Он щедро хлебнул от своей заботы о ближнем. Из его жалобы от 13 мая 1913 года председателю Совета Министров по поводу обыска типографии:

Я способствовал средствами, временем и личным трудом развитию нашего города имени Его Величества, при моем ближайшем участии город Ново-Николаевск встал на верный путь, развивается и блестит, как лучший алмаз в короне Государя императора, мною выполнен долг пребывания в армии во время Японской войны, наконец, косвенно работая у книжного дела, я работал для просвещения Родины. Что же еще надо в доказательство, что я гражданин своего отечества, что надо, чтобы отношение чиновников ко мне было справедливо вежливым?

Помните, я говорил о честолюбии первостроителей Ново-Николаевска? Вышеприведенные слова только подтверждают мою гипотезу: «… как лучший алмаз в короне Государя императора…»

Ничего нет в архивах об отношении Литвинова и Церкви, но вот то, что он всю свою жизнь, невзирая на количество заработанных денег, действительно по-братски относился к окружающим людям, об этом говорит вся его энергичная и долгая жизнь.

Откуда в нем это обостренное чувство социальной несправедливости? Вот что мне видится из тех разрозненных документов и свидетельств о нем.

Николай Павлович родился в Пензе 16 апреля 1865 года в семье мещанина, видимо, весьма скромного достатка. Воспользуемся им же написанной автобиографией.

До одиннадцати лет, отец, что называется, души во мне не чаял, одевал, холил и уговаривал: «Учись, сынку». Отец — малоросс из Воронежской губернии. Одиннадцати лет он меня оставил на попечение матери, сойдя в могилу. Мать тоже говорила: «Учись, Коля, без ученья плохо жить».

Он жадно учился и после фельдшерской школы поступил на работу под руководством опытного врача в инфекционное, а после в психиатричес-

кое отделение. Как он сам пишет, «мы превратили «сумасшедший дом» в лечебницу, но я сам «изнервничался», устал, переутомился».

Детство, юность, молодость — время становления личности. Он видит много людского горя, сам ведет «жизнь трудную». Теперь, поработав и применив свои таланты, Литвинов становится «благородием», но он слишком совестлив, чтобы подняться над простыми людьми, и вместе с тем обладает достаточным благородством, чтобы не скатиться до уровня «грубого люда».

Думается мне, что трудно жилось Николаю Павловичу, он был одинок: никогда не чувствовал себя своим среди рабочих, но и скучал в избранном обществе состоятельных людей.

После фельдшерской школы он и еще три его товарища организовали коммуну помощи обездоленным и больным, для этого они купили 10 соток в селе Болотникове. Первое соприкосновение со свободомыслием познакомило Литвинова с жандармами, и может быть поэтому он более никогда не примыкал ни к одной из партий. Только в 1923 году из соображений самосохранения он подал заявление в партию большевиков — это факт неоспоримый, но мы не смогли найти подтверждения его партийной принадлежности ни в одном партийном архиве, а они-то у нас всегда содержались в порядке. Значит, хитрил.

Литвинов много хитрил. Он чувствовал время. В мае 1917 года он продает типографию «Закупсбыту», издание газеты «Свободная Сибирь» передает своим сотрудникам. Новому издательству Николай Павлович также передает договор с пенсионным капиталом в 2000 рублей, учрежденным для инвалидов-рабочих типографского дела. Вот как оценивают его поступок коллектив рабочих типографии:

«Гражданская доблесть этого дара особенно драгоценна, как завещание старого демократа, упорно горевавшего душой еще в те ветхозаветные дни, когда удушливые газы самодержавия возбуждали против него незаслуженные нападки близоруких недорослей от демократии».

Сравните эти страстные строки «революционеров» со словами из обращения Литвинова к губернской власти. В одном случае слова благодарности смешаны с желчью и ненавистью, а в литвиновском обращении — искреннее негодование — с благородством. Одни употребляют слова: «удушливые газы», «близорукие недоросли» — другой: «лучший алмаз в короне», «гражданин своего отечества»…

Пришло новое время, пришли новые люди, и потому Литвинов занялся строительством лечебницы в Алтайском округе. С новыми людьми ему явно было не по пути.

В смутное время Николай Павлович начинает новостройку. Гражданская война уже лютовала по всей России, и Литвинов составляет, как потом сам с издевкой писал, «кооперативный устав в стиле большевизма». Он делает все, только бы стройка не сорвалась. В 1919 году Литвинов продает дом по улице Воронцовой 1 (ныне ул. Свердлова) и уезжает на Алтай, где все свои средства вкладывает в строительство курорта.

За всю свою многотрудную, энергичную жизнь в смутном и очень непростом времени Литвинов ухитрился-таки никого не предать, и его не предали, когда арестовали в Рубцовске за «разбазаривание» средств! В те годы Николай Павлович увлечено, невзирая на революцию, разруху и тиф, продолжал строить курорт. По навету был арестован и заключен в Змеиногорскую тюрьму. Все уездные врачи вдруг подняли такую тревогу, забили в такие колокола, что и Москва услышала, и специальным решением трибунала обвинение было снято, а Литвинова освободили.

Приведу только одну выдержку из письма заведующего здравоохранением Уисполкома Яковлева:

Работа Литвинова крайне необходима для народного здравоохранения. Принимая во внимание работоспособность, добросовестность и честное отношение к выполнению работы, выражаю полную уверенность в его полной политической благонадежности и что вся работа, не говоря о постройке санатория, ведется им в напряженных условиях успешно и умело.

Этот феномен смелости уездных врачей 1922 года удивляет, как и тот факт, что в рубцовской районной больнице есть музей Литвинова, где до сих пор хранят о Николае Павловиче добрую память.

Последующие годы Литвинов занимается организацией здравоохранения в Рубцовском уезде, осуществляет руководство всей противоэпидемической работой по ликвидации холеры и тифа. Затем возглавляет подотдел охраны материнства и младенчества в уездном Рубцовском отделе здравоохранения. Заведует курортной секцией, является заместителем заведующего уздравом и по совместительству продолжает руководить строительством.

С 1922 года ведет активную работу по преодолению последствий голода и борется с детской беспризорностью, организовывает детские приюты. При его непосредственном участии организовано девять приютов, в которых находилось 580 детей.

В 1924 году Литвинов назначен заведующим отделом здравоохранения.

И все-таки о главном. О фотоальбомах с видами Ново-Николаевска. Много ли денег заработал Литвинов на этом альбоме? Думается мне, что мало, если вообще заработал. Фотоальбом и сегодня — дело дорогостоящее, что уж говорить про технологию подготовки фотографий в начале прошлого столетия...

Литвинову, как и другим новониколаевцам, город был дорог, потому что он был построен ими, он был родным, и они не только любили его, но и гордились им. Выпущенная фотолетопись Ново-Николаевска, наверное, во многом подтверждает мою догадку: люди дела первых десятилетий нашего города были уверены, что строят город будущего! Город, который станет лидером среди российских городов. И он стал — третьим после Москвы и Санкт-Петербурга. Как они умели видеть так далеко вперед! И еще одно подтверждение этой версии — Красный проспект — главная артерия города. Он запроек-

тирован таким широким, будто знали новониколаевцы, что наступит время, и помчатся по нему автомобили безудержным широким потоком. Они спасли нас от автомобильных пробок, в которых задыхается сегодня большинство городов.

В 1925 году Литвинов возвращается в Ново-Николаевск и поступает на работу в городскую клиническую больницу □ 4. Ему шестьдесят лет, а молодой жене Ирине — 25. И Литвинов вновь включается в общественную жизнь города. По его инициативе издается адресно-справочная книга «Весь Ново-Николаевск 1924-1925г. г.» В ней содержатся очень ценные статистические и исторические сведения о развитии города за три десятилетия. Воистину Николая Павловича Литвинова можно без каких-либо натяжек назвать неутомимым летописцем Ново-Николаевска.

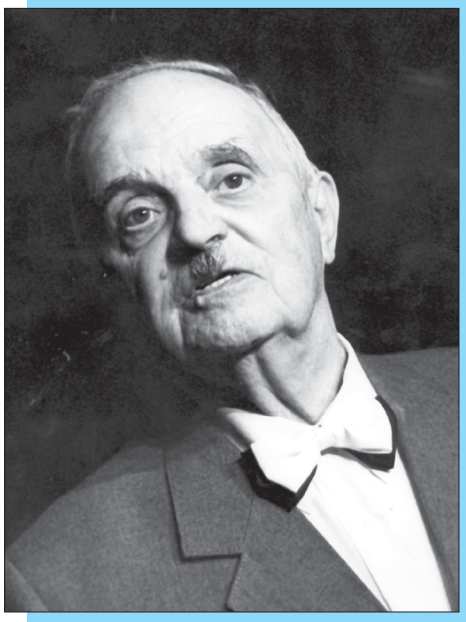
Николай Павлович становится живой историей города. В краеведческом музее сохранилась запись его выступления на заседании отдела Общества изучения Сибири в секции «История Новосибирска». В ней впервые указана дата приезда Литвинова в село Кривощеково вместе с первыми строителями моста, которые и положили начало рождению города — **30 апреля 1893 года**.

Удивительные люди жили в нашем городе с первого дня его существования: молодые, энергичные, дерзкие, умные, расчетливые, смелые и немного романтичные. А разве другие смогли бы построить такой огромный город, каким мы видим Новосибирск сейчас?..

Литвинов прожил трудную жизнь ломки: становление его прошло при одном социальном строе, а жить и доживать пришлось в другом. Нам тоже пришлось. Как мы, оказывается, похожи! Но что удивительно — прожив бурную, интересную, непростую жизнь, невзирая ни на что Литвинов остался верен «любви к ближнему». Вот бы и нам с вами сегодня смочь, как когда-то Литвинов, невзирая на всю мерзость разрушения духовных традиций, невзирая на навязываемые нам инородные жестокие законы бизнеса, решая прагматические задачи, оставаться романтиками с неизменной любовью друг к другу.

Умер Николай Павлович Литвинов в 1937 году собственной смертью на 72-ом году жизни. Похоронен на Гусинобродском кладбище. Удастся ли найти его могилу? Не знаю. Будем пытаться, как только растает снег.

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Последний вопрос

Такая судьба, как у него, могла случиться только в России. Ни в одной другой стране мира — убежден в этом совершенно.

Электричка идет до Тогучина почти три часа. Поздняя осень. Хмуро, сыро, зябко. Переполненность, неуют, грязь вагона. Запотевшие окна. Впрочем, вагон скоро пустеет, мы с Юрием Михайловичем поудобнее устраиваемся у окна, получив, наконец, возможность неторопливого обстоятельного разговора. Мне предстоит собрать материал для будущего фильма об этом удивительном и не очень понятном мне человеке. Мы знакомы уже много лет — встречаемся на собраниях в нашем отделении Союза писателей, здороваемся на театральных премьерах, раскланиваемся на художественных выставках. Иногда судьба сводит нас на съемках или монтаже документальных фильмов, в которых он принимает участие то в качестве автора, то в ипостаси одного из героев, то проникновенно и высокопрофессионально начитывает дикторский текст. Но зна-

комство это до поры до времени так и оставалось шапочным, хотя многое в этом человеке вызывало во мне любопытство и внимательное приглядывание. Артистическая элегантность, с которой он носил свои часто весьма скромные пиджачки, куртки, свитера, придавали им вид вещей если не вполне модных, то оригинальных и словно сшитых по заказу на его небольшую, ладную, совсем не старческую фигуру. Его острый птичий профиль по какой-то отдаленной ассоциации напоминал мне Осипа Мандельштама, а всегдашняя готовность к ироничному и, как правило, доброму обыгрыванию ситуаций или слов собеседника невольно заставляла забывать о его весьма почтенном возрасте и куда более солидных по сравнению с твоими творческих заслугах. Он как-то удивительно умел стать на равную с любым собеседником ногу, что могло свидетельствовать либо о врожденном артистизме, либо об огромной житейской мудрости, которая не делает больших различий между маститым академиком и более чем «простым» соседом по лестничной площадке. Впоследствии я узнал, что знакомств у него было великое множество — от суперэлитных до самых-самых непритязательных. Но у всех его знакомых одно общее качество — они были интересными людьми. Во всяком случае, так ему казалось. И, надо сказать, ошибался он очень редко.

Наше сближение, перешедшее в последние годы, смею надеяться, в настоящую дружбу, началось с того, что однажды, во время одного, уже не помню по какому поводу, писательского сборища, Юрий Михайлович подсел ко мне и с предельно серьезным, не очень свойственным ему видом, хотя, как обычно, не без некоторой иронии, сказал:

— У меня к тебе просьба, как к профессиональному и признанному драматургу. Я вот тут на старости лет немного сошел с ума и решил написать драму. Посмотри на досуге и, не стесняясь, выскажи все, что думаешь по этому поводу. Буду очень благодарен.

Я взял его опус не без некоторого внутреннего опасения. Драматургия — это признано всеми почти безоговорочно — дама достаточно сложная и капризная, отдается далеко не каждому. Порой признанные и даже великие мастера других литературных жанров бессильно разводят руками, пытаясь вогнать себя в жесточайшие рамки диктуемых этой дамой условий. И еще, признаюсь, мне совершенно не хотелось говорить этому милому и мудрому человеку, не дай Бог, какие-то неприятные вещи по поводу возможных нестыковок в его первом драматургическом опыте. Как правило, редко кто из начинающих драматургов умеет безошибочно связать все концы задуманной интриги и уложить в два часа сценического действа все разнообразие характеров и событий без ущерба для зрительского интереса.

Каково же было мое более чем приятное удивление, когда я убедился, что первый драматургический опыт Юрия Михайловича не только вполне профессионален, но, что гораздо важнее, сценически интересен, а в чем-то даже необычен. И лишь некоторое время спустя понял, что иначе и быть не могло. Во-первых, пьесу написал бывший актер, прекрасно знающий все законы и

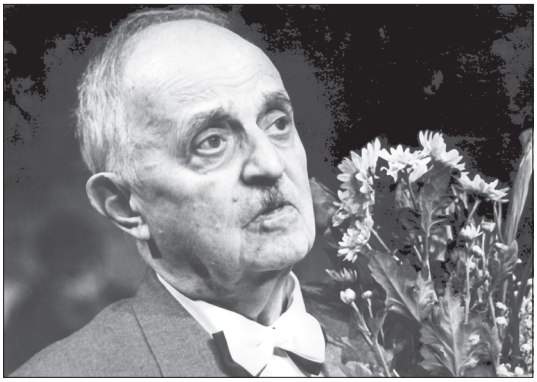
тайны сцены, способы актерского существования в предлагаемой обстановке. Во-вторых, пьесу писал литератор-профессионал, прекрасно владеющий как прозаическим, так и поэтическим словом и выпустивший к тому времени уже свыше двух десятков книг. И, самое главное, — драму создавал человек, не просто знающий то, о чем рассказывал, но глубоко и трагически переживший это. Вот что рассказывал об этом сам Юрий Михайлович:

Я давно хотел рассказать историю, которая произошла со мной в лагере. Вернее, даже не в лагере, а, скорей, уже после лагеря. Я слишком хорошо помню обстановку того времени, когда люди шпионили друг за другом, доносили друг на друга, когда все условия нашего существования ставили людей в исключительно тяжелое, порой трагическое положение. Пьеса сейчас называется «ОЖИДАНИЕ ДАМЫ», а первоначальное е□ название было «ГДЕ ЛЮБА ЛЮБИЧ?» И говорится там вот о чем: «Можно ли ради спасения близкого и дорогого тебе человека предавать кого-нибудь другого? Справедливо ли это?» В то время перед нами очень часто вставали именно эти проблемы. Оставаться человеком или не оставаться человеком? Тебе говорили: «Чтобы остались в живых твои отец и мать, расскажи, пожалуйста, о чем говорит твой лучший друг. Не скажешь — и сам загремишь в какие-нибудь места не столь отдаленные, и твои родители». Вот как тут быть? Проблемы эти остаются, по сути, всегда, но тогда они были предельно обострены.

Скоро пьеса была с успехом поставлена в театре Афанасьева. Помню, меня поразило и почти до слез тронуло, когда на банкете по случаю премьеры, окруженный молодыми веселыми артистами и гостями, быстро расправляющимися с напитками и бутербродами, Юрий Михайлович со счастливой растроганностью и без тени нарочитости и рисовки предлагал:

— Друзья мои, не стесняйтесь — ешьте, пейте. Если не хватит, я сбегаю в магазин.

Ему шел уже восемьдесят первый год. И что самое интересное — он действительно побежал бы в магазин и не счел бы этот факт чем-то из ряда вон выходящим.

Одним из главных качеств его характера и его творчества, на мой взгляд, была доброта. Остаться добрым человеком после всех трагических, а порой просто ужасных перипетий жизни, дано далеко не каждому. Я бы даже сказал — очень мало кому дано. Какую силу духа, оптимизма, мудрости и таланта надо было иметь, чтобы после сполна отмеренных войны, тюрьмы, сумы, потерь близких людей, запретов и преследований оставаться чуть ли не по-детски незлобивым, улыбчивым, добродушным и щедрым на добрые слова и поступки. Он любил повторять, видимо, глубоко запавшие ему в душу стихи своего друга, прекрасного сибирского поэта Елизаветы Стюарт:

День — и вечер,
Борьба — и смиренье.
Красота,
маета,
суета…
Но единое миру спасенье —
Доброта,
доброта,
доброта…

Могу теперь уже с уверенностью сказать, что для самого Юрия Михайловича доброта была не только спасением, но и той мощной духовной опорой, которая питала его творчество, давала жизненные силы, помогала пройти большой и очень нелегкий жизненный путь.

Моя натура, — писал он, — *вобравшая в себя четыре ярких крови — еврейскую, цыганскую, польскую и русскую (бабушка по матери — цыганская певица, дед — польский граф) — очень общительна и очень оптимистична. Я всегда был источником веселья и добродушия, люди заражаются от меня позитивной энергией…*

Можно было бы закончить на этом цитату, но это не было бы полной правдой. Словно набрав дыхания и решившись, Юрий Михайлович после многоточия продолжает:

Но наедине с собой мне порой бывает очень страшно. В эти минуты я молюсь Богу и верю, что Бог меня поддержит.

Так мог признаться и написать только большой и искренний художник. На мой взгляд, искренность — она ведь и реже, и подороже просто таланта, и отпускается поистине Божественной дланью по очень осторожному выбору. Юрий Михайлович часто любил повторять, что если его стихи кого-то и задевают за сердце, то, скорее всего, не своими художественными достоинствами, а своей искренностью.

Искренность — главное условие художественной глубины и цельности произведения искусства, — написал он в одном из своих очерков. Трудно с этим не согласиться. И еще он любил повторять слова Фазиля Искандера, очень ему понравившиеся:

Настоящий поэт — это человек, который выхватывает из костра горящий уголек и пишет им ясным почерком. Уголек должен быть горящим, а почерк ясным. Третьего не дано.

В продолжение этой темы символичен наш давний с Юрием Михайловичем не столько спор, сколько попытка нащупать истину. Меня, положа руку на сердце, несколько насторожил смысл одного из его стихотворений, в котором, как мне показалось, Юрий Михайлович исподволь пытался оправдать якобы не очень высокие художественные достоинства некоторых своих стихов, тем самым невольно отдавая предпочтение дилетанту перед подлинным художником.

— Во-первых, вы не правы по отношению к самому себе, — безапелляционно настаивал я, — во-вторых, оправдывать дилетантство в искусстве вещь непростительная. Наша литература и без того стремительно теряет профессионализм и художественность.

Юрий Михайлович хитро посмотрел на меня и со своей обычной мудрой улыбкой тихо сказал:

— Милый мой, ты не заметил в этом стихотворении всего одного слова.

Я вопросительно смотрел на него.

«Иногда».

Привожу эти стихи полностью, ибо смотрю сейчас на них совсем другими глазами.

Играет за стеною кто-то:
Все очень робко, все не так…
Да, он, конечно, знает ноты,
Но сразу видно — не мастак.
На конкурсах не отличился;
А просто, музыку любя,
Играть немного научился,
Как говорится, «для себя».
Ну что ему эстрада, сцена
И прессы лестные слова?
Играет сбивчиво Шопена,
Партиту Баха «номер два».

…Люблю концертных залов запах,
Огней торжественных хрусталь.
И — длинный зверь на черных лапах —
Большой стейнвеевский рояль.
Выходит бледный, элегантный
Международный концертант…
И лихостью невероятной
По залу хлещет «Вальс-брильянт»;
Здесь — ни единой нотки мимо.
Здесь — тренировка и расчет.

Здесь так естественно и зримо
Тяжелый пот со лба течет.

Гляжу на пальцы музыканта.
Слежу за техникой одной,
А думаю про дилетанта,
Про вальс неспешный за стеной.
Там все неровно, все незвонко
Наивно обнажен мотив…
На первые шаги ребенка
Походит этот примитив.

Да, мастерству — все наши чувства!
Но кто ответит: почему
Нам **иногда** милей искусства
Лишь приближение к нему?..

— А чтобы тебе стало все совсем ясно, — так же тихо сказал он в продолжение того самого разговора, — напомню тебе слова мудреца и великого нашего композитора Г. Свиридова: «Нет ничего страшнее для искусства, чем мастер, не ставший художником, и художник, не ставший мастером». Если хочешь, то это мое кредо.

Сам он всегда оставался и мастером, и художником. Причем параметры его самовыражения были удивительны. Поэт, артист, прозаик, драматург, публицист, живописец — это как бы общепризнанно. Я бы добавил — философ, мудрец. И еще одно очень редкое в наше время качество — человек, любящий жизнь, умеющий жить, радующийся жизни. Как-то на одной из встреч с читателями пожилая женщина, явно стесняясь, все-таки решилась задать ему вопрос о секрете его творческого и жизненного долголетия. Я запомнил его ответ почти дословно. Вот он:

— *Желательно, чтобы человек находился как можно дольше в состоянии любви, в состоянии постоянной влюбленности во что-то. Влюбленности в женщину, влюбленности в искусство, влюбленности в природу, влюбленности в жизнь. В такую жизнь, какая тебе дана. Другой жизни у тебя не будет никогда. Так люби эту жизнь, радуйся, сочиняй стихи!*

И сразу же прочитал вот эти стихи:

Как долго цветет медуница!
Июль, а она все цветет,
В глубокое небо глядится,
Оттуда лазурь достает.

Как долго все это мне снится,
Как долго среди темноты
Летит поднебесная птица,
И облако тихо клубится,
И синие снятся цветы.

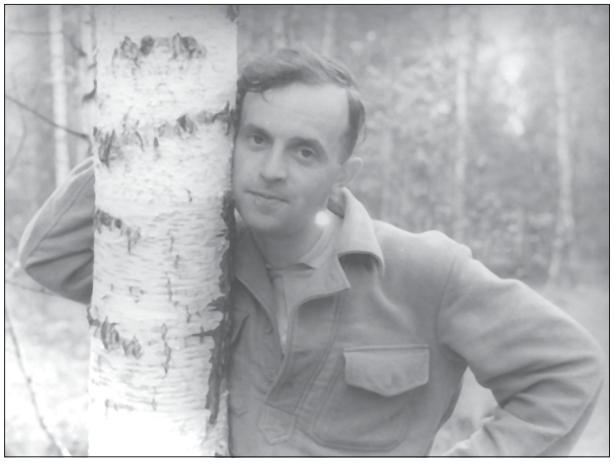
Читатели аплодировали. И никто не знал, что стихи эти написаны в больнице, когда первый инфаркт как бы на лету подстрелил его не такое уж сильное сердце, и надежд на выздоровление было, прямо скажем, не так уж много.

Думаю, что в эти больничные часы с тревожным ощущением вплотную подступившего небытия он не раз перебирал в памяти главные события своей долгой и нелегкой жизни. Их хватило бы не на один большой и замысловатый роман, причем автора, вздумай он написать хотя бы единственный из них, скрупулезно следуя действительным событиям, наверняка стали бы упрекать в сюжетном неправдоподобии, запутанности и нелогичности событий, слишком уж фантастическом переплетении судеб и мистических совпадениях. Я мог бы просто перечислить некоторые этапы этой необыкновенной судьбы, но лучше приведу расшифровку одного из монологов Юрия Михайловича, который мы записали для фильма о нем. Обратите внимание, он почти не говорит о себе, он только называет людей, с которыми ему приходилось так или иначе общаться на своем жизненном пути. Но за этим скупым перечислением стоит целая эпоха, которая и сформировала его неповторимую, удивительную жизнь.

Я родился в 1918 году. Родился в тот день и, кажется, в тот самый час, как уверяла моя мама, когда расстреливали семью Николая II в Екатеринбурге. Вот прямо в этот самый момент, в этот самый час.

Мне пришлось жить в эпоху Ленина. Как бы я к нему ни относился, но это был великий человек, который перевернул весь XX век.

Если говорить о детских впечатлениях, которые, конечно, сыграли очень значительную роль в моей жизни, то это, конечно, прежде всего, Мария Николаевна Слободзинская, племянница Гарина-Михайловского, с которой мы случайно познакомились и которая потом лет шесть-семь-восемь меня воспитывала. Я жил у нее, она меня учила, водила в филармонию, водила меня по ленинградским музеям, очень много рассказывала о своем дяде Николае Георгиевиче Гарине-Михайловском.

В Ленинграде я встречался с Сергеем Мироновичем Кировым. Я ходил с ним гулять, водил его собак — у него были охотничьи собаки…

Я встречался с разными интересными людьми. Эти встречи всегда заставляли меня внутренне, даже неосознанно равняться на

этих людей. Потому что каждый из них нес в себе какую-то особую энергетику, и она невольно как-то воздействовала на вас. Сознание, что рядом с вами или просто в вашем времени живет необыкновенный человек, волей-неволей и вас делает немного другим.

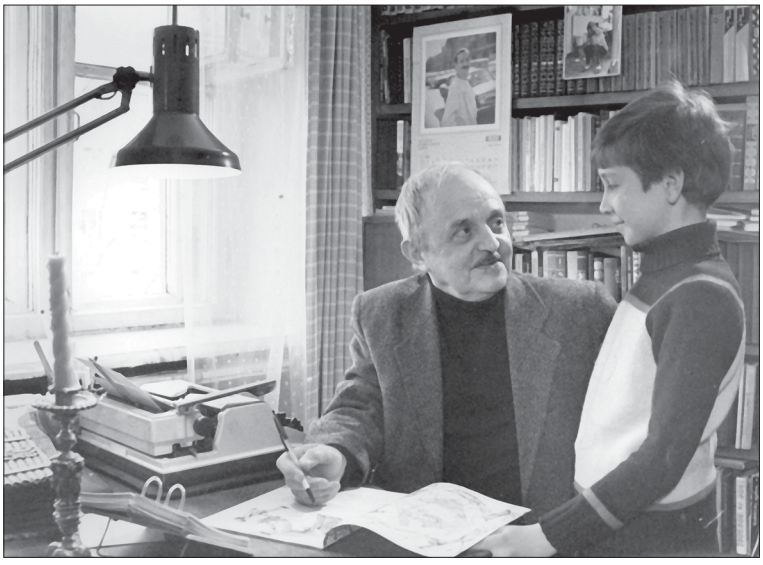
Я дружил, скажем, с киноартистом Николаем Крючковым. Мы с ним много ездили по Дальнему Востоку, по Крайнему Северу. Удивительный человек.

Заочно, никогда вживую не видя друг друга, мы дружили (переписываясь) с Юрием Владимировичем Никулиным. Мне было необыкновенно приятно, когда он написал мне письмо, в котором описал такой случай. Где-то он купил мою книжку «Приключения Жакони», принес ее домой, и эта сказка стала любимейшей книгой его сына Максима. Теперь он директор Московского цирка на Цветном бульваре. Эта книжка не то чтобы спасла, она помогла выжить этому ребенку, когда он был тяжело болен и ему надо было поднять настроение, успокаивать нервы. Ему читали «Приключения Жакони». С этого началась наша переписка, которая продолжалась много лет.

Я переписывался с очень крупным известным поэтом Давидом Самойловым, который написал прекрасное предисловие к одному из сборников моих стихов.

Очень дорожу дружбой с Владимиром Яковлевичем Лакшиным. Это крупный литературовед. Он написал предисловие к книге моих сказок, и в этой книге я дорожу гораздо больше предисловием, чем этими сказками.

Я несколько раз выступал со Святославом Рихтером и Львом Ошариным, дружил с Вадимом Козиным… В моей жизни было очень много интересных людей, и я очень благодарен за это судьбе.

Столь долгое отступление перед началом нашего с Юрием Михайловичем разговора в электричке по дороге в Тогучин, надеюсь, сделает понятной журналистскую банальность моего первого вопроса. К этому времени я знал о Юрии Михайловиче почти все, что положено знать хорошему знакомому, но все-таки, как ни крути, постороннему человеку. И в то же время не знал почти ничего о той тайной, глубоко скрытой от посторонних жизни душевной, которая, в конечном счете, формирует и человека, и художника. И Юрий Михайлович, с чуткостью мудреца, прекрасно догадывающегося о моей растерянности, ожидал от меня именно этой бесцеремонной банальности, ибо и ему предстояло переступить черту, за которой простой рассказ о событиях собственной жизни становится откровением. А без откровенности — и это он тоже прекрасно понимал — нам было не достигнуть той степени взаимного доверия, которая, будучи перенесенной на экран, заставила бы зрителя и сочувствовать, и любить главного героя и рассказчика, каковым ему и предстояло явиться в будущем фильме. Банальность заданного вопроса могла помочь и ему преодолеть барьер неизбежного первоначального отчуждения, чтобы потом с легкой, свойственной только ему иронией начать рассказывать о вещах, о которых, как правило, постороннему человеку не рассказывают.

Густой осенний утренний туман за окном вагона постепенно рассеивался, открывая грустные пространства опустевших полей и сиротскую голость березовых колков, скучно и безлико наплывающих и уносящихся прочь. На языке у меня вертелся другой, более важный для меня вопрос, но нарушать безмолвно установленные правила игры уже не стоило, и я, стесняясь самого себя, спросил:

— Не могли бы вы сейчас вспомнить о какой-нибудь судьбоносной встрече в вашей жизни? С которой что-то пошло по-другому?

Юрий Михайлович сделал вид, что вопрос для него оказался неожиданным, задумался, а потом, едва заметно усмехнувшись, начал рассказывать.

— *Если «что-то», то расскажу один малоприличный случай. Очень странный случай, но я о нем помню всю жизнь… Это было летом сорок второго года. Я сидел в лагере. Мы шли на работу, колонна заключенных. По пятеркам, по пять человек в шеренге. Я шел и разговаривал со своим соседом, своим приятелем. А впереди нас шли женщины. И одна из женщин, что-то там рассказывая другой, страшно грубо выругалась. Выругалась так затейливо, так заковыристо, что я повторил это ругательство вслух, призывая товарища отреагировать на такую виртуозность. Женщина, услышав меня, обернулась. Это была старая цыганка. Она сказала: «Мальчик, я в лагерях родилась и подохну. А ты-то зачем поганишь свой рот такими словами?» Можешь мне поверить, но после этого я много-много лет не употреблял никаких нецензурных слов. Эта женщина всегда стояла передо мной. Я и сейчас ее помню как живую. Вот такой случай.*

Ответ не совсем, как говорится, в тему, но я безоговорочно с ним согласился, поскольку случай оказался действительно интересным. Но пора было подбираться к главному, ради чего я и решился на эту неуютную поездку в ещ□

неведомый мне Тогучин. Не решаясь задать вопрос напрямую, я начал издалека. Помню, стал мямлить что-то вроде того, что в его возрасте чуть ли не каждую неделю мотаться в какой-то Тогучин… Он остановил меня нетерпеливым жестом (видимо, не я первый высказывал подобное недоумение) и тихо, словно продолжая не сейчас начатый разговор, сказал:

— Пора мне возвращаться в Тогучин.

Я не знал этого стихотворения и поэтому принял эти первые строчки за ответ на мое неуместное недоумение. Тогда он снова, глядя теперь уже не на меня, а в окно, повторил:

Пора мне возвращаться в Тогучин!
Здесь, в городе, простуда и морозы,
И на глазах обледенелых слезы,
И — множество еще других причин…
Пора мне возвращаться в Тогучин.

Там чистый снег, и я к нему привык;
Голубоватый дым из труб клубится;
Там крепко думается, крепко спится -
И там еще я, вроде, не старик…
Там чистый снег, и я к нему привык.

Я знаю, что меня там нынче ждут —
Готовится вино, бокалы, свечи
И — тихие таинственные речи;
Поет приемник, ходики идут…
Я знаю, что меня там очень ждут.

И безо всякого перехода продолжил:

— Я знаю, о чем ты хочешь спросить. Я сам часто задаю себе этот вопрос: — что самое главное в человеческой жизни? Много вещей самых главных, но я… Для меня — любовь. Любовь в самом широком смысле. Например, любовь к моей работе. Я очень люблю свою работу. Мне кажется, что я ни одного дня в своей жизни, может быть, за исключением пяти лет пребывания в лагере… Да и то, не знаю. Наверное, и там были такие дни, когда я с радостью шел на работу. Это великое счастье — любовь к работе.

Любовь к тем местам, в которых живешь. Первую часть своей жизни я прожил в прекрасном городе на Неве, в Ленинграде. Теперь он Санкт-Петербург. Я этот город очень любил, я его очень знал. Сейчас я живу в Новосибирске, который не очень знаю, но, тем не менее, очень его люблю. Город бы, казалось, такой функциональный, предназначенный не для любования, а для работы, для выполнения каких-то служебных дел, а я все равно этот город очень люблю, считаю его по сути своей столичным.

Я очень люблю свою страну. Страну, которая меня очень обижала, в которой я столько лет прожил неуверенно, опасаясь за завтрашний день. Но я

люблю эту страну. Я очень ее люблю. Я не променял бы ее ни на что. Мне говорят: «Почему ты не уезжаешь?» А зачем мне уезжать? Я прекрасно себя чувствую. Я человек, в котором течет какая-то доля еврейской крови. Фамилия моя, говорят, происходит от старинного еврейского слова «магалиф» — резчик по камню. Может быть, меня там и приняли бы в этом Израиле, но мне туда совершенно не хочется ехать, абсолютно.

Ну, и наконец, любовь к женщинам. Я ведь понимаю, к чему ты подбирался — почему, мол, меня так тянет в Тогучин? Женщины… Женщины в моей жизни играли огромную роль. И мама, и воспитавшая меня племянница Гарина-Михайловского Мария Николаевна Слободзинская. И женщины, в которых я влюблялся, которые были моими женами — я трижды был женат. И женщины, которые не были моими женами, которых я очень любил. Они все играли огромную роль в моей судьбе. Я всех их помню, я всех их благословляю. Они мне помогали в жизни. Мне иногда говорят — у тебя хороший характер. Ну, мне о своем характере судить трудно, какой он там у меня — хороший или плохой. Но я знаю, что я сознательно никого не обижу, и никого никогда не обижал. Сознательно не обижал. Несознательно, конечно, кого-нибудь обижал, наверное. Что-нибудь не так сказал, не так сделал в отношении кого-то. Все это заслуга женщин, которые всю жизнь воспитывали меня.

Мне потрясающе повезло с двумя женами. С первой женой я прожил недолго, и мы расстались. Тогда я женился на Ирине Михайловне Николаевой, с которой прожил 47 лет. Я ее очень любил, особенно в последние 20 лет. Я просто обожал эту женщину. Она была старше меня, она была уже старушка, хотя никто в жизни не называл ее никогда старушкой. Она из такого рода — теперь это уже известно — в ней текла кровь русских царей. Она умерла и, кажется, сама не знала об этом. Это выяснилось только после ее смерти. Она правнучка русского царя Николая I от незаконного брака. Она была замечательная женщина — умная, тактичная, веселая. Господи, я так счастлив, что в моей жизни встретилась Ира! Она умерла. Я после ее смерти метался. Мне было так одиноко. Тут меня инфаркт сразу же шибанул. И вот совершенно случайно, в том самом Тогучине, куда мы с тобой направляемся, я встретил… Неожиданно очень встретил женщину, которая на 40 лет моложе меня. На сорок лет! — страшно сказать. Она мне понравилась, и я ей понравился. Кинулись, как в омут, сломя голову. Я пришел к ее родителям, которые моложе меня, и сказал: « Прошу руки вашей дочери. Не согласились бы вы, чтобы ваша дочь вышла за меня замуж?» И, представьте себе, они сказали: «Мы считаем для себя честью». Сумасшедшие люди! Люди просто замечательные. Простые сельские учителя, проработавшие всю жизнь в Тогучине. Очень нелегкую жизнь, трудную. Воспитавшие прекрасных троих детей…

И мы стали с ней жить. У нее маленькая дочь, скоро ей будет девять. Я очень люблю этого ребенка. У меня есть свой собственный ребенок — сын, которому уже за шестьдесят. Крупный известный врач, живет в Москве. У меня и внук есть, и правнук, которого зовут так же, как меня — Юра Магалиф. И вот

еще эта девочка вошла в мою жизнь, и я счастлив, я ее очень люблю. Я очень люблю жену свою Тамару. Мы с ней живем в постоянном ощущении счастья. Постарайся это понять. Каждое утро мы просыпаемся и глядим в окно, а за окном великолепный тогучинский простор. Прямо под окном небольшое озеро. Весной там поют соловьи над этим озером, прямо под нашим окном. А дальше — огромные просторы. Я много стихов там написал. И еще напишу.

Больше я не задавал ему вопросов. Понял, что этот человек счастлив. И будет счастлив до самого своего смертного часа. Так и случилось. За несколько дней до его неожиданной кончины я позвонил ему в Тогучин, поздравил с наступающим Новым годом. Он был весел, приглашал в гости, сказал, что приберег для этого случая бутылочку шампанского, делился ближайшими планами, рассказывал о замысле новой пьесы. А через несколько дней позвонила Тамара, и я узнал, что Юрия Михайловича больше нет с нами. Это произошло 28 января 2001 года.

Во время отпевания в соборе Александра Невского архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон сказал: *Юрий Михайлович был добрым человеком и всех нас учил добру — как быть добрым, как понять, что есть добро.*

Уверен, это самая высокая оценка всей земной жизни Юрия Михайловича Магалифа. Я часто повторяю его стихи, которые в своей простоте и открытости сродни молитве:

Я верю, Бог меня хранит
От беспричинного волненья
И от бесцельного стремленья,
И от неправедных обид.

То, что грядущее сулит,
Я в темноте своей не знаю,
Но безоглядно принимаю
И верю: Бог меня хранит.

Он не ошибся. Бог хранил его для всех нас, а мы будем хранить о нем светлую и благодарную память.

Александр КОСЕНКОВ

В очерке использованы синхроны из документального фильма «Еще раз о любви».

Путь к гармонии

Врачами, конечно же, не рождаются. Ими становятся. Далеко не сразу и, к сожалению, далеко не к каждому из них приходит постепенное осознание величайшей ответственности и понимание того, что он в силу судьбоносного выбора получил право на защиту и спасение человеческой жизни. Вся его воля, все его знания, весь его опыт должны быть отданы тому, чтобы победить болезнь, а часто заставить отступить и смерть. И таких сражений за больного десятки, а то и сотни в год. В жизни — тысячи. Каким же должен быть человек, ежедневно стоящий на этой шаткой грани между смертью и жизнью, воочию видящий и осознающий ее, не раз испытывающий мучительную боль поражений и опьяняющую радость побед? Чего уж греха таить — не каждый оказывается в состоянии нести подобный груз и оставаться при этом жизнерадостным, увлеченным и счастливым человеком. «Гармонич-

ным человеком», как любит повторять **Наталья Георгиевна Мезенцева,** уже много лет работающая главным кардиологом области и возглавляющая Новосибирский областной кардиологический центр.

…Она выросла в утопающем в яблоневых и вишневых садах маленьком подмосковном городке Кашине. Бегала купаться на извилистую теплую речушку, верховодила среди сверстников, училась в школе, которую окончила с золотой медалью. Стремление быть первой и лучшей, зародившееся, возможно, уже в те годы, диктовалось не подростковыми комплексами и безудержным юношеским апломбом, часто возникающим на пустом месте, а органично вытекало из самого существа ее пытливой и неуемной натуры. Как отец, которого обожала, девочка хотела знать все. Она расспрашивала его о звездах и о животных, о загадках истории и географических открытиях, о птицах и архитектуре, о картинах и поэзии, о математике и смысле жизни. Георгий Владимирович был энциклопедически образованным человеком и мог ответить на любой, самый замысловатый вопрос. Но больше всего он любил поэзию. Писал стихи сам, знал произведения всех известных поэтов. Но больше всего он любил читать вслух стихи Маяковского. Любовь к поэзии Наталья Георгиевна сохранила на всю жизнь. И на всю жизнь осталось в ней стремление знать как можно больше о занимавшем ее предмете.

Во 2-м Московском медицинском институте, куда она поступила после школы, ей, как она считает, необыкновенно повезло на замечательных педагогов. Лекции там читали академики А. Н. Нестеров и И. В. Давыдовский, П. Е. Лукомский и А. Н. Бакулев, профессора А. А. Пытель и Б. Е. Вотчал — имена хорошо известные в отечественной медицине. До сих пор Наталья Георгиевна вспоминает о них с душевным трепетом и глубочайшим уважением. Борис Евгеньевич Вотчал — один из лучших клиницистов того времени. Прекрасные клинические разборы по кардиологии академика Лукомского во многом определили для нее выбор будущей профессии. Ординатуру она проходила в кардиологическом отделении Московской клиники под руководством профессора В. С. Смоленского. Особую роль в понимании высшего смысла медицинской науки сыграли для нее лекции Ипполита Васильевича Давыдовского, который читал общую патологию. От него она впервые услышала, что ***лечить надо не отдельную болезнь, лечить надо человека.*** Такой подход, мягко говоря, не приветствовался официальной медициной того времени и, наверное, поэтому вызывал интерес одних и откровенное неприятие ортодоксов. Потом те же самые слова Наталья Георгиевна услышала в Новосибирске от академика В. П. Казначеева. С тех пор подобный целостный подход к лечению человека стал главным смыслом и основным направлением всей ее научной и практической работы.

В Новосибирск она приехала в 1975 году. Муж получил здесь интересную работу, и она без колебаний оставила уютное Подмосковье, где уже начала свою врачебную практику. В горздраве ей предложили на выбор несколько мест, но она сразу же выбрала место кардиоревматолога в 1-ой поликлинике Цент-

рального района. После блистательных лекций известных московских кардиологов было очень интересно познакомиться с новосибирской школой кардиологии. А школа эта уже формировалась, была. Профессор Юрий Петрович Никитин возглавлял в то время кафедру терапии на факультете повышения квалификации врачей, но основным направлением его деятельности была кардиология, и вскоре эта кафедра преобразовывается в кафедру кардиологии. Идея создания кардиологического центра, как говорится, уже носилась в воздухе. Юрий Петрович Никитин и бывшая в то время главным терапевтом города Алевтина Андреевна Николаева первыми предложили реализовать ее на практике. Наталья Георгиевна стала сначала сотрудником, а вскоре и заведующей Центром, как шутили тогда многие врачи, «непонятно чего». Аналогов подобной структуры в стране еще не было. Даже кардиологической службы как таковой не было. Создать Центр под специальность, которой не существовало, и сейчас, прямо скажем, ой как не просто. Далеко не каждый руководитель здравоохранения отважился бы взять на себя такую ответственность. Тогдашний руководитель городского отдела здравоохранения Владимир Дмитриевич Рева без колебаний дал согласие на организацию Центра. И хотя он уже много лет живет и работает в Москве, многие новосибирцы до сих пор помнят его и не жалеют самых теплых слов благодарности.

Структуру будущего Центра начали разрабатывать с нуля. По словам Натальи Георгиевны, это была «потрясающе интересная работа». Вот как она сама вспоминает об этом.

— Вся площадь нашего Центра располагалась тогда в трех небольших кабинетах в 1-ой поликлинике. В одном из них утром сидел кардиолог, а вечером ревматолог. В другом располагалась функциональная диагностика. В третьем работал липидолог. Это была биохимическая лаборатория, но мы уже тогда начали внедрять липидные исследования. И было нас всего четыре врача. Так мы начинали. Прежде всего, надо было выстроить структуру Центра. Аналогов никаких не было. И вот мы выписывали эту структуру, составляли документы, определяющие функции службы, взаимоотношения, писали положение о Центре, планировали его будущие кабинеты. Мы походили тогда на военачальников без армии. Центр уже вроде бы существовал, а необходимой сети кардиологических кабинетов не было. Вернее, их было всего два, и назывались они коронарными кабинетами. Ни в какую

общую сеть они не входили. Один — на базе Дорожной клинической больницы, другой — на базе поликлиники «Сибсельмаша». Были еще ревматологические кабинеты, которые занимались в основном ревматизмом и пороками сердца. Так что структуру будущей кардиологической службы мы начинали, можно сказать, на пустом месте. И что интересно — сейчас эта структура почти не изменилась. Все оказалось так продумано и выверено, что больше уже ничего нельзя было придумать. Разве вот только ВТЭКи кардиологические появились. Раньше называлась «врачебно-трудовая экспертная комиссия», а сейчас — «медико-социальная экспертная комиссия». Ее мы тоже в свое время у себя создали.

А были еще задумки, которые мы до сих пор еще не реализовали. Например, банк данных по кардиологическим больным. Мы его тогда придумали, а воплотить в жизнь не смогли. Тогда еще не было таких технических средств, которыми мы располагаем сейчас. В 1996 году, во время поездки во Францию делегации наших врачей, мы увидели в Пуатье точно такую работающую структуру, которую мы придумали много лет назад. С теми же самыми функциями. Если говорить коротко, то «банк данных» — это база данных о больных, в которую вносятся все медицинские показания: как родился, как вскармливался; от детских прививок, травм, заболеваний, кончая последними данными — цифры давления, холестерина, где госпитализировался, какие лекарства не переносит, данные по диабету. Ведь зачастую, когда нам «скорая» привозит больного в критическом состоянии, времени на расспросы не остается, карточка где-то в поликлинике, родственники ничего вразумительного сказать не могут. А компьютер почти мгновенно выдаст все показания, которые необходимы врачу. Когда мы начинали, это было для нас мечтой, сейчас это реальность. И я думаю, что в ближайшие 5-10 лет мы обязательно внедрим эту систему.

Постепенно, не без трудностей, Центр завоевывал право на существование, доказывал на практике свою жизненную необходимость. Из 1-ой поликлиники пришлось переехать в 7-ю в Октябрьском районе. Площади, которые там предоставили, были значительно больше. Расширились кабинеты, развивалась служба функциональной диагностики, появились новые методы исследований. Сегодняшние молодые врачи, возможно, об этих методах уже ничего не знают. Но тогда они казались самыми передовыми и прогрессивными. Они давали новую, еще неизвестную информацию о сердечно-сосудистой системе. Сейчас многие из них могут показаться примитивными, но на начальном этапе они были той точкой опоры, с которой начиналось движение вперед. Стала развиваться сеть кардиологических кабинетов. Кардиологическая служба Новосибирска реально заявляла о своем существовании. Причем, подобной службы в стране еще не было. Первый приказ о ее создании в Советском Союзе вышел в конце 1978 года. Новосибирский кардиологический центр к тому времени уже имел свою достаточно развитую структуру и полноценно (в пределах возможностей того времени) функционировал. Изучать опыт новосибирских кардиологов приезжали известные ученые и кардиологи из Москвы и

других городов: приезжали академики Чазов и Шхвацабая, профессор Ахметели и многие другие. В приказе Минздрава о создании кардиологической службы в стране учитывался, прежде всего, опыт по созданию и работе Новосибирского кардиоцентра. Новосибирские кардиологи явились первопроходцами в этом смелом, сложном и очень важном начинании.

— В то время нашей основной целью было — правильно поставить диагноз ишемической болезни сердца. Сделать это тогда было достаточно трудно. Кроме ЭКГ у нас, по сути, ничего не было. А ЭКГ для начальной стадии болезни сердца метод достаточно неинформативный. Он хорош только для запущенных случаев болезни. Поэтому основной нашей задачей тогда было научиться диагностировать. Потом — научиться уточнять. Потом — научиться квалифицированно лечить болезнь терапевтическими средствами. А вот если нужна была операция, мы отправляли больного в Москву, потому что нигде, кроме Москвы, операций по поводу коронарного кровообращения тогда не делали. У нас же их стали делать совсем недавно.

Как это ни покажется странным, но поразительные успехи Евгения Николаевича Мешалкина и врачей его клиники, применявших метод гипотермии при операциях порока сердца, задержали внедрение коронарной хирургии в Новосибирске. Е. Н. Мешалкин активно выступал против использования при операциях аппарата искусственного кровообращения и считал, что коронарная хирургия неперспективна. Отчасти это было справедливо. Коронарные операции не излечивают болезнь. На каком-то этапе они помогают продлить жизнь больному, но ишемическая болезнь сердца остается и продолжает прогрессировать. Но спрашивается, что тогда делать с людьми, у которых обнаружены тяжелые нарушения или запущенный случай ишемической болезни? В любом случае их надо спасать. Вот и везли больных на операцию в Москву. До тех пор, пока не началась перестройка.

— Мы в течение 10 лет искали помещение под стационар, — рассказывает Наталья Георгиевна Мезенцева. *— Без стационара мы просто не могли начать работать в полную силу. Случилось так, что в это время у нашего известного хирурга Георгия Дмитриевича Мыша, который располагал тогда прекрасным новым корпусом на территории горбольницы, сложилась непростая ситуация с его эксплуатацией. Катастрофически не хватало средств на содержание корпуса. И тогда Георгий Дмитриевич предложил часть этого корпуса нам, — с тем, чтобы мы там разместились и оплачивали только эксплуатационные расходы, без аренды. Это предложение как нельзя лучше отвечало нашим планам, мы въехали в этот корпус и практически с самого начала стали развивать там коронарную хирургию.*

Коллектив у нас в кардиоцентре замечательный. Здесь работают высочайшие профессионалы, уникальные специалисты: доктора наук, кандидаты наук, врачи первой и высшей квалификационных категорий. Знаете, какие деньги они получали бы за границей?! Ведь профессия медика одна из самых высокооплачиваемых в мире. У нас же все наоборот. Поэтому, кроме того, что все они

великолепные профессионалы, они еще подлинные энтузиасты, другого слова не найду. Они едут сюда чуть свет со всех концов города, в любую погоду, на нашем невообразимом транспорте. А здесь они находят в себе силы улыбаться, быть всегда приветливыми, доброжелательными, внимательными. Это удивительные люди не только по своему высочайшему профессионализму, но и по своим душевным качествам. Я очень горжусь своим коллективом, очень. А еще они все время стараются учиться, узнавать новое, всегда в курсе всех последних научных разработок и достижений. Аппаратура у нас в Центре, конечно, замечательная, на уровне международных стандартов. И это хорошо. Но без людей, без таких специалистов, как у нас, вся эта аппаратура просто техника и ничего больше.

Я выскажу сейчас, может быть, непопулярную, крамольную мысль, больно затрагивающую многих. Но я считала и считаю, что больной должен платить за свое лечение. Только плата эта должна быть небольшой. Результаты бесплатного лечения, иждивенческой позиции пациентов я вижу всю жизнь. К чему она привела — статистика страшная. Сейчас идет мучительная переоценка ценностей. Люди начинают понимать, что им самим надо заботиться о своем здоровье. Плата за лечение — это мерило очень понятное для людей, которые не хотят видеть других стимулов сохранения собственного здоровья. Но, повторяю, эта плата должна быть посильной для заболевшего. А вот те вещи, которые делаются по жизненным показаниям, впрямую спасают жизнь, вещи дорогостоящие — их государство должно брать на себя, как это делается во всех цивилизованных странах. Дорогостоящие операции по коронарному шунтированию, по стентированию, электрокардиостимулятор когда устанавли-

вают — оплачивает либо государство, либо страховые компании. Это правильно, это человечно.

Для того, чтобы успевать и уметь многое, чтобы вокруг тебя формировалось «гармоничное пространство», надо очень много знать и, конечно же, прежде всего, самому быть достаточно гармоничным человеком. Недаром кто-то из великих сказал: «Боги говорят с нами лицом к лицу только тогда, когда у нас у самих есть лицо». И еще говорят, что истинные качества человека, как правило, проверяются в самые трудные моменты его жизни. Таким самым трудным моментом в своей жизни Наталья Георгиевна считает время, когда она спасла от почти неизбежной смерти своего сына. По сути дела, ее вызвали на его похороны. Травмы, которые он получил в тяжелейшей автомобильной аварии, были, как говорят в таких случаях, «несовместимы с жизнью».

У врачей маленькой районной больницы в Рязанской области, куда доставили пострадавшего, не было ни условий, ни возможностей лечения таких тяжелых травм. Стронуть с места, везти, скажем, в Москву, тоже было равносильно приговору. Почти месяц Наталья Георгиевна не отходила от постели сына. Все свои знания, весь огромный врачебный опыт, накопленный за десятилетия практики, она сосредоточила на единственной цели — спасти сына. Никто из окружающих не верил, что это возможно. Ей почти не помогали, но и не мешали. Правда, иногда упрекали в жестокости, когда она запрещала давать ему традиционную в таких случаях еду. Она сразу категорически запретила давать ему мясо. Кормила исключительно по системе янь-инь. Ежедневный многократный массаж с травами, мумие и прополис, настои трав вместо воды и чая. А еще — колоссальная биоэнергетическая работа, в которой Наталье Георгиевне огромную поддержку оказывали ее единомышленники из Новосибирска. Это была очень мощная, очень тонкая и почти непонятная для непосвященных работа. Возможно, еще не пришло время говорить о ней, хотя первые сведения о мощном стимулирующем воздействии энергоинформатики на человеческий организм уже начинают просачиваться в печатные издания.

Через месяц сын самостоятельно покинул больницу, а на сороковой день приступил к работе. Врачи, которые со стороны наблюдали за лечением, сочли этот случай настоящим чудом. И как вещественное доказательство этого чуда, оставили у себя рентгенограммы пострадавшего до и после лечения.

*— Конечно, мне во многом помог тот комплекс знаний по традиционной и нетрадиционной медицине, который я накопила за всю мою жизнь. Именно тот «**целостный подход**» к больному, который я восприняла с первых шагов в медицине и потом отстаивала всю свою последующую врачебную практику. Еще и еще раз я говорила и говорю: если вы взялись лечить человека, лечите его, а не его болезнь. Болезнь никогда не бывает в единственном числе. Она вытекает из целого комплекса нарушений, которые связаны со всем организмом человека. Диагноз, который я ставлю больному, как правило, безошибочен. И дело не только в моих особых знаниях, но и в опыте. Многие опытные врачи с большой медицинской практикой способны поставить правильный диагноз буквально с*

первого взгляда. Его подсказывают внешний вид больного, походка, дыхание, запах, выражение глаз и еще десятки неуловимых для непосвященного признаков. Причем, о них даже не думаешь, не анализируешь. Диагноз возникает в голове сразу. Считаю, что это и элементарная интуиция на основе опыта, и определенные биоэнергетические способности. Конечно, не каждому это дается. Нужна постоянная и очень большая работа над собой. А затем ничуть не меньшая работа с каждым пациентом. Лечение начинается уже с первого с ним разговора. Вместе с ним я пытаюсь докопаться, как началась его болезнь, какие были к этому причины, при каких обстоятельствах все началось. Если размотаешь этот клубок, то потом будет гораздо легче результативно помочь больному. Потому что потом я начинаю воздействовать именно на те механизмы, которые привели к болезни, и корректировать именно их. Потому что если мы не изменим привычки и психологические установки заболевшего — а они у каждого свои — и станем кормить человека таблетками, эффект будет намного меньше, чем если бы мы воздействовали на причину болезни. Поэтому очень многие мои пациенты надолго, а то и навсегда излечивались от своих болезней, ибо пытались изменить и меняли в своей жизни все, что привело их к недугу. Начиная от жизненного настроя, отношения к жизни (это очень важная составляющая, которая как очень быстро может привести к болезни, так и излечить от нее), и кончая коррекцией питания. Недаром говорят: «Человек есть то, что он ест». Это грубо, но это действительно так. И как часто именно коррекция питания приводит к потрясающим эффектам выздоровления. Я могла бы привести в подтверждение десятки, сотни примеров.

Обычно трудно задавать человеку вопрос о его вере. Некоторые считают, что это сугубо интимная часть жизни и с каким-то даже испугом уходят от ответа. Наверное, потому, что так и не решили для себя окончательно этот непростой и жизненно важный вопрос. Наталья Георгиевна отвечает просто:

— Верю? Безусловно. Без веры невозможно ни жить, ни помогать людям. Сколько я себя помню, вера всегда во мне была. Для меня она естественна, как дыхание.

Так же просто отвечает она на вопрос о своей мечте.

— Во-первых, мечтаю сделать более доступной и более гуманной помощь больным с ишемической болезнью сердца.

Хотела бы передать те знания о здоровье, о возможности сохранить и восстановить его, которые накопила за прошедшие годы. Думаю написать об этом книгу.

Хотела бы передать свой немалый опыт организации кардиологической службы и свое видение, какой она должна быть, своим ученикам.

А еще хочу увидеть взрослыми свое продолжение — своих внуков.

Как видите, все вполне реально и достижимо. Надо жить, надо верить, надо работать.

А. ДМИТРИЕВ

«Готов положить все силы...»

Имя Константина Яковлевича Михайловского знают в основном только специалисты: историки и железнодорожники. Для остальных людей он остается в тени своего более известного однофамильца — Гарина-Михайловского. А ведь под руководством Константина Яковлевича, не терявшего времени на литературные опыты, построен головной участок Транссиба — Западно-Сибирская железная дорога. Ее протяженность — 1329 верст (Челябинск — Кривощеково), а построена она всего за три года, введена в эксплуатацию в 1896 году — на год раньше срока! При этом сэкономлено около миллиона полновесных царских рублей. А ведь кроме Запсиба было и много других железных дорог, строительством которых руководил Константин Яковлевич. Сорок шесть лет бывший артиллерист отдал железным дорогам России, за что награжден десятью орденами, двумя медалями и получил зва-

ние действительного тайного советника. А закончил он свою выдающуюся службу в области железнодорожного строительства членом Совета Министров Путей Сообщения. К. Я. Михайловский — один из блестящей плеяды путейцев, которые распахнули восточное окно России в мир морей и океанов, ведущих к Америке, Австралии, и Юго-Восточной Азии.

Константин Яковлевич Михайловский родился в 1834 в Черниговской губернии в семье дворянина. Воспитывался в первом кадетском корпусе, затем учился в Михайловском артиллерийском училище. По его окончании в 1853 году сразу попал на Крымскую войну, позже служил в Санкт-Петербургском арсенале. После пяти лет службы в артиллерии поступил в Михайловскую артиллерийскую академию. Но, очевидно, более военной карьеры Константина Яковлевича увлекала другая стезя. Еще учась в академии, он вольнослушателем посещал лекции по математике в Петербургском университете, а по окончании академии он поступает в Институт Корпуса путей сообщения. В 1861 году Константин Яковлевич окончил Институт и поступил в распоряжение Корпуса инженеров путей сообщения. Он был назначен на должность начальника 6-й дистанции 3-го отделения 2-го округа путей сообщения. Отныне его судьба неразрывно связана с железными дорогами Российской империи. В чине поручика-инженера Михайловский направляется на строительство Мариинской водной системы.

В последующие годы Константин Яковлевич принимал участие в изыскании и строительстве многих железных дорог: Московско-Курской, Курско-Киевской, Курско-Харьковской, Балтийской, Рязано-Козловской, Вильно-Ровенской, Оренбургской и Полесской. Кроме того, он возводит оригинальный Сызранский мост через Волгу, сооружает каналы — Свирский и Мариинский.

С 1869 года Михайловский уволился со службы и стал вольным подрядчиком.

На постройке Сызранского моста Михайловский вместе с инженером В. И. Березиным разработал новый метод мостостроения, который в Европе назвали «русским методом». Сызранский мост в 1880 году открыл министр путей сообщения адмирал К. Н. Посьет. Мост назвали Александровским, в то время он оказался самым протяженным в мире. Оба инженера, Михайловский и Березин, награждены орденами св. Владимира IV степени.

С 1885 года Михайловский назначается на самостоятельные посты начальника работ по сооружению железных дорог: Самаро-Уфимской, Уфа-Златоустовской, Златоуст-Челябинской, Западно-Сибирской и Екатеринбург-Челябинской соединительной ветви. При этом он часто совмещал руководство строительством ряда дорог; так, в 1890 году он одновременно являлся начальником по сооружению линий Златоуст-Челябинск и Уфа-Златоуст да еще занимался изысканиями на Западно-Сибирской дороге. В 1894 году К. Я. Михайловский — начальник работ по строительству ветви Екатеринбург-Челябинск и одновременно руководит работами на Западно-Сибирской железной дороге.

Самаро-Златоуст-Челябинская железная дорога имела очень сложный рельеф, пересекала Уральский хребет и прихотливые горные речки, одолевала множество скалистых подъемов и спусков. Эта линия являлась не только соединительным звеном между сетью европейских дорог и Транссибом, она еще стала и хорошей школой для Константина Яковлевича. Например, Самаро-Уфимская линия, которая состояла из шести строительных участков по 70-80 верст. Строить приходилось в трудных условиях, пологие участки составляли только 40 процентов, остальные 60 — спуски и подъемы. Часто выемки делали в глинистых грунтах или сплошных известняках. Были места, где среднее количество земляных работ достигало до 50 тысяч саженей на версту. На всем протяжении дороги строевого леса не было, его приходилось сплавлять по рекам Волге и Белой и везти на расстояние до 200 верст. Песок для балласта (верхней части железнодорожной насыпи) доставляли на расстояние от 2 до 18 верст. Помимо этого тяжелого труда, строители сооружали еще объекты инфраструктуры дороги, кроме того, возвели 25 вокзалов и 6 больниц. А ведь это только один из эпизодов деятельности К. Я. Михайловского…

Титаническая работа Константина Яковлевича в эти годы не осталась незамеченной: к 1898 году он уже тайный советник, а в 1899 году назначен на пост начальника управления МПС по сооружению железных дорог России. Министр путей сообщения князь М. И. Хилков, сам в молодости трудившийся рабочим и машинистом на железных дорогах Европы и Соединенных Штатов, знавший железнодорожное дело досконально, был очень высокого мнения о К. Я. Михайловском как человеке талантливом и самобытном.

В феврале 1891 года последовал Высочайший Указ Императора Александра III о строительстве железной дороги от Челябинска до Владивостока. 19 мая того же года, в день своего рождения, цесаревич Николай Александрович заложил первый камень в основание вокзала во Владивостоке и отсыпал первую тачку земли в полотно Великого Сибирского рельсового пути. Согласно плану, на всю стройку отводилось десять лет.

Транссиб стал величайшим достижением инженерно-технической мысли России и всего мира. Он явился школой управления и организации, а решение прокладывать железную дорогу с двух концов было пионерским. Забегая вперед, можно сказать: семитысячекилометровый путь построен менее чем за 10 лет. Темпы — невиданные: в год прокладывалось до 700 километров путей. А ведь водные преграды были почти не оседланы, пришлось строить сотни мостов; а, например, при сооружении кругобайкальской железной дороги построено 39 тоннелей, 50 противообвальных галерей, 14 км подпорных стен…

Благодаря Транссибу стремительно выросла лесная и золотодобывающая промышленность. Сибирь богатела, становилась обжитым краем: лишь за первое десятилетие существования Транссиба население Сибири выросло в два раза!..

Итак, проект Транссибирской магистрали был принят, а К. Я. Михайловскому доверили строительство головного ее участка — Западно-Сибирс-

кой дороги. В этом трудном деле ему, с его опытом и авторитетом, не было, наверное, равных, а как руководитель Константин Яковлевич стал просто незаменим.

Начал он с того, что разделил всю дорогу на девять строительных участков, которые, в свою очередь, были разбиты на 31 дистанцию различной протяженности — в зависимости от сложности работ. По окончании на линии изыскательских работ 7 июля 1892 года состоялось торжественное открытие строительства Западно-Сибирской железной дороги. В своей докладной записке в адрес МПС Михайловский писал:

По совершению молебствия, при многочисленном стечении народа приступлено было от Челябинска к работам Сибирской дороги… Инженеры, все служащие, а также рабочие почтительно выражают верноподданнические чувства готовности положить все силы для успешного осуществления великого начинаемого дела.

«Все силы» скоро понадобились — природа Сибири была к строителям сурова, на их пути стали топи, болота, вечная мерзлота, крутые горы и залепляющий глаза сибирский гнус. Кроме того, строители Запсиба столкнулись почти на всем протяжении дороги с другими, не менее серьезными проблемами, прежде всего, с острым дефицитом основных строительных материалов. Не хватало кирпича, алебастра, извести. Камень имелся только в Челябинске и на Оби, то есть в крайних точках магистрали. Не хватало и частных подрядчиков, которые могли бы поставлять стройматериалы, возводить малые мосты, путевые и станционные здания. В этих условиях начальник работ Михайловский создает специальный отдел для производства хозяйственным способом строительных материалов, труб, гражданских построек и деревянных мостов. Временные деревянные мосты по мере износа заменялись металлическими на каменных опорах. Срубы зданий и различные части построек большей частью изготавливались непосредственно в тех местах, куда завозился лес, и уже после укладки пути доставлялись в пункты назначения. Чтобы не задерживать укладку пути, сваи под опоры деревянных мостов забивали зимой. Возникли сложности при возведении железнодорожного моста через реку Иртыш. Не дожидаясь, пока будет проложен путь до Омска и появится возможность подвезти камень из Челябинска, строители воспользовались местным сырьем, организовав его доставку по воде через опасные Иртышские пороги. Вообще на всем протяжении строительства проявлялся инженерный и научный талант созидателей, смекалка, находчивость и упорство строителей.

Поначалу земляное полотно отсыпалось под один путь. Наибольшая высота насыпей достигала более девяти саженей, наибольшая глубина выемки около трех саженей, наибольший подъем — 7 метров на один километр пути.

На протяжении Западно-Сибирской железной дороги было построено 9 водопропускных труб, 261 деревянный мост, 4 моста с металлическими пролетами на каменных опорах (через реку Тобол мост длиною 200 саженей, через

реку Ишим — 100, через Иртыш — 300, через Обь — 372,5 сажени). Для защиты путей от снежных заносов было изготовлено 91245 погонных саженей переносных щитов с кольями. Кроме того, для служащих и рабочих, занятых ремонтом и содержанием пути, были построены 168 сторожевых домов, 67 казарм и 110 полуказарм, в которых размещались служебные и жилые помещения дорожных мастеров, артельных старост и старших путевых рабочих.

Пассажирские здания станций II и III классов возводились из кирпича, станции IV и V классов — из дерева на каменных фундаментах. Основные паровозные депо были расположены на станциях Челябинск, Курган, Петропавловск, Омск, Каинск, обратные — на станциях Шумиха, Макушино, Исиль-Куль, Татарская, Чулымская. Все здания паровозных депо были построены из кирпича или камня, с железной крышей, с устройством отвода воды из кочегарных ям. У станций, жилых домов, казарм даже разбили скверы, сады. Все построенное перечислить невозможно, и за всем этим — упорный, громадный труд тысяч и тысяч инженеров-путейцев, служащих, рабочих и руководителей строительства во главе с К. Я. Михайловским.

Успешной деятельности Константина Яковлевича в существенной мере способствовала плодотворная работа Комитета Сибирской дороги, учрежденного в 1892 году. В его состав входили министры: путей сообщения, финансов, государственного имущества, внутренних дел, государственный контролер и, позже, Военный министр и управляющий Морским министерством. Председателем Комитета назначен цесаревич Николай Александрович, который, даже став императором, сохранил за собой пост председателя Комитета Сибирской железной дороги.

С целью сокращения сроков строительства Сибирской железной дороги и минимизации необходимых для этого средств и ресурсов Комитет принял решение установить для нее новые, облегченные технические условия: уменьшение ширины земляного полотна и толщины балластного слоя, возможность применения рельсов легкого типа. Принцип надежности постройки и безопасности движения при этом не нарушался. Заселение местностей, прилегающих к Сибирской дороге, расширение в регионе промышленности (добыча каменного угля, производство железа, цемента), развитие пароходного сообщения — все эти и другие меры, принятые и реализованные Комитетом Сибирской дороги, значительно облегчили Управлению по сооружению Западно-Сибирской железной дороги, руководимому начальником работ К. Я. Михайловским, задачу строительства и ввода магистрали в срок и со значительной экономией предусмотренных сметой средств.

Строительство Западно-Сибирской железной дороги близилось к окончанию, шло обустройство станций, доводка мостов. В 1895-1896 годах дорогу часто посещали правительственные комиссии и начальство. Судя по официальной переписке Константина Яковлевича, очень строгой была комиссия во главе с генерал-лейтенантом Николаем Павловичем Петровым, талантливым инженером и ученым, бывшим в то время товарищем (заместителем) мини-

стра путей сообщения. Эта комиссия, изучавшая на месте ход сооружения Запсиба, особо отмечала «правильную организацию строительства хозяйственным способом», что говорило о знаниях и опыте руководства во главе с К. Я. Михайловским. Благодаря их труду Западно-Сибирская железная дорога построена с экономией средств и досрочно: 1 сентября 1895 года на магистрали открыто временное движение, а через год, 15 октября 1896 года вся дорога принята в эксплуатацию.

К. Я. Михайловский являлся не только первоклассным инженером-путейцем и великолепным организатором, но и заботливым руководителем. Он внимательно следил за деятельностью молодых инженеров и техников, создавал им условия для профессионального роста, смело доверял руководство строительными участками и дистанциями. Усердную и добросовестную работу Константин Яковлевич всегда отмечал и настойчиво добивался для отличившихся подчиненных наград и поощрений. Вот один из многих рапортов-представлений Михайловского от 12 декабря 1894 года: *Ввиду того, что успешное производство работ по всей линии ЗСЖД, давшее возможность открыть на первом ее участке временную эксплуатацию через 2 года после начала постройки дороги, могло быть выполнено только при полном усердии и вполне добросовестном отношении к своим обязанностям подведомственных мне служащих, считаю своей обязанностью почтительнейше ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о награждении поименованных в прилагаемом списке лиц в особенности полезных для дела и удовлетворяющих правилам о наградах…*

В списке к награждению представлено 14 человек, среди которых: начальники строительных дистанций, участков, производители работ по строительству мостов через Тобол, Ишим, Иртыш и другие. Более того, есть и другие примеры многократного настойчивого ходатайства Константина Яковлевича. Так, он просил о награждении званием личного почетного гражданина купца 1-й гильдии Игнатия Карповича Салтыкова, занимавшегося подрядом на земляные работы на строительстве Западно-Сибирской дороги. Лишь после третьего представления Михайловского Салтыкова все же наградили этим званием.

Напряженная многолетняя служба требовала сверхчеловеческих сил. Константин Яковлевич пожаловался министру на усталость. Князь М. И. Хилков в ответ написал ему:

…Озабочиваясь возможно дольше сохранить за собою право пользоваться Вашими обширными познаниями, громадным Вашим строительным опытом и тем неуклонно прямым и горячим отношением к делу, которое было мне в Вас особенно дорого, — я пришел к заключению о необходимости предоставить Вам другое место, не требующее столь постоянной личной работы... Посему в пятницу, 23-го сентября я испросил Высочайшего Императорского Величества соизволение о назначении Вас членом Совета министра с окладом содержания по 8000 рублей в год.

Независимо от сего, Государю Императору, во внимание к Вашей выдающейся многолетней деятельности в области железнодорожного строительства, благоугодно было назначить Вам сверх указанного содержания по должности члена Совета министра, еще дополнительно лично присвоенное содержание в размере 3000 рублей.

Счастлив о такой Монаршей милости сообщить Вашему Превосходительству, твердо надеюсь в будущем продолжать пользоваться Вашим столь ценным для меня сотрудничеством.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в совершенном уважении и преданности.

Ваш покорный слуга князь М. И. Хилков.

Кроме того, К. Я. Михайловский награжден очередным чином действительного тайного советника.

Михайловский пользовался всеобщим почитанием инженерного братства путейцев за честность, доброту и искренность. Константин Яковлевич явился одним из учредителей Собрания Инженеров путей сообщения. О многом говорит и такой факт, что еще в 1896 году в Институте путей сообщения учреждена стипендия его имени.

Заслуги К. Я. Михайловского перед страной отмечены высокими правительственными наградами, он был кавалером орденов Св. Владимира 2-й и 4-й степени, Св. Станислава трех степеней, Св. Анны трех степеней, а также награжден бронзовой и серебряной медалями.

Согласно прошению, 2 марта 1907 года Михайловский был уволен со службы по болезни именным императорским указом. Умер Константин Яковлевич в 1909 году, в возрасте 75 лет. Имя выдающегося инженера-путейца, талантливого организатора и руководителя строительства многих российских железных дорог неразрывно связано с историей крупнейшего сооружения XIX века — Транссибирской магистрали.

Георгий ШВАРЦЕВ

«Продела голос сквозь игольное ушко…»

Писать о знаменитых актерах, вокалистах, танцовщиках чрезвычайно трудно. От художников, писателей, архитекторов остаются «материальные» свидетельства их таланта, от тех, кто выступает на сцене, — только легенды. Потомкам приходится верить на слово современникам великих лицедеев — по-другому не получается. Но если уж современников захлестывали эмоции, если уж они после спектакля не могли спокойно лечь спать, а еще и еще переживали увиденное и услышанное… Да, наверное, им можно верить.

Ляля (так звал ее отец) Мясникова родилась в 1910 году, все детство ее прошло в Томске. И петь, если уж использовать общепринятый штамп, она начала раньше, чем говорить.

Огромное влияние на формирование будущей певицы оказал отец, Владимир Константинович. «Из меня хотели сделать попа, а я стал врачом, но по природе я артист», — часто повторял

он. И действительно, увлеченно занимаясь научными исследованиями (он был талантливым врачом-патологоанатомом), Владимир Константинович все свободное время отдавал музыке. Он хорошо пел, играл на фортепиано и на скрипке. С пяти лет стала учиться петь и Ляля. Под аккомпанемент отца она с удовольствием исполняла «взрослые» песни и романсы.

— Помню мне было лет шесть-семь. К нам пришли гости, и я пела «Пару гнедых», забравшись под стол, покрытый длинной скатертью с кистями, отчего петь под ним было очень уютно. Мое пение вызвало слезы на глазах бабушки, а отец после этого часто говорил: «Лялька должна стать певицей!.. — вспоминала Лидия Владимировна.

Владимир Константинович учил дочь игре на фортепиано, и она довольно быстро освоила азы: причем не только подбирала мелодии на слух, но и разучивала маленькие пьески по нотам. Ее отдали в музыкальную школу. Однако здесь произошел «сбой». К игре на инструменте девочка осталась равнодушна — она перестала заниматься, хотя, как положено, брала папку с нотами и уходила из дома. Но вместо занятий она гуляла по набережной Томи. Через какое-то время в музыкальной школе заинтересовались, почему плата за обучение поступает, а ученица не появляется. Так с карьерой музыканта было покончено. Однако умение себе аккомпанировать Лидия Владимировна сохранила на всю жизнь — большая редкость среди вокалистов.

Многие девочки хотят стать артистками или певицами. И кто определит, в каких случаях это судьба? Слишком много обстоятельств должны сойтись в одной точке. Здесь обстоятельства складывались благоприятно: желание и талант самого ребенка совпадали с желанием отца, а затем и с намерениями умной заботливой учительницы.

— Дома у нас было много оперных клавиров, и я часами играла в «Пиковую даму», «Руслана», «Русалку» и пела партии всех действующих лиц, нимало не смущаясь, для сопрано или для баса они написаны, — рассказывала Лидия Владимировна. *— Но когда меня спрашивают о первой оперной работе, я называю Людмилу в опере Глинки «Руслан и Людмила», которую спела семикласснице на школьной сцене. Моя учительница, Мария Максимовна Ганчикова, укрепила во мне любовь к пению. Именно по ее совету я поступила в Томский музыкальный техникум.*

В техникуме голос Мясниковой определился как меццо-сопрано. Здесь же проявились ее работоспособность, упорство в постижении секретов мастерства. Уже на первом курсе Лида приготовила два больших отрывка: из оперы Гуно «Фауст» и из оперы Мусоргского «Борис Годунов». После второго курса она проходила практику в хоре оперетты, спектакли которой шли в летнем саду. После третьего курса несколько студентов отправились на практику в оперный хор Новосибирска. Эта работа помогла ей освоиться на сцене, раскрепоститься…

— Однажды в «Кармен», — вспоминает певица, *— во втором действии я исполняла роль молодой цыганки. И вот, стоя на балконе, настолько вошла в*

роль, настолько увлеклась своей игрой, что не заметила, как привлекла к себе внимание зрителей, что явно не входило в планы режиссера. Помню, после спектакля получила выговор от исполнительницы главной партии…

Да, талант не спрячешь.

После техникума Мясникову направили в Ленинградскую консерваторию, где зачислили в класс Марии Исааковны Бриан. Педагог была знаменита тем, что видела свою главную задачу в раскрытии темперамента учеников. После первых уроков с новой ученицей Бриан поняла, что эмоциональности у новенькой предостаточно. Ей, наоборот, приходилось сдерживать темперамент, ограничивать актерскую свободу студентки.

Зато эти качества уже на первом учебном спектакле приметил знаменитый тенор Иван Ершов и начал готовить с девушкой партию Любаши из «Царской невесты». Занимаясь с Мясниковой, Ершов стремился усилить сценическую выразительность образа. Студентка живо воспринимала все его указания.

Наконец «премьера». И какой удар!

— *Первым спектаклем «Царской невесты» Ершов остался очень доволен,* — рассказывает Л. В. Мясникова, — *наша Любаша вызвала у публики слезы. Я приготовилась принимать поздравления. Но тут в артистическую вошла М. И. Бриан, которая очень сухо спросила: «Ляля, где твой голос?»*

Пришлось начинать кропотливую работу над каждой вокальной фразой, над каждой нотой. Так вырабатывалось умение контролировать себя, слушать собственный голос как бы со стороны. Вокальная сторона начинает уравновешивать драматическую, темперамент «покоряется».

В 1938 году Мясникова с отличием заканчивает консерваторию и получает квалификацию оперной певицы первого плана. Она осталась в аспирантуре, но… началась война, перевернувшая тысячи судеб. Лидия Владимировна уже с грудным ребенком эвакуировалась в родной Томск, где поступила во Всесоюзное гастрольно-концертное объединение. Почти ежедневно выступала перед ранеными, которые десятками поступали во вновь созданные госпитали. Она видела много страдающих людей. Как ни странно, такие, совсем не парадные, концерты сыграли свою роль в оттачивании мастерства певицы. Она рассказывала:

— *Мне приходилось петь перед ранеными, потерявшими зрение. Эти люди не могли видеть жесты, мимику, они могли только слышать. И я старалась вкладывать все, что могу, в пение. Вспоминались слова Марии Исааковны Бриан: «Вся страсть героини — в вокальных интонациях». И вот эти-то вокальные интонации я старалась делать максимально выразительными…*

В 1944 году, узнав о предстоящем открытии Новосибирского оперного, она едет в Новосибирск и зачисляется в труппу. С этого времени творческая биография певицы Лидии Мясниковой связана с судьбой крупнейшего музыкального театра Сибири.

Был в ее жизни такой незначительный эпизод. Еще в 1934 году студентка консерватории решила подработать и обратилась в городской кино-

театр. Директор спросил: «На работу мы тебя возьмем, но как же тебя объявлять?».

— Ляля Мясникова.

— Нет, так не пойдет. Как твое полное имя?

— Лидия.

— А откуда приехала?

— Из Сибири.

— Тогда ты будешь Лидия Сибирская.

Может быть, позднее этот диалог вспоминался с улыбкой, но «имя» оказалось пророческим. Лидия Владимировна, коренная сибирячка, действительно навсегда связала свою судьбу с Сибирью. Она игнорировала приглашения на работу от ведущих театров страны и осталась верна и Новосибирскому оперному, и городу. Звание «Почетный гражданин Новосибирска» присвоено ей по полному праву.

Она вспоминала:

— Август сорок четвертого. Я впервые переступаю порог Новосибирского оперного. До официального открытия театра почти целый год, но работа уже кипит. И я сразу с головой ухожу в эту бурную жизнь. Удивительно мы тогда жили — насыщенно, напряженно и очень дружно. Как одна семья. Артисты помогали работникам технических цехов, никого не заботила зарплата, не приводил в уныние наш трудный военный быт. Помню, в первую зиму не было у меня теплого пальто. Морозы наступают, в демисезонном насквозь прохватывает, для певицы это просто — беда! Выручил театр — выдал своей Кармен (я только что начала петь эту партию) мужской белый полушубок и валенки из гардероба «Ивана Сусанина».

Много позже, когда уже отгремели залпы победы, а наш театр имел в своем репертуаре три спектакля, я по-настоящему поняла великий смысл этого факта: первая премьера в новом театре через три дня после окончания страшной войны.

Надо сказать, что слава Мясникову-певицу не искала — репутация и известность пришли как-то сразу и «задержались» надолго.

Ленинградская консерватория дала талантливой провинциалке все, чтобы быть отличной солисткой. Но стала она такой именно в Новосибирске. Питерская культура легла на благодатную почву — щедрую женскую душу. Всю свою сценическую жизнь Мясникова стремилась очеловечить любой образ, безжалостно «сдирая» традиционный демонизм меццо-сопрановых героинь.

Уже 21 июня 1945 года состоялся дебют солистки в партии Кармен.

— Я старалась передать глубокую искренность героини, а главное — ее любовь к свободе. Именно свободолюбие Кармен стало для меня ключом к созданию сценического образа, — так вспоминала сама певица работу над шедевром Бизе.

И образ получился. Да какой!

Важную роль в вокальной характеристике знаменитой цыганки занимают танцевальные песни — хабанера, сегидилья, цыганская песня. Артистка

великолепно чувствует их и умеет передать свои чувства слушателям. На спектакле во время сегидильи дирижер Исидор Зак опускает палочку на пульт, доверяя исполнительнице вести оркестр.

Это не легенда — это правда. Мясникова спела Кармен более 100 раз. И палочка дирижера «затихала» на каждой сегидилье.

Чистота интонаций, ритмическая свобода, богатство тембров и оттенков, ставшее впоследствии знаменитым пиано, филирование звука — все эти характеристики можно применить не только к Кармен, но и ко всем последующим партиям артистки. *Голос сквозь игольное ушко продеваю*, — так характеризовала она свой «коронный» прием.

Годы шли. Все больше и больше образов, созданных Лидией Владимировной, занимали «почетные места» в истории театра. Прежде всего Мясникову привлекали характеры сильные, неукротимые, широкие. Пусть этих женщин преследует судьба, но они сильны и упорны. Даже их гибель — торжество личности.

Такова ее Марфа («Хованщина» М. Мусоргского) — цельная, глубокая, стойкая, нравственно чистая. Многие большие артистки играли Марфу более аскетично и отрешенно. Марфа, созданная Мясниковой, — земная женщина, познавшая в полной мере счастье любви и горько страдающая от неверности возлюбленного. Но ярко чувствующая, страстно переживающая Марфа сдержанна во внешних проявлениях.

«Хованщина» открыла гастроли Новосибирского театра в Москве в 1955 году. Гастроли в столице для любого коллектива — ответственное событие, и все очень волновались. Но уже с первого спектакля стало ясно, как доброжелательно относится к молодому театру публика — аплодисменты раздавались после каждого действия.

Пресса единодушно отметила спектакль как интересный и удачный, особо выделив именно образ Марфы. В одной из рецензий писали:

Превосходно проведены артисткой сцена гадания и заключительная сцена самосожжения. В ее голосе, пленяющем своей чистотой и красотой тембра, звучит искренняя одушевленность и подлинная страстность обманутой женщины, находящейся во власти сжигающих ее душу противоречивых чувств пламенной любви и непримиримой ненависти, покорного смирения и бурной мятежности.

Успех театра в столице был очевиден, и огромная заслуга в этом принадлежала Лидии Мясниковой.

Несколько позже именно ее приглашал Большой театр для участия в «Хованщине», несмотря на то, что уже засияла звезда Ирины Архиповой и начиналась слава Елены Образцовой. Однако Марфу пригласили из Сибири — и две «Хованщины» Лидия Владимировна специально спела для взыскательной московской публики.

Одним из лучших созданий певицы и актрисы стала Азучена из «Трубадура» Дж. Верди.

В роли Азучены

— Как-то, еще в студенческие годы, — рассказывает Лидия Владимировна, *— мне в руки попал клавир «Трубадура». Проиграв его на фортепиано, я была настолько захвачена музыкальной драматургией, что решила обязательно исполнить партию Азучены. И вот в Новосибирске приступили к репетициям. Помню, из-за болезни я начала репетировать позже других. Премьеру играла после трех репетиций. Так что партию эту я выносила в сердце и голове. Шла ли по улице, занималась ли домашними делами — все время думала, как и о чем буду петь… Сценическое поведение определилось потом. Может быть, у других артистов это происходит иначе, у меня всегда так — характер рождается прежде всего из вокальной партии. В «Дон Карлосе», например, режиссер предложила мне в одном эпизоде самой найти удобные мизансцены для арии принцессы Эболи …*

Свою Азучену Мясникова создала поистине шекспировской героиней: в старой цыганке сочетаются невероятные чувства. Глубокая сила убежденности, гордая воля, жажда отмщения — узел средневековых страстей в ее исполнении завязан туго и невероятно убедительно.

А голос! Голос поражал мощью и глубиной низкого регистра. Как написал режиссер Л. Михайлов, даже в ее молчании чувствуется яростная мятежная воля. Молчание певца — кого оно заботит! Но Азучена Мясниковой молчит так, что ее нельзя не заметить в заполняющей сцену шумной и пестрой толпе. Кстати, в Москве, когда прозвучал «Рассказ Азучены», зал взорвался аплодисментами. После третьей картины зрители вызывали ее шесть раз!

Журнал «Советская музыка» посвятил этой работе такие строки:

Л. Мясникова не только правильно выпевает ноты — она создает цельный вокально-сценический образ, волнующий певческой экспрессией, драматизмом, богатством внутреннего содержания, динамических контрастов. Поэтому каждая фраза Азучены звучит выпукло и ярко, несет в себе большую эмоционально-выразительную силу, мятежный романтический пафос музыки Верди.

В одном из музеев Брно экспонируется портрет Дьячихи из оперы Л. Яначека «Ее падчерица». В роли Дьячихи запечатлена Лидия Мясникова — первая исполнительница этой партии в России.

— Представьте деревенскую женщину, решившуюся утопить «незаконного» ребенка своей падчерицы, чтобы избежать предрассудков, — рассказывала Лидия Владимировна, *— тут и жестокое мракобесие, и сила характера, и отчаяние. Партия написана в расчете на драматическое сопрано и для моего голоса чересчур высокая. Петь же надо много. Работать пришлось напряженно. А тут еще на репетициях, особенно в сцене покаяния, так захлестывали эмоции, что режиссеру Льву Дмитриевичу Михайлову надо было меня успокаивать. Зато когда после премьеры, которая прошла с большим успехом, закрыли занавес, мы с Михайловым бросились друг другу на шею и разревелись. Сказалось, наверное, многодневное напряжение.*

Дьячиха стала центральным образом спектакля. Но актриса показала героиню не только убийцей ребенка своей падчерицы, но и несчастной жертвой предассудков, человеком с изуродованной психикой. *Таких сильных и страшных в своем бессилии женщин мы, пожалуй, не увидели бы на западноевропейской оперной сцене,* — писал рецензент.

В ноябре 1959 года состоялись гастроли театра в Чехословакию. Любопытство приглашающей стороны было чрезвычайно сильным: *Сибирские артисты приехали к нам, чтобы показать, как они поют нашего Яначека…* — писали журналисты. Новосибирцев ожидал успех — особенно поразило чехов, насколько глубоко русские проникли в национальный характер драмы и музыки оперы. К слову сказать, постановка «Ее падчерицы» в Большом театре фактически провалилась.

Доводилось Мясниковой работать и с современной оперой — на музыкальном материале двадцатого века ей тоже удалось создать незабываемые образы. В опере В. Рубина «Севастополь» она спела, казалось бы, небольшую партию Матери. Мать появляется в тот момент, когда из всех защитников бастиона остаются только трое — высвеченная лучом прожектора старая женщина с непокрытой головой, в темной одежде. У Матери всего одна фраза: *Дух мой! Свеча светлая, кровь ты моя кипучая, красавец ты мой!* В ней, в этой фразе — и материнская любовь, и вера, и надежда. Артистка повторяет фразу несколько раз. Голос ее то опускается до басовых низов, то взмывает вверх, светлый, горячий. Женщина заклинает сына, его военную судьбу, самое смерть: пусть он останется жить, пусть, пусть! Драматический темперамент замечательной певицы и актрисы в этой небольшой партии достигал высот трагедийных. Не зря критики называли Мясникову «подлинным украшением театра». Она первая из новосибирских деятелей искусства в 1960 году получила звание «Народная артистка СССР».

В творческой жизни актрисы было несколько партий, к которым она возвращалась в разные периоды. И всегда обнаруживала в душе резервы для новых чувств. Жизненный опыт, чисто человеческие приобретения важны для артиста не меньше, чем мастерство. Приходилось возвращаться и в прежние оперы — только в новых ролях.

В первой «Пиковой даме» Лидия Владимировна пела Полину. А с партией Графини у нее ничего не получилось — в середине сороковых она не чув-

В роли Графини в «Пиковой даме». 1964 г.

ствовала и не понимала, по ее признанию, эту роль. Хотя репетировала и даже сыграла один или два спектакля. Требовалось время, чтобы Графиня стала шедевром.

Зато потом все, кто видел и слышал Мясникову в этой роли, переживали сильнейшее эмоциональное потрясение.

Целую статью посвятил одной-единственной партии тонкий ценитель музыки Лев Штуден.

Наконец он возник перед нею: материализация страха, лезвие карающего меча, вершитель Предсказанного. Где былая надменность аристократки, где сила характера, где оскорбленная гордость? Их нет. Есть только несчастная женщина, беззащитная перед разрушительной силой Явленного воочию. Она закрывает лицо руками (и неуловимо женственен взмах этих рук, и веет еще от них забытой прелестью, и плачет еще в них погибшая молодость!).

Нет, она не демон, не пугало и не бездушное орудие судьбы. Ей жаль себя, жаль своей ускользнувшей жизни, и она почти без ума от ужаса. Ужас приковал ее к креслу. При первых словах Германна она еще хочет убедить себя, что — не ОН, этот не тот, от кого был завещан ей когда-то «смертельный удар», хотя нутром понимает обратное. Но вот он произносит свое: «Три карты…». Сомнений больше нет.

Со сверхчеловеческим напряжением она встает с кресла — сделать хоть несколько шагов в сторону, спастись… В этом месте у актрисы опять — игра вопреки авторской ремарке, но зато в полном соответствии с органикой роли. Ведь Чайковским в партитуре над грозной фразой тромбонов и труб поставлено указание: «Графиня, выпрямившись, грозно смотрит на Германна».

Нет и нет. ЭТОЙ Графине не достало бы сил «выпрямиться и грозно смотреть» на кого бы то ни было. Ей очень плохо. Ей нужен хоть глоток живого воздуха… Хватает же ее лишь на то, чтобы сделать по направлению от кресла несколько неверных шагов.

Германн вынимает пистолет.

Вот оно. Смерть. Расплата.

Теперь она понимает, КТО перед ней. Да, теперь-то она поняла. Антихрист! Дьявол! Сатана в человечьем образе, присланный за ее душой. Она опускается на колени. Вздыблены в конвульсии руки… Последний, отчаянный жест: осенить крестом этот страшный лик, защитить душу… Совсем дурно… Мутится сознание… Ползком — назад, к креслу. Добралась. Сесть уже не может. Скорчилась, вцепившись в подлокотник. Голова уронена.

«Полноте ребячиться!»

Он поднимает эту голову. На него тихо и с тем же выражением детского любопытства смотрят мертвые глаза. Капор, зажатый в кулаке, отделяется от головы, повисает в воздухе. Голова, шевельнув седыми, мертвыми космами, валится снова на грудь.

Потрясение, переживаемое зрителями от этой картины, превосходит все последующее.

Лидия Владимировна пела Графиню на бенефисе, посвященном ее 70-летию. И, казалось, годы не властны над солисткой…

Она преподавала в консерватории и воспитала плеяду талантливых певцов. Однако многие и сейчас говорят: «Такой, как она сама, не было и нет». Уникум? Исключение?

Ее большой гибкий голос выражал тончайшие движения человеческой души. Потому так зримы не только оперные образы, но и музыкальные, созданные ею как камерной певицей. Лидия Владимировна давала концерты и в Новосибирске, и в Москве (в Большом зале консерватории, в Гнесинке), ее очень любили слушать по центральному радио…

Когда вы пели, — писала ей жительница Саратова З. Морозова, — *я не могла удержаться от слез. Песня (и не столько слова, сколько ваш голос, задушевный и грустный) заставила меня вспомнить и родной дом, и мать, и давно прошедшую юность. Голос замолк, а я еще долго была во власти какой-то тихой печали…*

Есть дарования, обладающие особой палитрой красок, созидательной яростью сердца. Мясникова явила Новосибирску именно такой талант. Говорили, что она могла бы стать прекрасной драматической актрисой. Вполне вероятно. Но тогда это была бы другая симфония. А в этой еще звучит музыка…

Татьяна АФАНАСЬЕВА

«Я знаю — город будет!»

Строительные «корни» современных Начаровых уходят в позапрошлый век. Дедушка нашего героя по матери Филимон Иванович Устинов приехал в эти места на строительство железнодорожного моста. То есть в буквальном смысле строил Новосибирск с первых дней его существования, когда никто даже и представить себе не мог возможный облик будущего города-гиганта. Гораздо позднее, уже пенсионером, Филимон Иванович принимал участие в строительстве «Сибсельмаша».

Отец Павла Петровича, Петр Александрович Начаров, родом из Колывани. Он был отличным каменщиком, и его руки тоже немало потрудились над «созиданием» Новосибирска. Федоровская баня, Центральный банк, мэрия, КОРС… Везде есть «кирпичики», положенные руками Петра Александровича.

Стоит ли удивляться, что оба сына Петра Начарова и его жены Пелагеи стали строителями? Старший, Михаил, 1912 года рождения, инициативный, грамотный, перспективный инженер, уже в молодом возрасте занимал довольно ответственные посты. Его ценили. В семье хранится правительственная телеграмма за подписью Сталина, в которой поздравляют Начарова Михаила Петровича с вводом Красноярского тракторного завода. К сожалению, из-за тяжелой болезни он умер, не дожив до сорока.

Павел родился в 1922 году. И вложил он в Новосибирск столько, сколько иной раз и три человека не сделают. С 1956 по 1980 годы Начаров, находясь на руководящих постах, строил город. Центр, оловозавод, первый жилмассив на Башне и более поздние жилмассивы, главный корпус НЭТИ, цирк, ТЮЗ, электродный завод в Линево, цеха на заводах имени Чкалова, Ленина, Кузьмина, «Сибтекстильмаш»… — перечислять можно долго. Потом он уехал в Москву…

Сын Павла Петровича, Сергей Павлович, глава строительной фирмы «Вираж», рассказывает:

— *Я очень долго, до определенного возраста, в принципе не знал, что есть какие-то другие профессии. Отец был мастером, затем прорабом, главным инженером и начальником участка Дорстройтреста Турксиба. Мы вели кочевой образ жизни. До третьего класса я учился в каждой школе по полгода. Поступил в первый класс в Аягузе, а заканчивал его уже в Рубцовске. Где мы только не были… Какие-то поселки, маленькие городки, и всегда во внеурочное время звонил телефон, отец даже ночью разговаривал по работе, его постоянно не было дома. Я считал, что все строители так и работают. И не думал, что бывает иначе. Больше скажу — когда начал свою трудовую деятельность после института, и рабочий день заканчивался, допустим, в половине шестого, я никак не мог понять, почему уже домой иду. Отец никогда раньше 9-10 не приходил. И мне было как-то неловко уходить с работы так рано…*

С 1956 года П. П. Начаров — в Новосибирске. Он — начальник УНР-276, затем — начальник управления коммунальных предприятий и благоустройства Новосибирска, с 1965 года — управляющий трестом □ 30.

В 1967 году Павел Петрович назначается руководителем Новосибирского управления строительства (в 1970 году переименовывается в «Главновосибирскстрой») и до 1980 года бессменно им руководит.

«Главновосибирскстрой» объединял в то время 17 трестов, в том числе специализированные — «Строймеханизация», «Спецстрой», «Железобетон», «Промстрой», «Жилстрой-1», «Жилстрой-2», «Стройтранс» и т. д. Кроме трестов, в состав главка входили учебный комбинат, управление «Стройкомплект» и другие организации. Общая численность работающих в системе достигала 35 тысяч человек. Понятно, что руководить такой «армией» было непросто.

Рассказывает Владимир Игнатьевич Заиграев (заместитель начальника «Главновосибирскстроя» с 1978 по 1984 годы):

— 13 лет руководил Павел Петрович главком, и общепризнанно, что при нем «Главновосибирскстрой» достиг пика развития. Хотя Начаров сделал немало не только для Новосибирска и области, но и для других районов Сибири.

Можно вспомнить восточный участок БАМа, Заринский коксокомбинат в Алтайском крае, строительство жилья и объектов соцкультбыта в г. Нефтеюганске Тюменской области, промышленные объекты в Тувинской республике. Благодаря постоянному вниманию начальника главка строительно-монтажный поезд «НовосибирскБАМстрой» был одним из лучших на восточном участке БАМа, и это при том, что по указанию «сверху» 90 процентов строительных материалов завозилось из Новосибирска.

Досконально зная строительное производство, пройдя все стадии строительной должностной иерархии, отлично разбираясь в людях, являясь прирожденным лидером, Павел Петрович смог создать работоспособный корпус управляющих трестами, стабильный высокопрофессиональный аппарат.

Под руководством П. П. Начарова построены миллионы квадратных метров жилья (в среднем около 500 тыс. кв. метров в год), десятки школ, детских садов, больниц, домов культуры, заводов, фабрик, многие километры дорог, инженерных сетей, уникальные объекты, изменившие облик Новосибирска — ТЮЗ (театр «Глобус»), Госцирк, ДК «Строитель» и т. д.

Человек большой работоспособности, талантливый инженер, крупный руководитель, Павел Петрович был способен на лету схватывать суть дела, умел принимать быстрое и единственно верное решение в самой сложной ситуации. Он с достоинством держался в любой обстановке, будь то стройплощадка, коллегия главка и Минстроя, бюро обкома КПСС… При этом Павел Петрович обладал чувством юмора, был страстным охотником, рыбаком и неизменно — душой компании, отличным тамадой.

Он любил и знал свою профессию, любил и знал жизнь.

Каким был Новосибирск в то время, когда Павел Петрович «осел» здесь после многих лет «строительных скитаний» и начал подниматься по служебной лестнице?

Численность населения города росла, обгоняя все плановые цифры. В 1958 году в Новосибирске зафиксировано 805 тысяч человек, а в 1960-м — 918. На 1 января 1964 года она перевалила за миллион. Росла и территория: если в 1958 году площадь города составляла 36822 га, то с появлением Академгородка и поселка ГЭС она возросла до 47700 га. Отсюда вытекали серьезные проблемы: в первую очередь острая нехватка жилья. Задача, поставленная перед градостроительным комплексом еще в 1958 году, звучала так: «Наиболее рационально и экономически оправданно развернуть большие объемы жилищного строительства».

Эта задача решалась. Темпы ввода жилья стали поистине невиданными. Если в 1956 году построено 150 тыс. кв. м жилой площади, то в 1959-м — уже 504 тыс. А к 1965 намечалось жилой фонд удвоить, чтобы попытаться опередить рост населения.

Застраивать город было очень сложно по ряду причин. Одна из них — интенсивное оврагообразование, в основном на правом берегу. Овраги перерезали чуть ли не треть всех площадей. «Технико-экономические основы ликвидации оврагов» разработаны только в 1967 году. Общая стоимость работ по ликвидации и укреплению оврагов к 1980 году достигала суммы в 125 миллионов рублей (по Каменке — 38,5, по Плющихе — 21,9 млн.). Обилие промышленных предприятий тоже диктовало свои условия — каждое из них требовало определенной санитарной зоны.

Проблема заключалась еще и в качестве уже имеющегося жилья. В 1966 году только 60 процентов жилой застройки возведены из кирпича, камня, бетона (то есть из долговечных материалов), и только половина всех жилых домов имела водопровод, канализацию, центральное отопление, горячую воду. Так что работы — непочатый край. Тем более, что параллельно требовалось развивать и саму отрасль, создавать индустриальную базу. Шло освоение методов полносборного строительства жилых домов — крупнопанельное домостроение в 60-е годы становится основным направлением развития жилищного строительства. Результат на самом деле впечатлял: за 10 лет (с 1958 по 1967 годы) в новые дома вселилось почти 600 тысяч новосибирцев. Появились такие жилмассивы, как Гусинобродский, Затулинский, Западный, Кропоткинский, Ботанический и другие.

В советские времена была в строительстве своя специфика. Все объекты делились в зависимости от их важности. В соответствии с уровнем приоритета устанавливался контроль за ходом строительства и спрос с руководителя. Для каких-то объектов хватало контроля треста и главка, для других он осуществлялся на уровне ЦК КПСС, доходило и до таких «страшных» органов, как Комиссия Партийного Контроля. Но любая строительная организация обязана была обеспечить ввод объекта в эксплуатацию в установленный срок. Неисполнение заданий жестко каралось по партийной линии. Причем финансовое состояние и экономическая эффективность работы не были определяющими показателями. Гораздо более важными считалось выполнение плана по объему и соблюдение сроков, а затем некоторые другие показатели (например, отсутствие перерасхода фонда заработной платы или травматизма).

Управлять таким хозяйством, конечно же, совсем не просто. И не стоит думать, что руководителю советского времени было проще, чем руководителю нынешнему. Проблемы перед ним стояли в принципе такие же — проблемы дефицита. Только сейчас налицо дефицит денег, а в те времена царил дефицит материалов, рабочей силы. И надо было лавировать. Как обеспечить те темпы строительства, о которых говорилось выше, при отсутствии металла, кирпича, цемента? Планы никто не снижал, а требовать требовали. Чтобы строить, работать, надо было ехать в министерство, договариваться о поставках, «выбивать» фонды, ладить со снабженцами. То есть требовались те же качества, которые требуются от руководителя в любое время и на любой должности: уме-

ние управлять, воздействовать на людей, находить варианты, выживать и работать.

Всеми необходимыми качествами П.П. Начаров обладал. Жесткий и бескомпромиссный, когда речь шла о важных производственных делах, человечный, когда вопросы касались здоровья и быта его работников… Был ли он авторитетом в отрасли? Не то слово!

Посмотрите на его портрет: легкий хитроватый прищур, целеустремленность взгляда, открытый широкий лоб — все говорит о воле, силе характера. Все знавшие его отмечали: это неординарная личность.

Вот как вспоминают о нем коллеги:

— Павел Петрович необычный человек был, не для всех удобный. Характер имел непростой. Решительный человек и нередко рисковый. Не всегда соглашался с вышестоящими органами. Поэтому он не всех и не всегда устраивал. Но его очень уважали в министерстве, с ним считались. И главное, он оставил поросль строителей.

— Он очень умело защищал интересы и честь города. У нашего министра было, естественно, много дел, и он, бывало, обрывал на полуслове выступающих. И говорил: «Ты пришел со своим мнением, а уйдешь с моим». Но, когда выступал Павел Петрович, никогда министр его не перебивал. Уважал его и поддерживал.

— Он мог ругаться, но никогда не оскорблял людей. Эти качества мы очень ценили. Он всегда был за справедливость — бился за честь, достоинство профессии. И мы это знали.

— Я был для него мелковат по должности. Мы напрямую и не общались. И вдруг звонок: «Это Начаров. Ты знаешь, там у нас дела плохи, я тебя прошу, сделай». А плохи — как потом оказалось, не то слово, там просто ничего не было. Самое интересное, что это было почти все, что он мне сказал, но я взял на себя эту стройку. Так что мой первый объект, станция переливания крови, вся на моей собственной крови построена. А взялся я потому, что для меня звонок Начарова был высшей наградой, причем авансом. Ведь я к тому моменту ничего еще не сделал. Великий он был человек…

— Любил молодежь. Прогрессивность. Индивидуальность. Непокоримость. Я бы такие четыре его пристрастия выделил…

— Пригласил меня, начинающего руководителя, и сказал: «Мы тебе поручаем ТЮЗ, цирк, реконструкцию центра… И новое, то, что ты хочешь внедрить…» Я даже растерялся. Счастье мне досталось в жизни благодаря Павлу Петровичу. Этому человеку, который построил весь город, все оборонные объекты — спасибо.

— Мы в 1956 году познакомились — он меня пригласил на работу в главк, и проработал я с ним лет шесть или семь. Что мне нравилось прежде всего в этом человеке? Его абсолютная независимость ни от кого. Он всегда имел свою точку зрения и умел ее отстаивать. В то же время он был человек очень государственный. Иногда мы с ним наедине начинали спорить, я говорил: да невы-

годно это нам. А он отвечал: главное, что это нужно. Он всегда брал ответственность на себя — ни разу никогда не подставил ни одного подчиненного. Мы работали очень дружно. Сложилась традиция — после работы, вечерами, собираться в кабинете у Начарова, просто так, поболтать, послушать его анекдоты. Незабываемы эти вечерние посиделки. Он был прекрасный товарищ.

Сколько таких историй рассказывают новосибирские строители!

Многие считали его своим «крестным отцом» в профессии. Он умел спрашивать, но умел и доверять. Не был злопамятным. После самого страшного разгона подчиненный мог смело к нему обращаться — разговор начинался как ни в чем не бывало, рабочий и конструктивный. Для Профессионала с большой буквы главным всегда было дело. Невероятный факт: в 1971 году (!) стройки получали с завода «Большевик» пакетированную, в расчете на комнату, отторцованную в размер доску пола. И горе тому прорабу (и не только ему), который сместил при монтаже перегородки — ведь тогда в пакете не хватит доски, или одна-другая окажется лишней.

Один из коллег назвал его великим «режиссером-постановщиком». Чтобы это почувствовать, достаточно было поучаствовать хотя бы в одной коллегии или планерке. А его знаменитая губа! Легенды ходили: все знали, если нижняя губа у Павла Петровича подрагивает, шевелится, можно разговаривать, даже пререкаться. Как только губа «останавливалась», «замирала», все! Ничего не оставалось, кроме как сказать: «Будет сделано».

Приезжая на строящийся объект, Начаров здоровался с бригадирами за руку и истинную информацию получал сначала от них, потом — от прораба, поэтому на планерках его было очень трудно, как говорится, «увести в сторону». Он хорошо понимал, как важны организация труда на объекте, настрой людей и все те, порой трудно определимые компоненты, которые в конечном итоге обеспечивают успех.

Вспоминает его заместитель (в течение девяти лет) Геральд Игоревич Рацкевич:

— В строительстве не могут работать люди со слабым характером, с отсутствием смелости, предприимчивости. У Павла Петровича все это было. Он был очень заметной личностью, и с грустью отмечаю, что он очень рано, не по своей воле, отошел от строительства в Новосибирске. Только подумайте, каким надо быть человеком, чтобы десятки лет работать на стройках, переносить массу невзгод, испытывать постоянное нервное напряжение от столкновений с начальством, решать сложные инженерные проблемы и т. п. Павел Петрович с успехом все это преодолевал. Сильный был человек…

В нем сочетались требовательность к кадрам, чувство товарищества, внимательность и определенная резкость, которая, впрочем, всегда ему прощалась, так как всегда было видно его искреннее переживание за результаты работы огромного главка. Тогда это был настоящий «Главновосибирскстрой», а не то, что стало в последние годы. Были периоды, когда 11 трестов награждались переходящими Красными знаменами ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Главк

многие годы признавался в Министерстве строительства СССР передовым, лучшим, надежным; в этом — большая заслуга и лично Павла Петровича Начарова.

Присущая Павлу Петровичу некоторая жесткость, грубоватость не мешали ему быть внимательным и нежным к своей семье — жене и детям. Видимо, совокупность всех этих качеств определила и дальнейший жизненный, профессиональный путь его сыновей, Сергея и Александра, которые также стали строителями.

Да, фамилия «Начаров» в Новосибирске на слуху и сейчас. Часовня на Красном проспекте, новый символ города, — тоже «начаровская». Сыновей никто не «заставлял» быть строителями. Но по-другому просто быть не могло. Сергей Павлович, вспоминая отца, говорит:

— Наши родители жили очень дружно. А с нами… Воспитание ведь не в наставлении. Воспитание — в примере. Конечно, у нас и двойки были, и какие-то школьные проблемы. С нами «беседовали», но никогда не пилили. Отца мы не боялись. Нам не надо было прятаться, хитрить, хотя все как у всех мальчишек было: и листы вырывали из дневника, и с поведением не ладилось. Я потом со своими детьми вел себя так же. Тоже нормальные ребята выросли. Уверен, что самое главное — пример. Отец занимал довольно высокий пост, и я очень долго стеснялся, что я Начаров. Я не хотел, чтобы меня воспринимали по фамилии. Правда, я относился к категории «субподрядчиков» и не напрямую от отца зависел, по специальности подчинялся другому министерству, Минмонтажа. Хотя, конечно, мы работали со строителями и все друг друга в этом тесном мире знали. К тому же, выделение фондов для субподрядчиков шло через «Главновосибирскстрой». И некоторые люди были бы непрочь мной для этих целей воспользоваться. Но я пресекал такие попытки. А с годами понял, что фамилия может сработать только при первом знакомстве, а потом уже надо доказывать, что ты сам что-то из себя представляешь. Так что я просто стал самим собой.

Павел Петрович Начаров стал лидером, безусловно, благодаря своим личным качествам. И место начальника главка было ЕГО местом. Он создал мощную команду — не боялся, кстати, сильных подчиненных, что говорит о многом. И всегда защищал их от внешних факторов. В те времена провиниться было легко. Начаров у себя мог работников разносить как угодно, но никому другому их обижать не давал, ни партийным, ни советским органам. А вот сам не уберегся.

Так случилось, что ему пришлось прервать карьеру в Новосибирске, оставить стабильно работающее «детище». Случилось это из-за его сложных отношений со вторым секретарем Новосибирского обкома (который как раз курировал строительство). Пока первым секретарем оставался Федор Степанович Горячев, все было нормально — отношения с первым сложились. Когда Горячев ушел, Начаров понял, что скоро начнутся проблемы. Не дожидаясь никаких «строгачей» и экстренных бюро обкома, Павел Петрович позвонил министру и объяснил ситуацию. Министр вызвал его в Москву, и главный стро-

итель Новосибирска уехал как бы в командировку, на время. Его представили на должность заместителя министра, но строительный отдел ЦК его в должности не утвердил. Он все равно работал в министерстве, но серьезная строительная карьера в условиях всесилия КПСС для него, конечно, закончилась.

Павел Петрович скончался в 1992 году в Москве, но сыновья похоронили его в Новосибирске.

И еще один показательный штрих к портрету Павла Начарова. Его должность в советское время считалась достаточно высокой и предполагала некоторый «набор наград». Так вот, этот набор явно не соответствует чину. Самые престижные в его наградном списке — два ордена Трудового Красного Знамени, полученные им в 1971 и 1976 годах. Остальные места занимают довольно скромные по его заслугам медали. Начаров даже не удостоился звания «заслуженный строитель». Почему? Да потому, что этим надо было заниматься, «организовывать» для себя ту или иную ступеньку почета. Он же считал, что его труд должны заметить. Как-то, уже в Москве, он разговаривал с крупным партийным чиновником, который удивился его скромной орденской планке. «Чего так мало?» — спросил чиновник, обладающий девятью орденами Ленина. «Сколько давали, столько и ношу», — ответил Павел Петрович. «Сказал бы мне в свое время, я бы тебе устроил», — удивился деятель. В итоге… посмеялись.

Только с годами все очевиднее, что построенные в Новосибирске дома, заводы, магистрали весомее орденов.

Многие вспоминают сейчас, как он умел дружить. И вдумайтесь: до самых последних дней своей жизни сохранил Павел Петрович связи со своими… одноклассниками. И они, даже в свои нынешние 80 лет, называли его Павлушкой и Абиссинцем (такое уж у него было прозвище). Он как будто не изменился со школьной скамьи. А в школе тоже отличался тем, что никого и ничего не боялся. Он не был образцом дисциплины и послушания, во всех чрезвычайных событиях, за которые ребятам попадало, принимал участие. Зато девчонки отлично помнят, как он их защищал.

Оставалось ли у него время на что-то, помимо огромной работы? Любил охоту. И подшучивал: «У меня работа и охота в согласии». Один из его приятелей, который ухитрился перевернуть лодку и утопить ружье, до сих пор в изумлении вспоминает, как Павел Петрович прямо в куртке и сапогах, в осенний холод, нырял за ружьем до тех пор, пока не достал.

О мужчинах принято говорить, что если он вырастил сына, посадил дерево, построил дом, то жизнь прожита не напрасно. Павел Петрович всю программу реализовал сполна. Сыновья продолжают его дело. А деревьев и домов на его счету, как говорится, не мерено. Он родился 21 сентября, в день рождения Богородицы. По приметам этот день приносит счастье.

Т. АНИНА

Эпоха Никольского

Новосибирск — не только город большой науки, культурный и промышленный центр, но и крупнейший транспортный узел. Железная дорога сыграла в судьбе Новониколаевска-Новосибирска виднейшую роль: первыми его жителями были строители моста через Обь; сюда, ближе к «железке» старались перебраться сибирские купцы, торговавшие со всей Европой; по рельсовому пути пришла в заштатный город новая власть, сделавшая его столицей обширного края… И в дальнейшем железная дорога во многом определяла и определяет его развитие.

У руководства этим громадным хозяйственным механизмом, каким является Западно-Сибирская железная дорога, проходящая по территории пяти краев и областей, стояли многие масштабные личности. Но особое место в их ряду занимает Николай Порфирьевич Никольский. Семнадцать лет возглавлял он коллектив дороги — этот факт сам по себе достоин внима-

ния, но не только поэтому железнодорожники со стажем говорят об «эпохе Никольского».

Родился Н. П. Никольский 3 декабря 1911 года в городе Боготоле Красноярского края. Отец работал слесарем депо Боготол. По стопам отца пошел и сын.

Свои жизненные «университеты» Н. П. Никольский начал с Нижне-Удинского ФЗУ. После него он работает некоторое время токарем в паровозном депо Боготол. Затем поступает в Томский электромеханический институт инженеров транспорта (ТЭМИИТ) по специальности инженер-механик паровозного хозяйства. А после его окончания в 1936 году возвращается в родной Боготол, в депо, где вечно не хватает специалистов, где устаревшее изношенное оборудование, где паровозы простаивают в ремонте по многу дней. Придя на должность мастера, Н. П. Никольский становится вскоре заместителем начальника депо по ремонту.

Начинать свою служебную карьеру молодому инженеру пришлось в сложное время. Шла охота на «врагов народа», а таковым мог стать в ту пору каждый. Арестованы были начальник паровозного депо Боготол и начальник Боготольского отделения Красноярской железной дороги. Из восьми мастеров депо в 1937 году оставался лишь один. Когда же Николай Порфирьевич попытался отстаивать товарищей, в райкоме пригрозили, что и его может постигнуть та же участь.

После Боготола был Красноярск. В здешнем паровозном депо положение сложилось катастрофическое: массовая течь паровозных котлов; нечем водить поезда, вот-вот остановится движение на магистрали. Начальники депо здесь тоже больше года не держались. «Этому надо положить конец!» — решительно сказали Никольскому в крайкоме партии, приказывая в порядке партийной дисциплины принять депо.

Принял. Прошелся по цехам. Шел и слышал в спину шепоток: «Жидковат… Тоже долго не протянет…»

Обидно стало. Заело. Решил показать им всем, кто есть кто. Но очень скоро почувствовал, как вырастает между ним и машинистами, бригадирами стена отчуждения.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не повстречал он тогда на пути своем старого машиниста Селиверстова, не его жизненные уроки. А они были просты, но мудры, и запомнились на всю жизнь. Нельзя, учил ветеран, всех людей чесать под одну гребенку. Нельзя возноситься над ними, не имея на то морального права и авторитета у тех, кем командуешь. А для того, чтобы доверие коллектива и авторитет завоевать, Селиверстов посоветовал молодому начальнику сменить свой кабинет до поры на кабину паровоза.

И вспомнились Никольскому слова еще одного мудрого человека — профессора ТЭМИИТа Карташова, внушавшего ему, студенту: «Учтите, юноша, диплом — еще не инженер, инженером станете, когда в кресле машиниста километры посчитаете, среди людей дырки на локтях протрете…»

Советам опытных железнодорожников Н. П. Никольский внял: пару недель проездил дублером сначала с одним машинистом, потом еще столько же — с другим. И многое за эти недели успел понять. В частности, и то, как решить проблему ликвидации течи в паровозных котлах.

Не один, правда, до этого дошел. Свои деповские кулибины помогли: подсказали идею применять для ремонта трубчатых связей паровоза вместо клепки сварку. Предложение по тем временам революционное. Наркомат путей сообщения его даже обсуждать отказался. На свой страх и риск молодой начальник депо с единомышленниками (а их у него становилось все больше) взялись доказывать свою правоту. Добились своего, доказали. И вскоре в Красноярске напрочь забыли, что такое — течь паровозных котлов. А на груди Н. П. Никольского засиял первый в его жизни орден — Трудового Красного Знамени.

В январе 1949 года Н. П. Никольского, который к этому времени успел поработать и начальником локомотивной службы Красноярской железной дороги, и заместителем начальника Амурской железной дороги, назначили на ту же должность на Томской железной дороге.

Хлопот заметно прибавилось. Треть года в командировках. То одно вдруг, то другое… А тут новая беда: на перегонах, обслуживаемых паровозами депо Тайга, системой стали «растяжки» поездов. Зимой, в мороз, это особенно опасно. Стоило растянуться одному составу, как за ним вскоре выстраивалась целая очередь маршрутов. Чтобы потом сдвинуть составы с места, приходилось каждый из них раскачивать тремя паровозами.

В этой критической ситуации Н. П. Никольский лишний раз убедился, как полезно бывает посоветоваться с рядовыми тружениками. Поговорив с машинистами, он выяснил, что мощный «ФД» для здешнего профиля не очень подходит — пробуксовывает; зато «Лебедянка» — менее мощный паровоз серии «Л», будет в самый раз. Чтобы убедиться в этом, Н. П. Никольский сам проехался несколько раз на «Лебедянке» туда и обратно. А убедившись, стал добиваться смены паровозного парка в депо Тайга. И опять-таки — добился. Хотя сильно рисковал: и креслом, и даже свободой. Паровозы в Тайге заменили, а через несколько месяцев депо завоевало переходящее Красное Знамя МПС и ЦК профсоюза.

Авторитет Н. П. Никольского как прекрасного специалиста и организатора, твердого, решительного в отстаивании своих позиций, но и чуткого к заботам и нуждам коллектива руководителя продолжал расти, а с ним продолжалось и его продвижение по служебной лестнице. В 1955 году Н. П. Никольский становится начальником Томской, а в 1961 — объединенной Западно-Сибирской железной дороги. Началась эпоха Николая Порфирьевича Никольского.

И это не преувеличение. Во многом именно благодаря ему, его высочайшему профессионализму, энергии, фанатичной преданности делу Западно-Сибирская магистраль становится одной из крупнейших и мощнейших в

стране, инициатором многих передовых начинаний на железнодорожном транспорте. Надо заметить, что это как раз при Никольском Западно-Сибирскую железную дорогу прозвали «лабораторией передового опыта».

Впрочем, говорить «при» в данном случае, наверное, не совсем правильно. Во всем, что связано с техническим прогрессом Транссиба, с увеличением его пропускной способности и перспективами развития, Н. П. Никольский принимал самое непосредственное участие. Он явился генератором многих оригинальных идей и предложений, коренным образом изменивших организацию транспортного процесса, принимал активное участие в их практическом воплощении. Это и удлинение тяговых плеч, и автоматизированные поточные линии в вагонном депо Московка, не имевшие аналогов в мировой практике. Это и прогрессивная технология технической обработки поездов с применением самоходной вагоноремонтной машины, внедренная на ПТО вагонов в Барабинске. Это и методика трехсуточного прогнозирования поездопотоков, позволившая только за 1967 — 1970 годы сократить на дороге резервный пробег локомотивов на 25 процентов, их простой в пунктах оборота — более чем на 10 процентов.

А вот еще один примечательный факт, достаточно красноречиво характеризующий Н. П. Никольского как талантливого организатора и руководителя: если в 1955 году на одной только Томской дороге было 1280 работников административно-управленческого аппарата, то через десять лет их число (несмотря на присоединение Омской и образование единой Западно-Сибирской железной дороги) сократилось на 530.

Хочется напомнить вот еще о чем. В 60-е годы руководимая Н. П. Никольским Западно-Сибирская магистраль находилась в числе бессменных лидеров социалистического соревнования на сети дорог, о чем свидетельствуют многочисленные почетные грамоты, переходящие и памятные знамена и прочие знаки отличия, которыми удостаивали за ударный труд и высокие показатели в работе коллектив дороги ЦК КПСС, Совет Министров, Министерство путей сообщения, ЦК профсоюза и другие организации и ведомства разных уровней.

Тогда же, в 60-е, Западно-Сибирская железная дорога отмечена высшей правительственной наградой — орденом Ленина. И в этом тоже большая личная заслуга ее руководителя Н. П. Никольского.

По достоинству оценен и его собственный самоотверженный труд на железнодорожном транспорте: в 1959 году Н. П. Никольскому присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением золотой Звезды и ордена Ленина. Помимо того он награждался орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, многими медалями.

Многое делая для развития производства, Н. П. Никольский никогда не забывал и о его оборотной стороне — социально-бытовой сфере. Достаточно вспомнить, что в годы его руководства на Западно-Сибирской железной дороге построено более 1 млн. 200 тыс. квадратных метров жилья, 73

детских учреждения, 71 школа, более 180 магазинов, 70 столовых, 4 поликлиники и 9 больниц.

Николая Порфирьевича часто видели в больницах, учебных заведениях дороги. А когда учительница начальных классов школы на станции Шелковичиха А. Куприянова первая на дороге была удостоена почетного звания «Заслуженный учитель РСФСР», высокую награду ей вручил сам Н. П. Никольский в присутствии всего своего дорожного «генералитета» — заместителей, начальников служб, отделов, руководителей дорпрофсожа. Вручая награду, начальник дороги нашел для скромной учительницы теплые проникновенные слова, которыми подчеркнул высокую значимость труда педагога.

Кстати говоря, Н. П. Никольский не пропускал ни одного августовского (перед началом учебного года) вседорожного учительского совещания. Да и вообще внимательно следил за делами образовательных учреждений дороги, принимал их заботы и проблемы близко к сердцу. (Возможно, еще и поэтому при Н. П. Никольском значительно повысился образовательный уровень работников дороги. К примеру, почти вдвое увеличилось за 10 лет существования объединенной Западно-Сибирской магистрали число железнодорожников, имеющих неполное и полное среднее образование). А однажды, получив из отдела учебных заведений пригласительный билет на какой-то педагогический форум, Николай Порфирьевич с добрым укором заметил: «Приглашают, видите ли, в гости… А я на дороге не гость. Поэтому просто обязан быть!»

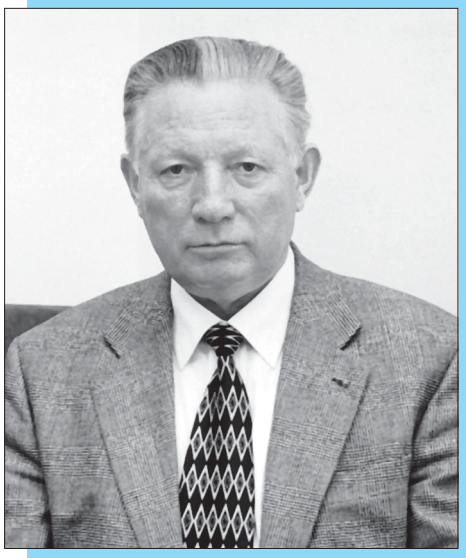
Наряду с плодотворной деятельностью по руководству крупнейшей в стране железной дорогой Н. П. Никольский вел большую государственную и общественную работу: он избирался депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР, делегатом нескольких партийных съездов, неоднократно был депутатом Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся.

Семнадцать лет Н. П. Никольский стоял у руля Западно-Сибирской железной дороги. За эти годы грузооборот ее вырос вдвое, вагоны в пределах дороги стали оборачиваться быстрее на целые сутки, а годовая производительность труда, из расчета на одного работающего, перешагнула за полтора миллиона тонно-километров. Это, между прочим, на 20 процентов выше уровня, достигнутого к началу 70-х годов на железных дорогах США.

1 июля 1973 года Николая Порфирьевича Никольского не стало. Но, «осиротев», дорога не сбилась с дыхания, не застопорила ход. Отлаженный ее механизм продолжал работать по-прежнему четко и ритмично.

Геннадий ПАДЕРИН

Один за всех и все за одного

Эта история началась давно, почти сто лет назад, в дореволюционном еще Ново-Николаевске. Местное добровольно-пожарное общество для эффективной борьбы с огнем, который был настоящим бедствием для сплошь деревянных построек города, на свои средства построило в 1906 году телефонную станцию. Известный снимок запечатлел небольшое строение с башенкой для обзора местности и броской белой надписью на фасаде: «Один — за всех и все — за одного». Сегодня не известно доподлинно, кому принадлежит идея именно такого девиза, взятого из романа Александра Дюма «Три мушкетера», но то обстоятельство, что он выбран удачно, проверено временем и не вызывает сомнений. Размышляя о первой части девиза, следует добавить, что многие достойные люди, масштабные личности стояли в разные годы во главе городской телефонной станции, а позднее — сети: Х. Л. Гомельский, Ф. С. Шмырин, Г. С. Волобой и другие. Наш рассказ о Василии Федоровиче Пашковском, который руководил НГТС с 1972 по 2001 год.

Томская область. На берегу речки Ягодной, притоке могучей Оби, расположилась небольшая деревня Новоабрамкино. Благодатные, богатые лесом, сибирские места. Здесь зимой 1933 года в многодетной крестьянской семье Федора Софроновича и Елены Даниловны Пашковских родился восьмой ребенок. Сын. Назвали его Василием. Филипп, Александр, Александра, Анфиса, Антонина, Нина, Надежда, Зоя, Зинаида, Иван, Геннадий, Виталий… Перебираешь имена и ловишь себя на мысли, что звучат они, как прекрасная, задушевная мелодия. Всего детей в семье было тринадцать, пятеро, правда, умерли в младенчестве. Одну из сестер похоронили в 1996 году. А семеро, два брата и пять сестер, живы-здоровы и по сей день.

Все-таки исконные народные традиции, предписывающие иметь большую семью, отличаются глубинной мудростью. Ребенок из многодетной семьи, взрослея и вступая в самостоятельную жизнь, более к ней приспособлен, владеет многими трудовыми навыками, напрочь лишен эгоизма. А самое главное — он чувствует себя защищенным: за ним семья, уклад, родовые корни. Он не одинок на земле, и это, конечно, придает жизненные силы. Родители Василия Федоровича были великие труженики: мама хлопотала по хозяйству — попробуй-ка накорми да обстирай такую немалую семью, а отец работал в животноводстве, плотничал и столярничал, последние годы занимался пчеловодством, — одним словом, мастер на все руки. Поэтому ничего удивительного, что самые яркие детские воспоминания нашего героя связаны с трудом, нелегкой крестьянской работой, в которую были вовлечены все от мала до велика. Отчетливо помнит, как ездил в лес по дрова, на покос, ухаживал за скотиной — в хозяйстве имелось две коровы. В десять лет научился шить сапоги. В деревне был один калека, мастер-сапожник, который по неделе жил то у одной семьи, то у другой, шил обувь — тем и кормился. Вот у него-то смышленый парнишка и научился сапожному ремеслу. Ну и, конечно, детвора с малых лет пропадала на речке Ягодной, рыбачили. Как могли, помогали своим семьям, время-то было голодное.

Вася Пашковский только успел окончить первый класс начальной школы, как грянула Великая Отечественная война… Семилетку оканчивал уже после войны. Ходил вместе с другими учениками за семь километров, в деревню Староабрамкино. Зимой, как вспоминает, брал с собой полведра картошки, краюшку хлеба да кругляк замороженного молока — недельный харч. Чтобы каждый день по морозу не ходить домой, ребята останавливались у знакомых, спали на полу, возле печки. Занятия в школе шли своим чередом: учиться, узнавать новое Василию нравилось, вообще он был активным пареньком. При его непосредственном участии в школе создали первую комсомольскую ячейку, которую он вскоре и возглавил.

После окончания школы нужно было определяться с выбором профессии. Кем быть? В тяжелые послевоенные годы времени на неспешные раздумья и мечты у молодого человека не было. Главное — быстрее получить про-

фессию, встать на ноги. Когда в 1947 году Василий Пашковский приехал в Томск, поначалу ему хотелось учиться в индустриальном техникуме на маркшейдера. И профессия нужная — заниматься правильной эксплуатацией недр, а еще и звучит как красиво. Но в итоге, взвесив все «за» и «против», пошел в ремесленное училище, там полное государственное обеспечение, и стал осваивать так же необходимую в народном хозяйстве специальность — надсмотрщика городских телефонных станций. К слову сказать, только в училище деревенский парень впервые увидел телефон. После успешного окончания учебы секретаря комсомольской организации группы Василия Пашковского хотели направить в Москву, в техникум трудовых резервов, но он отказался. Очень уж хотелось попробовать себя в конкретной работе, и он поехал по распределению в город Асино Томской области. На небольшой местной телефонной станции начинал надсмотрщиком, но уже через два месяца был переведен на должность техника междугородной связи. В девятнадцать лет вступил в ряды коммунистической партии. Случилось это в 1952 году. Запомнилось Василию Федоровичу это время не только осознанным, взвешенным решением стать членом партии, но и еще одним, не менее значимым событием.

В начале 50-х вышло постановление ЦК о радиофикации сел, в июле 1953 года должна была состояться районная партийная конференция. И молодой коммунист Пашковский взял конкретное обязательство: к началу конференции провести радио в колхоз им. Буденного. Это были два села — Малодорохово и Большедорохово, в 16 километрах от Асина. Председатель колхоза выделил ему в помощь двух подростков, чуть позже приехали на практику четверо студентов из родного ремесленного училища. И работа закипела. Построили воздушно-столбовую линию радиосвязи протяженностью 4,5 километра. В короткие сроки соорудили радиобудку, установили ветряки, или ветряные мачты, — чтобы вырабатывать электроэнергию для зарядки аккумуляторов. Всего установили 15 тарелок-динамиков в домах колхозников. Кажется, малость, но с чем сравнить радость и волнение жителей глухих сибирских деревень, когда летним вечером из диковинных тарелок раздалось: «Говорит Москва! Говорит Москва!»

Конечно, без увлеченности и трудового энтузиазма, с которым взялись тогда за дело Василий Пашковский и его помощники, вряд ли удалось бы провести радиосвязь так быстро, всего за неделю с небольшим — иногда, как известно, на это уходили годы. Так молодым коммунистом было выполнено партийное обязательство, но самое главное не это, а то, что люди перестали быть оторванными от остального мира. А Василию Федоровичу и сегодня приятно осознавать, что когда-то и он стоял у истоков этого важного, поистине государственного дела.

Осенью того же года Василия призвали в армию. Служить пришлось в Амурской флотилии, на реке Уссури. Именно здесь начиналась тоже по-своему красивая и романтичная история, знаменующая «флотский» период в биогра-

фии нашего героя. Матрос Пашковский был единственным членом партии среди рядового состава в электромеханической школе учебного отряда. Толковый парень-сибиряк сразу приглянулся командиру роты учебного отряда, и когда срок обучения стал подходить к концу, он предложил Василию поступить в Ленинградское военно-морское политическое училище. Такая перспектива казалась заманчивой, было только одно «но» — девять классов образования, а для поступления нужно десять. В итоге компромиссный вариант все же нашли — Василию Пашковскому разрешили сдать экзамены и оставили в училище с испытательным сроком до первой сессии. Оцените упорство и настойчивость в достижении цели этого еще совсем молодого человека: вступительные экзамены — все тройки, зато первая, самая трудная сессия — все пятерки! Знай наших!

Ленинградское военно-морское политическое училище готовило кадры политработников для флота. Судьба нашего героя могла пойти совсем по другому руслу, для него вместе с морскими далями открывались новые, ранее невиданные перспективы. Успешно окончив училище, в первой по баллам тройке выпускников, Василий выбрал для дальнейшего прохождения службы Балтику. Ему и другие моря казались не менее привлекательными, но он решил: сначала Балтика, потом Черное море и так далее. Готовился послужить российскому флоту.

В это же время в судьбе Василия появилась Валюша. Юная питерская девчонка сразила сердце сибирского парня. Прогулки по одному из прекраснейших городов мира, а еще катание на метро — тогда в Ленинграде только-только пустили подземку, — а еще молодость и чистота чувств не могли не привести к свадьбе в 1957 году. Простой подсчет сегодня наглядно показывает, насколько крепок союз Василия Федоровича и Валентины Александровны. Пашковские приближаются к заветной и завидной «золотой» дате — 50-летию совместной жизни. У них двое детей — сын Александр и дочь Елена, трое замечательных внуков.

Но вернемся в пятидесятые. Мечтам о дальних плаваниях тогда не суждено было сбыться. Сразу по окончании практики на Северном флоте Пашковского, как одного из лучших выпускников училища, отзывают в распоряжение центральных органов флота и направляют на работу в Научно-исследовательский институт ВМФ. В течение двух лет он возглавлял комсомольскую организацию института и параллельно все это время писал руководству рапорты с просьбой о демобилизации и «направлении в Сибирь, на стройки коммунизма». Отлученный от моря, он в какой-то момент своей жизни, наверно, подумал о том, что надо возвращаться домой, к земле, к родным корням, к первой своей профессии. В октябре 1959 года долгожданный приказ о демобилизации пришел, и лейтенант флота Василий Пашковский вместе с женой и тогда уже двухгодовалым сыном Сашей стал собираться в дорогу. Родственники Валентины, надо сказать, были против отъезда молодых. Но, видимо, традиции жен декабристов не угасают в крови коренных жительниц города на

Неве: за любимым мужем хоть на край света, не то что в Сибирь. Собрались — и в путь. Сначала, как того требуют обычаи, побывали в Томске у родителей, а потом решили ехать в Новосибирск, где к тому времени уже обосновались две сестры. Все, как говорится, надо было начинать с нуля. Шел январь 1960 года.

Первое время Василий с женой и сынишкой жили у сестры Надежды. И каждый день глава семейства проводил в поисках: с утра — работы, вечером — жилья. В черной флотской шинели ходил Василий Пашковский по зимнему Новосибирску — в те дни он казался ему особенно чужим и неприютным. Трудные поиски все же увенчались успехом, удалось-таки устроиться на турбогенераторный завод. Сначала работал токарем на карусельном станке, потом электромонтажником. По-прежнему острой оставалась проблема жилья. Через некоторое время из разговора с сестрой он узнал, что где-то рядом с Новосибирском идет строительство научного центра — Академгородка. И вроде бы там нужны рабочие руки и относительно быстро можно получить квартиру.

При первой же возможности Василий отправился на строительство, чтобы узнать ситуацию на месте. Надо сказать, в те годы добираться из города в Академгородок было очень непросто. Общественный транспорт туда еще не ходил, а на попутках можно весь день ехать. Сегодня Василий Федорович вспоминает, что как-то добирался туда целых четыре часа. В одну из таких поездок он, «голосуя», остановил автобус, а там его попутчиком оказался редактор газеты «Сибакадемстроевец» А. А. Ляхов. Познакомились, позже подружились. Алексей Александрович подсказал Пашковскому несколько адресов возможного трудоустройства, среди которых была и местная контора связи. И 13 марта 1960 года в трудовой книжке Василия Федоровича Пашковского появилась запись о том, что он принят на работу монте-

ром связи в контору энергоснабжения «Сибакадемстроя». Таким образом, наш герой вернулся к своей первой профессии и с тех пор все свои знания и силы отдавал главному делу своей жизни — развитию телефонной связи крупнейшего за Уралом города страны.

Есть люди, масштаб личности которых ощущается даже при мимолетной встрече. Василий Федорович Пашковский, несомненно, из их числа. Он хорошо известен в нашем городе, да и за его пределами, прежде всего как опытный руководитель одного из самых стабильных, динамично развивающихся предприятий — Новосибирской телефонной сети. Можно и нужно в связи с этим говорить о «феномене» Пашковского. В чем же он? Прежде всего в желании и умении работать — прекрасной привычке, выработанной с молодых лет. Флотская закалка научила нашего героя не бояться трудностей, в различных, подчас непростых, жизненных ситуациях брать на себя ответственность. Когда отвечаешь только за себя — это одно, но совсем другой, несоизмеримый уровень ответственности, когда в ответе за большой коллектив и дело поистине государственной важности — обеспечение связи. Вот и получается, что девиз «Один — за всех, все — за одного» остается актуальным по сей день. Это и жизненное кредо руководителя, и формула слаженной командной работы всех служб НГТС.

Обратимся к недавней истории. 1972-й и 1992-й в летописи Новосибирской городской телефонной сети и судьбе Василия Федоровича — годы особые, знаковые. В 1972 году он возглавил НГТС, а до этого 6 лет был ее главным инженером. Пашковский категорически не согласен с утверждением, что вчерашний день сети и ее сегодняшние напряженные будни — небо и земля. Семидесятые, «застойные», и восьмидесятые, «перестроечные», и девяностые, «рыночные», одинаково требовали от новосибирских связистов профессионализма, ответственности, умения принимать нужные решения. Активно строились станции по всему городу, постепенно увеличивалась емкость сети. На простом житейском языке это означало, что телефон становился доступным все большему числу жителей города. Перефразируя классиков, можно сказать: он уже не являлся роскошью, а стал удобным средством связи. Единственное «но» — сдерживали развитие сети отпущенные центром лимиты. В 1992 году ситуация круто изменилась: административно-командную систему хозяйствования сменил рынок. Отправившись в «свободное плавание» по волнам рыночной экономики, новосибирская городская телефонная сеть первой в своей отрасли акционировалась и стала уже самостоятельно, активно и целенаправленно искать пути дальнейшего развития. В начале 90-х в далекой Сибири появились первые эмиссары из Европы, изучающие конъюнктуру складывающегося российского рынка и возможности сотрудничества с местными фирмами. Не секрет, что наша страна представляет для Запада обширный и очень перспективный рынок сбыта, в частности, высококлассного современного оборудования телефонных станций. Среди претендентов, искавших взаимности НГТС, сибиряки останови-

ли свой выбор на бельгийской фирме «Алкатель Белл». И с тех пор ни разу не пожалели об этом.

История с бельгийцами поучительна. Сегодня о тех первых встречах с иностранцами, о некотором напряжении и даже тревоге — все ли пройдет гладко, не подведут ли, не обманут — Василий Федорович Пашковский вспоминает с улыбкой. Тогда все делалось внове, имелся определенный риск — было отчего и волноваться. А сейчас, к примеру, при заключении очередного контракта на поставку оборудования, новосибирцы проявляют высокопрофессиональный подход, высказывают замечания, вносят поправки. Партнеры-бельгийцы только улыбаются — ученики оказались весьма способными, отлично усвоили науку новых рыночных отношений. Есть такая аксиома — «поступай с людьми так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Применительно к теме нашего разговора, ее можно обозначить следующим образом: если хочешь, чтобы деловой партнер поступал с тобой порядочно, будь таковым сам.

Сплав профессионализма, компетентности, опыта и высоких человеческих качеств генерального директора НГТС В. Ф. Пашковского совершенно закономерно привел к тому, что в 1999 году он вошел в сотню лучших менеджеров России. Вместе с двумя другими руководителями новосибирских предприятий он награжден дипломом и золотым значком всероссийского конкурса, проводимого объединением промышленников «Новая эпоха». Эксперты «Новой эпохи» оценивали результаты деятельности предприятий и эффективность управленческих решений их руководителей. Пашковский также удостоен еще одной награды — общественной премии имени Петра Великого.

К «своему» Василию Федоровичу работники телефонной сети относятся с любовью и уважением. Это чувствовалось при каждой встрече. Одна из собеседниц в качестве решающего аргумента произнесла восхищенно: «А вы знаете, как наш Василий Федорович поет?!» Позже, просматривая записи видеолетописи НГТС, я была просто поражена увиденным. На закрытии одной из АТС Василий Федорович исполнял романс «Гори, гори, моя звезда!». Мягкий, ровный и одновременно сильный голос, проникновенность исполнения. Вот уж воистину в песне раскрывается душа человека. Как потом выяснилось, в большой семье Пашковских все обладали хорошими голосами, и народная песня была в чести. Ни один деревенский праздник не обходился без нее, маленькому Васе стоило раз услышать песню, и он накрепко запоминал ее слова. Василий Федорович знает много городских романсов, русских народных песен, да и некоторые современные поет с удовольствием. Когда на дни рождения или праздники собирается многочисленная родня — непременно поют. Да так, что заслушаться можно!

В заключение рассказа хочется обязательно сказать еще об одном, приоритетном для Пашковского направлении. Речь пойдет об отношении к Памяти, к Истории. Оно у Василия Федоровича сродни отношению к песне. Мало сказать, неравнодушное. Правильнее — трепетное. Еще в 1972 году, когда он только начинал руководить беспокойным телефонным хозяйством, наряду со строительством гаража и летней дачи для детей связистов, было решено создавать музей. В одной из комнат в помещении АТС-66 на Восходе стали появляться первые экспонаты. Но удивительное дело, комиссия народного контроля тогда усмотрела в этом благом, лишенном какой-либо корысти начинании руководителя нарушение финансовой дисциплины. Василию Федоровичу даже грозил штраф в размере трех окладов, который в итоге заменили выговором.

Создание на НГТС музея — это дань памяти, конкретной истории в документах и фотографиях, лицах и судьбах тысяч людей, связавших свою жизнь с городской телефонной службой. Есть замечательные слова, которые от частого цитирования не тускнеют: «Кто не помнит своего прошлого, у того нет будущего». Новосибирская городская телефонная сеть является в этом смысле приятным исключением. У нее замечательная история, наполненный смыслом и работой сегодняшний день и, хочется надеяться, прекрасное будущее.

Ирина КОСАРЕВА

Один день — и вся жизнь

Вторая осень нового века как-то неимоверно затянулась. Сдвинулось куда-то на октябрь бабье лето с ясными теплыми деньками, что позволило расторопным хозяевам и с хлебами управиться, и зябь вспахать. Ноябрь хоть и припугнул легкими морозцами и порадовал обильными снегопадами, однако теплые южные и юго-западные ветры все прижимали снега к земле, все истончали их, превращая в слякоть и мокроту.

В такую вот пору в доме культуры села Боровое Новосибирский район праздновал День работников сельского хозяйства. Подобный областной праздник отмечался еще в начале ноября. Но новосибирцы, хоть и были признаны победителями областного соревнования и получили в награду три автомобиля, районный праздник перенесли на конец месяца, потому что оставались неубранными овощи.

Наконец было покончено и с ними. И вот уже разноголосо гудят залы и кабинеты Дома культуры: старые знакомые здороваются, наспех обмениваются новостями, пьют у столов чай, закусывая местными постряпушками. Першилин сидел уже за столиком на сцене, в кругу почетных гостей, своих коллег — Х. Г. Каскаманова, В. А. Шадура, Б. Л. Панова. Ничем особенным, кроме своей крупной фигуры, не выделялся он среди гостей и участников праздника. И мало кто в этом зале знал, какой жизненный путь отшагал этот человек к своим неполным семидесяти. Бывший детдомовец, только в девять лет пришедший в школу, сегодня он — академик, профессор кафедры общего земледелия НГАУ, председатель Совета директоров учебных хозяйств России. А кроме всего прочего еще и директор племзавода-учхоза «Тулинское», руководит которым без малого четверть века.

В его визитной карточке значится:

Госплемзавод-учхоз «Тулинское» НГАУ (что означает — Новосибирского аграрного университета), Першилин Константин Георгиевич, директор, председатель Совета директоров учхозов РФ, профессор, академик МААО, доктор сельскохозяйственных наук, заслуженный агроном России.

Однажды осенью (он еще не был доктором наук) мимо созревающих хлебов мы ехали с ним по полевым дорогам от центральной усадьбы в сторону аграрного академгородка. И вот когда на фоне безоблачного синего неба через хлеба и березовые околки проступили контуры многоэтажных научных корпусов, он сказал:

— Надо же, ведь все это наши земли когда-то были. И Огурцово, и ВАСХНИЛ, и Элитное, и даже Затулинка.

«Когда-то» — это, когда он сразу после армии за один год и семь месяцев окончил Колыванский сельхозтехникум, поработал агрономом в колхозе «Рассвет» Мошковского района, бригадиром в Сокурском совхозе, и в 1962 году стал бригадиром тракторно-полеводческой бригады в учхозе.

Из блокнотов 80-х годов:

Познакомился с К. Г. Першилиным, директором учхоза «Тулинское». Высок, бронзоволиц, седовлас, глаза голубые. Спросил: «Сколько в тебе роста?» — «А в тебе?» — вопросом на вопрос ответил он. «Сто восемьдесят». — «Тогда бери на 10 сантиметров выше» — и заулыбался. Улыбка была не оскорбительной, а, скорее, снисходительно-дружеской: салага, мол, ты!

До нашего знакомства он отшагал уже 15-летний путь главного агронома учхоза, заочно за четыре года окончил сельхозинститут, защитил кандидатскую и в 1979 году был назначен директором учхоза. На долю хозяйства приходилось практическое обучение сельскохозяйственных кадров: агрономов, зоотехников, овощеводов и всех прочих специалистов для села. Потому и напичкан был учхоз почти всеми отраслями: зерновые и кормовые культуры, крупный и мелкий скот, овощеводство, начиная от огурцов и редиски и кончая самой поздней по уборке культурой — капустой.

Нужно заметить, что в те годы, при незабвенном Н. С. Хрущеве, аграрная наука хорошо подпитывалась государством. Не зря же был заложен под Новосибирском аграрный академический городок, названный впоследствии Краснообском. Так что средства, выделяемые на науку, перепадали и Першилину, и он мог позволить себе покупать новую технику, оборудование, об экономии энергоресурсов вообще речи не было. А уж строительство производственных и бытовых объектов велось размашисто и, я бы сказал, залихватски. Нынешний городок учхоза с его двухэтажными домами, асфальтированными улицами, бытовыми удобствами можно считать памятником тем далеким годам.

Да и личные заслуги руководителей хозяйств, хороших работяг, не оставались незамеченными. В 1971 году, отработав почти 15 лет на земле, получил он первую награду от Родины — орден «Знак Почета». Через пять лет его парадный пиджак украсил орден Трудового Красного Знамени, через десять лет к ним добавился орден Ленина. Между этими двумя пятилетками, в 1981 году, он стал заслуженным агрономом страны.

В 90-х годах я частенько наведывался к Першилину по журналистским делам. Любопытно было понять самому и другим рассказать, как это на фоне всеобщего развала аграрного комплекса учхозу удается не только «выживать». Год от года наращивалось производство зерна, животноводческой продукции, люди получали пристойную зарплату, и так же пристойно содержалась социальная сфера: отопление, освещение, водоснабжение поселка.

...В конце 90-х, на рубеже веков, Константин Георгиевич работал над докторской диссертацией. Один ее экземпляр подарил мне. Называлась она,

Вот так, прямо под открытым небом, начинали действовать в области кормоцеха и агрегаты витаминной муки

как и все подобные труды, весьма прозаично: «Кормовые корнеплоды в лесостепи Западной Сибири». Почти ничего не смысля в этом вопросе, я полистал 120-страничную книжицу, бегло просматривая таблицы и диаграммы, едва вчитываясь в текст. «Серьёзная работа по созданию и укреплению кормовой базы, в том числе и за счёт корнеплодов, позволили АО «Ирмень» и учхозу НГАУ «Тулинское» добиться значительных успехов по увеличению производства молока», — писал автор. И ниже, как водится, таблицы: с каждых 20 гектаров получено по 710 центнеров корнеплодов, удой от коровы составил 64 центнера. Это в тот год, когда по области в целом надаивали чуть больше 21 центнера.

Из блокнотов 90-х годов:

Першилин по-хорошему, ненавязчиво честолюбив, как становится честолюбивым каждый нормальный мужик, удачно завершивший то или иное дело: посадил дерево, отремонтировал дом, привез на зиму сено, заготовил дрова или выкопал погреб. Невозмутимый внешне, мужик наполняется каким-то внутренним достоинством и долго хранит в себе это чувство. Когда Першилина хвалят или говорят добрые слова в адрес хозяйства на высоких собраниях и совещаниях, он лишь смущенно улыбается или вполголоса бормочет что-то нечленораздельное: ну, вот так, мол, получилось. При этом крупное его лицо становится по-девичьи пунцовым, а голубые глаза и густая, совершенно седая шевелюра становятся особенно яркими.

Как-то глубокой осенью он сам позвонил мне:

— Не хочешь посмотреть наш рапс? Начали убирать.

— Какая уборка — снег на дворе!

— А вот приезжай — посмотришь.

В ту осень первый зазимок упал в начале октября. К этому времени уже пожухли и уснули травы, обнажились деревья, почти слившись по окраске с окрестными полями, вспаханными под зябь. Но на одном из першилинских полей вовсю буйствовали зелень и желтизна. Стеной стоял крупнолистный цветущий рапс, и даже обильный снегопад не смог скрыть этого буйства красок.

По полю, неуклюже переваливаясь на колдобинах, наматывая на гусеницы сырой снег и не успевшую застыть землю, двигались трактора, подставляя прицепные телеги под хоботы косилок. Несколько десятков метров — и нарощенный кузов полон зеленой массой, и трактор отваливает в сторону кормоцеха. Там рапс измельчат, смешают с корнеплодами и другими добавками, и я представил себе, с каким аппетитом будет поедать эту массу поставленный в теплые дворы скот.

Сам Першилин, по пояс (при его-то росте!) утопая в желтизне и зелени, бродил по полю, сбивал со стеблей снег, восторгался. Фанат да и только! Оторвал крупный лист, сунул в рот, начал жевать.

— Ты посмотри только, какая красота уродилась! Сам бы ел. Вот оно где, молочко-то!

Однако молочко было не только здесь. Оно было в круглогодовой, постоянной заботе о кормовой базе, вообще в заботе о нормальном, грамотном

содержании скота. Ежегодно получая с каждого гектара по 400 центнеров кукурузы, по 40 — сена, по 800 — кормовой свеклы, тулинцы запасают на зиму двойную норму кормов и преподносят их коровам и молодняку не в «живом» виде, а обязательно в четко сбалансированных смесях. Отсюда и надои.

В 2000 году десять процентов дойного стада — более 50 коров — дали по 80 центнеров годового удоя (рекордистка Лаура — 112 центнеров), а среднегодовой удой по хозяйству составил почти 65.

Однажды летом Анатолий Головач, главный зоотехник, провез меня по дойным гуртам, по выпасам. Была середина июля, сено уже вовсю ставили, зной — неимоверный. А вдобавок к нему полчища комаров, мошки, паутов. От них просто звон стоял над лугами. В такую пору пасти дойное стадо дедовским методом — заведомо обрекать его на снижение удоев.

В учхозе нашли другой способ: дойные гурты разместили в березовых околках, огородили их электропастухами. Внутри каждого такого загона поставили металлические колоды, которые регулярно заполнялись свежей водой и зелеными измельченными кормами. В прохладной тени берез, при обильном поении и кормлении, спасались буренки от изнуряющего зноя и гнуса и «рассчитывались» обильными надоями.

Нечто подобное (голь на выдумки хитра!) довелось наблюдать мне и на току, который в учхозе называют зернофабрикой. Это и в самом деле настоящая фабрика. Зерно, поступающее с полей, проходит здесь лабораторные анализы на влажность, сорность, клейковину; сортируется на фуражное, семенное, товарное; проходит обработку на сушилках разных моделей. К одной из них, в недрах которой бушевало пламя из форсунок, и подвел меня Першилин, улыбчиво прищурившись, спросил:

— Как думаешь, чем эту сушилку топим?

— Ну чем, соляркой, наверное, как АВМ.

— Ничего подобного, нефтью, — явно довольный собой, ответил он.

Это были годы, когда горючее так поднялось в цене, что трактора заправлять стало нечем. Вот и решили в учхозе использовать сырую нефть, которая «в разы» дешевле соляра.

— Правда, меня предостерегали, что форсунки могут быстро сгореть. Но пока ничего страшного не произошло, сушим нефтью.

А как получилось с восточным козлятником? Нестоящая внимания травка, сорняк, чем-то напоминающая вьюнок, — она вырастала до метровой высоты и была необычайно облиственной. Почти случайно «положил» на нее глаз Першилин. И вот задумал культивировать эту травку. Попробовали на опытных делянках: часть скормили скоту, часть оставили на семена. Через два года козлятник занимал уже 140 гектаров и дал с каждого больше 500 центнеров зеленой массы.

Из блокнота 2001 года:

Для телевидения снимаем сюжет об уборочной в учхозе. Пока обговаривали съемку в кабинете, Першилин из-под бумаг на столе достал фотографию,

видимо, бережно им хранимую: К. Г. Першилин и В. В. Путин засняты фотографом в момент вручения Першилину ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени. (Орден VI степени он получил в 1996 году.)

На одном из пшеничных полей в разных загонках работало больше десятка комбайнов. У края полосы дежурили машина техпомощи, сварочный агрегат. Невдалеке стояла фляга, к которой время от времени подходили мужики, черпали кружкой содержимое и аппетитно выпивали. Оказалось, что это кумыс, приготовленный на собственной конеферме. А такая фляга — обязательный атрибут напряженной страды. Приложились к кумысу и мы, а когда оператор взялся за камеру, Першилин замахал руками:

— Стой, стой, подожди! Что это за уборка у вас будет — два-три комбайна на картинке. Сейчас мы их все в одну загонку пустим, чтоб картина была что надо!

Вскочил за руль своего «уазика», поехал по загонкам. Через несколько минут из-за березового околка показался головной «Енисей», четко выделяющийся на фоне желтого поля и голубого неба. За ним, метрах в десяти, второй, третий... Все 12 комбайнов прошли мимо камеры, оставляя за собой ровную щетину стерни. Сюжет получился действительно красивым и напряженным.

Москва. Кремль. После вручения награды

— Ну вот, теперь будет как в кино, — удовлетворенно обронил Першилин.

Из представления К. Г. Першилина к избранию членом-корреспондентом РАСХН:

...женат. Воспитал троих детей, все окончили Новосибирский аграрный университет. Два сына работают руководителями сельхозпредприятий Ордынского района, внук — студент второго курса этого учебного заведения.

Представляю доктора сельскохозяйственных наук, профессора, заслуженного агронома РФ Першилина Константина Георгиевича к избранию членом-корреспондентом РАСХН.

Академик П. Л. ГОНЧАРОВ.

...И все-таки я «прорвался» к нему. На районном совещании договорились: встречаемся в понедельник в десять. В назначенный час я сидел в его приемной, ждал, пока он со своими замами обсуждал какие-то дела. Время подходило к половине одиннадцатого, когда в приемную стремительно вошел грузноватый, но подвижный академик А. Н. Власенко.

— Что сидишь? — поздоровавшись, спросил он. — Пойдем, его не переждешь, — и увлек меня за собой.

В кабинете сидели замы с озабоченными лицами; сам Першилин, как всегда аккуратный, прибранный, при галстуке, говорил по телефону:

— Нет, ты не прав. Сегодня крестьянин должен сам произвести продукцию, сам переработать и сам же продать...

Отпустив замов, повернулся ко мне:

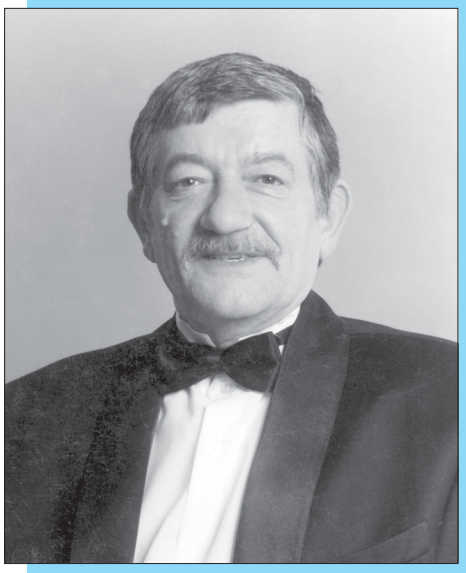
— Ты меня прости, я же говорил, что своим временем не распоряжаюсь. Вот Анатолий Николаевич неожиданно приехал, важное дело обмозговать надо. Я тебе все бумаги приготовил, садись, читай. Что непонятно будет — звони вечером домой.

Забрав «бумаги», я отправился восвояси. А Першилин остался продолжать свой рабочий день. Такой же хлопотливый, как и вся его жизнь.

Справка. К.Г. Першилин родился 1 января 1934 г. в Ростове-на-Дону.

Владимир МАРСАКОВ

Дорога к Богу

Пять лет, как его нет с нами, целых пять лет, а чувство утраты не стерлось временем. Наблюдаешь ли суетное бескрылое существование нашей нынешней писательской организации, которую он когда-то буквально вытащил за волосы, как утопающего из болотной жижи; участвуешь ли в очередном мероприятии по линии отдела культуры; поднимаешь ли «стопарь» на каком-нибудь литературном междусобойчике — все не то. Нет-нет, да и ловишь себя на внезапном сравнении, которое никогда не в пользу нынешних здравствующих функционеров, но всегда в пользу его, так безвременно ушедшего. Ощущение сильной личности — это ни с чем не спутаешь.

В последние годы жизни он напоминал Жана Габена. Такой же неторопливый, чуть мешковатый, говорит негромко, но веско, иногда для усиления повторяет фразу.

Жан Габен новосибирского разлива. Александр Иванович Плитченко.

Но таким он стал только последние лет десять…

Мнения о нем до сих пор неоднозначны. Кто-то так и не может забыть, что в свое время Плитченко не пустил его на страницы журнала или в издательские темпланы (братья-писатели — народ злопамятный), и отзывается весьма нелестно. Кто-то, напротив, перегибает в другую сторону, изображая «Сашу» звездой первой величины на поэтическом небосклоне России, а в духовной жизни — истинным праведником, чуть ли не оплотом православия.

Ну, о творчестве Александра Плитченко разговор особый, а «по жизни» это был вполне земной человек, хотя и очень непростой, себе на уме. Наделенный большим чувством собственного достоинства. С малознакомыми людьми сдержанный, даже несколько высокомерный, с друзьями открытый, иногда до безоглядности. Во всяком случае, именно таким мы его и помним — мы, шедшие рядом с ним, работавшие бок о бок в литературе семидесятых-девяностых годов.

Родился будущий поэт 9 апреля 1943 года в селе Чумаково Куйбышевского района Новосибирской области. Мать фельдшер, отец — руководитель районного масштаба, к сожалению, рано ушедший из жизни. Детство, как водится, трудное, полуголодное. Среднюю школу окончил в Каргате. А дальше он сам о себе свидетельствует.

Приезд в Новосибирск, три года учебы в пединституте дали мне много — почти всех моих теперешних товарищей. И в это время я много и постоянно сочинял, однако от всего осталось два-три стихотворения. Они-то, как оказалось потом, и выводили меня на свою тему (а тема лирического поэта — это его жизненный опыт, его жизнь), но все эти три года я стремился удивить товарищей, руководителя литобъединения Илью Фонякова, поразить аудиторию, понравиться девушкам. Писал о городе, которого не знал и не любил, писал о любви, которой не понимал и не видел.

И, может быть, с некоторым запозданием понял, почувствовал, что надо на что-то решиться, изменить жизнь, чем-то пожертвовать и заниматься единственным делом — всерьез.

В шестьдесят третьем году я оставил пединститут, уехал в Каргат к родителям и в

том же году был призван в ряды Краснознаменного Тихоокеанского флота. За четыре неимоверно трудных и счастливых года были написаны и опубликованы в Новосибирске и Владивостоке три первые мои книги.

Жизнь, письма матери, белый от цветущих яблонь скалистый дальневосточный островок, могучее движение океана, флотское товарищество, равное которому трудно найти… и главное — первое и самое серьезное дело в жизни — охрана рубежей России — все это открыло мне глаза.

Я понял, что не надо и думать, если пишешь, поймут ли тебя, понравятся ли твои стихи, напечатают ли их. Надо стремиться к одному — как можно искреннее, честнее и точнее сказать то, «чем жила и болела душа». И не строчки рифмовать учиться, а учиться жить среди людей и принимать сегодняшнюю жизнь такою, какая она на самом деле в большом и малом, и, приняв, думать и стремиться к тому, чтобы она стала лучше, а не вгонять сегодняшнюю действительность в рамки своего идеала, не отбирать в ней только то, что тебе необходимо для иллюстрации своих представлений о жизни.

Датирована эта запись декабрем 1972 года. Уже год как Плитченко работает в редакции журнала «Сибирские огни» на одной из ключевых должностей — заведующим отдела прозы. Всего же он проработал в журнале тринадцать лет. Здесь происходило его становление как литератора, как личности, но годы эти, к сожалению, трудно назвать в его биографии «звездными».

«Сибогни» тогда считались эпицентром литературной жизни огромного региона — от Оренбуржья до Приморья, тираж переваливал за 60 тысяч экземпляров. В редакции постоянно толклись авторы, приезжие и местные, канючили, искательно заглядывали в глаза, «обмывали» публикации. Работать там было интересно, престижно и удобно: «присутственное» время — с двух до шести. Александр, человек общительный, чувствовал себя как рыба в воде, ему ведь еще и тридцати не было.

В редакции подобрались ребята в основном молодые, амбициозные, так и рвали постромки, стремясь побыстрей достичь вершины Парнаса. Главный редактор А. В. Никульков благоволил к своим сотрудникам и смотрел сквозь пальцы на ту суету, которую они пытались совместить со «служеньем муз».

Больше чем с другими Александр сдружился с Геннадием Карпуниным — оба близкого возраста, оба из деревни, оба поэты, и направленность стихов у обоих «почвенная». Они выглядели неразлучными, Саша и Гена, всюду появлялись вместе — в писательской организации, в издательстве; их так и прозвали — «мальчики».

В те времена без членства в партии нечего было и помышлять о карьере, в этом заключались основные правила игры. У писателей, «бойцов идеологического фронта», проблем с приемом в ряды КПСС не возникало; не возникли они и у «мальчиков» — обоих успешно приняли. Это уже много значило, в любых документах того времени, будь то биографическая справка или послужной список, красной строкой выделялось: «Член КПСС с такого-то года».

Иван Карпович Плитченко, отец Александра, фронтовик, закончивший войну в Кенигсберге, — вот тот был убежденным коммунистом, борцом за идею, искренне верил в светлое будущее и делами своими старался его приблизить. Но в семидесятые годы время идеалистов давно кончилось, и в партию вступали ради карьеры, так что Александр здесь не исключение.

А то, что понятие «коммунист» непременно означает «безбожник», причем воинствующий, — об этом Александр не задумывался, все так делают. И что ему пенять, не он первый, не он последний. Вспоминал ли он, что где-то в заветной шкатулке лежит нательный крестик на суровой нитке, который ему уже в школе надел батюшка? Вряд ли, скорей даже думать не хотел об этом, тут дела поважнее...

Надо было зарабатывать политический капиталец, а тут еще у Карпунина возникли проблемы с жильем, и этот вопрос можно было только в обкоме партии решить. И «мальчики» публикуют в областной партийной газете совместное сочинение «Закон жизни», посвященное рабочему классу вообще и передовикам производства в частности. Там есть такие строчки:

«Иные держатся в сторонке От этой главной колеи, Кропают серые стишонки Про «беды» мелкие свои, Де, мол, свеча горит, покуда Окно открыто в душный сад… И это выдают за чудо. Ужель не узок этот взгляд? Ужель иконки ходовые И лапти исказить должны Индустриальный лик России, Индустриальный лик Страны…»

Вот так вот, ни больше ни меньше. Продекларировали свое «поэтическое кредо» и походя лягнули Бориса Пастернака, Афанасия Фета и других представителей русской лирической поэзии…

Любопытствующие могут познакомиться с этим опусом полностью в газете «Советская Сибирь» за 26 октября 1973 года.

Булгаковский Воланд как-то заметил: «Рукописи не горят». Так вот, старые газеты тоже, оказывается, «не горят». И вообще, слово не воробей, тем более печатное.

Вникая в творческое наследие А. Плитченко, соотнося тематику его стихотворений с внешними обстоятельствами бытия, удивляешься их нестыковке, если так можно выразиться. Редакционная жизнь с ее текучкой и треволнениями, свойственными толстому журналу, бытовые обстоятельства и общие проблемы большого города проходили своей чередой, нимало не затрагивая глубинных, сокровенных движений его души, души поэта, которая жила по своим законам и не хотела жить иначе, да просто не могла. Нельзя же, в самом деле, считать серьезной только что приведенную чушь, голую спекулятивную конъюнктурщину. А духовная его жизнь глубоко и полно выражалась в стихах о родном крае, так называемой малой родине, о благодарной сыновней любви к земле, на которой он вырос, где «каждая рощица — мать, каждое поле — отец».

Давно известно: если хочешь хорошо писать о деревне, поезжай в город. Плитченко пишет превосходные стихи, цитировать которые можно под-

ряд, целыми страницами. В книгах «Екатерина Манькова», «Дневник», «Родня» почти нет случайных, проходных вещей, и рождается убеждение, что реалии сельской глубинки, неброские, но берущие за сердце пейзажи тронутых осенним золотом березовых колков Барабы вошли в душу поэта как изначальная основа творчества.

В поэзии Александра Плитченко тех лет заметен переклик с мотивами Николая Рубцова, только недавно ушедшего, — те же щемящие нотки неразрывной, глубинной связи с родимым краем. Странно, что наши новосибирские стиховеды не обратили на это внимания…

А жизнь меж тем шла своим чередом. Семидесятые годы плавно перетекли в восьмидесятые, обещанный коммунизм так и не пришел, приток нефтедолларов поубавился, витрины продовольственных магазинов поскудне ли, зато пышным цветом расцвела партноменклатура. Лицемерие, возведенное в ранг государственной политики, двойные стандарты, всеобщая безответственность. Брежневщина, глубокий застой…

Плитченко, человек умный и проницательный, все это, конечно, видел и понимал, но приходилось держать язык за зубами. А тут еще афганская война. Природная осмотрительность, инстинкт самосохранения не позволяли ему даже намекать на личное несогласие с тем, что происходило вокруг. Для него, «идеологического борца», это было бы равносильно политическому самоубийству. И поэтическому тоже. Сажать тогда уже не сажали, но очень ловко умели «перекрывать кислород».

Но душа-то болела, томилась, и часто происходили мучительные срывы, благо тогда еще водка была в свободной продаже.

Бунтовала и его муза, стиснутая условностями, и все окаянство бытия персонифицировалось для нее в пресловутой «городской жизни».

Вот стихотворение «Мегаполис»:

Огромный сундук с дребеденью,
Вдыхающий собственный прах,
Смакующий лживое пенье
Своих управляемых птах…

Сюда же примыкают другие строчки:

Что это было такое,
Что налетело, нашло —
И среди зноя, покоя —
Холодом душу свело…
Словно из бреда природы,
В солнечной спящей пыли,
Хаоса тяжкие воды
К горлу уже подошли…

И еще более определенно:

Жизнь собачья… Такое вдруг навалится — жуть,
а маленько повоешь — полегчает чуть-чуть…

Это все из книги «Слово растений», датированной 1979-м годом.

За те полтора десятка лет ровно бы черная полоса накрыла культурное пространство России. Ярчайшие личности — поэты, лицедеи, прозаики Божьей милостью, — они в творческом неистовстве подстегивали себя алкоголем, а то и наркотиками, и сжигали, как сигарету с обоих концов, словно бы соревновались друг с другом, кто быстрей сгорит: Олег Даль, Василий Шукшин, Владимир Высоцкий, тот же Николай Рубцов… Александр Плитченко пугающе близко подходил к этой трагической плеяде. К счастью, он сумел вовремя остановиться, удержался на краю, однако здоровье подорвал на всю оставшуюся…

При всем том поражает плодовитость А. Плитченко, его работоспособность и широта творческих интересов. Кроме множества стихов, он начинает писать прозу, а проза серьезного поэта — это всегда интересно. С интервалом в два-три года выходят повести «Ночные гости», «Бочатская повесть», «След мамонта», «Письмовник, или Страсть к каллиграфии» и другие вещи. В этот же период он осуществил многостраничный перевод алтайског-о героического эпоса «Маадай-Кара», переводил с якутского, венгерского, польского. Казалось, все жанры ему подвластны, и везде он интересен, талантлив, самобытен. Творческий потенциал его был воистину безграничен.

Годы работы в редакции «Сибогней» многое дали Александру Плитченко. Природный талант его огранился, отшлифовался и заиграл всеми цветами радуги. Завязались обширные связи в столичном литературном истеблишменте, в писательских кругах Сибири и Горного Алтая. В то же время не миновала его и редакционная школа иного порядка — интриганства, подсиживания, «стучания». Были в редакции такие «генераторы», они-то и распространяли подобные флюиды, которые постепенно отравляли сложившиеся и, казалось бы, прочные дружеские отношения.

Любая наука, любой опыт, даже со знаком «минус», умному человеку только на пользу. К тому времени как Плитченко все-таки пришлось расстаться с журналом (1983 год), он не только завоевал себе прочное имя как поэт, прозаик, переводчик, но и стал многоопытным литературным деятелем, профессионалом, искушенным и закаленным в подковерных баталиях. В дальнейшей жизни последнее качество особенно могло пригодиться, хотя фигур, равновеликих ему по таланту и масштабу личности, ни поблизости, ни на горизонте не маячило.

Александр Иванович начинает трудиться на ниве книгоиздательства — сначала в Новосибирском книжном издательстве, потом в Сибирском отделении издательства «Детская литература». Главным редактором. А главный редактор издательства — это есть тот самый литературный деятель, мозговой центр, определяющий идеологическую и тематическую направленность издаваемых книг, организатор и вдохновитель литературных сил, то бишь авторов.

Выше его — только директор, но у того главным образом финансы, бумага и прочие меркантильные материи.

В Новосибирском издательстве Плитченко вначале не удалось развернуться так, как хотелось бы — темпланы уже сверстаны и на ближайшие два-три года согласованы в Госкомиздате, существовали определенные наработки, словом, колесики отлаженно вращались. Другое дело — Сибирское отделение «Детской литературы». Там все пришлось начинать на пустом месте, и Александру Ивановичу пригодились его организаторские способности. К детской литературе он питал давнее пристрастие, первая его небольшая книжка, вышедшая в Новосибирске в 1965 году, была адресована детям и так и называлась — «Про Сашку». В этом издательстве предстояло воплотиться его заветным, выношенным планам, как теперь говорят, — проектам. Он замысливал создать своеобразную литературную «таблицу Менделеева», где вместо химических элементов разместятся будущие серии и циклы детских изданий. Кроме того, он планировал выпустить 30-томный фольклорный свод «Лукоморье», наладить выпуск уникальной «Сибирской библиотеки», открыть городской Дом детского творчества с целой сетью художественных студий для детей и юношества, детскими литературными объединениями. Он стоял у истоков приключенческого журнала «Мангазея», являлся шеф-редактором детской газеты «Старая мельница»…

И вот странно: те, кто знал и помнил Плитченко по «Сибирским огням», стали замечать, как он посветлел лицом, оживился, воспрянул душой, будто избавился от тяготивших его неприятных забот — вот как благотворно сказались на нем хлопоты о любимом и близком деле, атмосфера доброжелательности, которая воцарилась в коллективе с его приходом. Дальнейшее — из области догадок, это сфера глубоко личная, но как знать, может быть, именно в этот период душа его свободно расправила крылья и, избавившись от стеснения, в котором пребывала столько лет, свободно и широко стала кругами взмывать к истинной вере, к православию.

Люди определенного склада ума понимающе усмехнутся: «Крышу сменил». Но как далеко это суждение от действительности, как оно цинично и

поверхностно! Плитченко никогда без крайней нужды не декларировал свою приверженность коммунистическим идеалам, никогда не славословил в адрес «партайгеноссе», в отличие от своих коллег по цеху, — он всего лишь соблюдал правила игры, не более того. Лампада веры не гасла в тайниках его души во все времена.

По роду своей деятельности, а также как студент-заочник литинститута, Александр Плитченко часто бывал в Москве, иногда брал с собой супругу Эрту Геннадьевну. И столичные их маршруты неизменно начинались не с ГУМа или ЦУМа, а с золотых куполов Загорска, с Троице-Сергиевой лавры. Будто промысел Божий готовил Александра к главному душеспасительному делу его земной жизни. И дело это, это деяние, вскоре последовало.

Александр Иванович начал широкую кампанию за возвращение Новосибирской епархии собора Александра Невского. Подробно эта эпопея изложена во вступлении к «Избранному» Александра Плитченко одним из его ближайших соратников и последователей.

…Изуверским пыткам был подвергнут собор Александра Невского: сначала его обезглавили — срубили с его прекрасного купола крест, потом пытались взорвать, но два чудовищной силы заряда разрушили лишь звонницу, надолго оставив собор безъязыким. Это было тройное поругание: веры, народной памяти и красоты. И все же храм, возведенный предками на скале, осеняемый духом святого князя, выстоял — такой запас прочности вложили в него христиане-первостроители. Изувеченный, он все пережил: и разграбление его святынь, и нашествие непрошеных «квартирантов» — сперва раскольников-обновленцев, затем въехавшей по казенным «ордерам» воинской части, студии кинохроники, по-топорному перестраивавших изумительное по архитектуре и акустике здание под свои нужды: перекрыли купол, прилепили уродливую пристройку… Источник воды в соборном помещении загадили и залили кинохимикатами… Изумительного качества мозаичную голландскую плитку выкорчевали ломами… Богатые настенные и купольные росписи закрасили нитрокраской…

Едва храм Божий покинула кинохроника, как к его многострадальным стенам прихлынули новые пришельцы: в 1985 году решением Новосибирского облисполкома здание собора было передано городской филармонии под размещение камерного хора, выданы нешуточные средства — но не на восстановление Божьего храма, а на переоборудование под концертные нужды…

В феврале 1989 года в газете «Вечерний Новосибирск» была напечатана страстная полемическая статья А. Плитченко «Дорога к храму». Далее снова предоставим слово тому же источнику:

Резонанс был огромный, поток писем ошеломляющий. Сила писательского слова оказалась такова, что мгновенно «воспламенила» миллионный город. Речь шла о безусловном прекращении очередного надругательства над храмом, о восстановлении его как памятника, искажение, унижение или утрата которого — это утрата части нашей истории, нашей нравственности, нашего патриотизма. Спасти храм — долг новосибирцев! Неужели за 70 лет не могли по-

строить филармонию, неужели не доказано практикой, что святыни, отданные под музеи, под «объекты культуры», лишенные своей изначальной духовности, быстро приходят в запустение и гибнут. Собор — ровесник города, живой свидетель его истории, самовидец всего, чем жил народ. И разве можно этому народу отказать в праве своим добровольным трудом и лептою возродить прекрасное здание?

Долгой и тернистой оказалась эта «Дорога к храму», начатая А. И. Плитченко. Но он прошел ее вместе с земляками: настаивал, доказывал, организовывал вместе с епархией многолюдные вечера в дни памяти благоверного князя, выступал на радио, во многих газетах, сражался в администрации, поднял творческие силы города на защиту храма, доказал инженерную несостоятельность проекта, но главное — вдохнул веру в новосибирцев, сумел внушить им, что отцовское, родное — больше нельзя предавать. Сила его убежденности, помноженная на авторитет и молитвенную помощь владыки Гедеона, на массовую народную поддержку, на принципиальную, гражданскую позицию мэра Ивана Индинка, совершили невероятное: в городе начались митинги, шествия, пикетирования. Тысячи жителей поставили свои подписи рядом с подписью Александра Плитченко — вернуть собор епархии. И 25 числа месяца августа 1989-го собор благоверного князя Александра Невского вернулся в лоно Церкви.

По России размашисто гуляли рука об руку гласность и перестройка. Рушились устои прежней жизни, советская власть изжила, исчерпала себя, всесилие КПСС сошло на нет. Многие и многие руководители всех рангов потерянно озирались по сторонам, пытаясь понять, что происходит, как жить дальше.

В Новосибирске горше других пришлось братьям-писателям. Несколько лет назад Госкомиздат и Союз писателей РСФСР выделили деньги на строительство своеобразного Дома печати, где предполагалось разместить областную писательскую организацию, Новосибирское книжное издательство и редакцию «Сибирских огней». Субподрядчиком стала Березовская экспедиция, она и вела строительные работы в престижном здании рядом с оперным театром. Тем временем прежние помещения писательской организации передали другой конторе, и та попросту выселила бывших хозяев: шкафы с книгами и мебель рабочие перетащили в помещение гардероба, а стол впавшего в ступор председателя правления писательской

организации поставили в «предбанник», где обычно сидел вахтер… Именно тогда А. И. Плитченко и предложили возглавить Новосибирскую областную писательскую организацию, справедливо посчитав, что если не он, то кто же? Шел 1992 год.

А тут еще одна новость — хуже некуда. Заканчивались отделочные работы, когда резко, в несколько раз подскочили цены на стройматериалы. И все застопорилось, поскольку Москва уже прекратила финансирование. Удалось договориться с ипотечным банком, расположенным в том же здании, тот внес недостающую сумму, но за это отобрал ряд комнат.

За несколько недель до вселения в новые апартаменты Александр Иванович договорился с одним из подразделений ОМОНа, и милиционеры стали нести круглосуточное дежурство: в городе участились случаи самозахвата пустующих помещений, а здесь, в самом центре, один квадратный метр полезной площади стоил сотни долларов. Так благодаря расторопности новоизбранного председателя правления писательская организация обрела, наконец, то, что принадлежало ей по праву.

Принято считать, что поэты — существа возвышенные, как бы не от мира сего. К Плитченко это утверждение ни в коей мере не относится. В начале этих заметок уже указывалось, что в нем счастливым образом сочетались яркий литературный талант и практицизм. Он быстро освоился в переменчивых реалиях рыночной экономики и эти знания сумел обратить на пользу, но не себе лично, а делу, которому себя посвятил, организации, которая ему доверилась.

Последнее обстоятельство особенно красноречиво. Предыдущие руководители Новосибирской писательской организации первое, что делали, — это выбивали себе квартиру в каком-нибудь престижном доме. Александр Иванович, к чести для него, оказался бессребреником, лично ему ничего не требовалось. Зато он сумел добиться у обескровленного финансовыми потрясениями Литфонда ежемесячного вспомоществования для писателей-пенсионеров, которым тогда ох, как трудно приходилось!..

Вообще те пять лет, которые А. И. Плитченко находился у кормила, обернулись для писательской организации подлинным ренессансом. Возобновилась работа творческих секций, поэтической и прозаической, чуть ли не каждую неделю стали происходить встречи с интересными людьми. Один из давних «коньков» А. И. Плитченко — работа с молодыми. У него давно была на примете целая группа поэтов-«неофитов», которых он постоянно опекал, следил за их первыми шагами в литературе, способствовал выходу их собственных книжек и коллективных сборников. Наиболее «продвинутые» из них вскоре пополнили ряды писательской организации — может быть, и несколько поспешно, стоило бы к ним получше присмотреться, но Александр Иванович если уж был чем-то всерьез увлечен, то не очень-то считался с мнением своих более осмотрительных собратьев по перу.

Заслуги А. И. Плитченко как литератора и общественного деятеля позволили ему в 1994 году стать секретарем Правления Союза писателей

РСФСР — честь, которой удостаивались считанные единицы из сонмища братьев-писателей. И это по его инициативе казенную вывеску «Новосибирская писательская организация» сменила другая, от которой веяло теплотой и сердечностью: *Горница новосибирских писателей*. В этих стенах зародился и православно-краеведческий журнал «Горница» (позже «Сибирская горница») — детище А. И. Плитченко и М. Н. Щукина, еще одно богоугодное дело Александра Ивановича. Но он уступил пост главного редактора М. Щукину, за собой же оставил привычную по «Сибогням» должность ответственного секретаря — чтобы руководить из полутени. Родная земля и православие отныне стали для него живительными источниками творчества и поступков.

Позже, когда И. И. Индинок начал свою избирательную кампанию по выборам в губернаторы, А. И. Плитченко возглавил группу поддержки и организовал общественный клуб «Зажги свечу». Члены клуба активно выступали в поддержку своего кандидата, сдружились меж собой, и свеча эта горит неярким, но ровным пламенем и поныне.

Постепенно «Горница» сделалась для Плитченко вторым домом, он проводил здесь все свое время. Отсюда его забрала «скорая» с обширным инфарктом, и сюда ему больше не суждено было вернуться. 8 ноября 1997 года Александра Ивановича Плитченко не стало.

Отпевали раба Божиего Александра в храме Рождества Пресвятой Богородицы, при большом стечении народа. Погребли на Южном кладбище, что в Академгородке, в «аллее академиков».

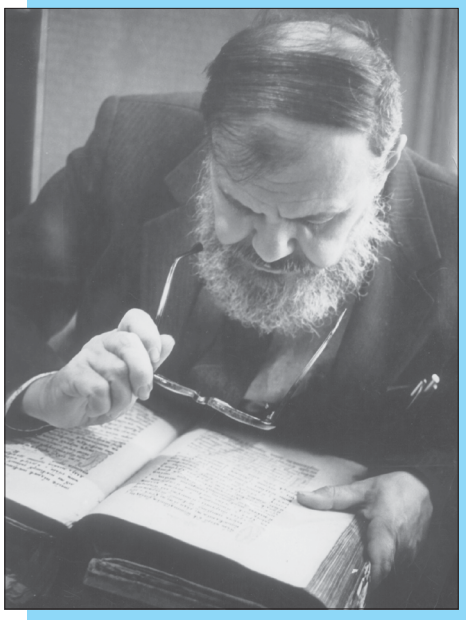
В заключение хочется привести мудрые и пророческие строки, завершающие его краткий автобиографический очерк и датированные 1972 годом. К его личности, к его многогранному творчеству они имеют прямое отношение.

Я понимаю, каждый видит в поэзии свое. Так же по-разному видят березу лесоруб, пейзажист, лесничий, жук-древоточец. Но ведь кроме их точек зрения есть еще и ***сама береза****, и у нее просто нет выбора — стать ли двумя кубометрами дров или качать птичье гнездо на ветках. Просто нет выбора. И пока она жива, она останется березой.*

Поэтической березе Александра Плитченко уготована долгая жизнь. Как и светлой памяти о его деяниях во имя родного города, в котором он жил и для которого столько успел.

Евгений ГОРОДЕЦКИЙ

История не терпит суеты

Имя академика РАН Николая Николаевича Покровского вызывает, как минимум, две емкие ассоциации.

Первая, по определению Дмитрия Сергеевича Лихачева, — «археографическое открытие Сибири». Далее Лихачев пояснял: Новосибирская школа археографов — это явление удивительное в наших гуманитарных науках. Здесь объединены филологи и историки, искусствоведы и музыковеды — объединены «комплексной темой». Это только называется «комплексная тема», а по существу — это многосторонние культурные аспекты изучения целого своеобразного континента, огромной страны, раскинувшейся на территории, равной по площади Европе…

Вторая ассоциация — высокая репутация профессии «историк», изрядно дискредитированной в советское и постсоветское время. И хотя в последнее время академика Покровского чаще называют «источниковед», этот термин менее понятен широкому читателю. В одном из интервью га-

зете «Советская Сибирь» Николай Николаевич говорил: *Моя главная цель и, если хотите, мечта — сделать достоянием науки и открыть для историков все то архивное богатство, которое у нас есть, и по закону должно быть общедоступным.*

С чего начать? История — столь емкое понятие, что довольно часто специалисты на этой ниве трудятся «узкие». Но интересы Николая Николаевича Покровского охватывают такие временные и географические пространства, что простому путнику-любителю, вышедшему полюбоваться на исторический пейзаж Родины, поспеть за этим «гидом-проводником» просто невозможно.

Н. Н. Покровский родился 20 июня 1930 года в Ростове-на-Дону. Его отец, Николай Ильич, был первым деканом исторического факультета Ростовского университета (в 1997-м там торжественно отмечалось 100-летие со дня его рождения). Сын тоже пошел в «историки» — окончил МГУ в 1952 году, аспирантуру при МГУ в 1955-м. Два года, уже кандидатом наук, он проработал на кафедре источниковедения МГУ. Но знаменитая хрущевская «оттепель» оказалась не такой уж мягкой.

— *Еще накануне XX съезда,* — вспоминал Николай Николаевич, — *мы, несколько человек добрых друзей, однокурсников, стали довольно активно обсуждать проблемы нашей экономики, истории XX века, обсуждать просто для себя. Наш курс был очень сильный — из него потом вышли несколько десятков докторов наук, несколько членов академии. У нас преподавали люди, с которыми Сталин спорил об экономических проблемах социализма, так что эти обсуждения бывали очень интересными.*

Видимо, «органам» эти обсуждения тоже показались «интересными» — научную деятельность Н. Н. Покровского и еще нескольких московских ученых насильственно прервали на разные сроки по обвинению в антисоветизме.

С 1964 по 1965 годы Николай Николаевич работал заместителем директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника, а в 1965 году приехал в Сибирь (!). Здесь, как принято говорить, он прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора института по научной работе. Сейчас он — автор более 200 публикаций по проблемам русской истории XVI-XX вв.

В Сибирь Покровский попал, быть может, не совсем по доброй воле (было ясно, что в столице после освобождения полноценно работать ему не дадут), но как истинный ученый он сумел повернуть это обстоятельство, в первую очередь, на пользу науке.

В Новосибирск любимый ученик академика М. Н. Тихомирова привез от своего учителя подарок — коллекцию древнерусских рукописей и книг. И через некоторое время коллекция стала расти: Николай Николаевич возглавил археографические экспедиции института истории СО АН, маршруты которых со временем пролегли через всю Сибирь, Урал, часть Средней Азии, Дальний Восток.

Вот как он сам вспоминает о «начале пути» в «Путешествии за редкими книгами»:

Первый маршрут группы в 1966 году был определен при обстоятельствах особых. Когда летом 1965 года я последний раз посетил уже смертельно больного председателя Археографической комиссии, Михаил Николаевич с традиционной дотошностью расспросил меня о перспективах хранения и использования его уникальной коллекции рукописей в СО АН СССР, о том, как осуществляется договоренность о начале поисковых археографических работ. (…) В последние минуты этой последней нашей встречи Михаил Николаевич порекомендовал мне район поиска. Совсем не тот, что я ожидал. Далекий от прежних маршрутов московских и сибирских археографов. «Район» — очень условный термин в данном случае. Несколько произнесенных Михаилом Николаевичем букв обозначали огромную территорию на юге Сибири, сотни километров горных хребтов, извилистых речных долин. (…) На основании бывших тогда у нас сведений весь этот район смело можно было объявлять полностью бесперспективным для археографической работы: русское население пришло туда очень поздно, в XX веке, никаких известий о наличии там хранителей древней традиции не было. … Но мы рискнули.

Первые шаги наши были не очень еще умелыми, хотя сразу удалось выйти на старинные кержацкие семьи. Мы не сумели тогда завоевать их доверие. … До сих пор не без содрогания вспоминаю все то красноречие, которое мы обрушили на голову бедного Овечкина во время этих бесед, убеждая его продать или променять нам книгу. Наконец он не без колебаний согласился.

С первой находкой в рюкзаке уже веселее шагалось по горным тропам, однако эта первая удача еще долгое время оставалась единственной.

Да, почти сорок лет назад не все верили в успех начатого дела. Однако первые же находки показали, что в Сибири сохранились редчайшие памятники письменности. В июле 1968 года на Алтае удалось найти настоящий клад. Составляющими его «драгоценностями» были *первое издание Соборного Уложения 1649 года, редчайшая Виленская псалтырь 1575 года, выпущенная в свет учеником Ивана Федорова Петром Мстиславцем, и большой рукописный сборник XVI в. — самая ценная рукопись из всех, которые мне посчастливилось найти в Сибири*. Чтобы хозяйка книг отдала хотя бы некоторые из них, ученые целую неделю вели с ней беседы. И только к концу недели она вроде бы поверила, что эти люди искренне интересуются древними книгами.

Одна рукопись стала буквально сенсацией — она содержала материалы суда над Максимом Греком, известнейшим ученым-книжником первой половины XVI столетия. Рукопись оказалась единственным полным списком этих материалов, а ее комментарии, позднее написанные Покровским, перевернули многие представления об общественно-политической борьбе в царствование Василия III. Так, с самого начала в Сибири обозначился основной принцип работы ученого: максимально адекватное издание источников сопровождалось непременным, подробнейшим их исследованием.

За многие годы в ходе археографических экспедиций делались и другие открытия, но главное из них — существование неизвестного ранее феномена

— огромного пласта народной урало-сибирской письменной традиции. Сотни крестьянских сочинений XVIII — XX веков дали исследователям представления о народном сознании того времени.

Эти проблемы на долгие годы стали центральными для круга интересов Покровского. В Новосибирске в 1974 году увидела свет его монография «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.». Кстати, в 70-е годы такие темы не особенно приветствовались, и Покровскому с учениками долгое время приходилось испытывать это на себе. Однако монография опять изменила царившие в среде историков представления. Отныне исследование системы взглядов и убеждений русского крестьянства пошло по новому направлению.

С тех пор издано множество статей и публикаций. Покровский стал одним из авторов итоговых коллективных монографий «Очерки русской литературы Сибири», «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» и т. п. Очерки «Путешествие за редкими книгами» издавались дважды (в 1984 и 1988 годах). Именно эта книжка увлекательно рассказывает об археографических экспедициях самому широкому кругу читателей. Покровский сумел рассказать о том, как шел поиск старых рукописей, о встречах с удивительными людьми, вопреки всему сохранявшими древние книги, об их порой трагических судьбах. И поиск всегда сопровождался исследованиями.

Результат работы Покровского в Сибири — создание школы археографов и источниковедов. Ученики Николая Николаевича работают в Новосибирске, Екатеринбурге, Хабаровске, Санкт-Петербурге…

Как писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в предисловии к «Путешествию за редкими книгами», археографам приходится заниматься всем — от изучения почерков и водяных знаков на бумаге до истории широких общественных движений, переселений масс народа в поисках своеобразного крестьянского рая — Беловодского царства, утопии, которая захватывала мечты тысяч и тысяч. Археографы вступают в контакт со всеми, ибо книга — это и есть все. Она — как бы микрокосмос, отражает большой мир, во всяком случае, все представления человека о мире. И археографы, занимающиеся рукописной книгой, так или иначе сталкиваются со всем миром в представлениях людей, создающих книгу.

Только с первого взгляда археография кажется узкой дисциплиной. На самом же деле нет шире этой науки, и пространства ее соприкосновения с другими науками — самые обширные. На основе работ сибирских археографов уже создана сейчас история раннего этапа сибирской литературы, история сибирского крестьянства, созданы многочисленные описания рукописных книжных богатств Сибири, создана история сибирского летописания, начато издание сибирских летописей.

Во второй половине 80-х, когда была завершена коллективная работа над первым томом истории сибирского крестьянства (Покровский ее координировал), внимание ученого привлек Томск, точнее, «миры» XVII века. Листы

столбцов томского следствия казались безнадежно перепутанными. Н. Н. Покровский тщательно разложил их заново и «подарил» историкам богатейший материал о народном сознании сибиряков того времени: каким виделся идеал государя, что знали люди о собственных правах и смысле государственного управления Сибирью, как строили взаимоотношения с центральной властью.

90-е годы переключили внимание ученого на XX век. Как любит подчеркивать сам Николай Николаевич, его увлечение новейшей историей началось еще на заре научной деятельности:

— К концу аспирантуры, году в 54-м, один из моих руководителей предложил мне сделать справочник по мемуарной литературе, по воспоминаниям деятелей XX века, которые только выходили из спецхрана. И я выпустил такой справочник (к нему подключился еще один мой коллега). Правда, когда он увидел свет, я уже был вне поля зрения, и он вышел без моего имени. Тем не менее, именно с истории XX века я начал научную деятельность.

За радужные надежды молодости пришлось тяжело расплатиться. Но, как только началось рассекречивание закрытых источников по советскому периоду, как только появилась возможность пользоваться материалами так называемого Архива Президента России, Покровский вернулся к «своему» веку.

Ему, одному из первых, удалось поработать со сравнительно небольшим, но очень ценным архивом — фондом Политбюро. Тогда и возникла идея начать систематическое издание главных документов, без которых историю нашей страны понять невозможно. Стенограммы заседаний Политбюро велись далеко не всегда, и их дошло очень мало. Дошли протоколы. И к ним, как их стали называть, тематические дела — то есть документы, подобранные на эту тему. Эти тематические дела вместе с протоколами дают чрезвычайно много.

Когда вдруг открылась совершенно новая история нашей страны, в обществе возникло недоверие к историкам этого общества. Ведь все оказалось иначе… Недоверие понятно и объяснимо — историков стали обвинять в лакировке действительности (до этого их обвиняли в очернительстве). Отчасти поэтому исследователи и решили главные документы печатать целиком, без пропусков. Так родилась серия под названием «Архивы Кремля».

Авторы попытались возродить строгое отношение к документу. Для начала Покровский выбрал четыре тематических дела Политбюро, которые замыкали собой одну конкретную тему — выработку отношения главного штаба Компартии к церкви и вообще религии. Это план Ленина и Троцкого начала 1922-го года по быстрому разгрому церкви, ее расколу… Частично это удалось — возникла обновленческая церковь, которую активно поддерживала Лубянка.

Эти документы производили шоковое впечатление даже на видавших виды историков. Четыре года работы! Результат — два тома (вышедших в свет в 1997 и 1998 годах), 70 печатных листов. Вместе с молодым соавтором С. Петровым подготовлено настоящее исследование: обобщение материалов, коммен-

тарий, детальный анализ черновиков и копий документов, пометок на них (дат, почерков, подписей и т. д.). Ученым удалось главное — выяснить истинных авторов и вдохновителей новой церковной политики, мотивы и механизмы ее осуществления.

В каждом листе каждого документа нет ни одной буквы купюр или пропусков. Источниковеды публиковали четкие и ясные инструкции Троцкого о том, как организовать под видом изъятия церковных ценностей в пользу голодающих фактический разгром церкви. Опубликовали его же инструкции о том, что, сдирая с икон богатые ризы (практически грабя веками накопленные художественные ценности), проводящие эту операцию должны снимать шапки, ни в коем случае не плевать и так далее. Опубликованы и все цифровые данные об итогах кампании. Оказалось, что в казну собрали то ли сотую, то ли тысячную часть того, что ожидали. Основное разграбили. Вместо нескольких миллиардов золотых рублей собрали 4,6 миллиона. Из них на миллион было куплено продуктов голодающим, основная же часть ушла на организацию самой кампании… Все это вошло в первый том.

Во второй том вошли другие документы из других архивов, других фондов: Совета народных комиссаров, ВЦИК, Лубянки и так далее. Здесь исследователи уже выбирали такие источники, которые могли бы помочь понять первый том. Они пытались показать все возможные направления акции. Есть весьма обширные документы: например, несколько информационных сводок о ходе кампании на местах. Подобные сводки были, кстати, ежедневными, ежемесячными, полугодовыми и так далее. Такая информация есть и по Сибири, и даже по Новониколаевску. Как, например, обновленцы захватывали собор Александра Невского… Здесь же представлена инструкция ГПУ, как организовать обновленческую церковь. Давным-давно в России знали, что эта церковь была организована Лубянкой, но вот как — не знали. А тут, пожалуйста, — очень четкие политические директивы Троцкого, где он прямо говорит, что сегодня новая церковь нам поможет разгромить тихоновцев, а завтра мы разгромим их самих…

После колоссальной работы Николаю Николаевичу неоднократно приходилось выступать с докладами и статьями перед разными аудиториями, разъясняя методы анализа источников. Ему не раз приходилось наглядно иллюстрировать, к какому количеству ошибок приводят небрежность и невнимание к ним. Десятки скорых изданий рассекреченных материалов XX века это наглядно показали.

В советских архивах многократно проводили чистки, но подавляющее большинство самых острых документов при этом не уничтожали. Сталин не уничтожил даже так называемое завещание Ленина с весьма нелестной собственной характеристикой. Он убрал его в особый сейф, но не уничтожил. Многие документы перепрятывали в другие места. Подлинники заменяли копиями. Даже в архиве Политбюро — огромное количество копий. Частично это можно объяснить тем, что все, например, ленинские документы собирали

в одном месте, и если в архиве Политбюро встречался документ, подписанный рукой Ленина, его заменяли копией. Было несколько архивных волн — чисток. Именно поэтому так трудно работать с источниками советского времени.

Но именно поэтому они наиболее интересны. Черновые протоколы заседаний Политбюро, например, «непричесанные», они хорошо демонстрируют борьбу мнений. По почерку видно, что пишет Троцкий и как ему возражает, положим, Молотов. На беловых же протоколах все уже сглажено.

К счастью, «учителя» Николая Николаевича Покровского, крупнейшие историки начала и середины века, которые под напором политических обстоятельств занялись средневековьем, сумели разработать для медиевистики (наука по средним векам) четкие, хорошо продуманные методики использования источников. Их можно применять и к источникам современным.

Есть для историков сейчас и еще один плюс. В первые годы перестройки многие документы копировались иностранцами, и совершенно засекретить все заново невозможно. Николай Николаевич принимал активное участие в проекте Гуверовского института и старался способствовать большому проекту микрофильмирования огромного массива наших документов. Было сделано восемь миллионов кадров в Центральных архивах, и один миллион, по условиям, находится в Новосибирске. Так что историкам теперь есть над чем работать. Когда документ опубликован, открыт, гораздо труднее допустить откат назад в чьих-либо политических интересах. История без документов легковесна, тенденциозна. Без них гуманитарии превращаются только в служителей власти.

Как говорит сам ученый, для тоталитарной системы отсутствие контроля над своим прошлым смерти подобно. Тоталитарное общество обязательно будет выстраивать свое прошлое, свою легенду по определенной системе. Н. Эйдельман даже проводил исследование, сколько же лет история в России засекречена, истинная история, та, которой боится власть. Получилось, что почти 100 лет. Потом стало немножко поменьше — около 70. Конечно, определенная тенденциозность была всегда — еще при Иване Грозном историю старались представить удобным для царя образом. Но все же соблюдались рамки. Масштабы фальсификации истории в XX веке стали побольше.

Первый труд из серии «Архивы Кремля» был завершен, но на очереди встала работа, подводящая итог 35 годам напряженной археографической деятельности — издание памятников духовной литературы староверов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Возглавив научный коллектив, Покровский сам подготовил и откомментировал более 10 печатных листов сочинений XVIII-XX веков. Родословия, нормативные материалы старообрядческих соборов, поучения, богословская полемика, художественное творчество — вот неполный итог того археографического открытия Сибири, которое началось в 1965 году. («Духовная литература староверов востока России» увидела свет в 1999 году).

Казалось бы, что такое история? Дела давно минувших дней… Это просто интересно, не более того… Оказывается, истории по-настоящему можно

бояться. В 2000 году Николай Николаевич издал монографию своего отца Николая Ильича, посвященную народно-освободительной борьбе народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Эта работа с 1935 (!) года скиталась по издательствам — ее неоднократно брали к выпуску, но в последний момент так и не решались издать. Слишком «неудобными» оказывались исследования. Когда исторический труд настоящий, он не работает на злобу дня, не служит существующему режиму. И это кажется опасным.

Покровский убежден:

— Когда наступил перелом, многие историки попытались сразу же на него отреагировать. И наметились два тупиковых, как я убежден, направления. Одно состоит в том, чтобы на старой, то есть крайне ограниченной, источниковой базе быстренько опубликовать свою работу и попытаться переписать историю, просто поменяв знаки.

Столь же бесперспективно и второе направление — подретушировать старое с помощью модных терминов. Тем более, что историки КПСС оставили много заготовок, и некоторым они дают возможность быстренько защититься, как-то заявить о себе. Но общеизвестно: в науке подлинно новые теории и обобщения появляются только на новом материале большого массива источников. И сейчас успех историков как раз зависит от этого — освоения огромного нового массива архивных документов, которые стали доступными.

Можно написать еще много слов о важности исторического сознания, о необходимости учиться на собственных ошибках, об осознании уроков прошлого — все это важно и нужно стране, нации, народу… Не дело историка говорить нам эти слова. Его дело — оставить максимально верную историю. А уж извлекать уроки придется самостоятельно. Было бы из чего!

И напоследок один маленький, теперь тоже «исторический» факт. В мае 2002 года Николаю Николаевичу Покровскому Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II вручил орден русской православной церкви во имя святителя Макария, митрополита Московского «За духовное просвещение»…

Татьяна АФАНАСЬЕВА

Высокая судьба

Александр Иванович Покрышкин, начавший Великую Отечественную войну рядовым летчиком, сыграл огромную роль в разгроме люфтваффе. Он стал не только прекрасным воздушным бойцом (59 засчитанных личных побед), но и разработчиком новой тактики советской истребительной авиации. Он шел в атаку восьмью истребителями против 91 самолета противника, четырьмя — против 50, тремя — против 23, в одиночку — против восьми и не знал поражений. О его тактике ведения боя докладывали Герингу, за ним фашисты устраивали настоящую охоту — безрезультатно.

Легендарный ас, маршал авиации Александр Иванович Покрышкин стал единственным трижды Героем Советского Союза, поучившим все три Золотые Звезды во время войны.

В книге «Познать себя в бою» А. И. Покрышкин писал:

…двенадцатилетним мальчишкой я впервые увидел прилетевший агитсамолет. Среди всех жителей города, сбежавшихся на поле военного городка и окруживших самолет, стоял и я… Потрогал его крылья и мысленно сказал себе: «Буду делать все, но стану только летчиком».

Чтобы эта мечта сбылась, потребовались воля и целеустремленность, которых у Покрышкина было с избытком. Позже Александр Иванович говорил, что верит в судьбу, что она его бережет, но прежде ему несколько раз приходилось ее переламывать, брать, что называется, в свои руки.

Александр Покрышкин родился 6 марта 1913 года в городе Новониколаевске. Отец — Покрышкин Иван Петрович (1885-1934), переселенец из крестьян Вятской губернии, рабочий. Мать — Покрышкина (Мосунова) Ксения Степановна (1885-1969). Детство и юность будущего аса прошли в бедной многодетной семье на рабочей окраине в Закаменке, славившейся лихими парнями. Александр выделялся среди них интересом к технике, не случайно его звали «Сашка-инженер».

В 1928 году Покрышкин успешно окончил семилетку. Некоторое время подрабатывал кровельщиком, а весной 1930 года, вопреки воле отца, желавшего, чтобы сын выучился на счетовода, поступил в школу ФЗУ «Сибкомбайнстроя» и ушел из дома в общежитие. Окончив ФЗУ, Александр до июля 1932 года работал слесарем-инструментальщиком, затем добровольно пошел служить в РККА. По комсомольской путевке его направили в Пермь, в авиационную школу. До заветной цели — один шаг, но неожиданно выяснилось, что летное отделение в школе отменено. Осуществление мечты пришлось отложить.

Александр написал 44 рапорта о переводе в летное училище. Ответ был всегда краток: авиации нужен и технический состав.

Несмотря на неудачи, девиз Покрышкина: «Знать все в авиации». В 1933 году Александр окончил 3-ю Пермскую военную школу авиационных техников и стал первоклассным авиаспециалистом. С декабря 1934 по ноябрь 1938 года А. И. Покрышкин — старший авиатехник звена в 74-й стрелковой дивизии в Краснодаре. Александр преподает в аэроклубе Осоавиахима, ведет кружок планеристов во время летних сборов. По собственным чертежам он строит тренажер для тренировки летчиков и планер.

После неудачной атаки кадровиков «в лоб» Александр предпринимает обходной маневр: он оформляет очередной отпуск и за 17 дней на «отлично» сдает годичную программу летной подготовки аэроклуба. Сопротивление отдела кадров ВВС наконец-то сломлено, Покрышкин по направлению выезжает в Краснознаменную Качинскую авиашколу пилотов имени А. Ф. Мясникова.

В 1939 году старший лейтенант А. И. Покрышкин окончил авиашколу с отличием и был направлен в Кировоград, в 55-й истребительный авиаполк, где и началась его летная биография. Здесь Покрышкин учился метко стрелять, энергично маневрировать, переносить высокие перегрузки. При этом он по-

стоянно нарушал инструкции, введенные еще во время войны в Испании и на Халкин-Голе. Не все командиры относились к этому спокойно, в некоторых случаях его самоуправство приводило к конфликтам, но, как писал сам Александр Иванович, *недаром говорят, что сибиряки народ упрямый. Несмотря ни на что, твердо придерживался своей линии.*

Войну Покрышкин встретил в Молдавии и уже 23 июня открыл личный счет — сбил первый Ме-109. Но вскоре — 3 июля — он сам был подбит зенитным огнем над рекой Прут. Самолет после приземления на опушке леса оказался поврежден. Летчику, несмотря на травму ноги, удалось на четвертый день добраться до расположения полка. Покрышкин понял, что для победы одной храбрости мало, и здесь, в медсанчасти, он начал вести альбом «Тактика истребителей в бою», в котором разрабатывал новые тактические приемы воздушного боя (Сейчас альбом хранится в Центральном музее Вооруженных Сил).

Часто Александр Иванович повторял: «Кто в 1941-1942 годах не воевал, тот войны по-настоящему не видел». Отступление начала войны, часто без управления и связи, страшное переутомление после шести-семидневных боевых вылетов, штурмовки на истребителях, лишенных брони, которые сами летчики называли «пляской смерти», — нелегко было все это вынести. 5 октября 1941 года в районе Запорожья Покрышкина сбили второй раз. Во главе группы солдат он несколько дней с боями выходил из окружения.

Позже Александр Иванович признавался в том, что особенно в первую военную зиму возникало чувство обреченности, ведь приходилось в одиночку летать на разведку, подчас даже без радиосвязи. А в конце 1941 года это была его основная боевая работа, и выполнял он ее самоотверженно. В ноябре того же года в условиях, когда нижняя кромка облаков опускалась до 30 метров, на бреющем полете Покрышкин в одиночку (перед ним с тем же заданием вылетали два истребителя И-16 и не вернулись) нашел в районе Ростова-на-Дону основную группировку танковой армии генерала фон Клейста — более 200 машин. Благодаря своевременным разведданным, фашистов удалось выбить из города, а Александр Иванович за этот подвиг награжден орденом Ленина.

Не раз техники на аэродроме бывали поражены, рассматривая пробоины в «МИГе» Покрышкина. В одном из боев пуля, ударив в правый борт кабины, задела плечевые лямки парашюта и от левого борта снова ушла направо, оцарапав летчику подбородок и забрызгав кровью лобовое стекло. Однажды пуля разбила плексиглас козырька кабины и попала точно в лампочку коллиматорного прицела; отклонись она на пару сантиметров в любую сторону, и Покрышкина убило бы. Эти случаи, а их было не менее десяти, *«заставили поверить в судьбу. Никогда не буду прятаться от врага и останусь жив. Этому следовал всегда»*, — писал Александр Иванович в своих мемуарах.

Из состава полка 1941 года к концу войны в строю остались всего трое: Павел Крюков, Валентин Фигичев и Александр Покрышкин. Дорогую цену приходилось платить за победу над врагом.

После тяжелых боев в предгорьях Кавказа в августе 1942 года полк, ставший уже 16-м гвардейским, был отведен в тыл для переучивания на новую технику — американские истребители Р-39 «аэрокобра», поставленные в Советский Союз по «ленд-лизу». И именно здесь, в тылу, Покрышкина поджидала опасность. Прямой, независимый характер Покрышкина часто приводил к конфликтам с командиром полка. На заслуженного уже летчика (были поданы документы на представление Александра Ивановича к званию Героя Советского Союза) за нарушение устаревших летных инструкций завели «дело». Его вычеркнули из списков полка, отстранили от командования эскадрильей и вообще от полетов, перевели в запасной полк. Затем отозвали документы на звание Героя Советского Союза (у Покрышкина в тот момент уже было 12 засчитанных побед, бумаги еще на 15 сгорели), потом исключили из партии. За «дело» с рвением взялся и начальник особого отдела полка…

Александр Иванович, человек гордый, очень страдал от незаслуженных обид. Много позже он признался жене: то, что у него тогда отобрали пистолет — к счастью. Тем не менее Покрышкин, пережив тяжелые минуты, заставлял себя работать, вновь принимался за «Тактику истребителей в бою». Почему? «Я уверен в правоте своего дела, — говорил тогда Покрышкин, — и если судьбе не будет угодно дать мне самому воспользоваться этими разработками, — они пригодятся друзьям-летчикам!..» А ведь в борьбе за новую тактику истребительной авиации Покрышкин вполне мог погибнуть на земле, с отметкой в деле: «Расстрелян во внесудебном порядке»!

Спас Покрышкина новый командир дивизии генерал Шевченко, который знал Александра Ивановича как боевого, думающего летчика. Он же предложил ему должность заместителя командира полка, но Покрышкин от повышения отказался и остался командиром первой эскадрильи в родном 16-м полку. С этим подразделением, обученном по разработанной им тактике, Александр Иванович в апреле 1943 года вернулся на фронт.

Вскоре здесь началась самая крупная и жестокая воздушная битва второй мировой войны — сражение в небе Кубани. Чтобы удержать стратегически важный Таманский плацдарм, немецкое командование сосредоточило здесь 1200 самолетов, что составляло более трети сил люфтваффе на Восточном фронте. Прибыли сюда и элитные истребительные эскадры: «Удет», «Мельдерс» и «Зеленое сердце». Но именно здесь фашисты понесли невосполнимые потери, которые уже не позволяли им чувствовать себя хозяевами неба.

Погода установилась хорошая, и каждый день над линией немецкой обороны происходило до 50 групповых воздушных боев с одновременным участием до 200 самолетов. По воспоминаниям очевидцев, шла «настоящая рубка».

Особенную славу стяжал 16-й гвардейский полк, первой эскадрильей которого командовал Александр Покрышкин. 12 апреля в одном из первых своих боев в небе Кубани он на глазах у командующего ВВС фронта генерал-лейтенанта К. А. Вершинина сбил четыре «мессершмитта». За этот успех летчик-новатор награжден орденом Красного Знамени.

Через несколько недель имя Покрышкина уже гремело во фронтовой и центральной прессе. Более того, как сообщает вышедшая в Германии книга по истории воздушных войн, «советские летчики, воевавшие на Кубани, завоевали мировую известность. Во главе их стоял Александр Покрышкин». А американские газеты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибьюн» отмечали вручение советскому асу Золотой медали, высокой боевой награды США». Президент США Франклин Рузвельт назвал его лучшим летчиком второй мировой войны. А 24 мая 1943 года Покрышкину присвоено звание Героя Советского Союза.

Легендарным стал бой 29 апреля 1943 года. Тогда восьмерка ведомых Покрышкиным «аэрокобр» рассеяла и повернула назад три эшелона Ю-87 (81 самолет), которых прикрывали десять Ме-109. Истребителей противника сковала двойка Аркадия Федорова (впоследствии — Героя Советского Союза), шестерка остальных четырьмя «соколиными ударами» в крутом пикировании сквозь мощный огневой заслон расстреляла 12 «юнкерсов» (четыре из них, включая двух ведущих, сбил Покрышкин). Возвращаясь на аэродром, он уничтожил пятый бомбардировщик!

Все огневые точки на машине Покрышкина были переведены на одну гашетку, он стал инициатором стрельбы с предельно короткой дистанции: «Пусть слабаки стреляют на двести метров, а я буду стрелять на сто и меньше!»

Покрышкин, не задумываясь, атаковал многократно превосходящие силы противника и всегда добивался победы. В каждом бою он брал на себя самую опасную роль — атаку ведущего фашистских авиагрупп. Эта тактика сложилась еще в начале войны, когда при подавляющем численном превосходстве гитлеровцев победа над командиром-асом оказывалась единственным способом переломить ход боя, она сразу лишала врага управления и уверенности.

Новые тактические приемы и способы воздушной борьбы зарождались в жестоких схватках с опытным врагом. Ошибка, малейший просчет или неточность могли многим нашим летчикам стоить крови, а то и жизни. В мемуарах А. И. Покрышкина наглядно показано, как тщательно выверял он все детали будущего маневра, как скрупулезно, по долям секунды, рассчитывал действия летчика. Ни разу Александр Иванович не предлагал однополчанам новый тактический прием, невыверенный до конца, неиспытанный «на себе».

Разработанные Покрышкиным тактические приемы ведения воздушного боя стали основой действий его полка. После впечатляющих успехов подразделения новая тактика была по достоинству оценена. Генерал К. А. Вершинин впервые в ходе войны созвал конференцию летчиков-асов, где выступил Покрышкин. Основой тактики всей истребительной авиации стала его «формула грозы»: «высота — скорость — маневр — огонь!», «кубанская этажерка», «соколиный удар», новый метод патрулирования на больших скоростях по принципу движения маятника часов и другие тактические новшества. Именно

они обеспечили в дальнейшем превосходство советской авиации над врагом. «Подвиг требует мысли, мастерства и риска» — таким было кредо легендарного летчика. Александр Иванович создал собственную систему подготовки асов. О педагогическом мастерстве Покрышкина говорит тот факт, что 30 летчиков, которые прошли его школу, впоследствии стали Героями Советского Союза, а шестеро из них удостоены Золотой Звезды дважды. На их счету более 500 сбитых самолетов врага!

Особое значение придавал Александр Иванович боевой дружбе и слетанности в эскадрильях. Не раз оставлял Покрышкин уже пойманный в прицел немецкий самолет ради спасения своего летчика. До конца своих дней он больше всего гордился тем, что по его вине не погиб ни один из тех, кого он водил в бой. Он никогда не брал в бой новичков, сам учил их. А еще, как писал Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Г. У. Дольников в книге «Покрышкин в воздухе и на земле», «…Покрышкин щедро делился победами со своими подчиненными. Была на фронте такая форма поддержки молодых летчиков…» А когда боевые товарищи попадали в беду, Александр Иванович не боялся вступиться за них перед всемогущим ведомством Берии. Так было и с Григорием Дольниковым, и с Иваном Бабаком (Герой Советского Союза, 37 личных побед, командир полка), который был сбит в самом конце войны и попал в плен, а затем в лагерь для интернированных лиц. Его судьба послужила основой для фильма Г. Чухрая «Чистое небо»…

В боях над Донбассом А. И. Покрышкин увеличил счет сбитых немецких самолетов. 23 августа в районе реки Миус он во главе четверки атаковал три девятки Ю-87, прикрытых истребителями. Сбил два «юнкерса», но в схватке с «мессершмиттами» сам едва не погиб. Спас командира его ведомый Голубев, который подставил свой самолет под огонь врага. Покинувшему с парашютом горящую машину Голубеву удалось приземлиться на нейтральной полосе и вернуться в полк. Старший лейтенант Георгий Гордеевич Голубев, постоянный ведомый А. И. Покрышкина, завершил войну Героем Советского Союза.

24 августа 1943 года Покрышкину вторично присвоено звание Героя Советского Союза.

Одним из памятных для Покрышкина и его однополчан стал бой с группой Ю-88 21 сентября 1943 года в районе Большого Токмака (Запорожская область). Вот как он написал о схватке, которая также могла стать последней в его судьбе:

Вхожу в строй бомбардировщиков. В прицеле ведущий. Очередь — и передо мной возникает огромный круг огня. Оторванное крыло взорвавшегося Ю-88 бьет рядом идущий бомбардировщик и проносится мимо меня с медленно вращающимся винтом мотора. Какое-то мгновение, не успев среагировать рулями, пронизываю центр огненного шара и оказываюсь в строю бомбардировщиков. Правее меня, отставая, горел Ю-88, поврежденный взрывом ведущего. Ошеломленный неожиданным взрывом, я какие-то секунды соображал, что делать. В панике высыпая бомбы, «юнкерсы» начали разворачиваться в обратную сторо-

ну. Бросаю самолет на ближайший справа. Он с разворотом входит в пикирование. Очередь по правому крылу — и из него потянулись струйки дыма. Но бомбардировщик с углом пикирования градусов сорок тянет к линии обороны. Переношу прицел на левый мотор и даю в упор очередь. Из мотора и центроплана хлынула полоса черного дыма с огнем, Ю-88 падает и врезается в крутой берег реки Молочной.

В ноябре того же 1943 года Покрышкин в трех вылетах на особо любимую им «свободную охоту» сбил над Черным морем на воздушных коммуникациях противника между Крымом и Одессой четыре транспортных Ю-52 и сам чуть не погиб от столкновения с хвостом поверженного истребителя. Узнавший об этом случае командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант Т. Т. Хрюкин запретил Покрышкину полеты над морем, о чем тот очень сожалел…

В феврале 1944 года прославленному асу командование предложило генеральскую должность — начальника отдела боевой подготовки истребительной авиации ВВС. Александр Иванович без раздумий отказался от повышения и вернулся на фронт. В марте 1944 года Покрышкин назначен командиром 16-го гвардейского истребительного авиаполка (4-й Украинский фронт). А уже в июле ему присвоено звание полковника, и он становится командиром 9-й гвардейской истребительной авиадивизии.

А. И. Покрышкин остался летающим комдивом. Так, 14 июля 1944 года он, после ранения в бою командира одного из своих полков Героя Советского Союза Б. Б. Глинки, повел ударную восьмерку истребителей, атаковал группу Ю-87 и Хш-129, насчитывающую около 50 самолетов, и одержал три личные победы.

Были случаи, когда на «аэрокобре» Покрышкина вылетал кто-то из его друзей-летчиков, но найти противника им было трудно, пилоты люфтваффе уходили от боя. Избегали фашисты драться и со всей 9-й гвардейской авиадивизией.

19 августа 1944 года за 550 боевых вылетов и 53 сбитых самолета Александру Ивановичу в третий раз присваивается звание Героя Советского Союза. Покрышкин стал первым и оставался единственным трижды Героем до дня Победы над Германией.

Официально за Александром Ивановичем числятся более 650 боевых вылетов и 59 лично сбитых самолетов. Как писал Герой Советского Союза Г. У. Дольников, «личный счет Покрышкина, с учетом незасчитанных сбитых, был, думаю, не менее 100. А ведь в 1944 — 1945 годах, когда мы господствовали в воздухе, ему, командиру дивизии, летать запрещали».

В последний год войны Покрышкин показал себя выдающимся командиром дивизии. Командующий 1-м Украинским фронтом маршал Советского Союза И. С. Конев писал о Покрышкине:

Александр Иванович владел не только высочайшим личным искусством воздушного боя, не только превосходно руководил этими боями в воздухе, выби-

рая каждый раз наиболее выгодные боевые порядки и уничтожая максимальное количество вражеских самолетов, но умел еще на земле наилучшим образом подготовить летный состав к действиям в воздухе, быстрее и точнее всех перебазироваться, лучше всех организовать аэродромную службу… Именно он первым начал взлетать с германских автострад, используя их как аэродромы. Покрышкин — гордость нашей авиации. Александра Ивановича высоко ценили Жуков, Рокоссовский, Говоров, Баграмян, Бирюзов, Вершинин.

И. Н. Кожедуб, трижды Герой Советского Союза, говорил, что считает себя учеником Покрышкина, у которого учился воевать и жить, быть человеком.

Уже в 1943 году летный почерк А. И. Покрышкина стал известен командованию люфтваффе. Немецкие наблюдатели на земле и в воздухе предупреждали своих пилотов: «Внимание! Внимание! В небе Покрышкин!» Это паническое предостережение служило и высшей аттестацией нашему асу. Правда, сам Александр Иванович в своих книгах и многочисленных статьях ни разу не отозвался об этом факте, ни разу не привел фразу, которая очень часто выносилась в заголовки газетных материалов. Почему? На вопрос одного из журналистов он ответил просто: «Я никогда не работал по радио на диапазоне противника. Я этого не слышал».

Поздравляя Александра Ивановича с присвоением звания трижды Героя Советского Союза, командир корпуса А. В. Утин сказал ему: «Рад за тебя, Саша! Ты по праву заслужил это звание и носи его с гордостью. Но запомни мои слова: твои три Звезды — это твой терновый венец, который очень больно будет колоть тебя всю жизнь…» Слова эти оказались пророческими.

После войны Покрышкин отказался служить в штабе Василия Сталина, командующего ВВС Московского военного округа, где многие делали легкую карьеру. Лишь в августе 1953 года Александру Ивановичу присвоили первое генеральское звание. В 1949-1955 годах он служил заместителем командира 33-го истребительного авиакорпуса ПВО, командиром 88-го истребительно-авиационного корпуса ПВО. Затем год командовал истребительной авиацией Северокавказской армии ПВО. С 1959 по 1968 год служил в Киеве, с 1961 года — командующим 8-й отдельной армией ПВО — заместителем командующего войсками Киевского военного округа. В 1968 году Александр Иванович переведен в Москву заместителем главкома ПВО страны.

Все соединения, которыми командовал Покрышкин, становились лучшими, но высшие посты в авиации занимали другие.

В 1972 году, в возрасте 59 лет, боевого генерала, до 1963 года летавшего на новейших реактивных истребителях (последний — МиГ-17), с отличием окончившего Военную академию имени Фрунзе (1948) и Военную академию Генштаба (1957), кандидата военных наук назначают на пост председателя ЦК ДОСААФ. И уже после этого, в том же 1972 году, ему присвоено звание маршала авиации.

Возглавив оборонное общество (должность, которая являлась, конечно, почетной ссылкой), А. И. Покрышкин почти десять лет находился на этом

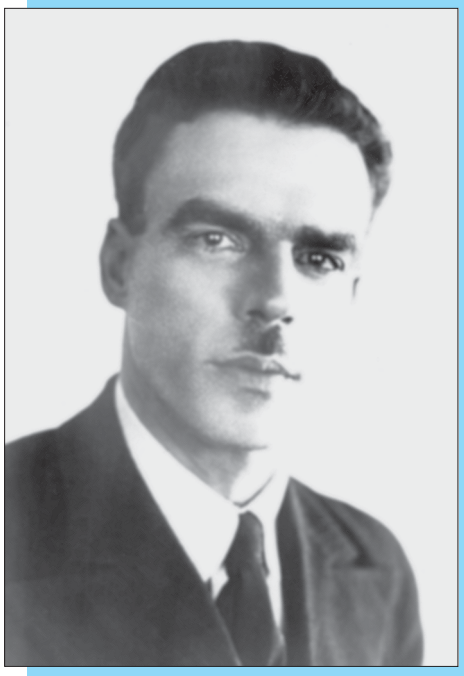
посту и сыграл особую роль в истории ДОСААФ. Но когда после тяжелой операции врачи разрешили ему работать не более двух-трех часов, он написал рапорт с просьбой об освобождении от должности. Его уговаривали остаться, но Покрышкин ответил: «Нет. Я не хочу, чтобы мне в спину смотрели люди, когда я буду уезжать домой до конца рабочего дня…»

С такой же ответственностью занимался А. И. Покрышкин и депутатской деятельностью. С 1946 по 1984 год он — депутат Верховного Совета СССР, в 1978-1984 годах — член Президиума Верховного Совета СССР. С 1981 года А. И. Покрышкин — в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны.

Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова II степени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, 11 иностранными орденами, многими медалями.

Умер А. И. Покрышкин 13 ноября 1985 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Одна из улиц Юго-Запада столицы носит его имя. В 1993 году получила название «Покрышкин» малая планета. В Новосибирске открыта станция метро его имени, на Красном проспекте установлен бронзовый бюст трижды героя. На западе России, в Калининградской области, несет боевое дежурство родной для легендарного летчика гвардейский истребительный ордена Александра Невского авиаполк имени маршала Александра Покрышкина.

Григорий КРОНИХ

Строитель Оперного

В древней Руси его назвали бы розмыслом. Так толковалось понятие «инженер», мастер, умеющий храм соорудить, возвести вокруг города укрепление, придумать для ремесленников удобный инвентарь.

В конце 20-х годов в Новосибирске родилась идея создания многофункционального здания под названием Дом науки и культуры (ДНиК). 8 июля 1928 года при Сибкрайсполкоме создан комитет содействия строительству ДНиК (Комсод). Все, что связано со строительством этого объекта, уникально. Уникальны и судьбы людей, строивших его. Почти все действующие лица этой эпопеи ушли в мир иной, а часть из них преждевременно и насильственным путем. Среди них Сергей Александрович Полыгалин, первый руководитель и главный инженер строительства Большого театра Сибири.

9 апреля 1931 года Комсод принимает решение:

ввиду крайне ответственной конструкции здания театра, ее сложности, новизны, колоссальности размеров закрепить инженера Полыгалина С. А. исключительно на постройке театра, освободив его от других объектов…

По оценке современников, Полыгалин был молодой, энергичный инженер с глубокими теоретическими знаниями. Он уже имел опыт возведения крупных железобетонных сооружений, относительно новых для Сибири.

Родился Сергей Полыгалин 6 (19) ноября 1899 года в селе Городец Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Отец его, Александр Иванович, был приказчиком, мать, Надежда Ивановна, — домохозяйкой. В 1911 году Сережа с отличием окончил Елабужское приходское начальное народное училище Вятской губернии, а в 1917 году там же реальное училище (в семье хранятся похвальные листы, полученные им за третий, четвертый и пятый классы). В 1918 году он проходит дополнительный класс, где изучает 14 предметов, в том числе, немецкий и французский языки, математику, аналитическую геометрию, космографию, законоведение и другие.

На «отлично» сдав экзамены, юноша получает право поступать в высшее учебное заведение. Он избирает инженерно-строительный факультет Томского технологического института. Учеба его увлекает, он много и упорно занимается, и его зачисляют на госстипендию. Особое усердие Полыгалин проявляет в работе над проектами: «По статике сооружений», «По железобетону», «По гидротехнике» (водоснабжению). В ноябре 1924 году после окончания института получает направление в Новониколаевск.

7 января 1925 года он назначается на должность техника водопроводной комиссии при Новониколаевском отделе местного хозяйства по изысканию и составлению проекта городского водопровода (его строительство осуществлялось в 1927-1929 гг.). С 20 мая 1926 года Полыгалин приглашается в Сибкрайземуправление в состав технического надзора по постройке сельхозтехникума в Закаменском районе.

Во второй половине того же года он переводится в строительный трест «Окргосстрой» (переименованный впоследствии в «Сибкоммунстрой»), где ведет строительство кирпичного завода □ 3 и является руководителем работ по надстройке третьего этажа типографии «Советская Сибирь».

Уже тогда он заявил о себе как высококвалифицированный специалист с незаурядными организаторскими способностями. Его профессиональное пристрастие к большим стройкам во многом определилось темой его дипломной работы.

В 1927 году Полыгалин участвует в строительстве «Доходного дома» (Центральной гостиницы) и руководит работой по сооружению поликлиники □ 1. Сдана она была в эксплуатацию 31 декабря 1929 года.

В 1930 года «Сибкоммунстрой» влился во вновь организованный строительный трест «Запсибстройобъединение». С. А. Полыгалин назначается на-

чальником 7-го строительного участка и ответственным за подготовку работ на постройке Дома науки и культуры.

31 марта 1931 года Комсод командирует его в Москву. 15 мая 1931 года научно-технический совет Наркомпроса РСФСР утвердил эскизный проект театра, разработанный московским архитектором А. З. Гринбергом по технологии и архитектурным эскизам художника-конструктора Большого театра СССР, профессора М. И. Курилко и архитектора Т. Я. Бардта (с начала 30-х годов жил и работал в Новосибирске).

22 мая 1931 года в торжественной обстановке началось возведение театра. 12 августа 1931 года президиум Западно-Сибирского исполкома принимает постановление об организации самостоятельной строительной конторы при Западно-Сибирском краевом исполкоме (ЗСКИК) для проведения работы по постройке Дома науки и культуры.

С. А. Полыгалина назначают старшим производителем работ. 14 декабря 1931 года Комсод командирует его в Москву для наиболее полного ознакомления с проектной документацией, конструкциями театра, с его механизацией и т. д.

В январе 1932 года Полыгалин выезжает в Ростов-на-Дону, где уже шло строительство нового большого театра. Его интересовало, как у ростовчан решаются проблемы акустики, видимости, устройства противопожарного занавеса, отделения сцены от карманов несгораемыми перегородками-занавесями при установке декораций для защиты от шума зрительного зала и т. д.

В марте 1932 года Сергей Александрович участвует в работе экспертизы по конструкциям театра. Столица одобрила проект. В Новосибирск он возвращается с большим пакетом рабочих чертежей.

30 октября 1932 года газета «Вечерняя Москва» в статье «Больше Большого» писала: «… авторы Новосибирского театра сделали ровно столько, сколько нужно и возможно на данном отрезке времени, не больше, не меньше!.. Курилко и Бардт — люди творчески смелые и энергичные. Они не боятся поворачивать под новым углом зрения старые достижения, собирать их вместе, творчески перерабатывать и создавать на этой основе новые, неожиданные комбинации».

С 1 декабря 1932 года по постановлению Комсода на С. А. Полыгалина возлагаются обязанности главного инженера строительства ДНиК. Бывший главный инженер И. В. Киренский снят с работы за неудовлетворительный ход строительства, за «рваческие требования» об установлении ставки в 1500 рублей, в то время как другие инженеры, с большим опытом и высшей квалификацией, получали меньше.

В конце 1932 года на заседании Комсода обсуждались проблемы возведения купола, спроектированного профессором Московского института Гипрооргстроя П. Л. Пастернаком при участии инженера Б. Ф. Матери. Было решено возвести по фермам опалубку и поставить их на опору в центре амфитеатра зрительного зла.

Гипрооргстрой выполнить эти работы отказался, и тогда, по предложению С. А. Полыгалина, решили собирать сегментные фермы, соединять их в пространственные блоки (по две фермы) на плоском перекрытии вестибюльной части здания, уже возведенной к этому времени, а затем сдвигать блоки ферм к центральной части амфитеатра.

Сергей Александрович, естественно, сознавал ответственность. Но на риск он шел, потому что знал ему цену.

В сентябре 1933 года, осматривая установку ферм для опалубки купола, П. Л. Пастернак проделанную работу оценил как

большое новое достижение. Здесь строительная организация дала вполне равноценную с проектной конторой творческую работу, выполняя соответствующие рабочие чертежи прямо прекрасным образом в отношении качества и рациональности методов производства.

В 1934 году с 17 мая по 14 июня Полыгалин решает в Москве и Ленинграде различные вопросы строительства. Предполагалось, что к осени «Сибирский Колизей» примет делегатов съезда Советов Западной Сибири. К этому сроку рассчитывали закончить внутреннюю отделку амфитеатра зрительного зала и вестибюльную часть с гардеробами и фойе на втором этаже.

6 мая 1934 года газета «Правда» писала, что «… к XVII годовщине Октября войдет в строй первая очередь Новосибирского театра, который полностью будет закончен в 1935 году».

С 15 ноября по 22 декабря 1934 года С. А. Полыгалин и главный архитектор строительства театра (с июня 1933 года) Б. А. Гордеев защищали в Наркомпросе РСФСР проект-смету на окончание строительства театра.

Но с начала 1935 года стройка пошла по иному пути.

Отсутствие проектов по акустике и оптике театрального зала существенно тормозило строительство.

В этой ситуации научно-технический совет Наркомпроса, видя, что строительство затягивается и стоимость здания и оборудования уже превышает 20 млн. рублей, принимает решение пересмотреть проект театра, привести здание театра к обычному типу, т. е. к зданию театра оперы и балета, и изыскать возможность «упрощения всей механизации и сокращения стоимости строительства».

К этому времени здание было вчерне почти полностью выстроено, сооружены все фундаменты, железобетонный каркас стен и перекрытия, в том числе, и уникальное купольное покрытие зрительного зала, железобетонный каркас сценической коробки.

Внутри здания (под куполом), в амфитеатре зрительного зала, возведены все железобетонные конструкции ярусов зала и лестниц.

Заказ на перепроектирование поручен архитектурно-проектной мастерской Моссовета □ 2, руководимой академиком А. В. Щусевым. Непосредственно эту работу вели архитектор В. С. Биркенберг и инженер Л. М. Гохман как главный конструктор.

Для того чтобы разобраться в том, что уже было построено, к ним были прикреплены архитектор Б. А. Гордеев и техник-конструктор Б. И. Дмитриев. Они принимали активное участие в проектировании театра по первому заданию и работали в управлении строительства.

Когда работы временно приостановили, С. А. Полыгалин занимался реконструкцией театра и одновременно руководил сооружением жилого дома артистов по ул. Романова, 35, правого крыла жилого дома Крайплана, Красный проспект, 56, подшефной школы, а также осуществлял руководство работами по реконструкции театра «Красный факел» и внутреннему архитектурному оформлению клуба им. Сталина (ДК им. Октябрьской революции).

В 1935 году Сергей Александрович дважды выезжает в Москву для участия в разработке проекта реконструкции ДНиК. В мае 1936 года технический проект реконструкции театра был подготовлен и представлен на рассмотрение научно-технического совета при Всесоюзном комитете по делам искусств при СНК СССР. 22 августа 1936 года проект и смета театра были утверждены.

По первоначальному проекту театр задуман как синтетический «сверхмеханизированный» планетарно-панорамного типа, обращаемый по желанию в цирк, для чего партер зрительного зала мог перемещаться на сцену, а на месте партера оставалась цирковая арена, которая, в свою очередь, могла быть трансформирована в бассейн для водных пантомим. По этому проекту предусматривалась вместимость театра в 3500 зрителей, которые располагались на огромном полукруглом амфитеатре, перекрытом сферическим куполом.

Вот перечень некоторых основных изменений, которые были внесены по новому проекту (из материалов архива музея театра).

Весь амфитеатр, выполненный в железобетоне, разобран и вместо него сделан партер, оркестровая яма и ложи. Под перекрытием партера сделан репетиционный зал. К куполу подвешен потолок зрительного зала. Глубину сцены увеличили с 20 до 30 метров за счет разборки задней стены и устройства новой. Устроены боковые карманы. Сделано новое перекрытие сцены с колосниками, с боковыми балконами и т. д. Сделан новый планшет сцены с трюмом и всей необходимой механизацией. Выполнена перепланировка всех помещений (фойе, гардеробов и т. д.).

В результате произошла сложная трансформация грандиозного по замыслу проекта многофункционального сооружения экспериментального типа в театральное здание.

— *Тем не менее,* — пишет доктор архитектуры Б. И. Оглы, — *масштаб и композиционная выразительность сооружения, высокий профессионализм архитектурно-пластического решения фасадов и интерьеров придали ему совершенно неповторимые черты уникальности, определенную символику столичности и градоформирующую роль в облике центра Новосибирска.*

Работы по реконструкции были так же сложны, как и возведение конструкции здания по первоначальному проекту. Трудно передать, какой героический труд понадобился строителям, чтобы возвести здание театра по пер-

воначальному проекту, а потом почти половину сделанного разобрать и сделать вновь по другому проекту. И все это — в тяжелых условиях, при отсутствии механизации, в основном вручную, но с огромным энтузиазмом и вдохновением, ведь строили самое значительное в Сибири здание. Сергей Александрович проявлял бездну изобретательности, чтобы облегчить труд рабочих.

В период реконструкции С. А. Полыгалину как главному техническому руководителю строительства, приходилось решать не только массу сложных инженерных проблем, но и заботиться о том, чтобы уложиться в заданные сроки строительства.

В апреле 1937 года президиум Запсибкрайисполкома подтвердил, что строительство оперного театра должно быть закончено к 1 сентября 1937 года. В это время Комсод прекратил свое существование. Управление строительства ДНиК стало называться управлением строительства Западно-Сибирского краевого оперного театра (Большого театра Сибири).

С 25 апреля по 9 июля 1937 года С. А. Полыгалин по заданию Западно-Сибирского краевого отдела по делам искусств защищает в Москве смету на окончание строительства оперного театра, составленную стройконторой.

15 июля 1937 года президиум Запсибкрайисполкома в решении по итогам обследования строительства театра отметил, что руководство строительством — Б. А. Ержембович и С. А. Полыгалин, — начав перелом на стройке, «не поняли еще до конца всей ответственности, возложенной на них партией и правительством в связи с пуском театра в эксплуатацию в 1937 году, и не сумели обеспечить правильную организацию работ и должной борьбы за повышение производительности труда и общей мобилизации инженерно-технических работников и рабочих на выполнение ответственной задачи».

Президиум крайисполкома снял с работы начальника строительства Б. А. Ержембовича «за развал руководства и запущенность финансового дела». В конце июля Б. А. Ержембович, старший прораб А. Ф. Потапов, конструктор А. Р. Рубинчик и другие специалисты стройки (всего 14 человек) были арестованы как «враги народа».

С. А. Полыгалин чувствовал, что приближается и его час, но старался не думать об этом, хотя от семьи трудно было скрыть волнение. В Новосибирск он приехал вместе с женой Марией Григорьевной, студенткой третьего курса биологического факультета Томского государственного университета. В дальнейшем ей не удалось продолжить учебу. В то время в городе еще не было вузов. Потом родились две дочери, а когда они немного подросли, то жена пошла работать. Сперва в отделе искусств крайисполкома секретарем-машинисткой, затем — с 1941 года до пенсии в госфилармонии начальником оперативного отдела. Умерла она 18 июня 1992 года.

Жили Полыгалины на ул. Октябрьской, 90. Когда в 1934 году был построен кооперативный дом по ул. Рабочая, 31 (ныне Чаплыгина, 35), они переехали в этот дом. Дочери окончили высшие учебные заведения: Ирина стала

инженером-технологом, а Мария — доктором биологических наук, профессором. Обе отмечены правительственными наградами.

По рассказам дочерей, Сергей Александрович увлекался охотой и шахматами, но ему редко удавалось этим заниматься. Они любили ходить всей семьей в книжные магазины. У них была большая библиотека (не сохранилась). Их общее пристрастие — антикварные издания.

Иногда папа брал их с собой на стройку. Они помнят, как в сентябре 1937 года, когда купол уже был одет чешуей, они поднимались на самый верх, и с сорокаметровой высоты перед ними открывалась широкая панорама индустриального строительства города. А в центре, на месте целого квартала, среди одноэтажных покосившихся деревянных домишек, стоял огромный Дворец с гигантским, сияющим на солнце куполом.

Просматривая в областном Госархиве материалы по строительству ДНиК, я обратил внимание на приказ, в котором С. А. Полыгалину предоставлялся краткосрочный отпуск с 22 по 27 октября 1933 года с правом выезда из города. В 1935 году в октябре ему предоставляется трехдневный отпуск по личному распоряжению председателя Запсибкрайисполкома Грядинского. Оказывается, за восемь лет работы на стройке театра Полыгалин только один раз находился в месячном отпуске на лечении в Сочи, и то часто связывался оттуда с проектной мастерской в Москве. Полыгалин был одержим стройкой. Она для него была смыслом жизни. Даже находясь в командировке, он шлет телеграммы, письма, в которых дает распоряжения, рекомендации, советы и наставления.

В архиве музея театра находится 12 таких писем, в них прослеживается его творческая смекалка и энергия, неожиданные решения и предложения. В них отразились многие черты его характера.

С людьми, окружавшими его, он был прост, любезен и ровен. Его творческое отношение к делу, проявление самостоятельности и инициативы способствовали росту его авторитета. Благодаря таким способностям удавалось решать сложные и неординарные задачи. Он мог практически мгновенно оценить обстановку и принять единственно верное решение.

Вот как оценивает С. А. Полыгалина его современник архитектор-конструктор Л. М. Гохман.

Должен признать, — пишет он в письме в музей театра, — *что,* несмотря *на мой большой опыт проектирования и участия в стройках многих зданий и сооружений (за 35 лет), в том числе и уникальных (высотных в Москве и за рубежом), таких отличных строителей, какие были на новосибирском театре, я, пожалуй, не встречал. Уверен, что без помощи инженера Полыгалина, который часто приезжал в Москву и советовал, как лучше выполнить задуманную реконструкцию, было бы трудно правильно ее запроектировать… Он, несомненно, являлся одним из талантливых строителей времен первых пятилеток.*

15 декабря 1937 года по сфабрикованному обвинению С. А. Полыгалина арестовали. В его квартире произвели обыск и изъяли для подтверждения в

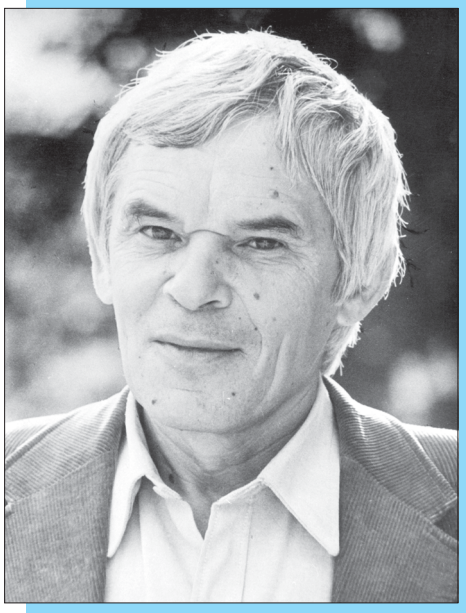

органы НКВД (так указано в протоколе) ряд документов: билет члена спортивной охотничьей секции, билет ударника ИТР, удостоверение Томского института и пр. Таким печальным аккордом оборвалась целеустремленная жизнь одаренного человека. Почти в течение 20 лет семья пыталась узнать о его судьбе. И всегда был один ответ: находится в местах заключения без права переписки.

22 октября 1956 года военный трибунал СибВО выдал справку, что дело Полыгалина пересмотрено 19 октября 1956 года. Постановление тройки УНКВД по Новосибирской области от 22 декабря 1937 года в отношении Полыгалина С. А. отменено. Дело прекращено за отсутствием состава преступления. Сергей Александрович Полыгалин полностью реабилитирован.

Трагически закончилась судьба талантливого инженера, оставившего яркий след в истории строительства города. Он не только первый руководитель строительства Большого театра Сибири, но и автор инженерно-технологического решения возведения знаменитого серебристого купола, ставшего впоследствии символом Новосибирска.

И. ЦИФОРИН

«Светлейшему Очернителю…»

Большой дружеской компанией мы сидели в очередной раз в мастерской художника Николая Грицюка на первом этаже стандартного кирпичного дома на Советской улице, когда в окно, выходившее во двор, энергично постучали. «Кто там?» — приоткрыл форточку хозяин. «Очернитель!» — послышалось в ответ. Николай Демьянович, добродушно ворча, пошел открывать входную дверь, и вскоре его тезка, Николай Самохин, в сопровождении молодой жены Татьяны, присоединился к застолью и включился в общий разговор.

«Очернитель» — такое за ним утвердилось кодовое прозвище. Не без гордости свидетельствую, что первым пустил его в ход я. Чему служит косвенным подтверждением кличка «лакировщик», которой Николай ответно наградил меня. «Лакировщик?» — спрашивал он меня по телефону, едва я успевал поднять трубку. — Все

воспеваешь?» «Как дела? — в свою очередь осведомлялся я. — Все очерняешь?» «Все очерняю, — со вздохом отзывался Николай. — Вот еще поочерняю немного и поеду в издательство, там гонорар заплатить обещали…» Объяснялись прозвища просто: Самохин был известен как сатирик и юморист, я же ходил в лириках. Сатирику полагается, естественно, высмеивать и обличать, лирику — умиляться и воспевать.

«Очернитель», «лакировщик» — самые словечки эти, возможно, мало что скажут новым поколениям. Однако в те годы в бесхитростной лексике приятельского поддразнивания отчетливо угадывались отзвуки нешуточной идеологической борьбы. Директивы, исходившие сверху, постоянно менялись. То вдруг звучало: «Нам Гоголи и Щедрины нужны для борьбы с нашими недостатками! А лакировка действительности нам ни к чему!» То «руководящие и направляющие» инстанции спохватывались: «Не дадим очернять нашу действительность, не позволим мазать дегтем самое светлое и дорогое!» В итоге Николая Самохина стали иногда звать не только «очернителем», но и «дегтемазом». Один раз я даже купил в Томске на колхозном базаре бутыль колесного дегтя и с торжеством вручил Николаю как необходимое «орудие производства».

Никаким «очернителем», а тем более «дегтемазом» Николай Самохин на деле, конечно же, не был. Просто он обладал, как выразился один новосибирский писатель, «абсолютным чувством смешного» — как бывает у других абсолютный слух. И вместе с тем был наделен «внутренними часами», позволявшими ему безошибочно чувствовать время. Кажется, оба эти определения, нигде письменно не зафиксированные, принадлежат Анатолию Никулькову, умевшему иногда «выдать» лаконичную и емкую формулу.

А еще Николай был наделен врожденным артистизмом. Не случайно, видимо, его приобщение к творчеству началось в студенческом театре миниатюр Новосибирского института инженеров водного транспорта, где будущий писатель учился на гидротехническом факультете. И смолоду, и в зрелые годы он великолепно читал свои рассказы с эстрады. Причем, как правило, наизусть, что для прозаиков крайняя редкость. Он и выглядел на сцене импозантно — всегда подтянутый, худощавый, стройный, хоть и невысокий ростом. Одевался без малейшего пижонства, но всегда со вкусом: знал в этом толк. Был общителен без развязности, умел не теряться в любой компании. Думается, здесь можно было бы говорить не только об артистизме, но и о внутренней интеллигентности, той самой, которая, по утверждению многих, вырабатывается из поколения в поколение.

Откуда же он взялся, Николай Самохин, откуда появился в писательских рядах?

В 1966 и 1973 годах в Новосибирске вышли две книги под одинаковым названием: «Писатели о себе». В первой из них Самохина не было: «в писателях» он к тому времени еще не утвердился. А во второй был уже представлен достойно: портретом, краткой биографической справкой и собственной заметкой в свободном жанре. И если другие участники сборника, не исключая и ав-

тора этих строк, весьма серьезно, как бы даже несколько приосанившись, излагали свои взгляды на жизнь и литературу, Николай Самохин рассказал прелестную новеллу о том, как мальчишки играли в войну на его родной улице в городе Новокузнецке, тогдашнем Сталинске, а еще точнее — на окраине бывшего старого Кузнецка, помнившего еще ссыльного Достоевского, а потом влившегося на правах района в новый социалистический город. Не откажу себе в удовольствии привести здесь небольшой отрывок:

Мне было лет восемь-девять. В один прекрасный день на нашей заводской улочке Аульской готовилось очередное сражение между красными и синими. По этому случаю происходила раздача званий. Красными командовал, разумеется, Клим Ворошилов — самый почитаемый на улице сорванец. Под рукой у него были такие прославленные полководцы, как Чапай, Александр Невский, Суворов и Буденный. В синие с большой неохотой согласились пойти Григорий Котовский, Пархоменко, Щорс и Великий Моурави.

— А ты кем будешь? — спросили у меня. Я только что прочел удивительную книгу Соловьева «Насреддин в Бухаре», был свежо влюблен в ее героя, побеждавшего свирепых воинов и могучих правителей одной веселой мудростью, и поэтому сказал:

— Я буду Ходжа Насреддин.

Ну ладно. Ходжа так Ходжа. Ребята с нашей улицы почти не читали книг — им негде было их взять. Раз человек желает быть каким-то Ходжой — значит, существовал такой полководец. Меня даже приняли в красные.

Но оказалось, что это еще не все.

— А как зовут твоего коня? — спросили они. — Вот у него, — кивок в сторону напыжившего грудь Буденного, — коня зовут Казбек.

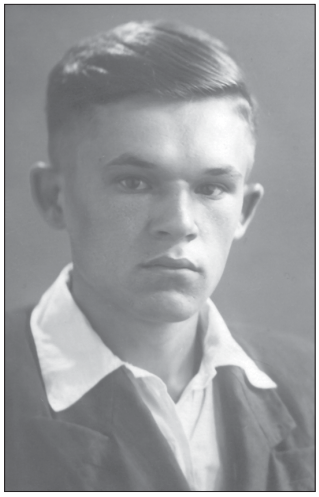
—У меня не конь, — тихо сказал я. — У меня ишак….

Разве я мог знать тогда, что делаю выбор на всю жизнь.

Из-за ишака меня, прежде всего, поперли из красных. Синие тоже долго упирались — не хотели брать. Потом взяли, однако списали в обоз — запретили высовываться вперед, чтобы не позорить доблестное воинство…

Другие, не менее колоритные подробности жизни на улице Аульской можно узнать из повести Николая Самохина «Где-то в городе, на окраине…» Родился он, если быть документально точным, в 1934 году в Алтайском крае. Но вскоре семья перебралась в Кузбасс. И окраинная улица в городе угольщиков и металлургов стала для писателя Самохина «малой родиной», началом всех начал. Отец — работник знаменитого металлургического комбината, но не доменщик, не сталевар, а конновозчик: даже самой современной индустрии в какой-то из ячеек ее многосложной структуры, как выяснилось, нельзя было обойтись без лошадиной тяги. Мать — домашняя хозяйка. «Из простой семьи», — до сих пор еще говорят в подобных случаях. В своих позднейших лирических повестях «Сходить на войну» (посвященной памяти отца) и «Наследство» (памяти матери) Николай Самохин сумел, ничуть не впадая ни в полемический пафос, ни в фальшивое умиление, показать, как непросты на самом

деле так называемые «простые люди», как прочно бывают укоренены в них понятия о порядочности, справедливости, долге. В повести «Наследство» использованы отрывки из рукописи матери, решившей на склоне лет зафиксировать (вдруг пригодится кому-то?) опыт прожитой жизни. Первые абзацы приводятся без правки: со всеми ошибками, сливающимися воедино словами, без знаков препинания. Само заглавие звучит так: «Воспоминания о своих прошлых лет». И все-таки читая эти страницы (в дальнейшем уже бережно отредактированные сыном) понимаешь, где лежат истоки самохинской интеллигентности.

Конечно, многое он добирал сам. Учился. Сначала в техникуме в Новокузнецке, потом — в упоминавшемся институте инженеров водного транспорта, в ту пору — одном из культурнейших вузов Новосибирска (запомнился газетный заголовок: «Университет культуры студентов-водников» — «университеты культуры» были тогда в большой моде, а эстетическое воспитание, как мы гордо писали в газетах, ставилось «в один ряд с важнейшими народнохозяйственными задачами»). Как все мы тогда, Самохин много и жадно читал. Пробовал уже и писать сам: сначала миниатюры для студенческого театра, потом — рассказы. Как сейчас помню ученическую тетрадку с одной из первых литературных попыток — называлась она, кажется, «На земснаряде» и отражала, надо думать, впечатления студенческой практики. Рассказ явно не получался, не выстраивался сюжет, много было лишних подробностей, но вдруг из общей вязкой словесной массы кристаллизовалась какая-то яркая и точная фраза, высвечивалась выразительная подробность. И было понятно: человек взялся за перо — тогда еще и впрямь писали перьями, хотя бы и стальными! — не напрасно. (Пишущую машинку Самохин освоил много позднее: они еще долго оставались дефицитом, я помню, как тащил для Николая из Москвы приобретенную у кого-то по случаю портативную «Эрику». А вот до собственного персонального компьютера он так и не дожил).

Помню Самохина, наезжавшего в редакции новосибирских газет из Академгородка, где он по окончании института работал мастером на стройке: гидротехнический факультет водного института давал, в сущности, строительную специальность. Но эта работа «в соответствии с дипломом» продолжалась недолго. Стихия слова властно затягивала. И привела сначала в редакцию военной окружной газеты «Советский воин», а потом — на долгих пять лет — в «Вечерний Новосибирск». Газета была новая, молодая, все темы для нее были свежи, незахватаны — происходило своего рода открытие мира, и Самохин с готовностью включился в этот процесс. Тем более, что работал он в отделе,

какого не было в других новосибирских газетах: в отделе городского хозяйства. Острые, свежие заметки и фельетоны молодого сотрудника многих задевали за живое, сделали имя автора известным, а для него самого послужили хорошей школой: научили писать емко и сжато.

Что бы о том времени ни говорили — это было во многом хорошее время. Конечно, существовала и цензура, и недреманный идеологический надзор соответствующих инстанций, и многое другое. Но все-таки — живое было время! И не только потому, что были мы тогда молоды: люди много старше нас тоже переживали определенный творческий подъем. Несмотря на все усилия консерваторов, дух «оттепели» никак не выветривался в обществе. Одаренный молодой писатель мог рассчитывать на поддержку — возможности для этого были. Для тех, у кого еще не набиралось материала на большой том, в Новосибирске придумали «Библиотечку одного рассказа» — в ней и вышла в 1962 году первая отдельная книжка писателя Николая Самохина: рассказ «Прекрасная несправедливость». Прекрасная несправедливость — это, конечно же, любовь. Даже неудавшаяся, несчастливая, она все равно — счастье. Чуть сентиментальный, чуть литературный, но милый, добрый, лаконичный, уже достаточно умело выстроенный, рассказ пользовался успехом. Его не раз читали по радио. Запомнился он, в частности, и юной старшекласснице Тане Коноваловой, еще не подозревавшей тогда, что годы спустя ей предстоит стать женой писателя Николая Самохина, родить ему дочь Соню. Детей Николай Самохин любил и понимал. И Соню, и Якова — сына от первого брака, ныне продолжающего дело отца по части журналистики. И с детьми своих друзей легко находил общий язык. Может быть, потому, что в нем самом, как во многих талантливых людях, всегда оставалось что-то от детства. Надо было видеть, как увлеченно «резался» он со своими юными партнерами в популярный тогда настольный хоккей. А с теми, кто постарше — и в настольный теннис.

Второй рассказ Самохина, вышедший в той же серии в следующем году, — «Ровесники» — был намного суровей и жестче «Прекрасной несправедливости»: речь в нем шла о военном детстве.

А потом было много книг. Больших и малых. Преимущественно — сатирических и юмористических рассказов. Так, видно, и впрямь было предопределено еще в ту пору, когда играли мальчишки в войну на улице Аульской, и восьми-девятилетний Колька Самохин всех озадачил, объявив, что у него, как у Ходжи Насреддина, будет не конь, а ишак:

На каких только коней не пытался я взгромоздиться, став взрослым! Особенно когда начал писать. Я седлал Поэзию, Лирическую Прозу, Высокую Романтику. Скакуны не сбрасывали меня. Я довольно сносно удерживался в седле и, возможно, так и проехал бы по жизни на чужой лошади (сколько подобных случаев бывает!), если бы…

Если бы у оседланных мной скакунов не вырастали время от времени ослиные уши. Этого почти не замечали другие, но всегда замечал я. Видимо, выбор был сделан не случайно…

Длинная и трудная лежит впереди дорога.

Обгоняют, кидаясь пылью, чистокровные скакуны поэтов.

Теснят на обочину тяжелые битюги серьезных прозаиков.

Не беда. От обочины даже ближе до людей. Можно, не останавливаясь, поделиться табачком, перекинуться словом.

Правда, бывает, что кое-кто, уставя палец, крикнет:

— Гляньте, какие длинные уши у этого ишака!

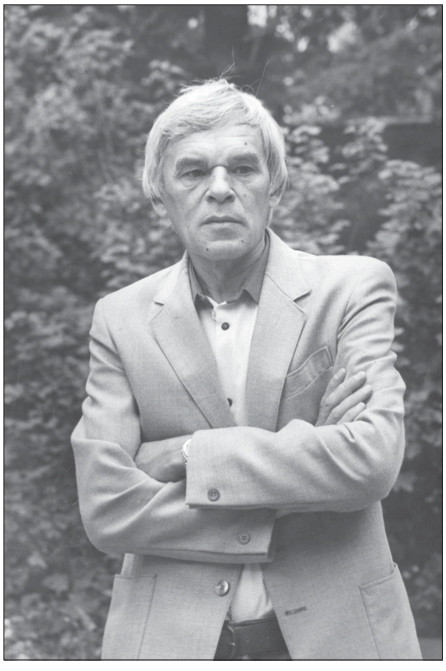
— Уж не намек ли это?..

Пусть их говорят. Шагай вперед, мой ишак. Шевели ногами. Что там у нас сегодня на ужин? Опять колючки? Ничего — пережуем. Не это главное.

Главное… по тебе ли седок?

Так писал о себе Николай Самохин. Чувство юмора не изменяло ему и по отношению к собственной личности. Редкое и ценное качество! Никогда не водилось за Николаем Яковлевичем этакой важной надутости, склонности «нести себя как важный груз», говоря словами нашего общего приятеля — поэта Марка Соболя. Писал же он год от года все лучше, точнее, лаконичней. Его читали и взрослые, и подростки, и дети. Кстати, самую лучшую «рецензию» на книги Николая Самохина «выдал» однажды очень юный — двенадцатилетний в ту пору — читатель.

Кто-то из взрослых сказал: «Я считаю Самохина одним из лучших прозаиков Сибири». И тут способный отрок подал голос: «А по-моему дядя Коля не совсем прозаик!» «Почему же это?» — подивились старшие. «А потому, — пояснил малолетний критик, — что у него слова переставить нельзя!»

И точно: попробуйте-ка переставить хотя бы словечко в том же автобиографическом повествовании о событиях на улице Аульской! Или — в таком вот отрывочке из сравнительно поздней повести «Так близко, так далеко…», представляющем собой характеристику уличных собак в пригородном сибирском поселке Пискуны: … *Это вполне современные собаки, воспитанные в условиях наступления технического прогресса на деревню. Они давно не лают на машины, проносящиеся по бетонке мимо Пискунов, мирно сосуществуют с мотоциклистами — с одной стороны, и коровами, козами, свиньями — с другой. А вот странное, бесшумное сооружение на двух жидких колесах и странный ездок, в от-*

личие от привычных мотонаездников подозрительно шевелящий ногами, вызывают в них недоумение и злобу…

Писательское мастерство Николая Самохина высоко оценивали и куда более искушенные эксперты. «Прочитал Вашего «Героя» и от души порадовался за Вас, — писал ему Федор Абрамов, человек взыскательный, мало кого хваливший. — Крепкая, честная вещь! Все очень точно, весомо и просто. С истинным пониманием жизни, человека и зверя. И что еще меня восхитило — без малейших художественных побрякушек…» Главный герой рассказа «Герой» — сильная, умная собака, которую завела для своей безопасности в сорок шестом, «страшно голодном» году многодетная семья на городской окраине (не иначе как все на той же улице Аульской в старом Кузнецке!). Большой этот рассказ (или маленькая повесть?) продолжал ту линию в творчестве Самохина, которая когда-то началась рассказом «Ровесники». Потом эта линия была продолжена в нескольких повестях Николая Самохина. Так что все же не в одной сатире и юморе проявил он себя ярко. Что же касается «истинного понимания» не только человека, но и зверя, здесь Абрамов абсолютно прав: «братьев наших меньших» Николай и понимал, и любил, водились в его доме и коты, и собаки, и об их проделках и подвигах он умел рассказать и весело, и увлекательно.

Но что бы ни писал Николай Самохин — веселый ли сатирический рассказ, пронзительную ли лирическую повесть или путевой очерк, — к труду своему он относился предельно честно, не делая ни малейших уступок конъюнктуре или моде. Не побоюсь сказать: в душе он был правдоискателем. Принадлежа своему времени, искренне разделяя многие настроения, увлечения и даже иллюзии современников, не удовлетворялся расхожими клише, ни к кому не подлаживался, не стремился понравиться. Высмеивал бюрократизм и косность, сочувствовал демократическим переменам в стране. Увлеченно пел песни Окуджавы, ценил поэзию Вознесенского и Евтушенко. И в то же время, встречаясь в Иркутске с Валентином Распутиным, в Москве с Владимиром Крупиным — эти имена часто бывали у него на языке, — прислушивался и к ним, потом делился впечатлениями, пересказывал, в чем-то соглашался… А потом писал в упоминавшейся повести «Наследство»: «Артамонову (это главный герой повести, alter ego автора) — И. Ф.) как-то один знакомый писатель-«деревенщик» толковал: зря, мол, в свое время кулаков перевели. Ведь что такое кулак, если разобраться? Крепкий мужик, настоящий хозяин, кормилец страны в конечном счете…» И все, вроде, правильно, только как быть с воспоминаниями матери, вдоволь натерпевшейся в бедняцкой своей молодости от «крепких хозяев»? Ведь она «кулаков, кулачество, самый дух кулацкий в людях ненавидела всю жизнь». И «с охотниками поидеализировать прежнюю деревенскую жизнь, патриархальный уклад и здоровые нравы» тоже спорила всем своим непридуманным опытом. И не мог он, писатель Николай Самохин, этим опытом пренебречь. Думал, тревожился, искал ответов на непростые вопросы: как относиться к прошлому, как жить сегодня?

Вольно или невольно, я оттягиваю финал этих заметок, но никуда не денешься — близкие и друзья знают: замечательный русский писатель Николай Самохин ушел из жизни по собственной воле, 11 января 1989 года, в подмосковном доме творчества Голицыне. Почему? Незадолго перед тем он звонил — из Москвы — в Ленинград, где мы к тому времени жили уже пятнадцатый год, вернувшись из Сибири. Собирался заехать к нам — ведь близко! Получив роковую весть, я немедленно примчался в Москву, оттуда в Голицыно, нашел на столе в комнате Николая порядок: видно было, что человек приехал с серьезными творческими намерениями. Поверх тут же лежала моя свежая стихотворная книжка «Мирное время», которую я успел послать Николаю в Новосибирск. Кто знает, что произошло в ту ночь? Какие сошлись невыносимые обстоятельства? Сыграл ли свою роль алкоголь, которого Николай Самохин не был чужд, как и многие пишущие люди? Никто и никогда не ответит до конца на этот вопрос.

Но остались книги. С ними, правда, не все просто. Перечитывая сегодня сатирические рассказы Самохина, ощущаешь: многое в них — на первый взгляд — устарело. Иные реалии вокруг, иные сюжеты, иные персонажи взывают сегодня к зоркости юмориста. Но, думается, люди еще будут возвращаться к этим книгам. Перечитываем же мы сегодня Аверченко и Тэффи! А повести «Сходить на войну», «Наследство», «Рассказы о прежней жизни» (как и многое другое) и сегодня актуальны и поучительны. Потому что есть в них заряд человечности и доброты, а это ценности непреходящие и не тускнеющие.

Когда-то я написал Николаю на одной из своих книжек: «Светлейшему Очернителю…» Таким и был он: Очернителем — по прозвищу, светлым человеком — по сути.

Илья ФОНЯКОВ

Настырный Скрыпник

Когда наступала зима и завывали по Кулунде нешуточные вьюги, Яшка начинал готовиться к долгим зимним походам в школу. Четыре класса он окончил там, где и родился, в карасукском селе Большие Луки. Начиная с пятого класса ему, двенадцатилетнему пацану, предстояло учиться в интернате, в Большой Курье, расположенной за 25 километров от дома.

Каждую субботу с пустой котомкой за плечами он отправлялся из Большой Курьи в Большие Луки, домой, а на следующий день, в воскресенье, уже с полной котомкой (недельным запасом) харчей двигался обратно, в интернат.

Может быть, эти походы и заложили в нем уверенность в правоте главного дела жизни, правоте еще мальчишеской, и некую настырность в достижении цели.

Часть детворы из окрестных, дальних и даже ближних сел не выдерживали этих походов, отсеивались, а Яшка все ходил со своею котомкой в Большую Курью, пока не окончил семилетку — образование по тем временам нешуточное.

А что это за «те времена»? А как раз те, что ближе к тридцать седьмому году, теперь печально известному. Это те годы, которые ближе к сорок первому, тоже известному сегодня страницами Великой Отечественной войны.

Бывший учетчик тракторно-полеводческой бригады Яков Скрыпник был пулеметчиком в одном из подразделений Красной армии. Курс «молодого бойца» проходил в Иркутске, а потом, почитай, через всю Сибирь, через всю Европу — в Прибалтику. Русский театр в Риге он знает потому, что в большом его зале жили красноармейцы, а в малом шли спектакли. Это зимой. А летом сорок первого были летние лагеря, в которых красноармейцы успешно уничтожали предполагаемого противника. Первые месяцы войны обернулись жестокими боями, отступлением, окружениями.

— Я столько раз мысленно умирал и думал — а как люди будут жить после войны, когда меня не будет? А я прошел с боями от Прибалтики до Калинина. И тут война для меня кончилась. Ранило, отправили в госпиталь в Москву, а потом в Саратов на долечивание.

После госпиталя в родные кулундинские края он вернулся в сорок втором. Комиссованного фронтовика военкомат направил на службу в органы МВД.

Ничего особенно грозного в службе Якова не было: комендант по надзору за ссыльными поселенцами села Меньшиково и окрестных деревень. А нужно заметить, что в те годы Сибирь, Алтай, Казахстан и другие регионы были местом ссылки так называемых спецпереселенцев: латышей и эстонцев, немцев, калмыков, татар и даже исконных русичей, оказавшихся, по мнению власти, неблагонадежными.

В марте пятьдесят первого, когда уже бурели снега и с домишек, придавленных и снегом, и нуждой, простукивала первая капель, в Меньшиково произошло чрезвычайное событие. Собрались сюда представители соседних деревень и повели речь о слиянии шести колхозов в одно хозяйство.

Собрание, как водилось в те времена, чин-чинарем: президиум, райком, райисполком, и новый кандидат в председатели, привезенный властями, тут же инструктор райкома Василий Михайлович Замалов. Убежденный коммунист, энтузиаст, готовый в огонь и в воду, только прикажи ему. Неплохой, в общем-то, человек. Был на собрании и лейтенант Скрыпник.

Однако посреди обсуждения кандидатуры нового председателя встает в зале женщина и говорит: «А вот у нас тут, в Меньшиково, комендант есть. Все нас, баб, уговаривает — потерпите, дескать, все плохое пройдет, жизнь наладится. Вот пусть он ее и наладит. Давайте мы его в председатели выберем».

— …А меня как ушатом кипятка обдало сразу, жарко стало. До президиума четыре метра, пока шел, думал: что сказать? Но одна мысль остава-

лась: а, была не была, скажу — согласен! Вышел, говорю: «Если вы это серьезно, и если вы мне поможете, то я согласен». Из зала кричат: «Поможем!»…

Далее начинается история столкновения настырности районных властей и лейтенанта Скрыпника. История весьма типичная для тех далеких времен. Райком и райисполком: а кто такой Скрыпник? Ну, учетчик. Ну, фронтовик. Ну, кэгэбэшник. А навыков-то хозяйственной работы нет! Звонок начальнику райотдела: не отпускать с работы! Тот вызывает лейтенанта на «ковер»:

— Ты что, дурак? В шести деревнях порядка нет, жизнь не налажена, а ты думаешь, что все в порядок приведешь?

— Я на попятную не могу, меня народ выбрал. А за «дурака» можешь и ответить!

— Ладно, посмотрим. А пока — если хоть один ссыльный с твоей территории исчезнет, сядешь как миленький!

Целый месяц новый председатель ходил в колхозную контору в лейтенантских погонах. Пока колхозники не обратились с просьбой к директору школы Александру Ивановичу Плисову написать письмо в высокий кабинет. Пока не пришла из КГБ официальная бумага — освободить лейтенанта Скрыпника от занимаемой должности.

Однажды в его тесноватый председательский кабинет робко втиснулся огромный, весь в бороде, мужчина. Как бывший комендант, Скрыпник знал, что это поселенец из самого дальнего села его «вотчины», работавший на бычатнике. То есть охранял стадо быков-производителей.

— Какие вопросы? — спросил его Скрыпник.

— Не могу больше, — ответил бородач и постучал себя пальцем по лбу. — Если вам нужна моя голова, определите в другое место.

— Что же у вас за голова такая? Кто вы?

— Я бывший прокурор Ленинграда, окончил Институт красной профессуры, юридический институт, а в лагерях, здесь, в Сибири, изучил экономику…

Так Михаил Львович Першин стал первым экономистом в колхозе «Гигант». Много лет спустя, когда Скрыпника наградили орденом Ленина, первым его поздравил М. Л. Першин, бывший его экономист. Еще за три дня до опубликования Указа он позвонил Скрыпнику из Ленинграда и поздравил с наградой.

— Время было трудное. Приближалась посевная, скота было мало, да и тот падал от бескормицы. Да что там скот — люди недоедали, неприбранные какие-то были, на трудодень по 10-15 копеек получали, как тени ходили. Пришлось снова собирать общее собрание. Я говорю: вы обещали помогать мне, так помогайте! Я, со своей стороны, обещаю вам после уборки на трудодень по килограмму зерна и по одному рублю деньгами…

Между тем, приближался покос. Скот, изголодавшийся зимой, отъедался на выпасах, когда Скрыпник собрал на совещание всех шестерых бригадиров. Все заметанное в стога сено, каждую скирду приказал обмерять на вес, объем,

кубатуру и забирковать. А осенью, если в стогу хоть центнера недосчитается, спрашивать с них будет. И тут, видимо, сказалась вся его природная настырность.

— И вот, вроде, и косим, и стариков с литовками подняли, а сена нет. Самые последние в районе идем. К концу сенокоса вызывают в райисполком на балансовую комиссию. Председатель говорит: «Вот этот парнишка сходу колхоз угробил! Надо у него половину скота забрать государству, раздать по другим хозяйствам». Я говорю, что скот никому отдавать не буду, кормить будем сами. Урежем рацион — продержимся. А уже в ноябре оказалось, что у нас сена больше, чем указывалось в сводке. К концу зимовки «излишков» образовалось 20 тысяч центнеров!

И опять начались для Скрыпника проблемы. Опять столкнулись две настырности. На заседании РИКа приняли было решение: излишки кормов «Гиганта» передать в «голодающие» хозяйства, прошлогодним «передовикам» сенокосной страды.

— Никаких кормов никому отдавать не буду, — взял слово Яков Макарович. — А вот поддержать соседей, продать им за деньги или в порядке взаимовыручки — это пожалуйста.

Заявление Скрыпника обошли дипломатическим молчанием, но сено все-таки насильно не забрали.

Еще хуже получилось с обещанными трудоднями (по килограмму и по рублю). В те годы уставом и законодательством был предусмотрен порядок: на трудодни колхозникам выдавалось лишь 15 процентов от хлебосдачи. Скрыпник обошел этот закон и уже в сентябре дал своей бухгалтерии задание: посчитать все трудодни и выдать на каждый из них по килограмму зерна. Что и было исполнено.

— Что тут началось!.. Приехал прокурор, районное начальство, из области приехали проверять, что я тут натворил. Снова заседание бюро райкома партии; предложения были — снять с работы и отдать под суд. А за что? Я же не себе зерно взял, отдал людям за работу, по ведомости, каждому под роспись. Тогда принимают решение — забрать у колхозников зерно. Исполнитель — Скрыпник.

— Вы можете посадить меня хоть сейчас, — говорю, — *но зерно у людей я отбирать не буду!..*

И опять райком вынужден был закрыть глаза на строптивость и настырность Якова. А ему предстояло выполнить и вторую часть своего обещания — относительно денег. И потому по первому морозцу, по первым снегопадам начали забивать в «Гиганте» скот. Много ли, мало ли, но на каждое отделение приходилось голов по десять. Возы с говядиной потянулись в областной центр, на рынок. Молоко на маслозавод стали отправлять как «давальческое», в обмен на масло. И масло тоже повезли в город. А когда отторговались, на каждый трудодень пришлось по одному рублю и еще по три копейки — деньги, которые полностью были отданы колхозникам.

У районных властей пухло-разбухало досье на строптивца, обрастая все новыми фактами. И когда в пятидесятых годах началась борьба с нарушителями устава колхозов, весь председательский корпус был приглашен на совместное заседание РКП и РИКа. А поскольку вышеназванный устав нарушали почти все в силу экономической безысходности, то и приготовило районное начальство всем «сестрам по серьгам»: одного — снять с работы, второго — исключить из партии, третьего — отдать под суд… И тут опять встает этот бывший кагэгбэшник, эта районная «морока», с которой никто ничего не мог поделать:

— Никого из нас вы наказывать не смеете! Вы руководили районом, это с вашего молчаливого согласия нам приходилось нарушать и уставы, и законы. И отвечать за это в первую очередь должны вы, а не те люди, которым вы доверили колхозы, требовали с них планы, урожаи, надои. Вот и отвечайте!

— Меня, конечно, выгнали тогда с бюро, но никого не наказали.

Тем более, что никаких видимых причин наказывать Скрыпника не было. Колхоз «Гигант» оставался гигантом районного масштаба, поставляя в баланс района изрядную долю зерна, животноводческой продукции. И еще богат был творчески поиском и в земледелии, и в животноводстве, и в социальном обустройстве своих деревень. Они, меньшиковцы, одними из первых закупили на стороне два дизеля и осветили электричеством село. А когда приехал к ним с концертом Иван Иванович Маланин, жители всех шести деревень, кто не смог присутствовать на концерте, слушали его выступление по местному радио. Уже тогда в колхозе имелся свой радиоузел, с помощью которого Я. М. Скрыпник поздравлял людей с праздниками, в пух и прах разносил на всю округу нерадивых.

— Я, правда, делал это аккуратно, обдуманно. Что значит сказать о человеке плохое слово по радио? Ведь у него есть семья, дети, родственники. Поэтому приходилось быть сдержанным, не унижать человека, но и спуска не давать.

Зимой 1961 года по решению бюро райкома партии Скрыпник был переведен на должность директора Рямовского совхоза. К этому времени он уже окончил Омскую совпартшколу и еще четыре года отработал председателем в Меньшиково.

На дворе стоял февраль с еще крепкими морозами, вьюгами и метелями. Однако провожать Якова Макаровича вышли чуть ли не все односельчане. Колхоз выделил ему персональную кошевку, чтобы на новое место работы прибыл он не «бедным родственником». Таким образом и отправился он принимать еще более крупное хозяйство, насчитывающее девять отделений.

По «наградной графе» трудовой книжки я изучаю сегодня его личные заслуги в тот период. Через пять лет работы в Рямах награжден орденом Ленина. В мае 1971 года награжден медалью «За трудовое отличие». В эти же годы дважды награждался золотыми именными часами.

Венгеровский район и сегодня-то считается «глубинкой». А представьте его себе 40 лет назад, когда он был почти недосягаем для человека «из центра». Зимой — снежные заносы, весной и осенью — непролазная солонцовая грязь. А нужно было завозить сюда и новую технику, горючее и какие-никакие удобрения, и строительные материалы.

Яков Макарович до сих пор живо вспоминает, как построили они первый четырехрядный коровник на 200 голов. Из чего, как вы думаете? Из местного материала, из самана! И началось! Сначала районный и областной семинары в Рямовском, а потом целое движение в области развернулось по использованию местных строительных материалов для хозяйственных и социальных нужд. И до сих пор еще в селах Кулунды и Барабы можно встретить руины тех недолговечных, но таких нужных в свое время саманных построек!

Навыки и ухищрения строителей так прижились в Рямах, что соорудить что-то из нормального материала казалось делом плевым. И когда в 1967 году представилась такая возможность, на центральной усадьбе за восемь месяцев был построен Дом культуры. Начали строить в апреле, а 50-летие Октябрьской революции отмечали уже в новом двухэтажном здании.

Руководители и специалисты ехали в Рямовский из окрестных мест учиться не только строительству и социальному обустройству, но и другим навыкам хозяйственной деятельности, которыми обладали специалисты совхоза и, в первую очередь, сам Скрыпник.

А он и сам-то всю жизнь учился. И до сих пор с благодарностью вспоминает людей, удививших его ярким трудовым примером, свежими, оригинальными предложениями в ведении хозяйства: того же экономиста М. Л. Першина, который первым открыл колхозникам тайны «прихода-расхода», и ссыльного калмыка Бангу Тюрбеева, который в сезон стрижки овец обрабатывал по

70-80 овец за день, а потом, после реабилитации, у себя на родине стал Героем Социалистического Труда и прислал Скрыпнику журнал со своим портретом. На всю жизнь связала Скрыпника судьба и с первым агрономом, ссыльно-переселенцем Х. Я. Пээртом, бывшим у себя на родине ученым секретарем Эстонской сельхозакадемии.

Совсем недавно на скромной даче Скрыпников побывал в гостях сын Харри Яновича — доктор химических наук Энн Пээрт, руководитель одной из шведских фирм. Яков Макарович рассказал ему о жизни и работе отца, а потом они побывали в Венгеровском районе, где прошли, как считает Энн, лучшие годы его отца.

— Яков Макарович, у вас здесь, в Сибири, прекрасные земли — говорил в те годы Х. Я. Пээрт, — Они без всяких удобрений могут давать хороший урожай. Надо только правильно работать с этой землей.

И они работали. Уже тогда разрабатывали технологию безотвальной вспашки. И когда, уже будучи директором Рямовского совхоза, Скрыпник на своих землях в полной мере применил эту технологию и почти на 10 процентов обогнал соседей по урожайности, снова поехали к нему за опытом земледельцы.

Больше десяти лет отработал он в Рямовском. В 1972 году, по решению областных властей, был переведен в самый центр Кулунды, начальником Купинского управления сельского хозяйства. Однако новая работа, большей частью приближенная к кабинетной, видимо, не пришлась Скрыпнику по душе. Три года спустя, в мае 1975-го, согласно Постановлению Совмина России, его переводят в Куйбышевский район, директором совхоза «Мирный», крупного откормочного хозяйства.

Год ухода Скрыпника на пенсию, 1982-й, явился для него как бы триумфальным: ему было присвоено звание «Заслуженный работник сельского хозяйства России». Совхоз «Мирный» стал победителем во Всесоюзном соревновании, награжден переходящим Знаменем высших органов страны. Под эти «фанфары» и ушел на пенсию Яков Макарович.

— Я, конечно, не совсем ушел на покой, — рассказывает он. — Просто руководящие должности уже не занимал: тяжеловато стало, седьмой десяток шел. Да и молодым дорогу надо было уступать. Поэтому работал до 70 лет на инженерных должностях в разных организациях: в секторе переселенцев, в межлесхозе, на рыбоводно-мелиоративной станции…

Сегодня Яков Макарович с женой Людмилой Васильевной живут в самом центре Новосибирска, в стандартной городской квартире. У него это второй брак: первая жена, Матрена Васильевна, ушла из жизни еще в 80-м году. А с Людмилой Васильевной они познакомились в ту пору, когда он был директором совхоза, а она — директором школы. У них родилась дочка Лена, которая вместе с мужем живет сейчас в нефтеносном краю, в Сургуте.

Во время нашего разговора мне подчас думалось: не одиноко ли им в этом большом шумном городе, где каждый занят своими делами? Но вот Яков

Макарович выложил передо мною две кипы красных папок: памятные поздравительные адреса к его юбилеям — от 50-летнего до 80-летнего. Общественные и хозяйственные организации, бывшие односельчане и сослуживцы желали ему доброго здоровья и долгих лет жизни. Из родного Венгерово, как обычно, пришло поздравление с 15-ю подписями его неизменных друзей — А. Плисова, Л. Удаловой, А. Суховеева и других. Они же поздравили Я. М. Скрыпника через областную газету и еще раз рассказали о его жизненном пути.

Оказывается, нет, не одиноки они сегодня! И, словно продолжая эту мысль, Людмила Васильевна вспоминает:

— Когда мы всей семьей приехали на юбилей Рямовского совхоза и вошли в Дом культуры, нас буквально встретили овациями. Я даже растерялась, обняла нашу Ленку и говорю: «Господи, это же как нашему отцу надо было работать, чтоб его так помнили и так встречали!»

Справка. Я.М. Скрыпник родился 30 декабря 1920 г. в деревне Б. Луки Чернокурьинской волости (Карасукского района).

Владимир МАРСАКОВ

Рыцарь смутного времени

Некоторым название очерка может показаться претенциозным, чересчур литературным. Хочу отстоять его, доказать, что нет в нем ничего, кроме очень простого желания как можно лаконичнее выразить истинную сущность характера и высший жизненный смысл деятельности человека, о котором и пойдет наш дальнейший рассказ.

С каким бы уважением и восхищением не относились мы к этим редким представителям исчезающей касты подлинных рыцарей, в жизни — давайте будем откровенны — рядом с ними многие из нас чувствуют себя весьма и весьма неуютно. Пример подлинного служения вольно или невольно заставляет тянуться следом или торопливо отходить в сторону, ибо бескомпромиссность правды далеко не всегда устраивает окружающих, требовательность в исполнении долга часто всту-

пает в противоречие с массой бытовых компромиссов и маленьких удобств, которыми мы обставляем свое повседневное существование. Да, с такими людьми трудно жить и работать, но без них давно бы уже рухнула опора человеческой надежды на то, что когда-нибудь мы все-таки выберемся из тенет нашего сегодняшнего бытия, главным смыслом которого стала не полноценная жизнь, а ежедневное выживание.

А теперь вернемся почти на десятилетие назад, когда в декабре 1993 года Александр Николаевич Соинов впервые появился в нашем городе и был назначен на должность начальника областного Управления внутренних дел.

Вряд ли кто-нибудь даже сейчас, спустя годы, способен полно и объективно оценить все, что происходило тогда в стране. Завершающее десятилетие минувшего века оказалось омрачено драматическим распадом государства, разрывом устоявшихся связей, всякого рода разделениями, противостояниями и противоборствами. Нас преследовали экономические неудачи, неразрешимые политические противоречия, рост коррупции, техногенные катастрофы, массовое обнищание людей, сокращение продолжительности жизни, детская бездомность, криминализация общества, оскудение нравственного начала. Обвальное падение морально-этических, интеллектуальных и культурных ценностей в сочетании с активно пропагандируемым извне культом силы, наглости, денег и жажды власти любой ценой, сформировало новое поколение молодежи, для большей части которого понятия добра и зла оказались окончательно размытыми. Помножьте эти факторы на резкую поляризацию материальных доходов населения и значительный коэффициент миграции с нарушением культурных, семейных, профессиональных связей, — и вы получите время и общество, которое политологи и философы называют *смутным*, по аналогии с теми историческими периодами жизни России, когда само ее существование балансировало на грани.

Оказаться в это смутное время ответственным за криминогенную обстановку области и полуторамиллионного города по мнению многих здравомыслящих, а уж тем более осторожных и осмотрительных людей, значило либо обречь себя на скорое профессиональное поражение, служебное несоответствие или, в лучшем случае, традиционную перемену места службы, либо только изображать более-менее активную деятельность, а отсутствие результатов списывать на независящие от тебя обстоятельства. Многие, кстати, так и поступали, благо обстоятельств было более чем достаточно — от всех вышеперечисленных до многомесячных задержек зарплаты и ее мизерности, не обеспечивающей даже полуголодное существование.

Может быть, именно на это кто-то где-то и рассчитывал, надеясь, что доведенные до отчаянья неоднократными перестройками и развалами, нищетой, откровенной травлей и дискредитацией, силовые структуры начнут стремительно распадаться, освобождая криминальным кругам и новым политикам полную свободу действий, без оглядки на законы, совесть и человеческие жизни.

Некоторые ломались, уходили, посчитав происходящее за окончательный результат начавшегося развала и не видя перспектив в борьбе с распоясавшимся криминалом. Другие пытались приспособиться и, махнув рукой на долг и совесть, стали отыскивать в общественной неразберихе возможность с выгодой использовать свое служебное положение. Из защитников закона они превращались в самых страшных его разрушителей. Но многие, сжав зубы, продолжали нести свою нелегкую службу, потому что понимали — если они оставят свой пост, общество окажется совершенно беззащитным перед ожившей нечистью, и тогда следом за бывшим Союзом рухнет и только что заявившая о своей государственной самостоятельности Россия. Именно на этих людей рассчитывал Александр Николаевич, когда со свойственными ему решительностью и методичностью стал перестраивать работу Управления. Это не была структурная перестройка: не менялась суть работы, ее основные направления — их надо было сохранить во что бы то ни стало. Кардинально стал меняться сам стиль работы. В двух словах это будет означать — «полная самоотдача». Требовать же этого от людей можно лишь тогда, когда с подобной самоотдачей работаешь сам.

Рабочий день генерал-лейтенанта А. Н. Соинова расписан по минутам. За все эти годы никто не видел его появившимся на работе хотя бы на несколько минут позже семи утра. Даже когда в три, четыре часа ночи он прилетал из командировки, в семь утра уже был в своем кабинете. Заканчивается рабочий день Александра Николаевича обычно в 21 час. Часто — позже и гораздо позже. И все эти четырнадцать, шестнадцать, восемнадцать часов в сутки буквально без малейшей отдушины заполнены предельно напряженной работой.

Селение Гухой. Чечня. Место гибели сотрудников. 2001 г.

Используя устаревший, но тем не менее не потерявший своего глубинного смысла журналистский штамп, такую работу можно назвать повседневной и очень нелегкой борьбой. Борьбой за людей и борьбой против людей. Надо ли расшифровывать, против каких?

Вспоминая первое представление Александра Николаевича коллективу Управления, сотрудники, присутствующие при этом, рассказывали, что ровный, спокойный, негромкий голос, которым он говорил о себе, о своих планах, сначала не был слышен дальше второго-третьего ряда. В зале стоял гул. Сотрудники Управления привыкли к другому уровню общения. Некоторые сразу же поторопились махнуть рукой на новое руководство — мол, задержится он у нас недолго, не умеет голос повышать, где ему справиться с людьми, которые привыкли к самым страшным проявлениям изнанки жизни, и сами не раз срывали голос и разбивали в кровь кулаки в непосредственных с нею столкновениях. Но те, кто дал себе труд вслушаться в то, что говорил новый руководитель, насторожились. Сумели уловить в его словах непреклонную волю, жесткость и даже жестокость, с которой он был намерен добиваться от подчиненных настоящей, а не показной работы. Зал постепенно стихал. В задних рядах шепотом переспрашивали, о чем только что шла речь…

Утро нового рабочего дня началось с того, что каждый из начальников отделов должен был подробно доложить обстановку по своему направлению за прошедшие сутки. Досконально расспрашивалось о каждом происшествии, о том, что сделано, что упущено, что предстоит сделать. Знать надо было все, до самых, казалось бы, незначительных мелочей. *Мы работаем с людьми, в постоянно меняющейся обстановке,* — любит повторять Александр Николаевич, — *и любая мелочь может оказаться решающей.* Держать оперативную ситуацию в руках можно лишь тогда, когда знаешь ее не понаслышке, не в общих словах. Не знаешь, не владеешь — отвечай за свою профнепригодность, безразличие, непонимание.

Надо ли говорить, что некоторые, непривыкшие к такому стилю работы, были недовольны. Пристальное внимание А. Н. Соинова буквально к каждому их шагу казалось недоверием, придирками, чуть ли не оскорблением. Стали подавать рапорты об увольнении. Александр Николаевич без колебаний подписывал их. Если люди не понимали, что в той обстановке, которая складывалась тогда в стране, в области, в районах, нельзя работать по-другому, значит, они не могли или не хотели так работать. Либо профессионализм и полная самоотдача, либо уходи, не мешай. Сам Александр Николаевич, вспоминая об этих первых, может быть, самых трудных для него месяцах работы, говорил:

— В те дни меня поддерживало сознание того, что я должен так жить и работать, как я себе это представляю. Если ты взялся за такое большое, трудное, ответственное дело, если тебе доверяют, если это твоя должность — отдай всего себя работе. Отдай! Не надо чадить! Или работай, или уходи. Середины быть не должно. Такая у нас работа — с людьми.

Говоря о сути профессионализма, Александр Николаевич пытается заострить внимание не на тех специфических качествах и особенностях оперативной милицейской работы, о которых большинство судит по бесконечному потоку детективных сериалов и развалам криминального чтива, а делает упор на, казалось бы, очень простых, чисто человеческих качествах, которыми, по его мнению, должен обязательно обладать каждый руководящий милицейский работник:

— Не буду говорить о том, что я должен делать, что должен знать, как должен впитывать происходящее, какие оценки и решения принимать при этом. Знаю только одно — руководитель имеет моральное право руководить людьми только тогда — и это я не устаю внушать своим заместителям, помощникам, всему личному составу, — когда он работает больше их. Когда он знает больше, когда он готов поделиться своими знаниями, своим видением обстановки, пониманием всего того, что происходит, своими мыслями, наблюдениями. От своих сотрудников можно требовать тот спектр человеческих качеств, который заложен, прежде всего, в тебе самом. И делать это вовсе не для того, чтобы тебе как можно скорее поверили, чтобы тебя побыстрее зауважали — это был бы дешевый популизм. Пример должен быть постоянным, без отступлений в сторону и компромиссов с обстоятельствами. Тогда и доверие к тебе будет постоянным.

И еще. В моем понимании профессионализм — это не только то, что ты умеешь делать. Сюда я включаю и такие понятия, как порядочность, бескорыстие и многие-многие другие человеческие качества, которые формиру-

А.Н. Соинов, Б.В. Грызлов. Министерство внутренних дел

*ют позитивный облик руководителя. Стараюсь никогда и никого ни к чему не принуждать. Если у человека своя голова на плечах, если он ответственный руководитель, он сам пойдет точно по этому же пути и будет руководствоваться теми же принципами. Другого пути для тех, кто работает в нашей системе, не дано. Система наша необычная. Она — **правозащитная.** Она среди людей и для людей. Она учит, она защищает жизненные ценности человека — его жизнь, его имущество, его близких. По-другому работать здесь просто нельзя, невозможно.*

Стоит еще раз напомнить о том, в какое время генерал А. Н. Соинов приступил к исполнению своих обязанностей. Возникла не просто сложнейшая криминогенная обстановка. Обстановка критическая, на грани. В любую минуту можно было ожидать социального взрыва, трагические последствия которого нетрудно предугадать. Пенитенциарная система области входила тогда в систему Управления внутренних дел. Десятки колоний, тюрьмы, следственные изоляторы, ЛТП, тысячи заключенных, оставшихся без работы, нарушенное снабжение, вплотную подступающий голод, повальные болезни, массовые увольнения охраны. Неуверенность, страх, растерянность, нарастающий ропот недовольства, ненависть, слухи. Каждый из них мог оказаться страшной правдой. Изменить ситуацию можно было лишь ценой невероятных усилий. В те дни зародилось еще одно новшество в работе нового руководителя Управления, превратившееся в последующие годы в неизменную традицию. Отныне ни одного выходного дня А. Н. Соинов не проводил в черте города. Либо вечером в пятницу, либо рано утром в субботу группа работников Управления во главе с начальником выезжала, а чаще вылетала в один из районов области.

— Надо было досконально знать, что происходит на местах, — рассказывает А. Н. Соинов. *— Для меня просто невозможно принимать какие-то управленческие решения, плохо или хорошо думать о людях, пока сам не увижу, что это за люди там работают — в Кыштовском РОВД, в Усть-Таркском, в Тогучинской колонии, в Чистоозерке… Как я могу о них судить, если не знаю, кто они, в каких условиях служат, живут. Для меня с первых дней стало правилом — пять дней работаю в городе, а в выходные — проверка деятельности районных РОВД, непосредственная работа в районах. Этот процесс нуждается в постоянной корректировке. Он не подлежит отладке, это не механическое устройство. В него постоянно надо вносить изменения. Постепенно складывается форма прямой и обратной управленческой связи. Не менее важен и еще один круг работы и общения во время этих поездок: с местными органами власти, с жителями районов. Здесь тоже устанавливается прямая и обратная связь. Выслушиваем замечания, пожелания, вносим совместные коррективы в их работу, в деятельность личного состава РОВД. Те или иные насущные вопросы ставятся на контроль, составляем перечень совместных мероприятий, позволяющих ликвидировать те или иные пробелы, в том числе и в нашей оперативно-служебной деятельности. Этот процесс должен быть непрерывным, останавливаться нельзя.*

За прошедшие годы генерал Соинов не меньше двадцати раз побывал в каждом районе области. Своеобразный рекорд, никем из руководителей такого ранга не превзойденный. И вряд ли когда-нибудь будет превзойден. По-прежнему каждую субботу и воскресенье Александр Николаевич в одном из районов области. И так будет продолжаться, пока на нем лежит ответственность за спокойствие и безопасность живущих там людей.

Сказать, что подобные нововведения входили в практику повседневной работы Управления без сучка и задоринки, не встречались некоторыми в штыки, не саботировались — погрешить против истины. Особенно нелегко было на первых порах. Один только пример. Буквально в первый месяц работы, когда достаточно явственно обозначились параметры перемен в привычной практике повседневной работы, все замы Александра Николаевича одновременно подали рапорта об отпуске. Это был откровенный вызов, рассчитанный на то, что тот одумается, испугается, отступится от своих жестко заявленных требований. Не испугали.

— Несмотря на эту полосу отчужденности, неприязни, непонимания, я прекрасно осознавал, что главной моей задачей было и будет сохранение и укрепление системы, обеспечение ее профессионального становления в меняющихся и очень жестких условиях окружающей действительности. В кратчайшие сроки прошли серьезные кадровые изменения среди руководящего состава. А когда были подобраны порядочные в профессиональном отношении, грамотные руководители, стало дышать намного легче. Повысилась ответственность, возросла исполнительность, культура. В конце концов мы прочно стали на ноги и заработали более эффективно.

Упорству в достижении поставленной цели Александра Николаевича учила жизнь. Работать пошел в 15 лет. Окончил вечернюю школу, сменил несколько профессий. В 1969 году поступил на заочное отделение Саратовского юридического института. Пожалуй, это были самые трудные годы. Работал электриком на станции, родились дочки, квартира в сыром полуподвале, по ночам учеба. В 27 лет он уже начальник следственного отдела в одном из районов Воронежской области, а еще через несколько лет — начальник следственного Управления области, заместитель начальника Воронежского УВД по следствию. Затем — кажется, это был первый такой случай в России — зама по следствию назначают начальником областного Управления внутренних дел. К нам, в Новосибирск. Значит и там, наверху, заметили, оценили именно те его качества профессионала и руководителя, без которых справиться с новой и, может быть, самой трудной задачей в жизни просто невозможно.

Он часто называет свою работу, работу своих сотрудников, сослуживцев созидательной, очищающей, творческой, резко противопоставляя ее суете, болтовне, неконструктивному выяснению политических взаимоотношений.

— У нас слишком много развелось сейчас политиков, руководителей, чиновного люда, которые вместо созидательного труда, к которому они призва-

ны, тратят свое время на обсуждения, рассуждения, склоки. Если бы каждый на своем рабочем месте занимался своим делом, исполнял то, что ему положено, создавал и созидал, несмотря на трудности, несмотря на то, что творится вокруг, мы бы уже сейчас имели совершенно другую страну. Да, идет ломка, идет нелегкий процесс реформирования, процесс становления государства иной социальной направленности, иной жизни. Формируются новые условия существования, новые общественные взаимоотношения. И чтобы это происходило как можно менее болезненно, конструктивно, с пользой для всех, нужен труд и поддержка каждого из нас. Поэтому, будь добр, иди той дорогой, которая тебе предназначена, исполняй то, к чему ты призван, на что у тебя хватает сил. Не канючь, не скули, что мало денег, что трудные условия, что чего-то не хватает. От того, что ты стонешь, жалуешься или материшь всех и вся, у тебя ни условия не улучшатся, ни денег не прибавится.

Если говорить о деятельности нашего УВД, могу сказать, что за все эти годы — годы кошмарные, тяжелые — мы ничего не развалили, ничего не утратили. Мы созидали и даже приумножали. Прежде всего, это касается заботы о наших сотрудниках, их детях и семьях, о наших пенсионерах.

Отдаю себе отчет, какая нагрузка ложится сегодня на нашу службу, как трудно приходится ее рядовым и руководящим работникам. Не могу не процитировать небольшой отрывок из статьи, напечатанной на днях в «Комсомольской правде». Вообще об отношении к нам средств массовой информации разговор особый и непростой. Но тут, видимо в преддверии Дня милиции, они решили сменить свое обычное предвзятое к нам отношение на более-менее объективное понимание происходящего. Вот что они пишут: «Сегодня милицию не ругает только ленивый. Хотя случись что, мы сразу бежим к дяденьке милиционеру. И, получив помощь, мало задумываемся о том, что люди в серо-голубой форме охраняют нас за нищенскую зарплату (в среднем 3 500 руб.), живут в общежитиях и коммуналках, считают литры «горючки» для служебных автомобилей. Ежегодно от бандитских пуль или ножей гибнут десятки милиционеров. Тысячи преступлений раскрываются, а десятки тысяч предотвращаются». Слава Богу, хоть до кого-то там дошло. Самое время сейчас задуматься над идеологией или, вернее даже, над философией самого существования нашей службы. Я иногда говорю и себе, и другим: — Я человек служивый, а служба наша — служба государева. Ни одна власть, ни одно государство не продержалось бы без нее и месяца. А в такие трудные времена, как наше, ее отсутствие или бездеятельность обернулись бы почти мгновенной катастрофой. Зайдите ночью в любое отделение милиции, понаблюдайте за работой ее сотрудников. Пьянь, бомжи, беспризорные дети, воры, наркоманы, убийцы, сотни телефонных звонков, крики о помощи… Скажут — такое сейчас общество, такие условия жизни. Падение морали, утраченные идеалы, отсутствие цели. Не без этого, конечно. Но мы-то сдерживаем всю эту нечисть своей грудью, своими нервами, порой ценой жизни заслоняем тех, кто не виноват в происходящем, кто честно трудится, кто надеется на лучшую жизнь.

Да, я много, очень много требую от своего личного состава, от руководителей наших отделений, подразделений. В чем-то я их, конечно, ущемляю, ограничиваю в свободном времени, создаю для них тот режим, в котором работаю сам. Некоторые не выдерживают. Но большая часть выдерживает. И эти люди заслуживают и понимания, и уважения, и помощи. Я просто обязан, как бы трудно мне ни было, что-то делать для них. Целенаправленно делать. Должен заботиться об их быте, их коллективном быте, семейном. Должен думать об их детях, открывать, создавать детские учреждения. Должен думать об их семьях, а для этого решать, прежде всего, жилищные вопросы. Должен думать о досуге, отдыхе, а для этого надо создавать базы отдыха, оздоровительные лагеря, реабилитационные центры, где они могли бы отдохнуть и после сложнейшей напряженной работы, и после возвращения из «горячих точек», в которых они находятся по шесть месяцев. И все это есть у нас. Прекрасные базы отдыха: Юрт-Ора, загородная зона в Заельцовском бору, где расположен оздоровительный лагерь, база отдыха «Ласточка». На днях будет сдан вспомогательный лечебный корпус для круглогодичного восстановительного лечения детишек. Добиваемся, чтобы наши сотрудники получали квартиры, строим им жилье. Каждый год сдаем не менее сотни квартир. Недавно на улице Ползунова сдали великолепное семейное общежитие — 125 малосемеек, одно-двух комнатных квартир. Не комнат — квартир!

Если говорить о нашем техническом оснащении, то оно вполне на уровне, пока не жалуемся.

Никогда мы не были скупы на награды, на очередные и внеочередные звания. Лишь бы только человек этого заслуживал. А людей достойных у нас много, поэтому много награжденных. Я горжусь своими людьми. Никогда этого не скрывал, не скрываю и не буду скрывать. То, что мы сумели выстоять, что мы выжили, не сломались, что мы сохранили самих себя, не потеряли честь, не потеряли лица, что мы несем и способны нести службу в самых сложных условиях, заслуживает низкого поклона и глубочайшей благодарности нашим людям.

Принято считать, что о личности человека гораздо больше чем работа говорят его увлечения, то, как он проводит свое свободное время. Возможно, для многих так оно и есть. Но линия жизни Александра Николаевича Соинова почти стопроцентно определена его работой. Семья, быт, свободное время, которого почти не остается, все подчинено одной цели — как можно лучше, ответственней, результативней выполнять свою работу.

То, что у него, при его возможностях и должности, нет ни своей дачи, ни машины, многим кажется если не позой, то никому не нужным аскетизмом. Когда его спрашиваешь об этом, он пожимает плечами:

— Мне это не надо.

— А семье? Детям, внукам?

Чувствуется, что вопрос для Александра Николаевича трудный и не очень приятный. Он долго молчит, хмурится.

— Семью я, конечно, вольно или невольно ставлю в жесткие условия, тяжелейшие. Трудно им со мной, очень трудно. Дочки, правда, давно выросли, оперились — свои семьи, дети. А жена, как говорили раньше, настоящая боевая подруга. Она у меня святая женщина. Представьте, я встаю в половине шестого, и жена встает. За все годы еще ни разу не было, чтобы она не проводила, не встретила. Сколько мне на отдых, столько и ей. А у нее своя работа, и непростая. И всю нашу жизнь с ее стороны абсолютная поддержка и понимание. Понимание и трудностей, и сложностей. Без нее мне было бы во много и много раз труднее.

Понимаю, нужна какая-то разрядка, больше внимания к родным, заботы о них. Выехать с ними на природу, с удочкой посидеть, в земле покопаться. Но так уже сложилась моя жизнь, что я не могу распоряжаться собой. Осознание того, что «ты должен!» — вошло в кровь, в плоть, в разум. Должен своей профессии, своим жизненным установкам, своей выработавшейся с годами потребности работать так, а не иначе. Но семья — это самое светлое в моей жизни. Особенно внуки — Юлька и Никита. Увижу их, услышу, и все тяжелое, что накапливается иногда за день, как чистой водой смывает.

— А еще какие радости?

— Книги. Умные книги, в основном с историческим и философским уклоном. С возрастом приходит время оценок, размышлений. Книги не дают расслабиться, заставляют думать, сравнивать, делать выводы. Не понимаю тех людей, которые говорят: «Не успеваю читать, времени не хватает». Какая бы ни была напряженка, каждый вечер у меня в руках книга.

— А музыка?

— Только классическая. Очищает душу, успокаивает, помогает… Если выпадает свободный час-другой, люблю топить печь или разжечь костер и смотреть на огонь. Тоже успокаивает и помогает. Вот, пожалуй, и все.

В этом скупом перечне нет еще одного, самого главного и любимого увлечения Александра Николаевича — ощущения полета, желания и умения хотя бы на несколько часов оторваться от земли, почувствовать себя нераздельным хозяином движения и пространства.

Еще с юности он лелеял заветную мечту — летать. Осуществить ее было невероятно трудно — учеба, семья, работа. А выбранная специальность, казалось бы, бесконечно далека от возможности осуществить желаемое. Но мы уже говорили о том, как А. Н. Соинов умеет добиваться поставленной перед собой цели. Сначала в местном аэроклубе он самостоятельно поднимается в воздух на спортивном ЯК-52, потом осваивает транспортный АН-2. Затем — длительный перерыв. И только оказавшись в Сибири, с ее бескрайними просторами, с необходимостью в новой должности начальника областного УВД быть предельно мобильным, экономить каждую минуту, он вспоминает свое юношеское увлечение и приходит к выводу, что авиация — единственный эффективный способ справиться одновременно и со временем, и с расстоянием.

— Я сразу понял, что без помощи авиации нам здесь будет очень и очень нелегко. И тогда пришла мысль создать собственное авиационное подразделение. И оно создано. А в момент его создания снова родилось непреодолимое желание летать самому.

Специализированное авиационное подразделение особого назначения — кстати, единственное в России структурное подразделение подобного рода в рамках МВД УВД субъектов Федерации, — создавалось на базе вертолетов МИ-8. Решение выучиться и летать на них реализовывается Александром Николаевичем в самое короткое время. Получить летные права, когда возраст уже к пятидесяти, выполнять в тренировочных полетах фигуры высшего пилотажа, налетать необходимые часы и затем самому садиться за штурвал во время еженедельных полетов по области, — на это способен человек феноменального упорства и силы духа. Можно еще упомянуть отменное физическое здоровье, сохраненное при всех огромных психологических и рабочих перегрузках.

Лет двадцать-тридцать назад обязательно бы написали, что этот человек романтик и мечтатель при всем его кажущемся прагматизме и замкнутости. Сейчас поостерегусь давать такую характеристику Александру Николаевичу, ибо слово «романтик», как и слово «рыцарь», старательно изымается из повседневного обихода. Но где-то в глубине души мне очень хотелось бы согласиться с такой характеристикой. Подсказывают это и еще кое-какие факты из его жизни. Вот хотя бы его непоколебимая уверенность, что добро обязательно победит зло, а он призван служить этой победе.

Для справки: *МВД России отмечает положительную тенденцию по снижению преступности в Новосибирской области в последние годы.*

Александр КОСЕНКОВ

Яркий след большой звезды

Обычно это случается в августе, когда наступают долгие, темные ночи, а небо становится несказанно красивым от обилия звезд. И вдруг, не удержавшись на небосводе, срывается одна из них, прочерчивает огненную дугу по темному куполу и исчезает… Ее уже нет, а в глазах еще долго-долго, до внезапной слезы, живет и не гаснет стремительный и блескучий след. След сгоревшей звезды. Точно также бывает порой и с человеческими судьбами, когда заканчиваются их земные сроки, а след, оставленный человеком, продолжает жить в вечном мире, и с годами он не тускнеет, а становится только ярче.

…С тихим шуршанием крутится пленка диктофона, и почти в каждой записанной мною беседе обязательно звучат фразы: «Это еще при Соловьеве было…»; «Он еще с Василием Ивано-

вичем работал…»; «Помню, Соловьев приезжает…»; «Вызывает меня Василий Иванович к себе…» И когда эти фразы слышишь уже десятки раз и от самых разных людей, невольно задумываешься о том, что журналистская судьба подарила на этот раз редкую встречу с уникальным человеком, которого, увы, уже нет, и его не спросишь о пережитом, о мыслях и чувствах, остается только одно — внимательно идти по его следу, прислушиваясь к голосам самых разных людей, кому довелось с ним работать долгие годы бок о бок.

Вообще надо сказать, что память о Василии Ивановиче Соловьеве, который возглавлял горводоканал в период бурного развития, живет в нынешнем коллективе просто и естественно. Да, есть мемориальная доска на здании управления, но это, если можно так выразиться, память официальная. Бывает ведь так, что не только мемориальную доску, но и памятник в бронзе отольют, а люди относятся ко всему этому, как к музейному экспонату — холодно. В нашем же случае все совершенно по-иному: не побоюсь высокого слога, если скажу, что память о Василии Ивановиче можно назвать народной. Все его дела, устремления, человеческие качества продолжают жить в коллективе и по сей день. И главное тому доказательство — рассказы людей. Вот они, дословно перенесенные мной с диктофонной пленки на бумагу…

— У одной из наших работниц заболел ребенок, нужно срочно делать операцию, а в Новосибирске таких операций не делают, надо совсем в другой город ехать. Бедная женщина в отчаянии. А Соловьев случайно услышал разговор, причем не от самой матери, а от других работников. Иной руководитель в такой ситуации посочувствовал бы, вздохнул, и на том дело бы кончилось. А Василий Иванович дозвонился до города, где такие операции делали, договорился, чтобы ребенка приняли…

— Помню, пролетел я крепко, провинился, короче говоря — загулял. Парень молодой, в голове ветер посвистывает. И надо ж такому случиться — попал на глаза Соловьеву. На всю жизнь запомнилось: стоит он, кряжистый, в руке «беломорина», молчит и на меня смотрит. Я тоже молчу, а чего скажешь, если меня на ровном месте покачивает. И вдруг вижу, что лицо у Василия Ивановича таким брезгливым становится, будто он в коровью лепеху наступил. Из меня даже хмель вышибло. Посмотрел он так на меня, ничего не сказал, повернулся и пошел к машине. Все. Лучше бы отматерил, лучше бы наорал… С тех пор я на работе ни разу не выпивал. Вылечил он меня, без слов.

— Я тогда мастером в ГК-1 работала. Осенью дело было, дождь, слякоть страшенная. А тут, как на грех, авария. Раскопали траншею, мужики мучаются: сверху льет, внизу — месиво, что-то никак у них не ладится. И тут подъезжают Соловьев и Алиджанов (заместитель председателя горисполкома), подходят к траншее, и Али Халилович что-то спросил у рабочих, грубовато, надо сказать, спросил, а те ему, головы не поднимая, им же не видно, кто наверху стоит, отвечают… матом отборным. Ну, думаю, сейчас беда будет! — А Василий Иванович так спокойно, выдержка у него железная была, — берет Алиджанова под руку и говорит: «Пойдемте, Али Халилович, не будем мешать, без

нас разберутся…» И отвел его к машине. Психолог тот еще был, понимал, когда нужно и суровое слово сказать, а когда — промолчать. Но самое-то главное после было. Соловьев с Алиджановым уехали, я к рабочим — да вы хоть знаете, черти полосатые, кого обругали? Соловьева с Алиджановым! А они мне отвечают: Василий Иванович настоящий мужик, он поймет, он же знает, что мы отсюда не вылезем, пока аварию не устраним. Правильно сделал, нечего нас по мелочам дергать.

— Рядом с ним было надежно. Хорошо помню, только назначили меня начальником участка, и сразу же — крупная авария. А зима стоит, мороз, вода хлещет. Я бегаю, суечусь, кричу что-то, а от крика, как известно, бестолковщины еще больше. И тут приезжает Соловьев. Глянул на меня, зачерпнул в свою ручищу снега полную пригоршню и подает мне. Я аж опешил. Зачем? А он серьезно так говорит: «Оботри, парень, личико и остынь, а то так блажишь, что всех ворон распугал». И, знаете, — я успокоился, а Василий Иванович четко людей расставил, работа пошла, и не уехал, пока аварию не устранили. Только после до меня дошло — он ведь не случайно именно на моем участке появился, знал, что молодого спеца поддержать надо.

— Есть такое выражение — «удар держать». Так вот, Василий Иванович умел это делать, как редко кому удается. Собрали в горкоме партии руководителей-коммунальщиков, как говорится, «на разбор полетов». Дошла очередь и до Соловьева. Ну, и взялись его пушить! Да самое главное — не по делу. Я сижу и все жду, когда же он возмутится, когда возражать начнет? А он как каменный. Кончилось совещание, выходим, и я его спрашиваю: «Василий Иванович, что же ты им ничего не возразил?» Он так усмехнулся и говорит: «Возражать и воевать надо тогда, когда от этого польза будет. А это так — сотрясение воздуха.

Я намеренно не называю фамилии тех, кто рассказывал эти истории, потому что таких историй, если задаться целью, можно было бы насобирать на целую книгу. А рассказчиками могли бы стать все, кто так или иначе соприкасался по жизни с Василием Ивановичем Соловьевым. Речь же нужно вести о другом — в этих простых и незамысловатых случаях, как на фотобумаге, проявился живой человеческий характер. Человека ведь можно узнать по большому счету именно в мелочах. А Василий Иванович был человеком цельным — и в больших делах, и в мелочах житейских. И когда начинаешь постигать эту цельность, тогда становится понятным, откуда у него взялись силы на те масштабные преобразования в горводоканале, которые ему удалось свершить. А свершить их мог только человек, уверенный в себе и в своей правоте.

Конечно, не в одночасье он стал таким, каким его сохраняет доныне народная память. Характер и суть человеческая складываются годами и на прочность проверяются всей жизнью. А жизнь Василия Ивановича была суровой и жесткой. Родился он в селе Федосиха Коченевского района Новосибирской области, в 1926 году. В грозном сорок первом, в пятнадцать лет, началась его рабочая биография. Вместе с такими же подростками осваивал слесарное и то-

карное дело на заводах «Коминтерн» и «Электроагрегат», которые обозначались в то время лишь номерами 644 и 208. Это была судьба целого поколения: деревенское детство, военный завод со скудными продпайками и работа, работа, работа, осеняемая лишь грозным и лаконичным лозунгом «Все для фронта, все для Победы!»

Уже одного этого испытания, пережитого на «заре туманной юности», хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Но это только начало тяжелой и трудной дороги. Потому что именно тому поколению, к которому принадлежал Василий Иванович, пришлось отведать пороховой гари, причем в самом конце, на самом излете великой войны, когда весь воздух был напоен запахом Победы. Призванный на службу в 1943 году, молодой краснофлотец Соловьев принимал участие в войне с Японией, награжден медалью за мужество и отвагу. Ему было только чуть за двадцать, а за плечами уже имелось познание и голода, и холода, тяжкой, до седьмого пота, мужской работы, и той мгновенной, неуловимой грани, разделяющей жизнь и смерть.

Я не случайно подчеркиваю причастность Василия Ивановича Соловьева к его поколению. Изведав, как говорится, лиха полной мерой, оно такой же полной мерой стремилось жить. Отдав военной службе семь лет и вернувшись в мирный Новосибирск, он устраивается слесарем в трест «Водоканал». Казалось бы, есть профессия, есть работа, есть, в конце концов, кусок хлеба, пусть и без масла. Что еще нужно?

Ответить на вопрос несложно — им, вчерашним фронтовикам, этого было мало, они душой чувствовали свою востребованность. И поэтому видится уже вполне закономерным: окончание вечерней школы, двухгодичных курсов повышения технического уровня, а затем вечернего факультета Новосибирского инженерно-строительного института. Все это, как писали раньше, без отрыва от производства, на котором он последовательно поднимался по ступенькам служебной лестницы: слесарь, начальник водосбыта, начальник насосно-фильтровальной станции, начальник водосети. После окончания института трудился в тресте «Спецстрой», где тоже занимал различные должности, пока не был назначен решением сессии Новосибирского городского Совета народных депутатов начальником Производственного управления водопроводно-канализационного хозяйства города.

На дворе стоял уже 1967 год.

Сейчас мне кажется, что Василий Иванович Соловьев не сделал в своей биографии ни единого ошибочного шага — наоборот, твердо и последовательно двигался к главному делу своей жизни, набираясь знаний, опыта и профессиональной хватки. Все это ему позарез понадобится на месте руководителя горводоканала, которому он отдаст не только обретенный к тому времени опыт, но и всю свою широкую русскую душу, не умеющую жить вполнакала.

— *Он весь был в своей работе, без остатка,* — Владимир Викторович Распопов надолго задумывается и после паузы еще раз повторяет: — *Работа для него была смыслом жизни. Если бы по-иному, он, наверное, не смог бы совершить то, что ему удалось совершить.*

Владимир Викторович семнадцать лет отработал начальником Управления жилищно-коммунального хозяйства облисполкома и все эти годы практически ежедневно либо встречался, либо разговаривал по телефону с В. И. Соловьевым. Срок, что и говорить, вполне достаточный, чтобы узнать человека.

А познакомились они при обстоятельствах не совсем обычных. Распопов приехал в Москву, на утверждение в своей должности в министерстве. И вот, после беседы с начальством, получив напутствие, Владимир Викторович выходит в приемную, а там — группа новосибирцев из жилкомхоза и среди них — Соловьев, приехали защищать годовой бюджет. Познакомились. На нового начальника смотрели с настороженностью. Но уже через несколько дней, после работы над документами, настороженность растаяла, и установились добрые отношения, которые переросли со временем в большую дружбу.

— *Чтобы оценить масштаб сделанного Василием Ивановичем Соловьевым,* — говорит Владимир Викторович, — *надо представить реальную карти-*

ну того времени. А она была следующей: система водоснабжения катастрофически отставала от темпов роста города, а тут еще один за другим стали появляться города-спутники — Академгородок, ВАСХНИЛ, ОбьГЭС, Обь, Пашино… Все это так плотно смыкалось, что начинал образовываться единый мегаполис. Естественно, с каждым годом он все больше давал отходов своей жизнедеятельности, а системы канализации не было, городские отходы текли прямо в Обь тысячами тонн, и пузыри плыли, как горько тогда шутили, до самого Ледовитого океана. Свою немалую «ложку дегтя» вносили и новосибирские предприятия, они тоже сбрасывали свои отходы прямиком в Обь. И в этой, прямо скажем, не очень благополучной обстановке требовалось делать выбор — что строить в первую очередь? Насосно-фильтровальные станции, чтобы обеспечить город водой в полной мере, прокладывать новые сети, чтобы успеть за строителями, или очистные сооружения канализации? Все нужно и все важно. И тут в полной мере проявилась дальновидность Василия Ивановича Соловьева, его стратегический взгляд на развитие водоканализационного хозяйства города. Именно с его подачи вызрела идея — строить все в комплексе. Идеей этой буквально «заболел» бывший председатель горисполкома Иван Павлович Севастьянов…

Но не надо думать, что возвращение Василия Ивановича Соловьева, уже на новом витке его биографии, в Горводоканал, причем на должность первого руководителя, его новшества и идеи, которые он стал внедрять в жизнь, восприняты всеми абсолютно благожелательно. Конечно, нет, потому что в суровой реальности масштабного предприятия такое могло произойти только в «идеально-розовом» варианте.

Да, идея была громадна, но в нее мало кто тогда верил. И были для этого свои основания: расход каждого рубля и гвоздя лимитировался в Москве, каждый годовой бюджет, даже на текущие расходы, приходилось защищать в министерстве с пеной у рта. А здесь нужны такие вложения — даже подумать страшно.

Но не зря говорят в народе, что глаза боятся, а руки делают. Сегодня, вспоминая о том времени, Владимир Викторович мудро улыбается, а тогда было не до улыбок. Лишь тот, кто работал в те годы, может себе представить всю сложность протаскивания проекта по бесконечным коридорам Минфина, Госстроя, Госплана. Об этом можно написать целую повесть, где произойдет смешение всех жанров — от трагедии до комедии. Большую роль в этой ситуации играл И. П. Севастьянов; используя свои связи, он помогал выходить на министров, на их заместителей, а дальше уже начиналась черновая работа, которая полностью ложилась на широкие плечи Василия Ивановича Соловьева.

— Мы иногда с ним по полгода в Москве жили, — вспоминает В. В. Распопов. *— И порой так по московским кабинетам находишься, так тебе всю душу вымотают, что начинаешь испытывать неодолимое желание — хлопнуть дверью и послать все к чертовой бабушке. Но я смотрел на Василия Ивановича и всегда заражался его спокойствием и выдержкой. Еще одной бумаги не хватает?*

Представим. Эта цифра не обоснована? Обоснуем. И вот так, шаг за шагом, продвигались к цели.

В конце концов, общими усилиями глухое сопротивление Москвы преодолели. Масштабный план приняли. Но до конечного результата было еще очень и очень далеко. Прежде чем начать строительство, требовалось привязать все объекты к местности, требовались проекты, технические обоснования — все это составляло тоже огромную часть работы. Одновременно велись переговоры с подрядчиками, создавалась и собственная производственная база. К решению глобальной задачи привлекалась целая сеть проектных институтов, использовались наработки ученых Сибирского отделения Академии наук, Сибстрина, НЭТИ. А теперь давайте представим весь этот объем в повседневности — сколько телефонных звонков, встреч, переговоров, а главное — сколько душевных сил требовалось вложить, чтобы планы, изложенные на бумагах, претворились в жизнь и стали явью. Об этом мог бы поведать только сам Василий Иванович, нам же остается лишь догадываться.

Дни складывались в месяцы, месяцы — в годы, а на осуществление задуманного плана ушло почти два десятка лет. За это время построены новые насосно-фильтровальные станции, проложены новые сети, созданы мощные очистные сооружения. Впрочем, лучше всего об этом скажут сухие цифры: введены в эксплуатацию 500 километров водоводов и водопроводных сетей, насосно-фильтровальные станции на правом и на левом берегах проектной мощностью 850 тысяч кубометров в сутки, водоотводящие сети и коллекторы глубокого заложения общей протяженностью более 300 километров, дюкерные переходы через Обь, первая очередь очистных сооружений канализации с пропускной способностью 600 тысяч кубометров в сутки. Объем работ осуществлен с таким заделом на будущее, что и сегодня все эти неустанные труды Василия Ивановича Соловьева продолжают исправно служить родному горводоканалу и Новосибирску.

За все это он удостоен премии Совета Министров СССР, получил звание «Заслуженный строитель РСФСР», награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, а также многими юбилейными медалями и почетными грамотами.

… Когда мы уже прощались с Владимиром Викторовичем Распоповым, я, спохватившись, спросил:

— Владимир Викторович, а неужели Соловьев никогда не выходил из себя, не ругался, не впадал в отчаяние, ведь живой же человек?!

— Выдержка у него была железная, и никто не видел, чтобы у него опустились руки. Как ему это удавалось, только он и знал. А ругаться… Было, конечно. Но только по справедливости и только с теми, кого он, как это ни странно покажется, уважал. Даже так говорили — это надо заслужить, чтобы Соловьев тебя отругал!

Я всматриваюсь в фотографии. Открытое русское лицо, меж пальцев вечная «беломорина», ворот рубашки вольно расстегнут (Василий Иванович не любил галстуки и мучился, когда приходилось их надевать по торжественным случаям). От всей плотной коренастой фигуры веет такой спокойной уверенностью, что начинаешь понимать: с ним действительно было надежно. И начинать огромные дела по совершенствованию городского водного хозяйства, и решать самые острые вопросы внутренней жизни в коллективе, и в экстремальных обстоятельствах на устранении больших аварий. Еще одна любопытная деталь: он приезжал на объект, выходил из машины, и какой бы мороз ни стоял на улице, всегда был без перчаток, в демисезонном пальто и в легких туфлях. И никто не видел, чтобы он продрог, замерз, хотя на улице ему приходилось проводить иногда целые дни. И в этом, если хотите, тоже проявлялся характер крепкого человека.

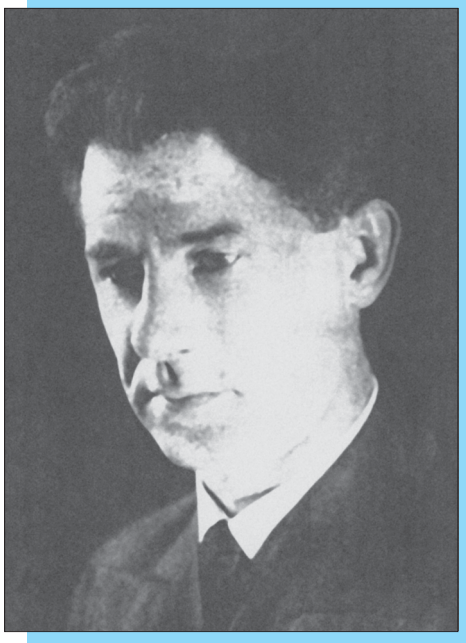
В 1987 году Василий Иванович ушел на пенсию, а в 1993-м снова вернулся в родной горводоканал, одержимый идеей создать музей предприятия. Хлопотал, собирал материалы, но задуманное довести до конца ему было не суждено. И начинаешь понимать, что и эти, последние хлопоты Василия Ивановича тоже были направлены на благо родного коллектива, он прекрасно осознавал: нельзя строить будущее, забыв о прошлом. К слову сказать, сегодняшнее руководство горводоканала во главе с Ю. Н. Похилом уже всерьез задумалось о том, чтобы такой музей на предприятии был. И верится, что он обязательно будет.

— *Он до последнего жил интересами горводоканала,* — вспоминает Петр Кузьмич Лоза, начальник ГК-1. — *Хорошо помню, когда он уже занимался музеем, приехал к нам. Зашел в ворота и остановился. Стоит и смотрит. Я подхожу, спрашиваю: «Василий Иванович, что не проходите?» А он отвечает: «Да вот любуюсь, я всегда хотел, чтобы так было». А мы как раз асфальт положили, насадили деревья, чистенько кругом, все цветет… И я чувствовал, что Василий Иванович в эту минуту был просто счастлив…*

Справка. В.И. Соловьев родился 2 мая 1926 г., умер 2 декабря 1997 г. Похоронен на Заельцовском кладбище.

Михаил ЩУКИН

Истый сибиряк из Хорватии

Кто-то верно подметил, что одна из самых больших радостей, отпущенных нам жизнью, — это встречи с интересными людьми.

Знакомясь с историей родного края, перелистывая страницы его летописи, можно встретить немало удивительных личностей, даже заочное общение с которыми доставляет истинную радость…

Я попытаюсь познакомить читателей с одним из таких людей — Иваном Людвиговичем Станчичем, чье имя еще при жизни овеяно легендой.

Хорват по национальности, музыкант с консерваторским образованием, эмигрант, патриот своей новой родины, профсоюзный лидер работников искусства Сибири, талантливый организатор, управляющий театрами и зрелищными предприятиями Западно-Сибирского края, директор Новосибирского театра «Красный факел».

О нем новосибирцы знают очень мало, почти ничего.

Родился Иван Станчич в 1899 году в городе Брод в Хорватии, находившейся в то время под властью Австро-Венгрии, в семье служащих. Отец его, часовых дел мастер, дал сыну вполне приличное образование.

Он окончил гимназию и шесть курсов консерватории. С 1914 года начал работать музыкантом-виолончелистом в оркестре государственного оперного театра в Загребе.

Во время империалистической войны с 1916 по 1918 годы служил в австрийской армии в качестве музыканта. Демобилизовавшись, работал в симфоническом оркестре Загреба. В этот период распадается Габсбургская империя и Хорватия входит в королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Югославия).

В 1919 году в связи с декретом королевского правительства о разгроме компартии Станчич был арестован, и позже ему пришлось скрываться в эмиграции в Австрии, Чехословакии и Германии. Четыре года он работает в симфонических оркестрах Праги и Берлина.

В 1923 году нелегально перебирается из Чехословакии в Советский Союз. Получив подданство СССР, приезжает в Омск, устраивается на работу преподавателем государственного музыкального техникума. Он хорошо владел немецким, чешским и, естественно, хорватским и русским языками, что помогло быстро адаптироваться в новых условиях. Его стремление поехать в далекий дикий край, каким в то время представляли на Западе Сибирь, характеризует Станчича как подвижника.

В техникуме он вступает в профессиональный союз работников искусства и активно включается в работу. Кстати, в Хорватии он состоял членом такого же союза с 1914 года.

В техникуме он всем пришелся по душе: умный, находчивый, общительный, приятный человек. Станчич организовывал к тому же интересные и увлекательные вечера, как говорили в старину, «задавал тон». Вскоре его избирают членом правления Омского губотдела Союза работников искусства и профуполномоченным в музыкальном техникуме.

Через год он избирается заведующим культотделом и заместителем председателя губотдела работников искусств (Рабис). Вплоть до 1926 года он преподает в техникуме. А 14 января 1925 года становится председателем Омского окротделения Союза Всерабис (в этот период губернское деление заменено на окружное). В нем 550 членов союза. В конце этого года на первом Сибирском краевом съезде профсоюза работников искусства он избирается членом правления Сибкрайрабис.

В музыкальном техникуме И. Л. Станчич вступает кандидатом в партию большевиков, здесь же встречает свою будущую жену, преподавателя музыки Софью Александровну Марковитину. В сентябре 1926 года они зарегистрировались, через год у них родился сын Борис.

В эти годы всюду в стране бурлила живая и многоцветная, увлекательная и необыкновенная, даже в своей обыденности, жизнь. Это был период пос-

лереволюционного времени, чрезвычайно короткого, но искреннего в творческих проявлениях. Время надежд на утверждение в жизни самых благородных, самых гуманных идеалов, которые когда-либо знала многовековая история человечества.

23 августа 1928 года пленум Сибкрайрабиса избирает Станчича в состав членов президиума и заместителем председателя. А на третьем Сибирском краевом съезде Союза работников искусства, в ноябре 1928 года, он единогласно избирается в состав краевого правления и его председателем.

Интересен состав съезда работников искусств Сибири. 45 его делегатов с решающим голосом были избраны от 3070 членов союза. Среди них: мужчин — 42, женщин — 3, рабочих — 12, служащих — 33, коммунистов — 12, из них 2 женщины. По национальности: великорусов — 37, евреев — 5, украинцев — 1, чехословаков — 1, хорватов — 1. По профессии: артистов оперы — 1, драмы — 7, эстрады — 1, хора — 1, музыкантов — 7, изоработников — 1, киномехаников — 1, музыкальных педагогов — 4, художественных руководителей — 3, клубных работников — 1, обслуживающего персонала — 2, учащихся художественных техникумов — 1, музыкальных техникумов — 1, прочих — 14.

В ноябре 1928 года И. Л. Станчич как председатель правления Сибирского краевого Союза работников искусств переезжает с семьей в Новосибирск. Ему предоставляется жилье на улице Романова, 35. Жену принимают педагогом в музыкальную школу и пианисткой в концертно-эстрадное бюро.

Краевой отдел профсоюза работников искусств СССР с 1930 года назывался Запсибкрайрабис, находился он во Дворце труда. Запсибкрайрабис объединял 49 низовых союзных ячеек зрелищных предприятий Запсибкрая.

Своим отношением к людям, доступностью и добротой И. Л. Станчич приобрел огромный авторитет. Служение людям, обществу для него стало делом жизни, судьбой. Зная, что люди искусства — народ эмоциональный, впечатлительный, Станчич всегда был корректен в оценке их деятельности.

Любое творчество, а тем более художественное — дело живое, горячее, страстное, требующее активной отдачи сил и здоровья каждому спектаклю, концерту или картине, поэтому люди искусства вправе рассчитывать на деликатность и уважение к их особенному труду.

Современники Ивана Людвиговича, работники учреждений культуры, деятели литературы и искусства относились к нему с глубоким почтением, ценили его как руководителя толкового, знающего, внимательного. Принципиальный, самостоятельный в суждениях, непримиримый к тупости и пошлости, он не выносил демагогии, лжи, лицемерия, угодничества и лести.

Вот выдержка из стенограммы третьего Сибирского съезда работников искусства. На замечания выступающих по отчетному докладу, что президиум не работал, а работал только Станчич, он ответил сдержанно учтиво: «Я был бы большим бюрократом, если бы это было так. Моя работа протекала под непосредственным руководством всего президиума…».

Работа в Рабисе принесла Станчичу широкую известность. 26 октября 1932 года И. Л. Станчич назначается управляющим Западно-Сибирским краевым управлением зрелищных предприятий.

В 30-е годы Новосибирск утверждает себя как главный культурный центр Сибири. Здесь разместились многие научные институты, вузы, техникумы. Началось строительство Дома науки и культуры (Большого театра Сибири), открыты Сибгостеатр «Красный факел», колхозно-совхозный передвижной театр (ныне «Старый дом»), театр кукол. Имеются Дом искусств Сибирского края, Дом художественного воспитания детей, Центральная научно-техническая библиотека. Созданы Союз сибирских композиторов, Новосибирская организация Союза художников, Новосибирское отделение Союза архитекторов СССР. Фабрика «Новосибкино» стала выпускать ежемесячный журнал «Сибирь на экране». В городе издается 40 журналов и газет на русском языке и языках народов Сибири. Открыта первая музыкальная школа и первый звуковой кинотеатр «Металлист».

28 апреля 1934 года президиум Запсибкрайисполкома возложил на краевое управление зрелищных предприятий, которым руководил Станчич, организационно-хозяйственное и идеологически-творческое руководство всеми театрами края и концертно-эстрадной деятельностью. Запсибкрайуправление зрелищными предприятиями переименовано в Управление театрами и зрелищными предприятиями.

В 1935 году И. Л. Станчич одновременно назначается директором театра «Красный факел». В этом же году краснофакельцы выступают на столичной сцене, впервые приобщая московского зрителя к театральной культуре Сибири.

Открытие «Московского сезона» театра «Красный факел» состоялось 16 июня 1935 года в помещении камерного театра спектаклем «Егор Булычев» по пьесе М. Горького в постановке главного режиссера театра Ф. С. Литвинова. В репертуаре театра также были «Аристократы» Н. Погодина, «Тартюф» Мольера в постановке В. П. Редлих и др. 18 июня 1935 года спектакль «Вишневый сад» в постановке Ф. С. Литвинова посетил министр просвещения РСФСР А. С. Бубнов. Он отметил большую работу краснофакельцев, режиссера и актеров над спектаклем.

В Москве театр был по заслугам оценен критикой и зрителями. Рецензии говорили о большой культуре театра, позволяющей критиковать работу без скидок на провинцию.

Театр завоевывает признание как тонкий интерпретатор пьес М. Горького и А. Чехова. Станчич являлся поборником классического искусства. В репертуаре, считал он, должны быть лучшие классические пьесы. Пусть Шекспир, Гоголь, Чехов говорят с молодежью о жизни, а каждый выберет то, что ему нужно, найдет свое. Театр призван одарить человека богатством эмоций, чувств, мыслей, дать ему пищу для размышления, увлечь за собой.

С середины 30-х годов интерес зрителей к театру необычайно возрос. Работа театра широко освещается в печати, спектакли обсуждаются на многочисленных диспутах и конференциях. Это был период подлинного расцвета театра, его выдвижения в число наиболее интересных коллективов страны. Театр стал гордостью новосибирцев.

В период с 1935 по 1936 годы здание и сцена театра «Красный факел» были заново переоборудованы. Реконструкция здания театра велась по проекту архитекторов Осипова и Вадимова. Была сооружена большая трехэтажная пристройка и специальная башня над сценой высотой 25 метров. Площадь пристройки составила 1200 кв. м. По кубатуре размер театра увеличился в два раза. К зрительному залу добавилось 300 новых мест. На третьем этаже пристройки создан специальный большой зал для репетиций, 30 удобных артистических уборных, окружающих сцену с трех сторон, комнаты с душами, значительно увеличено фойе. Для зрителей была создана обстановка уюта и удобства. *У нас большое и искреннее желание,* — писал И.Л. Станчич в газете «Советская Сибирь» 3 ноября 1936 года перед открытием театрального сезона после реконструкции театра, — *сделать каждую минуту пребывания зрителя в стенах театра радостной, интересной и содержательной.*

Театр многое предпринял для установления дружеских связей со зрителями: общественные просмотры и обсуждения новых спектаклей, выступления режиссеров на крупных предприятиях о предстоящих премьерах, выездные спектакли на клубных сценах. Артисты театра провели цикл пушкинских концертов к столетней годовщине со дня смерти А. С. Пушкина.

Человек увлекающийся, Станчич стремился к новизне, поддерживал многие начинания. Познакомившись с заветами великого реформатора русского театра К. С. Станиславского, он становится активным пропагандистом его наследия.

5 марта 1936 года в связи с очередной реорганизацией Краевого управления по делам искусств при Запсибкрайисполкоме в его ведение были переданы: управление театрами и зрелищными предприятиями, строительство Дома науки и культуры, Дом искусств Сибирского края, Томский музыкальный техникум, Союз художников, Крайрепертком, Дом актеров и гостиница артистов.

И. Л. Станчич утверждается начальником сектора зрелищ. Одновременно на него возлагается все хозяйственное и оперативное руководство Домом артистов. При этом он остается руководителем театра «Красный факел» и, кроме того, во время командировок начальника управления по делам искусств при Запсибкрайисполкоме выполняет его обязанности.

В конце декабря 1936 года на базе нескольких театрально-зрелищных и гастрольно-концертных учреждений создается Новосибирская филармония. Ее организатором и первым директором становится также И. Л. Станчич.

Но уже 6 февраля 1937 года решением Новосибирского горкома ВКП (б) он исключен из партии, его объявляют «врагом народа». Хотя, замечу по-

путно, 2 марта 1937 года за достигнутые хорошие результаты деятельности театра «Красный факел» Станчич премирован месячным окладом.

Этот год, ставший символом репрессий, оказался роковым и для И. Л-. Станчича.

29 ноября он был арестован. Его обвинили в том, что он якобы являлся участником антисоветской шпионско-террористической группы и проводил контрреволюционную работу.

7 декабря постановлением тройки УНКВД Новосибирской области Станчич приговорен по статье 58-6-8-11 УК РСФСР к расстрелу.

13 декабря 1937 года приговор приведен в исполнение.

Так трагически оборвался непростой жизненный путь этого удивительного человека, который для работников культуры был одновременно и мерилом таланта, и ориентиром в поисках собственного лица.

Вот как о нем отзывалась В. П. Редлих, народная артистка РСФСР, работавшая в те годы режиссером театра «Красный факел»:

Несколько лет директором театра был Иван Людвигович Станчич. Умный, добрый человек, он умел как-то особенно чутко подойти к людям, дружески, но в то же время очень взыскательно относился к каждому. Он поддерживал все лучшее в театре, хорошую деловую атмосферу — главное условие плодотворной работы. Даже когда ему приходилось отвечать отказом на какую-нибудь актерскую просьбу, а обычно их бывало множество, он умел сделать это (когда иначе не мог) с такой доброжелательностью, с таким вниманием, что получивший отказ, уходил не разозленным, а, напротив, согретым теплом этого замечательного человека.

3 апреля 1958 года определением военного трибунала СибВО постановление тройки УНКВД по НСО от 7 декабря 1937 года отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Станчич полностью реабилитирован.

Для полного представления о масштабе этой личности еще несколько штрихов из воспоминаний современников.

Прекрасный музыкант, образованный человек, знающий несколько языков, он по праву считался самым «просвещенным», поэтому на него возлагали руководство одновременно многими художественными коллективами. Окружавшим его сотрудникам казалось, что не было в их жизни вопроса, на который бы он не ответил. Его манера поведения внушала уважение и симпатии людей. Его любили, работали с ним с большим интересом и отдачей.

Своей деятельностью на ниве культуры он лишний раз доказал, что только по-человечески интересная личность может быть подлинным руководителем. Вся его жизнь в Сибири, длиною в пятнадцать лет, была отдана служению людям.

Иван ЦЫПЛАКОВ

Дорога к храму

В начале 90-х годов позапрошлого века наследник престола Николай II, проезжая по территории Сибири, был неприятно поражен малой численностью церквей и школ. Обеспокоенный низким уровнем духовности и нравственности людей, населяющих эти суровые края в районах прохождения Транссибирской магистрали, царь учредил строительство почти трех десятков церквей, а при них — церковных школ. С этой благородной целью был даже основан фонд имени императора Александра III.

Немногочисленное население поселка строителей, возникшего у места пересечения Оби с железной дорогой, охотно откликнулось, а когда выделенных из государственной казны средств на строительство храма не хватило, деньги стали жертвовать сами жители — служащие железной дороги, купцы, простой трудовой люд.

Место для постройки выбрали на пригорке с тем расчетом, чтобы храм был хорошо виден из окон проезжающих поездов и с палуб подплывающих к пристани пароходов. Заложили храм у начала главного проспекта Николаевского (ныне Красный проспект), чтобы он служил своеобразными воротами, и каждый въезжающий по проспекту в город снимал бы перед ним шапку и крестился…

Известно, что первое каменное культовое здание Ново-Николаевска строилось по проекту придворного архитектора Н. Соловьева, внутренние росписи делали художники иконописной мастерской И. А. Панкрышева с сыновьями. Собор, по свидетельствам современников, имел богатое оснащение. Ризницу украшали парчовые облачения для священнослужителей, а также образ Георгия Победоносца, пожалованный императрицей Марией Федоровной. Массивное здание храма казалось легким, изящным, словно устремленным в небеса — настолько продумана в нем каждая деталь конструкции. Построили это каменное чудо наши прадеды, отпечатки их загрубелых натруженных пальцев остались на швах кирпичной кладки. Но кто руководил строительством? Долгое время ответ на этот вопрос оставался под покровом тайны.

… Жарким июльским днем 1971 года у здания Западно-Сибирской кинохроники, располагавшейся в храме Александра Невского, экскаватор рыл неширокую траншею. Неожиданно под ковшом, в желтой глине, обнажилась кирпичная кладка, оказавшаяся сводом склепа. Когда работники коммунальной службы разобрали толстые полуметровые стены, в склепе обнаружили гроб, обитый полуистлевшей серебряно-зеленой парчовой тканью. На его крышке лежали сильно поржавевшая шпага с эфесом из белого металла и ножны.

Около месяца потом гроб с останками простоял в помещении краеведческого музея, и все это время, пока устанавливалась личность покойника, у дверей толпился народ, а по городу бродили самые разноречивые слухи. Личность в конце концов была установлена, даже отыскались дальние родственники покойного. Вот тогда и прозвучало имя — **Николай Михайлович Тихомиров**.

Именно его, инженера-путейца, благодарные жители Ново-Николаевска решили похоронить в месте общей гордости и почитания — у стен собора Александра Невского, строительством которого он руководил и откуда открывался прекрасный вид на Обь и железнодорожный мост. Надо отметить, что работы по возведению храма также завершены под руководством Н. М. Тихомирова, принявшего дела от уехавшего в Томск Г. М. Будагова: из рук в руки передавалось дело эстафетой замыслов и великого труда. И еще значимое совпадение — Н. М. Тихомиров являлся другом и сокурсником Н. Г. Гарина-Михайловского по Петербургскому институту путей сообщения. После его окончания Николай Михайлович строил Екатеринбург-Челябинскую железнодорожную ветку, возводил мост через реку Кыштым.

В августе 1896 года его назначили начальником девятого участка Западно-Сибирской железной дороги (от Каргата до ст. Кривощеково).

Все, что делалось им, делалось на совесть, с любовью — будь то мост, собор или общественные дела, в которых Н. М. Тихомиров, как и все представители немногочисленной первой интеллигенции Ново-Николаевска, активно участвовал. За проведение первой всеобщей переписи 1897 года он награжден «темно-бронзовой медалью для ношения на груди на ленте из государственных цветов». Организацией первого в Ново-Николаевске добровольного пожарного общества тоже обязаны ему. Составление прошений губернатору, строительство каланчи с памятной надписью «Один — за всех, все — за одного» — все это также под его руководством. И даже пожарный обоз долгое время находился на «Тихомировской ограде». 8 февраля 1899 года общее собрание Новониколаевского пожарного общества единогласно избрало Тихомирова своим почетным членом. Что и говорить, дело борьбы с огнем имело значимость огромную, пожары являлись для почти сплошь деревянных построек Ново-Николаевска настоящим бедствием.

Но делом жизни, захватившим Николая Михайловича всего без остатка, стало возведение собора в честь святого благоверного князя Александра Невского.

Жена Тихомирова Мария Ананьевна, прожившая в двадцатом веке долгую жизнь (она умерла в 1961 году в возрасте 90 лет), вспоминала: «… на всякие ответственные моменты он брал меня с собой, бегал по всему зданию, говорил: «Ты долго будешь жить. Вот посмотришь — ни одной трещины не будет, а вот в Петербурге Исаакий всегда в лесах стоит…».

15 мая 1897 года заложили фундамент собора, через два с небольшим года, 29 октября 1899 года, состоялось освящение собора. И ровно через год, практически день в день, Тихомирова не станет. 27 октября 1900 года в возрасте всего 43 лет он скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг. По воспоминаниям жены, супруг ее прожил трудную, но интересную жизнь инженера-путейца, первопроходца. 15 лет он отдал строительству, изысканиям, проектированию дорог. Родом Тихомиров был из Вятки. Его отец — отставной чиновник из Петербурга — умер рано, и вся тяжесть воспитания семерых детей легла на плечи матери. Но она сумела всем дать образование. Николай Михайлович окончил Петербургский институт путей сообщения. После работы помощником начальника дистанции в обществе Балтийских железных дорог Тихомиров прибыл на постройку Самаро-Уфимской дороги.

После введения участка Уфа-Златоуст в эксплуатацию Тихомирову объявили благодарность и преподнесли альбом с фотографиями. Это была только первая награда. После завершения строительства моста через реку Кыштым «за отличную, усердную и ревностную службу» Николая Михайловича наградили орденом Святого Станислава третьей степени.

В августе 1894 года Тихомиров с семьей приезжает в поселок Новониколаевский. Он был назначен начальником девятого участка службы ремонта пути. Предстояло завершить строительство последнего, восьмого пролета железнодорожного моста. И вот — испытания проведены, мост открыт. *В этот*

период, — вспоминала Мария Ананьевна, — *он спал два часа в сутки, и на мои вопросы, когда же он будет отдыхать, отвечал: погоди, вот организую все — налажу и контору, и кадры, покатится правильное движение, — тогда и отдохну…*

Отдохнуть он так и не успел… С великими почестями похоронили его в ограде недавно возведенного собора, а в 1906 году установили на могиле гранитную плиту с высеченными золотыми буквами: «Здесь покоится прах строителя храма сего Тихомирова Николая Михайловича (1857-1900)».

В семейном архиве дальних родственников Тихомирова сестер Лебедевых сохранились фотографии его похорон — сотни людей, хоругви, телеги — проводить тогда в последний путь известного и уважаемого человека вышел, казалось, весь город. Или еще более поздняя фотокарточка: церковная ограда, массивная надгробная плита, мраморная с черными прожилками, на ней лежат цветы, рядом стоят вдова и дети Н. М. Тихомирова. Понятно, что это та самая плита, под которой и находится склеп, обнаруженный в 1971 году. В 30-х годах прошлого века, в самый разгар борьбы с религией, плиту эту увезли в мастерскую и распилили на трансформаторные щитки, поэтому при обнаружении склепа не могли сразу установить, кто в нем похоронен. Да что плиту! В Москве в эти лихие годы взорвали храм Христа Спасителя, а сколько церквей и храмов рухнуло по всей России — бессчетно… И под собор Александра Невского взрывчатку закладывали. Выдюжил! Он на скальной породе поставлен, опять же низкий поклон строителям. Заряд большей мощности заложить уже побоялись, могли пострадать соседние строения. Колоколенка испытания не выдержала, позднее спилили кресты с куполов, на церковной территории разместили спецполиклинику…

Решением исполкома Новосибирского городского Совета от 18 августа 1971 года останки Н. М. Тихомирова перенесены на Заельцовское кладбище, на могиле установлена надгробная плита «Н. М. Тихомиров — инженер-путеец (1857-1900)». В 1900 году в Ново-Николаевске не насчитывалось и 20 тысяч жителей, но на похороны пришли сотни. В 1971-м население Новосибирска уже перевалило за миллион, а на перезахоронении присутствовали лишь несколько человек — старушки Лебедевы, рабочие, опускавшие гроб, да несколько музейных работников. Печальная статистика, что и говорить… Могилу одного из основателей нашего города сегодня можно с трудом отыскать на огромном пространстве кладбища. Еще именем инженера-строителя, общественного деятеля, столь много сделавшего для Ново-Николаевска, назван разъезд недалеко от станции Чулымская. Большего, видно посчитали, он не заслужил…

В начале перестройки, помнится, настоящим откровением для многих стал фильм «Покаяние» режиссера Тенгиза Абуладзе. Там из уст одной героини звучит пронзительная мысль: ЗАЧЕМ НУЖНА ТАКАЯ ДОРОГА, КОТОРАЯ НЕ ВЕДЕТ К ХРАМУ? Если рассматривать «дорогу» не просто как топонимический объект, а как некую философскую категорию, то удивительная получается история. Своя, стремительная и яркая, была ДОРОГА К ХРАМУ у Нико-

лая Михайловича Тихомирова. И какой мучительной, долгой дорогой, полной утрат и разочарований, пришлось пройти его потомкам, нескольким поколениям россиян… Драматическая история собора Александра Невского яркое тому подтверждение. В конце 80-х годов, когда Западно-Сибирская студия кинохроники получила новое здание, кто только не потянул руки к опустевшему храму. Его хотели отдать Сибирскому хору, потом камерному хору, планировали поставить здесь орган. Попросту говоря, забыли, кому принадлежит церковь, для чего она вообще предназначена… К тому времени терпение у общественности кончилось. Вопрос о судьбе храма был вынесен на обсуждение объединенного пленума творческих союзов города. В редакцию газеты «Вечерний Новосибирск» потоком шли письма. У здания собора прошел санкционированный митинг горожан. И справедливость в конечном итоге все же восторжествовала: решением горсовета храм был возвращен Русской православной церкви. Вот уже более десяти лет он открыт для прихожан, и все это время там не прекращаются реставрационно-восстановительные работы. Настанет день, и храм явится нам в своем первозданном великолепии, может быть, таким, каким его в последний год своей жизни запомнил и навсегда запечатлел в своей памяти Н. М. Тихомиров.

Истинный вклад Николая Михайловича Тихомирова в историю нашего города, вообще говоря, не имеет цены. Этот человек оставил и современникам своим, и нам, потомкам, нечто большее, чем просто культовое сооружение. Он вместе с другими известными и безымянными строителями в наследство всем оставил самое главное — НАДЕЖДУ. И еще веру в то, что храм, пройдя сквозь череду тяжких испытаний, больше никогда не будет использоваться ни под склад, ни под киностудию или больницу, а будет всецело служить великому делу спасения людских душ, мятущихся в неразберихе будней. Да будет так!

Ирина КОСАРЕВА

Перед Богом обязан

Наш суровый и холодный край обладает особо притягательной силой, способностью влюблять в себя и покорять тех, кто соприкоснулся с ним. Через это прошли многие тысячи людей. Думается, что эту таинственную силу земли сибирской испытал на себе теперь и высокопреосвященный владыка Тихон. Теперь. А ведь изначально относился к ней неприязненно.

Но пути Господни неисповедимы. Думал ли он, воронежский мальчик, что ему когда-нибудь предстоит посвятить себя служению Сибири и ее людям? Сибири, о которой так не любил рассказывать пострадавший от репрессий его отец, а если и рассказывал, то коротко и страшно: «Привезли нас, двух малолетних мальчишек вместе с мамой, вытолкнули из товарного вагона прямо в снег: живите, как хотите. Цивилизации никакой. Зимой снег. Летом болото. Не дали учиться...» И эти короткие фразы глубоко запали в душу отроку. И он, как и отец... не любил Сибирь. Заочно, априори.

Но именно поэтому, как это ни покажется странным неверующему человеку, поехал сюда. Для него, служителя Церкви, нет ничего выше служения ей. А истинное служение — делать трудное дело, такое, которое не хотят делать другие. Сибиряку трудно понять, что его земля и его город вызывает почти что ужас у обитателей средней полосы России, и особенно у москвичей. И Новосибирск для них не столица края, а просто провинциальный город в этой ужасной Сибири. И отъезд сюда равносилен ссылке.

— Сан сниму! От веры отрекусь! — возмущался один из высоких церковных иерархов, узнав, что его могут направить в одну из сибирских областей.

Не таков владыка Тихон. Для него, патриота и гражданина, было понятно, что для Церкви и Отечества сейчас очень важно принести Слово Божие в атеистическую Сибирь. Вот почему, когда совершился обряд хиротонии — посвящения во епископа Новосибирского, — он сказал в своем прощальном слове святейшему патриарху: «Мои дед и отец побывали в Сибири. Правда, не по собственной воле. Они были репрессированы. Теперь вот вы и меня посылаете, за что я вам очень благодарен».

Нового владыку встречали восемь священников — именно столько батюшек трудилось тогда в нашем городе. При этом, замечу попутно, работало почти 200 тысяч работников идеологического, то бишь атеистического фронта.

Но, как говорится в Писании, — не бойся малое стадо. На гребне пробудившегося интереса к религии и Церкви новый руководитель епархии активно ищет новые формы свидетельства о православии. Во всех храмах обширной тогда епархии (Новосибирская, Томская области, Алтайский край) создаются воскресные школы для обучения взрослых и детей. В них преподаются Священное Писание, катехизис, литургические знания, Закон Божий. Священники выходят в школы и вузы, где читают лекции на духовно-нравственные темы, выступают в домах престарелых, интернатах, колониях, воинских частях. Открываются приходские библиотеки, а в епархиальном управлении заработали «богословские среды» — кружки, которые посещают студенты новосибирских вузов. Организованы курсы для кандидатов в священнослужители — кадровый вопрос был самым острым в ту пору. Заработал редакторско-издательский совет, который занимается вопросами выпуска литературы духовно-нравственного содержания. Сотрудники епархии вместе с прихожанами стали оказывать материальную и духовную помощь инвалидам, сиротам, осужденным. Завязалась плодотворная работа со средствами массовой информации. И, конечно же, начали открываться новые приходы.

Буквально в считанные месяцы русская православная Церковь в Новосибирске становится заметным общественным институтом. В приемной владыки Тихона многочасовые очереди — в городе теперь считается хорошим тоном испрашивать благословения на открытие нового дела. Ходоки из глубинки, руководители вновь появившихся общественных организаций, воен-

ные, предприниматели приходили за советом, поддержкой, искали пути к сотрудничеству и взаимодействию. Начались массовые крещения. Ежедневно в единственном тогда соборе, Вознесенском, крестились по **500—600** человек. Батюшки падали от усталости, но пребывали в радости, воспринимая жажду людей принять святое крещение как милость Господню.

Свою первую архиерейскую службу в Новосибирске епископ Тихон совершил 28 августа 1990 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, а всего через восемь месяцев, в начале мая 1991 года, в наш город прибыл Его Святейшество Патриарх Всея Руси Алексий II. И новому управляющему епархией было что сказать и что продемонстрировать Святейшему. И самое главное — даже не вновь открытые приходы, не возвращенный в лоно Церкви храм Александра Невского, а разительные перемены в настрое общества, в готовности обратить свои взоры в сторону Церкви. Открывшиеся шлюзы демократии словно шелуху смели «единственно верное материалистическое миропонимание» и насаждавшийся десятилетиями атеизм. Время и титаническая подвижническая деятельность немногочисленных пастырей Божиих сделали свое дело — подавляющее большинство населения если еще не пришло к вере в Бога, то уже отреклось от веры в Ничто. И надо было видеть, с какой готовностью еще всемогущие тогда партийные боссы — недавние ревнители атеизма — рапортовали Святейшему о своей приверженности христианским идеалам и желании поддерживать православную Церковь! Говорили вполне искренне и позднее доказали это делами!

В то время владыка активно выступает в газетах, на телевидении, свидетельствуя о Господе. Многое тогда открывалось нам впервые: в частности, хотя бы то, что «образованный человек» — термин церковный, означающий, что человек несет в себе образ Божий, и многое-многое другое. Но особенно поразил и надолго запомнился ответ владыки на вопрос одной журналистки о том, почему в Церковь идет мало молодежи (так еще и было тогда): *То, что в Церковь идет мало молодежи — не укор и не позор для Церкви. И то, что в Церкви стоят старики и старушки — это СЛАВА ЦЕРКВИ! Значит, эти люди не нашли ничего другого в жизни и в конце ее пришли не в театр, а в Церковь. Молятся и просят Бога о прощении грехов. Потому что знают, что стоят перед Вечностью, а в Вечность грязным не войдешь.* Старики — слава церкви! Как сказано! В этом изречении и любовь, и философия, и истина. В этом выражении весь владыка с его потрясающим умением говорить просто и емко о самых глубоких и сложных понятиях, умением говорить на чистом и красивом русском языке, умением, которое почти утрачено нашими современниками. Речь владыки — это речь всесторонне образованного человека, прекрасно знающего европейскую культуру, человека, обладающего редкой широтой взглядов.

Старики — слава Церкви! А нам-то внушали: старики ходят в церковь потому, что малообразованны, некультурны. Образованный же человек не пойдет в храм, потому что овладел единственно верным марксистко-ленинс-

ким учением. Так целым поколениям прививалось пренебрежительное, неуважительное отношение к своим предкам, к своим корням и к своей истории, наконец.

Старики — слава Церкви! Сколько любви и уважения к тем, кто прожил долгую жизнь! Для него лично, для юного отрока Леонида, любовь к тем, кто прожил долгую жизнь, началась с любви к бабушке, которая привила внукам веру в Бога и учила их, как важно нести по жизни эту веру в чистоте и незапятнанности.

— Ребятишки,— говаривала она, — храните веру в Бога. Не зарплата главное, не деньги, а вера.

Дом, семья, весь уклад жизни которой строился соответственно этой вере, где читались молитвы, соблюдались посты и чтились праздники, где вс□ основывалось на Божиих заповедях, конечно же, формировали с младенчества его религиозные убеждения. И он еще совсем маленьким мальчиком сделал свой первый нравственный выбор.

Сам он вспоминает об этом так:

— В первом или втором классе учительница сказала: «Знаете, дети, Бога нет!» Я тогда подумал: мама и бабушка говорят, что есть, а учительница, что — нет. Значит, кто-то из них врет. Мама и бабушка не станут обманывать. Я ведь — ихний. Значит, врет учительница. Я-то ведь ей никто. Почему она должна мне правду говорить?

Так семилетний отрок, сам того не осознавая, проявил стойкость в вопросе веры. Сколько раз ему еще придется стоять за веру в атеистическом государстве! И после службы в армии, после этих иссушающих душу политчасов, после всей этой пропаганды и неправды, против которых бунтовала юная душа, он решил пойти послужить в храм, оттаять душой и разобраться в себе, и подумать о своем дальнейшем пути. Он тогда еще не собирался становиться священнослужителем — просто приехал в Переславль-Залесский, поступил в Покровский храм, алтарничал, пономарил, пел на клиросе, убирал в храме. Делал самое простое дело. Но с этого момента и началось его возрастание на ниве церковного делания. Не зря же говорят, что человека по жизненному пути ведет Господь. Настоятель храма отметил благочестие и

усердие способного молодого человека и сказал: «Тебе надо поступать в духовную семинарию».

Предложение было неожиданным, и будущий владыка для себя решил положиться на волю Господа: поступлю — поступлю. Нет — значит нет. Времени на подготовку не было, но он поступил.

Одаренный и усердный семинарист, блестяще овладевавший науками, был замечен, и по окончании семинарии ему предложили поступить в Московскую духовную академию, которую и окончил в 1984 году со степенью кандидата богословия. Следующим шагом стала аспирантура при академии. Еще учась в семинарии, начал работать в издательстве московской патриархии, а в 1981 году принял монашеский постриг. В 1986 году архимандрит Тихон становится насельником Свято-Данилова монастыря, несет послушание помощника эконома обители, затем — эконома, а еще через год становится наместником того же монастыря.

Вот здесь, на самостоятельной работе, в полной мере начинают проявляться его недюжинные таланты организатора, созидателя. Ему выпала счастливая возможность принять на себя труды во имя Господня, восстанавливая Свято-Данилов монастырь, эту жемчужину XIII столетия. Кому хоть единожды выпадало строить, знает, сколь многотрудное и хлопотное это дело. Строить же в эпоху социалистического хозяйствования, да еще в застойные годы, — стократ труднее, потому что все — от гвоздя до железа — дефицит. Все надо выбивать, доставать, все добытое уберечь от алчущих заполучить себе эти вожделенные дефицитные вещи. Мало того, необходимо было со всей бережностью отреставрировать утраченные элементы росписи, живописи, лепнины, резьбы, соблюдая старинную технологию. Благодаря подвижническим усилиям нового наместника дивный памятник русской истории и культуры возвращен к жизни в своей первозданной красоте. Это являлось работой общероссийского значения. Не зря сей труд удостоен значительной награды — Патриаршего креста.

Это благословенное качество — ничего не делать с прохладцей, а работать, вкладывая в дело сердце, — он несет через всю свою жизнь, что оценили и новосибирцы, и сам Святейший Патриарх, отозвав в 1995 году владыку Тихона в Москву, для налаживания работы в издательстве Московской Патриархии. Когда он вступил в должность председателя издательского совета и главного редактора, то оказалось, что его большой, в 80 человек штат сотрудников более полугода сидит без зарплаты, склады пусты, а материальной поддержки ждать неоткуда. И тогда опять, как уже бывало не раз, епископ Тихон превратил рабочее место в свой дом. Он буквально дневал и ночевал здесь: в смежную с рабочим кабинетом комнату была поставлена кровать. Дел предстояло переделать столько, что он считал непростительным тратить время на дорогу; ночь и усталость заставали его прямо в офисе. Но зато не прошло и года, как издательство стало подниматься. К моменту, когда владыке предстояло «второе пришествие» в Новосибирск, а это случилось в 2000 году, в издательстве

уже забыли о былом неблагополучии — оно стало процветающим учреждением.

Труды владыки Тихона на ниве церковного делания отмечены многими наградами, в числе которых и орден «Равноапостольного великого князя Владимира» и орден «Преподобного Сергия Радонежского», и медаль «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Но не ради славы и наград несет многотрудное бремя архиепископ Тихон, а для пользы Отечества и святой Церкви.

Приехав вторично в наш город, он ставит перед собой новую небывалую задачу — ввести основы религиозного просвещения в общеобразовательных учебных учреждениях.

Конституция в России не позволяет преподавать в школах Закон Божий, более того, в последние годы в школы, под видом борьбы с сектанством, не допускают и священнослужителей православной церкви. Это тем более грустно и непонятно, что порой продавцы наркотиков чувствуют там себя вольготно.

— *Да, Церковь отделена от государства,* — с горечью говорит владыка. — *Но мы же граждане своей страны, мы не можем равнодушно проходить мимо безобразий, которые происходят в нравственной атмосфере общества. Почему порнографию можно пускать в каждый дом, а слово Божие нельзя? Ведь нас стали выдавливать с телеканалов! Человеку необходимо напоминать о том, что он — высшее существо, что он должен чтить отца своего, не должен красть, убивать. Если люди не слышат эти спасительные истины, они легко впадают в забвение, ими начинают овладевать пороки. И чем больше у человека пороков,* — со свойственной ему афористичностью отмечает владыка, — *тем больше доходов от него можно получать! Вот почему выдавливаются религиозные передачи из телевизионных программ — капиталу это невыгодно. Но мы не собираемся сдаваться!*

Так что можно сказать — православная Церковь в Новосибирске вступает в борьбу со всесильным капиталом, в сражение за нравственное состояние общества, за молодежь. На стороне противника — деньги с их обольстительной и одновременно губительной сущностью, здесь — всего лишь Слово.

Но владыка верит и молится, и надеется, что с помощью Слова можно отстоять лучшую часть молодежи от заманчивых, но смертельно опасных соблазнов, которые подстерегают юные души на каждом шагу. На карту поставлено самое дорогое — будущность нации, страны, ее молодое поколение.

Им вместе с настоятелем храма «Всех святых в Российской земле просиявших» протоиереем Борисом Пивоваровым впервые в России написан и издан учебник «История православной культуры России». Отрадно, что начинатели не остались на этот раз одиноки, идею с самых первых шагов поддержал министр культуры России Михаил Швыдкой. Сейчас в ряде школ города ведется преподавание нового спецкурса, и будем надеяться, что с помощью Божией новый предмет станет обязательным.

Еще в школе нас учили, что личностные качества человека определяются по тому, как он относится к старикам и детям. Про стариков мы уже говорили, о детях хочется сказать особо.

— *Я — монах,* — говорит владыка. — *У меня нет своих детей. Но тем более мне хочется что-то сделать для них...*

И он делает столько, что всего не перечислишь. Теплом и заботой он окружил две детские православные гимназии города, многочисленные воскресные школы, не остались без попечительства и дети-сироты, и инвалиды, и учащиеся кадетского корпуса, и просто городские и сельские детишки. Владыка с удовольствием приходит на различные детские праздники, конференции, не пропускает даже открытия городской елки. Больше того, он просто наслаждается детским обществом. Резвые игры, звонкий смех не раздражают его, а, напротив, дарят удовольствие. И он очень любит побывать среди ребятишек где-нибудь на природе, в загородном детском лагере, посмотреть, как носится ошалевшая от вольного воздуха и простора детвора, как радуется жизни и солнцу.

Кстати сказать, в области открыто семь детских загородных православных лагерей, в которых все, начиная от ремонта, кончая необходимым оборудованием, приобретается и делается за счет епархии. Для сравнения: в Московской области нет ни одного лагеря для православных детей!

В 2003 году государство намерено отказаться от финансирования детского отдыха, от оплаты за путевки для детей. И владыка, со свойственным ему умением обобщать, высказывается:

— *Если государство не хочет это делать, то для чего такое государство? Зачем власть, если она не заботится о народе? Чтобы деньги перекачивать на счета богатых? Олигархов она не может обидеть, а детей можно? И кстати, не такие уж и деньги это великие...*

Так что теперь к бесконечным заботам управляющего Новосибирской епархией добавилась еще одна: где раздобыть деньги на оплату путевок для детей?

И если уж заговорили о человеческих качествах архиепископа Тихона, то нельзя не сказать о его удивительном свойстве приходить на помощь новым начинаниям, организациям, людям. Так, при его поддержке начал издаваться популярный ныне журнал «Сибирская Горница». Согласие такого высокоуважаемого человека, как владыка, возглавить попечительский совет нового издания привлекло многих авторитетных людей, которые, если бы не владыка, вряд ли согласились бы при своей занятости уделять внимание еще не родившемуся журналу, — ведь участие в этом проекте не прибавляло ничего к их карьере. Однако уже сама возможность работать и общаться со столь уникальным человеком привлекало внимание к новому начинанию. И журнал для семейного чтения вышел в свет в труднейшем 1995 году. Сегодня попечительский совет «Горницы» — содружество предпринимателей, писателей, политиков, объединенных общей идеей, имя которой — возрождение Отечества.

Благодаря моральной поддержке владыки не кануло в Лету, не исчезло добровольное общество книголюбов. Наоборот, оно приобрело новое дыхание, новый размах, вышло на новый уровень деятельности.

Наш именитый земляк Юрий Магалиф, талант которого так ярко раскрылся именно в последние годы его долгой жизни, годы, на которые пришлась дружба поэта и высокого церковного иерарха, написал, провожая в Москву своего духовного наставителя:

Вас от сердца отрываю,
Да испытываю тягость
И повсюду вспоминаю
Вашу мудрость, Вашу благость.

Эту благость испытывают многие люди, которым доводилось когда-либо общаться с владыкой. Нередко можно слышать о нем:

— *Владыка даже может ничего тебе не сказать, но постоишь возле него и вдруг понимаешь, что все у тебя получится, что твои «непреодолимые» проблемы перестают тебе казаться столь трудными, начинаешь понимать, что тебе по плечу сладить с ними.*

Удивительная память владыки позволяет ему ничего и никогда не забывать. И, даже если прошло много времени, он никогда не забудет при первой возможности исполнить свое обещание. Также не забывает он и людей, которые сотрудничали с ним. И как же радостно и неожиданно бывает получить вдруг поздравление от самого управляющего Новосибирской кафедрой с Рождеством или Пасхой, или приглашение на какое-либо мероприятие!

Даже путешествуя по Святой Земле, набираясь необыкновенными впечатлениями, служа в различных храмах, проводя ночи в душеспасительных беседах с сопровождающими, не имея буквально свободной минуты, он не за-

бывает тех, кто сотрудничал с ним в Сибири. Именные иконки, освященные на земле Иисуса Христа, получили в подарок десятки людей. Это внимание трогает до слез даже людей несентиментальных: как при такой занятости нашел этот человек возможность вспомнить и обо мне?

Однако при своей феноменальной памяти он не копит обиды, которые понес от кого-либо, а умеет с удивительной добротой прощать повинившихся. Но, справедливости ради, надо сказать, что при всей своей доброте владыка Тихон далеко не добренький. Он может быть строгим и даже суровым. Не прощает лжи, искажения чистоты веры, не жалует лености со стороны священнослужителей. Его порицания, да что там порицания! — его неласкового взгляда побаиваются и прихожане, и подчиненные, и даже сотрудничающие с ним миряне: — владыка!

Магнетизм этой личности настолько велик, что где бы ни появилась его внушительная фигура с пастырским посохом в руках, она моментально становится центром притяжения: вокруг начинают скапливаться люди. Одни стремятся попасть в поле его благотворного влияния, другие — услышать его душеспасительные речи, третьи — поймать хотя бы взгляд.

Он владеет бесценным даром устанавливать контакт с любой категорией слушателей. Понимая, как трудно многим преодолеть смущение от общения со столь неординарным человеком, владыка мягкой шуткой, веселой историей, новым анекдотом моментально снимает возникающее напряжение, что позволяет очень быстро переходить к деловому разговору. Где бы он ни был, он никогда не повторяется. Его выступлениями заслушиваются даже те, кто слушал их многажды, путешествуя, вернее, работая в поездках на поезде «За духовное возрождение России» или на корабле «Святой апостол Андрей Первозванный» по селам и деревням области. Организации таких поездок по самым отдаленным уголкам нашей огромной области, миссионерские свидетельствования о Господе, массовые крещения тысяч селян, душеспасительные беседы, организация материальной и медицинской помощи для нуждающихся сделали эти поездки столь важной частью жизни нашей губернии, что теперь им придан официальный статус, и они стали финансироваться из бюджета области!

Интересно, что единожды попав под благодатное влияние этой личности, люди начинают критичнее относиться к себе и своим поступкам, оценивать их как бы его оценками, мерить его мерами. И, удивительно, даже когда епископ Тихон был отозван в Москву на долгие пять лет, возникшие духовные связи не обрывались, и люди продолжали ощущать его незримое присутствие и стремились поступать так, чтобы не заслужить неодобрения владыки, чтобы не было стыдно перед ним, чтобы быть достойными уважения такого человека.

За последнее десятилетие жизнь так круто развернула свое русло, что никто, ни один общественный деятель так много не общается с народом, как руководитель епархии. При этом он не похож ни на одного из представителей

политического «бомонда» — он такой один. И, думается, никто не оспорит того факта, что сегодня владыка Тихон самое популярное лицо в общественной жизни области. Когда он начинает говорить, его слово весомо и значимо. И он, словно сознавая свое ключевое положение, с каждым годом ставит перед собой все более трудные задачи, взваливает на себя все более тяжкие труды. Стоит только задуматься, какую непомерную ношу несет этот человек и в какое трудное время работает и молится, то станет ясно, что без промысла Божия здесь не обходится.

За годы его работы святое крещение приняли свыше 200 тысяч человек! В епархии сегодня 100 приходов — сравните эту цифру с первым годом его служения, когда в городе действовал всего лишь один храм! Идет строительство 45 храмов, служение совершают более 200 священнослужителей. Кадровую проблему решает православный Богословский институт, который уже произвел первый выпуск дипломированных специалистов. При епархиальном управлении действуют 15 отделов, которые ведут работу по самым разным направлениям — религиозному образованию, миссионерству, духовному окормлению молодежи, осужденных, воинов, по работе сестричеств, по работе с жертвами сект. Действует 57 воскресных школ, проходят масштабные мероприятия совместно с администрацией области и города. Стоит лишь вспомнить всеохватность празднований Дней славянской письменности и культуры, Дней равноапостольных Кирилла и Мефодия, в которых принимали участие тысячи жителей городов и сел. А Рождественские чтения, а Троицкие вечера? Список деяний владыки можно продолжать и продолжать.

Но особое значение владыка придает деятельности монастырей, которых никогда не было в наших краях. Монастыри всегда становились светочами духовной жизни, оплотами

Руси в вере и правде. Неустанные молитвы монастырских насельников, неугасимые свечи монастырей необъяснимым образом очищали нравственную атмосферу вокруг, сплачивали народ, укрепляли его в православной вере, любви и преданности Святой Руси, Отечеству.

Теперь в области и городе возносят свои молитвы к Господу в восьми монастырях и 17 монастырских подворьях. Населяют их 70 женщин и 160 мужчин. Большинство монастырей имеют крупные хозяйства, содержат молочный и рабочий скот, птицу, пасеки. Некоторые осваивают рыбоводство и лесоразработки. Развивается овощеводство, выращиваются фрукты и ягоды, зерновые. Время показало, что даже простая хозяйственная деятельность монастырей несет миссионерскую нагрузку. Большинство населенных пунктов, в которых они расположены, влачат жалкое существование. За годы атеизма уничтожены духовная основа, культура труда и быта, подорвана нравственность. Большая часть населения страдает алкоголизмом и наркоманией, уничтожены запасы семян, вырезан скот. Однако с приходом монастырей безрадостная картина начинает меняться. Их насельники, подавляющее большинство которых — горожане и интеллигенция, показали своим примером, чего можно достичь с Божьей помощью усердным трудом. И на этом примере все больше сельчан возвращаются к нормальному быту, начинают добросовестно трудиться, приходить в храмы, оставляют пагубные пристрастия.

Видя первые подвижки, которые принесло монашеское делание, владыка воскликнул:

— Раз в монастыри пошли мужчины, Отечество начало возрождаться!

Благо России, благо соотечественников, благо сибиряков — постоянный предмет его встреч с власть предержащими. Счастливый талант архипастыря Тихона выстраивать отношения с людьми любого ранга помогает ему в решении многих задач, в необъятных его трудах. Полномочный представитель президента РФ, губернатор, мэр, главы районных администраций, деятели культуры, науки, военные — со всеми владыка находит взаимопонимание и пути совместной деятельности, направленные на благо народа.

Всего около семи лет окормляет епископ Тихон Новосибирскую епархию, но уже столь много сделано этим человеком, что можно с уверенностью сказать, что со времен академика Лаврентъева не было в нашем городе человека, масштабы созидательной деятельности которого были бы также всеохватны. И тот, и другой благодатно преобразили наш край. Только на службе первого было все могучее государство с его бездонным в ту пору государственным бюджетом, партийно-чиновничий аппарат, покровительство генсека, а на службе второго — лишь промысел Божий. Новосибирску повезло, что под его небом вскрылилась такая яркая и значительная личность, которой суждено вписать свои страницы в его историю. А мы, современники, можем только гордиться, что нам повезло знать его, работать с ним, учиться у него.

Что же касается самого владыки, то он оценивает свои труды по-церковному скромно и смиренно:

— Мы пришли в Церковь не для того, чтобы руководить, а чтобы спасти души. Я делаю дело не потому что надо мной стоит надсмотрщик, а потому что я перед Богом обязан. Мне гордиться нечем — мой труд не только послушание, а и средство пропитания, я ведь за него еще и деньги получаю... Какой бы пост человек ни занимал, он должен себя чувствовать послушником, так учат отцы Церкви, так учили мои духовники, моя бабушка.

Вот таков он, владыка Тихон, управляющий кафедрой русской православной Церкви в Новосибирской области. Муж веры, он поставил себя на стражу русского православия, русского народа, русской культуры и делает все, чтобы единая некогда, могучая православная Россия не была разобщена, растаскана по различным духовным конфессиям и духовным центрам. Любя Россию всем сердцем, будучи ее горячим патриотом, он со своим воинством православных духовных пастырей противостоит наглому натиску бездуховности, ведущему к кризису чести, совести, семьи, государства. Отстаивая везде и всюду идеи православия, он отстаивает тем самым интересы России и ее драгоценной жемчужины — Сибири, к которой прикипел, которая вошла в его душу и кровь.

Татьяна ИВАНОВА

За 30 минут до эфира

Ритуал ожидания, приготовлений, встреч, проводов в студию, рассаживания в заранее уготованном интерьере, установка света, проверка камер, последние команды и, наконец, выход в эфир — на телестудиях отработан до мелочей. Кроме ведущего передачу журналиста да еще разве режиссера за пультом все, как правило, спокойны, деловиты, без лишних слов выполняют привычную работу. Некоторая нервозность начинает ощущаться лишь тогда, когда в передаче должен принять участие кто-то из крупных областных руководителей или какая-нибудь заезжая политзнаменитость. Обязательные в подобном случае показушные деловитость и радушие кого-то из руководителей студии, встречающих высоких гостей чуть ли не у проходной, у остальных участников передачи вызывают лишь

тщательно скрываемое раздражение и столь же показушную перед собственным начальством деловую суетливость. Те же, кто в данной передаче не заняты, но вынуждены маяться в ожидании собственного эфира, обычно, расходятся с глаз долой — кто в монтажную, кто в операторскую, кто в фойе.

На сей раз в программе значится традиционное выступление губернатора области Виктора Александровича Толоконского. Приезд его на «прямой эфир» дело привычное, но, тем не менее, всегда ответственное и берущееся под особый контроль. Тема беседы заранее оговорена, свет, камеры, связь — все в полном порядке. Ждем. До выхода в эфир еще не менее получаса — можно ненадолго расслабиться. В фойе почти в полном составе собрались участники следующей передачи. Присоединяюсь к ним. Поскольку все в курсе предстоящего вот-вот появления первого лица области, разговор поневоле принимает соответствующее неконтролируемое направление.

— Не понимаю я этого оговоренного до мелочей общения с безликим электоратом, то бишь, телезрителем. Одна из сторон делает вид, что вполне откровенна, другая… Что касается другой, вообще непонятно — существует ли она? Скорее всего, это такой же миф, как пресловутое «общественное мнение». Не исключено, что весь «телезритель» этой вашей «губернаторской» передачи — две-три изнывающие от скуки старушки да несколько чиновников, готовивших цифры для предстоящего выступления, — брюзжит полуизвестный в околожурналистских кругах психолог, еще несколько лет назад с гордостью называвший себя «независимым театральным критиком».

— И вообще, давно пора нам принять за аксиому, — ворчливо продолжает он, — что если хочешь что-то узнать о власти, не спрашивай об этом у власти.

— Сударь, вы несколько заблудились во времени. О деяниях современной власти люди сегодня столь широко информированы, что говорить неправду или путать карты для не□ смерти подобно, — не соглашается другой участник передачи — молодой и, по словам знающих его людей, талантливый кандидат экономических наук.

Неожиданное несогласие с мнением затеявшего разговор психолога выразил и обозреватель одной из не очень популярных, не раз скандально засвеченных местных газет.

— Общественное мнение сегодня явление вполне материальное и легко просчитываемое, — торопливо и не очень внятно проговорил он, как всегда никому не глядя в глаза. — Что касается нашего губернатора, оно вполне стабильно и уважительно. Это, к сожалению, подтверждается многочисленными опросами и фактами.

— Почему «к сожалению»? — удивилась представительница одной из женских общественных организаций.

— Свидетельствует об успокоенности и непонимании населением сложности настоящего момента. Я бы даже сказал — его тупиковости.

— В чем же вы усматриваете тупиковость? — настораживается кандидат экономических наук.

Он впервые принимает участие в нашей передаче, с обозревателем незнаком и потому принимает всерьез его бездоказательные, но рассчитанные на эпатаж высказывания. Ободренный его заинтересованностью, тот выдерживает многозначительную паузу и, почему-то оглянувшись на входную дверь и понизив голос, спрашивает:

— А вас разве не настораживают тенденции явного экономического спада? Особенно в промышленности. По сравнению с прошлым годом настоящая катастрофа.

Кажется, экономист начинает догадываться, с кем имеет дело, но, тем не менее, не удержавшись, бросает:

— Чушь! Не вздумайте высказывать свои соображения перед камерой. Они выдадут вас с головой.

— А я ничего и не собираюсь скрывать! — уши обозревателя багровеют, и он снова оглядывается на входную дверь. — Всегда говорю то, что думаю.

— Вот этого и не следовало бы делать. Иначе ваша вопиющая некомпетентность в вопросах экономики станет очевидна каждому.

Остальные вдруг заговорили все разом. Некоторое время невозможно было понять, кто и что пытается объяснить своим собеседникам. Потом, словно спохватившись, все подняли глаза на светящуюся табличку «Просьба соблюдать тишину» и замолчали. И только наш постоянный эксперт, руководитель информационно-коммерческого отдела торгово-промышленной палаты, не утерпев, довольно внятно бормочет себе под нос:

— Недаром говорят, что журналистика — это искусство объяснять другим то, чего сам не понимаешь.

Но тут открывается входная дверь и, сопровождаемый ассистентом режиссера и главным редактором, входит Виктор Александрович Толоконский. Вежливо поздоровавшись со всеми, он проходит в студию. Все как по команде поворачиваются к монитору, на котором беззвучно заканчивается какое-то аляповатое музыкальное шоу, после чего должна выйти в эфир «губернаторская», как выразился психолог, передача.

Мое многолетнее общение с прямым и непрямым эфиром и нервным напряженным ожиданием его потенциальных участников безошибочно подсказывает, что разговор в фойе еще не окончен. Теперь наверняка переключится с экономических вопросов на личность губернатора, который скоро должен появиться на экране.

Я угадал. Разговор продолжил эксперт. Встретившись взглядом с психологом, он не выдерживает и, явно стараясь привлечь общее внимание, говорит:

— Хотел бы возразить вам еще по одному вопросу. Совершенно убежден, что никто не готовил Виктору Александровичу никаких цифр к этой передаче. С его феноменальной памятью и доскональным знанием положения дел по основным экономическим и социальным направлениям жизни области он в этом совершенно не нуждается. Лично и не единожды убеждался в этом. Готов поспорить — никакой бумажки у него в руках не будет. Какие бы вопросы и на какую бы тему ему ни задавали, ответ всегда будет обстоятельным и компетентным.

— Нельзя быть компетентным во всем, — вяло сопротивляется психолог.

— Не утрируйте. Я говорю о главных вопросах. Хотя их и множество, но они не бесконечны. И сегодняшнее стабильное, я бы сказал, спокойное, внушающее оптимизм положение области наглядно говорит о том, что губернатор уверенно справляется со своими весьма и весьма нелегкими обязанностями.

— А вас не пугают эти спокойствие и кажущаяся стабильность? — продолжает настаивать на своем обозреватель, видимо, крепко уверовавший в вычитанные где-то рассуждения не то будущего претендента на губернаторское кресло, не то очередного радетеля за судьбы всея России, которому эта едва наметившаяся стабильность почему-то поперек горла. — Если уж обозначился какой-то подъем, проявились тенденции роста, то они должны иметь продолжение. А если все тихо и спокойно, значит что? Значит, никакого продолжения. Ошибочка, которую мы приняли за грядущую победу.

— О победе даже речи не велось. Не было ни ажиотажа, ни преувеличений. С самого начала все оценивалось абсолютно реально. Во всяком случае, у нас в области. А если вас почему-то пугает медленный, но устойчивый рост,

хочется рекордов и скачков, то это, извините, мы уже проходили. Только одни чему-то все-таки научились, а другие в очередной раз торопятся расшибить лоб о ту же стенку, — снова ввязывается в разговор экономист. Его активно поддерживает эксперт.

— Как по-вашему, что у нас сейчас? Ненормально работающая рыночная экономика или нормально работающая нерыночная?

— Вы эксперт, вам и карты в руки, — огрызается обозреватель.

— Объясняю. Переходный этап. Неустоявшийся процесс, турбулентное движение. А нам позарез нужен процесс движения ламинарного — тихо, спокойно, компетентно, вперед, вперед, вперед. И то, что вас почему-то это пугает, ваши проблемы. На мой взгляд, сегодня это главное и наиболее значительное достижение нашей исполнительной власти — медленный, но устойчивый рост. И Виктор Александрович приложил к этому огромные усилия. Помните, какое наследство ему досталось? Извините, в отличие от вас, я привык оперировать цифрами и фактами. Так что не обессудьте, напомню. Долги области — 2,7 миллиарда рублей, долги по зарплате — 396 миллионов. Размер задолженности по выплате детских пособий — 885 миллионов. Задолженность Министерства финансов по принятым на баланс муниципалитетов объектов социальной сферы — 827 миллионов. Продолжаю. Задолженность федеральных министерств и ведомств за государственный оборонный заказ по уже отгруженной продукции — 458 миллионов. Сельское хозяйство в полном разоре — 70 % хозяйств убыточны. Счета области арестованы. Теперь давайте посмотрим, что мы имеем сегодня. Несмотря на семидесятипроцентное повышение заработной платы работникам бюджетной сферы — оставим на совести правительства это решение, почти полностью подкосившее все областные и краевые бюджеты — задолженности по выплате заработной платы нет. А если случается, то минимальная — буквально несколько дней. Чего это стоило и стоит губернатору — как говорится, невидимые миру слезы. В России буквально несколько регионов могут похвалиться подобными результатами. Что касается сельского хозяйства, напрочь исключаю возможность, что вы не в курсе произошедших там перемен. Сегодня Новосибирская область вошла в пятерку лидеров России среди восьмидесяти сельхозпроизводящих регионов. Теперь о топливе. Его оставалось в городе всего на несколько дней. Декабрь, морозы. Под самый Новый год взрыв в доме на Степной. Люди оказались без жилья, без вещей, без денег. В бюджете — ни копейки. Мало кому об этом известно, но из абсолютно достоверных источников знаю, как Виктор Александрович под честное слово, под свою личную ответственность буквально вымолил всю дневную выручку ГУМа, чтобы помочь людям, в канун праздника оказавшимся буквально без ничего. Сразу после Нового года деньги были возвращены.

— Только не говорите, что у области совсем не осталось долгов, — не сдается обозреватель.

— Это было бы нереально и, даже, извините, глупо. В современном огромном хозяйстве так, простите, просто не бывает. Без кредита любая экономика мертва. Поэтому кредиты, то есть долги, есть и немалые. Но они аккуратно и стабильно обслуживаются. Скажу больше. Если на первых порах банки от них как черт от ладана шарахались, то сегодня банкиры буквально в очереди стоят со своими кредитами. Готовы предоставлять их в любом количестве. И с топливом все разрулилось благополучно. Возражать, надеюсь, не будете?

На сей раз обозреватель благоразумно промолчал. Но тут уже с чисто женской непоследовательностью и непосредственностью в разговор вмешалась еще одна из участниц передачи.

— А мне лично в Викторе Александровиче больше всего импонирует его интеллигентность. Посмотрите, как выгодно он отличается этим и от своего предшественника, и от многих своих коллег.

На время отключаюсь от разговора, мысленно пытаясь развить затронутую представительницей прекрасного пола тему. Мне она тоже не раз приходила в голову. Врожденная интеллигентность Виктора Александровича Толоконского действительно бросается в глаза на фоне прочих политиков столичного и местного разлива, на лицах которых с великим трудом пытаешься отыскать хотя бы просто вежливо-отстраненное выражение, натыкаясь то на солдафонски-примитивное, то на партийно-обрюзгшее, то по-новорусски хамски-напористое. А за каждой из этих давно уже ставших привычными нам личин то и дело бросается в глаза старательно выпячиваемая уверенность в своей незаменимости, исключительности, способности облагодетельствовать, спасти, вывести из тупика, добиться любых результатов. Только почему-то результатов этих пока и днем с огнем не отыскать.

Споров о том, что такое интеллигентность, и определений интеллигентности множество. Интеллигентность Виктора Александровича я бы определил не только как воспитанность, обязательность, вежливость, внимание к людям, но, прежде всего, как ответственность за каждое произнесенное слово и четкое понимание того, что стоит за этими словами. В наше время, которое когда-нибудь обязательно назовут временем оголтелого политического пиара и невыполненных обещаний, такое качество, как полноценная ответственность за все, что делается твоим именем и под твоим руководством, дорогого стоит. Только так складывается та степень ответственности, которая делает политика не неизбежным злом, а действенным и необходимым звеном той власти, о которой мы все дружно мечтаем — власти не обещающей, а выполняющей, опирающейся на закон и безукоризненно отстаивающей те цели, о которых она вещала в своих предвыборных обещаниях. Кстати, очень хорошо сказал об этом сам Виктор Александрович:

— Не люблю слова «политик», но любая публичная власть — это власть политическая. И поэтому для меня очень важно, чтобы люди, знающие меня, во всем мне доверяли. Ничего не получится у власти, которой не верят.

Между тем, разговор в фойе продолжается. На сей раз его эпицентр — до сих пор настороженно молчавший руководитель одного из департаментов мэрии.

— С Виктором Александровичем я работал, давно и хорошо его знаю, поэтому готов отвечать за каждое свое слово. Работать так, как работает он — преступление.

Заметив, что его слова вызвали у собравшихся явно ожидаемый им шок, он выдерживает паузу и, обведя всех взглядом, снисходительно улыбается.

— Я имею в виду, что это преступление по отношению к самому себе, к своему здоровью, к семье, к друзьям. Его работоспособность — нечто невероятное. Я бы даже сказал — непонятное. Честное слово. Дело даже не в том, что он работает по десять, четырнадцать, восемнадцать, двадцать часов в сутки. Сказать, что он трудоголик, не сказать ничего. Трудоголик часто работает ради самого процесса работы. Виктор Александрович работает ради результата. Чем сложнее, труднее, невозможнее стоящая перед ним задача, тем с большим азартом, я бы даже сказал, удовольствием и увлечением он берется за ее решение. Я совершенно убежден, что он пошел в губернаторы не потому, что это власть, и уж тем более не потому, что эта власть даст ему какие-то там блага. Ему просто интересна эта работа. Ему нравится управлять большими процессами, добиваться нужного результата. Из него мог бы получиться очень неплохой бизнесмен. Но никогда не получится. Потому что это ему скучно. Ему нужны масштабы, общение с людьми, результаты государственного уровня. Его не пугает, когда он видит, что процесс достижения результата будет очень сложным. Не пугает потому, что он уверен — всегда можно найти решение. И он его, как правило, находит. Но работать рядом с ним, а уж тем более работать так, как работает он, невероятно трудно. Некоторые просто не выдерживают.

— Да, он слишком много взваливает на себя одного, — соглашается эксперт. — Как это ни странно, именно в этом его пытаются упрекать некоторые из недоброжелателей.

— Справедливо упрекают, — оживляется психолог. — Когда руководитель все берет на себя, его команда начинает работать спустя рукава. Это, если

хотите, психологическая закономерность. Сковывается инициатива подчиненных. Да, многие готовы признать достоинства и достижения нашего губернатора, но насчет команды мнения разные. Согласитесь, что она не всегда соответствует.

В команде работают люди, и люди разные. Одни работают хорошо, другие хуже. А кто-то работает просто отлично. Кстати, именно они не боятся высказывать свое мнение, даже несогласие с губернатором, спорят, отстаивают свою точку зрения. И Виктор Александрович всегда очень внимательно относится к их предложениям. Он тоже может спорить, не соглашаться, иногда раздражается, но если предложение толковое, то в конце концов досконально его обдумает, прокрутит со всех сторон и примет то решение, которое в данном случае будет наилучшим. Даже если оно идет вразрез с его личными соображениями и первоначальными прикидками. Но что работать с ним не просто, я тоже согласен. Это человек, который почти всегда недоволен сделанным. Прежде всего, это касается того, что делает он сам. Даже самые блестящие решения по тому или иному вопросу могут вызвать и, как правило, вызывают его недовольство. Снова и снова анализирует, считает, ворчит, что можно было бы сделать лучше. И, будьте уверены, в следующий раз действительно будет лучше.

— Какая-то икона получается, — фыркает обозреватель. — Сплошные достоинства. Подождите, начнутся выборы — нам такое про него «сольют», что мало не покажется.

Снова все разом заговорили, и снова я на несколько минут отключился от разговора, пытаясь привести в порядок только что услышанные суждения.

За последние годы я встречался с Виктором Александровичем в разных ситуациях: брал интервью, бывал в совместных поездках, встречался на приемах и спектаклях, на банкетах и совещаниях по хозяйственным вопросам. Читал его выступления и статьи о нем, морщился от бессовестного компромата и не менее бессовестных славословий. Выслушивал панегирики страстных почитателей и неторопливые раздумья трезво мыслящих, рассуждения его учителей и его учеников, яростных противников и брюзжащих скептиков. Впрочем, ярость эта всегда казалась мне наигранной, а скептицизм — неуверенным. Разговор в фойе, в котором я не принимал еще никакого участия, как мне показалось, с самого начала пошел по привычной схеме разговоров об известном человеке, когда каждый говорит не столько о том, что знает, сколько о том, насколько это знание совпадает с его личными взглядами и интересами. Составить более или менее объективное суждение о предмете разговора из подобных высказываний достаточно трудно. Дискретность даже самых наидостовернейших свидетельств, суждений, примеров лишь в самой малой степени способна отразить суть происходящих событий и истинное лицо человека, о котором эти суждения высказываются. Запечатленный во всевозможных ракурсах субъективных мнений, он становится фигурой скорее знаковой,

чем реальной. Преодолеть подобную недостоверность можно лишь в точке стопроцентно бесспорного доказательства, способного примирить любые противоречия. Кажется, одно из таких доказательств я знаю и решаюсь, наконец, ввязаться в разговор. Но меня опережает чиновник из мэрии.

— «Слить», как вы выразились, действительно что-нибудь да найдется. Передергивать, искажать, откровенно клеветать за последние годы у нас научились. Кое-что мы тут уже слышали. Только даю голову на отсечение, что на Толоконского много не «наскребут», даже если очень, очень будут стараться. И не потому, что у него не было ошибок, не ошибается тот, кто ничего не делает. А потому, что он никогда не позволит себе ни одного бесчестного или просто компрометирующего его поступка. Прежде всего, в силу своей всем нам хорошо известной порядочности и честности. А во-вторых, потому, что он из нашего города. Наш.

— Не знал, что это такое достоинство, — цедит, глядя в сторону, обозреватель.

— Для вас, может, и нет, а для него, да и для всех нас — одно из главных…

Полностью согласен с этим хмурым усталым человеком, который безошибочно указал на ту стержневую опору, которая поддерживала и поддерживает Виктора Александровича на самых сложных поворотах его жизненного пути. Опора эта — его родственная, почти генетическая связь с городом и областью, которые выбрали его в свои руководители. Я иногда думаю, как обездолены люди, которые не могут назвать своего единственного места на Земле — будь то маленькая деревушка, рабочий поселок или город, — которое они могли бы считать неотъемлемой частью своей судьбы. Когда тебе знакома каждая улица, когда десятки, сотни воспоминаний помогают безошибочно ориентироваться в запутанном пространстве жизни, когда чуть ли не каждый встречный здоровается с тобой или улыбается навстречу, жить и результативно работать намного легче, чем в чужой и малознакомой среде, которая без таких воспоминаний и улыбок безлика, а порой и враждебна. Недаром уже много десятилетий подряд любима и популярна в народе песня про Заречную улицу. Такая улица должна быть в жизни у каждого. Есть она и у нашего губернатора. Эта улица — весь его родной Новосибирск. Очень непростой город. Удивительный город. Понять и полюбить его может лишь тот, кто в нем родился, вырос и живет поныне, оставляя на страницах его биографии свой неповторимый, иногда почти незаметный, а иногда яркий и отчетливый след. Чувство, что именно на этой земле родились, трудились, любили, мечтали о лучшей жизни твои предки, что многое из доставшегося тебе в наследство создано их руками, что ты знаешь в этом городе каждую улицу, что здесь вырос, учился, что здесь родились твои дети и внуки, что знаешь не понаслышке, а в лицо сотни людей, которые тоже хорошо знают тебя, — рождает чувство сопричастности и кровной ответственности за все, что ты делаешь и можешь сделать.

Сейчас, когда многие из политиков, ничтоже сумняшеся, выдвигают себя в мэры и губернаторы городов и регионов, о которых раньше слышали, в лучшем случае, лишь на школьных уроках географии, а потом тянут за собой в неведомые им дали команды безликих, озабоченных лишь своими собственными карьерными и денежными проблемами управленцев, такая родственная связь с землей, которую ты призван защищать и благоустраивать, может быть, самый главный помощник и опора в этом многотрудном деле. Неоднократно говорил об этом и сам В. А. Толоконский:

— Я считаю большим подспорьем в своей работе, что я родился и всю жизнь работал в Новосибирске. Думаю, что для власти вообще, а для избираемой особенно важно большое количество личных контактов, ситуаций, когда тебя знают еще с детства. Для эффективности осуществления управленческих полномочий все-таки очень важны понимание и доверие людей. Сегодня нельзя рассчитывать на то, что само общее качество жизни будет настраивать людей на поддержку власти.

Связка «эффективности осуществления управленческих полномочий» с доверием людей очень характерна для мировоззренческой позиции Виктора Александровича. Это не красивая фраза, это самая суть его повседневных взаимоотношений с окружающим миром. Есть люди, которые черпают энергию в своем тщеславии и чувстве превосходства над ближними. Другие поддерживают свои силы желанием добиться большего, чем им предрекают обычные жизненные обстоятельства. Третьи превращаются в сгусток воли в предельно экстремальных ситуациях. Источник энергии, незаурядной эрудированности, глубочайшего управленческого профессионализма и, как следствие, удивительной работоспособности, компетентности, умения без кажущихся усилий овладевать предметным полем любого разговора и находить адекватный метод решения проблем — это не только личные, сугубо индивидуальные качества Виктора Александровича, но и тот поистине бездонный колодец жизненного опыта, из которого он постоянно черпает силы и знания во время своего повседневного общения со множеством самых разных людей.

Каждый рабочий день губернатора расписан буквально по минутам. Встреча с делегацией китайских бизнесменов, открытие выставки медицинского оборудования, вручение наград победителям школьной математической олимпиады, совещание в Академгородке по проблемам развития научного комплекса Сибири. Очень серьезный разговор по реструктуризации налоговой задолженности, и следом рабочая встреча по формированию структуры консолидированного бюджета. На очередном банковском совете, снова о кредитных ресурсах для реального сектора экономики. Кроме всего перечисленного, постоянно возникающие и постоянно решаемые вопросы «текущего репертуара» — с заместителями, помощниками, представителями законодательной власти, депутатами, главами администраций, директорами, предпринимателями, гостями города и т. д. и т. п. И все это — общение, общение,

общение. Необходимость вникать, разбираться, выслушивать, принимать решения, черпать информацию, успокаивать, критиковать, обещать, находить выход. Иному человеку и десятой, а то и сотой доли подобной нагрузки и ответственности с лихвой хватило бы на месячную норму устойчивого стрессового состояния. Глядя же на Виктора Александровича, приходишь к выводу, что его нисколько не утомляет эта совершенно неподъемная для многих масса повседневных забот и дел. Напротив. В этой круговерти постоянного общения, в этом напряженнейшем ритме разрешения самых разнообразных задач и проблем, в разводке сложнейших экономических схем и противоречивых жизненных ситуаций он черпает силы и заражается, как это ни странно, хорошим настроением. Неоднократно был свидетелем, как усталый, раздраженный, иногда даже недомогающий и угнетенный губернатор, попадая в окружение людей, на глазах преображался. В глазах появлялся знакомый блеск неподдельного интереса, движения становились энергичными и уверенными, реплики — безошибочными, внимание к словам собеседников — предельное. И постепенно всех собравшихся захватывала атмосфера доверия и увлеченности.

Словно подхватив мою мысль, кто-то из собравшихся в фойе говорит:

— Когда вы услышите от Виктора Александровича слова: «Надо посоветоваться с людьми», можете быть уверены, что это не пустая фраза. Для него это насущная необходимость.

Смотрю на часы. До появления на экране губернатора остается всего несколько минут. Разговор между тем не только не заканчивается, но, кажется, переходит в ту стадию, когда каждый из его участников уже не пытается что-то доказать или в чем-то убедить собеседника, а просто высказывает то, что давно и основательно продумано.

— … А возьмите «день приема граждан по личным вопросам». Его еще называют «Общественной приемной Виктора Толоконского». Люди идут на прием совершенно разные, как правило, неблагополучные, чем-то недовольные, что-то выпрашивающие, требующие, надеющиеся на встречу с губернатором, как на последнюю инстанцию. Каждый из них считает, что его проблема самая важная. По себе знаю, какое это трудное и психологически выматывающее дело. Ему не раз говорили: «Ну, зачем ты проводишь эти приемы? Ведь большинству из этих людей ты помочь просто не в состоянии». Знаете, что он ответил? «Кому смогу, помогу обязательно».

— … Мне один очень известный в городе человек как-то сказал: «Виктор Александрович фигура, конечно, незаурядная. Но ему бы просто цены не было, если бы он был не таким благополучным по жизни. Прошел бы школу самостоятельного существования в студенчестве вдали от дома и родительской помощи, поработал бы где-нибудь на овощной базе или в студенческих стройотрядах, поруководил бы коллективом из трех алкашей и одного прораба, позубатился бы на практике с подрядчиком, сцепился бы не на жизнь, а на

смерть с кем-нибудь из сегодняшних нуворишей — вот тогда бы, мол, стал бы настоящим руководителем».

— И что вы ему на это?

— Сказала: слава Богу, что биография Виктора Александровича не изобилует взлетами, падениями и скандалами, которые сопровождают путь наверх большинства сегодняшних публичных политиков. Мы уже по горло сыты однодневными харизматиками, авантюристами и раскрученными черным пиаром пустышками, у которых за душой ничего, кроме оголтелого желания быть в центре внимания. Работать они, как правило, не хотят и не умеют. Поддерживают свое реноме с помощью обещаний, скандалов и вечных жалоб на то, что кто-то с какими-то там непонятными целями не дает им возможности развернуться и создать молочные реки с кисельными берегами в отдельно взятом регионе или городе. Честный, умный, удачливый, работящий, знающий госслужащий, методично и заслуженно поднимающийся по ступенькам карьеры — это просто спасение для нашей измотанной некомпетентными правителями России.

…Когда ему говорят, что задача нерешаемая, он буквально встает на дыбы. Его кредо — нет нерешаемых задач. Просто есть задачи, которые для своего решения требуют особых усилий, времени и умных голов. На мой взгляд, он принадлежит к той немногочисленной категории людей, для которых высшее наслаждение — сделать то, что, по мнению других, вы не можете сделать. Как-то я процитировал ему слова одного из героев рассказа Василия Шукшина: «Никогда не должно наступать то время, когда надо махнуть рукой и сказать, что тут уже ничего не сделаешь. Сделать ВСЕГДА можно». Он улыбнулся и сказал, что хорошо бы эту фразу написать буквами покрупнее и повесить в каждом кабинете Администрации.

…Мне хорошо запомнилась высказанная им когда-то мысль, что *каждый руководитель региона должен всегда чувствовать, что он персонально отвечает перед населением, которое его избрало.* А когда его однажды спросили: «Есть ли у Вас любимая пословица или поговорка?» — Виктор Александрович ответил: *Может, это не столько пословица, сколько жизненное правило: «Я ОТВЕЧАЮ ЗА ВСЕ».*

В это время кто-то включает на мониторе звук, звучат позывные передачи. Так и не успеваю вмешаться в разговор с темой, которая, на мой взгляд, своей конкретностью и бесспорной доказательностью наиболее наглядно способна продемонстрировать изменения, которые произошли в нашей области со дня избрания В. А. Толоконского на пост губернатора. И, конечно же, эта тема — село, боль и гордость Виктора Александровича.

Во время предвыборной кампании соперники как самое уязвимое его место называли некомпетентность в вопросах сельскохозяйственного производства, равнодушие к проблемам села, прогнозировали неизбежную деграда-

цию и без того чуть живого сельского хозяйства области, если к власти придет коренной горожанин, интеллектуал, далекий от сельских проблем. За прошедшие со дня выборов годы сельское хозяйство области из состояния умирающего довольно быстро перешло в стадию активного выздоровления. Появились признаки экономического роста и социальной стабильности. У людей, ощутивших непосредственную о себе заботу, почувствовавших реальную помощь, пробудилась уверенность в своих силах, появилось понимание новых возможностей. Те, кто не опустил руки, не ждет манны небесной, изжил в себе комплекс социального иждивенчества, расширяют свои подсобные хозяйства, строят жилье, покупают машины. Два года подряд область собирает урожай, о котором десятилетие назад мы даже не мечтали. Что касается губернатора, то теперь нынешние соискатели губернаторского кресла упрекают его за недостаточное внимание к городу и чрезмерную поддержку села. Насчет города — это, конечно, полная ерунда. А вот то, что вряд ли сейчас назовешь в области человека более компетентного в вопросах сельскохозяйственного производства и продовольственного рынка, чем губернатор, не будет оспаривать никто из знающих истинное положение дел. Сейчас даже не сосчитать, сколько раз за эти годы он побывал в каждом районе области, сколько объехал сел, сколько сил и бессонных ночей затрачено на выбивание кредитов, на закупку горючего, на оснащение новой техникой через лизинг, на укрепление социальной сферы. А еще — на бесконечные встречи, совещания, приемы, споры, учебу. Он не перестает убеждать тех, кто не понимает этой его, как они говорят, «чрезмерной озабоченности селом»:

— *У нас и так малонаселенная страна. Если люди уйдут из сел в город, мы получим страну с малоэффективной экономикой и очень сложным соци-*

альным климатом. Уход государства из отрасли в наших условиях означал бы только одно — деградацию сельского населения. Напротив, создание эффективного сельхозпроизводства — это поддержка жизни на селе. Я твердо надеюсь на то, что экономика аграрного комплекса нашего региона будет, в конце концов, стабильной и рентабельной.

…Кажется, именно село и будет главной темой сегодняшней передачи. На экране кадры уходящего к горизонту распаханного поля. Машина губернатора осторожно сворачивает с асфальтированной трассы на разбитый весенней распутицей проселок и, буксуя, то и дело соскальзывая к обочине, едет через поле. Тормозит у березового колка, рядом с которым ведущие пахоту трактора заправляют горючим. Виктор Александрович выходит из машины, подходит к механизаторам. Завязывается оживленный и, судя по всему, не очень простой разговор. Ведущий журналист за кадром торопливо озвучивает происходящее: «В этом году в наше сельское хозяйство вложены огромные по меркам области деньги — 1 миллиард 200 миллионов рублей. И это еще без учета закупки продовольствия для больниц, школ, интернатов и прочих немалых расходов. Но вернутся ли нам эти деньги в виде сельхозпродукции, владеем ли мы сегодня ситуацией на продовольственном рынке? Сегодня мы имеем возможность задать этот вопрос непосредственно губернатору, который только что вернулся из поездки в Барабинский район.

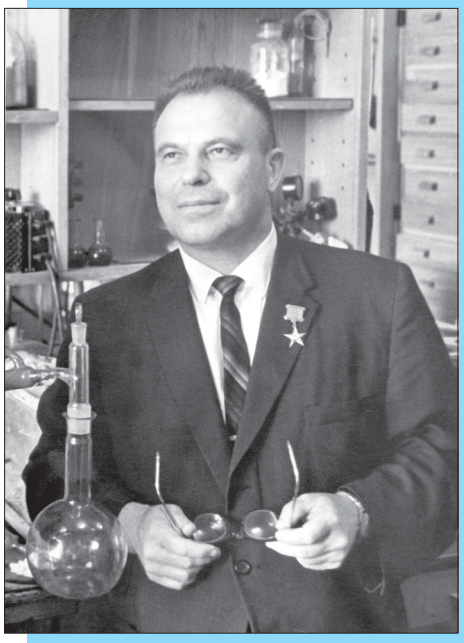
— Виктор Александрович, вы уверены, что и этот год оправдает ваши надежды?

На экране крупным планом лицо губернатора. Он неожиданно улыбается и говорит:

— *Давайте лучше послушаем, что говорили мне тогда в поле механизаторы Барабинского района. Вы ведь, кажется, записали наш разговор…*

А. ДМИТРИЕВ

«Триллионер» с несдающейся душой

Дело случая, а возможно и судьбы, но мне довелось много лет общаться с людьми, которым после смерти ставили памятники, в их честь называли улицы, корабли и даже звезды на небе. Больше того, еще при их жизни уже было ясно, что так и произойдет, хотя в России подлинное признание редко приходит к человеку при жизни. Но это были люди науки, которым власть, весьма беспощадная к своему народу, многие десятилетия отдавала должное. И это надо признать. Да и как могло быть иначе?! Без ученых мы бы едва ли разгромили фашизм, без них мы не смогли бы год за годом как-то еще вытягивать экономику, «привязанную» к нефтяной трубе. Поэтому имя академика Андрея Алексеевича Трофимука задолго до его кончины «прописалось» в истории страны навсегда. И не только потому, что он Герой Социалистического труда, награжден многочислен-

ными орденами и имел все возможные звания и регалии. Этого геолога и нефтяника будут помнить за поистине титаническую работу по открытию минеральных ресурсов страны и их использованию в экономике. Если бы Андрей Алексеевич «застолбил» за собой все, что он открыл и сделал, то был бы не миллиардером даже, а триллионером. Но Трофимук все «столбил» для Родины, которую любил и за которую страстно переживал.

Инертный ум всегда не согласен с умом пытливым. А часто и враждебен ему. Фиксировать то, что есть, гораздо легче, чем прогнозировать то, что будет. Вот что отягощает жизнь искателей даже в том случае, если они знамениты. И Трофимук не исключение из этого горького правила. Его не признавали десятки раз. Над ним иронизировали, его предложения причисляли к «академическим чудачествам», к оторванности от жизни. Самодовольству нашего начальства нет предела — оно всегда все знает лучше остальных, в том числе и ученых. А нередко — и уж тем более ученых. Андрей Алексеевич годы потратил на борьбу с руководителями разного ума и ранга. Он сам объяснил, что ему помогало проявлять такое упорство:

— Я по природе оптимист. Да и занимаясь поисками нефтяных месторождений, нельзя не быть оптимистом! В этой отрасли геологии пессимисту делать нечего. Первая же неудача может вывести его из строя. Положим, такой пессимист, заложив дорогостоящую скважину, обнаружит несостоятельность своих расчетов и схватится за голову: «Да зачем я вообще связался с этими поисками?!» А оптимист и из «пустой» скважины извлечет такую информацию, которая со временем приведет его к настоящему открытию!

Казалось, что оптимизм Трофимука не знает границ. В нем было, как представлялось, даже нечто фанатическое. Год за годом, уж не помню, сколько лет подряд, слушал его доклады, например, о программе «Сибирь», в которых он постоянно, упорно, а порой и неистово повторял одни и те же тезы-призывы: разведка, поиск нефтяных месторождений должны обгонять добычу, идти впереди нее; надо за нефтью шагать дальше, в Восточную Сибирь, к континентальному шельфу океана; необходимо увеличивать капиталовложения в Сибирь, иначе будем топтаться на месте; Байкал — наша национальная жемчужина, и его нужно сберечь для потомков. Сама частота этих утверждений говорила о боли ученого, о непонимании власти, как правильно развивать экономику. И это, конечно, копило горечь в Андрее Алексеевиче. Его оптимизм подвергался суровым испытаниям. Страстная натура порой не выдерживала небрежения. Тогда Трофимук шел на демонстративный протест. Незадолго до смерти его «нашла» еще одна награда — орден «За заслуги перед Отечеством четвертой степени». Он не принял ее, отказался от ордена, чтобы не только свое несогласие и свою позицию «высветить» этим отказом, но и снова обратить внимание власти на дорогую его сердцу Сибирь. Ведь его называли главным геологом Сибири. Тем самым как бы обязывая нести ответственность за все минеральное богатство огромного региона. А он в ответ говорил с горечью:

— Это, может, и льстит самолюбию, но редко приносит удовлетворение. Я был дважды главным геологом по должности — «Башнефти» и «Нефтегазразведки» Министерства нефтяной промышленности. Тогда я был действительно главным геологом. В моих руках были средства и возможности облечь идеи в плоть и кровь. Сейчас я, к сожалению, лишь советчик, которого не всегда слушают…

Я был свидетелем этого «не всегда слушают». Делая доклад о творчестве и жизненном пути А. А. Трофимука на конференции, посвященной 90-летию со дня его рождения, академик А. Э. Конторович говорил, в частности, что Андрей Алексеевич — один из авторов выдающегося открытия — свойства природных газов находиться в твердом состоянии в виде гидратов. В своих работах он рассмотрел механизмы образования скоплений гидратного газа, показал, каковы ресурсы этого газа в Мировом океане и т. д. Но всего лишь четверть века назад эти утверждения вызывали у многих специалистов иронические ухмылки и характеризовались — с поправкой на очевидные заслуги ученого — как академическое чудачество. Даже совсем недавно, незадолго до смерти, когда Андрей Алексеевич делал свой последний доклад о газогидратах в Институте неорганической химии СО РАН, по некоторым задававшимся вопросам все еще чувствовался элемент недоверия к этому экзотическому минеральному сырью, да еще скрытому под толщей океанической воды.

Наверняка и Коптюг, и Трофимук, и Будкер, не говоря уже о Лаврентьеве, прекрасно знали себе цену. Но ни в одном из них не было никакого величия, «предчувствия» памятников и улиц в их честь. Это были истинно русские интеллигенты, независимо от этнических, национальных корней. Их заботило не величие, а наука, привлекала не слава, а работа. Правда, когда Трофимук встречал своих коллег из Белоруссии, он то ли шутливо, а то ли всерьез обнюхивал их и говорил: «Родной дух!». А шутить он любил и умел, особенно на охоте и рыбалке. Вспоминая о нем, его товарищи и коллеги рассказывали на конференции:

— Его вокальные данные были скромными. Пел он редко. Но, восхищенный красотой Сибири, мог так спеть « Из-за острова на стрежень», что это запоминалось навсегда. Он пение превращал в спектакль, в котором «герой» поражал страстностью.

Вообще, темперамент у Андрея Алексеевича был не белорусский. Под его горячую руку, а точнее критику, опасались попадать даже академики. Замечания Трофимука всегда били в цель. Так же, как шутки, реплики и оценки.

Из его афоризмов: «Рыбу без водки едят только собаки». Или: «Среди настоящих рыбаков и охотников подлецов не бывает». И еще: «Охота и рыбалка в срок жизни не засчитываются».

Из его оценок: «Это фанатик за гранью нормы». Так он высказался о любимце Сталина академике Лысенко, душителе генетики.

Сам Трофимук во взаимоотношениях с коллегами никогда не переступал эту грань нормы. Он неоднократно расходился с ними во взглядах, но ни-

кому не мстил, никого не отвергал и проявлял просто удивительную душевную чуткость к своим научным оппонентам, порой даже непримиримым. Когда справедливость открытия по тем же газогидратам стала очевидной для всех геологов, Трофимук вполне мог бы торжествовать и разорвать некоторые отношения. Ничуть не бывало! Он снова, но, как говорится, на другом витке ищет с ними точки соприкосновения. Тем более что еще при нем США, Канада, Япония и Индия уже «запускали» крупные программы по поискам скоплений гидратного метана. Как тут не вспомнить, что лет двадцать тому назад академик А. Л. Яншин в интервью на страницах «Советской Сибири» утверждал, что геологи еще точно не знают, какое топливо будет главным в новом веке. Возможно, что метан. А теперь, в новом веке, метан везут в цистернах целыми эшелонами. А Индия, как уточнял академик Ф. А. Кузнецов, уже практически приступила к добыче газогидратов, и теперь дело только за окончательной разработкой технологии этой добычи.

Ученым Трофимук мог многое простить. И многим. А вот власти — нет. Тут он был неукротим и неумолим. В том случае, конечно, если власть находилась «за гранью нормы». На конференции напомнили еще один случай, который как-то подзабылся: когда академическая наука при Ельцине была поставлена на грань распада, и Академгородок собрался на очередной митинг

Производственное совещание

протеста. Ученые решили попросить Андрея Алексеевича на этом митинге выступить. Председатель СО РАН академик Н. Л. Добрецов забеспокоился: «Вы что, старика решили совсем доконать, до инсульта довести? Ему нельзя волноваться…». Но к удивлению организаторов митинга Андрей Алексеевич сразу же согласился на нем выступить.

В тот день стояла жара, нещадно палило солнце. Трофимуку поставили стул, он медленно подошел к нему и начал медленно говорить. Его слова жгли сердца людей и усиливали огонь людского возмущения… «Без науки мы потеряем страну», — говорил Трофимук, и утверждения старого человека обретали силу приговора. Слабую власть судил сильный человек, заслуги которого даже беспамятная власть не могла не признать. Героя Социалистического труда, награжденного шестью орденами Ленина, двумя — Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции, трижды лауреата Государственной премии нельзя было «замолчать». Вскоре после того митинга некие отрадные подвижки в академической науке наметились.

А в самой науке Трофимук прибегал только к диспуту, а не к митингу. Постоянное напряжение ума и воли было его нормой, органикой. Как бы подчеркивая этот непрекращающийся процесс, Андрей Алексеевич отказался от слова «борьба» и заменил его на «борение». Свою давно задуманную и выношенную книгу он назвал «Сорок лет борения за развитие нефтегазодобывающей промышленности Сибири». Но борение было еще до этих сорока лет. За башкирскую нефть в знаменитых массивах Ишимбаевского района, за нефть в Волго-Уральской провинции, за нефть в отложениях так называемого девона, за новые методы разработки месторождений и т. д. Редко в судьбе академического ученого так удачно, как у Трофимука, сливаются в один поток достижения, теория и практика. Андрею Алексеевичу это удалось. Благодаря таланту, воле, мудрости, эрудиции, огромному опыту, душевности и интуиции.

— *Он не подводил друзей и не портил отношений с теми, кто высказывал иную точку зрения, чем была у него,* — рассказывал профессор из Санкт-Петербурга Сергей Германович Неручев. — *Более тридцати лет назад у меня вышла книга по проблемам образования нефти и газа. Трофимук сразу же ее поддержал, хотя тогда меня не знал. И почти тогда же пригласил меня на работу к себе в институт. Это было лестно для молодого ученого, я приехал в Новосибирск, но работать здесь отказался. Меня устраивали условия работы дома, в Питере. Это несколько разочаровало Трофимука, но наши отношения не прервались. Мы даже выпустили с ним совместную монографию. Однако направление наших исследований вызывало заметное противодействие в науке. На монографию профессор Кудрявцев прислал разгромную статью в геологический журнал. Мы решили с Андреем Алексеевичем опубликовать эту статью. Рядом с нашей точкой зрения. И в этом еще раз проявилась научная и жизненная позиция Трофимука. Несогласие не вызывало в нем отторжения. Оно тоже будило мысль и помогало работе.*

Щепетильность и требовательность Трофимука объяснялись его чуткостью и уважением к труду своих коллег, особенно молодых. Он устраивал взбучку членам ученого совета института, когда они не являлись на защиту кандидатских диссертаций. А молодые соискатели боялись, что уж теперь-то, после взбучки, члены ученого совета со зла завалят их работу. Ничего подобного! На оценки взбучка от Трофимука не влияла.

— *Когда я в конце пятидесятых годов,* — вспоминал профессор В. В. Самсонов, — *подготовил кандидатскую диссертацию, то на нее пришел отзыв примерно такого содержания: этого быть не может, потому что этого не может быть никогда.*

Трофимук взял диссертацию Самсонова, изучил и предложил ее к защите у себя в институте. А первым оппонентом был он сам. Защита прошла успешно.

— *К чему это я говорю?* — спросил у зала Самсонов и ответил. — *А к тому, что Андрей Алексеевич никогда не бросал и не предавал своих учеников и друзей. Мы, когда искали нефть в Восточной Сибири, пробурили сотни пустых скважин. Впору было отчаиваться. Все говорили, что Самсонов прожигает государственные деньги, а не ищет нефть. И если бы опять не помощь и защита Трофимука… А тогда он был на костылях, и мы перевозили его на лодках по бурному Иркуту. В итоге были открыты огромные месторождения нефти, и я горжусь, что получил Государственную премию вместе с Трофимуком.*

— *Я счастлив, что ученик Трофимука,* — говорил профессор М. А. Мандельбаум.

— *Его дела не забудут, они останутся навсегда,* — утверждал академик В. С. Сурков.

Все эти высокие оценки вполне можно было бы продолжать, учитывая масштаб сделанного академиком Трофимуком для страны. Но многие, вспоминая об Андрее Алексеевиче, ушли от оценок. В силу очевидности и масштаба сделанного. Говорили о том, что дар аналитика и эмоциональность редко в человеке сочетаемы. Обычно что-то одно… А в Трофимуке это вполне сочеталось и уживалось. Также в нем уживались гордость и скромность, достоинство и непритязательность, патриотизм и интернационализм. Его многочисленные ученики — и впрямь люди всех народов: Ли Чао Ю, Сурков, Салманов, Вышемирский, Запивалов, Карагодин, Мандельбаум, Фрадкин, Самсонов и сотни других. Трофимук вполне мог, будучи многолетним директором одного из самых крупных институтов в Сибирском отделении РАН, набрать весь штат только из своих учеников. Но это совершенно невозможное предположение для Андрея Алексеевича. Он был за разные научные школы и разные направления. Кстати, направление, которым он сам руководил, было в институте представлено весьма скромно.

— *Когда я стал директором этого института,* — вспоминал председатель СО РАН академик Н. Л. Добрецов, — *Андрей Алексеевич вел себя очень*

деликатно и внимательно. Он ни разу не позволил себе в мой адрес ни одного замечания.

Хотя, надо полагать, мог бы. Безошибочной работа ни одного директора не бывает. Но деликатность и прямота тоже каким-то чудесным образом сочетались с несдающейся и мятежной душой Андрея Алексеевича Трофимука.

Оценивая жизнь и работу Андрея Алексеевича Трофимука с любых позиций, — хоть минувшего времени, хоть времени будущего, — обязательно придешь к выводу, что он «не вписывается» ни в одну конкретно взятую территорию. Масштабность такая. Его личность словно выламывается из ограниченных рамок, и Родиной ученого, большой и малой, можно считать и Белоруссию, и Башкирию, и, конечно, Сибирь. Занимаясь геологией нефти, он работал не в переносном, а в буквальном смысле на всю страну, на весь Советский Союз. Еще до войны, будто предвидя тяжелое будущее, он изучил нефтеносные известняковые массивы Ишимбаевского района Башкирии и оценил перспективы новых открытий. А в войну открыл высокодебитное Кинзебулатовское месторождение нефти в коллекторах так называемого трещинного типа. Впервые в стране. Тогда же, и опять впервые, под руководством Трофимука стали проводить соляно-кислотную обработку карбонатных коллекторов, позволяющую значительно увеличить добычу нефти из скважин. Но это давно минувшее. А вот будущее, в котором имя Трофимука тоже никогда «не затеряется».

Достаточно вспомнить газогидраты — лишь одно открытие Трофимука. Речь идет о выявленном им и другими геологами скоплений газа в оса-

дочной (то есть у шельфа, на дне морей и океанов) оболочке Земли в твердом газогидратном состоянии. Но это состояние действительно в прямом смысле обеспечит мир энергией почти на весь наступивший двадцать первый век, в котором Андрея Алексеевича уже нет. А его идеями, изложенными в многочисленных — их сотни — монографиях и статьях «питается» весь мир до сих пор. В Индии, Японии и некоторых других странах уже добывают газогидраты.

Навсегда связано имя Трофимука и с гигантскими открытиями нефти и газа в Западной и Восточной Сибири. В Сибири, а точнее в нашем городе — тут привязка к территории будет уместна — он проработал более сорока лет и охватил своими знаниями такие проблемы, без решения которых развитие всей страны едва ли было возможным. Даже в самом кратком перечислении объем работы, выполненный Трофимуком, поражает.

Он разработал теорию формирования нефти и газа, обосновал нефтегазоносность докембрия Земли, выявил цикличность осадконакопления и ее связь с нефтегазоносностью, предложил методику поисков и разведки нефтяных и газовых месторождений, показал, где лежат будущие ресурсы углеводородов, в каких провинциях Сибири, Дальнего Востока и в акваториях северных и восточных морей и т. д. и т. п.

Колоссальная работоспособность Трофимука, его мощный и пытливый интеллект не знали, казалось, удержа и каких-либо ограничений. Трофимука хватало на все: страстно защищать Байкал, программу «Сибирь», строительство метрополитена в Новосибирске, питать чуть ли не до самой кончины новыми идеями своих учеников и коллег, всячески помогать такому отраслевому институту как СНИИГГИМс, обращать внимание науки и власти на гидратный метан — энергетическое сырье будущего, по мнению Трофимука. Этот «триллионер» с несдающейся душой обладал не только редкостно обширными знаниями, но и феноменальным чувством предвидения. Ему почти все давалось с боем, а кое-что так и не удалось при жизни. Тот же Байкал защитить. Но Трофимук передал эстафету борьбы за интересы России своим ученикам и коллегам: Вышемирскому, Конторовичу, Каштанову, Мандельбауму, Нестерову и многим другим.

Героем Социалистического Труда Трофимук стал еще в годы войны, работая в Башкирии. За открытие там только девонской нефти он уже заслужил у своих соотечественников и памяти, и памятника. Но после Башкирии он сделал еще столько в Сибири для страны, что вполне заслужил права остаться в истории России навсегда. В своей книге «Сорок лет борения за развитие нефтегазодобывающей промышленности Сибири» Трофимук с обычной для него дотошностью перечисляет десятки перспективных районов нефтегазоносности палеозойских отложений. Уже на склоне лет он постоянно думает о будущем, то напоминая, что к решению проблем палеозойской нефти «нужно приступить немедленно и крупными силами», то предлагая, в каких районах надо ставить опорные скважины. Видно, что Трофимук остерегается, что его опять

не поймут, не поддержат и потеряют время. Он даже думает о том, где взять миллиардные средства на обустройство новой нефтегазоносной провинции в Восточной Сибири, а там продуктивность месторождений в два-три раза выше, чем даже в Западной Сибири. Эта постоянно пульсирующая, никогда не стихавшая в Трофимуке забота об интересах страны еще раз подчеркивает величие патриота и гражданина России. Трофимук — Почетный гражданин Новосибирска. Но, по сути, он почетный гражданин Сибири, ради процветания которой отдал десятилетия свой необыкновенной жизни.

Справка. А.А. Трофимук родился 3(16) августа 1911 г. в деревне Хветковичи Брестской области. Умер 30 марта 1999 г. в Новосибирске. Похоронен на Южном кладбище в Академгородке.

Ролен НОТМАН

Чтобы дорога «ехала»

Мир держится на энтузиастах-созидателях, умами и золотыми руками которых возведено здание цивилизации. Но лишь немногим посвящают звезды на небе, корабли в море и площади — на земле. Осенью 2002 года в такую нерукотворную «книгу памяти» занесено еще одно имя нашего прославленного земляка — Ивана Ефимовича Трубникова, бывшего начальника Западно-Сибирской железной дороги. Площади в Железнодорожном районе Новосибирска, где установлен мемориальный километровый столб с отметкой 3336, на митинге 27 ноября 2002 года присвоили имя нашего замечательного земляка.

А родился «сибиряк» в Курской области, в селе Липовчик. 23 апреля 1921 года в многодетной семье Трубниковых появился на свет седьмой ребенок, нареченный в честь деда — Иваном. В 34-м гря-

нула беда: Ефим Иванович сильно застудил легкие и скоро умер. Ване в ту пору минуло всего тринадцать лет, но пришлось работать «за мужика». А в школу ходили по очереди: одна одежонка — с плеч на плечи. Но семилетку закончил отличником. Мечтал учиться дальше, и этому помогло одно обстоятельство: старшая сестра Шура вышла замуж и уехала на станцию Кшень Московско-Курской железной дороги. Она взяла к себе брата, чтобы он мог там закончить десятилетку.

Там сельский паренек впервые увидел паровоз и убегающие за горизонт рельсы. Можно сказать, что железная дорога, в прямом и переносном смысле слова, и привела его в предвоенном сороковом году в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Тогда и стал сибиряком курянин Иван Трубников.

Выпускник НИВИТа 1947 года (специальность — военный инженер путей сообщения по движению и грузовой работе), блестяще сдав квалификационный экзамен и поработав дежурным по станции Новосибирск, в тот же год назначается исполняющим обязанности старшего помощника начальника станции. Через год приставку «и.о.» отменяют, а еще несколько месяцев спустя Ивана Трубникова назначают начальником станции Новосибирск-Пассажирский.

И далее столь же стремительный профессиональный рост. 1952—53 год — главный инженер Новосибирского отделения дороги, через год — заместитель начальника Новосибирского отделения. Еще через год, в июне 1954-го, Трубников назначается на новый пост — заместителя начальника службы движения Томской дороги, а уже в сентябре 1955-го Иван Ефимович поднимается на высшую служебную ступень в Новосибирском отделении дороги. Его начальником он был до мая 1961 года.

В сорок лет он стал руководителем многотысячного коллектива, десятков предприятий и многопрофильной инфраструктуры, включая весь социальный блок. При этом он знал о работе не только всех производственных звеньев, но и каждого детского садика, хорошо понимая, что и от него зависит производственная дисциплина и производительность труда железнодорожников.

Эта «дистанция» трудового пути проявила все лучшие — деловые, организаторские и личностные — качества характера И.Е. Трубникова. Он умел заставить работать тех, кто был не прочь давать себе поблажки, поддерживал неопытных или неуверенных в себе. И никогда не мешал тем, кто не любит опеки и способен на самостоятельные решения. Спокойный и уравновешенный, он умел своевременной шуткой разрядить напряженную обстановку или поднять настроение в трудную минуту.

Вместе с тем, досконально вникая в возникавшие проблемы на любом участке производства, он не «тонул» в деталях каждого ведомства, а всегда видел главные точки приложения сил, определяющие успех всего перевозочного процесса.

П.Ф. Мысик

Позже, уже став начальником дороги, Иван Ефимович так и не смог дистанцироваться, как теперь говорят, от своей первой руководящей должности — начальника станции. Его преемники, и не только по станции Новосибирск-Пассажирский, в случае непреодолимых препятствий на пути решения каких-то станционных проблем шли на прием к Трубникову. И все их просьбы начинались с рефрена: «Ведь вы, как бывший начальник станции, понимаете…».

Не избежал этого стереотипа в разрешении, казалось бы, неразрешимых проблем и один из ближайших сподвижников Ивана Ефимовича — Петр Филиппович Мысик. Семи годами позже он повторил почти весь послужной «маршрут» Трубникова. Работал начальником станций, в том числе и Новосибирска-Главного, занимал должности первого заместителя начальника отделения дороги, и на финише — главного инженера дороги. Были они не только сподвижниками по делу всей жизни, но и друзьями-товарищами. И это только помогало делу.

А формулировали они свое дело такой шуточной формулой: **ЧТОБЫ ДОРОГА — ЕХАЛА**! Железнодорожники понимают и любят это выражение. Но чтобы дорога «ехала», тысячи людей мягко стелют ей «под колеса» свои судьбы. Мысик — в том числе.

Эти две жизни-судьбы то шли параллельно, как пара рельсов убегающего вдаль железнодорожного пути, то переплетались «на стрелках». Даже деревенское, послевоенное детство почти как под копирку. Также в семье ребятни полон дом, и такая же нищета. Только Трубникову повезло окончить школу до фашистского нашествия, а у Мысика, которого война застала в одиннадцать лет, основной школой была работа в колхозе. Учился тоже урывками и так же окончил школу отличником. Только дорога в НИВИТ с Алтая короче, чем из Курской области. А мотивы выбора профессии примерно те же — случайность на грани закономерности.

…Трубников впервые обозначился в биографии Мысика, когда Петро был третьекурсником НИВИТа. Старшие товарищи, вчерашние фронтовики, попросили деканат организовать встречу с начальником станции Новосибирск-

Главный. Это и был Иван Трубников. Он произвел на студентов неизгладимое впечатление: красивый, подтянутый, даже щеголеватый. А какая эрудиция…

Да, Трубников был эрудитом. Он прекрасно знал литературу и историю, хорошо разбирался в искусстве, следил за всеми новинками культурной жизни общества. Технический кругозор его далеко выходил за отраслевые рамки. На той встрече со студентами молодой еще инженер покорил слушателей романтической увлеченностью своей профессией. По крайней мере, Мысик сразу решил для себя: надо постараться попасть на работу поближе к этому необыкновенному человеку.

Так, волею обстоятельств «вырулил» Петро Мысик на пересечение с судьбой Ивана Ефимовича Трубникова. И уже через несколько лет они вместе повели один «поезд».

— Мы с тобой — как два сапога пара, — говаривал иногда в тесной компании много лет спустя Трубников. Только один — поновее. — Это он напоминал о разнице в годах. — Да «национальности» у нас с тобой разные. Ты — хохол, а я — кацап.

Трубников мог позволить себе уравняться с товарищем. Мысик же за долгое время их совместной работы и дружбы, как говорится, домами, никогда и в мыслях не ставил себя вровень. Фамильярность по отношении к Трубникову была недопустимой, хотя сам Иван Ефимович никогда не кичился своим положением, не подчеркивал дистанции между руководителем и исполнителем. Но железная дорога — полувоенное ведомство, и субординацию тут соблюдают. Да и семь лет разницы в летах тоже имели значение. Это как километровые столбы вдоль дороги: посмотришь «в линеечку» — прямо сливаются. Но никогда одному столбику «не догнать» другого.

В 1955 году Петр Мысик получил диплом военного инженера железнодорожных путей сообщения и назначение на станцию Славгород Омской железной дороги. Дежурным по станции. Вскоре он принял пост заместителя начальника станции. Потом работал начальником станций Купино, Болотная. Мысик стал и первым начальником, открывшим только что введенную в эксплуатацию станцию Камень-на-Оби, главным инженером проекта которой был незаурядный человек и специалист Али Халилович Алиджанов, с которым потом Мысика связывала крепкая дружба. Алиджанову импонировала сердечность, порядочность Петра Филипповича и его творческий инженерный полет.

Новое назначение — начальником станции Болотная — привело Мысика в Новосибирское отделение дороги. К тому времени его возглавлял Иван Ефимович Трубников. Это была пора бурного промышленного развития индустриальных центров Сибири, освоения целинных и залежных земель Алтая и Казахстана. Лавинообразно росли объемы железнодорожных перевозок. И самым грузонапряженным был западный участок дороги. Поездной поток доходил до 120 пар грузовых поездов в сутки.

Время требовало срочной модернизации старой магистрали. Скоростными темпами велась электрификация главного хода Транссиба. Шла замена

локомотивного парка. Внедрялись передовые технологии с использованием новейшей техники.

Все это захватывало железнодорожников, крепнул их трудовой энтузиазм. Коренным образом менялись приемы и методы труда и управления. Как и в годы Великой Отечественной войны, Западно-Сибирская магистраль стала лабораторией новых рационализаторских починов. Разгорелось соревнование за экономию вагоно-часов на каждом элементе перевозного процесса. Трубников горячо поддерживал инициаторов — смены диспетчеров П. Енина, М.Шестакова, С. Давыдка и других. Это, в частности, отмечал Герой Социалистического труда П.Е. Енин. Начальника отделения дороги, по словам новатора, в ту пору можно было встретить где угодно: в диспетчерской, на горке или в каком-то коллективе на пересменке. В любое время суток.

В 1966—1970 годах Западно-Сибирская железная дорога награждена орденом Ленина и получила на вечное хранение Красное знамя. Тогда начальником дороги был Н.П. Никольский, а его первым заместителем, тоже удостоенным награды, Иван Ефимович Трубников.

Сложная оперативная обстановка требовала гибких и незамедлительных решений как производственных, так и социальных вопросов. Потому что люди, кадры, всегда были у Трубникова на первом месте. Он был очень строгим и требовательным руководителем, но и «сняв стружку», не унижал человека. Он «наказывал» доверием, и это был очень эффективный метод работы с людьми. Как и непоказное внимание к людям, забота о них.

Поражала феноменальная память Ивана Ефимовича. Дорогу он знал прекрасно: от цехов локомотивных и вагонных депо до маневровых районов станций, их горловин и даже — стрелочных переводов. Так же прекрасно он знал и людей. В лицо, по именам помнил сотни железнодорожников, особенно опытных работников — передовиков производства, как было принято тогда называть специалистов, которых отличали смекалка в деле, расторопность и самоотверженное трудолюбие. Он мог подолгу разговаривать с машинистами и дежурными по станции, осмотрщиками вагонов и составителями поездов. Не случайно со временем в коллективе его стали тепло и уважительно называть «батей».

К началу семидесятых сибирская магистраль стала одной из мощнейших дорог мира. Она выполняла в ту пору 8 процентов грузооборота страны, что равнялось 16,5 процента грузооборота США и 80 процентам грузооборота всех капиталистических стран Европы.

В эти же годы заместителем начальника отдела движения Новосибирского отделения дороги по технической части был Петр Филиппович Мысик.

Мысика увлекали технико-технологические перспективы магистрали, он знал все новинки в этой отрасли и старался что возможно внедрить у себя. Это по его инициативе на станции Купино, например, был построен пункт промывки вагонов, а на станции Болотная — проведена электрифи-

кация части сортировочных путей и съездов, усовершенствована сама технология работы.

В 1970 году, когда Мысик стал начальником станции Новосибирск-Главный, была организована реконструкция пассажирского приемно-отправочного парка со всем обустройством, что позволило пропускать пассажирские поезда длиною до 22-х вагонов. Позаботился Петр Филиппович и насчет оборудования комплекса бытовых устройств.

В ту пору на глазах менялось путевое хозяйство всей магистрали. Но особенно это было заметно по станции Новосибирск-Главный.

Началась централизация стрелок, но это только полдела. Чтобы запустить новую технологию, требовался новый пост централизации для перевода стрелок. А это — трехэтажное здание, начиненное автоматикой. Такое строительство требовало не только денег, но, главное, непланового подрядчика. Надо вспомнить, что Госплан верстал пятилетние программы с полной увязкой средств и подрядных возможностей строителей. Мало ли что могло сверкнуть в чьей-то мудрой голове, но хозяин-барин находится в Москве. И его не обойдешь, не объедешь.

Самостоятельно осуществить задуманный проект начальнику станции было не по плечу. Статус не тот. Надо было заручиться поддержкой руководства дороги. Идти к Никольскому Мысик не решился. Зашел, как говорится, с другого бока. Напросился на прием к первому заму — Ивану Ефимовичу Трубникову.

— В кабинете у себя он обычно строг, официален, — с доброй усмешкой вспоминает наиболее яркие вехи их сотрудничества Петр Филиппович Мысик. — На работе он всегда держал дистанцию. Это на рыбалке, за праздничным столом я для него был просто Петро. А в деловой обстановке — только по имени-отчеству. А если чем-то недоволен, то «товарищ Мысик»…

Так было и в этот раз. Мысик попросил помочь найти подрядчика, Трубникову, чтобы выручить ретивого начальника станции, пришлось прибегнуть к «челночной дипломатии», пойти на ряд ухищрений. Заканчивая разговор, Трубников как отрубил:

— Все! Твой объект будет включен в план. Но если ты меня подведешь... Смотри...

За ходом этого трудного, через «не могу» строительства он лично наблюдал вплоть до «красной ленточки». А возможно, главным «объектом наблюдения» было не столько новое сооружение, сколько сам Петр Мысик, к которому Трубников проникался все большим доверием. Не случайно вскоре Мысик становится начальником Новосибирского отделения, затем — главным инженером Западно-Сибирской железной дороги.

Когда летом 1973 года от тяжелой болезни скончался начальник дороги Н.П. Никольский, у коллектива сомнений по поводу преемника не было, как не было их и в Министерстве путей сообщения. И 3 августа Иван Ефимович Труб-

ников был назначен начальником Западно-Сибирской железной дороги и возглавлял ее десять лет. До ухода на пенсию.

Буквально каждый квартал правительством или министерством отмечались высокие производственные заслуги коллектива. В кабинете Трубникова было «красно» от переходящих знамен и тех, что были вручены дороге на вечное хранение.

Пожалуй, не меньше, чем кумачом, гордились сибирские железнодорожники тем, что их начальник, Иван Ефимович Трубников, был избран депутатом Верховного Совета СССР 10-го созыва.

Он был действительно лидером среди своих коллег — руководителей дорог Союза, но при этом умел ценить и использовать передовой опыт других магистралей. Однако определяющим в успехе дороги было умение Трубникова вовремя увидеть и оценить «рациональное зерно» в инициативах и предложениях своих командиров производства.

Первые пять лет под командованием Трубникова (с 1973 по 1979 гг.) магистраль наращивала объемы перевозок, улучшала показатели эксплуатационной работы, развивала производственные мощности и социальную сферу. Строились новые линии, вторые пути, шло развитие станций, усиление и реконструкция локомотивных и вагонных депо, устройств энергоснабжения, сигнализации и связи. Обновлялся подвижной состав, внедрялись новые технологии, росло взаимодействие с отраслевой наукой, промышленным и аграрным комплексом региона. Транспортники поставили перед собой задачу дос-

тавки груза «от двери до двери», обеспечить его сохранность и при этом сократить простои вагонов.

Это была трудная, но увлекательная работа. Железная дорога и в то время являлась мощным структурным звеном народного хозяйства страны. Десятки тысяч тружеников, сотни предприятий. Нагрузки неимоверные — на главном ходу каждые семь-восемь минут следовал поезд. И все работало как часы, точно и надежно. Даже американская печать писала, что Западно-Сибирская имеет самую высокую производительность труда в мире.

Это были восьмидесятые годы, которые остряки потом назовут временем «расцвета застоя». Руководство дороги уверенно выводило магистраль в лидеры по своему министерству. Хотя каждый шаг в развитии хозяйства давался с трудом, а победы «ковались» с личным участием начальника дороги.

— *Кроме уникальной памяти и глубоких знаний,* — вспоминает П. Ф. Мысик, — *Иван Ефимович обладал феноменальной интуицией, которую можно считать стратегическим чутьем. Но при этом свое видение перспективы он постоянно проверял на нас, ближайших помощниках. Сердился, если бездумно соглашались со всеми его предложениями. Ему нужен был живой, осмысленный разговор, мысли и аргументы каждого. Он доверял нам вести свое дело самостоятельно и самостоятельно принимать решения. Поддерживал и инициативу, хотя не всегда соглашался сразу.*

Петр Филиппович приводит в пример, как они с Трубниковым искали подрядчика для строительства административного здания на станции Инская. Дело было неподъемное, и Мысику надо было уговорить начальника дороги направить ходатайство в Москву от имени депутата Верховного Совета СССР, на официальном бланке. А сопровождать по «коридорам власти» эту весомую бумагу Петр Филиппович отправился сам. Так авторитетом одного и настойчивостью другого одолели этот проект.

Вместе пробивали и строительство вычислительного центра станции Новосибирск-Главный… Хотя, откровенно говоря, и сам Мысик в ту пору не верил, что задачка окажется «по зубам». Но решить ее — дело не только профессиональной чести, но и устойчивой перспективы развития самой дороги.

Научно-технический прогресс в СССР на грани восьмидесятых-девяностых годов вышел на новый качественный уровень. Вслед за электрификацией производственных процессов пришла автоматизация. Началось внедрение АСУ (автоматических систем управления). Но пальму первенства здесь прочно удерживали капиталистические страны Запада и Востока, их производительные силы и потребительские стандарты. А мы, при всех стараниях «правофланговых» и отдельных достижениях в науке и технике, все же забуксовали.

Наметилось резкое технологическое отставание и в железнодорожной отрасли. П.Ф. Мысик, часто бывая по делам службы за рубежом, не раз имел возможность убедиться в этом. Необходимо было наверстывать упущенное. Идея строительства вычислительного центра все больше овладевала им, тем более что первоначальный замысел принадлежал еще его предшественнику

на посту главного инженера дороги В.М. Скворцову. Аппаратура, кадры — все это было осуществимо. Но требовалось специальное, функционально оборудованное здание, выполненное по особому проекту — именно для размещения в нем вычислительного центра.

Для строительства более всего подходила площадка, прилегающая к вокзалу Новосибирск-Главный. Возникали определенные сложности технического характера, но они в конце концов были преодолимы, главное же препятствие состояло в том, что требовался снос трех жилых домов, всего около тридцати квартир. Где взять квартиры на отселение, когда своим людям, машинистам, жить негде?

Мысик долго уламывал начальника дороги, так и эдак подъезжал — бесполезно. Трубников и сам прекрасно понимал необходимость строительства ВЦ, но дать «добро» не мог, не имел морального права — люди-то по наболевшему «квартирному вопросу» к нему на прием шли.

Петр Филиппович так и ушел расстроенный, в сердцах даже дверью хлопнул. Но в конце дня — звонок. «Зайди ко мне…»

— Ты что, обиделся? — Всем было известно, что Иван Ефимович самодурства себе не позволял. Да, мог не согласиться. Даже с разумными доводами. Но, обдумав все потом, готов был признать свою ошибку и согласиться. Видимо, и в этом случае Трубников полдня «созревал».

— Обиделся, конечно…Столько нервов потратил, пока выбил деньги, договорился о подрядчике. Может, поговорите с Севастьяновым? Он ведь тоже был начальником нашей станции… А вы — депутат Верховного Совета.

Трубников и сам к тому времени пришел к выводу, что это единственное решение проблемы.

Он набрал номер председателя горисполкома. Говорил не как депутат, а как товарищ. Как бывший начальник станции — с бывшим начальником. Все они тут — бывшие начальники, и все двигали нужное дело по своему отрезку пути. Договорились: половину квартир город даст взаймы. Половину придется находить другими путями…

Ивану Ефимовичу не привыкать было находить выход из самой тупиковой ситуации, и опирался он всегда на своих подчиненных, командиров производства среднего звена, которые никогда не подводили. Это железо не выдерживало морозов, а люди выдерживали программу: чтобы в любой мороз, в любую пургу пути были чистыми и чтобы «дорога ехала». Зато как было приятно,

когда по «красным дням» начальник дороги говорил о своем коллективе: «Это дорога у нас железная, а люди — золотые». Строг он был, это, как говорится, не отнять. Но заботлив и справедлив. Ради справедливости готов был рискнуть даже собственной карьерой. Произошел несчастный случай на дороге, близ Черепанова, когда грузовой поезд проехал запрещающий сигнал и врезался в бок пассажирскому. Около сорока жертв, не считая раненых.

Возможно, те разборки укоротили Ивану Ефимовичу жизнь. На место выехал замминистра. Дело приняла к производству генеральная прокуратура. Следователи начали искать виновных сверху. Ходили на допросы первый заместитель начальника дороги В.Б. Николаев, заместитель по локомотивному хозяйству Ю.С. Лелеков. Как главного инженера дороги вызывали для «дачи показаний» и П.Ф. Мысика, всех других руководителей, как-то связанных с движением поездов. Не ходил на допросы к следователям только Трубников. Он, как уже говорилось, был депутатом Верховного Совета СССР, и по статусу в таких случаях следователь сам наносит визиты. И не «снимать показания», а получать «объяснения». И вот однажды, сидя в кабинете депутата, следователь строго предупредил его:

— Имейте в виду, товарищ Трубников… Вы как начальник дороги несете личную ответственность перед обществом, государством. И перед партией…

Иван Ефимович воспринял это нравоучение как личное оскорбление:

— Уходите немедленно. Я с вами больше разговаривать не буду. А отвечаю я за все — перед собственной совестью. И этой ответственности не вам меня учить…

После того ЧП все отвечающие за безопасность движения на дороге получили взыскания, хотя непосредственная вина — только машиниста. Но ни одного своего помощника Трубников не «подставил», не позволив Москве никого снять с работы. Это были его люди.

И коллектив не подвел своего руководителя в самый тяжелый момент, в 1979 году, когда состоялось слияние двух дорог — Западно-Сибирской и Кемеровской. Это было ошибочное решение, неимоверно усложнившее транспортную обстановку. Нарушено было единство хозяйственного механизма, участковые станции оказались не готовы работать как стыковые междорожные, не успевали обрабатывать поезда. Начались сбои в движении, нарушался график. Трубников, казалось, даже перестал спать по ночам. Коллеги сомневались, отдыхал ли он вообще. К тому же, «доставала» Москва: на селекторных совещаниях начальник дороги стал подвергаться критике, наезжали бесконечные проверяющие комиссии. И только благодаря его высокому профессионализму, выдержке и воле удалось справиться с экстремальной ситуацией и в довольно короткий срок восстановить нормальный ритм работы дороги.

Никто лучше Ивана Ефимовича, — вспоминает бывший начальник вагонной службы Б.Ф. Старчоус, — *не мог на дороге распорядиться, как поступить, когда случалась беда, — как завязать потоки, уйти от больших потерь*

при значительных перебоях в движении поездов. Его деловитость, собранность, умение быстро оценить обстановку и принять единственно правильное решение — все это благотворно действовало на нас, успокаивало, прибавляло уверенности.

В нерабочей обстановке с ним было легко и уютно. В нем просто светилась эта таинственная русская душа, в которой все было полной мерой: работать так работать, гулять так гулять, дружить так дружить. Но и какая-то боль последнее время присутствовала, словно прошлое его было прошито незримой пулей...

В тот, последний день, Иван Ефимович, уже много лет «отдыхавший» на пенсии в роли «теневого кабинета» при руководстве управления дороги, позвонил Мысику: «Приходите с Воеводским. На преферанс». — Голос был тот же, но чем-то встревожил Мысика.

Пришли в пятом часу. Трубников попросил жену, Лидию Васильевну, приготовить что-нибудь на стол. Потом, посмотрев на часы, таинственно улыбнулся:

— В пять часов — «Новости». Посмотрим, где там нашего министра усадят…

Это было первое заседание кабинета министров, в котором должен был участвовать наш бывший начальник дороги Владимир Иванович Старостенко. Когда увидели своего товарища, недавнего начальника Западно-Сибирской на телеэкране, зааплодировали.

Вдруг Иван Ефимович охнул и осел. «Скорая» из железнодорожной клиники примчалась быстро, но смерть не послушалась врачей…

Открытие мемориальной доски на доме, где жил И.Е. Трубников

Дом N 18 по улице Ленина многие называют Домом Трубникова. С весны до осени у мемориальной доски родные и друзья меняют живые цветы.

А с осени 2002 года именем Трубникова, почетного железнодорожника, заслуженного работника транспорта РСФСР, кавалера орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени (дважды), называется и площадь, примыкающая к путепроводу в Железнодорожном районе.

А верный соратник Трубникова Петр Филиппович Мысик до сих пор в строю. Он возглавляет совет ветеранов Западно-Сибирской железной дороги, и лучшего человека на эту должность не найти. Его уважительность к людям простота в обращении, верность данному слову и глубокая порядочность снискали ему уважение и любовь всего коллектива дороги. Многих Вам лет, дорогой Петр Филиппович, и доброго здоровья!

Людмила СОКОЛОВА

Мы каждый день строим город будущего...

Любимым местом игр Вити Урванцева и его дворовых приятелей были заброшенные землянки в районе карьера, вблизи нынешнего издательства «Советская Сибирь». Тогда, в конце пятидесятых, в городе началось массовое строительство, обитателей землянок расселяли по более пригодным для жизни баракам и первым пятиэтажкам, и мальчишки получили в свое безраздельное пользование убогие землянки, в которых годами ютились эвакуированные во время войны работники предприятий Ленинского района и переселенцы из деревень, приехавшие в город в надежде на лучшую жизнь.

Окрестности карьера тогда больше походили на городскую окраину — редкие пятиэтажки соседствовали с крохотными частными домиками, а комната в бараке на семью из пяти человек считалась вполне приличной жилплощадью.

В центре города мальчишки бывали редко, но с детства запомнилось Виктору чувство восхищения, которое вызывал огромный купол оперного театра, кажущийся еще величественнее среди крохотных одноэтажных домиков, и он вспоминал рассказы отца о том, что именно на строительстве театра тот и познакомился с будущей матерью Виктора.

Навсегда осталось в памяти, как в 1957 году родители повезли их с братом и сестрой в Ленинград. За семь суток в плацкартном вагоне ребятишки одурели от безделья и от картин нищеты по дороге. А потом Витя увидел европейский город. Здесь люди были иначе одеты и говорили не так, как в Новосибирске, и дети обращались к родителям на «вы». Здесь были Зимний Дворец и Эрмитаж, Петродворец и Павловское, и не было частных домиков. Здесь улицы были заасфальтированы, над ними вздымались прекрасные здания. Сказочные фонтаны и золотые дворцы навсегда запали в душу, не просто понравились — потрясли. И тогда Виктор Урванцев впервые подумал о том, что человек может жить во дворцах, а не в бараках и землянках.

За прошедшие с тех пор пятьдесят лет объездил Виктор Павлович весь мир, на красоту чужих городов насмотрелся и лишний раз убедился — жить можно лучше. Легко любить город, в котором стоят красивые многоэтажные дома, по ровным дорогам едут красивые удобные легковые автомобили, по чистым улицам прогуливаются нарядно одетые люди, и они счастливы…

И сегодня генеральный директор треста «Новосибирскжилстрой-2» Виктор Павлович Урванцев уверен, что именно таким и должен быть город будущего. Только в силу прожитых лет и приобретенных знаний картинка эта становится все более детальной и включает в себя множество «условий», о которых маленький Витя не имел тогда представления. Это и единство архитектурного ансамбля, и развитая городская инфраструктура, обеспечивающая комфортность проживания, и активное использование новых наукоемких технологий строительства, и соблюдение экологических норм при застройке и озеленении, и еще множество обстоятельств, которые жизненно необходимы, если думать о перспективе развития города, о том, как будут жить в нем следующие поколения.

Город будущего — он не на пустом месте вырастает и не за один день. История России — это во многом история строительства. Большинство старинных русских городов строились вокруг кремлей — поселения обносились крепостными стенами, потом окрест вырастали новые поселения… Новосибирск начинался от железной дороги, потом возводились заводы, а возле них строились дома для работников… Весь Ленинский и Кировский районы поначалу были просто кварталами бараков и землянок. И облик Новосибирска формировался не градостроительными идеями, не архитектурными поисками, а суровой необходимостью срочно расселить людей.

— Город — это ведь не просто много домов в одном населенном пункте, — делится наболевшим Виктор Павлович. — Это иной уровень комфортности среды обитания. А ведь именно среда обитания формирует и чело-

века как личность, и развитие человеческих отношений, стиль поведения, образ жизни.

Посмотрите на Октябрьский район — вроде почти в центре города люди живут. Но эти крохотные полуразвалившиеся домишки, которые надо топить дровами, вода, которую надо приносить из колонки… Разве это городской уровень жизни?

Мы во многом ориентировались на необходимость уйти от нищеты — в шестидесятых, когда надо было срочно переселять людей из бараков и землянок мы, начали срочно строить панельные пятиэтажки. И потом, вместо того чтобы перейти на новые серии, продолжали гнать строительство панельных квартир почти тридцать лет. Даже не потому, что возможности не было. Просто по накатанным рельсам двигаться легче, вот и не задумывались о будущем. Когда человеку дают квартиру бесплатно, он рад любой. А когда мы пришли к необходимости продавать квартиры, выяснилось, что за свои деньги люди хотят получить максимум удобств. И новые элитные дома повышенной комфортности плохо вписываются в однотипные массивы панельных пятиэтажек, которыми заполнен город. Рынок потребовал новых архитектурных решений, новых строительных технологий, а мы оказались к этим требованиям не готовы. Застройка города — это ведь даже не конвейер крупного производства. Для того чтобы внести коррективы, нужны не месяцы, а годы, десятилетия… Потому очень важно понять, каким мы хотим видеть Новосибирск, сформулировать концепцию, определить направление, путь по которому предстоит идти…

Проблемы градоустройства для Урванцева — «конек», и любой разговор о проблемах строительства неизменно возвращается к этой теме. Да и как иначе — за тридцать лет работы он достиг того уровня профессионализма, когда интересуют уже не проблемы мастерства и даже не результаты одного конкретного дела, а перспективы развития отрасли в целом. Потому что один конкретный дом он при любых, даже самых неблагоприятных условиях, все равно построит. Но мало ему этого одного дома. Он хочет строить город, в котором будут жить его внуки.

— Строительство — многоотраслевое производство, — объясняет Виктор Павлович, — требующее участия власти, множества строительных и инвестиционных фирм. Построить один дом — нет проблем. Проблема заключается в том, что надо строить город, как единое целое, удобное для проживания. Не только жилые дома, но и больницы, детские сады, школы, скверы, парки, театры… Одна, даже самая крупная строительная фирма не в состоянии построить жилой массив с развитой инфраструктурой.

А ведь построить — это еще полдела. Надо, чтобы горожане имели материальную возможность приобрести квартиры, значит стоимость квадратного метра жилья должна быть реальной. Основа рыночной экономики — предлагаемый нами продукт должен быть доступен для каждого…. Этого невозможно добиться без разработки новых инвестиционных программ, расши-

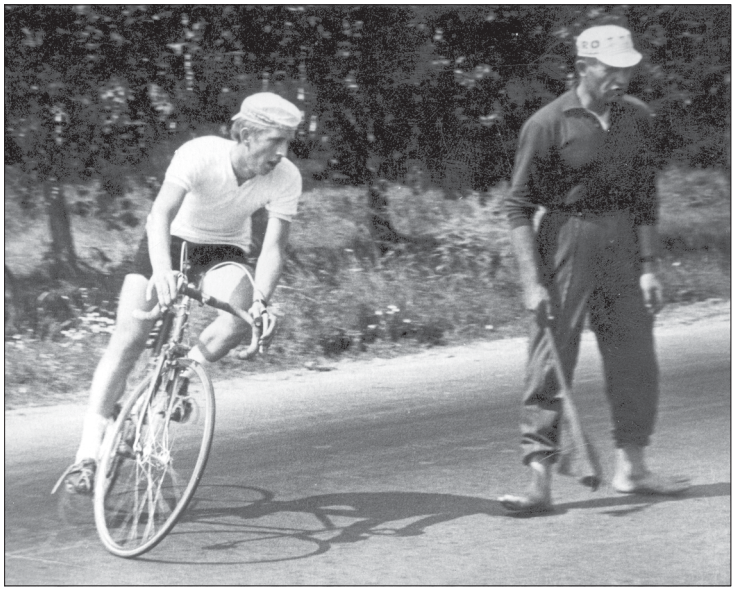
рения системы кредитования, без участия властей всех уровней. Поэтому в 1999 году была создана Ассоциация строителей и инвесторов Новосибирска.

— Строительство — это не просто бизнес, не только профессия. Это образ жизни, — уверен Виктор Павлович. — Нас уже не будет, а дома эти будут стоять и через сто лет. Новосибирск — это то, что построили наши отцы, что построили мы сами и что будут строить наши дети.

Фраза насчет отцов, строивших город, для Виктора Павловича не просто слова. Родители его работали в строительстве, принимали участие в возведении и отделке оперного театра, разработке проектов основных построек шестидесятых. Урванцев с детства слышал дома разговоры о проблемах стройки, о проектах и расчетах. И, как всякий ребенок, воспринимал строительство именно как синоним слова «работа». Стоит ли удивляться, что он, когда пришло время поступать в институт, документы сдал в Сибстрин.

«Водоснабжение и канализация» — не самое престижное название для факультета, особенно в начале семидесятых, когда каждый мальчишка мечтал стать космонавтом. Но для Урванцева в то время важен был не факультет, а командные соревнования по велосипедному спорту, дух состязания и гонка за лидером. Ему надо было успеть на соревнования, на сборы, и задачу в билете он решал скорее ради спортивного интереса, нежели мечтая стать студентом. Но судьба — дама непредсказуемая, она любит делать все по-моему. И на сборы те Виктор не попал, а стал студентом.

На его счастье оказалось, что неинтересным, непрестижным было только название. А сама профессия, которую выбрал за него случай, всерьез заинтересовала Урванцева. И когда он прибыл на первую свою стройку, то оказа-

В.П. Урванцев на соревнованиях

лось, что у молодого специалиста хватает не только амбиций, но и знаний. А занятия спортом приучили вести гонку до последнего, не сдаваясь неудачам. Превыше всего в те годы ценил Виктор соревновательный дух и надежность слова. Если сказал — значит сделает. Если выбрал профессию — значит должен стать лучшим. Если поручили дело — должен выполнить.

В командных соревнованиях по велосипедному спорту Урванцева охотно брали в команду, потому что знали — что бы ни случилось, какие бы проблемы ни встретились, Виктор приедет к финишу, он никогда не подведет.

На стройке эти качества его характера — надежность и умение преодолевать любые трудности — оказались очень к месту.

— Я пришел на стройку с большими амбициями, — вспоминает Урванцев. — Хотел быть лучшим, собирался стать по крайней мере министром. И прекрасно понимал, что в первую очередь надо стать профессионалом, то есть человеком, который в состоянии хорошо выполнять свою работу. А для этого надо многому научиться, потому что институт дает достаточно поверхностные знания, очень общие, а мне надо было знать специфику, понимать все тонкости работы. Нигде, кроме как у опытных рабочих, нельзя научиться, как зачеканить стык, как врезать трубы одну в другую… Мне повезло, у меня были хорошие учителя — первый бригадир Григорий Егорович Спицын, начальники управления Олег Григорьевич Донцов, Николай Михайлович Сенченко. И я понимал, что надо очень много работать, чтобы постичь профессию.

Многое напоминало здесь спортивную среду — борьба за лидерство, дух коллективизма. Строительный труд — многодельный, общий успех зависит от усилий каждого — и того, кто обеспечивает материалами, и того, кто просчитывает объем работ… Ошибешься — подведешь окружающих, лишишь людей возможности выполнить работу. А мне тогда было крайне важно, чтобы окружающие люди меня уважали, я прекрасно понимал, что авторитет зарабатывается только каждодневным трудом.

Тогда, в 1974 году, производство развивалось стремительными темпами, каждый год трест сдавал по корпусу завода «Сибтекстильмаш», объект был государственной важности, и к строителям предъявлялись очень высокие требования. Работать приходилось на износ, вчерашнему выпускнику вуза приходилось несладко, но это была и хорошая школа, в которой за год можно было постичь то, на что в других условиях понадобилась бы пятилетка.

Время летело стремительно, и также стремительно развивалась и карьера Урванцева. Через год он уже прораб, еще через два — начальник участка…

Конец семидесятых-начало восьмидесятых — время бурного роста жилищного строительства. На государственном уровне была поставлена задача построить достаточно жилья, чтобы переселить людей из бараков. На выполнение этой задачи были брошены все силы. Реорганизовали и трест, в котором работал Урванцев. Осушали болота на окраине Новосибирска, рыли котлованы под новые микрорайоны — Юго-Западный, Троллейный, Северо-

Чемской. Город активно развивался, в год сдавалось по 500 — 600 тысяч квадратных метров жилья.

— Требовательность была жесточайшая, — вспоминает Виктор Павлович. — План был святыней и догмой. Работали по субботам и воскресеньям, в две смены. Во время бурного развития города происходила и большая ротация кадров. Многие не выдерживали напряжения. Судьбы людские время ломало легко. Не справился с задачей, не выполнил план — уходи. Выполнил — поднимайся выше. В этой постоянной напряженной работе и проходило мое становление как человека и как профессионала.

Для меня всегда дело стояло на первом месте. Я точно знал, что плановые показатели должны быть выполнены, а для этого нужно просто каждый день четко и добросовестно делать свою работу. Потому что если один день пропустишь, он уже навсегда потерян.

И еще — мне было интересно решать новые трудные задачи.

Помню, я работал начальником первого участка. Спустя какое-то время понял, что все достаточно налажено — мастера в прорабы выросли, их учить и постоянно контролировать не надо. Рабочие с объемами справляются… А второму участку не везло — нормы выработки не выполняются, рабочие кадры слабенькие. Участок постоянно в отстающих.

Я пришел к начальнику управления Николаю Михайловичу Сенченко и попросился на второй участок. Он мне поначалу не поверил: «Пошутить решил?» А когда понял, что я говорю всерьез, — не знал, то ли радоваться, то ли огорчаться. Слишком там много начальников уже сменилось, а меня терять ему не хотелось… Но у меня сомнений не было. И назначили меня начальником второго участка.

Приехали мы с шофером Валентином Морозовым в бригаду, которая занималась выносом подземных коммуникаций из-под строящейся станции метро «Октябрьская». Поздняя осень, ребята сидят в каптерке, в карты режутся. Ну, не со скандала же начинать? Я бригадиру говорю — пойдем, мол, пройдемся по участку. И вышли. А шофер сел играть с рабочими. Прошлись, обсудили планы, бригадир показал мне, что и как делается. А когда сел я в машину, Валентин выскакивает из каптерки и хохочет.

— Чего смешного увидел? — спрашиваю.

А он мне рассказывает:

— Сел я, карты раздали, а мужики меня и спрашивают: «Чего Урванцев приехал?» — «Как чего, он же теперь у вас начальник участка», — отвечаю. А они карты бросили и говорят: «Ну, все, теперь не поиграешь»… Правильно понимают дело…»

К тому времени меня уже немного знали и четко понимали, что если Урванцев придет — будет работа без поблажек. Зато и заработки будут.

Работали у меня там Володя Лукьянов и Вася Писарев. По 25 лет в тюрьме отсидели, и уговоры на них плохо действовали. Так вот — лучших рабочих у меня не было. Когда немножко наладили производство и люди стали получать

нормальные деньги, тот же Вася Писарев с детским восторгом мне говорил: «Шеф, я за всю жизнь столько денег не зарабатывал…»

Я никогда не был добреньким и всепрощающим, но, знаете, люди редко от меня увольнялись. Потому что все проблемы я старался решать по справедливости. И народ меня понимал…

В 1981 году Урванцев был назначен начальником специального управления N 37 треста «Спецстрой», через три года ему предложили должность главного инженера треста. А в 1986 назначили управляющим треста «Новосибирскжилстрой-2».

Это была не просто еще одна ступенька в успешной карьере. Кардинально изменилось направление деятельности. Этот трест являлся генеральным подрядчиком, то есть он начинал и заканчивал строительство объектов. Урванцеву предстояло освоить совершенно новые организационные подходы, финансовые дисциплины.

— Я понимал, что не совсем был готов профессионально к этой должности, — признается Виктор Павлович. — И хотя управляющий трестом не занимается решением технических проблем, в основном мне приходилось решать организационные задачи, но пришлось и многому учиться. Читать техническую литературу, расспрашивать специалистов, на практике постигать критерии оценки конечного продукта. Я считаю, что учиться не поздно ни в каком возрасте, и до сих пор постоянно слежу за публикациями, стараюсь быть в курсе новых разработок, новых технологий. Иначе нельзя, это азы профессионализма — знать о своем производстве как можно больше.

Другое дело, что досконально знать весь процесс нельзя. Всегда есть специалисты, которые в своей узкой области понимают и знают больше меня, и нужно находить этих людей, привлекать их к работе и больше доверять их мнению.

Моя же задача как управляющего — обеспечить фронт работ, материальное и финансовое подкрепление, организовать работу так, чтобы каждый специалист на своем месте трудился с наибольшей отдачей.

Я достаточно часто ездил за границу, видел, что люди живут иначе, лучше, но в то же время был искренне уверен, что если мы будем хорошо работать, то выйдем на другой уровень жизни, надо только поднапрячься, увеличить темпы…

И он увеличивал. Тогда, в середине восьмидесятых, работали с 8 утра до 11 вечера. Ежегодно трест сдавал в эксплуатацию по две школы на 1176 учащихся каждая, семь-восемь детских садов, больницы, жилье.

— Это было очень хорошее время, мы видели результаты своей работы, — вспоминает Виктор Павлович. — Первого сентября дети шли в школу, которую мы сдали в конце августа, и я гордился своей работой. В город привозили новое медицинское оборудование и устанавливали в больницах и поликлиниках, которые мы строили. Я видел грузовики с домашним скарбом и понимал — это новоселы едут в жилые дома, которые мы построили. Мы ощущали свою прича-

стность к большому делу, были соучастниками большого процесса развития страны, города и гордились своей профессией.

Сегодня такой напряженной работы нет, но и радости от результатов своего труда тоже мало. Сегодня строительство — просто одна из областей бизнеса, разговор идет уже не о созидании, а о коммерции. Вот такая разница.

Восьмидесятые были годами тотального дефицита. Не было не только колбасы в магазинах, не хватало материальных и финансовых ресурсов для строительства. Нужно было уметь не просто организовать процесс работы, но и «выбить» фонды, пройти все согласования, чтобы обеспечить стройку необходимыми материалами.

— *Каждому руководителю неоднократно объясняли, что он — лишь винтик в общей системе,* — вспоминает Урванцев. — *И мы сами начинали в это верить. И когда система рухнула, то самым сложным было перейти к самоуправлению, научиться выживать самостоятельно.*

Трест, возглавляемый Урванцевым, занимался в основном строительством объектов соцкультбыта. Обеспечивались они по остаточному принципу, потому что наряды с красной полосой из Госснаба обычно выдавались предприятиям «оборонки» или в крайнем случае тем, кто строил жилые объекты. И снабженцам «Новосибирскжилстроя — 2» постоянно приходилось «изыскивать возможности», находить материалы. Так что переход к работе в «режиме выживаемости» им дался чуть проще.

Сложнее оказалось пережить психологическую перестройку. Теперь важны стали не объемы, а качество. Необходимо было выжить, сохранить коллектив и выдать ту продукцию, которая была бы востребована на рынке.

На планерке

— Мы одними из первых начали предлагать построенные квартиры на продажу, — вспоминает те трудные времена Виктор Павлович. — Денег у государственных структур не было, и когда мы в начале девяностых выступали подрядчиками и строили дома, то поняли, что нужно привлекать частных инвесторов. Это было своего рода революционным решением, психологически прийти к нему было очень сложно. Но другого пути у нас попросту не было.

Привычные руководящие структуры распались, министерство самоустранилось, и мы, строители, остались один на один со своими проблемами.

Мы начали более подробно вникать в трудовые процессы, объяснять людям, что сегодня существует прямая связь между объемом выполненных работ, их качеством и заработной платой, — рассказывает Урванцев. — Строже стали контролировать качество, потому что хорошо понимали — квартиру человек покупает надолго, если не навсегда. И если его не устраивает качество нашего продукта, он уйдет в другую фирму, к другому продавцу.

Мы даже ввели собственную систему штрафов, за которую нам потом здорово попало. Но я считаю, что она сыграла свою роль. Одно дело, когда человек просто не получает премию. И совсем другое, когда из его оклада высчитывается штраф.

Мы старались использовать все методы, которые могли помочь нам переменить психологию. И я считаю, что во многом нам это удалось. По крайней мере, мне очень приятно слышать, когда покупатели говорят: «Конечно, качество у вас получше, чем у остальных…»

Конец девяностых годов стал в России временем повсеместного внедрения новых технологий, появились десятки, сотни небольших фирм, которые занимались строительством, реконструкцией, отделкой. Тресту приходилось постоянно совершенствовать свою работу, чтобы оставаться конкурентоспособным. Со временем выкристаллизовались наиболее оптимальные методы, технологии, проекты.

В 1995 году, когда предложение на рынке жилья стало превышать спрос, «Новосибирскжилстрой-2» вновь занялся строительством объектов соцкультбыта, в основном реконструкцией учреждений здравоохранения, — учитывая репутацию фирмы, мэрия поручила свои объекты именно ему.

— Сегодня я не вижу поступательной логики в действиях тех, кто пытается руководить отраслью. Глупо пытаться просто перенести к нам западный опыт строительства. Прежде нужно изменить отношение общества к экономическим и социальным проблемам. Судите сами — после десяти лет развития рынка мы остались без рабочих кадров, потому что во всех училищах готовят в первую очередь менеджеров и секретарей. Существует рынок жилья, но нет ни одной государственной программы инвестирования, которая позволила бы каждому работающему, пусть в течение двадцати-тридцати лет, но купить квартиру. Строятся новые жилые массивы, но финансирование объектов соцкультбыта остается минимальным. И при этом нет четкой логичной

системы льготного налогообложения, которая могла бы привлечь к строительству социально значимых объектов строительные фирмы.

Но ведь строительство города — это проблема общая и для власти, и для жителей города, и для нас, строителей. Значит, и решать ее нужно сообща, совместными усилиями. Именно для этого мы и создали в 1999 году Ассоциацию. После того, как рухнули отраслевые органы управления, стало ясно, что необходима структура, способная увязать воедино интересы потребителей, строителей и власти.

Ну, и конечно, задумывая Ассоциацию, мы надеялись, что сможем с ее помощью решать и чисто градостроительные проблемы, которых тоже достаточно…

Виктор Павлович Урванцев строит этот город тридцать лет. Его не все устраивает в облике Новосибирска, не все нравится в сегодняшних новомодных проектах, но он достаточно взрослый человек, который понимает, что развитие — это медленное поступательное движение.

Жесткий руководитель и прагматичный бизнесмен, он умеет отделить мечты от реальности, принять действительность такой, какая она есть, и попытаться в сложных прилагаемых обстоятельствах найти лучший способ решения проблем. Ему многое удается. В 2002 году Виктор Павлович Урванцев признан «Человеком года». За достижения в области архитектуры и градостроительства он удостоен премии имени И. П. Севастьянова.

И все же в его словах и поступках все еще остается убежденность, что чем лучше город, в котором живут люди, тем лучше и сами люди. Добрее, спокойнее, интеллигентнее, счастливее. И всю свою жизнь он строит именно такой Новосибирск — город для счастливых людей.

Елена БОГАЧ

Начальник железной дороги

Зима 2000 года, станция Инская. Искрящийся снег оттеняет производственные строения, окрашенные в теплые тона. И только прочно засевший в памяти стереотип заставит вспомнить, что железная дорога — это не палитра импрессиониста, а железо, уголь, мазут, копоть, пыль…

Такой вот железно-серой Инская в 1994 году предстала взору нового начальника. Это был постперестроечный период, отмеченный резким снижением вагонопотока и другими бедами для Транссиба. Погрузившись с головой в проблемы железнодорожной станции, входящей в десятку крупнейших в России, начальник все же улучил время, чтобы отметить уныние и безрадостность производственного пейзажа, и распорядился выкрасить станционные здания в желтые и салатные тона. Он с детства не любил серые тона, этот человек. Звали его Александр Витальевич Целько. Сегодня он — начальник Западно-Сибирской железной дороги.

Серость — понятие многогранное и равно отвратительное в любом своем проявлении. Серость быта, серость души, серость мысли… Ге-

рой моего очерка весь свой сорокашестилетний жизненный путь боролся с серостью, окружая себя яркими, талантливыми людьми, успешно преодолевая преграды, решая производственные задачи и самосовершенствуясь.

Школьные учителя, знавшие будущего начальника дороги не солидным руководителем с проницательным взглядом, а босоногим пацаном, гонявшим в футбол на окраине села Барабо-Юдино, а позже вихрастым пареньком, шагнувшим под сень ниижтовских колонн, говорят, что Александр никогда не был представителем серой массы, не был «одним из».

— *Несмотря на то, что родители — простые труженики, все дети из этой крепкой семьи, три сестры и два брата, отличались прилежным отношением к учебе и незаурядными способностями,* — рассказывает Анатолий Юлианович Казакевич, директор Барабо-Юдинской школы. — *Саша учился на «хорошо» и «отлично» по всем предметам, но особенно увлекался математикой.*

Энергии склонного к точным наукам паренька хватало на все: и на чтение книг, и на помощь родителям по хозяйству, и на комсомольскую работу, в которой он приобрел первый организаторский опыт.

— *Мальчишки сами придумали и сами сделали на краю села спортивную площадку,* — вспоминает Анатолий Юлианович. — *Летом играли главным образом в футбол, волейбол тоже любили, а зимой, как ляжет снег, — на лыжи и вперед!*

Декан факультета эксплуатации железных дорог НИИЖТа Виктор Михайлович Ушаков, кстати, мастер спорта по лыжам, тоже отмечает в своем студенте два примечательных момента: незаурядные способности ко всем дисциплинам и любовь к спорту.

— О таких людях говорят: закваска хорошая. Он с первого курса отличался трудолюбием и обязательностью. Если что-то пообещал — расшибется, но сделает. Его за эти качества не только педагоги, но и ребята ценили. Еще на первом курсе избрали старостой. И не зря. За свою группу Саша горой стоял, если кто-то из преподавателей высказывал несправедливые упреки, знаете, такое бывает. Помню, в семьдесят пятом он ездил по обмену в Чехословакию строить стадион в городке Шумперк. В ту пору вузы дружили между собой; один год к нам чешские студенты едут, на следующий — мы к ним. Для таких поездок отбирали самых-самых, за кого краснеть родина не будет.

— Неужели у него не было никаких слабостей?

— Единственный раз, помню, это случилось как раз перед защитой, на пятом курсе, Александр влюбился в Ларису, свою будущую супругу, и слегка отвлекся от учебы. Но профессор Федотов, ныне покойный, быстро вернул воспитанника к реальности. Такая забавная история. На самом деле Александр Витальевич уже в ту пору удивлял своей собранностью, способностью к концентрации и, вы знаете, он совершенно не нуждался в поддержке старших, — задумчиво сказал декан.

А из «слабости» молодого специалиста получилась крепкая семья железнодорожников, которая со временем превратилась в династию. Дочь Александра Витальевича окончила НИИЖТ, который к тому времени переимено-

вался в СГУПС, стала экономистом, как мама. А сын в настоящий момент учится в том же вузе.

В одном из недавних интервью Александр Целько сказал: *Сегодня на производстве интенсивность труда возросла, человек должен действовать по полной программе. Этого не я, этого время, сама жизнь требует.* Он говорил о молодых железнодорожниках, о тех, кто только окончил университет и вписывает первые строки в свою трудовую биографию. Как он сам в таком близком и уже далеком 1978-ом.

По окончании НИИЖТа Александр Целько, по словам педагогов, мог остаться в городе, но он решил начать свою трудовую биографию, так сказать, с азов, с самой низовой работы, и поехал в Камень-на-Оби составителем поездов.

По всей видимости с той поры в Александре Витальевиче сформировалось чуткое, уважительное отношение к людям рабочих специальностей. Никакого начальственного снобизма, предвзятости, пренебрежения, отмечают все, кому довелось поработать вместе с А. В. Целько в разные годы и на разных объектах. *Он умеет слушать и слышать человека, проникнуться его проблемами,* — вспоминает Людмила Андреевна Алещева. — *Порой удивляет способность Александра Витальевича с ходу предлагать идею, как можно выйти из сложной ситуации или разрешить трудовой конфликт.* Истоки этой крестьянской мудрости, почтительного отношения к труду, к представителям старшего поколения, конечно же, сокрыты в семье, в характерах родителей Александра Витальевича.

Не прошло и полутора месяцев, как перспективного новичка назначили дежурным по станции. *Я приехал с рабочей проверкой*, — вспоминает Михаил Иванович Карманов, легендарная личность на Карасукском отделении дороги, почетный ветеран ЗСЖД, а в ту пору заместитель начальника Карасукского отделения, — *и сразу обратил внимание на толкового паренька. На лету все схватывал! Мне особенно понравился его вдумчивый подход к любой проблеме, большой или маленькой, неважно. Вникнет, разберется во всех деталях и тогда уже примет решение. Через короткий промежуток времени мы назначили его заместителем начальника, а затем и начальником станции Славгород.*

Следующее десятилетие оказалось таким насыщенным, динамичным, что даже не возникает мысли спросить о монотонности серых будней. Их просто не было. А была напряженная работа. Новая, трудная, интересная.

Досконально освоив движенческую работу, а затем и грузовую, Александр Целько зарекомендовал себя грамотным организатором и управленцем. Принципиален, строг, но справедлив. Этот тезис просматривается во всех характеристиках и представлениях А. В. Целько на должность начальника отдела контейнерных перевозок и коммерческой работы, чуть позже — начальника отдела перевозок, затем первого заместителя начальника Карасукского отделения дороги. На последнем посту он сменил своего учителя — Михаила Ивановича Карманова, который позже вспоминал:

— *В Александре Витальевиче был сразу виден человек высокого полета. Он умеет спрашивать по самой высокой мерке с подчиненных и с себя самого. Люди это чувствуют, видят и потому уважают. Его до сих пор на Карасукском*

отделении вспоминают с большим почтением. Знаете, я сам, уходя на пенсию, предложил Целько на свое место, потому что тогда я мог быть спокоен за дело. Знал, что он справится и пойдет вперед. Естественно, я предполагал, что он сделает хорошую карьеру. Единственное, чего не мог угадать, так это того, что он так быстро станет заместителем министра. Хотя и эта работа ему по плечу.

Но это произойдет несколько позже. А пока, в связи с ликвидацией Карасукского отделения дороги, Александра Витальевича Целько руководство переводит начальником станции Инская. Его ждал новый коллектив и новые производственные задачи.

Людмила Андреевна Алещева, заместитель начальника станции Инская по кадрам и социальным вопросам рассказывает:

— С ним было работать и сложно, и очень легко. Сложно потому, что он предъявляет к подчиненным высокие требования. Он никогда не забывает о заданиях, которые поручил. Он трудоголик сам, и этого ждет от других. Хорошо разбирается в людях. Обмануть его практически невозможно. А легко потому, что он всегда знает, что требует. Иной руководитель ругает: и это не так, и то, а вот как надо — не знает. Александр Витальевич всегда конкретен, дает очень точные поручения и приказы. Если задание сложное, он всегда поможет.

В отличие от многих руководителей-мужчин, привыкших опираться только на сильную половину человечества, новый начальник станции не боялся доверять женщинам ответственные участки. Такие профессии как маневровый диспетчер, дежурный по станции, дежурный по горке традиционно на железной дороге считались «мужскими». А Александр Витальевич справедливо полагал, что у женщин порой ум гибче, изощреннее, что они способны к оперативным и неординарным решениям.

Возглавляемый А. В. Целько коллектив Инской в 1995 году дважды становился победителем отраслевого соревнования. Было отремонтировано 23 километра пути, выполнен план по замене стрелочных переводов, в том числе 20 стрелочных переводов уложено на железобетонные брусья. Это позволило отменить предупреждения о снижении скоростей движения и на тридцать процентов сократить задержки поездов. Инская и сейчас на особом счету у начальника дороги. Ей уделяется пристальное внимание в соответствии с той ролью, какую она играет в экономике Транссиба. Строится новый пост четной системы, который позволит существенно улучшить технологию и условия труда.

И снова для Александра Витальевича Целько настал период перемен. С февраля 96-го по сентябрь 97-го он успешно руководит Новосибирским отделением дороги. В это время отделение перевыполняет план по общему отправлению грузов, в том числе нефти, зерна. Растут все качественные показатели работы: статическая нагрузка, участковая скорость, среднесуточная производительность и пробег локомотива. В поле зрения Александра Витальевича и социальная сфера: в этот период активно строится жилье для железнодорожников.

Руководство отмечает такие качества начальника отделения, как творческий подход к решению проблем, стремление поддержать и развить ини-

циативу, мобильность. Менее месяца проработав на посту заместителя начальника Западно-Сибирской железной дороги по перевозкам, в октябре 97-го он назначается заместителем начальника ЗСЖД — начальником Кузбасского отделения дороги. Кузбасский период биографии Целько был отмечен новыми производственными успехами, но это тема для отдельного большого разговора.

Через полтора года с небольшим Александр Витальевич Целько становится во главе Западно-Сибирской дороги, но уже через три месяца его переводят на руководство Южно-Уральской железной дороги. А еще через полгода Александра Витальевича приглашают на работу в министерство. Сначала он — заместитель министра путей сообщения Российской Федерации, а с августа 2000-го и по февраль 2002 — первый заместитель министра.

В конце девяностых годов прошлого века и на рубеже века нового экономика страны стала постепенно подниматься с колен. В промышленности ощущалось оживление. Правительство начало реформирование ведущих отраслей, в том числе и железнодорожного транспорта. В этот сложнейший период начавшейся реформы отрасли в феврале 2002 года Александр Витальевич Целько снова оказывается «у руля» Западно-Сибирской железной дороги.

С августа 2002 по январь 2003 с рабочими визитами в Новосибирске побывали три заместителя министра путей сообщения и сам министр Геннадий Матвеевич Фадеев, который назвал Западно-Сибирскую дорогу барометром, определяющим погоду во всей отрасли. Состоялось несколько важнейших совещаний, посвященных различным аспектам первого этапа реформы. В том числе совместное совещание представителей Министерства путей сообщения, руководства дороги и руководителей сибирских регионов под председательством полномочного представителя Президента Леонида Драчевского.

Выступая на пресс-конференции, заместитель министра Владимир Иванович Якунин сказал:

— Направляя меня в командировку в Сибирский федеральный округ, Геннадий Матвеевич Фадеев подчеркивал особое значение этого совещания в свете тех решений, которые были приняты на выездном заседании президиума Госсовета в Междуреченске и во Владивостоке под председательством Президента, где рассматривались вопросы, связанные с развитием Сибири и Дальнего Востока. Мы очень хотели бы заручиться поддержкой руководителей субъектов федерации, через которые проходят магистрали четырех наших железных дорог, в решении некоторых ключевых вопросов, которые здесь, возможно, виднее, чем в целом по сети. Это вопросы взаимодействия в области пригородных пассажирских перевозок, вопросы обеспечения грузовой работы, вопросы создания принципиально новых операторских компаний с участием субъектов Федерации и руководителей мегаполисов; это вопросы социальных отношений во время реформирования между МПС и регионами.

— *Справедливости ради надо сказать,* — отметил он далее, — *что сама реформа уже идет. Сейчас она, во-первых, оформляется законодательно, во-вторых, приобретает всеобъемлющую форму. Александр Витальевич может вам сказать, что он, не дожидаясь формального подписания документов, уже*

сейчас ведет работу по высвобождению контингента работающих; по обеспечению условий, при которых высвобожденные люди не оказались бы на улице; по введению новой технологии работы. Ведь реформа — это не только совокупность законодательных актов, это, прежде всего, технология, обеспечение безопасности, доставки грузов, погрузки и выгрузки. Это выработка новой тарифной политики. Это определение приоритетов инвестиционной политики. Вот это все в комплексе и называется реформой.

Говоря о сложности исторического этапа, который переживает магистраль, начальник дороги Александр Витальевич Целько остановился на проблеме тарифов:

— Сегодня дорога убыточна в частности потому, что нет индексации тарифа. Я веду прибыльную деятельность грузовую, и убыточную — пассажирскую. У меня только убытки от пригородных перевозок за девять месяцев составляют 830 миллионов рублей. А весь пассажирский комплекс — полтора миллиарда рублей. И если раньше я мог в виде перекрестного финансирования брать деньги с грузового колеса и гасить эти убытки, плюс администрация частично помогала, то сегодня и администрация до конца не отдает то, что должна, и грузового тарифа не хватает. Поэтому мы сегодня имеем дисбаланс в нашей деятельности. Нам нужно доказать правительству, какой минимальный уровень тарифа нужен такой огромной естественной монополии, как МПС, чтобы иметь возможность реализовывать программы по ремонту, по возобновлению мощностей, по индексации зарплаты.

Далее он пояснил, что в ходе реформы планируется разделение инфраструктурной и перевозочной составляющих тарифа. Инфраструктурная составляющая является базовой, монопольной, а в рамках перевозочной составляющей будет формироваться тот самый конкурентный сектор, и в рамках ее поэтапно станет происходить дерегулирование тарифа.

Понимая сложность задач, стоящих перед Западно-Сибирской дорогой, Александр Целько снова делает ставку на грамотных специалистов, на профессионалов. Выступая на одном из совещаний, он сказал:

— Надо четко понимать, что непосредственная организация реформирования — это ответственность собственно управленцев, чиновников, которые должны это делать. Многое зависит от человеческого фактора. Насколько компетентны люди? Насколько они верят в то, что делают? Как они это умеют делать? Сказать, что реформа пройдет как по маслу, не могу. А если бы и сказал, мне бы все равно не поверили.

Сегодня чаще подводит не техника, а человек. И допускают эти ЧП нередко нормальные, добросовестные работники. Вопрос: почему они стали такими, что позволяет человеку нарушать технологическую дисциплину? Это мы, руководители, сделали их такими: не доучили, не проконтролировали...

Александр Витальевич по-прежнему верен принципу: сначала спрашивать с себя, а потом с подчиненных.

Его рабочий день расписан по минутам. Утром — знакомство с самыми важными публикациями центральной и местной прессы, а затем глубокое

погружение в текущие дела магистрали. Но несмотря на чрезвычайную занятость, Целько, являясь членом Президиума администрации Новосибирской области, находит время на обсуждение и решение проблем региона.

Не так часто, как хотелось бы человеку, искренне любящему спорт, Целько можно видеть на трибуне, когда играет «Локомотив», или во время соревнований на биатлонном комплексе. Кстати, Александр Витальевич — президент областной федерации биатлона и лыжных гонок. Особое отношение к лыжному спорту он пронес через всю жизнь, и лучшим подарком, наряду с хорошей книгой, считает пару отличных лыж. Которые Александр Витальевичи вручил ректору СГУПСа на юбилее университета. (А всего университету было подарено 300 пар лыж) Это произошло примерно за месяц до того, как Владимир Владимирович Путин подарил горные лыжи премьер-министру Касьянову.

А еще Александр Витальевич страстный охотник. Какой сибиряк не любит побродить с ружьем по березовым колкам, полюбоваться на стройность таежных сосен, посидеть на берегу озерца, задумчиво глядя на сверкающую водную гладь?! А в редкие минуты отдыха в городских условиях Александр Витальевич не прочь послушать хорошую песню.

Несмотря на занятость, начальник дороги находит время, чтобы побывать в родных пенатах, пообщаться с университетскими и школьными педагогами, к которым сохранил светлое чувство благодарности.

В Барабо-Юдинской школе по-прежнему сеют разумное, доброе, вечное супруги Мисник, Тамара Григорьевна и Алексей Степанович, здесь трудятся преподаватели географии и истории Мария Ивановна и Анатолий Юлианович Казакевичи. Неудивительно, что бывшему выпускнику очень хочется, чтобы новое поколение сельских ребятишек не чувствовало себя запасными игроками в жесткой борьбе за успех. Хочется, чтобы девчонки и мальчишки могли получить качественное и престижное образование. Чтобы эти дети не проигрывали городским сверстникам в возможности пользоваться современными информационными

технологиями, заниматься по новым прекрасно изданным учебникам. И потому Александр Витальевич оказывает помощь школе.

Помогает он и детскому дому Чистоозерного района — подарил автомашину «Газель», затем «уазик».

Университеты путей сообщения, их на Западно-Сибирской дороге два, тоже ощущают постоянную заботу начальника дороги о качестве образования, о материально-технической базе, о достойной заработной плате педагогов. Новосибирский и Омский вузы были и остаются главной кузницей кадров для Западно-Сибирской магистрали.

Александр Витальевич не теряет связи с бывшими однокашниками, с коллегами по работе в разные годы, с теми, кто помог ему в период становления. Духовная связь, установившаяся между учителем и учеником (теперь уже правильнее называть их коллегами) не обрывалась все эти годы. Сегодня почетный ветеран Михаил Иванович Карманов — советник начальника Западно-Сибирской железной дороги. Он, пользуясь своим богатым опытом, помогает начальнику дороги в решении сложных вопросов на местах. Самому же Михаилу Ивановичу такое сотрудничество позволяет ощущать себя сопричастным к тем задачам, которые решает дорога.

Примечательная деталь. Все сослуживцы А. В. Целько, с кем мне довелось беседовать, уверены, что Александр Витальевич сохранил самые лучшие воспоминания именно о том периоде своей биографии, когда они работали вместе. Коллегам кажется, что начальник дороги испытывает ностальгию и по Славгороду, и по Карасуку, и по Инской... Может, они и не далеки от истины. Но предаваться ностальгии у начальника дороги времени практически нет. Перед ним стоят новые задачи. По итогам четвертого квартала 2002 года возглавляемая А.В.Целько Западно-Сибирская дорога заняла первое место в отраслевом соревновании среди семнадцати железных дорог России.

В телеграмме Министерства путей сообщения по этому поводу высказана сердечная благодарность за самоотверженный труд и особо подчеркнуто, что Западно-Сибирская дорога успешно внедряет передовые технологии, новую технику, постоянно совершенствует перевозочный процесс, тесно сотрудничает с администрациями регионов, что в конечном итоге позволяет обеспечивать эти регионы надежным транспортным обслуживанием, существенно влиять на улучшение социально-экономической обстановки. *Твердо убеждены, что многотысячный коллектив магистрали и в 2003 году, в период активного проведения реформ, будет успешно трудиться, внесет существенный вклад в обеспечение возрастающего объема перевозок и безопасности движения поездов*,— говорилось в телеграмме МПС.

Что поддерживает, что дает импульс двигаться вперед, невзирая на трудности и сюрпризы судьбы?! Не ошибусь, предположив, что Александру Витальевичу помогает постоянное стремление жить полнокровной жизнью, отдаваться без остатка любимому делу и делать будни яркими.

Елена КОСТИНА

Жизнь на грани

Шеф идет!

Молодые люди в белых халатах, стоявшие на лестничной площадке, быстро, как мальчишки, которых учитель неожиданно застал за неблаговидным для школьников занятием, попрятали сигареты. Действительно, снизу уже доносился громкий недовольный голос того, кого молодые хирурги-ортопеды величали «шефом» — на западный манер. Вскоре он уже стоял перед ними в заграничных, каких-то невероятно зеленых штанах. С тех пор, как шеф в одночасье (характера-то не занимать!) бросил курить, он не выносил, когда курят другие.

Появление руководителя клиники Новосибирского института травматологии и ортопедии было неожиданным, поскольку не далее как дней пять назад Яков Леонтьевич Цивьян впервые за много лет уехал отдыхать в Германию. Отдых в замке с охраной, столь экзотический и роскошный для советского человека, обеспечили ему «зарубежные товарищи», члены ком-

партии Германии, незадолго до этого посетившие нашу страну с официальным визитом. Тогда-то, во время этого визита, один из сотрудников службы безопасности немецкой делегации упал с трапа самолета, получив тяжелейшую травму позвоночника. От пожизненной инвалидности его спас новосибирский врач…

— *Условия для отдыха в Германии были идеальные, но Яша сбежал оттуда через четыре дня,* — улыбается жена Цивьяна известный новосибирский окулист Наталья Сергеевна Орлова. — *Парадокс, но ему, такому организованному и даже педантичному человеку, надоел тамошний хваленый немецкий порядок. Он вообще не любил никуда ездить. За всю жизнь мы один раз отдохнули в Речкуновке, один раз — в Кемеровской области, где вместе начинали свою врачебную карьеру. А вот дачу любил. Рядом речка. А вода для него — родная стихия: позагорать, покупаться, порыбачить. Да и на земле работать любил. Однако повозится часок с кустами — и за пишущую машинку. Работа — и хобби, и отдых, и развлечение. Это правильно. Мужчина должен служить Делу.*

Нескончаемые коридоры ортопедической клиники помнят звуки шагов Якова Леонтьевича Цивьяна — знаменитого хирурга, впервые в мировой практике применившего новую методику корригирующей вертебротомии. Это когда операция на изуродованном болезнью позвоночнике проводится с полным, а не частичным рассечением его на две части, какое проводили до Цивьяна его коллеги. Десятки, сотни, тысячи больных приезжали сюда, в Новосибирский институт травматологии и ортопедии с единственной надеждой — избавиться от болезней, сделавших их жизнь невыносимой. Болезнь не щадит никого — ни старого, ни малого, ни бедного, ни богатого. Более того, порой превращает жизнь человеческую в кромешный, непрерывный ад. Представьте себе молодого, стройного юношу, которого обычная простуда и еще ряд каких-то роковых случайностей, образовав порочную цепь, превратили в согбенного старца. Подбородок, касающийся передней стенки живота. А глаза? Их нельзя поднять на того, с кем разговариваешь, не изогнувшись особым образом, так, как привык за много лет недуга. Это болезнь Бехтерева. А есть еще много других, например, юношеский горб, который, как бы насмехаясь над растущим организмом и ломая нормальные процессы развития ребенка, появляется в пубертатном периоде. Все это — горе. Кто может победить его, кто способен вернуть людям их нормальный облик, избавить от невыносимых страданий — как физических, так и душевных? Только на врача, как на Всевышнего, надежда.

Однако все это — и открытия, и фантастически сложные операции — будут потом, позже. А в девятом классе, когда впервые встретились Наташа и Яша, будущее светило российской медицины отличался разве что приятной внешностью, спокойным характером да «пятерками» в дневнике. Особых пристрастий у него в то время не было. Ни одному предмету он не отдавал предпочтения. Обычный подросток, каких тысячи. Увлечением, пожалуй, был лишь спорт: зимой — конькобежный, летом — гребля и плавание. Фотография тех

школьных незабываемых лет в рамочке стоит у Натальи Сергеевны рядом с книгами — монографиями и популярной литературой — плодами трудов Якова Леонтьевича. Два красивых молодых лица («Такая любовь была у нас в девятом классе!»). Тут же другие снимки: за рабочим столом в домашней одежде, а вот и «парадный» портрет — в общем, все как у всех, в любой семье. Как обычно, начинается и дальнейшая, взрослая судьба Якова. Окончание в предвоенном 39-м школы N 42, мединститут, куда поступила по-прежнему влюбленная друг в друга пара. В то время студенты не проходили специализацию, а получали диплом, так сказать, «общего образца» — «лечебное дело». А дальше — как сложится. Распределение в военном 43-м году, разумеется, тоже соответствовало времени. Их курс распределяли «побуквенно». Новоиспеченные медики, фамилии которых начинались на буквы от «А» до «Н», направлялись на фронт, остальные — в Кемеровскую область, где не было врачей. Яков с Натальей, уже успевшие пожениться, попали в поселок Рудничный. Там Цивьян начал заниматься общей хирургией, а его жена — офтальмологией, что и решило их дальнейшую судьбу. Опыт работы хирурга на селе бывает просто неоценим. Стоит вспомнить хотя бы потрясающие автобиографические рассказы Михаила Булгакова. Вероятно, по части медицинского оснащения сельская глубинка военного времени недалеко ушла от деревни начала века.

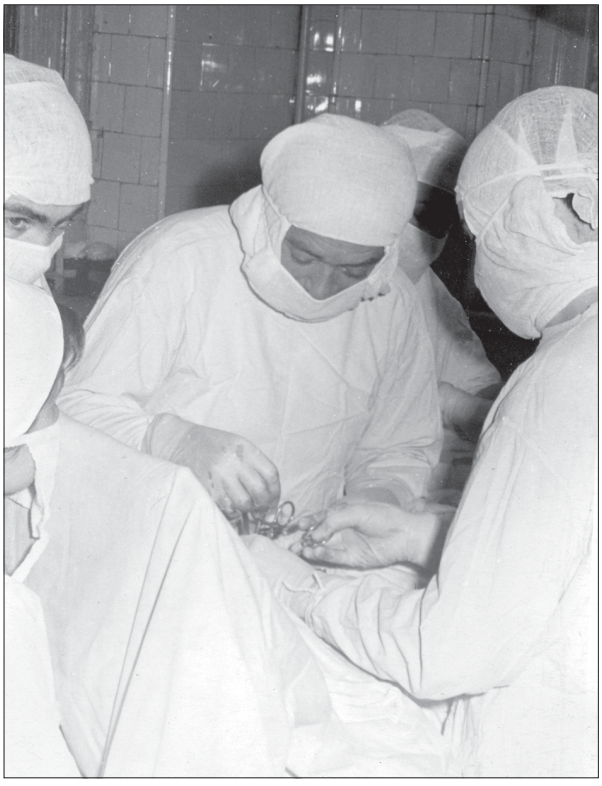
В Новосибирск вернулись после войны, в 46-м году. Яков Леонтьевич, уже хирург «со стажем», сразу окунулся в новую работу. Новосибирский институт восстановительной хирургии, травматологии и ортопедии был создан в тот год для лечения инвалидов-фронтовиков. Именно там во всей своей полноте раскрылись способности молодого ортопеда. Патология тазобедренного сустава — эта тема стала для него ключевой. Кандидатская, потом докторская диссертации. Но все-таки «звездный час» наступил для Якова Цивьяна тогда, когда он, уже будучи заместителем директора института по научной работе, вплотную занялся заболеваниями и травмами позвоночника. Мало того, что его разработки в этой области приобрели статус открытий, позволивших справляться с неизлечимыми ранее болезнями. Деятельность Цивьяна спасла и сам институт от краха. Ведь тогда, когда ВОСХИТО выполнил свою миссию по лечению ветеранов Отечественной войны, перед ним открывались лишь две, отнюдь не радужные, перспективы: либо закрытие, либо перепрофилирование в обычную больницу. Оба пути — это потеря квалифицированных специалистов, утрата того научного потенциала высочайшего уровня, существование и развитие которого возможны лишь в условиях непрерывности проведения научных исследований. В конце 50-х годов в институте не была сформирована монопроблема, то есть тема, которая определяла бы направление деятельности этого научного учреждения. Тема, выбранная Цивьяном для своей научной работы, оказалась тем спасительным фундаментом, на котором и по сей день базируется Новосибирский институт травматологии и ортопедии. С тех пор институт признан ведущим в области хирургии позвоночника.

Идея Цивьяна продиктована самой жизнью. Жизнью тех людей, которых либо никто не брался оперировать, либо они подвергались необоснованным, с точки зрения медицинской теории, послеоперационным осложнениям. Доктор Цивьян *ХОТЕЛ* оперировать сложных больных, но оперировать так, чтобы при этом не нанести им вреда, порой еще большего, нежели давало само заболевание. В своей книге «Мои пациенты» он вспоминает человека, поступившего в клинику с гемангиомой тела позвонка. Теоретически вопрос можно было решить оперативным путем. А вот практически… Практически никто не решался на подобную операцию, используя для лечения рентгенотерапию, которая не могла ликвидировать очаг поражения кости. Как подобраться хирургу к этой злосчастной гемангиоме, которая находится в глубине человеческого организма, не повредив множественные жизненно важные сосуды и органы? Позвоночник разделен на две части — переднюю и заднюю. Операции в те годы проводились только на задних отделах позвоночника и были чреваты всевозможными осложнениями. Методика операций на передних, или, как говорят хирурги, вентральных отделах предложена именно Цивьяном. Подобные попытки предпринимались и раньше. Ученик Цивьяна доктор медицинских наук, заведующий отделом детской и подростковой вертебрологии НИИТО Михаил Михайловский в своих воспоминаниях об учителе пишет:

Еще в начале 30-х годов знаменитый советский ортопед В. Д. Чаклин и, независимо от него, три японских хирурга сделали первые подобные операции. Сделали, опубликовали результаты и как будто испугались собственной смелости — больше не оперировали, во всяком случае, других сообщений не было. Редкие разрозненные попытки были в странах Европы в 50-е годы…

Новосибирский хирург разработал технику проникновения к передним отделам позвоночника, а также технику оперативных вмешательств при различных заболеваниях и травмах.

…Этот самый передний столб, — поясняет Михайловский, — *и был основным объектом приложения сил Якова Леонтьевича и его помощников. Именно операции на передних отделах позвонков и межпозвонковых дисках позволяют снять болевой синдром, устранить компрессию спинного мозга и его корешков, вернуть позвоночнику утраченную стабильность, закрепить результаты различных корригирующих вмешательств. Хирургия позвоночника — это, в основном, хирургия передних его отделов.*

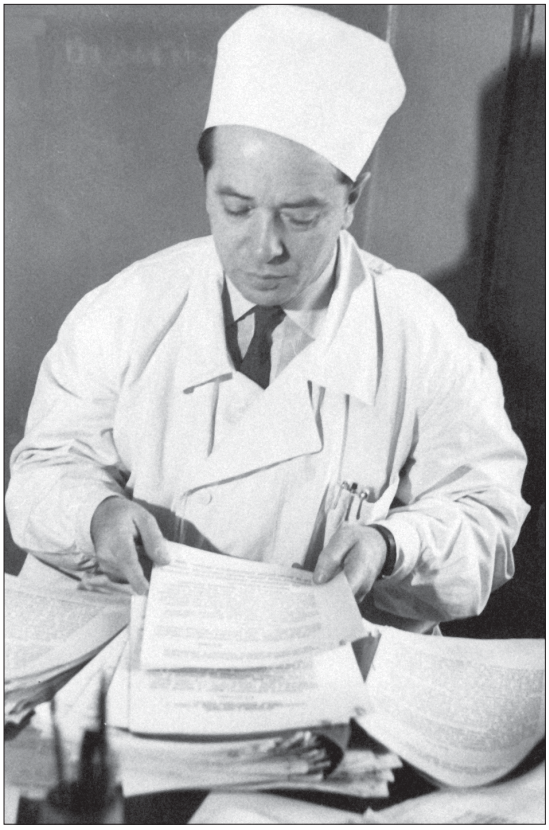
Безусловно, без *ЗНАНИЯ* хирурга просто не существует. Как не существует его и без *УМЕНИЯ*. В этом был убежден Яков Цивьян. Убежден он был и в том, что нельзя начинать операцию без внутренней готовности к этому важнейшему для пациента и для самого врача событию. Сколько раз он оттягивал начало операции только лишь потому, что «не созрел» для ее проведения. Ему необходима была внутренняя свобода и сосредоточенность. Тогда и только тогда можно было сказать анестезиологам: «Поехали, ребята!». И внедриться в святая святых — человеческое тело, так беспомощно и доверчиво распростертое на операционном столе.

Профессор, заслуженный деятель науки, заслуженный изобретатель, Цивьян был человеком удивительно цельным и преданным делу. Время его творческой жизни совпало с временем «железного занавеса», временем необоснованных запретов. Сейчас абсурдным кажется тот факт, что советские ученые не имели возможности следить за развитием мировой науки, получая научные журналы лишь из стран «народной демократии». Горькую улыбку может вызвать то обстоятельство, что лишь профессор имел право выписывать один (!) «валютный» научный журнал. Тем не менее, Цивьян и в таких парадоксальных по своей абсурдности условиях часто опережал своих западных коллег. Его разработки, преодолев политические барьеры, были известны и на Западе. Имя Цивьяна приобрело мировую известность.

Однако почивать на лаврах Яков Цивьян не собирался. Занимаясь научной работой, заведуя кафедрой в Новосибирском мединституте, читая лекции студентам, посвящая много времени написанию научно-популярных книг и монографий, ученый ни на одну неделю не бросал практику. Он регулярно оперировал. Все это требовало организованности и самодисциплины. Ее отсутствия профессор не терпел, поэтому отнюдь не был «подарком» в бытовом смысле. Требовательный до педантизма, не для всех и не всегда «удобный», порой колючий, он бывал жестким к своим подчиненным, когда дело касалось пациентов. Молодые специалисты, впервые попадавшие на регулярные понедельничные клинические «разборы», терялись и иногда падали духом: так он был резок с теми, кто старался как-то увильнуть от ответа или замаскировать свое незнание пациента.

— Шеф мог простить молодому врачу все, даже то, что он не в состоянии предложить адекватный план лечения пациента, — рассказывает Михаил Витальевич Михайловский, проработавший с Цивьяном бок о бок без малого полтора десятка лет. *— Но врач любого ранга просто обязан досконально, наи-*

зусть знать историю болезни, результаты анализов больного и заключения консультантов по данной патологии.

За стенами же института Цивьян всегда «воевал» на стороне своих коллег. Одному Богу известно, сколько Якову Леонтьевичу пришлось вытерпеть в коридорах власти, в кабинетах закостенелых и чванливых чиновников, отстаивая то честь того или иного своего подчиненного, слишком, по мнению властей, «зарвавшегося», то само существование института, который периодически оказывался на грани закрытия или насильственной «переориентации».

Авторитарное правление, диктатура лидера — это ли не угроза демократии? Казалось, Цивьяна должны были недолюбливать, даже, может быть, ненавидеть — за непреклонность, неумение и нежелание идти на компромиссы в принципиальных вопросах профессии. А его… любили. Нет, не просто любили — боготворили. Даже сослуживцы, не говоря уж о пациентах. Все в институте признавали его первенство. Не потому, что давил. Потому, что *ЗНАЛ* и *УМЕЛ*. Потому, что все вокруг видели и понимали — за жестким следованием правилам и законам профессии стоит желание помочь, вылечить, победить болезнь. Потому, что в деле, которым он занимался, — хирургии, — иначе нельзя. Несоблюдение лишь одной, даже, казалось бы, незначительной врачебной заповеди неизбежно вело к увеличению во сто крат риска. Это значит, что и без того сложная дорога к выздоровлению могла резко изменить направление и привести к трагедии. Этого Цивьян допустить не мог. Не имел права. Поэтому и шумел, и требовал, и выгонял того, кто этого заслуживал.

Дома он был другим — как и все обычные люди, он приносил домой свою усталость, боль, сомнения. Ему повезло с женой. Наталья Сергеевна не только была для Якова Леонтьевича любимой женщиной. Она еще и сама — личность яркая, неординарная. Поэтому и прожили они вместе, деля горе и радость, без малого 45 лет. Пожалуй, лишь жена да немногие посвященные,

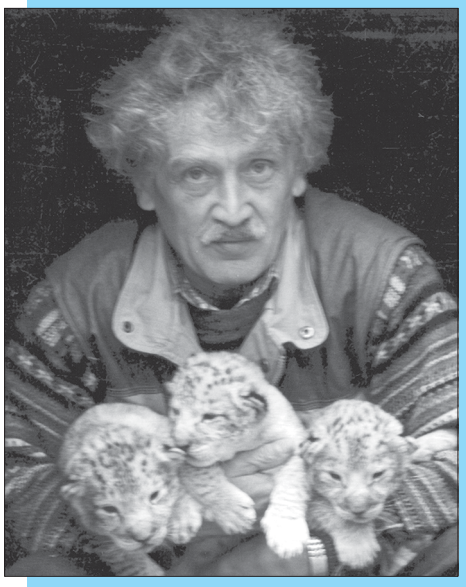
близкие люди знали, как переживал Яков Леонтьевич, когда что-то не удавалось, не клеилось. Тем более, когда, вопреки предпринятым усилиям, точным расчетам, тщательной подготовке, все-таки случалось непоправимое… Но, к счастью, тех, кто после операции, проведенной Цивьяном, обретал новую жизнь, жизнь без болезни, было гораздо, несравнимо больше. Как это, должно быть, радостно — проснуться после наркоза и увидеть свое новое, прямое, не искореженное недугом тело!

Вам знаком тот особый трепет, который порой называют «священным»? Наверное, знаком. Он возникает в музеях, где демонстрируются экспонаты, пролежавшие в земле тысячи лет. Он знаком нам по ощущениям, возникающим в селе Михайловском и Ясной Поляне. Нечто подобное рождается и тогда, когда сталкиваешься с личностями не просто незаурядными, а внесшими значительный вклад в развитие той или иной области человеческого бытия. Сталкиваешься хотя бы опосредованно, не наяву, а через их друзей, соратников, просто знакомых, людей, любимых ими или любящих их. Это необыкновенное, трепетное чувство. Нет, не сопричастности, а прикосновения. Прикосновения к ценностям, не имеющим срока давности…

Его знали в городе все, ну, или почти все. Даже люди, далекие от медицины и от тех болезней, которые он лечил. Он был из тех, кого сейчас принято называть self made man — человек, сделавший сам себя. Но этого мало — он создал не только себя, свою собственную судьбу. Цивьян — один из тех, кто «делает» город, то есть создает его имя, его образ. Легендарный ученый ушел в 1987 году, когда ему было 67 лет. Всего 67. К сожалению, не успев доделать то, что было начато, и начать то, что было задумано. Но как же много он *УСПЕЛ*, живя вместе со своими пациентами на грани — между бытием и небытием! Безусловно, за те пятнадцать лет, которые институт работает без Якова Леонтьевича Цивьяна, многое изменилось. Наука ушла далеко вперед. Однако профиль институт сохранил. Это по-прежнему заболевания позвоночника…

Лариса ТУЧИНА

Звериный нянь

1

Звонок настиг в коридоре, считай, на выходе во двор, и он, покаянно вздохнув, кинул через плечо:

— Все, дорогие мои, все, уже в пути, разогревайте ужин.

Будто домашние могли услышать эту его ежевечернюю заслонку от их заботы. Тем временем телефон не оставлял попыток дозваться хозяина — похоже, звонили не из дома. Принудил себя вернуться в кабинет.

— Или ночевать мне тут? — пробурчал в трубку.

В ответ прорезалось сквозь всхлипы:

— Батыр, Ростислав Саныч…

У него перехватило дыхание:

— Что, заломал кого?

— Слюна… Хрипит и слюна ручьем…

— С вами не соскучишься! — вырвалось помимо воли, но тотчас опамятовался: — Без паники, Роза! Скажи, чтоб открыли боковые ворота, я — пулей… Только не вздумай входить к нему!

…Сентябрьские сумерки успели сгуститься в сизый морок, пришлось включить ближний свет. Выруливая за ворота, проговорил в пустоту, адресуясь к блюстителям дорожного правопорядка на улицах города:

— Ну, не взыщите, мужики, Батыру худо!

Пуля знает один путь к цели — по прямой, ему же, увы, маршрута не спрямить: исходная позиция — старая площадка Новосибирского зоопарка (район центрального городского рынка), конечный пункт — новый плацдарм того же зоопарка (территория Ботанического сада). Отсюда и молитвенное: «Не взыщите, мужики!..»

Подловился на пересечении Нарымской и Дуси Ковальчук, когда Нарымская вынесла на стокилометровом разгоне его испытанный «уазик» на взгорбок этого непродыхаемого перекрестка. Вынесла, увы, на красный свет. Затормозить — потерять минуты три, не меньше, это могло стоить Батыру жизни, и он ринулся в гущу урчащего моторами «муравейника», ринулся, непрерывно сигналя и мигая светом фар.

И проскочил ведь, проскочил, оставил смертоносную зону за спиной, чудом избежав не то что вмятин, но даже царапин, проскочил, и уже там, за гранью заслонившей путь магистрали, метнулся к нему от обочины с жезлом в руке и свистком в зубах разгневанный автоинспектор.

Не остановился, — не простил бы себе эту задержку, — лишь чуть сбавил скорость, чтобы вскинуть над головою руку с часами, циферблатом к окну: знак инспектору, дескать, вынужден беречь секунды. Однако инспектор не понял, и дальше события развивались, как в залихватском кинобоевике: трель свистка сменилась воем сирены, а в зеркальце заднего вида замельтешила мигалка, установленная на крыше рванувшегося по пятам милицейского «жигуленка».

Только ехать-то оставалось всего-ничего, через каких-то пару сотен метров он заложил под злой визг тормозов левосторонний вираж, а еще через сотню рванулся вправо, к высокой металлической ограде с высвеченным фонарями проемом распахнутых ворот.

Милиция не отставала. Так, под конвоем, он и подлетел к обиталищу Батыра — просторной вольере, сплетенной из стальных прутьев в палец толщиной. У бетонного парапета вольеры, прижавшись лицом к стальной решетке, топталась Роза Каипбердиева, уговаривала сквозь слезы виновника переполоха:

— Сейчас, миленький, сейчас, потерпи еще немножко…

Тот лежал, расслабив трехметровое пружинистое тело, на пожухлой траве в глубине вольеры — задние лапы откинуты в сторону, передние вытянуты перед собой. На них опиралась отвисшая нижняя челюсть с безвольно свесившимся набок длинным языком. В свете фонаря поблескивала стекав-

шая с языка слюна. Точеная голова могучего зверя лишилась своего изящества, болезненно дергаясь при каждом вдохе, и каждый вдох сопровождался судорожным всхрапом.

Роза повернулась на шум моторов, промокнула зажатым в кулачке платочком глаза.

— Скорей, Ростислав Саныч, он… у него…

— Ну-ну, без истерики, сейчас разберемся, — выдохнул он, выпрыгивая из машины и на ходу сбрасывая кожанку. — Каким мясом сегодня кормили?

— Как всегда, свежим. Сама проверяла.

— Зоотехник обязан думать не только об этом! Как кости были порублены?

— Думаете, мог подавиться?

Пожал молча плечами, сунул ей кожанку, принялся закатывать рукава сорочки. На этом этапе и настиг увязавшийся следом блюститель законопослушности — высокий, ладный, напористый:

— Патрульная служба города, майор Горох, — взял под козырек, попросил: — Ваши документы, пожалуйста!

— Винюсь, майор, влип — не отвертеться! — кивнул на кожанку в руках у девушки: — Если время не терпит, права и техпаспорт во внутреннем кармане… Роза, помоги майору.

Пристроился на коленях у бетонного основания вольеры, протиснул голые руки между стальными прутьями.

— Батыр, — произнес с металлом в голосе, — валяй сюда! Ну, ну, шельшевель!

Зверь медленно, через силу, сгруппировался, подтянул под себя лапы, постоял, пошатываясь.

— Давай-давай, двигай!

Все так же всхрапывая и подергивая опущенной чуть не до земли головой, зверь переступил с ноги на ногу и, наконец, поплелся к металлической изгороди. Было видно, как пенящиеся хлопья слюны оседали на траву, помечая путь, а из глаз — или это показалось? — сочились слезы.

— Ну, ну, ну, не раскисай!.. Ближе, еще ближе!.. А теперь открой рот!.. Шире, еще шире!..

Подрагивающие челюсти раздвинулись, в свете фонаря отрезвляюще сверкнули оголившиеся клыки. И человек застопорился. Непроизвольно. Нет, не устрашился, но — застопорился, собирая силы, чтобы проглотить подступивший к горлу сгусток дремавшего доселе первобытного сигнала опасности. Зверь терпеливо ждал, обдавая ему лицо брызгами слюны с поразившим его запахом парного молока.

Надо было решаться, дальше канителиться стало невмоготу. Человек ухватил зверя одной рукой за короткое хрящеватое ухо, а второй скользнул по локоть в жаркое жерло обслюнявленной пасти, в глубину глотки, к основанию языка — на удивление шершавого, точно наждачка. И там, в сипящей глубине,

пальцы тотчас же нащупали обрубок крупной кости, кончавшейся гладким, словно бильярдный шар, закруглением. Оно и застряло на входе в пищевод.

Оказалось, кость удерживал, как на привязи, жгут сухожилия, заклиненный между коренными зубами. Не давал хода ни взад, ни вперед. Видать, угодил в дупло.

Первым побуждением было — порвать заклинку, он и приготовился это сделать, но стоило потянуть на себя упругую сухожильную связку, зверь зарычал от боли и едва не сомкнул челюсти. Собственно, они уже пришли в движение, только человек успел буквально в последнее мгновение остановить непроизвольный порыв:

— Батыр!

Окрик подействовал, челюсти затормозились. Человек выпустил ухо, отер освободившейся рукой испарину и брызги слюны.

— Роза, ножнички бы мне, тут сухожилина в зубах завязла.

— Ой, Ростислав Саныч, это в каптерку же надо бежать.

— У меня складень с собой, — дохнул в затылок майор.

— Годится, только открой самое маленькое лезвие.

Зажав между большим и указательным пальцами полоску ножа, человек просунул между клыками вторую руку, принялся осторожно перепиливать сухожильную бечеву. Наверное, это заняло секунду или две — ему показалось, прошла вечность. Наконец, стало возможным вынуть из глотки необычный кляп. Отбросив его, человек подтолкнул кверху тыльной стороной ладони отвисшую челюсть «пациента», проговорил ворчливо:

— Жевать надо, милый, прежде чем глотать.

Р.А. Шило с гостями зоопарка

Из-за спины донесся облегченный всхлип Розы:

— Все, Батырчик, испей теперь водички, сразу полегчает.

Зверь набрал полную грудь воздуха, покрутил головой, точно проверяя, все ли в норме, и вдруг лизнул руку, которая все еще оставалась внутри вольеры.

Человек поднялся с колен, вернул нож хозяину.

— Спасибо, майор! — и только теперь увидел у него в руках пистолет. — А это зачем?

— На случай, если бы…

— Неужто стрельнул бы?

— Не в него, само собой, в небо.

— Да ты знаешь, какая у них нервная система ранимая? Чего доброго, аппетит потерял бы от испуга.

— А рука? Еще бы немного, и…

— Ну, мог помять, не исключаю. Залечили бы. Что называется, производственная травма… Да, ты же документы просил.

— Уже не надо, — козырнул тот, прощаясь. — Что называется, производственный перехлест: не сразу уразумел, что к чему.

— Постой, майор, ты из каких Горохов-то будешь? К Виктору Пантелеичу покойному не имеешь отношения?

— Отец мой.

— Вот и гляжу, хватка знакомая. С мужским характером был человек.

— В пасть к тигру, — усмехнулся майор, — с девичьим характером тоже не сунешься.

2

Метровый лист картона, пришпиленный к дощатому заплоту, покрашенному под цвет августовского неба, притягивал к себе взгляд за добрую сотню метров. На картоне значилось:

«Зоопарку требуются рабочие для ухода за животными».

Все. Коротко и ясно. Зоопарк — вот он, позади картонки, и коли просится душа понянькаться со зверьем — айда, испытай себя, а нет — шагай себе мимо по своим неотложностям.

Ростислав пошагал к телефону-автомату, сообщил о картоне отцу.

Александр Александрович Шило к этому времени занимал должность начальника охотоустроительной экспедиции, и хотя она именовалась Западно-Сибирской, регион возможностей (и ответственности) простирался на все Зауралье, вплоть до необъятностей Дальнего Востока. Помимо этого он был известен среди зоологов мира как автор двадцати семи научных статей, посвященных ряду представителей животного мира, а также первого в Советском Союзе капитального труда по биотехнии, представлявшегося в свое время на Сталинскую премию (премия застопорилась в связи со смертью Сталина).

Короче, Шило-старший имел в обществе вес, и он, очевидно, подумал, что сын вознамерился опереться на отцовский авторитет.

— Ты хочешь, чтобы я позвонил директору зоопарка?

Ростислав удержал себя, не повесил трубку:

— После подобного звонка я обходил бы зоопарк за километр!

— Так чего тогда тратишь время — и мое, и свое?

— Хотел услышать, что посоветуешь…

— Это другой разговор, сын, — с облегчением выдохнул отец. — Двадцать один — возраст мужских решений, я на твоем месте доверился бы такому выбору.

… Директора зоопарка звали Геннадием Ивановичем. Геннадий Иванович Михайлов. Это Ростиславу удалось установить с помощью девушки, сидевшей за пишущей машинкой в приемной, и теперь он, переступив порог кабинета, деликатно умостился на краешке стула у окна, за которым теснились клетки с волками и лисицами.

— Значит, говоришь, сельхозтехникум? — выспрашивал Геннадий Иванович, навалившись грудью на борт «дредноута», так почему-то Ростислав обозвал про себя директорский письменный стол. — Ветеринарный факультет?

— Я понимаю, лучше бы зоотехнический, но так уж получилось, — басил Ростислав, стараясь понизить регистр, — казалось, бас придает его словам оттенок самонадеянности.

— А еще что за плечами? — продолжал наседать директор, будто зоопарку нужен был не рядовой из рядовых работяга, а по меньшей мере кандидат на пост восприемника хозяина кабинета. — Какой еще багаж в запасе?

— Еще высшее военно-морское училище во Владивостоке. Правда, не в полном объеме: вовремя спохватился, что это не мое.

— Ну, сей багаж не по нашей части, у нас контингент сухопутный, — кивнул Геннадий Иванович на клетки с волками и лисицами. — А вот скажи, собака имеется в доме? Или какая иная живность?

Ростислав, недоумевая, пожал плечами, стал вспоминать:

— Мы до Новосибирска в Куйбышеве жили, там была собака. Овчарка. За нее у нас в семье младший братишка отвечал. За овчарку и за голубей. С нашей крыши по девяносто шесть голубей в небо поднимались.

— А ты сам, ты лично за кого отвечал?

— На мне кролики были, четыреста два ушастика.

— Смотри ты! И где же они в зимнее время у тебя квартировали?

— А в стайке. Я глину с коровяками замешу, соломы добавлю, и айда этим тестом стенки обмазывать. Ушастики не мерзли. Даже новую породу удалось вывести — пепельных, по семи кило каждый. Не один, конечно, над ними мараковал, над этой новой породой, отец подключался…

Директор поднялся, обогнул «дредноут», присел возле Ростислава. У окна, за которым теснились клетки с волками и лисицами.

— Кролы — это, друг мой, домашняя живность, — положил с подкупающей доверительностью руку на плечо. — А вот на медведей не забоялся бы пойти?

— С рогатиной?

— Бог тебя простит этак шутковать! Не с рогатиной — с любовью. Но должен сразу поставить в известность: зарплата тридцать семь рэ.

И — замолчал, все не убирая с плеча руку. И Ростислав тоже не вдруг собрался с ответом, неожиданно вспомнив о той поре, когда в семье вчетвером обходились по очереди одними валенками. Ниспошли тогда им судьба этакий куш — по тридцать семь рэ на душу, они увиделись бы себе богатеями: отцовские сто двадцать мать с трудом растягивала на месяц при наличии семерых едоков.

— Тридцать семь рэ? — все же разрешил себе переспросить Ростислав и, тут же покивав согласно, посчитал нужным определиться: — А что конкретно делать с медведями за эти рэ?

— Обыкновенно: кормить, убирать, мыть клетки… Короче, все то же самое, чем занимался когда-то в Куйбышеве, только подопечные будут называться не ушастиками, а косолапыми.

Шел август 1961 года. А через три месяца, в ноябре, они вновь сошлись в том же кабинете «по кадровому вопросу», директор зоопарка и опекун косолапых, и первый, навалившись грудью на борт «дредноута», говорил второму:

— Есть мнение, Славик, что ты уже перерос свою теперешнюю должность, давай-ка, брат, приступай к обязанностям ветврача зоопарка…

А спустя четыре года, в 65-м, они вновь сошлись в том же кабинете «по кадровому вопросу», директор и ветврач, и первый, навалившись грудью на борт «дредноута», говорил второму:

— Есть мнение, Славик, что ты уже перерос свою теперешнюю должность, давай-ка, брат, приступай к обязанностям заведующего секцией млекопитающих…

А спустя еще два года, в 67-м, они в очередной раз сошлись в том же кабинете «по кадровому вопросу», Геннадий Иванович Михайлов и Ростислав Александрович Шило, и первый, прощально оглаживая палубу «дредноута», говорил второму:

— Есть мнение, Славик, что ты уже перерос свою теперешнюю должность, давай-ка, брат, становись на капитанский мостик нашего корабля, а меня отпусти на отдых.

3

— Доктор, к нам тут пациента доставили — у него стопа прокушена, — так я укол от бешенства собралась поставить, а он…

— Рана большая?

— Зашивать надо.

— Давайте на стол.

— Не ляжет, доктор. Времени, говорит, нету. На стуле, говорит, посижу, пока рану обработаете.

— Посмотрите на него: нету времени! Не совал бы тогда ноги в пасть собакам.

— Собака ни при чем, шимпанзе, говорит, тяпнул.

— О! Где это нелегкая его носила, в Африке, что ли?

— В зоопарке у нас. Он директор нашего зоопарка. Шило его фамилия.

— Вот шилом бы ему в известное место, чтобы не… Послушайте, так мы же с ним, однако, знакомы: этакий здоровяк с необузданной шапкой волос?

— И при усах, — вставила сестра. — Копна волос и усы.

— Точно он. Как-то довелось дежурить на центральной «Скорой», и его к нам привезли с повреждением пяточной кости, гипс ему на ногу накладывали. Только тогда не с обезьяной — со снежным барсом у них что-то произошло…

В кабинет заглянула санитарка, поманила сестру:

— Неслух этот собрался уходить, требует носок и ботинок.

— Как же без перевязки! — всколыхнулась сестра. — Я сейчас…

Врач услышал, шагнул в перевязочную.

— Ну-с, что у вас на этот раз, царь зверей? Помните меня?

Они обменялись дружеским рукопожатием. Врач осмотрел рану, скомандовал сестре:

— Примите у бунтаря пиджак и брюки, только трусы, так и быть, оставьте, и — на стол! — Повернулся к пострадавшему: — А вы — со всеми

подробностями про инцидент: чем продиктована агрессия обезьяны, не проявление ли бешенства?

Нет, Ростислав Александрович ни минуты не сомневался, что нервная система у Иржи в абсолютном порядке, просто этому прародителю рода человеческого надоело глазеть на мир из клетки, и он, поднатужившись, раздвинул стальную оплетку. Как говориться, сила есть — ума не надо: одной левой (как, впрочем, и правой) этот «паренек» способен жонглировать грузом под треть тонны.

Вырвавшись на волю, Иржи несколько раз кувыркнулся через голову по асфальтовому покрытию двора, пока не уткнулся головой в необычную преграду: на пути оказался деревянный помост для сварочных работ на верхних ярусах вольер. Обходить преграду расшалившийся юнец посчитал излишним, ухватил массивное сооружение за брусчатую поперечину, вскинул над головой и с размаху хряпнул об асфальт.

Перемахнул через обломки, наткнулся на трехметровую складную стремянку из принадлежностей тех же сварщиков — ломать не стал, просто метнул ее на вершину ближайшей вековой сосны. Там она и осталась, зависнув в хитросплетении ветвей.

На этой стадии загула и преградил директор дорогу удальцу, повелительно выкрикнув:

— Иржи, в зимник!

Зимниками именуются капитальные помещения, предназначенные для содержания животных в холодное время года, и это слово у них на слуху. Однако шимпанзе и не подумал повернуть вспять: поднялся на задние лапы, став сразу полутораметровым верзилой, и, угрожающе хукая, пошел на человека.

Но и человек сделал встречный шаг. Иначе нельзя было поступить: непредсказуемый гулеван мог натворить беды. Сделал шаг, не имея при себе ничего, кроме мужества.

— Иржи, в зимник!

Тот, продолжая хукать, втянул голову в плечи и присел, явно изготовившись к прыжку. Зловеще осклабил клыкастую пасть. И тогда Ростислав Александрович решился — опередил противника, рванувшись вперед и в прыжке сунув в пасть ногу. Правую. Носок ботинка.

Зверь опешил, но не отступил. Челюсти сомкнулись. Хрусткая боль пронзила ступню, человек потерял равновесие — повалился навзничь. И уже в падении изловчился и нанес свободной левой ногой резкий удар по голове обезьяны.

Угодил в подглазье. И, видать, хорошо припечатал: зверь взвизгнул и разжал зубы. Постанывая, опустился на три лапы, четвертой принялся… утирать слезы. Совсем как ребятенок: тыльной стороной ладошки.

— Ладно тебе, дурачок, чего ты! — повинился Ростислав Александрович, поднимаясь. — Мне-то больше твоего досталось.

Взял бедолагу за мокрую от слез лапу, повел, прихрамывая, в зимник.

— Такой вот обмен любезностями у нас получился, — закончил, лежа на операционном столе, свое повествование директор зоопарка и, помолчав, добавил: — Но вы, доктор, можете не сомневаться, никаких признаков бешенства у Иржи нет. Если надо, готов дать подписку, что ответственность за все последствия беру на себя.

Врач дал знак сестре, чтобы та вернула пациенту одежду, освободился от перепачканных кровью резиновых перчаток.

— Все же хочется понять: есть в зоопарке какая-никакая техника безопасности?

— Разве все предусмотришь, доктор? — вздохнул Ростислав Александрович, натягивая брюки. — Я лично попадал в переплеты несчетно. Поначалу вел учет, после второй сотни бросил.

— О какой охране труда после этого можно говорить!

— А вы учитываете, сколько у нас подопечных?.. Впрочем, нет, не с этого надо начать — с библии: там упоминается о животных ста тридцати видов. Так вот, зоопарк в Иерусалиме, символично поименованный библейским, чрезвычайно гордится, что удалось перешагнуть за эту черту и что количество особей у них превысило тысячу…

— Готов лично удостовериться, коли ваш зоопарк оплатит турпутевку в Израиль.

— Проще без всякой путевки прийти к нам: у нас не сто тридцать, а четыреста двенадцать видов, при этом количество особей перевалило за четыре тысячи…

— Ого!

— Это я не из хвастовства, это я к тому, что у каждой особи свой характер, свое восприятие условий обитания. Как ни стараемся расширить жизненное пространство, приблизить по возможности к видимости естественной среды, неволя есть неволя, от этого не уйти…

— Убедили: в ближайшие выходные — я ваш гость.

4

… Из сочинения десятилетней Дианы об одном дне деда:

Моего дедушку зовут Шило — это у него такая фамилия. Он работает в зоопарке.

В этот день у дедушки был большой праздник, потому что росомаха Боксана родила троих сыночков.

Все сыночки очень маленькие. Даже меньше, чем сто граммов. Они все беленькие и совсем-совсем не похожие на свою маму.

И еще они пока что слепые. И даже глухие.

Мне очень хотелось их погладить, только дедушка не разрешил.

Дед прочитал, сказал:

— И чего тебе втемяшилось про меня писать? Напиши-ка лучше о маме. Или вон Андрей — тоже поинтереснее может получиться. А это твое творение пусть останется мне на память…

СПРАВКА

1. Территория Новосибирского зоопарка 53 гектара (в Москве 16), зоопарк ежегодно одаривает радостью общения с братьями нашими меньшими до 800 тысяч человек.

2. Коллектив зоопарка участвует в 32 международных программах по сохранению редких и исчезающих представителей животного мира. Из 412 имеющихся здесь видов 120 занесены в Международную Красную Книгу.

3. Впервые в мировой зоологической практике новосибирцы сумели обеспечить появление на свет и выживание потомства речной выдры, перевязки (семейство куньих), азиатской дикуши (семейство тетеревиных), камчатского снежного барана. Новосибирский зоопарк, помимо этого, оказался единственным, где смогли прижиться путоранский баран (уже давший потомство) и гордый архар (аргали).

4. В 1945 году в Антверпене (Бельгия) была создана под эгидой ЮНЕСКО Всемирная Организация Зоопарков, куда вошли руководители самых образцовых коллекций животного мира. Прием новых членов в дальнейшем велся поименно (учитывался научный багаж каждого из претендентов), и к 1996 году списочный состав достиг 176 человек. Ну а членский билет за N 177 получил в том году Ростислав Александрович Шило (52 исследовательские публикации в России, Финляндии, Германии, США, 9 открытий в сложнейшей сфере поведения и послеродового развития ряда животных — с докладами по этой тематике посетил по приглашению научной общественности 25 стран). Инициаторами приема сибиряка выступили директора знаменитых европейских зоопарков — Венского (доктор Хельмут Пикляйнер), Дрезденского (доктор Хуберт Люкер), Аусбургского (доктор Михель Гаргаз). Голосование по приему происходило в атмосфере полного единодушия.

Вторым россиянином в составе Организации стал в 1999 году директор Московского зоопарка Владимир Владимирович Спицын.

5. В необъятной России сегодня насчитывается 22 зоопарка (включая 8 микроскопических в городах-ящиках), в микроскопической Японии — 77, в ошалевших от изысков технического прогресса Соединенных Штатах Америки, коим, вроде бы, не до «телячьих нежностей» — около 500…

ПРИМЕЧАНИЕ

Ростислав Шило из князей Тенишевых, шестое поколение от документально подтвержденной точки отсчета (1695 год).

Геннадий ПАДЕРИН

Без скидок на слабый пол

Какие бы испытания не преподносила судьба, человек, обладающий сильным характером, оборачивает опыт во благо. Валентине Павловне Щербаковой, единственной в Новосибирске женщине-руководителю крупного промышленного предприятия, испытаний на долю выпало немало.

На годы ее директорства пришлись распад Союза и упадок экономики, становление новых рыночных отношений и реформирование производства. Под ее руководством «КОРС» пережил и большой взлет, когда предприятие выпускало в год около пяти миллионов пар обуви, но спрос все равно превышал предложение, и годы спада, когда за каждой шкурой КРС буквально «охотились» заготовители нескольких областей, средств на закупку

импортных красителей и химикатов не было, а прилавки Новосибирска оказались заполнены дешевой импортной обувью. Сегодня фабрика прочно закрепилась на рынке, продукция предприятия имеет устойчивый спрос, заработная плата на «КОРСе» — самая высокая среди предприятий легкой промышленности Новосибирска. Но легкой жизни у директора не бывает, и каждый день приносит новые проблемы, новые задачи, которые снова и снова приходится решать Валентине Павловне, опираясь на собственный опыт преодоления экстремальных ситуаций, приобретенный путем долгих испытаний на прочность.

Преодолевать трудности Валя была приучена с детства. Отец ее в родное село Дубровино вернулся с войны инвалидом, тяжело и долго болел, а когда дочке исполнилось восемь, умер от ран. Воспитывала ее мать, которая с четырех утра работала на ферме, и когда возвращалась затемно домой, то сил на собственное хозяйство просто не оставалось. Готовить, вести хозяйство, ухаживать за огородом и за коровой Вале пришлось с раннего детства.

В России женщине всегда было трудно прожить без оптимизма — так получилось, что последние сто лет легкой жизни никому не выпало. Ни бабушкам, на чью долю пришлись годы коллективизации и раскулачивания. Ни матерям, вынесшим на своих плечах каторжный труд во имя победы и послевоенное лихолетье. Ни дочерям их, поколению Валентины Павловны, которые выросли и выучились в условиях «развитого социализма», а потом вдруг оказались в ситуации новых рыночных отношений, и весь накопленный опыт оказался ненужным, и все пришлось начинать заново…

Деревенская девочка, она только себе обязана своей незаурядной карьерой. Всего добилась сама, без льгот, скидок на слабый пол и связей. Благодаря силе духа, ясному уму и умению находить общий язык с самыми разными людьми, с которыми столкнула судьба. А еще — потому что умеет разглядеть за проблемами сегодняшнего дня перспективы будущего развития, никогда не устает учиться новому. Потому что работала с полной отдачей и преодолевала непреодолимое — не ради своей карьеры, не потому, что нравилось быть директором, а всем сердцем болея за родное предприятие и его коллектив, чувствуя свою ответственность за его будущее и силы, чтобы сделать это будущее лучше.

Валентина с детства хотела стать директором. Такой, как любимая учительница литературы Екатерина Александровна Аксакова. Она знала ответ на любой вопрос и ученика, и его родителей, могла решить любую проблему. И всегда, в любую погоду, при любых неприятностях, выглядела гордой и величавой…

— *Наверное, все школьницы мечтают стать учительницами,* — рассказывает Валентина Павловна. — *А я мечтала быть директором. Екатерина Александровна всегда поражала гордой осанкой, спокойствием. И я уже в детстве понимала, что мне надо очень много учиться, чтобы добиться своей цели.*

Когда в десятом классе я уже заканчивала школу, выяснилось, что если пересдать несколько четверок, то я могу претендовать на «золотую медаль». Но я, конечно, отказалась, — улыбается Валентина Павловна. — *Я была уверена, что пересдавать ради медали — это нечестно…*

В Джамбульский химико-технологический институт поступила Щербакова почти случайно. Приехала погостить к знакомым, увидела объявление о наборе студентов. Подумала — почему не попробовать… И поступила. А через два года из армии вернулся Виктор Щербаков, и не захотел отпускать молодую жену в далекий Джамбул. Пришлось переводиться в Новосибирск. По профилю подходил Московский филиал института легкой промышленности. Его и заканчивала. Уже с маленькой дочкой на руках, с мужем-студентом, которому надо было тоже сдавать сессии.

По распределению после института Валентина Щербакова пришла на кожевенно-обувное объединение. Было это осенью 1973 года, почти тридцать лет назад.

Юную выпускницу вуза назначили мастером на производство жестких кож. Видимо, рассудив, что если на этом участке работы девчушка выдержит, то со всем остальным потом точно справится. Существует такая практика обучения плаванию — бросить с лодки в холодную стремнину и посмотреть — если выплывет, то плавать потом будет отменно…

Да нет, наверное, не было таких жестких планов у администрации завода. Просто позарез нужен был мастер в цех, где большинство рабочих составляли бывшие заключенные, и откуда начиналось производство. Вот и обрадовались, когда пришел грамотный специалист. И поверили, что эта девушка, несмотря на молодость и миловидность, обладает достаточной силой воли, чтобы справиться с любыми трудностями. И она справилась.

— *Когда из Москвы эвакуировали завод имени Кагановича, то для временного размещения нашего цеха выбрали пустующие склады, без отопления и вентиляции,* — рассказывает Щербакова. — *Но, как всегда бывает, временное оказалось постоянным, и мы много лет работали в абсолютно неприспособленном помещении. Когда я пришла на завод, объемы переработок были таковы, что приходилось выходить в три смены. Рабочих не хватало, производство вредное, тяжелое. В разгар работы глянешь вокруг — мужики до пояса раздеты, все в татуировках, наколках…*

Но человек ко всему привыкает. И с рабочими моими нашли мы общий язык. Они меня и подбадривали, если дела не шли, и жалели, когда работы много было. Работаем в три смены, уже перед глазами все плывет, они мне советуют: «Ты, Павловна, пойди, поспи на вагонке, мы тебя палаточкой укроем»…

А первую неделю после зарплаты я всегда боялась, что народ на работу не выйдет. Случалось такое. И вот как-то рано утром, едва рассвело, звонок в дверь. Открываю — стоят мужики мои, прогульщики. Глаза красные, вид виноватый… И Коля Сапенко мне говорит: «Павловна, ты не сердись, что мы загуляли. Мы сейчас на работу пошли, так три дня из цеха не выйдем, мы план сделаем…

И ведь делали, и перевыполняли, и занимали первое место по предприятию…

Год она отработала мастером, потом — начальником отделочного цеха. Досконально изучила производство, технологические процессы. Узнала и полюбила коллектив кожзавода. И когда ее пригласили на должность начальника производства на завод хромовых кож, тяжело переживала расставание со своим первым рабочим коллективом.

А через два года ей предложили должность главного инженера объединения. Семидесятые-восьмидесятые годы — время укрепления и объединения. К Новосибирскому кожевенно-обувному комбинату присоединяли обувные фабрики Барнаула, Бийска, Томска, Горно-Алтайска. Должность главного инженера предполагала новый огромный пласт работы, постоянные разъезды и командировки. На семью с трудом, но находилось время. На себя — его практически не было.

— *Конечно, было трудно*, — признает Валентина Павловна. — *Но я* всегда *любила эту работу, мне было интересно. Для того, чтобы добиться успеха в любом деле, нужно вложить в него всю душу. И я никогда не задумывалась — сколько времени провела в командировках, сколько раз пришлось объяснять или проверять… Главное — работа шла, объединение выпускало обувь, выполняло план… А чего это стоило — касалось только меня и моих близких.*

Но мои домашние меня всегда понимали. Мама приезжала помогать, дочь Ирина рано стала самостоятельной, вела хозяйство. Да и сам Виктор Васильевич — человек достаточно увлеченный своим делом, понимающий.

И потом — пусть времени всегда было немного, но зато я когда дома — занимаюсь именно домом. Люблю наводить уют, придумывать детали интерьера. Люблю готовить, особенно пироги печь. И сегодня зять с внуком специально на пироги ко мне приходят… Торты стряпать не так люблю. А пироги — это мое коронное блюдо…

Почему-то у нас долгое время считалось, что женщина должна выбирать — или домашний уют и семейные радости, или успешная карьера, интересная работа… Это неправильно. Почему я должна выбирать, если хочу иметь и то, и другое?

В 1985 году Валентина Павловна Щербакова назначена генеральным директором объединения. Казалось бы — вот достойный венец карьеры, вре-

мя обобщать опыт и пожинать лавры. Но кто же знал, что именно 1985 станет переломным, что страна и ее экономика изменятся настолько, что впору начинать все сначала…

Впрочем, Щербакова успела хлебнуть проблем еще и с плановой экономикой, когда основной задачей директора было обивать пороги московских кабинетов, выпрашивая то честно заработанную зарплату, то необходимое для нормальной работы оборудование, то материалы. Знаменитые индийские заготовки к тем синим сапожкам со шнуровочкой, которые с восторгом раскупали в конце восьмидесятых, Щербакова сумела «пробить» только благодаря тому, что была делегатом XXVII съезда партии…

В 1991 году все цеха перешли на коллективный подряд, затем на фабрике начался процесс акционирования. 27 декабря 1991 года в числе первых семи предприятий Новосибирска «КОРС» стал акционерным предприятием, и теперь рассчитывать можно было только на себя.

— *Мы с 1985 года активно работали с зарубежными поставщиками,* — рассказывает Валентина Павловна, — *сотрудничали с предприятиями* Китая, *Югославии, Индии, Вьетнама. И когда обрели самостоятельность, постарались закрепить эти отношения. После акционирования, когда перестали зависеть от плановых поставок, с одной стороны появилась больше свободы выбора, мы обрели возможность заключать договоры, сами выбирать поставщиков. Но с ними нужно было расплачиваться валютой, остро встала проблема денежных средств. Мы быстро поняли, что единственный способ быстро получить реальные деньги — торговать самим. И начали открывать свои фирменные магазины. Создали на фабрике отдел маркетинга, стали изучать своего покупателя.*

Конечно, все это было не так просто, пришлось менять психологию, привычные ориентиры и приоритеты. Щербакова прекрасно понимала, что новое время требует новых решения, новых знаний. Она окончила Академию народного хозяйства в Москве. Стажировалась в ФРГ, прошла курс в Гарварде. Многому пришлось учиться самой и учить других.

— *Я увидела, что люди живут и работают совсем не так, как привыкли мы,* — рассказывает Валентина Павловна. — *Мы десятилетиями считали,* что *главное в производстве — выполнить план. И менять психологию очень нелегко. Нас учили искать новые рынки сбыта, продавать товар, выстраивать ценовую и рекламную политику. Но учили нас в основном на примерах развитых западных стран, а у российского рынка свои особенности. Их пришлось осваивать на практике. Самое сложное — изменить психологию, подход к делу. Для того, чтобы люди выдерживали технологию производства, пришлось подробно объяснять особенности склеивания, почему при подклейке трикотажа к коже должна соблюдаться одна температура, а при склеивании текстильной подкладки другая… Работали с каждым индивидуально, при этом молодые работники, ученики проще воспринимали новые требования. Основные усилия пришлось затратить на переориентацию старых мастеров. Им труднее всего было от-*

казаться от привычных форм работы… И это касалось не только рабочих на конвейере.

Обувная промышленность — очень сложное производство. Необходимы поставки кожи и качественных технологий ее переработки. «КОРС» во многом выигрывает благодаря собственному кожевенному производству, однако после дефолта закупка дубильных и красящих препаратов обходится недешево. Собственные российские красители не разработаны, никто не хочет инвестировать отечественную легкую промышленность, потому что нужны громадные суммы на реконструкцию, техническое переоснащение, введение новых технологий. Нелегко найти качественные составляющие — подошву, колодки, фурнитуру. Импортные слишком дороги, а отечественное производство так и не налажено в достаточном объеме.

Обилие импортной обуви на прилавках магазинов тоже сыграло свою роль в снижении объемов выпуска отечественного товара.

— Никто не спорит, здоровая конкуренция только на пользу развитию предприятия, — говорит директор «КОРСа». *— Но речь идет уже не о конкуренции, об экспансии. Во всем мире существуют законы в поддержку отечественного производителя, а мы пока только говорим о необходимости их принятия… Конечно, рынок развивается, становится более цивилизованным. Но у нас нет времени ждать перемен. Завоевание рынка — процесс сложный и болезненный. Западные фирмы десятки лет развивали производство, чтобы добиться успеха. У нас не было времени на раскачку. Заработную плату работникам и налоги мы должны платить уже сегодня, сейчас. И думать о перспективах развития, вкладывать деньги в развитие новых технологий, в профессиональную подготовку работников — тоже.*

Управление предприятием в новых условиях требует нового подхода к бизнесу. Но при этом Щербакова уверена — бездумно отбрасывать весь опыт предыдущих лет, традиции предприятия — нельзя.

— Я горжусь тем, что за все трудные годы становления рынка мы ни разу не задерживали заработную плату, — подчеркивает Валентина Павловна. *— Что мы сумели сохранить ряд социальных льгот, что наши сотрудники имеют возможность пользоваться медицинской помощью в своей поликлинике, водить малышей в детские сады. Я рада, что у нас продолжают сохраняться трудовые династии, что дети старейших сотрудников фабрики приходят на «КОРС» в качестве молодых специалистов, что люди считают коллектив фабрики своей семьей. Мы стараемся сохранять традиции предприятия. Мы помним ветеранов фабрики и стараемся поддерживать их. У нас по-прежнему подводятся итоги соревнования, лучший сотрудник получает звание «человека месяца», «человек года». Мы стараемся строить свою работу так, чтобы каждый осознавал свою ответственность за дело, мог видеть свой вклад в развитие «КОРСа».*

В науке управления есть такое понятие «менеджмент роста» — это когда управление производством нацелено не на выживание, а на развитие. Когда

обстоятельства превращают в возможности, ищут выход, опираясь на собственные силы, и, точно представляя перспективы, не боятся рисковать. Детский ассортимент обуви был всегда для фабрики социальным заказом. Продукция для детей сверхприбылей не приносит, многие отечественные производители, получив свободу выбора, отказались от детского ассортимента. «КОРС» не только его расширил, охватив своей продукцией практически все возрастные группы, но и не стал ради удешевления изготавливать детскую обувь из синтетических материалов. Да, особых прибылей эта продукция не приносит. Но и в убыток себе фабрика никогда не работала. А сегодня детская обувь стала фирменным знаком «КОРСа», даже итальянцы заинтересовались ассортиментом Новосибирской фабрики, хотели закупить несколько партий. Но в Италии защита отечественного производителя поставлена на высшем уровне. Так что «КОРСовские» туфли и ботинки на рынок не пустили, хотя на всех выставках отмечали неоднократно.

Во времена дефицита, когда важно было обеспечить сибиряков обувью, за сезон на потоке отшивали три-четыре модели. Сегодня освоили многоассортиментный запуск, работают одновременно над десятком моделей.

Продукция «КОРСа» — не модельная обувь. Это — обувь на каждый день для покупателя среднего достатка, она изготовлена из натуральной кожи, имеет широкий ассортимент, рассчитана на разные слои населения. Предприятие работает под лозунгом «Обувь из натуральной кожи для всей семьи», и в фирменных магазинах и отделах «КОРСа» всегда многолюдно. Сегодня представительства новосибирской фабрики есть в Москве и Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Мурманске. Около 500 оптовых покупателей распространяют продукцию «КОРСа» в разных регионах страны. Эта торговая марка хорошо известна в Норильске и Якутске, Омске и Тюмени. И такими далекими кажутся времена, когда работники фабрики вынуждены были сами выходить на улицу и продавать свою продукцию, чтобы получить наличные деньги.

Но о трудностях Щербакова предпочитает не вспоминать.

— *Я всегда верила в то, что мы найдем свой путь,* — делится Валентина Павловна. — *Главное — не опускать руки, работать. Если люди верят в свой успех, любят свое дело, все и получится. А трудности — они есть всегда. То не было красителей, то сапоги зависли, то сложности с налогами… Просто я стараюсь не оставлять в памяти плохие даты, надо ценить хорошее. Поработали хорошо на ярмарке, разработали новую модель… Я вспоминаю эти счастливые мгновения.*

Евгения БУТОРИНА

Содержание

К. Гиберт. Сто десять имен. 3

Л. Семенова. Али (АЛИДЖАНОВ А.Х.) 8
Е. Плитченко. С энергией атома в душе (БЕЛОСОХОВ А.И.) 19
Н. Синиченко. А завтра новые дела… (БРЕДИХИНА Н.А.) 25
Г. Сасса. В отдельно взятом селе Верх-Ирмень (БУГАКОВ Ю.Ф.) 35
И. Косарева. Мост в будущее (БУДАГОВ Г.М.) 44
Р. Нотман. «Необычное должно вызывать интерес...» (БУДКЕР А.М.) 50
Е. Буторина. Из поколения героев (ВАНАГ Г.А.) 59
А. Верин. Товарищ генерал (ВЕДЕРНИКОВ А.П.) 68
Т. Иванова. Архитектура — не профессия, а состояние духа (ВОЛОВИК А.А.) .. 82
Н. Соковикова. Любовь Гершунова, любовь… (ГЕРШУНОВА Л.В.) 91
Л. Соколова. Без права на поражение (ГОРБ А.Н.) 101
Т. Коньякова. Тайна пшеничного зернышка (ГРИБОВСКИЙ С.А.) 112
З. Ибрагимова. Притяжение мастера (ГРИЦЮК Н.Д.) 121
Т. Афанасьева. Артиллерист-электронщик (ДЕРЯЖНЫЙ Е.Ф.) 132
Е. Богач. Дороги, которые мы выбираем… (ЕЛЕЗОВ А.Б.) 138
А. Косенков. Разговор с сыном (ЖЕНОВ В.Г.) 148
А. Антонов. Город его мечты (ИВАНОВ Н.М.) 164
Н. Синиченко. Директор на новые времена (КАНИСКИН Н.А.) 177
В. Дегтярев. Красный директор (КОЗЛОВ В.В.) 187
Л. Тучина. Своими руками... (КОЛЕСНИЧЕНКО А.А.) 195
Е. Буторина. Дар вести за собой (КОЛОНДА Г.Е.) 203
А. Сурнин. В погоне за Луною (КОНДРАТЮК Ю.В.) 210
Г. Сасса. Вехи на трассе (КОРОБЕЙНИКОВ В.И.) 221
Н. Егорова. Знаток лесов и трав (КРЫЛОВ Г.В.) 229
И. Косарева. Бесценный дар потомкам (КРЯЧКОВ А.Д.) 238
Г. Кайгородов. Свежесть родниковая (КУДРИН Н.М.) 247
З. Ибрагимова. Сибириада академика Лаврентьева (ЛАВРЕНТЬЕВ М.А.) 257
Н. Александров. Романтический прагматик (ЛИТВИНОВ Н.П.) 267
А. Косенков. Последний вопрос (МАГАЛИФ Ю.М.) 275
А. Дмитриев. Путь к гармонии (МЕЗЕНЦЕВА Н.Г.) 287
Г. Шварцев. «Готов положить все силы…» (МИХАЙЛОВСКИЙ К.Я.) 295
Т. Афанасьева. «Продела голос сквозь игольное ушко…» (МЯСНИКОВА Л.В.) 302
Т. Анина. «Я знаю — город будет!» (НАЧАРОВ П.П.) 311
Г. Падерин. Эпоха Никольского (НИКОЛЬСКИЙ Н.П.) 319
И. Косарева. Один за всех и все за одного (ПАШКОВСКИЙ В.Ф.) 324

В. Марсаков. Один день — и вся жизнь (ПЕРШИЛИН К.Г.) 332
Е. Городецкий. Дорога к Богу (ПЛИТЧЕНКО А.И.) 339
Т. Афанасьева. История не терпит суеты (ПОКРОВСКИЙ Н.Н.) 350
Г. Кроних. Высокая судьба (ПОКРЫШКИН А.И.) 358
И. Цифорин. Строитель Оперного (ПОЛЫГАЛИН С.А.) 367
И. Фоняков. «Светлейшему Очернителю…» (САМОХИН Н.Я.) 375
В. Марсаков. Настырный Скрыпник (СКРЫПНИК Я.М.) 383
А. Косенков. Рыцарь смутного времени (СОИНОВ А.Н.) 391
М. Щукин. Яркий след большой звезды (СОЛОВЬЕВ В.И.) 402
И. Цыплаков. Истый сибиряк из Хорватии (СТАНЧИЧ И.Л.) 410
И. Косарева. Дорога к храму (ТИХОМИРОВ Н.М.) 416
Т. Иванова. Перед Богом обязан (ТИХОН, Архиепископ Новосибирский и Бердский) 421
А. Дмитриев. За 30 минут до эфира (ТОЛОКОНСКИЙ В.А.) 433
Р. Нотман. «Триллионер» с несдающейся душой (ТРОФИМУК А.А.) 447
Л. Соколова. Чтобы дорога «ехала» (ТРУБНИКОВ И.Е.) 456
Е. Богач. Мы каждый день строим город будущего... (УРВАНЦЕВ В.П.) 468
Е. Костина. Начальник железной дороги (ЦЕЛЬКО А.В.) 478
Л. Тучина. Жизнь на грани (ЦИВЬЯН Я.Л.) 486
Г. Падерин. Звериный нянь (ШИЛО Р.А.) 493
Е. Буторина. Без скидок на слабый пол (ЩЕРБАКОВА В.П.) 504

СОЗИДАТЕЛИ
Книга очерков
Том 1

Компьютерный набор и верстка О. Санбельгина
Корректор И. Литвинова

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз.
Заказ □

Отпечатано